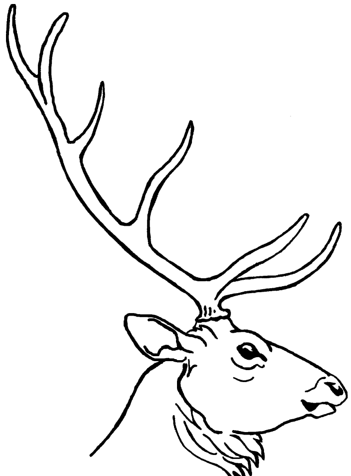
МОСКОВСКИЕ ТЕРИОЛОГИ



2001

УДК 599/92
ББК 28.6

Московские териологи

Ответственный редактор: О.Л. Россолимо
Редколлегия: О.В. Волцит, И.Я. Павлинов, В.Е. Флинт

Московские териологи / Ред. О.Л. Россолимо. М.: изд-во КМК, 2001. 771 с.

В книге представлены краткие очерки о жизни и научной деятельности крупнейших московских ученых, внесших значительный вклад в отечественную и мировую териологию. Очерки содержат факты биографии, основные итоги научной деятельности, характеристику личных качеств, воспоминания. Всего в книгу включены очерки о 53 териологах, работавших в научных учреждениях Москвы на протяжении XX века. Авторы очерков — соратники, ученики, последователи, друзья этих замечательных людей.

ISBN 5-87317-089-4

© Зоологический музей МГУ, 2001

Посвящается 250-летию
Московского университета

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чуть менее трех лет прошло со дня выхода в свет книги «Московские орнитологи». Ее публикация стала заметным событием в жизни не только московских, но и всех российских орнитологов. Я получил многие десятки писем с выражением горячей благодарности и авторскому коллективу, и Зоологическому музею МГУ, взявшим на себя нелегкий труд по формированию и публикации этой книги. Она действительно ознаменовала историческую и поэтому драгоценную веху в развитии отечественной орнитологии.

Я счастлив и горд представить читателю вторую из задуманной серии книгу, посвященную териологам-москвичам. Одна из задач этой книги — раскрытие исторической роли московских териологов.

Московские ученые были лидерами во многих разделах отечественной териологии, а московскую школу с достаточными основаниями можно считать колыбелью всей российской териологической науки. Становление и развитие таких разделов териологии, как систематика млекопитающих, экология и сравнительная анатомия, фаунистика и зоогеография, тесно связано с именами московских териологов XX в. Именно в Москве зародились такие направления науки, как медицинская териология и кариосистематика млекопитающих. Москвичам (если оставить в стороне знаменитые ЗИНовские «черную» и «серую» фауны) принадлежит первенство в создании общих сводок и отдельных монографий по млекопитающим как в региональном,

так и в более широком плане. Особый вклад московские териологи внесли в изучение млекопитающих Монголии, благодаря их усилиям отечественные коллекции пополнились ценнейшими материалами из Вьетнама, Эфиопии, Перу.

Московские териологи стали и пионерами выхода российских ученых на международную арену в области охраны животного мира, основными инициаторами создания Красной книги СССР и интенсивной работы по сохранению редких видов, укрепления и расширения сети заповедников. Наконец, москвичи стали первопроходцами и в объединении териологов нашей страны, создав Всесоюзное териологическое общество, работа которого знаменовала новый качественный этап в развитии отечественной териологии. Я не хотел бы быть обвиненным в апологетике Москвы, в излишнем патриотизме или в забвении заслуг других териологов, но беспристрастное чтение предлагаемой книги будет способствовать пониманию моей правоты.

Книга «Московские териологи» имеет аналогичную структуру и те же принципы подбора авторов из числа современников и очевидцев, что и книга, посвященная московским орнитологам. При определении авторского коллектива редколлегия придерживалась уже зарекомендовавшего себя принципа — приглашать к сотрудничеству (конечно, по мере возможности) тех наших современников, кто лично был хорошо знаком с отцами российской териологии, их учеников и последователей. Этот подход позволил создать уникальную галерею портретов отечественных териологов, оттенить их самобытность и колорит, выпукло обрисовать их заслуги и личный вклад в науку. Не будет преувеличением сказать, что в книге развернута впечатляющая панорама российской териологии XX столетия. Мы многим обязаны этим авторскому коллективу: ведь писать об учителях — это не только большая честь, но и очень серьезная ответственность и все авторы заслужили самой высокой оценки.

Нелегкой была задача и отобрать среди московских териологов тех, очерки о которых было необходимо или желательно включить в книгу. Если в отношении таких выдающихся ученых, как С.И. Огнев, В.Г. Гептнер, В.И. Цалкин, А.Г. Томилин и другие неоспоримые «классики» териологии, сомнений не возникало, то в других случаях они были. Не всегда удавалось провести четкую грань между териологами и орнитологами: например, Л.П. Сабанеева, С.В. Кирикова или С.М. Успенского с равным правом можно считать и орнитологами, и териологами. Если про таких ученых в книге «Московские орнитологи» приведены полноценные биографические очерки, редколлегия сочла за благо не воспроизводить их здесь, а дать только краткие «выжимки». Про некоторых териологов не оказалось достаточных биографических материалов, и их имена на страницах книги, к сожалению, отсутствуют.

Время безжалостно, а человеческая память — на удивление хрупкий инструмент. Особенно остро ощущаешь это сейчас, когда жизнь так резко и так кардинально изменилась, когда недавнее еще прошлое стало вдруг таким далеким и таким непохожим на нашу современность. И все же мы, зоологи старшего поколения, любим свою ушедшую эпоху, любим свое прошлое, каким бы сложным и неоднозначным оно ни было. Мы любим и помним своих ушедших учителей, своих ушедших друзей и соратников. Через годы и десятилетия они остаются для нас живыми, мы помним их так, будто расстались с ними вчера. Для нас, старшего поколения териологов, подготовка этой книги была точно волшебная встреча с ними. С теми, с кем мы когда-то переживали радости и печали, успехи и неудачи, минуты разочарования и счастья. Именно обо всем этом мы стремились рассказать в этой книге.

Увы, хотя сами имена основоположников отечественной териологии еще известны новому поколению российских зоологов, воспринимаются они в большинстве случаев как некая абст-

ракция. А ведь в них, в этих прекрасных людях — истоки наших знаний, наших идей, истоки всей нашей науки. И именно свидетельства очевидцев сохраняют историческую память, они могут во всей полноте передать не только дух самой эпохи, но и нюансы взаимоотношений конкретных личностей, детали их биографий, круг их интересов и масштабы научной работы. Поэтому прочитать предлагаемую книгу, познакомиться с Учителями хотя бы даже в такой форме — это своего рода моральный долг каждого молодого териолога.

Мне очень нравятся обе книги — и «Московские орнитологи», и «Московские териологи». Я горд тем, что принимал участие в их подготовке.

В.Е. Флинт

*****

В текстах очерков мы старались максимально сохранять авторскую стилистику.

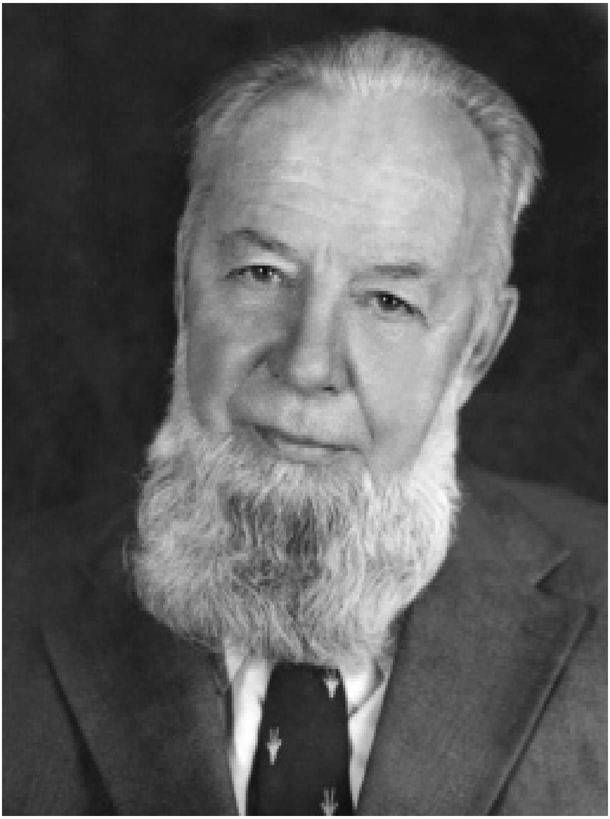
Многие научные учреждения (например, Пушно-меховой институт или Всесоюзный научный институт охотоведения), в которых работали герои очерков неоднократно меняли свои названия. Чтобы не загромождать текст пояснениями, мы оставляли те названия, которые были приведены авторами.

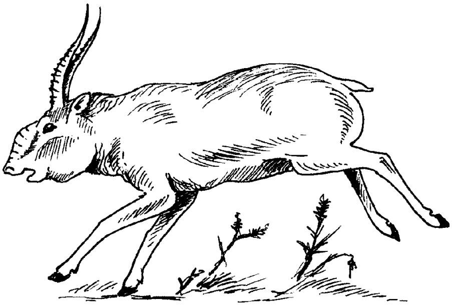
В обсуждении первоначального варианта списка териологов, о которых следовало бы написать в этой книге, принимал участие Л.Н. Мазин. Большую работу по редактированию текстов провела Т.В. Властовская. Рисунки выполнены С.В. Крускопом. Мы искренне благодарны В.В. Бибиковой и О.К. Гусеву за помощь в подборе литературы и фотографий териологов. Большую помощь в поисках литературных материалов оказала библиотекарь Зоомузея Н.М. Комарова. Наша глубокая признательность — всем родственникам и друзьям героев очерков, предоставившим архивные материалы и поделившимся своими воспоминаниями.

Редколлегия

АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ БАННИКОВ

1915–1985





В блестящей плеяде российских зоологов, сложившейся в предвоенные и послевоенные годы, совершенно особое место принадлежит профессору Андрею Григорьевичу Банникову. Разносторонние дарования, нестандартный круг интересов, огромный опыт полевых исследований и экспедиционной работы, своеобразный патриотизм обусловили его обширный, в своем роде уникальный вклад в науку, образование, охрану природы, принесли ему исключительно широкую популярность, бесспорный авторитет в области международной работы по сохранению и рациональному использованию животного мира.

Родился Андрей Григорьевич 24 апреля 1915 г. в Москве, в старой интеллигентной семье. Как это нередко бывает, интерес к природе возник у него еще в самом раннем детстве, во время прогулок с матерью. Любовь Асафовна, художник и специалист по театральным костюмам, была вместе с тем и тонким знатоком растений средней полосы России. Именно мать впервые показала ребенку красоту цветов, научила различать голоса птиц в весеннем лесу.

Отец, Григорий Хрисанфович, юрист по профессии, был следующим учителем будущего зоолога. Страстный охотник и знаток охотничьих собак и ружей, он с раннего детства стал брать сына на охоту, и это окончательно сформировало мировоззрение мальчика. Много позже сам Андрей Григорьевич так вспоминал свое детство: «Когда мне исполнилось семь лет, отец стал брать меня на весеннюю охоту. Никогда не забуду, как я стоял около него на тяге, напряженно вслушиваясь в песни дроздов, всматриваясь в гаснущую зарю, глядя на дробящиеся в весенних лужах отражения звезд и ожидая заветного хорканья вальдш-

непа. Непередаваемый запах вышедшей из-под снега земли навсегда запал в душу, породил интимную близость к природе». Эта близость сохранилась у Андрея Григорьевича на всю жизнь. Немалое значение имело и чтение книг о природе и животных, которые хранились в домашней библиотеке Банниковых.

Первой школой систематического изучения животных для Андрея Банникова стал знаменитый кружок юных биологов зоопарка (КЮБЗ), куда он поступил осенью 1926 г. в возрасте 11 лет. Кружком руководил замечательный педагог и выдающийся ученый П.А. Мантейфель, который не только знакомил ребят с животным миром, но и настойчиво приучал их к систематической работе по изучению животных, учил организовывать работу, вести наблюдения и регистрировать их результаты, а также собирать зоологические коллекции. Годы работы в кружке стали для Андрея Банникова прекрасной школой для будущих экспедиционных исследований.

Но все это, включая работу в КЮБЗе, было подготовкой к настоящей жизни! Эта настоящая жизнь началась в 1931 г., когда Андрей Банников закончил школу и приступил к работе в качестве препаратора зоологической экспедиции, отправленной на Дальний Восток. Ему было тогда всего 16 лет!

В его обязанности входили сбор коллекционных материалов по птицам и млекопитающим, наблюдения за енотовидной собакой и пятнистым оленем, а несколько позже, уже осенью, изучение пролета птиц на озере Ханка. Экспедиция продлилась около шести месяцев, в течение которых молодой зоолог подолгу жил в полном одиночестве, питаясь лишь тем, что добывал ружьем. Результаты научных сборов этой первой экспедиции получили очень высокую оценку. Такое раннее приобщение к экспедиционной работе сделало А.Г. Банникова первоклассным полевым исследователем. Следует добавить, что он стал замечательным фотографом и многие его снимки получили мировое признание.

Последующие три года также были насыщены длительными и дальними экспедиционными поездками. Он побывал на Крайнем Севере, в Сибири, в пустынях Средней Азии и Казахстана, а между экспедициями работал экскурсоводом в Московском зоопарке, к которому на протяжении всей жизни питал особо теплые чувства. Много времени в этот период уделял Андрей Банников подготовке в университет, проводя за учебниками и книгами все свободное время.

В эти же годы началось его знакомство с Зоологическим музеем Московского университета, где он определял коллекции, собранные в экспедициях.

В 1935 г. А.Г. Банников стал студентом Московского университета. Здесь работали тогда такие прославленные ученые, как С.И. Огнев, Б.С. Матвеев, А.Н. Дружинин, И.И. Шмальгаузен и многие другие. Это обеспечило Андрею Григорьевичу прекрасную научную подготовку, содействовало формированию основных научных интересов молодого зоолога, среди которых ведущее место заняли систематика, зоогеография, экология наземных позвоночных животных, в первую очередь млекопитающих, рептилий, амфибий. Будучи студентом, А.Г. Банников принимал участие в экспедициях на Южный Урал и европейский Север, в Дагестан и Азербайджан. Первая его самостоятельная научная работа о зимовках лягушек была опубликована в 1940 г. в сборнике научных студенческих работ. За нее молодой ученый получил персональную стипендию им. академика А.Н. Северцова и был удостоен премии МГУ. Последовавшая затем дипломная работа была посвящена морфологии и экологии черепах Кавказа. Решением кафедры зоологии позвоночных ее было предложено доработать и представить в качестве кандидатской диссертации. Однако этому не суждено было сбыться так скоро: в мае 1941 г. Андрей Григорьевич закончил учебу в МГУ, а в июне разразилась война. Все планы на ближайшее время рухнули.

В июне 1941 г. А.Г. Банников добровольцем вступил в ряды Красной Армии. Однако в 1942 г. он был демобилизован как научный работник и возвращен в Москву. Здесь в июле того же 1942 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию, а в августе был командирован в Монгольскую Народную Республику для организации первого монгольского университета. Начинался новый жизненный этап, одна из самых замечательных страниц в биографии А.Г. Банникова.

Работа предстояла огромная и помимо решения ряда чисто организационных вопросов включала чтение лекций по зоологии, анатомии, гистологии, генетике и эволюции. Да и организационные вопросы требовали почти нечеловеческих усилий. Все нужно было начинать с самого начала: подготовку учебных планов и программ, создание учебников, изготовление учебных препаратов и коллекций, формирование библиотеки. А.Г. Банников исключительно успешно справился со всеми этими трудностями, и в результате первый монгольский университет в Улан-Баторе получил права гражданства. Монгольское правительство высоко оценило заслуги Андрея Григорьевича и в 1945 г. присудило ему высшую награду республики — орден Полярной Звезды.

Однако деятельность А.Г. Банникова в Монголии отнюдь не исчерпывалась работой по созданию университета. Он нашел время и возможности провести капитальное исследование фауны и природы этой страны, причем особое внимание было уделено фауне млекопитающих. Экспедиции охватили все физико-географические районы страны. Общая протяженность маршрутов, проделанных в исключительно трудных условиях, составила более 20 тыс. км. В результате этих экспедиций были найдены десятки новых для Монголии видов животных, впервые составлены карты ареалов, изучены численность и биологические особенности многих видов не только млекопитающих, но и птиц, рептилий и амфибий. Нужно отметить, что А.Г. Банников

не был «зоологическим первопроходцем» в Монголии. В 1930-х гг. там уже работала многолетняя американская экспедиция, одним из результатов которой явилась, в частности, монография Гловера Аллена «Млекопитающие Китая и Монголии» в двух томах общим объемом более 1300 страниц (1938–1940). То, что Андрею Григорьевичу удалось на этом фоне многократно расширить наши знания о млекопитающих страны, прежде всего свидетельствует о его непревзойденном таланте полевого исследователя, о высочайшей квалификации как систематика, фауниста, эколога.

Монография А.Г. Банникова «Млекопитающие Монгольской Народной Республики» увидела свет в 1954 г. Изданию предшествовала длительная и скрупулезная обработка всех собранных материалов, к которой Андрей Григорьевич приступил сразу по возвращении в Москву в 1946 г. Публикация книги стала сенсацией в научном мире как у нас, так и за рубежом. Имя А.Г. Банникова как териолога прежде всего связывается именно с этим его трудом, который получил премию Московского общества испытателей природы. Можно со всей ответственностью утверждать, что ни до, ни после публикации монографии не появилось ничего подобного ей среди достаточно обширной литературы по млекопитающим Монголии. Это была книга его жизни! Следует заметить также, что еще в рукописи она была представлена в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук и успешно защищена автором в 1952 г.

Вскоре после возвращения из Монголии, в 1947 г., А.Г. Банников по приглашению профессора С.И. Огнева начал работать в Городском педагогическом институте им. В.И. Потемкина и с тех пор уже не оставлял педагогическую деятельность. В 1960 г. в связи с закрытием института А.Г. Банников стал заведующим кафедрой зоологии Московской ветеринарной

Академии. К педагогической деятельности он относился с поразительной ответственностью, неизменно готовился к каждой лекции, иллюстрируя ее новыми материалами и фактами. Он нередко говаривал: «Преподавательский хлеб — трудный, тяжелый хлеб». И в этом высказывании глубокая правда! Исключительно важно то, что Андрей Григорьевич с самого начала обучения привлекал студентов к практической работе, к самостоятельным исследованиям, к участию в многочисленных экспедициях. Это заметно повышало уровень профессиональной подготовки самих студентов и аспирантов, а кроме того, позволяло расширять круг основных задач экспедиции за счет их квалифицированной помощи. Именно так А.Г. Банников вырастил собственную школу зоологов, разделявших его научные взгляды и ставших неоценимыми помощниками в научных исследованиях. После кончины Александра Григорьевича кафедре было присвоено его имя.

Прекрасным примером, иллюстрирующим плодотворность такого сотрудничества, стала коллективная работа по изучению биологии сайгака в Калмыкии, проведенная в конце 50-х — начале 60-х гг. Результатом ее являются не только исчерпывающие данные о жизни этого вида копытных, но и разработка программы по охране и устойчивому хозяйственному использованию сайгака. По этим материалам опубликована в 1961 г. интереснейшая коллективная монография «Биология сайгака», позже переведенная на английский язык.

Начало 1960-х гг. стало временем зарождения пристального внимания А.Г. Банникова к заповедникам и проблеме заповедного дела в целом. Он посетил практически все заповедники Советского Союза, на практике изучил их задачи и нужды, укрепил их позиции как важнейшего инструмента охраны природы, животного и растительного мира. А.Г. Банников смог также наглядно показать, что заповедники — это идеальные научные лаборатории в природе, где научная работа продолжается

круглый год и приносит результаты, которых иным путем нигде не получишь. Много усилий (и небезуспешных!) приложил он для расширения и укрепления заповедной сети нашей страны. Его интереснейшая книга «По заповедникам Советского Союза» не только пользовалась успехом у нас, но и переведена на английский язык.

Из млекопитающих наибольшей любовью, если так можно выразиться, были копытные, которым Андрей Григорьевич посвятил одни из своих лучших и интереснейших работ. В поле его зрения, помимо сайгака, постоянно были проблемы изучения биологии лося, бухарского и пятнистого оленей, джейрана, кабарги и многих других, включая лошадь Пржевальского и дикого верблюда. Это не означает, однако, что к другим животным А.Г. Банников был равнодушен. С особым вниманием относился он к изучению амфибий и рептилий, опубликовал по ним ряд важных и во многом новаторских научных работ, включая сводки и определители.

Огромна и многогранна международная деятельность А.Г. Банникова, являющаяся блистательным подтверждением известного постулата о роли личности в истории. Его непререкаемый авторитет, русская мощь и личное обаяние во многом определили стремительное и красивое вхождение нашей страны в русло мирового природоохранного движения, которое невозможно сейчас представить без самой авторитетной организации — Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП). Точно так же немыслимо сейчас представить участие СССР в деятельности МСОП без А.Г. Банникова. Они неотделимы друг от друга в истории развития охраны природы в 60–70-е гг. XX в. Весомое тому свидетельство — участие Андрея Григорьевича в шести Генеральных ассамблеях МСОП, каждая из которых зримо крепила авторитет нашей страны в глазах мировой природоохранной общественности.

В начале 1960-х гг. советские ученые только-только стали появляться на международной арене. В 1961 г. А.Г. Банников стал членом Комиссии по редким видам МСОП, позже возглавил рабочую группу по диким лошадям. На IX Ассамблее в Люцерне (Швейцария, 1966 г.) им была поднята непростая проблема акклиматизации новых видов и их влияния на аборигенных животных. Представительную, почти из 20 человек советскую делегацию на X Генеральной ассамблее МСОП в Дели (Индия, 1969) А.Г. Банников уже возглавлял. Здесь он как-то сразу стал «звездой» ассамблеи. Импозантная внешность, открытый русский характер, некоторая интеллигентная барственность и поразительное достоинство представителя великой державы притягивали к нему множество делегатов и гостей ассамблеи. В Дели он был единогласно избран членом совета МСОП. На трех следующих ассамблеях — в Банфе (Канада, 1972), Киншасе (Заир, 1975) и Женеве (Швейцария, 1977) — весомо проявлялись влияние и авторитет А.Г. Банникова, росло уважение к природоохранной деятельности в Советском Союзе. В Банфе Всемирный фонд охраны дикой природы (WWF) присуждает ему высшую награду — Большую золотую медаль (вручается единственному лауреату раз в три года). Здесь же его избирают, первым из отечественных ученых, вице-президентом МСОП, и в этом качестве он активно работает оба возможных по уставу срока: с 1972 по 1978 г., участвуя в разработке концепции «Всемирной стратегии охраны природы», в подготовке проекта «Хартии Природы». Благодаря авторитету советской делегации на внеочередной XIII Ассамблее в 1977 г. удалось включить в Устав МСОП новый географический регион — Восточную Европу, что гарантировало обязательное избрание в состав Совета представителей СССР и других восточноевропейских стран.

Кульминацией деятельности А.Г. Банникова в Международном союзе охраны природы стала XIV Генеральная ассамблея,

проходившая осенью 1978 г. в Ашхабаде. «Пробивая» непростое решение властей о приглашении многих сотен делегатов очередной ассамблеи в Советский Союз, А.Г. Банников и туркменский зоолог, профессор А.К. Рустамов отчетливо представляли, сколь ответственную и тяжкую ношу они взваливают на свои плечи. Это был отважный и бескорыстный поступок во имя престижа Отечества. Тем более, что Андрей Григорьевич прекрасно знал, что он достиг здесь всех мыслимых для советского ученого высот, навсегда вошел в элиту мирового природоохранного движения. Ему по-человечески хотелось воочию показать многочисленным зарубежным коллегам, что в Советском Союзе многое реально делается для охраны живой природы, что есть немало людей, способных на высоком уровне организовать международный природоохранный форум. Генеральная ассамблея была проведена с блеском — много-много лет спустя видные деятели охраны природы вспоминали Ашхабадскую ассамблею МСОП как одну из лучших в его истории. Красиво и достойно завершалась «эпоха Банникова» в истории отечественного и мирового природоохранного движения XX в. Как нельзя лучше ее характеризует название статьи в юбилейном сборнике «50 лет МСОП» тогдашнего секретаря Союза Джейн Фентон именно об Ашхабадской ассамблее — «Вальс с Банниковым».

Особенно запомнилась участникам форума в Ашхабаде эффектная акция организаторов: каждому (!) делегату была подарена содержательная, роскошно изданная, дорогая «Красная книга СССР», выход в свет которой был специально приурочен к началу ассамблеи. В ее создание был вложен творческий труд большого коллектива специалистов, среди которых видное место занимал А.Г. Банников и как автор обстоятельных очерков по млекопитающим, и как один из инициаторов обсуждения самой этой идеи на государственном уровне. Правительственное решение об учреждении Красной книги

СССР как природоохранного документа было принято по докладу А.Г. Банникова.

Международная деятельность Андрея Григорьевича настолько широка и многогранна, что осветить ее всю просто невозможно. Важно упомянуть только самые значимые вехи: активное участие в реализации Программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера», в подготовке и проведении в 1982 г. Тбилисской международной конференции по природоохранному образованию, деловые контакты с Всемирным фондом охраны дикой природы, перевод на иностранные языки ряда его книг и публикация многих статей по зоологии, экологии и охране природы в авторитетных международных и зарубежных изданиях. В 1976 г. ему присуждается престижная международная премия им. Гете, в 1979 г. — почетный титул Командора Нидерландского ордена «Золотого ковчега», а в 1982 г. — звание Почетного члена Международного союза охраны природы.

60–70 гг. XX в. — это времена, когда мы понемногу узнавали мир, а мир понемногу узнавал нас. За рубеж выезжали тогда редко. И к нам очень внимательно присматривались: что за люди живут за слегка приподнятым «железным занавесом», каковы их характеры, насколько они умны и коммуникабельны? Шаблонная фраза из инструктажа выездных комиссий: «Помните, что Вы представляете страну за рубежом», над которой принято сейчас снисходительно посмеиваться, в те времена отражала реальную ситуацию. Ведь именно через немногих «выездных» очень многие иностранцы постигали всех нас, нашу страну. Так сложилось, что в это непростое время «дороги в Европу» прокладывали известные наши зоологи: Г.П. Дементьев, В.Е. Соколов, А.Г. Банников, которые, и мы частенько были тому свидетелями, «не посрамили земли Русской», достойно и красиво представляли миру нашу страну. Ходячей и, увы, справедливой стала нынче фраза героя замечательного фильма «Бе-

лое солнце пустыни» Верещагина: «За державу обидно». Когда мы работали за рубежом рядом с Андреем Григорьевичем Банниковым, за державу было спокойно.

Поездки А.Г. Банникова по белому свету — это не только заседания, переговоры и приемы, но и возможность увидеть природу разных стран, разных континентов. Путешествовать он любил, ездил много и со вкусом. Считал своим долгом даже нажимать при необходимости на организаторов конференций ради проведения экскурсий для наших делегатов в знаменитые национальные парки и прочие интересные места. Роскошные экскурсии были у нас, к примеру, после заседаний в Киншасе (на озера у восточных границ Заира и в заповедник горных горилл), в Дели (тигровый заповедник Сариска и Национальный парк Казиранга с индийскими носорогами), в Банфе (впечатляющая природа Канады, Ниагарский водопад). А о путешествиях А.Г. Банникова по Восточной Африке и поныне ходят легенды.

Всего Андрей Григорьевич посетил около 30 стран: работал в Южном Китае, путешествовал по Заиру, Танзании, Кении и Уганде в Африке, по Индии и Вьетнаму в Южной Азии, по Канаде и США в Северной Америке, неоднократно бывал во многих странах Европы. И каждая поездка множила число его знакомых и друзей по всему миру.

Большинство наших ученых, признавая важное значение популяризации научных знаний, особенно в области охраны природы, на деле искусно уклоняются от такой трудоемкой и неблагодарной работы. Не таков был А.Г. Банников! Он деятельно откликался на любое предложение провести телевизионную передачу, написать статью в газету или журнал, выступить с докладом. Его перу принадлежит бессчетное количество газетных и журнальных статей о проблемах охраны животного мира, он написал десятки предисловий или комментариев к переводным зарубежным книгам о животных, несколько научно-популярных

книг (часто в соавторстве с его учениками и друзьями). Благодаря Андрею Григорьевичу советскому читателю стали близки имена Бернгарда Гржимека, Пьера Пфеффера, Питера Скотта и других зарубежных борцов за спасение диких животных. А.Г. Банников был постоянным участником популярнейших тогда телепередач «В мире животных» и «Клуб кинопутешествий».

Не может не вызвать изумления общественная и организационная активность А.Г. Банникова. Он был членом бесчисленного множества редколлегий (включая редколлегию журнала «Охота и охотничье хозяйство», к деятельности которого проявлял особый интерес) и редсоветов, ученых и специализированных советов, комиссий, комитетов, коллегий, научных и других обществ (в том числе Московского общества испытателей природы, Всероссийского общества охраны природы, Всесоюзного териологического общества), часто занимая в них ответственные или даже руководящие посты. Удивительно и то, что А.Г. Банников во всех этих общественных органах и организациях действительно работал, а отнюдь не только числился, как часто бывает в жизни. Эта работа приносила определенные плоды: она способствовала созданию широкого круга личных знакомств в самых разных сферах и инстанциях, что, в свою очередь, помогало проводить в жизнь важные для науки или охраны природы проекты и программы, т.е. возводило А.Г. Банникова в ранг государственного деятеля. Личное знакомство в те времена было важным положительным фактором.

Научное наследие Андрея Григорьевича чрезвычайно обширно, разнообразно и вполне соответствует широкому спектру его интересов. Всего перу А.Г. Банникова принадлежит более 400 публикаций. Их перечень включает монографии, учебники и учебные пособия, научные статьи, разного рода публицистику (рецензии, предисловия, комментарии), научно-популярные материалы в журналах и газетах, биографические очерки. В темати-

ческом плане эти публикации охватывают самые разнообразные аспекты биологии и экологии практически всех групп животных, проблемы зоогеографии, эволюции и истории науки, охрану природы, заповедное дело, сохранение редких видов животных, вопросы, связанные с охотой и охотничьим хозяйством, организацию и методику преподавания биологических дисциплин. Оценка всего этого гигантского научного наследия, его более полное использование, несомненно, дело будущего. Сейчас, однако, хочется отметить, что большинство научных статей А.Г. Банникова было опубликовано в престижных, преимущественно академических журналах и изданиях. Немало его работ переведено на иностранные языки. А все это многого стоит!

Такова в самых общих чертах биография А.Г. Банникова. Но биография — это лишь набор фактов с краткой их оценкой. Этого далеко не достаточно, чтобы почувствовать духовную сущность человека, понять его стремления, часто противоречивые и не всегда логичные. О человеке как личности гораздо больше говорят его привычки, образ жизни, обстановка, в которой он живет, круг его друзей и многое другое, что на первый взгляд кажется второстепенным, но в действительности как раз и формирует личность.

Андрей Григорьевич был яркой, монументальной, выдающейся личностью. Его способность всего себя отдавать работе не знала границ, и совершенно невозможно представить себе его предающимся праздности и даже отдыху. Он вставал с восходом солнца и тут же садился за письменный стол, который всегда был завален бумагами, начатыми рукописями, письмами, диссертациями, конспектами, в которых он один лишь мог в считанные минуты найти нужный документ. Рабочий день его заканчивался далеко за полночь. Доброжелательность, отзывчивость, какая-то особая житейская мудрость влекли к Андрею Григорьевичу самых разнообразных людей, дружба с которыми

затем длилась десятилетиями. Среди них в первую очередь нужно назвать его учителей и сверстников, выдающихся ученых Б.С. Матвеева, Г.П. Дементьева, С.С. Турова, В.А. Попова, А.К. Рустамова, С.С. Шварца, Г.А. Новикова, Д.И. Бибикова, С.М. Успенского, а из государственных деятелей — Б.Н. Богданова и Н.В. Елисеева. Тесно дружили с ним и более молодые зоологи — И.С. Даревский, А.А. Кищинский, Ю.П. Язан, С.К. Устинов и многие другие, в том числе все три автора этого очерка. Юбилеи А.Г. Банникова невольно превращались в общий праздник. Однако, несмотря на общую душевную доброту, он был в высшей степени принципиален, требователен к людям и подчас даже резковат. Именно поэтому он так легко наживал себе недоброжелателей, которые не скупились на хулу и порицания. Впрочем, Андрей Григорьевич был выше мелких обид.

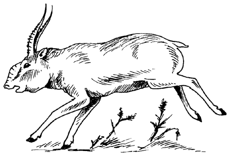
Дом А.Г. Банникова был под стать хозяину. Его кабинет больше всего напоминал музей быта XIX в., где основной фон интерьера определяли, конечно, книги — тысячи книг, составлявших замечательную личную библиотеку Андрея Григорьевича. Он не был коллекционером в полном смысле этого слова, но любил произведения искусства и различные раритеты, которые всегда привозил из экспедиций и зарубежных поездок. Поэтому в его кабинете подлинные полотна Степанова гармонично и мирно соседствовали с масайскими копьями и рогами африканских антилоп, а старинные миниатюры — с малайскими и монгольскими ножами. Кабинет этот всегда поражал каким-то особым уютом, и царивший в нем художественный беспорядок создавал ощущение спокойного комфорта.

В квартире Банниковых всегда были охотничьи собаки. С годами Андрей Григорьевич охладел к охоте «по перу», но держал, точно в память детства, ирландских сеттеров и вечерами подолгу гулял с ними в окрестностях дома, погруженный в какие-то свои мысли.

Характерной чертой Андрея Григорьевича было неизбывное, истинно русское гостеприимство. Редкий вечер у него не было двух-трех посетителей, которых всегда ожидала вкусная еда и неизменная «рюмка чаю». Многие из этих гостей, особенно приезжие, находили тут же, на диване, прекрасный ночлег.

Отчизна высоко оценила научные, преподавательские и международные заслуги А.Г. Банникова. Он был награжден, помимо зарубежных орденов и медалей, орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и Отечественной войны, ему было присуждено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

17 октября 1985 г. после продолжительной болезни А.Г. Банников скончался. Тяжесть этой утраты горьким грузом и глубокой печалью легла на души всех его коллег, соратников, учеников и друзей. Единственным утешением стало лишь то, что жизнь его была интересной, красивой, многогранной и счастливой. Память о нем, несмотря на прошедшие годы, живет в его идеях, его книгах и в сердцах всех тех, кому он помог стать солдатами науки.



В.Е. Флинт,
В.М. Галушин,
Н.Н. Дроздов

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА БЕЛЯЕВА

1894–1983

Елизавета Ивановна родилась 25 октября 1894 г. в городе Мариямполе (ныне Капсукас, Литва) в семье преподавателя гимназии. Среднее и высшее образование она получила в Петрограде, где окончила в 1917 г. естественно-географическое отделение Женского педагогического института.

Работать Елизавета Ивановна начала преподавателем естествознания в Первой профессиональной школе в Петрограде. Свое образование продолжила, посещая лекции по палеонтологии и исторической геологии в Горном и Географическом институтах. Ее практические занятия по палеонтологии на кафедре профессора Н.Н. Яковлева завершились описанием зуба ископаемой химеры. В 1918 г. А.А. Борисяк пригласил Елизавету Ивановну на работу в отдел палеонтологии Горного института и сначала поручил ей разборку и каталогизацию остеологических коллекций. В 1919 г. она стала научным сотрудником этого отдела. С того времени в течение 60 лет ее жизнь была неразрывно связана с палеонтологией позвоночных. В отделе палеонтологии Горного института Елизавета Ивановна, став помощником хранителя, проработала до 1925 г. Одновременно с 1921 г. она работала и в остеологическом отделе Геологического музея Академии наук под руководством А.А. Борисяка. В 1930 г. Елизавета Ивановна стала сотрудником Палеозоологического института, созданного на основе Геологического музея Палеозоологического, Геологического и Петрографического институтов.

По материалам статьи: Геккер Р.Ф. и др. Елизавета Ивановна Беляева (1894–1983) // Палеонтологический журнал. 1983. № 4. С.121–122.

В эти годы Е.И. Беляева участвовала во многих первопроходческих экспедициях в самые разные регионы Советского Союза: в центральные районы европейской части СССР, в Крым, на Кавказ, в Восточную Сибирь и Казахстан. Она проводила раскопки и изучала местонахождения ископаемых позвоночных, в основном млекопитающих, из разных горизонтов третичных и четвертичных отложений. В 1935 г. Е.И. Беляевой присвоена степень кандидата наук по разделу палеонтологии. В 1937 г. она утверждена в должности старшего научного сотрудника.

Научные интересы Елизаветы Ивановны сосредоточились на изучении ископаемых млекопитающих СССР и сопредельных территорий Монголии и Китая. Она разрабатывала проблемы систематики, морфологии, эволюции и палеогеографии хоботных, носорогов, халикотериев, жвачных парнопалых. Ею были выполнены обзоры фаун третичных и четвертичных млекопитающих Поволжья, Сибири, Казахстана и Монголии. Е.И. Беляевой принадлежит ценная сводка по всем известным в то время местонахождениям третичных млекопитающих СССР (1948 г.). Ее научные работы всегда отличались точностью и подробностью описания фактического материала, широким обзором имеющихся данных по эволюции, палеогеографии и стратиграфическому значению описываемой группы. Эти добросовестные, тщательно выполненные и продуманные исследования не утратили своей ценности до сих пор. Всего Е.И. Беляевой опубликовано свыше 80 работ. Ее труды широко известны и высоко оценены палеонтологами многих стран мира. Большое внимание уделяла она определению ископаемых материалов, которые присылали ей из разных научных и производственных геологических учреждений.

Елизавета Ивановна была членом многих научных комиссий. С 1922 г. она состояла во Всесоюзном палеонтологическом

обществе, много лет являлась членом Московского общества испытателей природы, палеогеновой и постоянной четвертичной комиссий Межведомственного стратиграфического комитета. Она была членом Общества палеонтологов позвоночных США со дня его основания.

Правительство высоко оценило заслуги Е.И. Беляевой перед наукой и обществом. Она награждена орденом Ленина, двумя орденами «Знак Почета», медалями, грамотами и знаками отличия.

Жизненный путь Елизаветы Ивановны Беляевой — пример беззаветного служения науке. Она принадлежала к удивительному поколению отечественных палеонтологов, теперь почти полностью ушедшему от нас, которое стояло у колыбели советской палеонтологии. Вместе с А.А. Борисяком она участвовала в создании Палеонтологического института АН СССР. Вместе с ним работала в трудных полевых условиях в некоторых регионах нашей обширной страны. Под палящими лучами солнца, в пустынном зное казахстанских просторов эта маленькая мужественная женщина шагала пешком за повозками, запряженными быками, перевозящими экспедиционное снаряжение.

Вместе с другими палеонтологами Е.И. Беляева проводила в СССР полевые и камеральные исследования малыми силами и средствами, закладывая прочный фундамент нынешней палеонтологии. Необходимо отметить особый моральный климат, который создавала вокруг себя Елизавета Ивановна, и огромное воспитательное значение всей ее деятельности для молодого поколения палеонтологов. Особенно помнятся ее удивительная работоспособность, такт, доброжелательность, готовность всегда и во всем прийти на помощь.

В жизни Елизавета Ивановна была сдержанным, удивительно воспитанным и мягким человеком. Если она любила челове-

ка, то относилась к нему с большим вниманием и теплом. Если человек ей почему-либо не нравился, то старалась с ним не общаться. Своих молодых коллег она многому учила: тщательности обработки материалов и подготовки рукописей, умению выступать перед аудиторией. Вспоминаются ее слова: «Никогда не читайте своего доклада. Это производит плохое впечатление. Составьте небольшой планчик. И по нему вы всегда доложите ваш вопрос, легко и свободно. Запомните лишь первую строчку доклада». Помогать людям она была готова бесконечно. Ее молодые коллеги приходили к ней перехватить денег до зарплаты, как в кассу взаимопомощи. Ходили слухи, что некоторые столько времени не отдавали долг, что в итоге последний забывался, а Елизавета Ивановна так никогда и не напоминала об этом.

Некоторых из своих молодых коллег она часто приглашала к себе в гости. Помнится, что В.Ю. Решетов, в то время младший научный сотрудник лаборатории млекопитающих Палеонтологического института, трепетно относился к Елизавете Ивановне. Появлялся у нее дома обычно с большим букетом цветов и почтительным поклоном. С людьми, которых Елизавета Ивановна любила, она буквально преображалась. Становилась веселой, сдержанность куда-то уходила. Она смеялась и делалась раскованной. Иногда ездила в гости к своим молодым коллегам. Находила на это время. Удивительно нежно и внимательно относилась к нашим маленьким в то время отпрыскам. Привозила им интересные книги по зоологии, а иногда и серебряную ложечку «на зубок».

Она много рассказывала о своей семье. Говорила, что была старшей среди сестер и братьев, всех их воспитала и выучила. Поэтому и осталась одна... Как-то, познакомив нас со своей младшей сестрой — Раисой Ивановной, водила нас вместе с ней в консерваторию на концерты классической музыки и в музеи. Естественно, билеты оплачивала Елизавета Ивановна по

причине всегдашней бедности своих молодых коллег. Когда умерла Раиса Ивановна, горе Елизаветы Ивановны было безмерно, безудержно. И, с этих пор начался ее «уход».

Память о Елизавете Ивановне останется в ее научных трудах, многие из которых навечно легли в основу прочного здания науки, в обширных коллекциях по ископаемым млекопитающим, собранных во многом ее руками и имеющих мировую научную ценность, и в воспоминаниях людей, которым посчастливилось знать Елизавету Ивановну и трудиться вместе с ней.

Е.Л. Дмитриева,
Б.А. Трофимов

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ БИБИКОВ

1916–1997

Дмитрий Иванович Бибиков принадлежит к древнему дворянскому роду Бибиковых, внесенному в «Родословную книгу России». Родился он 16 сентября 1916 г. в Петрограде.

По воспоминаниям Дмитрия Ивановича, отец его Иван Иванович был очень увлекающимся и трудолюбивым человеком, живо воспринимавшим новые идеи, в том числе и революционные. Значительную часть своих средств, полученных от продажи имений, он отдавал в кружки и революционные комитеты, в которых сам активно участвовал. Его старшая дочь Татьяна Ивановна писала в 1921 г.: «Папа просидел в тюрьме девять месяцев. Сначала в камере со своими близкими друзьями, а потом в более тяжелой и сырой Петербургской тюрьме "Крестах". В "Крестах" папа заболел туберкулезом, которым продолжал болеть с перерывами всю жизнь». Но зато в «Крестах» Иван Иванович прошел полный курс юридических наук и экстерном сдал экзамены за юрфак. После выхода из тюрьмы в 1908 г. он стал присяжным поверенным и знаменитым богатым петербургским адвокатом.

Семья его была большой — собственные дети Ивана Ивановича и три сына умершего брата. Мама Димы скончалась в 1918 г., когда мальчику не было и двух лет. В дальнейшем он в основном воспитывался тетками: старшей сестрой отца Надеждой Ивановной, а после ее смерти — Ольгой Ивановной Зарембо.

По материалам статьи Формозова Н.А. и др. «Дмитрий Иванович Бибиков (1916–1997)» // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1998. Т. 103, вып. 6. С. 62–64.

Страстный охотник и один из первых заводчиков ирландских сеттеров в России (в доме постоянно жили охотничьи собаки), отец рано пробудил в сыне интерес и любовь к природе. С малолетства он брал Диму на разнообразные охоты и в 13 лет подарил ему ружье. Учась в школе, подросток посещал кружок юных охотников — «юнохов» — на Никольской улице, где наряду с рассказами опытных охотников и натуралистов серьезно обсуждали многие биологические проблемы. Увлечение охотой Дмитрий Иванович сохранил на всю жизнь.

После окончания школы-семилетки юноше пришлось пойти учиться на слесаря в ФЗУ (фабрично-заводское училище) при заводе. Через два года, в 1935 г., он поступил на биологический факультет Московского университета. После кончины отца (в 1934 г.) Дима практически был предоставлен самому себе; отчасти помогали сестры и их мужья. Большое влияние на него оказал писатель и художник-анималист Г.К. Скребицкий.

Еще студентом Дмитрий Иванович участвовал в двух экспедициях в верховья Печоры, в организованный незадолго до этого (1930) Печоро-Илычский заповедник, где ему довелось работать среди энтузиастов заповедного дела, преданных науке зоологов. Там он подружился с известным зоологом и специалистом по охране природы и заповедникам В.П. Тепловым, который стал практическим руководителем его дипломной работы по биологии кедровки. Как и многие териологи, Дмитрий Иванович начинал с орнитологии, сохранив интерес к ней на всю жизнь. Он научился умело подманивать таежных птиц и демонстрировал это искусство через полвека в Монголии. Правда, результаты работы, посвященной кедровке, были опубликованы лишь в 1948 г., уже после войны. Но и в то время она оказалась одним из первых монографических исследований по этому виду.

Успешно защитив дипломную работу в 1941 г., Дмитрий Иванович закончил биофак. Уже в августе он был призван в ряды Красной Армии и после краткосрочных курсов связистов на Урале участвовал в тяжелейших боях под Тулой, Орлом, Юхновом, Козельском. В это время во многих регионах страны осложнилась эпизоотическая обстановка по туляремии и чуме. И в октябре 1942 г. Д.И. Бибиков, как и многие зоологи, был направлен на работу по специальности в распоряжение Иркутского противочумного института на Читинскую противочумную станцию, где проработал с 1943 по конец 1946 г.

Там, в активных природных очагах чумы, Дмитрий Иванович впервые участвовал в крупных противоэпидемических мероприятиях. Противочумный отряд, где он работал, стоял тогда в центре Даурских степей, в Соктуй-Милазане. Как тогда считали, это было самое «сурочье» место в мире. О сером сурке в те времена знали не так уж много, в основном как об объекте охоты. Там и произошло первое знакомство Дмитрия Ивановича с сурками. Но основным объектом исследований его в то время стал другой фоновый вид этих мест — даурский суслик. В 1944 г. Д.И. Бибиков проводил полевые работы в Верхнем Калтане, а в 1945 г. в «эпидточке» в районе Кайласутая и в 10 км от границы с Маньчжурией, в окрестностях Абагайтуя, где к концу лета уже проходила линия фронта. По результатам этих работ вышли две статьи о сурках.

Осенью 1946 г. Дмитрий Иванович вернулся в Москву и поступил в аспирантуру в лабораторию медицинской зоологии Института эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи, которой руководил Н.П. Наумов. Там он начал работать по теме «Птицы Дальневосточного края и Кореи». По воспоминаниям многих зоологов, в те времена в лаборатории был удивительно творческий климат. Е.В. Карасева часто рассказывала о своеобразных «междусобойчиках», где жаркие споры были столь

бурными, что оппонент чуть ли не отталкивал докладчика от таблиц. Активным участником всех дискуссий был уже защитивший кандидатскую диссертацию В.В. Кучерук. Совместно с ним и уезжал в летние экспедиции 1947—1948 гг. Дмитрий Иванович. Их задачей было изучение очагов японского энцефалита на юге Приморья и в Корее. Большую помощь В.В. Кучерук оказал Д.И. Бибикову в сборе материала и подготовке диссертации.

В лаборатории медицинской зоологии вспоминали лабораторного пойнтера Фрину, которая при полуголодной в то время жизни получала паек. Дмитрий Иванович регулярно брал Фрину на охоту, порой подкармливая коллег дичью. Он был не только азартным охотником, но и отличным стрелком.

Весной 1950 г. после окончания аспирантуры, написания и защиты диссертации Дмитрий Иванович принял предложение о переезде в Алма-Ату на работу в Среднеазиатский противочумный научно-исследовательский институт на должность старшего научного сотрудника. Там он впоследствии стал заведовать лабораторией и много лет руководил изучением горных очагов чумы и профилактикой этого опасного заболевания. В этом институте Д.И. Бибиков проработал в общей сложности более 20 лет.

Интересно описывает условия жизни в институте его дочь от второго брака Аня: «Мы жили за высоким забором, на проходных стояла милиция. Основная работа — изучение распределения, экологии и жизни сурков в горах Тянь-Шаня. Изучали и другие особо опасные инфекции (кроме чумы. — *В.Л.*): туляремию, лихорадки и др. Всем дали маленькие домики без ванной и уборной и участок земли. Папа пропадал целыми вечерами в лаборатории, он всегда что-то писал. Тогда в будние дни он не успевал делать свои дела, а, придя домой и пообедав, опять уходил».

Через некоторое время Бибиковы приобрели кооперативную квартиру в центре Алма-Аты и перебрались с территории института «на свободу». Эта квартира всегда была открыта для друзей, мне приходилось там бывать неоднократно, особенно во время совещаний и конференций. Гостеприимством семейство Бибиковых славилось. Во время этих встреч часто обсуждались научные проблемы природной очаговости, древности или молодости тех или иных очагов. Хозяйка квартиры Валентина Александровна не только умела и любила вкусно готовить, но и активно принимала участие в обсуждениях. Она была выдающимся ученым-паразитологом, ее экспериментальные и полевые работы высоко ценятся как у нас, так и за рубежом.

Детальное изучение биологии сурков, структуры их поселений и механизмов энзоотии в разных типах горных природных очагов чумы началось именно в Среднеазиатском противочумном институте. Д.И. Бибиков сумел собрать вокруг себя замечательный коллектив не только алмаатинцев, но и молодых специалистов с противочумных станций и отделений. Все они тянулись к новым, интересным проблемам, оригинальным методам исследования. Кроме постоянных сотрудников лаборатория Д.И. Бибикова обрастала молодыми очными и заочными аспирантами, соискателями. Доброжелательность, открытый характер, большой опыт и широкие знания Дмитрия Ивановича привлекали молодежь. Да и в самом институте работали такие крупные ученые-противочумники (микробиологи, эпидемиологи, паразитологи), как М.Ф. Шмутер, В.С. Петров, В.А. Бибикова, В.Н. Куницкий, Д.Г. Гаузштейн, Р.Т. Тлеугабылов, М.А. Айкимбаев, Л.Н. Клоссовский и многие другие.

В послевоенные годы по разным причинам в Среднюю Азию и Казахстан съехалось много высококлассных ученых-специалистов. Это было связано с развитием новых республиканских институтов, университетов и академий, которым требовались

квалифицированные кадры. Так, помимо институтского коллектива, в Алма-Ате в то время работали прекрасный орнитолог профессор И.А. Долгушин, териолог член-корреспондент АН КазССР А.А. Слудский, Ф.И. Страутман и многие другие. Своеобразие противочумной системы заключалось в постоянных контактах ведущих ученых. Государство неплохо оплачивало их опасный труд. Выделялись необходимые средства на эпидемиологическое обследование. Во многих местах проводилась профилактика, борьба с хозяевами и переносчиками возбудителя чумы. Регулярно ученые и практики встречались на конференциях в разных городах СССР. В 50—70-х гг. XX в. в противочумной системе работали такие выдающиеся ученые-противочумники, как Б.К. Фенюк, Ю.М. Ралль, В.Н. Федоров, В.С. Петров, С.Н. Варшавский, В.В. Кучерук, Н.П. Наумов и многие-многие другие. Дмитрий Иванович хорошо был знаком с ними, регулярно общался на конференциях и при встречах. Почти ежегодно выходили труды противочумных институтов, много статей печатали и в центральной прессе.

Алма-атинский период жизни Дмитрия Ивановича Бибикова был, безусловно, творческим расцветом его научной деятельности. Он часто бывал в поле. Особенно любил сырты Тянь-Шаня, Памир. Часто посещал и Нарынкол, где были сурочьи стационары. Это было его любимое место. В те годы появились десятки его публикаций по экологии сурков, было проведено картографирование их поселений и наиболее опасных мест эпизоотий. Активно шли испытания новых методов профилактики чумы в очагах. Интересно, что в этот период Дмитрий Иванович вспомнил о своих ранних увлечениях и выдвинул оригинальную гипотезу о возможности распространения блох и соответственно возбудителя чумы птицами, в частности гнездящимися в норах каменками. Эта гипотеза впоследствии подтвердилась. Исследовалась также роль хищных птиц и даже возможность

заболевания и разноса чумы сайгаками. Идеи эти проверяли самыми разнообразными методами, в том числе и с помощью радиоизотопов.

К тому времени авторитет Д.И. Бибикова как крупнейшего знатока экологии разных видов сурков был бесспорным. Ученые Зоологического института АН из Ленинграда пригласили его, как известного специалиста по биологии сурков, принять участие в написании тома для серии «Фауна СССР» по наземным беличьим (Громов и др., 1965). В том же году Дмитрий Иванович приехал в Москву на кафедру зоологии позвоночных биофака МГУ к профессору Н.П. Наумову с подготовленной докторской диссертацией.

В 1965 г. по материалам диссертации вышла монография «Горные сурки Средней Азии и Казахстана». Эта работа очень высокого уровня по заслугам была оценена всеми специалистами. Фактически это явилось подведением итогов изучения сурков за несколько десятилетий. Ничего подобного в зарубежной литературе не выходило. Еще одна монография, «Сурки», опубликованная позднее, была издана в ГДР на немецком, а затем в США на английском языке.

Большой материал подготовил Дмитрий Иванович и по картографированию сурочьих поселений. В этом плане ему активно помогали В.В. Кучерук, Р.П. Зимина, Н.В. Некипелов и картографы из Института географии АН (Т.А. Полевая и М. Чевкана). Отличные организаторские способности помогали ему привлекать к научным делам многочисленных зоологов-противочумников, даже из самых отдаленных уголков страны. Активным участником и организатором совещаний и конференций по учетам численности и картографированию был не только сам Дмитрий Иванович, но и его ученики.

Вернувшись в 1971 г. в Москву, Д.И. Бибиков возглавил отдел продуктивности охотничьих угодий в Лаборатории (по-

зднее Всесоюзном институте) охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР, ответственного в то время за охотничье хозяйство и охрану природы в стране. С 1976 г. Дмитрий Иванович — старший научный сотрудник Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР им. А.Н. Северцова. С неослабевающей энергией он продолжает здесь ранее начатые исследования, в том числе в составе Советско-Монгольской комплексной биологической экспедиции, ведет активную научно-организационную работу.

С конца 60-х гг. Д.И. Бибиков вплотную занялся изучением волка, его роли и места в экосистемах. Обращение к волку в известной степени произошло под влиянием обстоятельств. В 1972 г. председатель рабочей группы по волку Международного союза охраны природы доктор Д. Мич обратился в Главприроду МСХ СССР с предложением включить в состав группы специалиста из Советского Союза. Занять эту «нишу» предложили Дмитрию Ивановичу. С тех пор начался новый период его деятельности, не менее активный, чем «сурочий», хотя интерес и любовь к суркам он сохранил до конца жизни. Уже через несколько лет профессор Д.И. Бибиков стал лидирующим ученым-«волчатником» в Советском Союзе и получил мировую известность.

Дмитрий Иванович был убежден, что одностороннее негативное отношение к этому хищнику со стороны охотоведов и некоторых специалистов сельского хозяйства во многих регионах нашей и соседних с ней стран несостоятельно. Еще в начале 70-х гг. он выступил как пропагандист идей о функциональной необходимости волка в определенных экосистемах. На многочисленных заседаниях Комиссии по волку, а затем по крупным хищникам он всегда отстаивал свою идею дифференцированного подхода к волчьим популяциям, участвовал в многочисленных «круглых столах» как у нас в стране, так и за рубежом.

В те годы среди многих охотоведов и начальников самого разного ранга господствовало мнение о волке как об абсолютно вредном хищнике, заслуживающем лишь полного истребления. Однако не в характере Д.И. Бибикова было угождать начальству, и он часто вступал в острую полемику с руководством. Активно участвуя в текущей работе лаборатории и Главприроды МСХ СССР, часто выезжая в различные экспедиции и за границу, он уделял особое внимание весьма актуальной «волчьей проблеме», причем впервые подошел к ней как ученый-эколог, а не с позиции столь модной тогда «борьбы за уничтожение». Вопреки мнению работников ЦК КПСС и Совета Министров СССР, Д.И. Бибиков обосновал необходимость разработки новой стратегии в отношении волка как одного из важных компонентов экосистемы, как своеобразного и ценного хищника, а не «четвероногого врага народа», каким было принято тогда считать этого зверя.

Особое значение для прояснения позиций имела дискуссия, организованная в 1968 г. журналом «Охота и охотничье хозяйство». На его страницах Дмитрий Иванович резко и принципиально выступил главным оппонентом официальной идеологии тотального истребления волков. Все эти публицистические выступления были основаны на конкретных фактах изучения волка в разных условиях — в заповедниках, скотоводческих регионах, в охотничьих хозяйствах. В декабре 1979 г. по инициативе Д.И. Бибикова был проведен первый в СССР научный семинар по поведению волка. Разные точки зрения на этого хищника охотоведов, зоологов, этологов способствовали очень большому интересу к этому семинару. Национальная рабочая группа по волку при Териологическом обществе, созданная в 1983 г. по инициативе Д.И. Бибикова, способствовала объединению всех специалистов страны, прямо или косвенно связанных с «волчьими» проблемами.

Важнейшим итогом всей этой огромной работы стало издание в 1985 г. под общей редакцией и при участии Дмитрия Ивановича в качестве активного автора большой монографии по волку в серии монографий по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера». В настоящее время это наиболее полная сводка по данному виду, включая его морфологию, систематику и экологию.

Д.И. Бибиков был зоологом-универсалом с поистине энциклопедическими интересами, он очень многое успел сделать для отечественной зоологии. Он был талантливым редактором, не чурался этой черной и неблагодарной, как считают многие авторы, работы. Из беспомощного текста начинающего автора он умел сделать вполне толковую статью. К нему тянулись люди со всей страны. Открытый, заинтересованный, при этом без тени панибратства, он ввел в круг московских зоологов очень многих специалистов из отдаленных мест.

У Дмитрия Ивановича всегда был необычайный вкус к жизни. Он до старости сохранил прекрасную осанку, был азартным и блестящим танцором, любил компании и веселое застолье. Его внутренняя сила помогала ему держаться в самые тяжелые периоды. В последние 20 лет жизни Дмитрий Иванович страдал от мучительной хронической болезни сосудов ног, но регулярно ездил в экспедиции, и никто никогда не слышал от него ни одной жалобы. Зато как он радовался и охотно делил эту радость с друзьями, когда вопреки ожиданиям врачей болезнь на время отступала.

Дмитрий Иванович нашел в себе силы в 1997 г. написать воспоминания о днях охотничьей молодости, об отце как о своем наставнике и дать нелицеприятную оценку развития охотничьего дела в нашей стране на различных этапах.

Даже в последние годы , уже тяжело больной, Дмитрий Иванович сохранял мужество и трудолюбие, много писал, продолжая активную научную деятельность буквально до последнего

дня своей жизни. Более того, преодолевая тяжкие недуги, он не только довольно часто выезжал на совещания и конференции, но даже продолжал порой полевые работы.

Будучи смертельно больным, осенью 1997 г. Дмитрий Иванович поехал в Испанию. Для категорически возражавших врачей его пронзительные слова: «Вы же понимаете, это моя ПОСЛЕДНЯЯ поездка» — решили дело. С помощью молодых испанских коллег патриарх российского «сурковедения» забрался в пиренейские высокогорья, чтобы посмотреть, как там поживают альпийские сурки.

В ночь с 11 на 12 ноября 1997 г. Дмитрия Ивановича Бибикова не стало.

В.С. Лобачев

Î á î õî ò í è ÷üåì ääò ñò âå, ñâî åé ñåì üå è î õî ò å

Шла московская зима 1922—1923 гг. Жили бедно, но большая квартира в Долгом переулке (позднее — ул. Бурденко) возле Зубовской площади поддерживала существование еще трех моих теток и семерых детей — родных мне сестер и двоюродных братьев. Кормилец же был один — мой отец, но юристы (присяжные поверенные) были тогда не в моде и заработки перепадали от случая к случаю. Основу тогдашнего семейного бюджета составляли «пережитки дворянского быта», то есть совершенно ненужные, как мне казалось, предметы, например, серебряные кольца для салфеток, разноцветные фужеры и рюмки особого стекла и более полезные — шкафчик с инкрустациями, большая люстра и др. Взамен их с Усачевского рынка доставлялась картошка и другая рабоче-крестьянская еда.

В те годы отец уже брал меня на охоту. Помнится, первый раз это было летом. Я сидел вместе с ним в шалаше, мимо нас пролетали утки, отец стрелял дуплетами, иногда птицы падали. В долгие перерывы между выстрелами я дремал. Уже смеркалось, а уйти было нельзя — кругом вода.

Мне было шесть лет, когда мы с отцом ездили на зайцев в Новгородскую губернию. Выскочили из вагона чуть ли не на ходу на каком-то глухом полустанке; было темно, зябко и немного страшно со сна. Наши вещи тут же подхватил встречавший мужик, укутавший нас в розвальнях тяжелыми, резко пахнущими тулупами. Еще не рассвело, когда мы оказались за столом с пирогами, закусками и самоваром. Меня отправили спать, а егерь и мужики обсуждали планы охоты.

Охотились загонами. От одного перелеска к другому переехали на санях по неглубокому снегу. Стрелком был только мой отец, а загонщиков, как мне казалось, чуть ли не полдеревни, даже бабы и ребята. Еще до их крика из лесных островков начинали выбе-

---

По материалам статьи в «Охотничьих просторах». Книга 3. 1998. С. 190—202.

гать зайцы, чем дальше, тем больше. Отец промахивался редко, и скоро я устал смотреть на кувыркавшихся через голову беляков, зато мне запомнился выстрел по набежавшей красавице-лисице.

Мой отец был увлекающимся человеком, но охота считалась для него третьим по важности занятием — первое же место принадлежало «революции», стоившей отцу (кроме «Крестов») еще и наследства деда — тульского помещика и губернского землемера; наследство измерялось суммой 17 тыс. рублей (корова в то время стоила пятерку!). Деньги эти отец презентовал большевикам, что, видимо, и дало повод Ленину в своих сочинениях вспоминать о его полезных беседах с «Клещом» (партийная кличка И.И. Бибикова).

Второе место в его жизни занимали неоднократные женитьбы. После развода в 1915 г. с первой женой и матерью моих старших сестер, подругой будущего секретаря Ленина, Фотиевой, отец женился на моей матери, урожденной А.М. Палициной. Только они начали строить большой барский дом в Орловской губернии, как пришел октябрь. Мать неожиданно скончалась от тифа, оставив меня, двухлетнего, на теток, которые говорили, что моя мама «не перенесла революцию». В голодные 1918–1922 гг. отец жил в Петрограде и дважды менял жен, оставляя им каждый раз что-нибудь из материнских вещей. Третья жена была москвичкой из пречистинских переулков. Брак снова заключался по всем правилам, ибо, по словам сестры Тани, «папа не допускал случайных романов...». Наталью Васильевну Лирову, молодую интересную блондинку, и ее сына Леву, моего одногодка и ужасного хулигана, в Долгом переулке встретили, конечно, без восторга. Наверное и отец вскоре понял, что новая жена как-то «не вписывается» в семью, хотя тетя Оля выделила «молодым» хорошую комнату. Всех раздражали крикливость, музицирование (без хорошего голоса), нарастающие проявления мещанства. Вскоре Наталья Васильевна с Левой уехали на свою старую квартиру.

Вот эта неудавшаяся любовь по-моему и дала толчок охотничьим порывам отца. Однако увлечение охотой из-за его барских замашек при сократившихся возможностях продержалось недолго, ибо стало слишком дорогим удовольствием.

В школе я много читал об охоте — Сабанеева, Бутурлина, Соловьева и популярные охотничьи книжки Зворыкина, Каверзнева, Рахманина, собрав неплохую библиотечку. Практиковался же в охоте я в деревне около Петушков, где жила моя старшая сестра Таня. Ее муж, Георгий Скребицкий, которого чаще звали Жоржем, изучал выхухоль в пойме Клязьмы. Он знал толк в классических охотах, к тому же был великолепным рассказчиком. Во мне развилось понимание красоты охоты с легавыми по бекасам и тетеревам. Дичи было много, наш пойнтер поднимал за утро 3—4 тетеревиных выводка, державшихся в ягодниках по краям вырубок. Впечатления от стойки собаки, ожидание оглушительного взлета старки, веер поднявшихся молодых, выстрелы... С тех пор эти охоты волнуют меня больше, чем добыча крупных зверей, вплоть до копытных и медведей.

В 1931 г. я заканчивал семилетку, но восьмые классы ликвидировали, и нас определили в ФЗУ (фабрично-заводское училище). Нужны были рабочие для городов и сел, где шла коллективизация. Украина и Поволжье голодали, плохо стало и в Москве, падали нравственные устои общества.

В отличие от старших братьев и сестер, скрывавших свое дворянское происхождение при поступлении в ВУЗ и трепетавших от угрозы исключения, для меня не было проблем с обучением — все с радостью обсуждали свежую фразу Сталина о том, что дети не отвечают за своих родителей. До этого многие тысячи соотечественников страдали из-за своего «социального происхождения». Вообще-то тему о древнейшем дворянском роде Бибиковых у нас в семье не обсуждали, и я в юности был уверен в том, что принадлежность к дворянству позорна. Между тем,

род наш весьма заслуженный: только в войне с Наполеоном участвовало 50 офицеров Бибиковых, а Александр Ильич Бибиков был первым советчиком Екатерины Второй; его выдающуюся роль в разгроме Пугачева подробно описал Пушкин.

Родной брат моего деда Ивана Николаевича (1829—1891) Николай Николаевич Бибиков был хорошо известен читателям охотничьей литературы, как сотрудник журналов «Природа и охота» и «Охотничья газета» и как владелец питомника русских псовых борзых.

Я стыдился любых признаков «аристократичности», вплоть до белого воротничка или проявлений вежливости. Даже имя Дима казалось мне «аристократичным», я предпочитал, чтобы меня называли «по-рабочему» Митей. Стремление быть как все, меньше выделяться, укрепилось за два года учебы и работы на московском автозаводе ЗИС (позднее ЗИЛ). И даже теперь, при членстве в Дворянском Собрании, у меня, в отличие от племянника Николая и дочери Анюты, не восстановился интерес к роду потомственных дворян Бибиковых, отмечающих в 2000 г. свое 700-летие.

... Тетушка Оля, отвечая за мое воспитание и наблюдая моих новых друзей из ФЗУ и по двору, поделилась впечатлениями с отцом. Спустя две недели он велел мне придти к нему на работу, откуда мы прошли в здание ГУМа, представлявшего тогда гигантскую контору, приютившую сотни, если не тысячи, учреждений. Помню, что там было душно и стоял несмолкавший гул от разговоров, шума вентиляторов и пишущих машинок. Навстречу нам от одного из столов поднялся красивый мужчина с чуть седеющими усами. Это был знаменитый кинолог и охотничий деятель А.А. Чумаков. Отец представил меня, а хозяин стола поинтересовался уровнем моих охотничьих познаний. Затем мое имя прозвучало за соседним столом, и я получил адрес — приглашение в кружок юных охотников («юнохов»).

Надо сказать, что в начале 30 гг. московская охоторганизация была довольно слаженной. Всекохотсоюз широко издавал охотничью литературу — книги и журналы, а кружки «юнохов» действовали во многих областях и городах. Ребят приучали не только к правилам поведения на охоте и бережному отношению к природе, но и давали возможности для инициативы, самоуправления. За столичным кружком были закреплены охотугодья в хозяйстве у станции Фаустово, по левой стороне от Казанской железной дороги. Там велись учеты дичи, маркировка территории, которая строго охранялась от посторонних.

Кружок «юнохов» при Московском охотобществе существовал уже несколько лет. По числу участников и уровню подготовки наша школа заметно уступала КЮБЗу — кружку юных биологов зоопарка, где сформировалась большая группа будущих известных зоологов (Ю.А. Исаков, А.Г. Банников, В.В. Кучерук и др.). В КЮБЗе главным были наблюдения за животными, «юнохи» же не только получали общую информацию на лекциях, но и участвовали в обслуживании собственного охотхозяйства. Лекции и беседы с ними проводили известные охотоведы или прославленные охотники, такие как братья-тигроловы с Дальнего Востока Богачевы или охотники на лисиц Румянцевы, которые ухитрялись в короткие декабрьские дни зафлажить и добыть две-три лисицы совсем рядом с Москвой. Слушали мы удивительные истории и от неутомимого рассказчика, общего любимца, «дяди Пети» — Петра Александровича Мантейфеля. С нами делились опытом известные стендовики, а другие специалисты обучали нас съемке шкурок пушных зверей. Старшие же «юноховцы» всерьез занимались охотой и начинающих как правило не брали — лишние хлопоты. Впоследствии из многих «юнохов» выросли такие опытные специалисты как Г. Зворонос или Б. Шныгин.

Кружок «юнохов» был хорошей школой воспитания грамотных и ответственных охотников, лично мне он привил любовь к

природе и охоте, преданность профессии зоолога и охотоведа. Я уверен в необходимости возрождения подобных кружков по всей России, ибо формировать охотничью этику и нравственность надо сызмальства.

Постепенно я стал всерьез задумываться о будущей работе, поскольку заводской опыт был явно не для меня. По совету Жоржа Скребицкого я поступил на биофак Московского университета и стал учеником известнейших зоологов того времени — Огнёва, Формозова, Дементьева, Турова.

Опыт охотничьего коллекционирования стал пополняться экологическим, когда начались экспедиции (в Лапландию, на Северный Урал, в Забайкалье).

Меня глубоко интересовали научные основы охотничьего хозяйства, но совсем не увлекала его организационная сторона, решаемая в нашей стране «на высших уровнях».Подававшая большие надежды охотничья кооперация прекратила свое существование уже в 1933 г., ибо стала «мешать» насильственной коллективизации. Специалисты-охотоведы даже самого высокого ранга были вынуждены поддерживать бюрократическую систему, созданную для государственного управления отраслью. Все дружно дудели в одну хвалебную дуду, и только отдельные неугомонные деятели, такие как профессор Скалон и некоторые его сторонники, иногда прорывались в печати с возражениями и критикой. Ранее гордая российская охота, ее пушной и дичной промыслы на глазах деградировали, зато широко афишировались успехи акклиматизации — чаще мнимые, нежели подлинные. Сколько сказано было красивых слов о восстановлении поголовья соболя, лося, сайгака, но за всем этим стояли гораздо более значимые социально-экономические причины, охотоведы же чаще всего пожинали чужие лавры или просто пользовались сложившейся ситуацией.

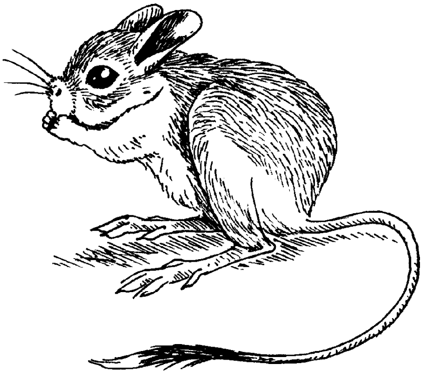
Не могу сейчас заниматься глубоким анализом, но все же хочу нарушить традицию похвальбы и обозначить причины

развала охоты в России. Ведь мне довелось быть в должности «главного ученого по охоте» в системе Главприроды Минсельхоза СССР, созданной в середине 60-х гг. Наше высшее охотничье руководство (и союзное, и РСФСР) тогда часто ездило за рубеж — в Швецию, Венгрию, Чехословакию, США, Канаду — чтобы перенимать опыт ведения охотхозяйства. А каковы результаты? Принимая участие в этих поездках, я не мог прежде и не могу сейчас поведать охотникам ничего серьезного. И дело не в отдельных чиновниках, а во всей системе руководства нашей страной, ее социальном строе. Вся созданная государством охотничья «власть» была направлена не на нужды широких слоев населения, а на удовлетворение потребностей разного рода начальственной элиты. Возникшее в сфере советского охотничьего дела явное социальное неравенство, перевернутая с ног на голову охотничья этика, были основаны не на научных законах экологии, а на принципах чиновничьего мышления, на «антиэтике» всемерного угождения начальству. Охота стала считаться престижной для людей, облеченных властью, но с весьма ограниченными физическими возможностями из-за возраста, тучности и привычки к удобствам.

... Мой путь в охотничьем деле сменил несколько разных профилей от медицинского до экологического. Я побывал в самых разных уголках СССР, много раз выезжал за его пределы. Многочисленные встречи и беседы «на местах» с рядовыми работниками охотхозяйств укрепили мои убеждения о необходимости «демократизации» нашей охоты, усилении контроля за использованием охотничьих ресурсов и всемерным пресечением браконьерства, хотя задача эта очень трудна.

Д.И. Бибиков

*****



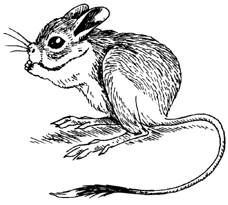
Николай Алексеевич Бобринский относится к числу тех немногих зоологов первой половины XX столетия, которым было тесно в узких границах какой-то одной дисциплины. Хотя его считают по преимуществу орнитологом, он был также и зоогеографом, териологом, отчасти энтомологом и даже ихтиологом.

Поступив в 1908 г. на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, Н.А. Бобринский сразу же попал в круг влияния М.А. Мензбира. После окончания университета он работал в Дарвиновском музее, где сблизился с А.Ф. Котсом, а в 1920 г. уехал в Ташкент в качестве преподавателя вновь созданного Туркестанского (Среднеазиатского) университета. Начался «среднеазиатский» период в жизни Н.А. Бобринского, позволивший ему стать одним из крупнейших знатоков фауны Средней Азии. Признанием заслуг Николая Алексеевича стало описание в честь него двух новых видов млекопитающих — тушканчика Бобринского и кожана Бобринского. Сам он описал новый вид летучей мыши — гобийского кожана.

В Москву Н.А. Бобринский вернулся в 1936 г., работал в различных вузах и научных институтах, сконцентрировавшись на обработке своих среднеазиатских сборов. Этапным стало издание в 1944 г., совместно с А.П. Кузякиным и Б.А. Кузнецовым, капитальной сводки «Определитель млекопитающих СССР» (переиздан в 1966 г.).

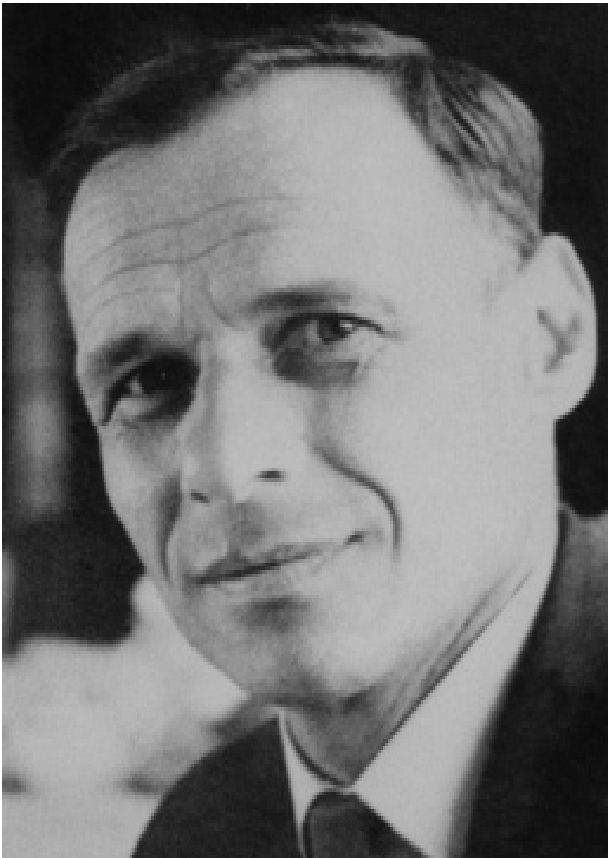
Настоящий материал подготовлен И.Я. Павлиновым на основе обстоятельного очерка о Н.А.Бобринском, опубликованного ранее в книге «Московские орнитологи» (1999).

Большое место в его жизни занимала педагогическая деятельность: он написал несколько учебников для высшей школы, которые не утратили своего значения и поныне. Так, он был одним из ведущих авторов университетского «Курса зоологии». Широкую известность приобрели научно-популярные книги Н.А. Бобринского, среди них высоко оцененная специалистами и выдержавшая несколько изданий «Животный мир и природа СССР».



АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
ВЕРШИНИН

1915–1977



Один из крупнейших специалистов по соболю и другим охотничьим млекопитающим — Александр Александрович Вершинин — родился 8 ноября 1915 г. в Москве. Его отец в то время служил в канцелярии пароходства «Кавказ и Меркурий», мать была телефонисткой. В 1919 г. вся семья, в которой было тогда четверо детей, выехала в Саратовскую губернию, где отец первое время работал в библиотеке, а затем — секретарем волисполкома. В 1921 г. семья возвратилась в Москву. Отец сначала работал счетоводом в различных учреждениях, а позже перешел в Советскую филателистическую ассоциацию («Советская филателия») на должность нумизмата, как специалист по древним монетам и медалям.

А.А. Вершинин в 1932 г. окончил семилетнюю школу. Некоторое время ему пришлось работать, из-за чего он не мог продолжить обучение в школе, но занимался дома. Весной 1933 г. он поступил на курсы по подготовке для поступления в вуз. Летом того же года закончил эти курсы и успешно сдал вступительные экзамены на биологический факультет Московского университета. Так как последний экзамен был сдан поздно, Александр Александрович не был зачислен в МГУ. Получив справку о сдаче экзаменов, он пошел учиться во Всесоюзный научно-технический институт пушно-мехового хозяйства (впоследствии Московский пушно-меховой институт) на охотоведческий факультет. Этот институт он окончил с отличием в 1937 г.

По распределению А.А. Вершинин был направлен на работу в Тамбовскую Госохотинспекцию. Там он работал менее полутора лет, так как был переведен в Москву на должность охо-

тинспектора Главохоты Наркомзема СССР. Здесь он прослужил 15 месяцев.

Желание заняться настоящим охотоведческим делом повлекло Александра Александровича в далекие охотничьи угодья. В 1939 г. он перешел в Анадырскую заготовительную контору Главсевморпути на должность охотоведа, которую оставил по сокращению штатов менее чем через год.

Началась Великая Отечественная война. Как истинный патриот, Александр Александрович выехал с Чукотки во Владивосток, где пытался записаться в Красную Армию. Но в армию его не взяли. Тогда он направился на Камчатку и поступил на должность старшего научного сотрудника Усть-Камчатского опорного пункта Центральной научно-исследовательской лаборатории объединения «Заготживсырье». Затем он стал заведующим этим опорным пунктом.

Все же в июне 1942 г. Александра Александровича призвали в Красную Армию, но спустя девять месяцев его комиссовали по болезни и перевели на трудовой фронт рабочим Козыревского леспромхоза Камчатской области. Там он работал чуть более года.

В 1944 г. А.А. Вершинин поступил в Госохотинспекцию при Камчатском облисполкоме на должность старшего госохотинспектора. В 1946 г. его перевели в Москву в Главохоту РСФСР в качестве инспектора. Через полтора года Александр Александрович вновь поменял место работы, став старшим охотоведом Всесоюзного объединения «Заготживсырье», где и прослужил около двух лет.

Тоска по настоящей практической охотоведческой работе не позволила Александру Александровичу надолго задержаться в Москве. Он опять уехал на Камчатку, в Камчатскую землеустроительную экспедицию Наркомзема РСФСР на должность охотоведа. База экспедиции находилась в селе Палана. Здесь

А.А. Вершинин, много путешествуя по полуострову, работал достаточно долго — с 1949 по 1954 г.

В тот период в Москве, в центре Лосиного острова, организовывался и набирал силу Всесоюзный научный институт охотоведения (ВНИО). Здесь собрались ведущие научные охотоведческие кадры того времени: П.Б. Юргенсон, Д.Н. Данилов, Н.П. Лавров, С.П. Наумов и многие другие известные ученые. Александра Александровича «потянуло» в такой знаменитый коллектив. Во ВНИО он поступил в 1954 г. на должность младшего научного сотрудника.

Но спустя два года А.А. Вершинин уехал в Камчатское отделение Всесоюзного научно-исследовательского института животного сырья и пушнины (ВНИИЖП) на должность старшего научного сотрудника. Управление располагалось в Петропавловске-Камчатском, но Александр Александрович не был городским жителем, он постоянно ездил по всему полуострову, собирая научный материал.

В 1962 г. А.А. Вершинин окончательно переехал в Москву и поступил на работу в Центральную охотустроительную экспедицию Главохоты РСФСР, которая в то время активно занималась межхозяйственным охотустройством всей областей, краев и республик Российской Федерации. Здесь он работал в Московской охотустроительной партии, но недолго — перешел в центральный аппарат Главохоты РСФСР.

Напомним, что созданное в 1944 г. Главное управление по делам охотничьего хозяйства было преобразовано в 1955 г. в Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР. Поэтому во второй половине 50-х и в 60-е гг. основными специалистами Главохоты РСФСР являлись бывшие научные сотрудники заповедников. Соответственно в этой системе господствовало почтительное отношение к науке, которое постепенно исчезало и к нашим дням обрати-

лось в негативное восприятие науки или ее полное игнорирование. Но Александру Александровичу повезло: он работал во времена расцвета этой системы. Имея огромный багаж научных данных, особенно по соболю и другим млекопитающим Камчатки и иных регионов Дальнего Востока, А.А. Вершинин хотел обобщить весь этот материал в большой работе. При одобрении руководства и сотрудников Главохоты РСФСР он оформился соискателем ученой степени в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской под руководством своего одногодка — профессора А.П. Кузякина.

Диссертацию на соискание степени кандидата биологических наук под названием «Камчатский соболь (численность, воспроизводство, рационализация промысла)» Александр Александрович защитил 14 января 1965 г. Официальными оппонентами были профессора Б.А. Кузнецов и П.Б. Юргенсон, которые очень высоко оценили его работу. К тому времени А.А. Вершинин был уже вполне сформировавшимся самостоятельным ученым с огромным опытом научной и практической охотоведческой работы. Актуальность темы он объяснил очень просто: шкурки соболя составляют 70 % стоимости заготавливаемой на Камчатке пушнины, поэтому «от состояния поголовья соболей зависит перспектива развития охотничье-промыслового хозяйства Камчатки и заработок более тысячи охотников, занятых в промысле». Материал для диссертационной работы собирался в основном зимой. Автор передвигался по всему полуострову пешком и с собачьей упряжкой от одного охотника (корреспондента) до другого. Всего было пройдено более 10 тыс. км, исследовано 1711 тушек соболя, более 8 тыс. шкурок, а также многие тысячи документов по приему собольих шкурок. Естественно, работа получилась весьма солидной, в ней были достоверно охарактеризованы морфология вида, питание зверьков, их роль в биоценозах, характеристики размножения, причины изменения

плодовитости, смертность в разных возрастных группах и т.д. Александр Александрович вполне убедительно объяснил четырехлетние циклы изменения численности соболя тем, что большая часть самок приносит первый приплод в возрасте трех лет. В целом он полностью обосновал рациональный промысел соболей на Камчатке, показал классический пример практически направленных исследований в области популяционной экологии животных, хотя нигде не пользовался термином «популяция».

До защиты кандидатской диссертации А.А. Вершининым уже был опубликован ряд научных работ, в частности монография «Пособие для организатора охотничьего промысла» (1950, 1957), статья «Материалы по биологии соболя и соболиному промыслу Камчатской области» (1948) и еще 7 публикаций, на которые постоянно ссылаются многие исследователи охотничьей фауны Дальнего Востока и специалисты по соболю. К 1973 г. у А.А. Вершинина вышло более 30 научных работ, а к 1977 г. — более 40, хотя список работ может быть неполным.

Мы очень хотим отметить одну весьма положительную сторону научной деятельности Александра Александровича: он никогда не стремился умножать количество публикаций, относился к ним в высшей степени серьезно, не допуская работ легковесных, непродуманных, недостаточно обоснованных или малозначимых. Поэтому в списке его трудов практически нет тезисов докладов. Такое отношение к научным публикациям, вероятно, было унаследовано от отца — ценителя и знатока книг. А.А. Вершинин тоже жил в мире книг, серьезно и с большим уважением относился к авторам, хотя мог и не разделять их мнения. Он очень много читал, был настоящим энциклопедистом, обладал широким кругозором, имел на всё и вся свою оригинальную точку зрения.

Работал Александр Александрович всегда с большим увлечением, сколь бы сложными ни были поставленные задачи. Он прекрасно рисовал и все свои работы иллюстрировал сам.

Из центрального аппарата Главохоты РСФСР А.А. Вершинин был переведен в Центральную лабораторию охраны природы (ЦЛОП) Минсельхоза СССР. Там он занимался в основном проблемами расселения охотничьих животных, преимущественно в Подмосковье, совместно с Д.Н. Даниловым, Д.И. Бибиковым, Г.Н. Хахиным, И.Ф. Кузьминым.

При организации подведомственной Главохоте Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) охотничьего хозяйства и заповедников А.А. Вершинина одним из первых перевели из ЦЛОП Минсельхоза СССР. Он был сотрудником отдела охотничьих угодий и охотустройства. Отдел состоял всего из 4 человек, но поставленная Главохотой задача была весьма серьезной: подготовить методический документ по внутрихозяйственному охотустройству промысловых охотничьих хозяйств. А.А. Вершинин отнесся к выполнению этого задания со свойственной ему обстоятельностью и совместно с В.В. Дежкиным составил «Методические указания по внутрихозяйственному охотустройству комплексных промыслово-охотничьих хозяйств (промхозов)», изданные в 1977 г.

Руководство Главохоты не удовлетворила методическая проработка документа. В группу сотрудников, которой было поручено составить более подробный вариант документа, входил и А.А. Вершинин.

Понимание важности работ в области охотустроительной методологии соперничало в душе Александра Александровича с его привязанностью к Камчатке и обитающим там животным. Он почти каждый год ездил туда на полевые работы, часто по заданиям Главохоты РСФСР с ревизией промхозов, для анализа их работы или состояния ресурсов охотничьих животных региона.

По инициативе А.А. Вершинина Главохота РСФСР наметила проведение Всероссийского учета численности соболя. Эта

идея была в полном соответствии с ориентацией главка на создание Государственной службы учета охотничьих ресурсов. Первый Всероссийский учет соболя был проведен в 1972—1973 гг., но недостаточный объем материала и несоответствующее его качество не удовлетворили Александра Александровича. Он обрабатывал каждую карточку, схематическую карту или письмо. Выводы были сделаны и опубликованы (1973). Основной организационный вывод — необходимость повторить или периодически повторять всероссийские учеты этого вида, но на основе хорошего методического документа. А.А. Вершинин приступил к составлению методических указаний по единовременному учету соболя и сразу в машинописном виде стал рассылать их в регионы Сибири и Дальнего Востока. Учет, проведенный в 1974 г., был более успешным.

В 1976 г. Главохотой РСФСР издаются «Методические указания по учету и численности соболя», подготовленные и «выстраданные» Александром Александровичем. Это достаточно объемная брошюра, в которой обобщен предшествующий опыт учета соболя. А.А. Вершинин охватил весь комплекс методов, не отвергая современные разработки по методике учета охотничьих животных. Руководство было обильно снабжено формами представления материала, примерами картографических абрисов и другими иллюстрациями.

«Методические указания» были распространены во все регионы, где обитает соболь. Налаживающийся учет стал приносить в ЦНИЛ Главохоты большой и качественный материал: цифровой, картографический, описательный, а также много личных писем с подробностями проведения учета. А.А. Вершинин обрабатывал весь этот материал самолично, вникая в любые подробности, обобщая результаты на картах, анализируя их в соответствии с условиями обитания соболя и со своими личными впечатлениями, полученными во время работы в различных частях ареала вида.

В итоге всей этой скрупулезной работы А.А. Вершинин опубликовал статью о результатах Всероссийского учета соболя в издании ЦНИЛ Главохоты РСФСР (1976).

Все научные труды Александра Александровича можно условно разделить в соответствии с направлениями его деятельности. Главные работы были посвящены соболю Камчатки, в том числе самая объемная, но оставшаяся неопубликованной диссертация. Безусловно, биология соболя этого региона была изучена А.А. Вершининым очень глубоко.

Александр Александрович не ограничивал свои интересы только соболем. Достаточно назвать некоторые его публикации: «Современное состояние работы по восстановлению численности бобров в РСФСР и возможности его хозяйственного использования в текущей пятилетке» (1969), «Биология и промысел камчатского горностая» (1972), «Распространение и численность диких копытных в Камчатской области» (1972), «Промысел бурого медведя на Камчатке» (1972), «Дикий северный олень на Камчатке» (1973) и др.

Есть у А.А. Вершинина и несколько обобщающих работ по всем охотничьим животным или всему животному миру Камчатки: «Охотничье хозяйство Камчатской области» (1960), «Изменения в фауне охотничье-промысловых млекопитающих Камчатки под влиянием естественных причин и воздействием человека» (1963), «Животный мир Камчатки (его прошлое и настоящее)» (1970) и др.

Каждое биологическое исследование А.А. Вершинин стремился закончить практическими рекомендациями по рационализации промысла, его техники, планирования и организации, по биотехническим мероприятиям, излагал экономические выводы в случае применения рекомендаций в практике.

Специально этим проблемам он посвятил несколько фундаментальных работ. Кроме упомянутых книг (1950 и 1957) и ста-

тьи (1948), к этому же направлению можно отнести работы «О правильной расстановке охотников в угодьях» (1954), «Основы планирования добычи камчатских соболей» (1962), «Динамика воспроизводства и регулирование эксплуатации запасов камчатских соболей» (1963).

В небольшой серии работ рассматриваются вопросы расселения охотничьих животных. К ним относятся «Расселение охотничьих животных в Подмосковье» (1969), а также те части других работ, которые касаются биотехнии и расселения животных.

Кроме известной статьи «Маршрутный количественный учет соболей на больших площадях» (1961) и упомянутых выше «Методических указаний по учету численности соболя» (1976), к этой же серии необходимо отнести весьма ценную работу «Бонитировка охотничьих угодий по данным относительных учетов численности пушных зверей» (1972). В ней Александр Александрович, в числе немногих из современных охотоведов-ученых, настаивал на методе качественной оценки охотничьих угодий не по умозрительной экспертной оценке обычно малограмотного охотоведа, а на основе объективных учетных данных.

Как уже говорилось, А.А. Вершинин очень серьезно относился к научным публикациям: не одобрял поспешные, непродуманные, чересчур раздутые научные статьи, абсолютно «пустые» тезисы докладов, да еще одного автора в больших количествах на одном совещании. Он говорил: «Не вывески работы, а сама работа и ее результаты для науки и практики должны быть критериями».

Был случай, когда А.А. Вершинин дал очень краткую рецензию на одну из работ по лисице, предназначенную для первого выпуска нового издания «Охотничье хозяйство и заповедное дело»: «Эта работа никакого вреда не причинит, но она «смажет лицо» первого выпуска нового издания».

Личные качества Александра Александровича мы узнали в основном тогда, когда он работал в Главохоте РСФСР и ее лаборатории. Когда он готовил кандидатскую диссертацию, то часто приходил домой к своему научному руководителю — А.П. Кузякину. Всегда вежливый и скромный, казалось бы стеснительный, А.А. Вершинин, тем не менее, нередко полемизировал с профессором, постоянно рассказывал различные истории из своей жизни на Камчатке. А руководитель после таких встреч выражал своим домашним восхищение его эрудицией, глубокими знаниями соболя, всего животного мира Камчатки, охотничьего хозяйства страны. В целом профессор был очень доволен своим «подопечным» соискателем и его работой.

Когда А.А. Вершинин пришел работать в ЦНИЛ Главохоты РСФСР, он сразу влился в коллектив. Вернее сказать — он создавал этот коллектив, поскольку был одним из самых первых его сотрудников. Штат лаборатории быстро разрастался в первые два года, но в ней уже был доброжелательный моральный дух, созданный Александром Александровичем. Его простота, общительность, чуткость и потрясающее спокойствие в любых ситуациях подкупали всех сотрудников. Все они в общении называли Вершинина просто — «Сан Саныч».

Он старался ничем не выделяться ни в каком возрастном слое коллектива. Молодежь чувствовала себя в его компании, как в обществе себе равных. Летом в обеденный перерыв многие сотрудники, особенно те, кто помоложе, шли купаться в прудах, расположенных на территории лаборатории. Сан Саныч всегда был в этой компании.

В научных спорах А.А. Вершинин тоже не пытался как-либо показать свое преимущество — наличие степени, возраст, жизненный опыт. Правда, в спорах Сан Саныч всегда «забивал» оппонента своим красноречием и у собеседника не было никакой возможности вставить слово в беспрерывный монолог Вер-

шинина. Не всегда он был прав по существу полемики, но его аргументы всегда имели определенную логику, были обоснованы научными фактами или, чаще, жизненным опытом.

Некоторых сотрудников немного шокировала большая словоохотливость Сан Саныча: «Ну вот, опять затоковал!». Сан Саныч объяснял это просто: «Я почти всю жизнь молчал. Все время один на собачках среди безмолвных просторов Камчатки. Мыслей много, а сказать их некому. Как попал в Москву — вот тут-то и прорвало. Это правда, иногда не могу остановиться ...».

Короче говоря, все в лаборатории его любили и уважали. Судя по тому, что к нему часто приезжали друзья и знакомые с Камчатки, жили в его малогабаритной квартире, наверняка, к нему и на Дальнем Востоке относились так же. А Сан Саныч в эти дни приносил в лабораторию деликатесные камчатские дары природы, привезенные его друзьями. Доброта и отзывчивость А.А. Вершинина не знали границ. В то же время ему не нравились какие-либо проявления у людей непорядочности, аморальности, недостойные поступки в коллективе. Об этом он говорил вполголоса и всегда только самым близким людям, никогда не выступал осуждающе на собраниях или просто при стечении людей. Полина Александровна, его жена, выделила главную черту его характера: «Чересчур скромный».

На одном из коллективных банкетов Александр Александрович почувствовал легкое жжение в пищеводе. Болезнь развивалась, и вскоре пищевод стал непроходимым. «Что говорят врачи?» — спрашивали его. «Да говорят, какой-то краб завелся». Но это не повлияло на его настроение, он так же улыбался, смеялся, шутил ... Он всегда был веселым и неунывающим.

Постепенное истощение и интоксикация уложили его в больницу. Не так долго он прожил после этого. Александр Александрович умер 17 декабря 1977 г.

Все, кто знал А.А. Вершинина, до сих пор хорошо помнят его как замечательного, доброжелательного, доброго, веселого, скромного, искреннего — в общем, хорошего человека, прекрасного ученого и практика, методиста, одного из ведущих териологов-охотоведов второй половины XX в.

В.А. Кузякин,
Б.В. Новиков

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ВОРОНЦОВ

1934–2000

Исключительная преданность делу науки, прирожденный талант натуралиста-новатора, широчайший круг интересов в сочетании с редкой всесторонней эрудицией, активная гражданская позиция ученого-организатора и воспитателя молодежи — все это предопределило нестандартный, насыщенный событиями и на редкость плодотворный жизненный путь Н.Н. Воронцова. Его перу принадлежит свыше 450 публикаций. Просматривая их перечень, поражаешься широте интересов ученого, тому, как естественно он мог совмещать профессиональное обсуждение подчас весьма далеких друг от друга проблем в канве гармонически оформленной мировоззренческой позиции. Будучи по призванию и по образованию специалистом в области биологии, систематики и эволюции рецентных млекопитающих, Н.Н. Воронцов обладал широкими познаниями и в других сферах биологического знания, так или иначе связанных с темой становления и поддержания биоразнообразия на нашей планете. В теоретико-познавательном плане сюда тесно примыкают вопросы исторической зоогеографии, с точки зрения практики — все, что связано с охраной окружающей среды.

Блестящий воспитанник П.П. Смолина в кружке юных биологов Московского зоопарка, студент-отличник МГУ, в 1955 г. Николай Воронцов был одной из главных фигур студенческого кружка, поставившего своей целью просвещение молодежи в противовес лысенковской пропаганде, выдаваемой в вузах того времени за генетику.

Окончив в 1955 г. с отличием кафедру зоологии позвоночных Московского университета, Н.Н. Воронцов поступает в аспирантуру в Зоологический институт АН СССР в Ленинг-

раде, где под руководством Б.С. Виноградова и при постоянных творческих контактах с рядом других корифеев русской зоологии (И.М. Громов, Н.К. Верещагин, К.А. Юдин) работает над кандидатской диссертацией, посвященной сравнительному изучению морфологии и экологии хомяков мировой фауны. Диссертация защищена уже в 1963 г., но работа над темой продолжается еще почти 20 лет. Окончательные результаты опубликованы в 1982 г. в виде объемистого тома в серии «Фауна СССР. Млекопитающие» и удостоены в 1985 г. первой премии Московского общества испытателей природы.

Уже в эти ранние годы своей профессиональной деятельности Николай Николаевич осознает важность новых в то время цитогенетических подходов для дальнейшего развития исследований по таксономии вообще и систематике млекопитающих в частности. Солидный обзор под названием «Значение изучения хромосомных наборов для систематики млекопитающих», вышедший на русском языке в 1958 г. и в английском переводе — в 1965 г., стал одной из самых ранних публикаций на эту тему в мировой литературе.

В предисловии к книге польского эмбриолога С. Сковрона «Развитие теории эволюции», изданной на русском языке в 1965 г. и адресованной студентам-медикам, Н.Н. Воронцов пишет: «Чрезмерно узкая специализация сужает кругозор ученого и тем самым наносит ущерб его собственной научной работе. Слабое знакомство многих представителей дисциплин молекулярно-биологического профиля с теорией эволюции и с тем фактическим материалом, на котором она основана, столь же вредно для развития биохимии, биофизики, вирусологии и цитологии, сколь пагубна невинность многих зоологов, анатомов, палеонтологов и ботаников в элементарных вопросах современной молекулярной биологии». Отныне это главное кредо ученого, и вся его последующая деятельность направлена на устранение отчужде-

ния между классическими направлениями в биологии и дисциплинами, исследующими жизнь на клеточном и молекулярном уровнях. Именно на этом пути должна оформиться эволюционная биология как синтетическая наука о сущности и закономерностях исторического развития живой материи.

В 1965 г. Н.Н. Воронцов переезжает на работу в Новосибирский научный центр АН СССР. Здесь, в Институте цитологии и генетики, он принимает на себя руководство лабораторией популяционной генетики, цитотаксономии и эволюции. Благодаря неистощимой энергии ученого-новатора Николай Николаевич осуществляет уникальный по своим масштабам проект. В период между 1965 и 1971 гг. он организует и возглавляет серию основательных экспедиций, охвативших значительную часть регионов Советского Союза: Кавказ, среднеазиатские республики, Казахстан, Алтай, ряд районов Сибири и Дальнего Востока. Во время этих экспедиций коллектив лаборатории собрал уникальные сведения по распространению и видовому составу млекопитающих обследованных территорий. Впервые были описаны кариотипы практически всех фоновых видов. Тем самым была заложена основа цитотаксономической инвентаризации териофауны России и прилежащих территорий. Полученные данные позволили перейти к широкой ревизии видового состава млекопитающих названных регионов. Сравнительный анализ кариотипов показал генетическую неоднородность большого числа видов, принимавшихся ранее в широкой трактовке. Удалось показать, что многие из них являются в действительности «сборными», включающими в себя ряд видов-двойников, ошибочно объединенных под общим названием. В результате число видов на обследованных территориях оказалось значительно большим, чем считалось ранее. Впрочем, проделанная работа имела и более фундаментальное значение: стала очевидной неоднородность по цитологическим признакам географических по-

пуляций у многих видов, принимаемых в «широкой трактовке», что требовало пересмотра не только господствующей «широкой концепции вида», но и общих принципов хода видообразования.

В те же годы по инициативе Н.Н. Воронцова и под его редакцией начинается публикация сборников «Проблемы эволюции». В предисловии к первому номеру, увидевшему свет в 1968 г., его редактор писал: «Развитие эволюционной биологии в СССР было искусственно заторможено после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Последствия этой сессии весьма ощутимы и поныне. И если восстановление в правах и широкое развитие цитологии началось у нас в 1950-х годах, а генетики — в 60-х, то настоятельная необходимость ускоренного развития эволюционной биологии еще не стала самоочевидной». Символическое замечание, если принять во внимание ту непримиримую позицию, которую Николай Николаевич неизменно занимал по отношению к разгулу административного произвола и насилия над интеллектуальной свободой, нанесших невосполнимый ущерб нашей биологии в пору воинствующей лысенковщины.

Либеральная направленность сборников «Проблемы эволюции» открыла возможность выступать с их страниц биологам-эволюционистам самых разных направлений, в том числе и тем, которые находились в упорной оппозиции к Т.Д. Лысенко и до сих пор считались «неблагонадежными» в официальных академических кругах. К числу таких опальных авторов относился, в частности, А.А. Любищев, работа которого «Проблемы систематики» открыла первый выпуск сборника. Имея в виду угрозу возрождения таких социально опасных явлений, как лысенковщина, редакторский коллектив пользовался любой возможностью напомнить читателям об этих трагических страницах истории русской биологической науки.

Защитив в 1967 г. докторскую диссертацию, Н.Н. Воронцов переезжает во Владивосток и возглавляет там лабораторию

эволюционной зоологии и генетики Биолого-почвенного института Дальневосточного филиала АН СССР. В 1972 г. он получает звание профессора и занимает пост директора названного института. Период пребывания во Владивостоке (1971–1977) связан с реализацией задуманного ранее синтеза традиционной зоологии и систематики с новейшими молекулярно-генетическими подходами. Результаты этих исследований показали бесспорную перспективность методов биохимической популяционной генетики для палеобиологических реконструкций.

Эти исследования продолжены Н.Н. Воронцовым и его сотрудниками и после того, как он, проведя 13 лет в Сибири и на Дальнем Востоке в качестве организатора научного процесса и непосредственного активного участника широких научных исследований, возвращается в Москву. Возглавив здесь группу цитогенетики в Институте биологии развития им. Н.К. Кольцова, Николай Николаевич не прекращает руководить исследованиями множества своих учеников, продолжающих начатое им дело в Сибири и на Дальнем Востоке. Достаточно сказать, что в течение ряда последующих лет по разрабатываемым ими темам было защищено 24 кандидатские диссертации, из которых 20 посвящено вопросам систематики, генетики и эволюции млекопитающих. Не прекращаются полевые исследования в Средней Азии и во многих других регионах Советского Союза. Одновременно Н.Н. Воронцов преподает общую биологию в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской.

Еще одна обширная область интересов — это история биологии вообще и эволюционной теории в частности. Всячески подчеркивая непреходящее значение вклада русских ученых в копилку интернациональных знаний, Н.Н. Воронцов неизменно отзывался в своих публикациях на памятные даты, связанные с именами выдающихся отечественных зоологов, генетиков и эволюционистов. Среди этой славной плеяды наших соотече-

ственников следует упомянуть, в частности, М.А. Мензбира, Н.И. Вавилова, И.И. Шмальгаузена, М.М. Завадовского, В.Г. Гептнера, Н.В. Тимофеева-Ресовского, Ю.И. Полянского, А.А. Любищева, А.И. Куренцова, А.А. Ляпунова, И.М. Громова, В.П. Эфроимсона.

Н.Н. Воронцов сделал себе научное имя, работая в области териологии, кариосистематики и теории эволюции. Но главным делом всей его жизни с юннатских времен до последних лет, когда он стал народным депутатом, министром и депутатом Госдумы, была охрана природы.

Ему выпала доля приступить к расчистке завалов, накопленных за годы индустриализации страны поколением отцов. Главной задачей, стоявшей перед Николаем Николаевичем, было добиться осознания и признания значения экологической науки в планах обновления государства. В 1989 г. он избирается народным депутатом Верховного Совета (от научных обществ) и в том же году становится министром природопользования и охраны окружающей среды. На три года ученый вынужден частично отойти от своего привычного образа жизни натуралиста и исследователя и окунуться с головой в основательно запущенные экологические проблемы гигантской страны, раздираемой внутренними политическими и социальными противоречиями.

Об интенсивности работы Н.Н. Воронцова в этот сложный период лучше всего говорит количество подготовленных им текстов. За три года увидели свет ни много ни мало 89 публикаций. Из них 71 — это публицистические выступления и интервью в центральной печати по проблемам экологии и охраны природы, выступления на сессиях Верховного Совета, Верховной Рады Украины, на международных природоохранных симпозиумах, отчетные доклады о состоянии природной среды и природоохранной деятельности в СССР, а позже — в России.

Пользуясь своей известностью, Н.Н. Воронцов привлек к сотрудничеству с министерством десятки ученых и практиков со всех концов СССР. В аппарат министерства влилось много ученых и специалистов. Достаточно назвать имена заместителей министра: член-корреспондент АН СССР Г.А. Заварзин, профессор В.И. Данилов-Данильян, доктор физико-математических наук А.Д. Базыкин, профессор А.А. Никольский. Успешно шло становление природоохранной сети республик и регионов.

Заметных успехов удалось достичь в деле экологической гласности, была начата работа по рассекречиванию экологических данных. Важными задачами стали подготовка национального доклада о состоянии природной среды, разработка проектов государственных программ, развитие международного сотрудничества. Много внимания уделялось природному законодательству.

Особую роль отводил Николай Николаевич охраняемым природным территориям. За два с небольшим года его работы главой природоохранного ведомства площадь заповедников выросла на 20 %. Позже, в начале 90-х гг., когда почти прекратилось государственное финансирование заповедников, он сумел добиться для них средств из фонда Дж. Сороса.

Велики заслуги Н.Н. Воронцова в борьбе с ядерной опасностью. Еще в 1958 г. в «Ленинградской правде» была напечатана его статья «О биологическом влиянии ядерных взрывов» — первая открытая публикация на эту тему в СССР. Будучи министром, он выступил против ядерного испытания на Новой Земле в 1990 г., в 1992 г. инициировал обращение к президенту Франции.

Как ученый, Н.Н. Воронцов понимал важность сохранения единого экологического пространства и выступал против искусственных перегородок, воздвигаемых политиками на территории бывшего СССР. Значительную часть времени в 1991 г. он уделял работе Комиссии по конверсии, предлагая использовать

возможности ВПК для нужд экологической безопасности страны. Николай Николаевич понимал значение мониторинга окружающей среды. Для создания приборного парка мониторинга на базе производственных мощностей ВПК началась работа по привлечению зарубежных инвестиций.

Он постоянно сотрудничал с комиссией, возглавляемой академиком Ю.А. Рыжовым в Верховном Совете СССР. Готовил раздел экологической безопасности в доктрину безопасности страны. Работа экологов встречала сильное сопротивление. Происходили постоянные перестройки природоохранного ведомства, делались попытки лишить министерство его здания.

Удивительно быстро стираются из людской памяти события и лица! В августовские дни 1991 г., чтобы предотвратить кровопролитие, Н.Н. Воронцов ездил в армейские казармы, был единственным из государственных мужей союзного масштаба, выступившим вместе с Б.Н. Ельциным с танка возле Белого дома.

Прекрасно сознавая, что лучшим оружием против воинствующего невежества является знание, Николай Николаевич неизменно видел свою цель в воспитании новых поколений высокообразованных биологов — задача, которая может быть решена лишь при адекватной постановке преподавания современной биологии в школе. Понимая всю моральную ответственность ученого-гражданина, он на протяжении многих лет принимал самое активное участие в разработке современной программы по биологии для школьников старших классов, был соавтором трех вариантов школьного учебника по общей биологии, изданных в период с 1966 по 1995 г. Два учебника дважды переизданы в нашей стране, а один из них увидел свет также на немецком языке в Берлине. Руководство «Краткий курс теории эволюции», написанное Н.Н. Воронцовым в соавторстве с Н.В. Тимофеевым-Ресовским и А.В. Яблоковым (1969, второе издание — 1977; на немецком языке — 1975), стало настольной

книгой каждого образованного биолога в нашей стране. Той же цели воспитания новых высококвалифицированных научных кадров служила преподавательская и публицистическая деятельность Н.Н. Воронцова. Его последняя книга «Развитие эволюционных идей в биологии» основана в значительной степени на курсе лекций, прочитанных ученым на кафедре биофизики физического факультета МГУ. В этой книге подробно рассмотрена история взглядов человека на природу и на пути ее исторических преобразований, начиная с представлений о мироздании в эпоху первобытно-общинного строя и заканчивая современным синтезом классических дисциплин с новейшими направлениями субклеточной и молекулярной биологии.

Н.Н. Воронцов состоял членом редколлегий ряда отечественных и зарубежных журналов («Зоологического журнала», «Вестника зоологии», «Природа» и «Знамя», «Genetica», «Acta Theriologica», «Biologisches Zentralblatt»). Он поддерживал библиотеки, создал в министерстве портретную галерею видных отечественных природоохранников, добивался восстановления храма Косьмы и Дамиана на бывшей Советской площади в Москве. Его усилиями группа ветеранов-генетиков, не изменивших в трудные годы своему гражданскому долгу, получила из рук Президента СССР высокие награды.

В 1991—1992 гг. Николай Николаевич участвует в организации Российской академии естественных наук (РАЕН), становится ее действительным членом и вице-президентом, президентом Международной межпарламентской комиссии GLOBE-Russia при Верховном Совете и вице-президентом GLOBE-International, с 1993 г. — председателем парламентского подкомитета по науке.

Особо следует отметить роль Н.Н. Воронцова в поддержке деятелей науки в России и в странах СНГ со стороны фонда Сороса. В предисловии к фундаментальному справочнику «Кто

есть кто: биоразнообразие» (1997), изданному на средства этого фонда, он подробно описывает историю возникновения фонда Сороса «Биоразнообразие» и своих переговоров с финансистом, итогом которых явилось выделение 4012 стипендий в сумме 250 долларов США каждая зоологам и ботаникам, работающим в 53 субъектах Российской Федерации и в 14 ныне самостоятельных республиках бывшего Советского Союза. Кроме того, в 1997 г. в результате конкурса, проведенного под руководством Н.Н. Воронцова и его коллег соросовским Институтом «Открытое общество», 300 натуралистов, постоянно работающих в заповедниках и на отдаленных стационарах, получили стипендии по 500 долларов США.

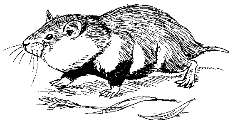
Научное сообщество высоко оценило вклад Н.Н. Воронцова в развитие наших знаний о живой материи и его заслуги в пропаганде эволюционных идей. Начиная с присуждения ему Дарвиновской медали АН СССР в 1959 г. (в возрасте 25 лет!), Воронцов был удостоен многих отечественных и иностранных премий и наград. Его работа была отмечена Государственной премией СССР, несколькими наиболее престижными отечественными академическими наградами (медали им. Ч. Дарвина, Е.Н. Павловского и Н.И. Вавилова, премия им. А.Н. Северцова, медаль им. Н.В. Тимофеева-Ресовского Российской академии медицинских наук), а также рядом зарубежных (Серебряная медаль Треккани от Итальянского энциклопедического института, Международная экологическая премия им. Б.-Х. Шуберта Немецкого общества Макса Планка, специальный членский приз Гарвардского университета). Н.Н. Воронцов был почетным членом Санкт-Петербургского общества натуралистов, председателем секции зоологии Московского общества испытателей природы, секции охраны генома Общества генетиков им. Н.И. Вавилова. Он был членом ряда зарубежных научных обществ: Американского и Немецкого териологических обществ,

Общества по изучению эволюции, Палеобиологического и Географического обществ США, состоял членом Шведской королевской академии естественных наук и Американской академии искусств и наук.

Он умел находить с людьми общий язык, был любящим мужем и отцом. Это был азартный, смелый и остроумный человек, он прекрасно выступал, работал на износ, не щадя себя. Свои последние статьи он диктовал, уже будучи прикованным к постели.

Николай Николаевич Воронцов, несомненно, оставил яркий след в новейшей истории нашей страны.

Е.Н. Панов,
Е.В. Раменский



Ãîäû ðàáîòû â ÇÈÍå

Я привык называть Николая Николаевича Воронцова просто Колей. Он мой товарищ по Зоологическому институту Академии наук (ЗИН), и основное внимание в моих воспоминаниях уделено нашей совместной молодости.

Николай Николаевич появился в лаборатории наземных позвоночных ЗИНа осенью 1955 г. как аспирант видного териолога Б.С. Виноградова, признанного лидера в области систематики млекопитающих.

Время было благоприятное: в институте работало тогда много крупных и очень разных по интересам и методам работы зоологов, с которыми Н.Н. Воронцов смог познакомиться и общаться. Не менее важным было обилие способной молодежи, что весьма способствовало особой творческой атмосфере, царившей в те годы в институте.

Николай Николаевич имел хорошее образование, которое дала ему кафедра зоологии позвоночных Московского университета. Другая, не менее важная школа была пройдена им нелегально. Профессор математики Московского университета А.А. Ляпунов, дочь которого училась на биофаке, организовал для студентов-биологов неофициальный кружок, где изучалась и обсуждалась изгнанная из учебных программ генетика. Занятия семинара проводились в квартире Ляпуновых, куда приглашались многие видные, опальные в то время московские генетики (Б.Л. Астауров, Н.П. Дубинин, М.М. Завадовский, Д.Д. Ромашов, В.П. Эфроимсон и др.). Николай Николаевич приехал в Ленинград с хорошими знаниями генетики (в отличие от всех нас), с убеждением в важности этой науки для эволюционных построений и полный неприязни к «мичуринской биологии» и ее носителям. Борьбу за признание и возрождение генетики в СССР Н.Н. Воронцов считал важнейшим делом и своим личным долгом.

В Ленинград он привез молодую жену Лялю (Елену Алексеевну) Ляпунову, дочь организатора генетического кружка. Думаю, что родственные отношения с семьей потомственных московских интеллигентов тоже имели большое значение для формирования личности Николая Николаевича. Этому кругу были свойственны оппозиционность крайностям режима, понятия о чести и достоинстве ученого, гражданственность жизненных позиций. Примером последнего и была работа неофициального студенческого кружка по генетике: 50 лет назад его организацию следовало считать гражданским подвигом, чреватым потерей положения, работы, а то и свободы.

Объектом аспирантской темы Николая Николаевича были хомяки. Работы такого типа обычно завершались написанием монографии, главное место в которой занимали подробные данные о видах, обитавших на территории СССР. По этому, вполне почетному, но стандартному пути Н.Н. Воронцов двигаться не захотел: его интересовала вся группа настоящих хомяков. Палеарктические представители подсемейства Cricetinae являются лишь осколком мировой фауны хомяков, особенно богатой в Новом Свете. Последние были плохо представлены в наших коллекциях, и Николай Николаевич начал энергично добывать в обмен нужный материал, рассылая письма по малознакомым южноамериканским музеям. В результате он собрал уникальную коллекцию, включающую почти все роды хомяков мировой фауны.

Традиционные систематические признаки (особенности строения черепа и скелета) не удовлетворяли Н.Н. Воронцова. Он увлекся сравнительным изучением пищеварительной системы, которая ранее (за исключением зубов) мало интересовала систематиков. Николай Николаевич доставал из столетних, закупоренных еще с помощью бычьего пузыря банок уже полуразвалившихся заспиртованных зверьков, извлекал желудок и ки-

шечник, все это тщательно осматривал, измерял (запомнилась всегда грязная деревянная линейка) и зарисовывал. Скептики качали головами, но позднее эта часть работы, дополненная данными о строении зубной системы, особенностях жевательной мускулатуры и механизме движения челюстей, легла в основу блестящей монографии «Эволюция пищеварительной системы грызунов (мышеобразные)», в полном виде опубликованной только в 1967 г. Из этой работы возникла идея принципа неравномерности темпов эволюции органов одной системы, развивавшая представления А.Н. Северцова об общих закономерностях эволюционного процесса.

С аспирантских лет возник глубокий интерес Николая Николаевича к кариологии. В середине 50-х гг. XX в. практическим изучением кариотипов млекопитающих занимался в мире лишь швейцарец Р. Маттей. Н.Н. Воронцов списался с ним и многие годы посылал в Женеву живых грызунов из состава нашей фауны для определения их кариотипов. Его работа по хромосомным наборам млекопитающих была заслушана на семинаре лаборатории наземных позвоночных ЗИНа и зачтена как экзамен по специальности, который полагается сдавать аспирантам.

Позже, уже во время работы Николая Николаевича в Сибири и на Дальнем Востоке, кариология была дополнена рядом других методов исследований генетических признаков у млекопитающих. Интерес к новым методам и стремление совместить их с классическими в решении проблем систематики всегда были ему свойственны.

Характерной особенностью Н.Н. Воронцова была любовь к зоологическим коллекциям, окрепшая во время работы в ЗИНе. В экспедициях он много и успешно ловил, но не чурался подбирать по дорогам и задавленных транспортом зверьков. Сам особой искусностью в изготовлении тушек млекопитающих не отличался, однако великолепно умел организовать работу по сбо-

ру коллекций. Так, он оценил необычайное богатство и смешанный характер териофауны Зайсанской котловины и со свойственной ему энергией и размахом добился, чтобы под его началом туда была послана большая экспедиция. Она очень для меня памятна: это была моя первая поездка в поле на автомашине. Позднее такие экспедиции стали обычными, а в 1962 г. использование «своего» автотранспорта было великим новшеством, поражавшим воображение легкостью и удобством попадания в самые удаленные от транспортных потоков места. Думаю, что опыт Зайсанской экспедиции очень пригодился Николаю Николаевичу: по ее образцу он впоследствии организует десятки экспедиций на автомашинах (во многих из них он участвовал лично) в разные концы страны.

В составе Зайсанской экспедиции работало четыре териолога, усилиями которых в ЗИН было доставлено порядка 900 коллекционных экземпляров млекопитающих. В их числе большая серия считавшихся редкими карликовых тушканчиков и новая, выделенная Н.Н. Воронцовым форма толстохвостого тушканчика *Pygeretmus vinogradovi* Vorontsov, 1958 (ныне как особый вид не рассматривается).

Надо сказать, что тушканчики были «слабостью» Николая и тогда, и в более поздние времена. Им было описано два новых вида карликовых тушканчиков, один из которых — *Salpingotus heptneri* Vorontsov et Shenbrot, 1969 — общепринят, другой — *S. pallidus* Vorontsov et Shenbrot, 1984 признается не всеми исследователями. Имя Воронцова как первоописателя носит еще один вид грызунов — закавказский мышевидный хомячок *Calomyscus urartensis* Vorontsov et Kartavtseva, 1979. Редко кому из современных териологов выпала честь быть автором такого количества новых форм.

Коллекции Н.Н. Воронцов собирал всюду, куда бы он ни попал. Особенно бурную и масштабную деятельность по их сбо-

ру он развернул, уже работая во Владивостоке. Он мечтал создать здесь третий по масштабу (после Москвы и Петербурга) центр хранения зоологических коллекций. Он ни в чем не терпел провинциальности, поэтому материалы собирались не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и по всей территории СССР, в первую очередь в Средней Азии, Казахстане и на Кавказе. К сожалению, создать «третий зоологический Рим» не удалось. Большая коллекция требует неустанной заботы и высокой культуры хранения, обеспечить которую после вынужденного отъезда Н.Н. Воронцова из Владивостока было невозможно. Собранные материалы (более 10 тыс. единиц хранения) были переданы в ЗИН и влиты в его териологические коллекции, где они доступны для каждого заинтересованного специалиста.

Трогательную заботу о пополнении коллекций Николай Николаевич проявлял и тогда, когда возможностей для их сбора у него уже не стало. В качестве министра он широко разъезжал по миру, но экскурсии в природу эти представительские мероприятия не предусматривали. Однако из каждой поездки он умудрялся привезти и отдать специалистам экзотических насекомых или иную мелочь.

Николай Николаевич уважал и ценил свой труд. Все, чем он занимался (включая курсовые и дипломную студенческие работы), он доводил до печати: скоплений полуготовых рукописей, как у многих, в молодости у него не было. В период работы в ЗИНе по одному экземпляру оттисков своих статей он любовно вклеивал в особую красную папочку. Мы смеялись, что он хочет облегчить труд грядущим биографам, и, кажется, были недалеки от истины. Самим нам вклеивать в папочки было в те годы почти нечего.

С приходом Н.Н. Воронцова в институт резко возрос накал того, что было принято называть общественной жизнью. По его инициативе начал функционировать молодежный семинар, где

молодые сотрудники, не стесняясь присутствия старших, обсуждали разного рода общие проблемы зоологии. Происходило все это в неформальной обстановке, с употреблением бутербродов, лимонада и пива. Очень оживилась работа молодежной газеты «Myrmica», где стала резко обсуждаться святая святых администрации — кадровые проблемы. Николай посчитал число публикаций (по авторскому каталогу библиотеки) и выяснил, что у нескольких сотрудников таковых нет вовсе. Поднялся скандал, обиженные кинулись жаловаться — кто в дирекцию, кто в партбюро, но несколько самых одиозных лиц были после этого все-таки отправлены на пенсию. В данном случае Н.Н. Воронцов посягнул на «благолепие», обычное для академического института, и не постеснялся поименно назвать бездельников. Вместе с тем я помню, как он настойчиво ходатайствовал за людей, которых считал напрасно обиженными. Лет 20 назад, уже работая в Москве, Николай Николаевич принял живейшее участие в судьбе заведующего кафедрой зоологии в городе Фрунзе А.Т. Токтосунова, которого выживали враги или конкуренты. Я советовал ему не вмешиваться в эти киргизские разборки, но Николай считал, что, если коллега безвинно страдает и просит помощи, его долг откликнуться.

Он не признавал формальной дисциплины и всегда конфликтовал с ее адептами. Он был «совой» — любил работать до глубокой ночи, а на работу являлся часа на три позднее положенного. Это происходило в эпоху, когда рабочий день сотрудников строго контролировался с помощью персональных жестяных номерков, которые вешались по приходе и снимались при уходе из института. Я уже не помню, как Николай Николаевич выходил из положения, но удобный для себя режим дня он не изменял. Думаю, что в таких делах ему помогало и личное обаяние, и ощущение значительности его личности, которое испытывали окружающие. Не знаю, как он решал вопросы дисцип-

лины подчиненных, будучи директором, но сомневаюсь, чтобы он был способен на двойной стандарт.

Николаю Николаевичу многократно предлагали вступить в партию, но тут он был тверд как скала: самые убедительные речи и посулы не действовали. Так он и оставался единственным в стране беспартийным директором академического института, а затем министром. Это тем более удивительно, что Н.Н. Воронцов был отнюдь не равнодушен к своему служебному положению; оставаясь вне партии, он понимал, что закрывал себе возможности карьерного роста и необходимых ему поездок за рубеж.

Как положено, в молодости мы были веселы и много смеялись. Расскажу об одной шутке, в которой Николай принимал самое активное участие и, возможно, был ее инициатором. В те далекие весенние дни ЗИН ждал приезда Хрущева, но не генерального секретаря ЦК, а его сына — любителя и коллекционера бабочек. Визит предполагался неофициальный, тем не менее уборщицы мыли кабинеты, были вызваны полотеры, а лаборантам выдали новые халаты. Эта холуйская чрезмерность и навела на мысль подменить гостя. В университете отловили двух прилично одетых и солидных с виду парней-биологов, один из которых взялся изображать «самого», а другой — сопровождающего. Мы подвели их к нужному кабинету, постучали в дверь и разбежались. Через час они вышли, неприступные с виду (вошли в роль!), но весьма довольные. Как говорили тогда, оба получили в подарок дефицитные энтомологические булавки и дубликаты красивых экзотических бабочек.

Финал этой истории принято рассказывать в традициях гоголевского «Ревизора»: настоящий сын не столкнулся в кабинете с самозванцем, а приехал позднее. Самое интересное, что последовательное появление двух сыновей Н.С. Хрущева не удивило принимавшую сторону. Ответственный за прием товарищ

был уверен, что первыми были сотрудники КГБ, проверявшие безопасность и готовность института к встрече важных гостей.

Весь ленинградский период своей жизни в бытовом отношении Николай Николаевич существовал достаточно трудно. Первые годы они с женой снимали комнаты, часто в страшных коммунальных квартирах, потом он ютился в весьма некомфортабельном помещении в здании института. Мне помнится, что это была бывшая дворницкая со странным сводчатым потолком и облупившимися стенами; обстановка включала раскладушку, стол и пару стульев. Здесь он существовал несколько лет один, вдали от находившейся в Москве семьи, без которой очень скучал. Кормился Николай Николаевич почти исключительно в ближней дешевой столовой, носившей название «Академичка».

Н.Н. Воронцов любил и высоко ценил ЗИН, но в 1963 г. с ним расстался. Формальной причиной ухода считалось отсутствие жилья, но я думаю, что она лежала глубже: масштабы Зоологического института становились для него малы. Он созрел к тому времени до создания собственной «команды», работы исключительно по своим проектам. Такие возможности могло предоставить молодое тогда Сибирское отделение Академии наук, куда Николай Николаевич с семьей вскоре и перебрался. С момента ухода из ЗИНа он начал совмещать чисто научную работу с научно-организационной, причем масштабы последней постепенно возрастали.

В 1977 г. Николай Николаевич был вынужден уйти из Биолого-почвенного института во Владивостоке, остался без работы, и ЗИН имел возможность снова видеть его своим сотрудником. Прежний директор института академик Б.Е. Быховский высоко ценил Н.Н. Воронцова и многократно приглашал его вернуться. Но сменившей Б.Е. Быховского администрации Николай Николаевич казался, вероятно, чересчур неуправляемым и амбициозным, возможно, даже опасным, поэтому много-

численные ходатайства «снизу» о его возвращении в ЗИН не были услышаны. Николай Николаевич обижался, что родной институт не поддержал его в трудную минуту, но доброго отношения к ЗИНу не потерял.

В начале 90-х гг. стараниями Н.Н. Воронцова все специалисты СССР, занятые проблемой биоразнообразия, дважды получали Соросовские стипендии. Ряд сотрудников ЗИНа были по его личной просьбе задействованы в рецензировании и составлении списков стипендиатов и активно помогли осуществлению этой благотворительной акции. Полученные всеми нами деньги (500 долларов) казались тогда огромными и очень помогли в те трудные годы. Моя семья обзавелась с их помощью компьютером, которым чрезвычайно гордилась; ветеран служит нам до сих пор. Это была последняя совместная с Николаем Николаевичем работа, которой нам довелось заниматься.

Какую бы высокую должность ни занимал Н.Н. Воронцов, он всегда с видимым удовольствием заезжал в ЗИН. Эти визиты были для нас, его старых друзей, праздником: он с неизменным юмором рассказывал массу интересного как о своей работе, так и о разнообразных событиях, с которыми оказывался связан, излагал столичные новости и слухи.

Наверное, рабочие связи Н.Н. Воронцова с ЗИНом могли бы быть теснее, но сетования на эту тему бессмысленны: история, как известно, сослагательного наклонения не знает. Николай Николаевич всегда гордился тем, что начинал ученую карьеру в стенах ЗИНа. Наш институт тоже должен гордиться своим незаурядным воспитанником, оставившим заметный след в териологии, эволюционной теории, экологии, в организации зоологических исследований и воспитании биологов широкого профиля. Он смело шагнул из кабинета ученого в мир политики и на всех постах, которые занимал, показал примеры высокой гражданственности и приверженности демократическим ценностям.

Мы все, хорошо знавшие Николая Николаевича Воронцова, должны быть благодарны судьбе за дружбу с этим замечательным человеком.

П.П. Стрелков

*****

Ñëîâî î á ó÷èòåëå

В предисловии к книге «Развитие эволюционных идей в биологии» Н.Н. Воронцов подробно описал свою научную родословную. Имена, в ней перечисленные, говорят не только о многочисленных учителях, которых он умел находить всю жизнь, но и о благодарном, памятливом ученике. Следуя его примеру, я попытаюсь рассказать о самом Н.Н. Воронцове как учителе.

Мы познакомились осенью 1953 г. Мы — это несколько московских школьников, прочитавших объявление на дверях Зоомузея и записавшихся в кружок при кафедре зоологии позвоночных МГУ, которая еще находилась в том же здании на улице Герцена (сейчас — Большая Никитская). Годом позже весь биолого-почвенный факультет переехал в новое здание на Ленинских горах.

Вели кружок два студента-третьекурсника: Коля Воронцов и Слава Чабовский. Но именно знакомство с Николаем Воронцовым определило дальнейшую судьбу многих кружковцев.

В те годы наиболее популярными для московских юннатов были кружки при зоопарке (КЮБЗ) и Всесоюзном обществе охраны природы (ВООП), участники которых постоянно общались между собой. В кафедральном кружке была своя специфика. Традиционными были выезды в выходные дни «на природу» — в Лосиноостровский заказник или на биостанцию МГУ под Звенигородом. Там учились различать птиц по голосам и силуэтам в небе. По следам, помету и погрызам осваивали методы учета численности, суточных и сезонных миграций животных, постигали такие понятия, как экологическая ниша, стация

переживания, биотоп. А кроме того, усваивали, что для натуралиста не существует «грязной» работы и плохой погоды. Выражаясь поэтическим языком, «состав земли не знает грязи», или, как говорили бывалые КЮБЗовцы, «Здесь вдвое дальше и вдвое гаже — пойдемте здесь!». А в Москве велись регулярные практические занятия по систематике птиц и млекопитающих и лекции, которые неизменно читал Николай Воронцов.

Место для занятий кружка располагалось над залами Зоомузея, «на хорах» среди шкафов, где хранились многочисленные коробки с тушками зверей и птиц, собранных несколькими поколениями зоологов. Каждая тушка сопровождалась этикеткой с видовым латинским названием, именем автора, впервые описавшего этот вид, а также с указанием места, времени и фамилии зоолога, добывшего данный коллекционный экземпляр. Мы невольно приобщались к цепочке профессионалов, да и на нас смотрели как на будущих коллег. Нас посвящали в навыки полевой и лабораторной работы, в научные проблемы — от способов изготовления тушек и чучел до теорий видообразования и эволюции, жарких споров вокруг них.

Все это коренным образом отличалось от школьной программы по биологии, где в те годы господствовали взгляды академика Т.Д. Лысенко, который допускал превращение одного вида в другой в результате изменения состава пищи. Типичный пример — утверждение Т.Д. Лысенко, что, если пеночку кормить мохнатыми гусеницами, из ее яиц выведутся кукушата. Лозунг «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача» был государственной программой действий и с детства внедрялся в сознание. Сейчас уже как-то забылось, что именно варварская идеологизация науки привела к тому, что ученые не могли воспрепятствовать невежественному насилию над природой.

Наш двадцатилетний учитель стал для нас проводником научных идей и традиций, официально запрещенных после раз-

грома отечественной биологии в 1948 г. В те годы кристаллизовалось его собственное научное кредо и жизненная позиция, и он щедро делился с нами, вел за собой.

К счастью, книги опальных ученых и старые учебники можно было купить в букинистических магазинах. По подсказке Н. Воронцова мы нашли «Курс генетики» Э. Синнота и Л. Денна, для того чтобы постичь азы запрещенной «формальной» генетики. Сам Н. Воронцов, смеясь, рассказывал нам, как для усвоения менделевских законов расщепления студенты самостоятельно придумывали генетические задачки. Например, рассматривали возможное «скрещивание» рыжего однокурсника с девицами разной масти и расписывали все предполагаемые вариации «окраски» потомства в первом и втором поколениях. (Если я не ошибаюсь, моделью служил Г. Заварзин.)

Помню, как Н. Воронцов впервые привел нас к А.Ф. Котсу, основателю Дарвиновского музея. Одним из наиболее впечатляющих моментов был рассказ А.Ф. Котса о том, что поначалу он был противником теории естественного отбора и начал собирать материал, ее опровергающий. Потом, по мере приумножения коллекции, он убедился в правоте Чарльза Дарвина.

Сейчас уже трудно понять, что в те годы, когда в общество внедрялось единомыслие, а все основные научные вопросы рассматривались с позиций «единственно правильного марксистско-ленинского учения», сам факт обсуждения аргументов против общепризнанной теории Дарвина мог произвести революцию в мышлении подростков. Становилось понятно, что элементарный научный подход противоречит практике последователей Лысенко, которые учили рассматривать только доводы в пользу «правильных» теорий и полностью игнорировать все, что их не подтверждает.

Николай Воронцов специально фиксировал внимание своих питомцев на соответствии методов исследования поставленной

задаче, на точной записи наблюдений. Воспитание велось на простейших примерах. Казалось бы, совсем простая задача — измерение размера зверька. Однако, вопреки очевидному, измеряемое расстояние от носа до кончика хвоста день ото дня может то увеличиваться, то уменьшаться — в зависимости от напряжения животного. Подчеркивалось, что запись в рабочем журнале должна точно соответствовать величине, полученной при измерении. Любая поправка результатов, подгонка под желаемый ответ — преступление. Запомнился рассказ Н. Воронцова о трагической судьбе австрийского зоолога П. Каммерера, пытавшегося доказать факт наследования благоприобретенных признаков у амфибий. Суть его экспериментов заключалась в демонстрации передачи по наследству пигментных пятен на коже, образующихся у животных, обитающих на темном грунте. Как оказалось, один из сотрудников П. Каммерера, желая ему угодить, делал подопытным животным инъекции обыкновенной туши. Когда это обнаружилось и разразился скандал, П. Каммерер покончил с собой. Из подобных рассказов складывалось представление о необходимости высоких нравственных критериев в научной работе, о том, что выбирая науку, выбираешь стиль жизни, судьбу.

Неудивительно, что, поступив на биофак, мы уже не могли удовлетвориться качеством преподавания многих предметов. Курсы зоологии и ботаники походили на инвентаризацию фауны и флоры, а курсы генетики и дарвинизма состояли из заучивания высказываний академика Т.Д. Лысенко и его последователей и ругани в адрес оппонентов без рассмотрения вопросов по существу.

Тогда же, на первом курсе, некоторые участники школьных кружков вместе с Н. Воронцовым стали посещать домашние лекции профессора мехмата А.А. Ляпунова по вариационной статистике и ее применению в биологии. Дочери Алексея Анд-

реевича Елена и Наталья учились на нашем курсе, и отец после работы старался повлиять на образование дочерей, а заодно и их друзей. Так образовался «домашний кружок Ляпуновых», который потом был назван «подпольным кружком менделистов-морганистов». Нужно сказать, что никакой «подпольности», т.е. закрытости, таинственности совсем не было. Само это слово было из арсенала революционеров-большевиков. Напротив, А.А. Ляпунов стремился открыто обсуждать любые научные проблемы. Однако сам научный подход оказывался враждебным идеологическим заклинаниям. Недаром, когда по доносу на факультете организовали «дело Ляпуновых», преподаватель марксизма выдвинул против участников кружка такое обвинение: «они не поверили, что мы, советские преподаватели научим их всему, что нужно знать, а захотели изучать что-то сами». Был собран комсомольский актив, где нам пытались устроить аутодафе.

Помню, как достойно держались девочки, как спокойно, не поддаваясь на провокации, выступал Николай Воронцов, пользуясь исключительно научной аргументацией. Был уже конец 1956 г. и серьезно никто не пострадал. Но мне запомнился совет профессора нашей кафедры В.Г. Гептнера: «Поверьте моему опыту, не надо ковать железо, пока горячо». Это был опыт человека, уже пережившего репрессии 30-х гг. и разгром биологии в 1948-м. Какое счастье, что благоприобретенные признаки не наследуются!

В последующие годы мы редко встречались — Н. Воронцов и Е. Ляпунова уехали сначала в Ленинград, потом в Новосибирск и Владивосток. Мои профессиональные занятия ушли довольно далеко от зоологии, но «школа» давала себя знать. Года через два после окончания университета я пришла проситься на работу в биологический отдел Института атомной энергии, в лабораторию генетики микроорганизмов к С.И. Алиханяну

(именно на микроорганизмах в те годы решались фундаментальные проблемы генетики). Сос Исаакович, расспросив меня об истоках моих генетических интересов, сказал: «Из кружка Ляпуновых беру не глядя». Позднее пригодились и навыки полевой работы — Р.Б. Хесин поручил мне организацию экспедиций для создания коллекций устойчивых к ртути бактерий.

Хочется вспомнить еще одно важное событие конца 80-х. В январе 1989 г. сотрудники Института атомной энергии в своем Доме культуры совместно с обществом «Мемориал» решили устроить вечера памяти репрессированных ученых. Физики предложили мне собрать материал о репрессированных генетиках. Времени на подготовку было мало, и, зная интерес Н.Н. Воронцова к истории биологии, я обратилась к нему за помощью. Он сразу по памяти назвал много имен, помог разыскать родственников, а также порекомендовал знакомого генетика И.М. Сурикова, который активно включился в организационную работу. Если о судьбе таких ученых, как Н.И. Вавилов, Г.Д. Карпеченко, И.И. Агол и С.Г. Левит, было уже достаточно широко известно, то другие имена были забыты или известны только специалистам. По традиции «Мемориала» удалось организовать «Стену памяти» — экспозицию фотографий с краткими сведениями о научной работе, датами рождения, ареста и гибели (последняя далеко не всегда была известна). Материала о генетиках оказалось много и пришлось собираться дважды. Да и желающих участвовать было немало. Зал Дома культуры, вмещающий более пятисот человек, каждый раз был переполнен. В 1989 г. некоторые представители старшего поколения генетиков были еще живы. Удалось собрать вместе И.А. Раппопорта, В.П. Эфроимсона, В.С. Кирпичникова. Приехал и выступил А.А. Баев, который был осужден по делу своего учителя В.Н. Слепкова и 18 лет провел в местах заключения. Посоветовавшись с Николаем Николаевичем, мы тогда приняли коллективное про-

шение о возвращении гражданства высланному из страны Ж.А. Медведеву, которое потом было передано в приемную Верховного Совета СССР. Н.Н. Воронцов приезжал на оба наших заседания. На вечере, посвященном Н.В. Тимофееву-Ресовскому, ему неожиданно пришлось выступать. Дело в том, что произошла техническая накладка — опаздывала Е.С. Саканян, которая должна была показать свой фильм «Охота на Зубра». И тогда Николай Воронцов вышел на сцену и, как бы предваряя фильм, стал рассказывать о Московском университете времен Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, о его учителях, о расцвете биологической науки в России в предвоенные годы. Он держал зал минут сорок, пока не привезли фильм и удалось начать показ.

Вскоре после этого Н.Н. Воронцов стал депутатом Верховного Совета, потом министром в правительстве М.С. Горбачева, но, несмотря на многочисленные обязанности, он не забыл разыскать ученых, пострадавших от разгрома биологии, но сохранивших верность истинной науке, добился их награждения, с помощью фонда Сороса организовал им материальную поддержку.

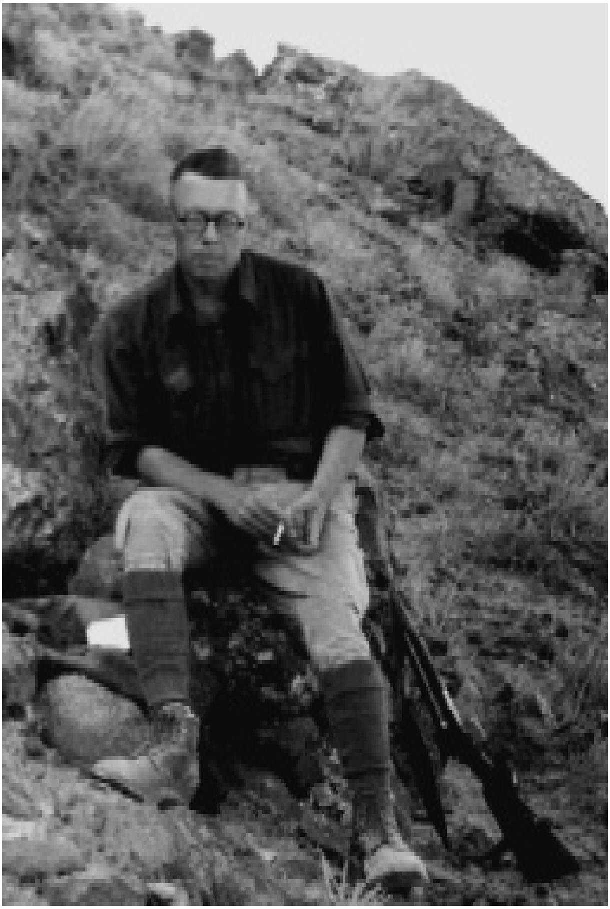
Во всем следовать такому учителю просто невозможно, но сознавать себя его учеником — не только радость, но и большая ответственность.

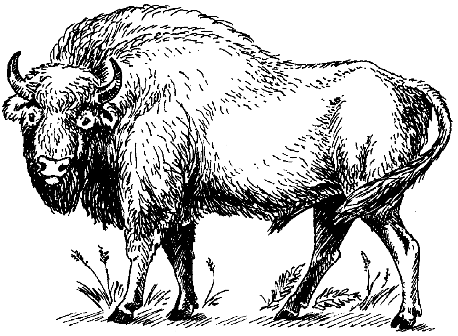
Э.С. Каляева

*****

ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ ГЕПТНЕР

1901–1975





Имя Владимира Георгиевича Гептнера стоит в ряду имен учеников профессоров Г.А. Кожевникова и С.И. Огнева, которые в свою очередь являлись преемниками идейного наследия К.Ф. Рулье, отца-основателя московской школы российской зоологии. Г.А. Кожевников в свою очередь был воспитанником профессора А.П. Богданова, ученика самого К.Ф. Рулье. Для советской зоологии и териологии 1950—70-х гг. Владимир Георгиевич Гептнер стал тем, чем был его учитель и друг, С.И. Огнев, в 1920—40-х гг. Он сохранил не только традиции, но и высокий уровень московской зоологической школы.

Владимир Георгиевич, коренной москвич, родился 22 июня 1901 г. в центральной части Москвы, в Малом Трехсвятительском переулке, отходящем в сторону центра от Покровского бульвара, между Покровкой и Воронцовым Полем.

Род Гептнеров, видимо достаточно древний, как и многие семьи русской интеллигенции имеет корни в Германии. Относительно географически точного места происхождения и рода занятий предков данных на сегодняшний день нет. Однако этимология фамилии указывает на возможную принадлежность к крестьянскому сословию. Так, если отбросить диалектные и последующие русификационные искажения, фамилия первоначально звучала как «Hopfner», что переводится как «хмелевод» (Hopfen — хмель). Немецкое происхождение семьи, не имевшее до революции никакого значения в социальном отношении, в советское время было зафиксировано в паспортах нового образца (в прежних была лишь графа — «вероисповедание») и сыграло большую и даже трагическую роль в судьбах как самого Владимира

Георгиевича, так и его братьев и сестры. Все это было тем более нелепо, что Владимир Георгиевич (как и его родители) был человеком русской культуры и истинного русского национального самосознания и патриотизма.

Первые документальные сведения о семье Гептнеров удается обнаружить в Риге, где в XVIII в. прадед Владимира Георгиевича, Карл Вильгельм Гептнер, как явствует из посемейных списков Рижского податного управления, был то ли купцом, то ли ремесленником. Его женой была Анна Катарина Элизабет Гептнер (урожденная Корш). В семье было три дочери и три сына, один из которых — Андреус Юлиус, в начале жизни купец, а затем бухгалтерский служащий на двух заводах в Санкт-Петербурге, стал дедом Владимира Георгиевича. По вероисповеданию все были лютеране. Один из двух сыновей Андреуса, Георгий (Георг Юлиус) Андреевич, родившийся в Санкт-Петербурге, стал отцом Владимира Георгиевича.

Мать Владимира Георгиевича, Валерия (Валерия Цецилия) Августиновна (урожденная Ковалевская), также лютеранского вероисповедания, представляла в роду немецко-польскую линию, ведущую происхождение из городка Кратошина близ Познани. Оттуда ее отец, Августин Георгиевич, типографский наборщик, владевший польским, немецким, французским языками, знавший также латынь и греческий, переехал во Владимир, где работал в типографии Владимирского губернского ведомства. В 1896 г. 20-летняя Валерия Августиновна обвенчалась во Владимирской евангелическо-лютеранской церкви с Георгием Андреевичем Гептнером.

Отец Владимира Георгиевича переехал в Москву из Петербурга в 70-х гг. XIX в., окончил Московскую земледельческую школу, служил бухгалтером на Московском котлостроительном заводе Бари, отправлял должность кистера, управляющего делами и бухгалтера реформатской (кальвинистская ветвь лютеранства) церкви в Малом Трехсвятительском переулке и имел при

ней квартиру. В том же доме, в его пяти квартирах, обитало еще несколько семей немецкого происхождения. Теперь дом принадлежит Всероссийской общине евангельских христиан-баптистов.

С 1918 по 1924 г. отец Владимира Георгиевича служил бухгалтером в ряде советских учреждений. Валерия Августиновна, прекрасно знавшая иностранные языки, работала переводчицей и корректором в Институте иностранных языков. В семье было пятеро детей.

До революции семья жила небогато, но в достатке. Родители постарались дать старшему сыну хорошее образование и отдали его в дорогую швейцарскую реформатскую школу-гимназию. Школа давала прекрасное по тем временам образование с обязательным знанием нескольких иностранных языков.

В семье Гептнеров не было биологических традиций. Первые впечатления от общения с природой были получены Владимиром Георгиевичем во время летних каникул, которые он с братьями проводил у своей бабушки, Эммы Ивановны Ковалевской, на дачах под Владимиром, на берегу Клязьмы и ее притока Колокши. Обе реки в те времена были полноводны и богаты рыбой, а окрестная природа, тогда еще мало измененная человеком, давала богатые впечатления детской наблюдательности, пробудившие в нем талант прирожденного зоолога.

Этот талант, начавший быстро развиваться, привел его, еще юного гимназиста, в Зоологический музей Московского университета, к профессору М.А. Мензбиру, знаменитому зоологу и орнитологу, общественному деятелю, впоследствии академику и ректору Московского университета. Профессор Мензбир, отличавшийся внешней строгостью и суровостью в отношении студентов и людей старшего поколения, был в то же время чрезвычайно открыт и доступен юным школярам, проявлявшим интерес и склонность к зоологии. Он прекрасно понимал, как важно открыть и поддержать природный талант именно в самом нача-

ле его проявления. Эта встреча, по-видимому, окончательно определила судьбу Владимира Георгиевича.

В 1919 г. он поступил на естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета и уже в октябре начал заниматься по орнитологии у еще молодого тогда ассистента С.И. Огнева. В группу входили К.А. Воробьев, А.Н. Промптов, С.Д. Перелешин и Н.И. Соболевский, ставшие впоследствии видными орнитологами.

Среди близких по возрасту коллег и друзей-однокашников были будущие профессора А.Н. Формозов, Е.С. Смирнов, А.А. Захваткин, Б.Б. Родендорф, Б.С. Кузин, И.А. Новиков, Л.А. Портенко, Е.В. Боруцкий, В.Г. Богоров (один из создателей советской биологической океанологии), а также А.Н. Дружинин, А.Д. Старостин, И.И. Спижарный, И.И. Малевич, А.Н. Желоховцев, О.А. Харузин, Л.Б. Беме и другие известные впоследствии зоологи.

По поручению С.И. Огнева Владимир Георгиевич попутно принимает на себя обязанности хранителя орнитологических коллекций. С этого же времени начинается интенсивная экспедиционная деятельность Владимира Георгиевича. В это время под влиянием учителей, выдающихся зоологов М.А. Мензбира, П.П. Сушкина, С.А. Бутурлина, С.И. Огнева, Г.А. Кожевникова и Б.М. Житкова сложились основные сферы его научных интересов.

Первые орнитологические экскурсии были предприняты совместно с К.А. Воробьевым по предложению профессора Г.А. Кожевникова уже весной 1920 г. в поймы рек Оки, Пахры, Яхромы, в леса Подольского и Серпуховского уездов и на озеро Сенеж.

Но уже летом по предложению профессора М.А. Мензбира он вместе с Н.И. Соболевским был командирован как орнитолог в длительную Тургайскую мелиоративную экспедицию Народного комиссариата земледелия в Тургайскую (ныне Куста-

найскую) область. Он вернулся лишь через полтора года, в 1921 г., собрав большие коллекции и обогатившись опытом серьезной самостоятельной полевой работы. В этой поездке его поразили красота и приволье открытых степных пространств, любовь к которым осталась в нем на всю жизнь.

Сдав экстерном университетские экзамены за два года занятий, пропущенных из-за Тургайской экспедиции, летом 1922 г. Владимир Георгиевич снова едет в поле. На этот раз он вместе со своим другом К.А. Воробьевым принял участие во втором этапе руководимой С.И. Огневым Воронежской зоологической экспедиции, базировавшейся на знаменитой Докучаевской опытной станции в Каменной Степи. Друзья-зоологи вели орнитологические наблюдения в Хреновском бору, в долине реки Усмани и на озере Битюг.

Летом того же года на средства Наркомпроса С.И. Огнев вывез своих учеников — К.А. Воробьева, Н.В. Шибанова, В.Г. Гептнера при участии Л.Б. Беме — в двухнедельную экспедицию в почти неисследованный и весьма еще неспокойный в те годы Дагестан. Молодые зоологи обследовали окрестности Махачкалы, Хасав-Юртовский и часть Буйнакского округа. Здесь впервые Владимир Георгиевич побывал в предгорных и горных ландшафтах и приобрел вкус к териологическим исследованиям.

Эти работы продлились летом 1924 г. как в Нагорном Дагестане, так и в его Южном и Кизлярском округах. Была обследована территория до границ Грузии на юге и побережья Каспия на востоке. Экспедиция была проведена на средства Дагнаркомпроса и завершилась для Владимира Георгиевича в Пятигорске. Здесь, на учредительном съезде Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации Владимир Георгиевич сделал свой первый научный доклад «Охрана природы и краеведение», тезисы которого были опубликованы в материалах отчета о съезде. Они же стали его первой печатной работой,

обозначившей постоянные научные интересы и практическую деятельность в области охраны природы и заповедного дела.

В 1925 г. Владимир Георгиевич окончил университет и поступил в аспирантуру к профессорам Г.А. Кожевникову и С.И. Огневу.

Его студенческие и аспирантские годы были временем бурного развития зоологии в Московском университете. Во время аспирантуры, как, впрочем, и во время студенчества, наибольшее влияние на становление и развитие интересов Владимира Георгиевича оказали профессор М.А. Мензбир (орнитология, зоогеография), заведующий кафедрой и директор Зоологического музея профессор Г.А. Кожевников (общая биология, прикладная зоология, музейные интересы), профессор Б.М. Житков (прикладная зоология, особенно охотничье хозяйство, морские зверобойные промыслы, охрана природы), профессор С.И. Огнев (териология, систематика, фаунистика). Важно было общение и с рядом других выдающихся ученых — Б.С. Матвеевым, Е.С. Смирновым, С.С. Четвериковым, С.А. Бутурлиным, портрет которого, как и портрет С.И. Огнева, всегда висел дома у Владимира Георгиевича, над рабочим столом, и др. Много дали ему лекции академиков А.П. Павлова и А.Н. Северцова, большой сравнительно-анатомический практикум у Б.С. Матвеева.

В том же 1925 г. под руководством С.И. Огнева с экспедицией, организованной на частные средства, Владимир Георгиевич отправляется в Туркестан (тогда Закаспийскую область), в горы Копет-Дага и на прилежащую равнину. В Ашхабаде к ним присоединяются директор Закаспийского областного музея в Ашхабаде, зоолог, участник полевых исследований знаменитого орнитолога и путешественника Н.А. Зарудного С.И. Билькевич (в 1938 г. репрессирован и погиб) и С.А. Александров, препаратор покойного Н.А. Зарудного.

К этому времени отношения между учителем, С.И. Огневым, и учеником, Владимиром Георгиевичем, сложились в крепкую дружбу. Несмотря на 15-летнюю разницу в возрасте, они перешли «на ты», и эта ничем не омрачавшаяся дружба продолжалась до последних дней С.И. Огнева. Так сказать официальное объявление об этой дружбе было сделано Сергеем Ивановичем в их совместной работе «Млекопитающие среднего Копет-Дага и прилежащей равнины», опубликованной в 1929 г. Во введении к ней Владимир Георгиевич характеризуется так: «...мой друг и постоянный спутник В.Г. Гептнер, оказавший в работе неоценимые услуги». С.И. Огнев, которого Владимир Георгиевич считал одним из своих главных учителей, поощрял его склонность к таксономическим исследованиям, а их совместное путешествие помогло выбрать и первый достойный серьезного изучения объект — грызунов. И прежде всего группу песчанок. Именно серия публикаций по песчанкам принесла позднее молодому ученому мировую известность.

Туркмения с ее дикой природой и приветливым, по-восточному экзотическим народом произвела на Владимира Георгиевича, увлекавшегося в юности романтической поэзией «серебряного века», и особенно поэта, путешественника и охотника Н.С. Гумилева, огромное впечатление. Впоследствии Владимир Георгиевич возвращался туда неоднократно, и эта страна сыграла большую роль в его жизни.

Опубликовав ряд работ по Дагестану, В.Г. Гептнер снова едет в Туркестан в 1927 г. В этой экспедиции обследованы долины рек Чандыра, Сумбара, Западный Хорасан, ущелья Чули и Фирюза, окрестности Ашхабада.

В Ашхабаде, в доме С.И. Бeffилькевича, где постоянно собиралась интеллигентная молодежь небольшого тогда города, Владимир Георгиевич познакомился со своей будущей женой Ниной Сергеевной Рудневой.

Нина Сергеевна родилась в 1905 г. в семье потомственного офицера Сергея Ивановича Руднева, в горном Дагестане, в местечке Дишлагар, недалеко от Махачкалы. Самурский пехотный полк, в котором служил ее отец, время от времени менял дислокацию, и поэтому Нина Сергеевна училась сначала в Институте благородных девиц в Тифлисе, затем в гимназиях различных городов Северного Кавказа, а в предсоветское время — в Баку. В первую мировую войну ее отец воевал на Львовском направлении, стал георгиевским кавалером, а к концу войны — генералом. В гражданскую войну был одним из командующих частями Белой армии, воевавшими на Кавказе. В 1920 г. погиб в Баку во время красного террора.

В соответствии с советскими дискриминационными порядками тех времен Нина Сергеевна, как дочь белого офицера, а тем более достаточно известного военачальника, была ограничена (тогда говорили: «поражена») в правах и по окончании школы не смогла продолжить образование. После 1920 г. она вместе с матерью и старшим братом Валерьяном переехала в Ашхабад, где работала машинисткой в различных советских учреждениях.

В 1930 г. Владимир Георгиевич и Нина Сергеевна поженились и она с матерью, Антониной Викентьевной, окончательно переехала из Ашхабада в Москву.

Одним из учителей Владимира Георгиевича, оказавшим большое влияние на формирование его научных интересов, был профессор, в то время заведовавший кафедрой зоологии позвоночных животных МГУ, охотник, путешественник, крупный знаток Севера и охотничьего промысла Б.М. Житков.

Под его патронажем уже через год после возвращения из Туркмении в 1928 г. Владимир Георгиевич был командирован в научно-промысловую экспедицию Комсевморпути в Арктику для изучения возможностей зверового промысла. В этой экспеди-

ции на зверобойной шхуне «Профессор Борис Житков» (в царское время исследовательское судно «Андрей Первозванный») при участии приглашенного норвежского промышленника и зверобоя О. Ларсена, Владимир Георгиевич посетил Белое, Баренцево, Карское моря, остров Диксон и Таймыр. Планы экспедиции составляли вместе с Б.М. Житковым. Основной интерес — промысел белухи. Результатом стала публикация (1930), фактически монография по белухе, по экономике ее промысла в Норвегии, и заметки о млекопитающих Таймыра.

Однако Север, несмотря на хорошо известную его притягательность, не повлиял на привязанность Владимира Георгиевича к азиатским просторам. В 1929 г. он вновь едет в Туркестан, Западные и Восточные Каракумы и Репетек также в рамках промысловых интересов на средства Центральной пушной конвенции и Пушногосторга. И тоже под вдохновляющим покровительством профессора Житкова.

Интерес к среднеазиатской фауне углублялся, и в 1929 г., летом, Владимир Георгиевич снова в Азии. Но на этот раз в Узбекистане, в составе совместной экспедиции Наркомзема УзССР и Зоологического института АН СССР под общим руководством известного ленинградского териолога профессора Б.С. Виноградова. Маршрут: Самарканд — Коканд — Фергана — Самарканд. По результатам этой поездки в 1936 г. была издана совместная с Б.С. Виноградовым и А.И. Аргиропуло монография «Грызуны Средней Азии». В.Г. Гептнер написал в ней раздел по своим любимым песчанкам.

В 1929 г. аспирантура закончена и Владимир Георгиевич становится заведующим отделом млекопитающих Зоологического музея МГУ, оставаясь в этой должности вплоть до 1941 г.

Последующие три года были отданы Владимиром Георгиевичем публикациям по грызунам, пушному делу и промыслу. Среди них очерки, посвященные корсаку, соболю, медведям,

зайцам, соне-полчку. В журналах «Пушное дело», «Союзпушнина» и «Зоологический журнал» в 1929—1932 гг. печатались статьи о тонкопалом суслике, большой песчанке, земляной крысе и возможностях их промысла. Кроме того, был написан ряд статей, касавшихся как биологии и географии отдельных видов охотничьих животных, так и вопросов охотничьего хозяйства в целом.

Репрессии 1933 г. не миновали и семью Владимира Георгиевича. Вместе с женой он был арестован, и оба были приговорены по статье 58/10 за «участие в подпольной антисоветской организации» к трем годам лагерей. По тем еще довольно либеральным временам срок относительно небольшой. После предварительного заключения в Бутырской тюрьме Владимир Георгиевич был отправлен в Мариинские, а Нина Сергеевна в Новосибирские лагеря Сибирского отделения ГУЛАГа.

В том же году в должность генерального прокурора вступил А.Я. Вышинский, предпринявший в начале своей карьеры пересмотр ряда дел, по которым хлопотали родственники осужденных. Настойчиво добивалась освобождения своего отца и дочь одного из подельников супругов Гептнер (с которым они не были даже знакомы !), профессора Шанько. В результате дело всей «организации» было пересмотрено, обвинения признаны сфабрикованными, а через полгода Владимир Георгиевич и Нина Сергеевна были освобождены и вернулись в Москву.

Тем не менее факт пребывания в лагере как клеймо гражданской неполноценности оставалось на нем долгие годы, возбуждая подозрения в известных кругах, особенно обострившиеся во время репрессий в конце 30-х гг. и в военное время. Официальная реабилитация пришла только в 1985 г., через 10 лет после кончины Владимира Георгиевича.

В годы предшествующих экспедиций были накоплены обширные материалы, и пребывание в лагере никак не отражается

на интенсивности публикаций. Тем не менее поездки продолжаются, и уже в 1934 г. Владимир Георгиевич вместе с С.С. Туровым и известным художником-анималистом А.Н. Комаровым отправляются на практически не изученный в то время Горный Алтай. Под руководством С.С. Турова экспедиция прошла конным караваном по рекам Кыге, Чулышману, Тушкену, обследовала берега Телецкого озера. Результаты этого путешествия, одной из лучших и наиболее ярких по впечатлениям поездок Владимира Георгиевича, вопреки обыкновению не оставили никакого следа в виде публикаций. Это объясняется, по-видимому, интенсивной работой над ранее собранными материалами и книгами «Грызуны Средней Азии» и «Общая зоогеография».

В 1934 г. уходит в отставку академик М.А. Мензбир. По его просьбе декан факультета назначает В.Г. Гептнера преемником академика по курсу «Зоогеография». Владимир Георгиевич приступил к нему уже хорошо подготовленным и глубоко знающим предмет зоогеографом и с этого момента читал этот очень любимый им курс до конца своей жизни.

Почти одновременно началась работа над книгой-руководством «Общая зоогеография». Замечательно, что впервые появившаяся на русском языке столь фундаментальная сводка по зоогеографии была написана 34-летним ученым менее чем за год. Книга представляет собой совершенно оригинальное систематизированное изложение наиболее общих закономерностей и проблем современной зоогеографии. К этому капитальному труду, пронизанному идей синтеза исторического и экологического направлений в зоогеографии и представляющему ныне предмет особых вожделений библиофилов, зоологи и географы постоянно обращаются и сегодня.

«Общая зоогеография» получила весьма высокую оценку в рецензии академика Л.С. Берга (1938), по словам которого книга

«представляет собой одно из лучших руководств по зоогеографии и... окажет громадную помощь нашим зоологам и географам в деле дальнейшей разработки проблем зоогеографии вообще и географии животных Союза в частности... Книга В.Г. Гептнера заполняет большой пробел в нашей зоогеографической литературе. Она является незаменимым пособием при преподавании зоогеографии».

В 1934 г. Владимир Георгиевич был утвержден в звании профессора биологического факультета. А в 1936 г., после выхода в свет упомянутых книг, ему была присвоена ученая степень доктора биологических наук без защиты диссертации.

Интерес Владимира Георгиевича к систематике, и в том числе к структуре вида, понимавшейся им достаточно широко, продолжал углубляться. В этой связи в 1936 г. он предпринял небольшую экспедицию от Зоологического музея в Крымский заповедник для исследования местной фауны грызунов. Результатом стала известная его работа, высоко ценимая «грызунятниками» прежде всего, «Лесные мыши Горного Крыма», опубликованная, правда, значительно позже (1940).

Последующие пять лет — годы общего подъема научной и педагогической деятельности, достигшего максимума к 1941 г. 1940 г. ознаменовался для семьи Гептнеров еще и рождением сына. Дружный коллектив Зоомузея, как и подобает, бурно отметил это событие и тут же нарек младенца Михаилом. Родителям оставалось только подчиниться «гласу народа» и принять это «зоологическое» в бытовом понимании имя как данность.

В 1941 г. Владимир Георгиевич переходит с должности заведующего отделом териологии Зоологического музея на должность профессора кафедры зоологии позвоночных животных. И в том же году — Великая Отечественная война, разразившаяся в день его рождения, 22 июня 1941 г.

Вскоре начались бомбежки и ночные дежурства Владимира Георгиевича на крыше Зоомузея вместе с другими сотрудниками в составе дружины по борьбе с зажигательными бомбами. Осенью, с приближением фронта к Москве, развернулась эвакуация университета в Ашхабад. Однако эвакуировались не все факультеты. Так, например, исторический не только не уехал, но и вообще не прерывал своих занятий. Не захотели покинуть университет и профессора биологического факультета С.И. Огнев, С.С. Туров, Б.С. Матвеев и некоторые другие. Собирался остаться и Владимир Георгиевич. Однако его вынудили уехать, недвусмысленно дав понять, что в противном случае он снова окажется в руках НКВД.

Нешуточность такой перспективы показала судьба его брата Георгия, классного летчика гражданской авиации, с первых дней войны водившего тяжелые самолеты с боеприпасами для снабжения передовой. Тем не менее вскоре его как «паспортного» немца заключили в концентрационный трудовой лагерь для интернированных русских немцев под Нижним Тагилом. Там вместе с математиком, будущим академиком и директором института, Б.В. Раушенбахом, ставшим позднее (вместе с С.П. Королевым и М.В. Келдышем) одним из трех создателей и столпов советской космонавтики, он провел несколько первых военных лет, работая в кузнице молотобойцем.

29 октября с последним университетским эшелоном семья Владимира Георгиевича выехала в Ашхабад. Эшелон едва успел проскочить мост через Оку, прежде чем тот был разрушен авиацией противника. Также счастливо удалось выйти из-под бомбежек и южнее, у города Михайлова, и миновать мост через Волгу у Саратова.

Снова оказавшись в любимой им Туркмении, Владимир Георгиевич, несмотря на трудности военного времени, продолжил полевую работу. Летом 1942 г. он возглавил экспедицию, орга-

низованную университетом совместно с Управлением по заповедникам Туркмении, в южную часть междуречья Теджена и Мургаба (Бадхыз). В том числе в только что созданный недалеко от Кушки обширный Бадхызский заповедник площадью 800 тыс. га. В то время это была наименее известная во всех отношениях часть Туркмении, в которой в течение предыдущих 60 лет не бывал ни один натуралист. Весь основной маршрут протяженностью в 500 км с 8 мая по 20 июля был пройден с караваном верблюдов.

Несмотря на тяжелейшие условия путешествия в жаркой безводной стране, Владимир Георгиевич вернулся в Ашхабад полный планов дальнейших исследований. Здесь он с огорчением узнал, что университет переводят из теплой и сравнительно благополучной во всех отношениях Туркмении, где столичный университет пользовался особым расположением властей, в климатически суровый и, как позднее оказалось, еще и голодный Свердловск. Часть ученых к тому моменту уже уехали. Остаться значило для Владимира Георгиевича расстаться не только с университетом, но соответственно и с Москвой.

Причиной нового переезда было ходатайство некоторых престарелых, но достаточно влиятельных профессоров университета, которым климат туркменской столицы, давно и успешно обжитой русскими и бывшей тогда фактически русским городом, показался слишком жарким. Возможно, они рассчитывали на то, что их переведут в какое-нибудь место типа курортного Борового в Казахстане, куда эвакуировали В.И. Вернадского и многих других академиков. Во всяком случае сегодня перевод университета в весьма суровый Свердловск наводит на мысль о наказании капризной столичной профессуры чиновниками, вынужденными во второй раз решать множество организационных проблем, связанных с новым перемещением, размещением и трудоустройством большого числа людей.

По приезде в Свердловск семья Владимира Георгиевича тотчас оказалась под пристальным вниманием местного НКВД, сразу же решившего проявить бдительность и отправить его как немца в концлагерь, а жену с престарелой матерью и двухлетним сыном выслать без всяких средств к существованию в сельскую местность. Последнее, по условиям военного времени, означало практически верную гибель от голода среди откровенно враждебного к такого рода подселенцам деревенского населения. Уже были отобраны паспорта и коллеги собирали для Владимира Георгиевича теплые вещи.

Судьбу решила случайная уличная встреча с зоологом Б.В. Образцовым, братом известного актера-кукольника С.В. Образцова. Отец братьев, известный ученый в области железнодорожного транспорта, академик, член президиума АН СССР В.Н. Образцов, был тогда организатором всех военных перевозок страны и имел высокое звание генерал-директор движения 1-го ранга, что соответствовало воинскому «генерал-полковник». По рекомендации сына Бориса после ознакомительной беседы с Владимиром Георгиевичем Образцов-старший, человек очень влиятельный, принял меры: отобранные паспорта были возвращены и семью оставили в покое.

Жизнь в уральском городе была чрезвычайно трудной и голодной, многие, и в том числе Владимир Георгиевич, страдали от недоедания, всякая научная работа прекратилась. Семьи университетских профессоров, чтобы как-то поддержать себя, продавали на рынке собственные вещи и часть продуктов из скудных университетских пайков. Тем не менее Владимир Георгиевич продолжал работать над материалами о кулане. Писчей бумаги не хватало, писать порой приходилось на обороте старых обоев.

В 1943 г. руководство университета добилось возвращения факультета в Москву. Однако здесь Владимира Георгиевича

постиг новый удар. Ему, как немцу по паспорту, в возвращении органами НКВД было отказано. После отъезда коллег он, по его собственному выражению, «остался, как медуза на берегу при отливе». Из университета он был отчислен и стал заведовать кафедрой естествознания в Свердловском педагогическом институте, читая курс общей зоологии.

Однако друзья и коллеги Владимира Георгиевича настойчиво хлопотали о его возвращении. Наконец весной 1944 г. усилиями декана факультета С.Д. Юдинцева, ближайших коллег В.И. Цалкина и С.С. Турова, после писем декана секретарю ЦК партии по идеологии А.А. Жданову и обращения 12 профессоров биологического факультета к наркому внутренних дел Л.П. Берии, разрешение было получено. В начале лета семья вернулась в Москву, а Владимир Георгиевич был восстановлен в должности профессора факультета.

Но радость возвращения вскоре была омрачена новым ударом: 1 июля 1944 г. погиб на Балтике младший любимый брат Владимира Георгиевича Эрик, командир бомбардировщика-торпедоносца.

После возвращения из эвакуации жизнь семьи быстро входит в рабочий ритм. Интенсивность публикаций Владимира Георгиевича не ослабевает. Параллельно идет чтение нескольких курсов лекций. Среди статей главное место занимают работы по фауне Туркмении, пустынно-степной фауне в целом и ее развитию.

Одновременно по инициативе и настоянию В.Г. Гептнера и под его постоянным редакторским надзором была переведена первая из серии книг Э. Майра «Систематика и происхождение видов». К ней Владимиром Георгиевичем была написана фактически самостоятельная обзорная работа-предисловие «Проблема вида в современной зоологии», отразившая тот постоянный интерес к эволюции, который был для него характерен всегда.

Изданием книги и переведенных много позднее еще четырех книг того же автора В.Г. Гептнер содействовал приобщению широких кругов отечественных зоологов к современным представлениям об эволюции, существенно ускорив работы в этой области в нашей стране.

Однако большие заделы по туркменской фауне и работа над книгой по фауне позвоночных животных Бадхыза настоятельно требуют новых материалов. Поэтому в 1948 г. Владимир Георгиевич снова едет в любимую им Туркмению, во вторую Бадхызскую экспедицию, план которой сложился еще в 1942 г. На этот раз экспедиция, проходившая снова под его руководством, была не так трудна, как первая, поскольку передвигалась на грузовом автомобиле и была, естественно, во всех отношениях лучше оснащена. Работа прошла спокойно и успешно.

Но вскоре после возвращения Владимира Георгиевича разразилась знаменитая погромная и действительно историческая августовская сессия ВАСХНИЛ с печально известнымдокладом Т.Д. Лысенко «О положении в биологической науке». Доклад был одобрен ЦК КПСС, что по тем временам придавало всем его положениям силу закона. Наступило время торжества невежественной лысенковщины, черные дни и годы разгрома биологии в нашей стране, освященные и поощряемые поддержкой всесильной партии.

Начались увольнения ведущих генетиков и эволюционистов и преследования всех «немичуринцев», в той или иной степени поддерживавших или разделявших их взгляды. В устах и публикациях лысенковцев роль позорного клейма обрели слова «менделист» и «морганист», сдваивавшиеся иногда через дефис для придания большей силы заклятию. Деканом биологического факультета вместо уволенного С.Д. Юдинцева стал один из столпов лысенковщины И.И. Презент. Владимир Георгиевич был заклеймен как «морганист» и осужден «мичуринцами» за взгля-

ды, высказанные в предисловии к книге Э. Майра, и поддержку идей опального академика И.И. Шмальгаузена.

При логичном и последовательном подходе лысенковцам следовало бы уволить не только выдающихся генетиков и эволюционистов — специалистов именно в этих областях науки, но и всех людей, составлявших основу профессуры факультета, поколения Владимира Георгиевича и старше, воспитанных на идеях классической генетики. Но это полностью лишило бы факультет квалифицированных преподавателей, а поскольку достигнутую «победу» тем не менее необходимо было закрепить, то от всех более или менее заметных ученых, кто не был прямо изгнан со своих должностей, требовали прохождения через некий ритуал покаяния как демонстрацию своей идейной лояльности. Он состоял в выступлении в научной печати или на ученых собраниях с признанием своих «ошибок» либо (и) с осуждением «ошибавшихся» коллег.

Пришлось выступать и В.Г. Гептнеру. Его учитель и друг, профессор С.И. Огнев, избавленный от подобной необходимости благодаря своей маститости и особенно званию дважды лауреата Сталинской премии, прослушав речь Владимира Георгиевича, с явным удовлетворением и удовольствием заметил: «Я думал, ты будешь каяться, а ты только хвастал!». В этой связи в газете «Московский университет» (1948 г., № 35/36) с осуждением было написано: «...профессора биологического факультета Зенкевич и Гептнер умолчали о своих серьезных ошибках в оценке деятельности представителей антимичуринского направления в биологии». Естественно, что все годы, пока И.И. Презент оставался деканом факультета, а Т.Д. Лысенко сохранял свое влияние в ЦК КПСС, В.Г. Гептнер, как и ряд других профессоров, находился под пристальным вниманием факультетских «мичуринцев», могущество которых обеспечивалось еще и их поголовным членством в КПСС.

Тем не менее конец 40-х гг. явился началом нового длительного (более двадцати лет) периода жизни Владимира Георгиевича, в течение которого не было больше крупных экспедиций, но наступило время регулярной работы по отдаче накопленных знаний, развитию работ во всех достаточно разнообразных областях его научных и прикладных интересов, преподавательской и общественно-научной деятельности. Жизнь приобретала внешне более равномерное течение.

Однако в действительности, и это было крайне для него характерно, с годами интенсивность работы Владимира Георгиевича, ее разнообразие и, главное, уровень неуклонно возрастали. Так, свое 70-летие он встретил, будучи автором более чем 280 серьезных публикаций, включая книги. И это, не считая нескольких десятков заказных статей в различных энциклопедиях. Лишь кончина вследствие развившейся в последние полгода болезни оборвала этот мощный подъем интеллектуальной деятельности. О том, что она могла продолжаться еще годы, можно судить хотя бы по тому, что в течение 23 лет после того, как В.Г. Гептнера не стало, вышла его большая статья и три книги с его участием. Из них последняя в 1995 г. И еще остались неопубликованные работы. Четыре книги, вышедшие ранее, были переизданы за рубежом на английском языке. Такой накал творчества встречается, прямо скажем, нечасто!

В 1945 г. и пять последующих лет семья снимала дачу под Москвой. Здесь, в Софрине, в обстановке типичной подмосковной сельской природы каждое лето возникала небольшая «колония» семей факультетских профессоров. Помимо Гептнеров здесь из года в год снимали дачи Захваткины, Родендорфы, Крушинские, Е.С. Смирнов и семья известного художника-анималиста Г.Е. Никольского. Отношения коллег-единомышленников и дружба, связывавшая взрослых, перешли к их детям, ставшим потом тоже зоологами. Софринская «колония»

была своего рода центром притяжения. Туда нередко приезжали другие профессора и сотрудники факультета, включая декана С.Д. Юдинцева, их ученики и коллеги-зоологи из других городов. В некоторые воскресенья, собиравшие особенно много народа, практиковалась игра в городки, инициатором и организатором которой был В.Г. Гептнер.

Для детей Владимир Георгиевич, имевший фамильную склонность и любовь к различным рукоделиям, изготавливал луки с пестрыми стрелами и, что производило на всех особое впечатление, больших воздушных «змеев». Эти «змеи», расписанные изображениями чудовищ и драконов руками Г.Е. Никольского и А.А. Захваткина, рокоча специальными трещотками и раскачивая длинными пестрыми извивающимися хвостами, взлетали на огромную высоту, чем приводили в восторг всю окрестную детвору.

Владимир Георгиевич в эти годы увлекся еще и фотографией, в том числе художественной и портретной. Поэтому все события тех лет детально отражены в семейном фотоархиве.

Тем не менее софринские лета не были временем полноценного отдыха. Здесь Владимир Георгиевич бывал относительно мало, по-прежнему отдавая работе большую часть отпуска. В эти годы у него вместе с В.И. Цалкиным шла работа над монографией об оленях (1948) и «Фауной позвоночных животных Бадхыза».

Регулярный летний отдых впервые в жизни начался лишь в 50-х гг. в красивейших местах Рязанской области, на Оке, у южной границы Мещеры, в селе Копаново, недалеко от Окского заповедника. Полному отрешению от городских дел немало помогало и то, что место отдыха было в то время чрезвычайно глухим и труднодоступным. В самом селе до конца 50-х гг. не было ни электричества, ни радио. В этих полюбившихся ему и ставших родными местах Владимир Георгиевич, начиная с 1951

г., стал проводить с семьей и в кругу друзей каждое лето, увлеченно предаваясь рыбной ловле на спиннинг и охоте. Впрочем, и здесь находилось время для работы и полевых наблюдений.

Близость Копанова к Окскому заповеднику облегчала его сотрудникам общение с Владимиром Георгиевичем и позволяло ему более детально вникать в работу заповедника, а нередко и помогать ей. В заповеднике Владимир Георгиевич бывал неоднократно, один или вместе с сыном. В свою очередь в Копанове у него бывали работавшие в заповеднике в разное время известные зоологи В.В. Козлов, В.П. Теплов, Л.П. Бородин и в то время еще молодой человек, будущий директор заповедника С.Г. Приклонский. С приобретением в 1961 г. быстроходной моторной лодки-«казанки» стало семейной традицией совершать в начале или в конце отпуска однодневный пробег от Копанова до южной границы заповедника у устья Пры и озера Лопата.

В Копанове значительно расширился круг знакомых и друзей семьи Гептнер. Через своих старых друзей Александра и Василия Воробьевых, родных братьев орнитолога Константина Воробьева, также проводивших здесь свой отпуск, Владимир Георгиевич познакомился с братьями Александром и Алексеем Пироговыми из знаменитой семьи оперных басов Пироговых, гордости русской культуры и сугубой гордости Рязанской земли. Александр, народный артист СССР, солист Большого театра, был в то время в зените славы. Старший брат Алексей, в недавнем прошлом также солист Большого, уже сошел со сцены. Двух других знаменитых братьев, Григория и Михаила, на дочери которого, Ирине, был женат Константин Воробьев, к тому времени уже не было в живых. Знакомство Владимира Георгиевича с братьями Пироговыми переросло в крепкую дружбу, перешедшую и на поколение их детей.

Помимо Воробьевых и Пироговых в Копаново каждое лето съезжалось несколько семей из круга московской медицинской

и технической интеллигенции, рыболовов и охотников, с которыми также установились отношения близкого знакомства и дружбы.

В то же время 1950 и 1951 гг. стали для В.Г. Гептнера и временем тяжелых утрат. В конце 1950 г. скоропостижно скончался от обширнейшего инсульта близкий друг Владимира Георгиевича профессор факультета, энтомолог и директор Научно-исследовательского института зоологии при МГУ А.А. Захваткин. Будучи еще и заместителем декана факультета, он поневоле вынужден был постоянно находиться в гуще интриг факультетских «мичуринцев». Это стоило ему, человеку безусловной порядочности, непосильного напряжения, которого организм не перенес.

В 1951 г. еще относительно молодым человеком умер последний брат Владимира Георгиевича Георгий и старший друг и учитель, профессор С.И. Огнев. Эти горькие утраты не могли не отразиться на здоровье Владимира Георгиевича: помимо гнетущего морального состояния частенько стало тревожить сердце. Тяжело далось и поражение природоохранного движения в борьбе за сохранение заповедной системы страны. Ведь ее созданию и развитию было отдано немало сил и самим Владимиром Георгиевичем. Система заповедников в процессе расширяющегося «мичуринского» наступления на биологию была в 1950 г. «реорганизована». А попросту говоря, разгромлена. В результате суммарная площадь заповедников страны сократилась в 10 раз.

Внезапная кончина профессора С.И. Огнева в возрасте всего лишь 65 лет существенно осложнила и поневоле изменила жизненные планы Владимира Георгиевича. Сам Сергей Иванович в последние годы чувствовал, что ему не хватит жизни, чтобы закончить издание своего титанического труда «Звери СССР» в одиночку. Он планировал закончить VIII том при

участии В.Г. Гептнера (песчанки) и заняться переработкой и дополнением уже изданных томов. Группы, оставшиеся ненаписанными, он намеревался поручить другим авторам, сохранив за собой общее руководство изданием.

Уход из жизни профессора С.И. Огнева поневоле поставил В.Г. Гептнера как его ближайшего ученика, друга и преемника по музею перед необходимостью продолжить дело, начатое Сергеем Ивановичем. При этом вначале ему пришлось работать как редактору над IX (VIII так и остался незавершенным) томом «Китообразные», написанным А.Г. Томилиным (1957). В дальнейшем Владимир Георгиевич решает начать фактически новую серию томов по млекопитающим, воплотив в ней намерение С.И. Огнева довести до современного уровня уже изданное и продолжить на таком же уровне незавершенное.

Так, в известной степени волею судьбы и обстоятельств, а не собственных намерений, началась работа над новой серией томов под общим названием «Млекопитающие Советского Союза», которая стала для него главным делом на всю оставшуюся жизнь. Он хорошо это понимал, воспринимая необходимость такой работы в определенной степени как долг, требовавший отказа от своих личных планов. В том числе от мечты о переиздании «Общей зоогеографии», к которой он постоянно подбирал новую литературу.

В 1956 г. выходит наконец сданная в печать еще в 1950 г. монография «Фауна позвоночных животных Бадхыза» с иллюстрациями Г.Е. Никольского. Этот обширный труд, созданный главным образом на основе собственных материалов 1942 г., охватывал именно всех позвоночных, включая рыб, т.е. был фактически результатом работы исследователя-первопроходца. Естественно поэтому, что в работе содержится очень много совершенно оригинальных сведений по распространению и биологии

животных, обитающих в весьма своеобразной обстановке. Отдельные разделы представляют собой в сущности монографии по некоторым видам (джейран, архар, кулан). Джейрану посвящена почти треть текста. В результате издания монографии Бадхыз стал на тот момент наилучшим образом изученной и описанной частью Туркменской республики.

В 1954 г. факультет окончательно переехал в новое и очень просторное для его тогдашнего штата здание на Ленинских горах. Владимир Георгиевич получил отдельный кабинет и даже персонального лаборанта, обслуживающего в том числе его лекционные курсы. Педагогическая работа Владимира Георгиевича вообще говоря, была всегда весьма обширна. Кроме работы со студентами и аспирантами он в разное время читал ряд как специальных (биологические основы звероводства, теория систематики, биология млекопитающих, зоогеография, систематика млекопитающих), так и общефакультетских курсов (общая зоогеография, зоология позвоночных). В последние годы «Зоология позвоночных» в виде адаптированного курса читалась им также для «физиологического» потока факультета.

Курс общей зоогеографии он ряд лет читал и на географическом факультете МГУ, а также на аналогичном факультете Московского государственного педагогического института (МГПИ им. Ленина).

О том, каким замечательным лектором был Владимир Георгиевич, помнят все, кому приходилось его слушать. За четким и последовательным изложением материала, прекрасным русским языком всегда чувствовалась огромная эрудиция, на которую это изложение опиралось. При этом Владимир Георгиевич всегда очень тонко чувствовал аудиторию.

В 50-х гг. он вел летнюю практику студентов на Звенигородской биостанции МГУ. Те, кому посчастливилось проходить эту практику с ним, получали гораздо больше того, что

было предусмотрено программой. Владимир Георгиевич проводил экскурсии так, что у студентов-второкурсников буквально открывались глаза на мир живой природы. При этом они не только познавали обитателей звенигородского леса, но и начинали по-настоящему чувствовать себя членами коллектива университета с его историей и традициями. Владимир Георгиевич необычайно чувствовал ту меру, в какой экскурсия должна была иметь форму лекции, рассказа или просто непринужденной беседы. Благодаря мастерству педагога устанавливалась неповторимая атмосфера человеческой близости, в которой тем не менее ощущался авторитет большого ученого. Педагог, ученый и человек были в нем неразделимы.

Отношение к ученикам независимо от того, были ли это аспиранты или студенты младших курсов, делающие самые первые шаги в научной работе, было всегда очень внимательным и очень требовательным. Любому человеку, который обращался к Владимиру Георгиевичу за помощью, за консультацией, он давал все, что мог, если только видел настоящий интерес к науке. Его замечательная личная библиотека для этих людей была открыта, а у него самого всегда находилось время для общения с ними. Успеху такого общения немало способствовала мягкая, деликатная и благожелательная манера, в которой Владимир Георгиевич всегда вел беседу. Та же скромность, терпение, мягкость и деликатность отличали его и в быту, и в общении на любом уровне. Но вообще же необходимо отметить, что, когда дело касалось вещей главных, принципиальных, не узколичных, Владимир Георгиевич был весьма тверд и при необходимости обнаруживал характер смелого и азартного бойца.

Педагогической работой Владимир Георгиевич занимался до последних дней жизни. Будучи тяжело больным, он продолжал руководить дипломной работой своей последней ученицы М. Дерябиной.

Но основная научная работа шла дома и в Зоологическом музее. Музей, ставший его «вторым домом» со студенческих лет, продолжал оставаться им и до конца дней.

Еще в 1929 г. В.Г. Гептнер был назначен ученым хранителем коллекций позвоночных животных и оставался им (с четырехлетним перерывом) до апреля 1950 г., пока не принял заведование отделом млекопитающих. Бессменным научным руководителем, а затем и консультантом этого отдела он оставался до конца своей жизни.

Во многом благодаря неустанным заботам и авторитету Владимира Георгиевича отдел млекопитающих Зоологического музея Московского университета превратился в центр, объединяющий работу многих зоологов нашей страны. В связи с этим приток коллекций неуклонно возрастал, и в результате Зоологический музей стал обладателем одного из крупнейших в стране собраний млекопитающих.

Работа с зоологическим материалом, с коллекциями была характерна для него всегда. Большой стол музейного кабинета Владимира Георгиевича часто бывал заполнен тушками, шкурами и черепами, которые он просматривал, исследуя систематику той или иной группы либо географическую изменчивость отдельных видов.

Здесь же он принимал постоянно приходивших к нему многочисленных посетителей. Н.Н. Воронцов (1971) так вспоминает об этом: «...в кабинете С.И. Огнева — ныне кабинет В.Г. Гептнера. По средам в приемные дни у Владимира Георгиевича можно встретить териологов со всех концов страны. Сюда приходят за консультациями, советами и помощью систематики, фаунисты, зоогеографы, экологи, охотоведы, защитники природы. Каждый из них получает здесь ценные советы, помощь, часто за полчаса набрасывается краткий план многолетних исследований». К этому можно лишь добавить, что очной формой обще-

ние не ограничивалось. Владимир Георгиевич вел и колоссальную переписку с великим множеством людей названного круга. Но не только. Среди его корреспондентов были и школьники, и даже один заключенный, которым он посылал свои книги и на чьи письма непременно отвечал.

По возвращении домой, после часового отдыха, работа продолжалась обычно до 23 часов или до полуночи и практически во все выходные и праздничные дни. Ее напряженность возросла с расширением работы над «Млекопитающими Советского Союза».

«Млекопитающие» с самого начала стали трудом коллективным. Публикация началась с группы, которую С.И. Огнев не успел затронуть, — копытных. Таким образом, «Млекопитающие» стали, с одной стороны, работой по форме совершенно новой, а с другой — естественным продолжением «Зверей» С.И. Огнева.

В 1961 г. увидел свет том 1 «Парнокопытные и непарнокопытные» (в 1966 г. вышел его немецкий перевод в Восточной Германии), в 1968 г. — том 2, часть 1 «Морские коровы и хищные» (издана в Германии в 1974 г.). Часть 2 «Гиены и кошки» вышла в 1972 г. Часть 3 «Ластоногие и зубатые киты» вышла уже после кончины В.Г. Гептнера, в 1976 г. Все книги «Млекопитающих», изданные по 1976 г. включительно, были переизданы в США в виде пяти книг под патронажем Смитсониановского института в Вашингтоне в 1988, 1992, 1996 и 1998 гг.

В общем в первых трех книгах «Млекопитающих Советского Союза» В.Г. Гептнер написал более половины всего текста.

Работа над «Млекопитающими» не отразилась на интенсивности ежегодных публикаций Владимира Георгиевича. В определенной степени она стала и дополнительным источником новых тем, так как в процессе работы над книгой возникали попутные проблемы, решение которых становилось предметом са-

мостоятельных статей и даже книг. По некоторым видам в процессе подготовки «Млекопитающих» накапливались материалы, не вмещавшиеся в принятые в издании рамки повидового очерка и достойные монографического описания. Так, в 1967 г. совместно с А.А. Насимовичем В.Г. Гептнер публикует большую монографию по лосю на немецком языке в серии «Новая бремовская библиотека» — «Der Eich (*Alces alces* L.)». Впоследствии (1974) вышло ее второе дополненное издание. На русском языке эта книга, к сожалению, так и не была напечатана.

Вместе с тем список печатных работ в эти годы продолжает отражать широту интересов и разнообразие литературных жанров, в которых он выступал. Это различные аспекты териологии и зоогеографии, фаунистика, систематика и теория вида, эволюция, биологические основы охотничьего хозяйства и промысла, вопросы акклиматизации, охрана природы, история зоологии, зоологическая публицистика.

Среди прочих работ особый интерес представляет его статья «Структура систематических групп и биологический прогресс» (1965), результаты которой вошли в учебники по эволюции. Она посвящена весьма непростому вопросу о том, что следует считать биологическим прогрессом, каковы его признаки и связь с прогрессом морфологическим. На примере различных таксономических групп Владимир Георгиевич показал, что явление асимметрии, т.е. неравномерного распределения числа видов между родами и, вообще говоря, числа подчиненных таксонов внутри таксонов более высокого ранга, есть нормальное и широко распространенное свойство систематических групп, и прежде всего семейств. Выводы о том, что «асимметрия свидетельствует о наличии в группе более или менее интенсивного кладогенеза, т. е. эволюции дивергентного типа», и что «чем асимметрия резче, тем, очевидно, этот процесс интенсивнее», фактически стал надежным критерием при оценке эволюционного статуса того или иного таксона.

С течением времени возрастало и количество реальной общественной работы. В 1973 г. в Москве состоялся учредительный съезд Всесоюзного териологического общества. Был принят устав общества и избран его центральный совет, членом которого стал и Владимир Георгиевич. На следующем заседании он был еще избран и одним из четырех вице-президентов общества.

Неизбежное при такой интенсивности творческой работы напряжение требовало разрядки. Ее роль стало выполнять пришедшее к Владимиру Георгиевичу в 50-е гг. увлечение симфонической музыкой и классическим вокалом. Супруги Гептнер стали частенько бывать на концертах в консерватории. Примерно в это же время появились сменившие довоенные патефоны первые советские проигрыватели и первые записи музыки на долгоиграющих пластинках. На пластинки тогда существовала даже подписка, как на газеты или журналы. Владимир Георгиевич стал активным собирателем записей классической музыки и посетителем соответствующих магазинов.

Но главный отдых был, конечно, на Оке, в Копанове. К нему Владимир Георгиевич начинал готовиться уже со второй половины зимы. В предвкушении будущих рыбалок подвергался ревизии запас рыболовных снастей, закупались запасные части к лодочному мотору, для августовской охоты набивались патроны.

Однако рыбацкие успехи зависели не только от природных причин. Страшной угрозой над Окой нависал в то время громадный химический комбинат в подмосковном Воскресенске на Москве-реке, постоянно сбрасывающий в реку свои сточные воды. Чудовищная экологическая катастрофа была устроена им на Оке (Москва-река ниже столицы была тогда уже мертва полностью) в 1950 г. и повторена, хотя и в меньших масштабах, в 1956 г.

По инициативе Владимира Георгиевича и при активной поддержке его друга Александра Пирогова, бывшего депутатом Верховного Совета РСФСР с соответствующими возможностями, через центральную периодическую печать была инициирована широкая кампания по борьбе за чистоту наших рек. Так «война» с Воскресенским химкомбинатом, закончившаяся в целом победой, стала своего рода испытательным полигоном, на котором вырабатывались приемы борьбы с другими такими же «отравителями».

Вообще говоря, деятельность Владимира Георгиевича по охране природы составляла одну из основных ветвей его научных интересов. Она началась с его первой публикации, постоянно шла на протяжении всей жизни и заслуживает отдельного очерка. Ее результативность на научном и научно-организационном уровне была отмечена избранием его постоянным членом Центрального совета Всероссийского общества охраны природы (ВООП), почетным членом этого общества и присуждением звания «Общественный инспектор» с соответствующим значком и удостоверением.

Разумеется, Владимир Георгиевич не занимался охотой на браконьеров специально, но если они ему попадались, то не упускал случая остановить браконьерство. Так, в августе 1964 г. на Оке в конце своего отпуска он вместе с автором этих строк пресек незаконный лов рыбы сплавной сетью с двух лодок. Но самое замечательное состояло в том, что главным браконьером оказался не кто-нибудь, а министр лесной промышленности РСФСР и по совместительству председатель президиума Центрального совета все того же Всероссийского общества охраны природы (!!!) М.М. Бочкарев.

Фотографии высокопоставленного браконьера, сделанные Владимиром Георгиевичем на месте во время незаконного лова, послужили основой для фельетона-передовицы «Вот какие ка-

раси!» во всесоюзном сатирическом журнале «Крокодил» (1965). Дело получило широкую общественную огласку, попало в поле зрения «Литературной газеты» и журнала «Советы депутатов трудящихся». Оно тянулось почти год и, разумеется, стоило В.Г. Гептнеру и времени, и сил. Но, будучи бойцом по природе, он делал все возможное, чтобы довести его до конца.

Высокопоставленный партийный браконьер, защищаясь, попытался «спасти лицо», свалив вину на местного крестьянина. Но его репутация была испорчена, с должности председателя ВООП он исчез. Вскоре его перевели на какую-то хозяйственную работу. Там он проворовался, был уличен, уволен и затем окончательно исчез с общественного горизонта.

Преимущественно кабинетная работа, начавшаяся с 50-х гг., не заглушила у Владимира Георгиевича столь характерных для него стремлений к полевым исследованиям и тяги к природе, особенно усилившихся в последнее десятилетие жизни. И он пользовался любой возможностью для того, чтобы побывать в новых для себя местах или навестить памятные по прошлым экспедициям.

Так, в 1967 г. после 19-летнего перерыва в путешествиях Владимир Георгиевич принимает участие в экспедиции с сотрудниками Зоомузея и противочумниками в Армению. Он участвует в конференциях и съездах, проходящих на Дальнем Востоке, еще и с целью посетить освященные именами Н.А. Байкова, Н.М. Пржевальского и В.К. Арсеньева Хабаровский край и окрестности Владивостока. И конечно же, всегда стремясь в родной для него Бадхыз, он вновь, хотя и ненадолго, вырывается туда.

Со второй половины 50-х гг. с ослаблением изоляции страны от остального мира отечественные ученые начали выезжать за рубеж в научные командировки и так называемые научно-туристические поездки.

Неоднократно получал приглашения от иностранных коллег и Владимир Георгиевич. Как ученый, пользовавшийся большим международным авторитетом и имевший мировую известность, В.Г. Гептнер был избран почетным членом Чехословацкого зоологического общества, Берлинского общества естествоиспытателей, Европейского общества охраны млекопитающих и Американского общества маммологов. В рамках общественной деятельности он был членом Общества австро-советской дружбы. Входил он также и в редакционные коллегии трех иностранных научных журналов: «Lynx» (ЧССР), «Pelzgewerbe» (ГДР) и «Saugetierkundliche Mitteilungen» (ФРГ).

Оформление выезда за границу представляло в те времена сложную многоступенчатую бюрократическую процедуру, включавшую проверку политической грамотности претендента на поездку. Немецкое происхождение продолжало играть свою роль и здесь. После нескольких попыток, которые в соответствии с обычаями тех времен заканчивались отказом в самый последний момент и без объяснения причин, «лед тронулся» наконец. В 1965 г. Владимир Георгиевич с деловыми целями посетил Чехословакию и Югославию, а затем Швейцарию (1966), Польшу (1967) и Францию (1968).

В числе прочих обществ В.Г. Гептнер был почетным членом Германского общества по изучению млекопитающих (ГДР—ФРГ). Однако, несмотря на многократные приглашения со стороны общества и самые выгодные условия, на которых их делали, В.Г. Гептнера никогда не выпускали на конгрессы и ассамблеи этой организации, в каких бы странах они ни проходили, а тем более в Восточной (ГДР) или Западной (ФРГ) Германии. С весны 1964 г. по 1973 г. таких несостоявшихся поездок, для которых он тем не менее проходил полное оформление, было шесть.

Завершая этот весьма неполный биографический очерк, необходимо подчеркнуть, что жизнь Владимира Георгиевича, ис-

полненная постоянных трудов, не была легкой и гладкой. Судьба отнюдь не редко наносила ему удары. И надо было обладать его мужеством и стойкостью, чтобы противостоять им, сохраняя неизменную работоспособность и стабильную научную продуктивность вопреки неблагоприятным внешним обстоятельствам. Даже тяжелая болезнь, поразившая его в последний год жизни, не отразилась на числе работ, выполненных за это время.

Несомненно, что источником, в котором Владимир Георгиевич черпал новые силы, была его огромная любознательность, увлеченность зоологией, в которой было его призвание, любовь к науке и Московскому университету. Наука была для него главным делом и смыслом жизни. Он был полностью чужд карьеризма, стремления выдвинуться, быть популярным, кем-то или чем-то управлять, желания занимать какую-то видную или престижную должность. Владимир Георгиевич был столь же чужд стремления к какой-либо внешней рисовке, потребности бывать на публике, кичливо демонстрируя свои достижения, и обычно сопутствующих ей надменности и высокомерия.

А между тем блестящие карьерные возможности перед ним открывались не однажды. Так, в 1958 г., после кончины лидера ленинградской териологии профессора Б.С. Виноградова директор Зоологического института АН СССР академик Е.Н. Павловский предложил Владимиру Георгиевичу возглавить териологический отдел института. При этом в Ленинграде семье В.Г. Гептнера предоставлялась отдельная квартира, что было в те времена большой редкостью и воспринималось как невероятное счастье (в Москве семья жила в коммунальной без перспектив на улучшение). Самому же Владимиру Георгиевичу, помимо сугубой престижности предлагаемого места и отсутствия педагогических нагрузок, открывался быстрый и гарантированный путь к академическому креслу. Раздумья не были особенно долгими, и в ответном письме Владимир Георгиевич со скрупулезным со-

блюдением всех норм вежливости отклонил это весьма заманчивое предложение, мотивируя свой отказ невозможностью покинуть Москву. «Меня привязывают к ней мои семейные обстоятельства и почти сорокалетняя связь с Московским университетом и его Зоологическим музеем», — писал он Е.Н. Павловскому 19.XI.1958 г.

Трудно представить себе научную карьеру Владимира Георгиевича без постоянной, внешне незаметной, но по существу неоценимой и самоотверженной помощи его супруги Нины Сергеевны. Без преувеличения можно сказать, что после его женитьбы она стала в той или иной форме сопричастна практически всем его научным достижениям и успехам.

У Владимира Георгиевича был весьма определенный, очень твердый, но настолько своеобразный почерк, что машинистки не брали в перепечатку его рукописи. Нина Сергеевна, профессиональная машинистка и до замужества, стала настоящим секретарем-машинисткой Владимира Георгиевича. Она печатала все им написанное сначала на машинках знакомых. После выхода в свет «Общей зоогеографии» появилась возможность наконец приобрести собственную. Гонорар от книги был целиком употреблен на покупку портативной машинки «Ремингтон», на которой впоследствии был отпечатан и первый том «Млекопитающих», и многие другие работы. И позднее эта машинка исправно продолжала служить уже следующему поколению.

Помимо секретарской работы Нина Сергеевна вела весь дом и несла основную нагрузку по воспитанию сына. И можно без преувеличения сказать, что в значительной степени благодаря ее постоянным, не знавшим выходных дней и отпусков заботам Владимир Георгиевич мог не отвлекаться на бытовые проблемы и реализовать свое природное призвание зоолога, большого и истинного ученого.

5 июля 1975 г. перестало биться сердце Владимира Георгиевича. Зоологическая наука потеряла выдающегося ученого, до самых последних дней своей жизни увлеченно отдававшегося любимому делу. Московский университет лишился блестящего лектора и преподавателя, а дело охраны природы — одного из своих самых преданных и решительных защитников. У многих зоологов не стало доброжелательного советчика и консультанта, готового щедро поделиться своими огромными знаниями, не считаясь со временем и здоровьем.

Но продолжают жить и работать те, кто считает себя учениками и последователями Владимира Георгиевича, остались его труды — книги и статьи (более 300 названий), к которым еще долго будут обращаться зоологи, работающие в области териологии, зоогеографии, изменчивости, систематики и эволюции животных, охотничьего хозяйства. Не забудут Владимира Георгиевича и те, кому близки и дороги идеи охраны природы, которую он так горячо любил.

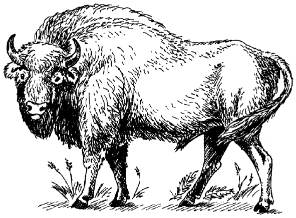
После кончины В.Г. Гептнера работа над изданием «Млекопитающих» лишилась лидера и была приостановлена. Сделанное, однако, было столь значительно, что объективно требовало завершения, и идея продолжить издание не была оставлена. Работу возглавил один из учеников Владимира Георгиевича, академик В.Е. Соколов. И в 1994 г., после 18-летнего перерыва, вышел очередной том «Млекопитающих» — «Усатые киты», посвященный «Памяти профессора В.Г. Гептнера — основателя серии». В 1994 г. вышли также «Зайцеобразные», а в 1995 г. — «Тушканчикообразные».

Однако кончина академика В.Е. Соколова, последовавшая в 1998 г., вновь лишила лидера издание «Млекопитающих».

Тем не менее монография по млекопитающим нашего Отечества и сопредельных территорий в том плане фундаментальной сводки и вместе с тем ревизии всего объема знаний по ним,

как это было задумано Владимиром Георгиевичем, должна быть закончена другими ведущими зоологами нашей страны. Ее завершение будет достойным памятником этому замечательному ученому.

М.В. Гептнер



Äàëåå ï óáëèêóþ ò ñÿ âî ñï î ì èí àí èÿ êî ëëåãè äðóçåé Âëàäèì èðà Ãåî ðãèåâè÷à Ãåï ò í åðà

Для меня Владимир Георгиевич был долгие годы мало доступен. Казалось, он обитал где-то в высших зоологических кругах. В 30-е и 40-е гг. XX века я видел его несколько раз мельком на кафедре зоологии позвоночных Московского университета на Моховой, в Зоомузее — у кабинета профессора С.И. Огнева. Но никто нас не знакомил, а Владимир Георгиевич меня, тогда еще мало кому известного молодого человека, и не замечал. Я, однако, помню, что молодой Гептнер был всегда в очках, при галстуке, обычно бабочке, и с довольно пышной, слегка рыжеватой шевелюрой. В сравнении с общительным брюнетом А.Н. Формозовым, с которым я встречался на той же кафедре, он был замкнут, держался особняком. Так мне тогда казалось...

В серии научно-популярных брошюр о пушных зверях, выходившей под редакцией профессора Б.М. Житкова, В.Г. Гептнер опубликовал работы о буром медведе, корсаке, соболе, зайцах, соне-полчке. До этого он плавал по заданию и плану Б.М. Житкова в западном секторе Арктики — Карском море — и написал солидную работу по распространению, биологии и промыслу белухи. Эта крупная, более чем 100-страничная работа была опубликована в «Трудах» Научно-исследовательского института зоологии при Московском университете в 1930 г. Помню, что в 1936 г. вышла в свет его солидная «Общая зоогеография», которая оказала серьезное влияние на подготовку зоологических кадров в нашей стране, в том числе и местных кадров в республиках Средней Азии и на Кавказе.

Познакомил нас А.Н. Формозов. При моем очередном приезде из Баку в 1940 г. он представил меня В.Г. Гептнеру и сказал: «Нам следует подарить Николаю Кузьмичу оттиск нашей совместной статьи о млекопитающих Дагестана» — и протянул брошюру в желтой обложке. Это был итог их зоологической

экспедиции в Дагестан в 1924—1925 гг. под руководством С.И. Огнева. В те годы путешествовать в Дагестане, Чечне, Ингушетии было небезопасно. Лева Капланов — мой добрый приятель — рассказывал как-то, что в 20-х гг. советская власть на Кавказе была слаба и группа Огнева выполнила свою миссию в Дагестане благополучно, во многом благодаря приобретению в магазинах Москвы колониальных пробковых тропических шлемов и другой амуниции английской экспедиционной армии конца первой мировой войны. Облачившись под англичан, с которыми горцы заигрывали, наши зоологи избежали многих реальных неприятностей.

Теперь я уже не помню точно, как складывалось наше дальнейшее знакомство и как мы полностью осознали друг друга в качестве друзей. Произошло это после Великой Отечественной войны, году в 51—52-м, когда я, работая уже в Зоологическом институте АН СССР, заканчивал свой большой кавказский опус и попросил Владимира Георгиевича быть оппонентом моей докторской диссертации, посвященной истории фауны млекопитающих Кавказа. Помню, что он охотно согласился, предупредив, однако, что не вполне сведущ в палеонтологических материалах, но что исторические сочинения всегда готов приветствовать.

Отзыв он вскоре написал, но вручил его лишь по приезде в Ленинград, утром 16 апреля 1954 г. — в день защиты. Отзыв оказался просто блестящим образцом анализа диссертационной работы. По его поводу наш ученый секретарь Н.Ю. Модестова — дама, вообще-то, на похвалы довольно скупая — через день-другой после защиты выразилась так: «Николай Кузьмич, я на своем веку перепечатала и прочитала много отзывов на диссертации в нашем институте, но такого безукоризненного видеть еще не приходилось». На защиту в Зоологическом институте собралось много народу — зоологов, географов, археологов. Актовый зал всех не вмещал, и заявление

В.Г. Гептнера, как московского оппонента: «Мне еще не приходилось видеть среди отечественных зоологических работ такой оригинальной и выполненной на столь высоком научном уровне», было встречено членами ученого совета ЗИНа с особым удовольствием. Дело в том, что на фоне существовавшей в то время некоторой взаимной настороженности московских и ленинградских специалистов ЗИНовские зоологи, занимавшиеся преимущественно систематикой различных групп, были в большинстве хорошо знакомы с работами В.Г. Гептнера по систематике грызунов (любезной всем Средней Азии в том числе), питали к нему особое уважение и симпатию и соответственно ценили его мнение.

На протяжении следующих шести лет мы встречались редко, но регулярно переписывались и основательно подружились. Зимой 1961/62 г. Владимир Георгиевич выбрался в Ленинград ко мне в гости и на встречу с друзьями-однополчанами своего брата, командира бомбардировщика-торпедоносца, погибшего в бою на Балтике незадолго до разгрома Германии.

Мне было известно, что В.Г. Гептнер — не особенно азартный охотник, но рыбную ловлю «уважает» безусловно. Поэтому я посоветовал ему заручиться в Москве, в Главном управлении охотничьего хозяйства и заповедников — Главохоте, разрешением прожить недельку-другую в лесоохотничьем хозяйстве «Сосново», на Карельском перешейке, где была недурная ловля лососей на порогах реки Вуоксы, известной спортсменам Европы как место, где ловится крупная ладожская семга. Там мы жили в комфортабельном отеле и поймали с лодок несколько больших рыбин на блесну в виде вертящейся формалиновой ряпушки. К большому сожалению, пойманная рыба, как потом оказалась, была малосъедобной, так как пахла фенолом из-за поступавших в реку вредоносных отходов целлюлозного комбината, устроенного в ее верховьях. Владимир Георгиевич потом

печалился оттого, что великолепные рыбины, подаренные его московским друзьям, не получили одобрительных отзывов...

В сосновом бору, окружавшем престижную гостиницу, мы имели возможность побегать на лыжах и полюбоваться на группы акклиматизированных пятнистых оленей. Правда, я вскоре заметил, что, отвыкший за годы напряженной кабинетной работы, Владимир Георгиевич не горазд быстро передвигаться по снегу и лыжные прогулки его утомляют. Впрочем, наши автомобильные экскурсии на моей «Волге» он переносил легко и с большим удовольствием.

Вскоре В.Г. Гептнер пригласил меня в Москву на свое 60-летие. Торжественная часть открывалась его научным докладом «Структура систематических групп и биологический прогресс» и проходила в аудитории на биолого-почвенном факультете МГУ при большом стечении народа и многочисленных поздравлявших, в том числе и коллег, приехавших из других городов. На юбилее Владимир Георгиевич держался молодцом и, одетый в подаренный ему узбекскими учениками цветастый халат и тюбетейку, выглядел очень эффектно, напоминая знатного бая средних лет.

Летняя ловля на спиннинг на Оке, ниже Рязани, примерно посередине между Рязанью и Касимовом, очень увлекала Владимира Георгиевича. Он с восторгом рассказывал, как однажды в летнем дачном сезоне 1964 г. ему крупно повезло. На блесну удачно «села» огромная 10-килограммовая щука, которая после тяжелого вываживания была наконец торжественно и благополучно вытащена на отмель.

Летом 1962 г. мы встретились с Владимиром Георгиевичем на очередной зоогеографической конференции в Узбекистане. В качестве особо почетных участников мы присутствовали на торжественном вечере, проводившемся на правительственной даче под Ташкентом. Научное руководство этой конференцией фак-

тически осуществлялось В.Г. Гептнером, и это полностью признавалось всеми ее участниками. Число приглашенных зарубежных специалистов было еще невелико, но «демократические» веяния уже явственно ощущались.

За прошедшие десятилетия Владимир Георгиевич напечатал массу статей по индивидуальной и географической изменчивости млекопитающих и птиц Палеарктики, о центрах и очагах их происхождения. Мне особенно нравилась его большая статья «Пустынно-степная фауна Палеарктики и очаги ее развития» (1945), вполне отвечавшая моим представлениям об этой проблеме. К В.Г. Гептнеру часто стремились попасть в аспирантуру молодые люди из союзных республик, в частности из Средней Азии, с Дальнего Востока, из зарубежья (Германии, Чехословакии, Румынии) и, как правило, не встречали отказа.

В сентябре 1965 г. мы оба попали в группу советских участников очередного международного конгресса биологов-охотоведов, проходившего в тот раз в Югославии. Впервые за свою жизнь Владимир Георгиевич (как он потом признался мне в Белграде) попал за рубеж на столь длительное время. Раньше его туда просто не пускали, несмотря на неоднократные приглашения от десятков коллег и научных институтов, особенно из Германии.

Недалеко от Белграда, в долине Дуная, для участников конгресса югославы устроили знатную пирушку. Экономически мощное хозяйство «Елен» (Олень»), принадлежавшее Союзу охотников Югославии, принимало нас, гостей, в пойменном лесопарке с вековыми ракитами и тополями. Сухое белое вино из собственных виноградников хозяйства лилось рекой за длинными столами. В.Г. Гептнер пристроился тогда довольно уютно под толстенным тополем в плетеном кресле местной работы. Вскоре около него сгруппировались несколько ученых-биологов, преимущественно немцев из Восточной и Западной Германии. Они

буквально льнули к советскому ученому. Я, помню, сделал незаметно несколько снимков этой группы, комично напоминавшей мне совещание каких-то тайных заговорщиков.

Потом в компании иностранных и советских специалистов мы совершили весьма протяженную познавательную поездку на двух больших автобусах через всю Югославию по горным дорогам от Белграда до Пулы и Капора в Словении. Там, на морской гранитной набережной, Владимир Георгиевич, пытаясь сфотографировать привлекательных знакомых купальщиц, туристок из Польши, внезапно поскользнулся на выбросах нитчатых водорослей и, чудом не угодив в глубокую бухту, растянулся ничком на граните. По счастью, мне удалось вовремя помочь профессору подняться на ноги и спасти отлетевший к самой кромке гранита ценный аппарат Цейса.

Обратно на восток мы ехали уже по нижней равнинной дороге через Загреб, Боснию и Герцеговину. Страна была спокойна и процветала под управлением товарища Броз Тито и его цементирующего авторитета. Югославы и помыслить не могли тогда о будущем распаде своей страны. Весь маршрут и последующее застолье, устроенное специально для братьев восточных славян в Белграде, мы с Владимиром Георгиевичем держались дружно, мирно беседовали в комфортабельных автобусах, в номерах отелей, на промежуточных стоянках. Наши темы отнюдь не были связаны с научными проблемами. Мы отдыхали от научных и житейских забот. Он оказался очень милым собеседником, с юмором вспоминавшим занятные эпизоды своей биографии, в том числе и тяжелых военных времен, проведенных далеко от Москвы и любимой кафедры — в Свердловском пединституте.

В конце 50-х — начале 60-х гг., после кончины профессоров Б.С. Виноградова и С.И. Огнева, в среде советских териологов, особенно московских, зрело убеждение, что следует написать и издать на современном научном уровне новую серию

книг «Млекопитающие Советского Союза» как продолжение «Зверей СССР». В.Г. Гептнер выступил основателем и основным редактором серии. Вторым редактором стал Н.П. Наумов. Первый том, написанный Владимиром Георгиевичем в соавторстве с А.А. Насимовичем и А.Г. Банниковым, был посвящен копытным зверям, по которым уже имелось много готовых рукописных материалов. Том оказался объемным, информативным и, изданный тиражом 5000 экземпляров, быстро исчез с прилавков книжных магазинов, став библиографической редкостью. Он практически сразу же, прямо в рукописи, был переведен и издан в Германской Демократической Республике. Редактирование и написание очерков по систематике зверей в этом и последующих томах в основном осуществлялось В.Г. Гептнером. Перегруженный административной работой Н.П. Наумов, будучи заведующим кафедрой зоологии позвоночных биолого-почвенного факультета МГУ и, сверх того, деканом этого факультета, как бы самоустранился от работы над серией.

Несмотря на невероятную загруженность работой над очередными томами «Млекопитающих», в том числе редакторской и организационной, которая стала основной в последние годы его жизни, Владимир Георгиевич успевал реагировать на насущные проблемы, возникавшие перед страной в области охотничьего хозяйства, охраны природы и заповедного дела, продолжал печатать статьи в центральных и ведомственных журналах, «Трудах» конференций, популярных изданиях.

В самом начале 70-х гг. инициативная группа московских и ленинградских териологов заявила о необходимости создания Всесоюзного териологического общества при Отделении общей биологии Академии наук СССР. Этому предшествовала большая работа узких специалистов териологов, охотоведов, систематиков, экологов по созданию разного рода справочников, инструкций, сборников по отдельным группам млекопитающих:

грызунам, пушным и мясным промысловым видам. Уже выходила серия сборников «Териология» в Новосибирске, давно печатались «Труды» заповедников, региональные фаунистические обзоры, «Труды» съездов и совещаний. Териологическое общество по замыслу инициаторов его создания должно было объединять и координировать все усилия в области изучения млекопитающих огромной страны.

Учредительный съезд нового общества проходил 30 и 31 января 1973 г. на биолого-почвенном факультете Московского государственного университета на Ленинских горах. На второй день работы съезда избрали центральный совет общества и соответствующие органы управления. На заседании совета встал вопрос о высшем органе общества: президиуме и президенте. От москвичей присутствовали Н.П. Наумов, В.Е. Соколов, И.А. Шилов, В.В. Кучерук, А.Г. Банников; от ленинградцев — Н.К. Верещагин, Г.А. Новиков, И.М. Громов. Я предложил в президенты кандидатуру В.Г. Гептнера, которого считал самым выдающимся териологом нашей страны, а в качестве вице-президента и помощника — В.Е. Соколова. Тем не менее президентом общества по соображениям чисто прагматическим был избран все-таки В.Е. Соколов, бывший тогда членом-корреспондентом АН СССР, директором академического института и, как всем было понятно, обладавший гораздо большими организационными возможностями. Владимир Георгиевич стал, таким образом, первым вице-президентом.

Летом 1974 г., в июне, в Москве состоялся Международный териологический конгресс, собравший териологов со всего мира. Это был последний научный форум Владимира Георгиевича. Через год его не стало.

В.Г. Гептнер принимал в работе конгресса самое активное участие и организовал в рамках его программы симпозиум по номенклатуре млекопитающих, собравший большую аудиторию

заинтересованных ученых. По представлению симпозиума решением конгресса был создан Комитет по номенклатуре млекопитающих при Международной комиссии по зоологической номенклатуре. Владимир Георгиевич стал одним из двух его председателей.

Заключая этот краткий очерк, хочу особо отметить, что, хотя какой-то части коллег и сторонней ученой публики Владимир Георгиевич мог казаться несколько суховатым и замкнутым, ничего подобного в действительности не было. При близком общении в Узбекистане, Югославии, на различных совещаниях в Москве, Ленинграде, на рыбалке в «Сосново», у него дома, наконец, я убедился, что Владимир Георгиевич Гептнер был на самом деле настоящим Человеком с большой буквы, которому «ничто человеческое не чуждо». Он был большим эрудитом, интересным собеседником, отличным рассказчиком, увлекающимся игроком в настольный теннис и бильярд, спортсменом-рыболовом и прирожденным биологом-натуралистом.

Н.К. Верещагин

*****

К большому сожалению, я не был близко знаком с Владимиром Георгиевичем, но отдельные встречи, разговоры, совместные кратковременные поездки и беседы на конференциях и совещаниях, наконец, штудирование его трудов, позволяют мне с гордостью считать себя одним из его учеников (или, по крайней мере, последователей).

Появившись в Окском заповеднике, я довольно скоро узнал, что этот край привлекает к себе многих известных людей. Здесь творили С. Есенин и К. Паустовский. В 10 км от центральной усадьбы заповедника — поселка Брыкин Бор — в урочище Медвежья голова на берегу Оки ежегодно отдыхал и ры-

бачил известный певец-бас России А. Пирогов. А чуть выше по течению в селе Копаново снимал на лето дачу профессор Московского университета В.Г. Гептнер. Как я позднее узнал, именно он был одним из инициаторов протеста московских ученых и деятелей искусства против необдуманного, огульного осушения поймы Оки, с прокладкой мелиоративных канав через пойменные водоемы, о чем позднее написал журналист Б. Можаев в своей книге «Запах мяты и хлеб насущный», негласно (но строго) запрещенной для продажи в Рязанском книготорге тогдашним первым секретарем области Н. Приезжевым.

В поездках по Оке для отлова береговых ласточек в целях их кольцевания мне неоднократно приходилось проезжать мимо Копанова, в окрестностях которого было много особенно крупных колоний этих птиц. Тогда же по поручению В.П. Теплова я посещал Владимира Георгиевича в этой его «загородной резиденции» и передавал наброски тепловских статей, письма, которые требовали публикации в центральной прессе, выполнял и другие мелкие поручения. Помню, что меня, тогда только что окончившего вуз, всегда поражала простота бытовых условий, в которых жил московский профессор, но особенно радовал живой интерес, который он проявлял к нашей работе, спрашивая о ее результатах, числе пойманных птиц и количестве «возвратов», способах ловли. Обращало на себя внимание и то обстоятельство, что Владимир Георгиевич великолепно знал каждую колонию, давал краткие, но точные их характеристики, советы, как лучше к той или иной подобраться. При этом он разговаривал со мной как с коллегой по работе, что мне, вчерашнему студенту, несомненно, льстило.

Позднее, уже в пору моего директорства в Окском заповеднике, Владимир Георгиевич в конце 60-х или начале 70-х гг. по моему приглашению приезжал в заповедник и мы совершили с ним и специалистом Главка, бывшим директором Сихоте-Алинь-

ского заповедника Ю.В. Купцовым экскурсию на УАЗике вокруг заповедника с посещением всех кордонов и больших внепойменных озер заповедника — Уханского и Татарского — с ночлегом на берегу одного из них. Владимир Георгиевич много ходил по лесу, надеясь отыскать лосиные рога, и, если мне не изменяет память, в этом ему повезло. Вообще поездка была интересной, а с Владимиром Георгиевичем в качестве гида к тому же и весьма полезной. Помню, на поляне, где расположен кордон заповедника Полунино, он обнаружил медянку, которая в конце поездки родила 10 змеенышей. На сохранившейся фотографии Владимир Георгиевич и Ю. Купцов рассматривают только что пойманную медянку.

Всегда полезным было общение с Владимиром Георгиевичем во время различных совещаний по охране природы. На одном из них, где обсуждались вопросы ведения в заповедниках Летописи природы, один из докладчиков много внимания уделил необходимости применения в этой работе «современных» методик. Владимир Георгиевич выступил с резкой критикой этого предложения, заявив, что данные, собранные за много лет пусть «устаревшим», но одним и тем же способом, представляют гораздо большую ценность, чем разнокачественные и, таким образом, несопоставимые, материалы.

— Ведь задача Летописи — получить сведения об изменениях экосистем, численности, половом и возрастном составе животных, т.е. «структуре» их популяций. Применение различных пусть самых современных методик сделает такие данные несравнимыми, что их фактически обесценит. Задача работников заповедников — из года в год собирать данные единым способом в одних и тех же точках, на постоянных маршрутах. И не беда, что эта методика разработана давно, считается «устаревшей», зато итог будет ожидаемым, нужным. А новые методики следует разрабатывать по отдельным программам и применять

их в Летописи лишь после нескольких лет параллельного сбора материала прежним и новым способами, — говорил Владимир Георгиевич.

Это наставление Владимира Георгиевича Окский заповедник особо тщательно и последовательно использует в своей работе над Летописью природы.

О человеческих качествах Владимира Георгиевича вскользь сказано выше. Здесь же мне на память приходит один разговор с его ученицей — тогда сотрудницей Окского заповедника, которая готовилась к сдаче кандидатского минимума. Видя ее нервозность и предэкзаменационное волнение, Владимир Георгиевич, как бы между прочим, спросил, сколько у нее детей (разумеется, зная об этом). И получив ответ, что двое, сказал: «Считайте, что свой главный жизненный экзамен Вы уже сдали».

— «И ты знаешь, — делилась она потом со мной своими переживаниями, — после этих слов высоко мною чтимого профессора волнения как не бывало. Все вспомнила, отвечала как будто неплохо и получила пятерку».

Умение поставить своего собеседника в равные с собой условия, свойственное далеко не каждому педагогу и ученому, было характерной чертой Владимира Георгиевича, которая привлекала к нему молодежь, многие из них впоследствии стали его почитателями и учениками.

Интересы Владимира Георгиевича, который официально считался териологом, простирались необычайно широко. Выше приведены примеры его озабоченности судьбой Окской поймы, интереса к исследованиям, выполнявшимся в заповедниках. Както просматривая коллекции в Зоомузее МГУ, я обратил внимание на большое количество шкурок птиц с этикетками, написанными мелким, но разборчивым почерком Владимира Георгиевича. Среди них были обыкновенные, малые и большие горлицы, золотистые щурки, домовые сычи из Средней Азии и даже уша-

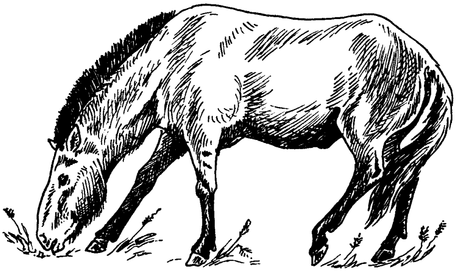
стая сова, залетевшая в Большую зоологическую аудиторию старого здания МГУ как-то осенью. Эти этикетки отличались полнотой содержавшихся в них сведений, четкостью и точностью приводимых данных.

С.Г. Приклонский

*****

ВЕРА ИСААКОВНА
ГРОМОВА

1891–1973



Вера Исааковна Громова родилась 8 марта 1891 г. в семье юриста в Оренбурге, где в 1908 г. окончила с золотой медалью гимназию и в том же году поступила учиться на естественное отделение Петербургских высших женских курсов. В 1912 г. она перешла на Московские женские курсы и окончила их в 1918 г. В 1919 г. Вера Исааковна начала работать в Зоологическом музее Академии наук (впоследствии преобразованном в Зоологический институт) и здесь в течение непрерывной 23-летней работы прошла путь от препаратора до заведующего остеологическим отделом.

В 1942 г. Вера Исааковна стала сотрудником Палеонтологического института АН СССР, где с 1946 по 1960 г. заведовала лабораторией млекопитающих.

Диссертацию на тему «История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете» В.И. Громова защитила в 1946 г. Ей была присуждена степень доктора биологических наук.

Результаты ее исследований опубликованы в более чем 80 работах, в том числе в нескольких больших монографиях.

За долголетнюю и успешную научную деятельность В.И. Громова в 1953 г. была награждена орденом Ленина.

Круг научных интересов В.И. Громовой составляли остеологические и систематические описания современных копытных, выяснение древней истории домашних животных, изучение фаун млекопитающих антропогена и филогении отдельных групп млекопитающих. При всей широте ее исследования отличаются максимальным использованием современного и ископаемого материала, литературных данных, точностью и методичностью описания.

Начиналась деятельность Веры Исааковны с описания остеологии отдельных родов копытных и с вопросов происхожде-

ния домашних животных на основе изучения ископаемых остатков из культурных памятников. Через ее руки прошло огромное количество остатков млекопитающих из археологических раскопок. Работы в этих областях знаний были очень значительными. Исследования, посвященные происхождению домашних животных, позволили составить представление о первых этапах их появления в Восточной Европе и значительно пополнить сведения об их происхождении вообще.

Специального внимания заслуживают работы В.И. Громовой по фаунам позднего кайнозоя. Так, для среднего плейстоцена Русской равнины (хазарский комплекс) ею был установлен новый вид лошади *Equus chosaricus* Gromova. Была проведена также детальная ревизия лошадей более древнего, тираспольского фаунистического комплекса, результаты которой опубликованы ею в статьях, вышедших в 1971 г. в Москве и в 1975 г. в ГДР (посмертно).

Многолетнее изучение скелетов современных животных послужило базой для выполнения ряда крупных исследований по остеологии диких лошадей (тарпана, кулана, лошади Пржевальского), баранов, козлов и, наконец, составления определителя млекопитающих по костям скелета (1950, 1960 гг.). Подобного определителя, очень полезного для палеонтологов, геологов, археологов и работников краеведческих музеев, нет в мировой литературе.

Тесно связаны с работами по остеологии копытных монографии В.И. Громовой о туре, баранах и лошадях. В них обобщен огромный материал, в том числе результаты всех зарубежных исследований того времени и данных палеогеографии.

Капитальные труды В.И. Громовой по классическим объектам палеонтологии — лошадям и гиппарионам: «История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете» (1949) и «Гиппарионы (род *Hipparion*)» (1952), объемом в общей сложности более 100 пе-

чатных листов — не имеют подобных по тщательности исполнения и широте охвата проблемы. Это крупнейшие исследования по палеонтологии млекопитающих. Эволюция лошадиных на поздних этапах, особенно со времени появления однопалой лошади, была изучена плохо. В.И. Громова после многих лет упорного труда справилась с этой задачей и привела в систему огромный накопленный материал, казавшийся почти необозримым. При выполнении этого большого труда она разработала и успешно применила новую, более совершенную методику остеологических и краниологических исследований. Эта методика позволяла улавливать почти на каждой кости скелета многие появлявшиеся в филогенезе отличия, казалось бы мелкие, но в действительности очень существенные, ускользавшие от внимания многих предшествующих исследователей.

В.И. Громова в своих работах выдвигает ряд новых положений и интересных, хорошо обоснованных гипотез о функциональном значении особенностей строения отдельных костей скелета.

Очень интересна монография «Гигантские носороги», — являющаяся результатом многолетнего изучения больших коллекций по крупным носорогам и завершившая исследования, выполненные А.А. Борисяком, М.В. Павловой, Г. Осборном и др. В работе детально описывается строение скелета, его приспособительные особенности, разбирается систематика и история гигантских носорогов.

Под руководством В.И. Громовой было выпущены четыре тома «Трудов Палеонтологического института АН СССР» по третичным млекопитающим, в которых она была автором семи обстоятельных статей по болотным носорогам — аминодонтам из Монголии и с Дальнего Востока СССР, примитивным тапирообразным, анхитериям и хищникам. Вера Исааковна была также главным редактором тома «Млекопитающие» издания «Основы палеонтологии», получившего впоследствии Государственную премию.

В.И. Громова интересовалась вопросами закономерностей эволюции, в частности различными типами изменения признаков в процессе исторического развития животных, проблемой вида, которым она посвятила особые статьи.

Помимо научных исследований Верой Исааковной выполнена огромная и трудоемкая работа по реорганизации остеологического отдела Зоологического института АН СССР (руководство технической обработкой, определением, каталогизацией обширного скелетного материала, собранного за 200 лет по всему земному шару), по приведению в порядок коллекции ископаемых млекопитающих в Палеонтологическом институте АН СССР, по определению многих сотен тысяч костей из многочисленных археологических раскопок на территории СССР.

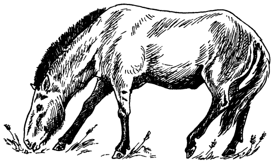
Несколько слов о Вере Исааковне Громовой — человеке и учителе. Вера Исааковна была отличным педагогом, воспитавшим многих палеонтологов, специалистов по разным группам третичных и четвертичных млекопитающих. Основными требованиями ее были тщательность изучения фактического материала, обоснованность полученных выводов, четкость и простота изложения. Вера Исааковна всегда была готова ответить на все вопросы коллег, внимательно знакомилась с подготовленными рукописями. Замечания ее были полезными и доброжелательными. Иногда к ней обращались не только с вопросами по палеонтологии, но и с личными проблемами. И в этих случаях Вера Исааковна старалась помочь, успокоить. Но все-таки основным в жизни для нее было служение палеонтологии. Здесь она не допускала никаких, даже незначительных подтасовок.

Отдыхая, Вера Исааковна любила вечерами у себя дома раскладывать пасьянсы, которых знала очень много (имела целую тетрадь) и с удовольствием показывала нам. Когда же пасьянс не выходил, заменяла неудачную карту другой, чтобы пасьянс получился, говоря при этом: «Здесь мелкое жульничество до-

пустимо». Очень скромная, обычно немного стеснительная, дома она становилась радушной и приветливой хозяйкой. Таких вкусных бутербродов с сыром, как у нее, не было нигде. Вера Исааковна скромно одевалась. Всегда это были юбка прямого покроя и блузон. Своим молодым сотрудницам она тоже советовала носить блузоны и ни в коем случае не иметь в гардеробе вещей красного цвета, так как обтягивающее платье «развращает мальчиков», а красный цвет — раздражает. Она не любила духов («Вам они не помогают в работе, а мне мешают») и просила ими не пользоваться в ее присутствии. Вера Исааковна была любящей матерью двух сыновей, заботливой бабушкой, высоконравственным человеком, не устающим прививать молодежи моральные принципы. Когда в Палеонтологический институт приходили огромные ящики археологических коллекций на определение ее «девочкам» (так она называла своих учениц), на предложения оплаты за определения говорила: «Сама денег не беру и вам не позволю».

Сотрудники лаборатории млекопитающих, зоологи, геологи, археологи и палеонтологи — «кайнозойщики» разных городов СССР, Германии, Польши — с большим уважением относились к Вере Исааковне. Результатами ее научных исследований и сейчас пользуются палеонтологи не только бывшего СССР, но и Западной Европы — Франции, Германии, Финляндии.

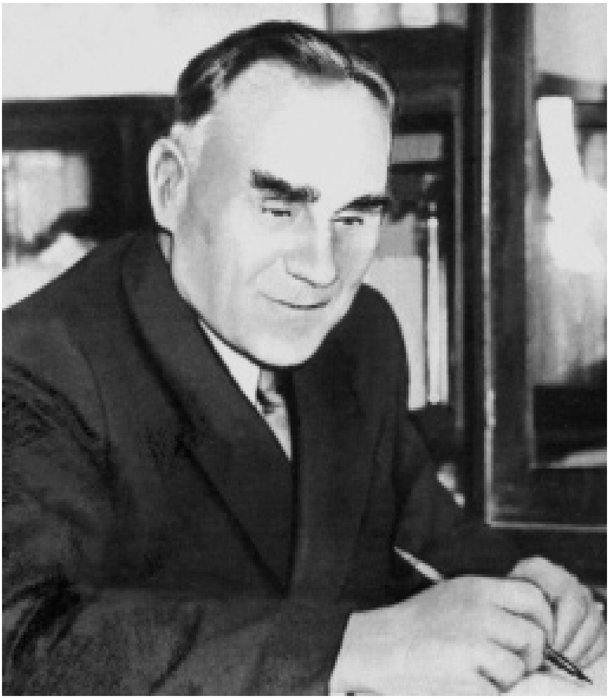
Бескорыстная преданность науке, прекрасное знание остеологии современных и ископаемых млекопитающих и их фаун, большая работоспособность и организованность, огромный научный потенциал и высокий нравственный авторитет — вот черты нашего старшего товарища и учителя — Веры Исааковны Громовой.



Б.А. Трофимов,
И.А. Дуброво,
Е.Л. Дмитриева

ДМИТРИЙ НИКИТИЧ ДАНИЛОВ

1900–1999



Дмитрий Никитич Данилов родился 6 ноября 1900 г. в деревне Высокой Калужской губернии в семье крестьянина. Его отец еще в молодые годы ушел из деревни и поступил работать на железную дорогу ремонтным мастером. В небольшом поселке при железнодорожной станции Коренево Курской губернии прошли детские годы Дмитрия Никитича. Здесь же, на станции Коренево, он получил начальное образование в железнодорожном училище.

Окрестные поля и леса были местом его постоянных мальчишеских скитаний. Здесь были сделаны первые шаги в познании природы, здесь проявилась первая страсть к охоте, ловле птиц, сбору грибов и ягод, коллекционированию яиц, скрадыванию с самострелами и рогатками голубей и скворцов. Любимым его занятием, как и многих других станционных мальчишек, была рыбалка на реке Сейм, протекавшей невдалеке от станции Коренево.

Среднее образование Дмитрий Никитич получил в реальном училище в Курске. В окрестностях Курска началось настоящее увлечение охотой с ружьем, сначала на Солянке и возле Москвы в сосновых посадках на песках, а затем и в более отдаленных и глухих урочищах. На всю жизнь запомнил Д.Н. Данилов утренние и вечерние зори и ночевки у костра на берегах озер в пойме Сейма с другом-однокашником Маркианом Парамоновым. Страсть к охоте и рыбной ловле вытесняла у них все прочие интересы и заполняла все свободное время.

По материалам статьи: Гусев О.К. Дмитрий Никитич Данилов (К 70-летию со дня рождения) // Труды ВНИИОЗ. 1972. Вып. 24. М., С.387–403.

Охота не осталась для Дмитрия Никитича только удовольствием в свободное от работы время. Как и у всех настоящих натуралистов, она возбудила желание изучать жизнь животных, как можно больше узнать о чрезвычайно сложном мире природы, научила любви ко всему живому. В становлении Данилова-естествоиспытателя проявилась известная закономерность: понятно, что только очень немногие охотники становятся исследователями природы, но несомненно и то, что огромное большинство охотоведов приходят к своей профессии через охоту.

Д.Н. Данилов уже в раннем возрасте начинает описывать места запомнившихся охотничьих походов, регистрировать результаты охоты, взвешивать и измерять добычу. Эти дневниковые записи впоследствии станут профессиональной необходимостью и будут вестись в продолжение многих десятилетий во время экспедиционных и охотничьих странствий. Они послужат материалом для крупных научных обобщений. В те первые годы Дмитрий Никитич вел свои дневники, еще не отдавая себе ясного отчета в том, для чего они пригодятся, вел их потому, что это было захватывающе интересно, потому, что он просто не мог их не вести. В дальнейшем, получив специальное образование, он уже по долгу службы продолжал делать то, что делал задолго до окончания института исключительно по собственному желанию. В таких случаях говорят, что человек пошел работать по призванию. Но путь этот был долог и не всегда прям.

После окончания реального училища в 1918 г. Дмитрий Никитич работал десятником на шоссейных дорогах в областном комитете государственных сооружений. В 1921 г. Союзом строительных рабочих он был откомандирован для продолжения образования в Ленинградский лесной институт.

В этом институте при кафедре биологии лесных зверей и птиц, заведовал которой охотовед Г.Г. Доппельмайр, действовал кружок научного охотоведения. Кружок имел свое опытное охот-

ничье хозяйство в Лисинском лесничестве. На заседаниях кружка выступали студенты и преподаватели института, гости. Среди них бывал и известный охотовед Д.К. Соловьев, сделавший несколько интересных сообщений о своих охотничьих экспедициях в СССР и за рубежом. Занятия в кружке с выездами на охоту и полевую практику знакомили студентов института с правильной организацией охоты, с элементарными основами ведения охотничьего хозяйства. Проводившиеся в хозяйстве охоты были прекрасной школой и серьезным испытанием для студентов. На одной из коллективных охот Д.Н. Данилов добыл своего первого медведя.

В этом замечательном охотоведческом кружке, о котором с большой благодарностью вспоминают его питомцы, окончательно закрепился интерес Дмитрия Никитича к охоте, и здесь же под влиянием Г.Г. Доппельмайра он перерос в интерес к охотничьему хозяйству и охотоведению.

В 1925 г. Д.Н. Данилов оканчивает лесохозяйственный факультет Ленинградского лесного института и получает звание ученого-лесовода.

После окончания института Дмитрий Никитич в продолжение 5 лет работает в лесоэкономических экспедициях, сначала в должности таксатора, а затем — начальника отряда. Он обследует леса Черноморского побережья бывшего Новороссийского округа (1925), Северо-Осетинской АССР (1926), бывшего Майкопского округа (1927), Алданского района Якутской АССР (1928), Тайшетского и Братского районов Иркутской области (1929). В таежных районах Сибири Д.Н. Данилов изучает технику и экономику охотничьего промысла, описание которого в то время было одной из задач лесоэкономического обследования.

В 1930 г. Д.Н. Данилов переезжает в Москву на работу в пушной синдикат исполнителем по охотничьему хозяйству и уже в 1931 г. в составе методологической охотустроительной экспе-

диции анализирует продуктивность лесных охотничьих угодий в Остяко-Вогульском национальном округе, в бассейне реки Вах.

Новый, самый значительный период деятельности Дмитрия Никитича начинается с зачисления на должность научного сотрудника в Центральную лабораторию биологии и техники охотничьего промысла Наркомвнешторга, впоследствии реорганизованную во Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего промысла (в разное время ВНИИО, ВНИИЖП, ВНИИОЗ). С этим институтом связано 26 лет жизни и продуктивной деятельности Д.Н. Данилова.

В 1943 г. он защищает диссертацию на тему «Кормовые ресурсы белки» и получает ученую степень кандидата биологических наук. Затем становится заведующим лабораторией охотничьих угодий. И в этот период много времени проводит в поле: на стационарах — в Архангельской, Вологодской и Калининской областях, в экспедициях — в большеземельской тундре, в Свердловской, Челябинской, Кировской и во многих центральных областях европейской части России.

Позже, с 1958 г., на протяжении 10 лет Дмитрий Никитич — старший научный сотрудник лаборатории лесного охотоведения Всесоюзного научно-исследовательского института лесоводства и механизации лесного хозяйства (ВНИИЛМ).

В конце 1969 г. Д.Н. Данилов переходит в Центральную лабораторию охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР, где продолжает работу над своей главной темой — организационно-экономической оценкой охотничьих угодий СССР.

В жизни Дмитрия Никитича был небольшой период, когда он совмещал научную деятельность с преподаванием. В 1935—1938 гг., будучи доцентом, он читал курс лекций «Основы лесного хозяйства и топографии» студентам Московского зоотехнического института пушно-сырьевого хозяйства в Балашихе.

Основное направление научной работы Д.Н. Данилова — изучение охотничьих угодий как среды обитания охотничье-промысловых животных, как одной из биологических основ охотничьего хозяйства.

Первая книга на эту тему — «Охотничьи угодья. Кормовая производительность при сплошнолесосечных рубках в еловых лесах» — увидела свет в 1934 г. За ней последовала большая серия работ по изучению растительных кормов — семян древесных пород, травянистых растений, грибов, веточного корма и т.д., по типологии и бонитировке охотничьих угодий, по их динамике и промысловой оценке.

«Бонитировка ондатровых угодий», изданная отдельной книжкой в 1947 г., явилась первым пособием по оценке водных угодий в недавно организованных ондатровых промхозах. Это важное для охотничьего дела направление исследований, целеустремленно развиваемое и постоянно совершенствуемое методически, находит наиболее полное и законченное выражение в книгах Д.Н. Данилова «Охотничьи угодья СССР» (1960) и «Охотничье хозяйство СССР. Продуктивность охотничьих угодий» (1963). Эти книги стали крупнейшими охотоведческими обобщениями, опубликованными на русском языке. Профессор П.Б. Юргенсон, давая оценку книге «Охотничьи угодья СССР», писал: «Надо признать, что и экология животных, и охотоведение обогатились очень ценной и полезной книгой, в которой заложены основы новой научной отрасли знания», а П. Петров в рецензии, опубликованной в болгарском журнале «Горско стопанство» («Лесное хозяйство», 1961), назвал ее «истинно ценным трудом не только для Советского Союза, но и для мировой литературы».

Методы и принципы типологии, классификации и бонитировки лесных охотничьих угодий, разработанные Д.Н. Даниловым, легли в основу изучения и описания тундровых и водных охотничьих угодий.

Всесоюзная научно-производственная конференция по естественной производительности и продуктивности охотничьих угодий СССР (1969) еще раз подтвердила огромное значение идей Д.Н. Данилова для развития учения об охотничьих угодьях. Анализ материалов конференции показал, что невозможно было написать ни одной статьи по общим проблемам изучения охотничьих угодий без ссылок на работы Д.Н. Данилова. Только в I томе трудов конференции его публикации цитируются около 30 раз — много больше, чем работы других авторов.

Д.Н. Данилов — основоположник учения об охотничьих угодьях, крупнейший специалист по их классификации, типологии, бонитировке, определению их производительности и продуктивности.

Второе главное направление исследований Дмитрия Никитича — охотничье устройство. Опубликованные им основополагающие работы по вопросам охотустройства выдвинули его в ряд ведущих специалистов и в этой области знания.

Д.Н. Данилов был организатором издания, одним из авторов и редактором «Методического руководства по внутрихозяйственному устройству охотничьих хозяйств Росохотрыболовсоюза» (1956) и «Методического руководства по устройству комплексных промыслово-охотничьих хозяйств (промхозов) потребительской кооперации» (1958, вып. 1 и 2).

В 1964 г. в связи с широко развернувшимися работами по претворению в жизнь постановления Совета Министров СССР от 11 мая 1959 г. «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства» журнал «Охота и охотничье хозяйство» организовал на своих страницах всестороннее обсуждение главных проблем охотустройства. Начало дискуссии положила статья Д.Н. Данилова «Охотустройство — жизненно важное дело». Обсуждение основных положений этой статьи продолжалось полтора года и было завершено новой статьей Д.Н. Данилова «Основ-

ные вопросы охотустройства» (1965), в которой были подведены итоги дискуссии.

В этих статьях было показано, что практическое осуществление охотустроительных рекомендаций является первоочередной мерой для оптимизации использования государственного охотничьего фонда. В них была разработана методика охотустроительных работ и дан структурный разрез охотустройства как комплекса практических мероприятий: внутрихозяйственное охотустройство начинается с инвентаризации охотничьих угодий, переходит к оценке качества охотничьих угодий, или их бонитировке, рациональной организации территории хозяйства, составлению охотхозяйственных карт, к решению ряда экономических вопросов, и в том числе увязке интересов охотничьего хозяйства с другими отраслями народного хозяйства, к учету охотничьей фауны, биотехнии и, наконец, к определению стратегии хозяйства, его видового направления, расчету пользования и установлению нормативов отстрела.

Никогда раньше охотустройство не велось в таких масштабах. Вступали в строй тысячи приписных к охотничьим обществам хозяйств, зарождались государственные лесоохотничьи хозяйства нового типа. Работы Дмитрия Никитича упорядочили все этапы охотничьего устройства, наметили четкую программу его осуществления. Дискуссия в журнале оказалась чрезвычайно своевременной.

Многолетние исследования Д.Н. Данилова в области теории и практики охотничьего устройства нашли свое завершение в фундаментальной сводке группы авторов (Д.Н. Данилов, Я.С. Русанов, А.С. Рыковский, Е.И. Солдаткин, П.Б. Юргенсон) «Основы охотустройства», опубликованной в 1966 г. под его редакцией. В этой монографии дан глубокий критический анализ методов охотустроительных работ, сведены воедино проблемы, связанные с организацией широкой сети охотничьих хозяйств:

история охотустройства в СССР, инвентаризация охотничьих угодий, учет численности охотничьих животных, определение норм отстрела охотничьих зверей и птиц, бонитировка охотничьих угодий, биотехнические мероприятия, методы эксплуатации запасов охотничьих животных в хозяйствах, проектирование охотхозяйственной деятельности и организация территории охотничьих хозяйств, картографирование охотничьего хозяйства, организация охотустроительных работ. Эта сводка стала настольной книгой охотустроителей, руководством к действию по внутрихозяйственному охотустройству многих тысяч охотничьих хозяйств спортивного направления. Разработка теории охотустройства выдвинута в ней в ряд важнейших задач охотоведения.

Вопросы организации и техники охотничьего хозяйства, в особенности изучение передового опыта и рационализация промысла, также постоянно привлекают внимание Д.Н. Данилова. Серьезный анализ организации охотничьего хозяйства по экономическим районам СССР дан в книге «Охотничье хозяйство СССР». Я.С. Русанов так писал о ней в 1964 г.: «Чтобы составить общее представление о современном положении охотничьего хозяйства, его структуре и закономерностях производимых в нем изменений, нужно было свести воедино многочисленные научные и ведомственные материалы. Нужно было путем их тщательного анализа и сопоставления найти взаимосвязи отдельных явлений в этой области социалистического производства.

В результате обработки ведомственных данных о составе охотничьих угодий, численности охотников, заготовках пушнины и мясодичной продукции, специальной литературы по вопросам районирования территории Союза, экономике и продуктивности охотничьих хозяйств и собственных многолетних исследований в области изучения охотничьих угодий и промысла автор дает общую картину современного состояния охотничьего хозяйства Советского Союза».

О необычайной широте научных интересов Д.Н. Данилова говорит перечень разрабатываемых им вопросов. К ним, помимо уже упомянутых, относятся: плодоношение древесных пород, урожайность дикорастущих ягод и грибов, роль животных в естественном возобновлении леса, продуктивность различных типов леса как охотничьих угодий, значение подроста и подлеска в лесных фитоценозах как кормового и защитного факторов, динамика заготовок пушнины и т.д. Всего Дмитрием Никитичем опубликовано более 110 работ.

Очень плодотворна была деятельность Д.Н. Данилова как редактора и организатора многих ценных охотоведческих изданий — книг, пособий, статей и т.д. Под его редакцией вышло около 20 публикаций, в том числе 8 выпусков сборника «Рационализация охотничьего промысла», 4 выпуска сборника «Передовой опыт в охотничьем хозяйстве», «Методическое руководство по устройству комплексных промыслово-охотничьих хозяйств (промхозов) потребительской кооперации», «Методическое руководство по внутрихозяйственному устройству охотничьих хозяйств Росохотрыболовсоюза», сводная работа «Основы охотустройства» и др. Важно отметить, что Д.Н. Данилов был не только автором и редактором многих названных работ, но и их творцом, инициатором их создания и издания.

Все книги, вышедшие под редакцией Д.Н. Данилова, несут на себе особую даниловскую мету — чрезвычайную тщательность и высокий научный уровень редактирования.

Хорошим редактором может быть только хороший автор, только тот, кто вдумчиво и скрупулезно работает над собственными рукописями. Работа над внешним оформлением статьи, над ее языком органически сливается с работой над содержанием, над мыслью. Совершенствуя, шлифуя фразы, мы прежде всего совершенствуем и шлифуем мысли. Поэтому вполне оправдан такой афоризм: «хорошо мыслит тот, кто хорошо пишет».

Работы Д.Н. Данилова написаны с высоким чувством ответственности, очень доходчивым, доведенным до абсолютной ясности чеканным русским языком. В ценнейших публикациях Дмитрия Никитича необходимо отметить еще одну характерную черту: в них содержится богатейший арсенал оригинального фактологического материала и его глубокий всесторонний анализ.

Так же требователен был Д.Н. Данилов и к чужим работам. Те охотоведы и зоологи, которым предоставлялась честь публиковать свои труды под редакцией Д.Н. Данилова, могли быть совершенно уверены в высокой профессиональной надежности и научной компетентности редактирования.

В продолжение 26 лет, как мы уже говорили, деятельность Дмитрия Никитича Данилова была теснейшим образом связана со Всесоюзным научно-исследовательским институтом охотничьего промысла, который сыграл огромную роль в его научной биографии. Д.Н. Данилов является, если можно так выразиться, одним из самых выдающихся творений этого института, но и его значение в жизнедеятельности института было очень велико.

В течение нескольких лет Д.Н. Данилов руководил работой трех лабораторий: лаборатории охотничьих угодий, официальным руководителем которой он являлся, лаборатории техники промысла и лаборатории экономики и организации охотничьего хозяйства. Дмитрий Никитич был одним из инициаторов создания корреспондентской сети института. Поступающие от нее ценнейшие сведения являлись основой для прогнозирования численности промысловых животных и планирования рационального использования охотничье-промысловых ресурсов.

Долгие годы до переезда института в город Киров Дмитрий Никитич руководил работой научной библиотеки, следил за ее комплектованием, пополнением новой литературой. Эта важная работа была органически связана с его деятельностью как библиографа. Она требовала огромной собранности, регулярной

переписки со многими сотрудниками отделений института, тщательного изучения библиографий, постоянного наблюдения за выходом новой литературы.

В «Трудах» института (1951) Д.Н. Данилов помещает библиографию работ сотрудников за период с 1923 по 1950 г. Для ее составления были использованы списки публикаций работников центрального аппарата института, многочисленные письма сотрудников отделений, отчеты, представленные директорами отделений. Очень сложно было составить библиографии работ сотрудников института, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Это был тяжелый труд, требующий упорства и методичности.

Весь собранный библиографический материал систематизирован по восьми основным разделам: биология, акклиматизация промысловых зверей и птиц, болезни диких животных и собак, охотничьи угодья, техника охотничьего промысла, экономика и организация охотничьего хозяйства, товароведение пушно-мехового и животноводческого сырья и разное. Эта библиографическая классификация в какой-то мере явилась и анализом деятельности института и его подразделений. Позже в выпусках «Трудов» (1958) был опубликован список работ, увидевших свет в период с 1950 по 1957 г.

Кроме этого, в сборниках «Рационализация охотничьего промысла» регулярно появлялись списки новых книг по охотничьему хозяйству, составленные Д.Н. Даниловым. Работу библиографа Дмитрий Никитич продолжал и будучи сотрудником ВНИИЛМа, где под его руководством и по его инициативе составлялась картотека новой литературы по охотничьему хозяйству. В течение нескольких лет он вел библиографический раздел в журнале «Охота и охотничье хозяйство». Такого знатока охотоведческой литературы, такого ее патриота и собирателя, каким был Д.Н. Данилов, не так уж часто удается встретить среди наших охотоведов и зоологов.

Несмотря на постоянно высокий накал творческой работы, Д.Н. Данилов не был чужд и общественной деятельности. Он состоял членом научно-технических советов Главного управления по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству МСХ СССР и Главного управления по охотничьему хозяйству и заповедникам при Совете Министров РСФСР. Он много лет был одним из самых активных членов совета Росохотрыболовсоюза, почетным членом которого его избрали в 1967 г. Дмитрий Никитич входил в редакционную коллегию журнала «Охота и охотничье хозяйство».

За самоотверженную работу на поприще охотоведческой науки Д.Н. Данилов неоднократно награждался медалями ВДНХ.

Замечательные качества Д.Н. Данилова как ученого и человека привлекали к нему соратников и учеников. Исключительно добросовестное отношение к выполняемой работе, чрезвычайная скромность в повседневной жизни, доброжелательность к людям, с которыми приходилось жить, встречаться и работать — характернейшие свойства личности Дмитрия Никитича.

«Одна из замечательных черт характера Д.Н. Данилова — его внимательность к людям вообще и к товарищам по работе в особенности. Его консультации никогда не бывают скоропалительными суждениями, высказанными между делом. Это всегда тщательно продуманные, четко сформулированные мнения».

«Он не жалеет ни времени, ни усилий для того, чтобы научить работать начинающего специалиста, передать ему свои знания, свою беспредельную добросовестность и любовь к делу».

«Те из нас, кому довелось со студенческой скамьи попасть под руководство этого замечательного человека и специалиста, в полном праве считать, что им очень повезло».

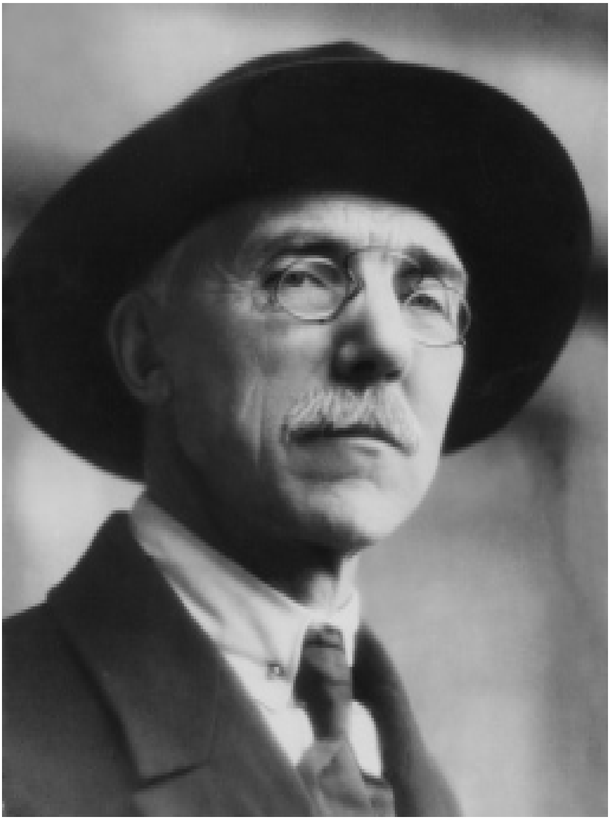
Эти высказывания принадлежат одному из талантливых учеников Дмитрия Никитича, биологу-охотоведу Я.С. Русанову.

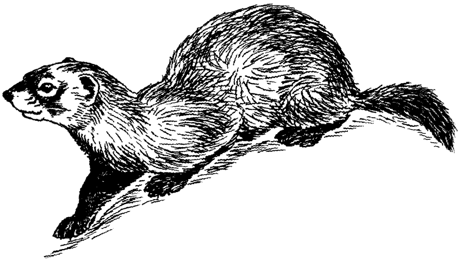
Широкая и плодотворная деятельность Д.Н. Данилова — ученого, научного организатора, педагога, редактора, библиографа — вывела его в ряды ведущих охотоведов Советского Союза. Своим выдающимся трудом он продолжал традиции крупнейших отечественных охотоведов, оказавших решающее влияние на развитие охотоведческой мысли, — Л.П. Сабанеева, А.А. Силантьева, Д.К. Соловьева, С.А. Бутурлина, В.Я. Генерозова, Б.М. Житкова, Г.Г. Доппельмайра, П.А. Мантейфеля, С.Д. Перелешина.

О.К. Гусев

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ЖИТКОВ

1872—1943





Видимо, как смешение разных кровей в животном организме дает очень «талантливую», устойчивую ко всяким потрясениям особь, так и сочетание различных природных зон дает земли, порождающие выдающихся способностями уроженцев. Такова симбирская земля, давшая нашему отечеству многих неординарных людей, в том числе в области биологии.

Одним из них был Борис Михайлович Житков. Высокий, худощавый, прямой, с негромким глухим голосом, стремительной походкой, всегда куда-то спешащий, в несколько старомодной одежде и таком же пенсне. В молодости Борис Михайлович занимался фехтованием, и за элегантность его прозвали «маркизом».

Под этим обликом скрывался человек широкой эрудиции, разносторонне образованный, внимательный, доброжелательный и чуткий.

Несмотря на многообразие своих интересов, огромный вклад, сделанный им в развитие отечественной зоологии, зоогеографии, общей биологии, охотоведения, охотничьего промысла и звероводства, географии, изучения миграции птиц с помощью кольцевания, Борис Михайлович очень скромно оценивал свою деятельность, полагая себя заурядным, просто образованным человеком. «Всякое возвышенное ремесло, — замечал он, — мало чем отличается от труда сапожника или слесаря. В среде же людей, ищущих славы, признания, излишне самолюбивых, очень много самовлюбленных тупиц». Главным мерилом заслуг и способностей человека в любой области он считал самозабвенный труд.

Родился Борис Михайлович 20 сентября 1872 г. в живописном месте рядом с поймой реки Алатырь, в усадьбе Поля-

ны сельца Михайловка, что в Ардатовском уезде Симбирской губернии. К самой усадьбе подступали 1000 десятин старого перестойного смешанного леса. Несколько крупных елей, сосен и развесистых берез попали в ограду усадьбы, куда прилетали даже тетерева. Рядом простиралась пышная, с неприступными зарослями и крепями пойма запруженной реки, раскинувшаяся в ширину на 50—70 саженей. В них, особенно весной, толпился многоголосый, красочный, находящийся в постоянном движении птичий мир. Живописные уремы, долины, озера тянулись на многие километры. Таинственность и приволье природы, смешанные с семейными преданиями, будоражили ум и воображение мальчика и обостряли чувства. В этой атмосфере складывался цельный, независимый, оригинальный характер с самобытным умом, редкой душевной щедростью и добротой, особенным, свойственным только ему обаянием, располагающим к себе всех окружающих.

Охотников среди крестьян в то время было мало. В основном ловили лис, добывали куницу, белок, сотни зайцев. В 1870-е гг. в окрестных лесах появились медведи и лоси, отсутствовавшие в этих местах многие десятилетия. Охота на лосей в удельных лесах была запрещена. Но закон оставался действительным только на бумаге: били и тех и других. Медведя — больше на пчельниках. Обычными были волки, зимой даже заходили в усадьбу.

Старинный дворянский род чтил традиции. Но, как писал Борис Михайлович, вторя А.С. Пушкину, «мы ленивы и нелюбопытны». Поэтому он знал своих предков лишь с прадеда Никиты Ивановича Житкова — екатерининского вельможи, владевшего крупными земельными угодьями в Черниговской и Киевской губерниях. За связь с мятежными поляками Павел I лишил его всех владений. Мужчины в роду Житковых из поколения в поколение были военными. Дед

Иван Никитич — участник всех войн Александра I — земли не имел вовсе. Служил в артиллерии. Будучи еще екатерининским офицером, отличался твердым характером, независимостью суждений. Начав службу в артиллерийском гарнизоне Казани, продолжил ее в Москве. Его отличало полное равнодушие к любым выгодам — от карьеры до денег. Эта черта его характера стала наследственной. Отец Михаил Иванович в чине штабс-капитана инженерных войск (конно-пионерный дивизион) после окончания севастопольской эпопеи подал в отставку и уехал в имение, доставшееся ему от матери.

Хорошо образованный, в совершенстве владеющий двумя европейскими языками, сам выучил латинский, был начитан, имел обширные познания в литературе и искусстве, обладал уникальной памятью. Его кабинет был забит книгами и различными портретами. В своих воспоминаниях Борис Михайлович пишет: «Отец по своим прирожденным способностям должен был находиться на вершине общественной деятельности. И люди, почему-либо несправедливые к нему, признавали его острый и воспитанный ум и его образование. Перед 1861 г. он был мировым посредником и председателем мировых судей. Скончался он в возрасте 60 лет в 1891 г.». Многие из его качеств были унаследованы сыном.

Мать Бориса Михайловича по своему отцу происходила из дворян татарского рода Табукиных. Прожив 83 года (до 1921 г.), до конца своих дней она была бодрой и отличалась ясным умом. Долголетием славились и другие его родственники: бабушка, из древнего рода Филатовых, прожила 84 года.

С Житковыми в родстве по бабушке состояли известный зоолог и эмбриолог Д.П. Филатов, профессор В.П. Филатов, академики А.Н. Крылов, А.М. и Б.М. Ляпуновы, профессор Сорбонны Виктор Анри, профессор В.Н. Гарнет и его сестра — математик Н.Н. Гарнет. Они дружили с семьями И.М. Сеченова, Н.П. Ермолова, А.А. Гончарова.

Все это создавало определенную интеллектуальную обстановку вокруг юного Бориса, двух его старших братьев и двух младших сестер. Один из братьев был выдающимся математиком, но работал по административной линии. Второй продолжил семейную традицию и стал военным.

Красивая местность в окрестностях имения, Алатырь, несший свои воды в реку Суру, в раннем детстве пробудили у мальчика и его братьев страсть к охоте. Охотиться он начал с пяти лет с ружьем, которое стреляло горохом. Но и из него он умудрился подстрелить кукушку. В 8 лет добывал бекасов и других куликов, перепелов, коростелей, дроздов, горлиц, с братом на коноплянниках — голубей. В зрелом возрасте Борис Михайлович подчеркивал, что тяга к охоте — врожденная черта характера.

Отец поддерживал в сыновьях стремление к мужскому, ратному занятию, позволяя им охотиться с небольшим облегченным ружьем в еще богатых в то время дичью угодьях. Несчастьем для 12-летнего ребенка стала смерть его любимой собаки — черного сеттера Нормы. Из множества собак, бывших в жизни у Б.М. Житкова, потеря этой оставила самый неизгладимый след, как потеря ближайшего друга. Взгляд ее очеловеченных глаз сопровождал его всю жизнь.

В 1881 г. у Житковых гостил Ваня Драницин, двоюродный брат Бориса Михайловича. Студент-медик, он обожал охоту и брал брата с собой. Через него Борис Михайлович впервые познакомился с анатомией животных. Эта встреча зародила первые мысли о поступлении на биологический факультет.

Вспоминая о том времени, Борис Михайлович писал: «Я особенно благодарен моим родителям, однако нужно предполагать, что у брата и у меня было по неотлучному ангелу-хранителю, которые позаботились спасти нас от увечья, гибели в воде или трясине и неумышленного убийства друг друга».

Охотились они по пойме Алатыря по-настоящему, с ночевкой. Сопровождавший их повар Сергей кормил охотничьей кашицей. А кругом была ночная таинственность, настороженность, усиливавшиеся с темнотой запахи, холодное мерцание далеких звезд и ... шорохи, крики, свисты. Как было не влюбиться в это, не желать приблизиться к тайнам природы, познать их!

В 10 лет Борис Михайлович принимал участие в псовых охотах с их азартом, лихостью и своеобразной романтикой. Но особенно сильное впечатление на всю жизнь оставили у него охоты на заре, сама природа в эти предрассветные часы.

Читать Борис Михайлович научился сам, перечитал множество французских, немецких и русских книг, унаследовав к ним любовь от отца. От него же и склонность запоминать стихотворения.

В 1882 г., когда ему еще не исполнилось десяти лет, его отдали в первый класс Алатырской прогимназии, где он был первым учеником, окончившим ее с отличием. Начальство четырехклассной прогимназии не поощряло охотничьих наклонностей нового ученика. Но каждый весенний разлив неуемно тянул к себе. В этих вынужденных обстоятельствах у него появились новые увлечения. С соседом, сыном плотника Митей, страстным охотником, вооруженным самопалом собственного изготовления, рыбаком и любителем певчих птиц, он стрелял зайцев, рыбачил на удочку. Но рыбака из него не вышло. Зато птицеловство, дававшее возможность наблюдать жизнь птиц в природе, их повадки, склонности, распознавать их голоса и вариации, захватило его безвозвратно. Именно в это время закладывались основы его будущих работ по орнитофауне Симбирской губернии (1906) и биологии птиц (1925).

За короткое время среди местных рыбаков, мастеровых — любителей русской птичьей охоты, несмотря на свой юный воз-

раст, Борис Михайлович становится признанным авторитетом. Не раз кто-нибудь из них говорил после ловли: «Пойдем, Боренька, ко мне чай пить, а то баба меня заборонит, что я тебя не привел». За кипящим самоваром с воскресным пирогом и традиционной рюмочкой наливки для хозяина шли долгие разговоры, разгорались горячие споры о достоинствах птиц, коленах в их песнях, количестве «карт» на маховых крыльях щеглят и их влиянии на красоту пения. В этих беседах пожилые охотники раскрывали ему сокровенные секреты любимого увлечения, а он с жадностью впитывал их, запоминал на всю жизнь, озаряясь осознанием роли птиц в очаровании природы, их пользы в ней и хозяйстве человека. Так рождались мысли, взгляды о необходимости сохранения неповторимого разнообразия всего животного мира. Не случайно впоследствии он стал одним из виднейших деятелей и научных организаторов дела охраны природы в стране. Из-под его пера вышли статьи о защите птиц в Соединенных Штатах (1911), об охране птиц (1912), о вредных и полезных пернатых хищниках (1910), о промысле и охране птиц в низовьях Волги (1914, 1915). Его идеи послужили основой для проекта декрета об организации Астраханского заповедника.

Постоянное, с детства, общение с самыми разными людьми, как по общественному положению, так и по культурному уровню, выработало у Бориса Михайловича умение достигать понимания с любым человеком. Эта черта пригодилась ему в жизни, в путешествиях и преподавательской работе. В своем гимназическом дневнике С.И. Огнев описывает свою случайную встречу с одним из охотников в Гжатском уезде. Тот ему сказал о Б.М. Житкове: «Вот когда поступите в университет, то постарайтесь познакомиться с ним, это удивительный человек». Через два года они познакомились и оставались близкими друзьями всю жизнь.

В 1886 г. Борис Михайлович стал учеником пятого класса Нижегородского дворянского университета, выделяясь своими успехами. Труднее всего ему давался греческий язык. Здесь, как и в прогимназии, естественные науки не были в почете. Эти науки в то время вообще не преподавались в гимназиях. Поэтому даже в старших классах, по воспоминаниям Бориса Михайловича, он плохо различал хищников и куликов. Но постоянное общение с природой поддерживало в нем стремление глубже познать все многообразие взаимоотношений и взаимосвязей в живой природе.

Это решило его судьбу. В 1890 г. Борис Михайлович поступает на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В этот период там преподавала биологические науки, химию, физику блестящая плеяда отечественных ученых. Их школа формировала научный потенциал русской науки на многие десятилетия вперед.

Б.М. Житкову с его склонностью к зоологии повезло. Курс зоологии читал А.П. Богданов, учеником которого стал Борис Михайлович. После смерти Анатолия Петровича его сменил Н.А. Тихомиров. Заняв в 1896 г. место директора Зоологического музея МГУ, Н.А. Тихомиров собрал вокруг себя зоологов-единомышленников, в их числе был и Б.М. Житков. И не случайно последний посвятил три статьи орнитологическим и териологическим фондам музея (1894, 1897, 1901).

Уже на втором курсе Борис Михайлович начал заниматься самостоятельной научной работой, собирая материалы по фауне позвоночных Среднего Поволжья. Результатом этого стала статья «Очерки природы Среднего Поволжья. Пойма реки Алатыря» (1900). Студентом четвертого курса он командируется Московским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии на Урал для изучения местной фауны позвоночных животных.

Оценив эрудицию, трудоспособность и увлеченность наукой Бориса Михайловича, Н.А. Тихомиров оставляет его после окончания университета при кафедре, а потом делает ассистентом Зоологического музея. После сдачи в 1900 г. магистерского экзамена Б.М. Житков назначается приват-доцентом. Еще в 1897 г. по его собственному ходатайству Русское географическое общество направило Бориса Михайловича руководителем экспедиции на Ямал, который он вновь посетил в 1908 г. Обитателям, природе Ямала он посвятил три статьи (1909, 1912, 1913). С этого времени русский Север стал любимым районом исследований Бориса Михайловича. Позже он посетил Новую Землю и остров Колгуев (1900), полуостров Канин (1902). Б.М. Житков опубликовал по Северу более 60 работ. Именно в них наиболее ярко выражен его подход к научным исследованиям — использование на практике теоретических достижений и открытий в зоологии.

Изучив исторические документы, Борис Михайлович восстановил и нанес на карту когда-то существовавший древний путь от Беломорского побережья через тундры и озера полуостровов Канин и Ямал в Мангазею. По его убеждению, морской путь в Сибирь мог в кратчайшее время оживить экономику Севера. Он категорически отметал утверждения, что эти районы малоперспективны и обречены на вымирание.

Здесь Б.М. Житкову пригодились приобретенный в молодости опыт постоянного общения с крестьянами, понимание их интересов, трудностей жизни и житейской мудрости, уважение к народному языку. Описывая черты характера ненцев-оленеводов, он подчеркивает их радушие, знание природы, особенностей охотничьего промысла, умение ориентироваться на местности.

Будучи глубоко убежден в необходимости развития хозяйства во всех северных регионах, Борис Михайлович считал,

что государство должно ратовать за то, чтобы все населяющие его народы имели полное право на известную долю участия государства в их жизни. Выступал в защиту малых северных народов. При вспыхнувшем на Колыме голоде он организовал специальную экспедицию по оказанию помощи.

В 1914 г. Б.М. Житков публикует статью «Морской путь в Сибирь и сибирские инородцы», в 1922 г. — работу «Русское Ледовитое море и его экономическое значение» и ряд других.

За блестящий цикл работ, содержащих сведения по этнографии, промыслу, экономике ряда регионов Севера, он был награжден медалями нескольких ученых обществ. Русское географическое общество присудило ему премию им. Н.М. Пржевальского.

Б.М. Житков становится одним из ведущих специалистов по проблемам освоения Севера и его природных богатств. Поэтому не случайно при организации Комитета по Северу при Президиуме ВЦИК РСФСР, председателем которого был П.Г. Смидович, а ученым секретарем друг и соавтор Б.М. Житкова С.А. Бутурлин, Бориса Михайловича включают в состав этого комитета. Его избирают в члены Комитета помощи малым народам Севера при Президиуме ВЦИК. Он входит в состав Полярной комиссии АН СССР и Международного полярного комитета в Брюсселе.

В 1921 г. Петровская академия вместе с Наркомземом решили построить биологическую станцию, найдя для этих целей один миллион рублей (это копейки по тем временам). Для нее выбрали Лосино-Погонный остров под Москвой, бывший с XVIII века «государевой заповедной рощей». При станции на средства лесничества, по указанию Наркомлеса, создали охотничье хозяйство. Штат станции состоял из двух егерей, конюха и сторожихи. Комнаты в доме были по 20 кв. м каждая. Одна из них была отведена под лабораторию. В других

жили семья лесничего В.Г. Стахровского, Б.М. Житков и старший охотовед С.В. Лобачев. А 15 мая этого же года на ее базе Борис Михайлович организовал Центральную научно-исследовательскую охотничье-промысловую биологическую лабораторию, в 1956 г. превратившуюся во Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства. Всего в первый год через лабораторию прошло 25 студентов.

Вначале это была база для практики студентов Московского лесного института и проведения ими научно-исследовательских работ. Бюджет ее был очень незначителен. Борис Михайлович уделял много сил, времени и энергии работе станции, ориентируя ее работы на решение научно-прикладных проблем, могущих поднять экономику страны. Разнообразие тематики и ее хозяйственная направленность, авторитет ее руководителя укрепляли и расширяли связи лаборатории с практическими организациями. Росло ее признание. Увеличивался приток средств на научные исследования.

В работах станции принимали участие студенты лесного института, МГУ и других вузов и просто вольнослушатели. Ведущиеся на ней исследования с каждым годом охватывали все новые регионы страны: Закавказье, Среднюю Азию, Западную и Восточную Сибирь.

Расширялся круг работ по изучению экологии и биологии птиц и зверей, так или иначе связанных с охотничьим хозяйством. Придавалось большое значение всестороннему изучению промысловых видов, возможностям их акклиматизации, внедрения в звероводство. Разрабатывались принципы и методы проведения таких работ, особенностей отлова, транспортировки и выпуска животных, вопросы охотустройства, бонитировки охотничьих угодий, организации охотустройства промысловых районов, звероводства, пушного товароведения.

Первыми сотрудниками станции стали бывшие студенты, проходившие на ней практику, среди них были Б.А. Кузнецов, Н.П. Лавров, Е.П. Спангенберг, С.П. Наумов, А.Н. Формозов, П.Б. Юргенсон, Н.К. Верещагин, С.С. Фолитарек, Н.П. Наумов, С.В. Лобачев. Приглашались для участия в ее работе преподаватели МГУ и Смоленского государственного университета В.Г. Гептнер, С.И. Огнев, Г.Л. Граве и другие. Большинство из них в дальнейшем стали известными зоологами, которые возглавили отечественную зоологию, определяли дальнейшие пути ее развития, получили мировое признание.

Так шло формирование первого специального научно-исследовательского учреждения в области охотничьего хозяйства и звероводства. Прежде в России не было таких масштабных плановых исследований в этих областях. Только Б.М. Житкову с его организаторскими способностями и педагогическим талантом удалось в корне изменить подход к этому направлению, привлечь к нему основные зоологические и практические силы страны, воплотить в жизнь идею своего учителя — воздействовать на животный мир в интересах человека.

Вслед за «Лосинкой» стали возникать подобные станции в Казани, Харькове, Ленинграде, Архангельске, Свердловске, Новосибирске, Иркутске, а также ряд других зональных охотничье-биологических станций. На многих из них работали ученики Б.М. Житкова. С 1930-х гг. все они были подчинены «Лосинке», т.е. создавалась государственная сеть учреждений этого профиля, охватившая своими работами весь Союз.

Биологическая станция в «Лосинке» и работы ее сотрудников дали жизнь новым отраслям хозяйства страны.

До революции в России практически не было клеточного звероводства. Не было ни хорошего племенного поголовья, ни грамотных, опытных кадров. Эту проблему взялся решать Б.М. Житков, готовя на базе лаборатории практических работников,

широко образованных в области биологии и владевших основами ветеринарии и зоотехнии. Он перевел книгу Лея о разведении черных лис, считая, что хорошее методическое пособие приносит больше пользы, чем организация плохой зверофермы. В 1920-е гг. при лаборатории жили зайцы, лисы, куницы. Связь с практическими организациями, обширная переписка с зарубежными учеными и фирмами дали Б.М. Житкову возможность приобрести высококачественный племенной материал — серебристо-черных лис, американскую норку, нутрию, ондатру. Начали создавать в Подмосковных совхозах опытные фермы по выработке техники разведения соболя, норки, нутрии, ондатры. Борис Михайлович становится консультантом Пушногосторга.

Одновременно в лаборатории зарождалась новая отрасль зоологических знаний — товароведение пушно-мехового сырья, с учетом внутривидовой, географической изменчивости. Проводились гистологические исследования шерсти различных видов, на основе которых был подготовлен «Атлас». Все это стало началом создания основных методов в исследованиях по определению товарных свойств пушнины и выработки ее общегосударственного стандарта. В журнале «Пушное дело» за 1925 г. Борис Михайлович публикует статью «Научные основы пушных стандартов».

Б.М. Житков объективно оценивал состояние охотничьего хозяйства страны, но в то же время старался увидеть будущие его перспективы. Все публикации его сотрудников, результаты работ, внедряемых в практику, отчеты, коллекции были направлены на это. Шли поиски методов и путей расширения базы пушно-мехового хозяйства страны, подбор и подготовка людей, способных организовать и возглавить сложную работу организации роста заготовок. Для этого началось изучение состояния и перспектив восстановления ареалов ценных видов, вовлечен-

ных в промысел, и введение в звероводство вторичных видов (сусликов, тушканчиков и др.).

Борис Михайлович приступил к реализации в жизни идеи своего учителя А.П. Богданова об акклиматизации животных. Его теоретические взгляды, новаторские оригинальные идеи, факты и практические рекомендации по акклиматизации, высказанные в книге «Акклиматизация животных», не теряют своего значения и в наше время. Он писал: «... В области акклиматизации в широком смысле этого слова успех практических мероприятий будет возрастать параллельно с накоплением данных по морфологии, генетике и физиологии видов и с развитием точных комплексных исследований в жизни биогеоценозов».

В первые годы лаборатория свои отчеты о работах делала публично на заседаниях Московского общества испытателей природы.

Организационная, преподавательская и пропагандистская деятельность Б.М. Житкова в области охотоведения не ограничивалась «Лосинкой». Заведуя кафедрой зоологии позвоночных в 1-м МГУ с 1919 по 1932 г., с 1924 г. на старших курсах читал «Биологию и систематику промысловых зверей и птиц». Этот же курс с 1921 г. он читал в Петровской сельскохозяйственной академии и во 2-м МГУ. При Ассоциации научно-исследовательских институтов по его инициативе была создана аспирантура с охотоведческим уклоном. В 1924 г. в 1-м МГУ им были организованы кружок «охраны природы и правильной охоты» и семинар по биологии промысловых животных. Докладчиками на них выступали преподаватели, студенты, научные сотрудники, охотоведы, работники заготовительных и торговых организаций, деятели охраны природы, пушного дела и т.п. На них собиралось огромное число самых разнообразных слушателей. Большая зоологическая аудитория не всегда могла вместить всех желающих. Особенный интерес вызывали выступления Б.М. Житкова, который

был прекрасным оратором. Стиль его речи был четким, ясным, образным. Содержание было подчинено пропаганде изучения природных ресурсов и развития хозяйства страны и имело строгую научную обоснованность и практические выводы, основанные на конкретных предложениях. Говорил он хорошим правильным языком. Михаил Пришвин, прочитав книгу «Перелеты птиц», написал: «Я читал ее несколько раз и каждый раз все с большим удовольствием: наука перерастает в ней в подлинное художество. А какой язык — позавидуешь! ».

По инициативе студентов — любителей природы и охоты в 1922 г. при Петровской сельскохозяйственной академии были созданы Московские курсы охотоведения им. С.Т. Аксакова. В конце этого же года на лесном отделении академии была организована кафедра лесных зверей и птиц, на которой стал преподавать Б.М. Житков. Его первая лекция называлась «Что такое охотоведение?», в ней он дал формулировку содержания зарождавшейся науки и ее места и роли в народном хозяйстве страны.

Лесное отделение академии в 1923 г. стало основой вновь созданного Московского лесного института, куда была переведена и кафедра. Туда же, на Волхонку, переехали и курсы охотоведения, возглавляемые Б.М. Житковым. Проработали курсы до 1926 г., подготовив более 100 специалистов. Вся работа, проделанная Б.М. Житковым в области охотоведения, позволяет назвать его основателем советской школы охотоведов.

В признание его заслуг в изучении и освоении Севера, изучении и развитии пушного промысла России и ее окраин (капканного промысла, ареала соболя, пушных зверей, охотоведения и т.д.) его имя было присвоено главному центру пушного охотничьего хозяйства и звероводства страны — Всесоюзному научно-исследовательскому институту охотничьего хозяйства и звероводства в Вятке. Первое промыслово-исследовательское

судно Северного морского пути также гордо носило имя «Профессор Б. Житков».

Научные интересы Б.М. Житкова были весьма широки: биологические основы и экономика пушного промысла, борьба с вредителями сельского хозяйства, акклиматизация, проблемы охраны природы. Не остались вне поля его зрения вопросы эволюции («Возрастная изменчивость и эволюция», 1922), систематики («Систематика как наука и как прикладное знание», 1941), экологии. Одним из первых он обращает внимание на изменение фауны в зависимости от различных внешних факторов. Не чужд он был и изучения биологии отдельных видов.

Неоднократно Борис Михайлович выступает и как историк биологии и отдельных ее направлений. Им написаны очерки о Каспаре Фридрихе Вольере (1934), А.П. Богданове (1935), С.А. Бутурлине (1938), Г.И. Фишере фон Вальдгейме (1940) и других. Его интересовали религия, мистика, спиритизм.

Большой охват теоретических и практических вопросов зоологии и связанных с ней областей биологических и других наук позволил ему заложить основы экологических исследований как одного из главнейших направлений на кафедре зоологии позвоночных МГУ, ставшей благодаря работам его учеников — С.И. Огнева, Н.А. Бобринского, С.А. Северцова, В.Г. Гептнера, А.Н. Формозова, Н.П. и С.П. Наумовых — одним из важнейших и ведущих центров в этой области.

Вместе с другими видными отечественными учеными-биологами Б.М. Житков в 1924 г. выступил в роли члена-учредителя Всероссийского общества охраны и обогащения природы, где организовал секции охраны птиц и млекопитающих. В 1933 г. постановлением Президиума ВЦИК его включают в члены Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК, председателем которого был П.Г. Смидович, а заместителем В.Н. Макаров. Состоял он членом государственной

межведомственной комиссии по охране природы при Главнауке РСФСР.

Борис Михайлович был активным членом Орнитологического комитета и кружка любителей певчей и другой вольной птицы, Русского общества акклиматизации животных и растений. Входил в состав организованного им справочного бюро по птицеводству и птицеведению, редколлегии журналов «Птицеводство и птицеведение», «Орнитологический вестник».

Он входил в редколлегию журнала «Охрана природы» со дня его основания. Его включали в Комиссию по стандартизации при Госплане СССР, избирали в члены советов МОИП, ВООП, Всероссийского общества содействия изучению животного сырья, Общества изучения Сибири и Дальнего Востока. Он состоял членом Общества научной маммалогии в Берлине и нескольких других зарубежных, московских и ленинградских обществ.

Всегда и везде успевать и многое делать Б.М. Житкову помогали быстрый ум, цепкая память, широта интересов, умение легко и быстро писать, огромная работоспособность. По окончании университета он в 1896—1912 гг. в различных центральных и провинциальных газетах и журналах, оттачивая свой стиль и слог, писал множество фельетонов (обзоров), литературных и научных заметок, статей и «всяких посторонних произведений», в период первой мировой войны — на экономические темы. Их можно было встретить в «Русских ведомостях», «Голосе Москвы», «Русском слове», «Утре России». Несколько лет он редактировал журнал «Естествознание и география» и большую серию сборников Московского комитета шелководства. Позже был редактором 18 научных сборников и книг. Как он шутил, его литературное наследие в высоту занимает 28 см.

Борис Михайлович прекрасно знал художественную литературу. Особенно любил А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П.

Чехова. Ценил философию Н.И. Пирогова и Б.Н. Чичерина. Любил и знал музыку, театр. Наслаждался неповторимой игрой Ф.И. Шаляпина и очарованием голоса Л.В. Собинова.

Все это и постоянное общение с природой делали его язык сочным, красочным, по-настоящему художественным, достигавшим высшего класса литературного стиля. Его научно-популярные работы, учебники, очерки и рассказы были по-настоящему ярки, талантливы, богаты сравнениями («Друзья и враги человека в мире животных», 1926, «Жизнь леса», 1926, «Биология лесных зверей и птиц», 1928, «Биология птиц», 1925, «Животный мир СССР», 1940 и др.). Не случайно его путали с тезкой — детским писателем Б.М. Житковым — и отказывались верить, что это разные лица. Его книги открыли начинающим натуралистам путь в природу и науку. Многие из них стали его учениками.

Его человеческие качества воспринимались по-разному. Энтомолог Б.М. Кузин говорил, что в нем было что-то волчье. Он не любил откровенничать, но чуткость, остроумие, меткость выражений, глубина и обоснованность суждений демонстрировали его ум и жизненную мудрость, привлекая к нему людей. Знавшие его люди отмечали живую, остроумную речь, добродушную и слегка насмешливую улыбку, дополнявшиеся веселыми глазами, смотревшими на собеседника из-за приспущенных очков.

Рассказывают, как в коридоре МГУ он повстречался с о чем-то задумавшимся П.А. Мантейфелем и спросил, что его привело в такое состояние. Тот ответил: «Вот думаю, Борис Михайлович, нужны витамины или нет?» — «Нужны, нужны, Петр Александрович. Вокруг них много народа кормится!».

Будучи равнодушным к должностям и наградам, он аккуратно и внимательно вел свои материальные дела и преуспевал в этом. Но не был скуп. Не любил есть в одиночку и часто приглашал с собой студентов на обед. Был прост в быту — мог

говорить простонародным языком, носил солдатские ботинки и валенки. Но, несмотря на это, он был знаком со многими выдающимися людьми и часто бывал у них в гостях.

Жил Борис Михайлович на Зубовском бульваре, в мезонине одного из домов, в Салтыковке у него была дача. Будучи женатым на Наталье Петровне Филатовой, имел двух дочерей — Нину и Любу. Обе они были хорошо образованны. Но личная жизнь у него не удалась и в конце ее он был одиноким.

Чуждый мелочности, самовлюбленности, чванства, словесной трескотни и крикливости, трафаретов, шаблонов, он и в других ценил необычность, своеобразие, самобытность и оригинальность натуры. А.Ф. Котс вспоминал, что при встрече с Б.М. Житковым поражали три его свойства: «ранняя седина, скромная самоуверенность и некая светящаяся изнутри спокойная и неизменная привлекательность. Говорил он всегда как-то исключительно тепло и вкусно, с подкупающей интимной простотой и убежденностью, согретой подлинной любовью к своему предмету, и с большим вниманием к собеседнику и аудитории». Ученики как бы дополняли эту характеристику: «Каждый раз после разговора с Борисом Михайловичем на душе у собеседника становилось тепло, и невольно появлялось сознание, что существуют на свете действительно хорошие люди».

Он не терпел официальности, юбилеев, подчеркивания всяческих заслуг, считая это делом скучным и ненужным. Когда ему предлагали отметить один из его юбилеев, он заявил: «Душенька, что, Вы хотите выставить меня на позорище?». Две энциклопедии попросили его написать свою биографию и дать фотографии, но обе в 1928 г. прогорели. Энциклопедия Венгерова обратилась с такой же просьбой. Университетский служитель Ефим, понесший конверт с рукописью биографии, потерял его. Борис Михайлович считал, что все это произошло не случайно.

Он любил людей, интересовался ими, их делами. Особенно любил детей, умел находить с ними общий язык и разговаривать, всегда имел с собой и хранил для них разные сладости.

Благодаря этим качествам у него было много верных, надежных друзей, платившим ему взаимностью.

Жизненная прозорливость, повышенная чувствительность, полученные от общения с природой, в канун наступающего 1940 г. вызвали в нем предчувствие наступления неотвратимой большой беды. 24 июня 1941 г. он сказал: «Сбылось!».

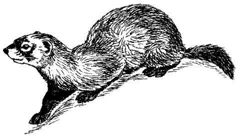
В 1942 г. он попал под военный автомобиль и чудом остался жив. Было сломано несколько ребер. Но, находясь в больнице им. Склифософского, где его опекал бывший ученик, ставший профессором медицины, С.В. Лобачев, он заражал окружающих своим жизнелюбием и оптимизмом. В течение семи дней перед смертью он не приходил в сознание и умер в 5 часов 45 минут 21 апреля 1943 г. Похоронили его в колумбарии Новодевичьего кладбища.

Гражданская панихида проходила в верхнем зале Зоологического музея. А.Н. Формозов так описывал все происходящее: «Гроб поставили в начале верхнего зала Зоологического музея. Шкафы кое-как затянули черной материей. Студентки принесли немного зелени из Ботанического сада, кое-кто поставил цветы — свежую белую сирень. Но бедно, бедно! И народу немного. Говорил Б.С. Матвеев, потом я, С. Наумов и другие. Лицо его очень изменилось. Желтый, усталый стоял С.В. Лобачев, развязно сменял почетный караул Боря Кузнецов. Пять мощных голов зубров смотрели вниз на гроб со стены над входом в зал и наклоняли рогатые лбы. У одного зубра какие-то раскосые насмешливые глаза. Еще в студенческие годы нашего преподавателя Бориса Михайловича Житкова мы звали Бабай — дедушка.

Прощай, Бабай! Прощай добрый старик, хороший русский человек!».

В воспоминаниях Борис Михайлович писал: «Я видел в течение своей жизни ледяные поля, окаймляющие берега полярных островов, видел пустыни внутренней Азии, темные скалы и вечные льды горных вершин и роскошь тропических садов. Но я вспоминаю их, как далекие сны, и вижу резче и яснее кусты бузины у конюшни в сыромятине, разлапистые сосны в усадьбе Поляны и пожелтевшие бурьяны алатырских садов с их осенними запахами, чижами и щеглятами».

В.К. Рахилин



АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ИЛЬЕНКО

1925–1999

Глядя на этот портрет Андрея Ивановича и Тера, так похожих друг на друга чем-то неуловимым, какой-то спокойной мужественностью, невольно понимаешь, как глубоко можно заглянуть через объектив фотоаппарата в сущность личности. Фотография точно передала образ и характер талантливого ученого, известного отечественного эколога, полевого зоолога, настоящего натуралиста, доктора биологических наук Андрея Ивановича Ильенко.

Наверное, главное в биографии ученого — это его отношение к науке, а когда речь идет о териологе, и к объекту его интересов — животным. Тем более, что через призму этого отношения всегда видны и человеческие качества. Именно с этой точки зрения я старалась объективно отразить впечатление о жизни и творчестве Андрея Ивановича, сложившееся за время общения с ним (это 25 последних лет его жизни) и, конечно, навеянное его рассказами и воспоминаниями.

Андрей Иванович Ильенко родился 31 мая 1925 г. в Москве, на Беговой улице. Рядом с ипподромом располагалось «родовое гнездо» и прошла почти половина его жизни. С раннего детства основные увлечения Андрея были связаны с разными животными. Особое любопытство вызывало наблюдение за птицами. Правильно будет сказать, что он с малых лет проявлял большой интерес к натуралистическим исследованиям, наблюдениям, связанным с живой природой. Это видится вполне закономерным, если учесть фамильные пристрастия, о которых необходимо сказать несколько слов. Дед Андрея Ивановича,

Иван Михайлович Ильенко, в молодости офицер легкой кавалерии (улан), свою свободную от военных обязанностей жизнь посвящал разведению скаковых лошадей. Иван Михайлович был старшим членом Московского скакового (дворянского) общества, сам тренировал свою призовую конюшню, писал статьи в спортивных журналах о чистокровных лошадях и до конца жизни служил государству в этой области. О его блестящей победе на скачках, а также о знаменитой лошади Фагобале говорила вся Москва и вспоминал знаток московской жизни В.А. Гиляровский. Иван Михайлович умер, когда внук был еще мал, но в наследство ему остались семейные фотографии, рисунки и картины с изображением Фагобала, рассказы матери и любовь к животным.

Мать А.И. Ильенко Наталья Ивановна была очень незаурядная женщина. Она много работала со знаменитым антропологом М.М. Герасимовым над восстановлением внешнего облика ископаемых людей, при этом обладала особым чутьем скульптора, образностью восприятия, руками ювелира. Именно она, заметив склонность сына к естествознанию, окружила его лучшими книгами про жизнь в лесах, про животных, индейцев, «про смелых и больших людей», и он знал их почти наизусть. Это Наталья Ивановна взяла в руки ружье и вывезла 10-летнего Андрея на первую охоту.

В 13 лет он уже самостоятельно и удачливо охотился в Залужье на Западной Двине в Тверской области. Впоследствии Андрей Иванович стал метким стрелком, прекрасным охотником, «своим человеком» в лесу. Охотился на птицу и на зверя, с сеттерами, лайками, спаниелями, особенно любил весеннюю тягу, вечерний утиный пролет. Естественным результатом охотничьего опыта, упорства, терпения и выносливости стала его способность обеспечивать себя материалом, необходимым для научных исследований (не только массовым, но и редким). Кроме того, он всегда мог добыть пропитание только ружьем и удоч-

кой, умел и любил готовить дичь. Одно время Андрей Иванович собирал кулинарные рецепты (от античных до современных) и мечтал издать книжку, посвященную специальной кухне для охотников и рыбаков. Всю жизнь он любил охоту и все, что с ней связано: ружья, ножи, собак, природу, мог часами азартно вспоминать пережитые им «сильные и простые волнения».

В доме Ильенко всегда находились разные животные: свои и приблудные собаки, больные, голодные птицы и мелкое зверье, которых дворовые дети несли Наталье Ивановне (обычно они оставались надолго) и, конечно, живые трофеи Андрея. Из рассказов Андрея Ивановича следует, что не было периода в его жизни, когда бы в доме не жили «братья наши меньшие» в качестве членов семьи. И позднее, в семье самого Андрея Ивановича, также всегда держали охотничьих собак, долго жил черный хорь Марфа (свободное содержание и наблюдение за ним вылилось в хорошую поведенческую работу), были попытки поселить дома енотовидных собак, барсучат, была история с медвежонком. Два или три года удивляла чудесами общения с людьми подсадная кряква, ожидавшая «на зимней квартире» начала охотничьего сезона. При этом домочадцы считали это привычным, естественным и почти необходимым явлением.

Много и весело вспоминал Андрей Иванович свое бытие в Кружке юных биологов зоопарка. Говорил о сотоварищах, теперь известных ученых, о подмосковных походах и экспедициях, о собранных им коллекциях птичьих перьев, яиц, гнезд и погадок, о рисунках следов, записях наблюдений. КЮБЗ обогатил его любовь к природе, дал начало глубокому пониманию происходящего в ней, разносторонне расширил знания о диких животных, воспитал редкую наблюдательность, развил разнообразные интересы будущего ученого.

А потом была война, ночные дежурства на крыше старого университета на Моховой, недолгая эвакуация и взрослая рабо-

та в Прокопьевске. Затем Свердловское артиллерийское училище и Украинский фронт. Тяжелое ранение и досрочная демобилизация. На фронт ушел, почти сбежал из дома невысокий, хрупкий и очень застенчивый юноша, а вернулся возмужавший молодой человек с приобретенной привычкой много курить и наградами за защиту Родины.

В непростые послевоенные годы жизнь склоняла к разного рода деятельности, но стремление к познанию и научно-исследовательским занятиям взяло верх. В 1956 г. Андрей Иванович окончил кафедру зоологии позвоночных биолого-почвенного факультета МГУ им. Ломоносова. Высокая работоспособность, деятельная натура и широкие зоологические интересы сделали его последующую научную деятельность разнообразной и плодотворной. Он работал на биологической станции в Чашниково под Москвой, бывал в экспедициях на Северном Кавказе и в Средней Азии. В списке первых его статей есть исследования по биологии и круглогодичной экологии различных грызунов, по географическому распространению насекомоядных, орнитологические работы. Его кандидатская диссертация представляет собой интереснейший фундаментальный труд по изучению синантропных птиц — экологии домовых воробьев и их эктопаразитов. Она издана в виде монографии и представляет собой образец классической экологической работы, которая содержит исчерпывающий материал о малоизученных до того времени сторонах жизни этих птиц. А.И. Ильенко прекрасно знал птиц, различал их по полету, по обрывку песни. Специалисты считали его способным орнитологом и советовали продолжать научные исследования именно в этом направлении. И он продолжал, только в несколько ином русле.

В 1962 г. известный генетик Н.П. Дубинин привлек Андрея Ивановича к работе на территории Восточно-Уральского радиоактивного следа (ВУРС), образовавшегося после аварии

на предприятии атомной промышленности «Маяк» осенью 1957 г. и известного теперь в научной литературе как Кыштымская авария. Это было первое аварийное загрязнение в стране, исследования носили секретный характер, и именно они закладывали основы отечественной радиоэкологии. Работа захватывала важностью и масштабностью проблем, требовала определенной смелости, самоотдачи и в результате стала основным делом его жизни. С 1962 по 1967 г. А.И. Ильенко возглавлял группу сотрудников Института биофизики АН СССР, а в 1968—1981 гг. руководил сначала группой, а затем лабораторией радиоэкологии Института эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР. В ИЭМЭЖе (ныне Институт проблем экологии и эволюции РАН) он продолжал заниматься проблемами радиоэкологии животных до конца своей жизни (1999).

Район исследования отличался разнообразием наземных и водных биоценозов, богатством флоры и фауны, а перечень научных задач можно было сравнить с непаханым полем. Это давало возможность А.И. Ильенко как ученому применить все свои знания, способности и желание работать.

Ставились и решались классические задачи радиоэкологии того времени. Исследовались закономерности аккумулирования радионуклидов в организме и популяциях животных в зависимости от разнообразных абиотических и биотических факторов. В частности рассматривались индивидуальные, половые, возрастные, сезонные и годовые, видовые и прочие различия в популяциях рыб, птиц, млекопитающих. Изучалась миграция радионуклидов по пищевым цепям в водном и наземном биогеоценозах, а также количественное распределение в зависимости от систематического и экологического положения групп животных, уровня загрязнения территории, типа питания, места в пищевой цепи. А.И. Ильенко был одним из основоположников таких

крупных разделов развивающейся области науки, как радиоэкология пресноводных рыб, птиц, диких млекопитающих.

Тогда же была разработана теория о степени контакта популяций оседлых и мигрирующих животных с загрязненной территорией. Под руководством Андрея Ивановича изучалось биологическое действие хронического ионизирующего излучения на природные популяции животных по множеству жизненно важных показателей. Многолетние повторные исследования позволяли с большой достоверностью проследить динамику изменений на протяжении ряда поколений, что, в свою очередь, давало ключ к пониманию причин наблюдаемых изменений. Эти исследования демонстрировали возможность радиоадаптации популяций млекопитающих, что в те времена было новацией. Монографии Андрея Ивановича представляют собой сгусток фактов, первичных информационных полевых и экспериментальных данных, они хорошо известны за рубежом и являются, по сути, справочниками в области радиоэкологии природных популяций высших позвоночных. Значение работ, выполненных А.И. Ильенко и под его руководством, велико. Они отражают начальный этап развития полевой и экспериментальной радиоэкологии, служат отправной точкой для глубокого анализа процессов, происходящих после техногенных аварий и катастроф. Исследования интересны для териологии в целом, так как раскрывают пределы устойчивости различных видов к антропогенным воздействиям мутагенного характера, прослеживают скорость и направление микроэволюционных преобразований, указывают конкретные механизмы гомеостаза природных популяций и в силу этого имеют фундаментальную и практическую ценность.

В 1986 г. (после аварии на Чернобыльской атомной электростанции), будучи уже не очень здоровым человеком, Андрей Иванович все же не смог остаться в стороне и научный интерес подтолкнул его к работе в зоне загрязнений. Как опытный спе-

циалист, он выбрал для исследований территории Белоруссии, на которые пришлось более 70% общего радиоактивного загрязнения, где можно было без административного вмешательства, химико-технологических наслоений (т.е. различного рода дезактиваций местности) и других помех продолжить изучение хронического радиоактивного воздействия на природные популяции животных.

Андрею Ивановичу удалось дополнить и уточнить закономерности первичной ответной реакции популяций на хроническое облучение, проследить динамику развития биологических событий и их последствия. Параллельно изучалась возможность дезактивации продукции охотничье-рыболовного промысла и пушно-мехового сырья. Отчасти эта работа была продолжением уральских задумок о рациональном использовании радиоактивных территорий в научно-практических целях. И в этой области он сумел быть впереди, что отразилось в авторских свидетельствах на изобретение способов очистки продукции от радиоактивного цезия. Разработки внесли свой вклад в систему защитных мер по восстановлению загрязненных территорий.

Труды А.И. Ильенко по праву можно считать «золотым фондом» отечественной экологии, с годами они не утратят свою значимость как пионерные радиоэкологические исследования.

Андрей Иванович оставил свой след и в отечественной кинологии, находя время для усовершенствования породы западносибирской лайки, добиваясь ее универсальности. Лайка была его любовью, другом, незаменимым помощником зоолога и охотника.

Главное, о чем вспоминается, — это его заразительная энергия, неуемная деятельность, творческая жадность, наполнявшая все вокруг идеями, событиями, происшествиями, интересной кипучей жизнью, хорошими людьми. Его отдых обычно представлял собой просто смену занятий, для него не существовало

плохой погоды, грязной или непосильной работы. Как многие разносторонне талантливые люди, он умел и любил все делать своими руками. Не раз в полевых условиях случалось оценить эти его качества. Дерево и металл преображались в его руках. Все сработанное им было удобно, функционально и красиво. Андрей Иванович любил дарить на память сделанные им охотничьи и рыбацкие ножи, преображенные его фантазией трофеи, поделки из капа.

Человек он был неоднозначный, особенный, объяснить это очень трудно. Некоторые находили его характер сложным, даже конфликтным, осуждали за излишнюю независимость, способность наживать себе недругов. Но гораздо больше людей воспринимали его как самобытную, яркую личность, уважали за компетентность, стремились к сотрудничеству, гордились дружбой с ним, ценили его отзывчивость и готовность к помощи, прощали вспыльчивость, любили за жизнерадостный и веселый нрав.

Разносторонне одаренная, сильная, многогранная натура, Андрей Иванович Ильенко прожил очень непростую человеческую и творческую жизнь. Он способен был сделать в науке гораздо больше, не все задуманное сбылось, но то, что было в нем лучшего, он вложил в работу и оставил людям.

Т.П. Крапивко

ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА ИЛЬИНА

1909—1987

Елена Дмитриевна Ильина родилась в 1909 г. в Петербурге. Вскоре отца направили на работу в Польшу. Через пять лет семья вернулась на родину, сначала в Петербург, затем в Москву. Здесь, в КЮБЗе (кружок юных биологов зоопарка), под руководством Петра Александровича Мантейфеля начался путь юной Лели Ильиной в «биологическую науку». В книге Веры Чаплиной о ручных животных Московского зоопарка и в очерке Веры Инбер «Я люблю зверей» упоминаются ручные волки Лобо и Мак — воспитанники Лели, и она сама со своей подругой Лелей Румянцевой.

Любовь к животным привела Е.Д. Ильину в 1927 г. в Московский зоотехнический институт (МЗИ). Закончила же она образование в 1930 г. во Всесоюзном зоотехническом институте пушно-сырьевого хозяйства, возникшем в результате реорганизации МЗИ, в г. Балашихе.

Трудовой путь Елены Дмитриевны начался с должности бригадира опытной секции цветных лисиц 1-го Московского зверосовхоза (ныне Пушкинский). С этого времени началось и ее вхождение в науку. Первой ступенью была работа по совместительству на ставке научного сотрудника. Позже Е.Д. Ильина стала заведующей опытной станцией при 1-м зверосовхозе. Областью ее основных научных интересов были вопросы генетики и селекции пушных зверей. Результаты этих исследований обобщены в книге «Генетика и селекция пушных зверей», за которую в 1940 г. Елене Дмитриевне была присвоена степень кандидата биологических наук.

С 1936 г. трудовая деятельность Елены Дмитриевны продолжилась в суровых условиях Командорских островов. Ее ко-

мандировали туда на должность начальника научно-исследовательской станции Арктического института Главсевморпути. Итогом весьма продуктивных исследований в этом малоизученном регионе стали монографии «Остров Тюлений и его промысловые богатства» (1949), «Островное звероводство» (1950), «Калан» (1951), «Морские котики» (1951).

В 30—40-х гг. пушнина была одним из важнейших экспортных товаров нашей страны. Для увеличения ее производства уже в 30-е гг. началось быстрое развитие звероводства. Активным организатором этой отрасли хозяйства стала Е.Д. Ильина. Она была одним из ведущих специалистов, работая последовательно в Главпушнине Наркомвнешторга, в центральном отделении Заготживсырья, в Главном управлении звероводства Наркомвнешторга СССР. Высокий профессионализм Елены Дмитриевны был хорошо известен. В 1942 г. по заданию А.И. Микояна она была командирована в республики Закавказья для помощи в организации звероводческих хозяйств, а в 1945 г. в течение месяца находилась в восточной зоне Германии, где занималась теми же проблемами.

В 1945 г. за работу в области звероводства Елена Дмитриевна Ильина была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Преподавать Елена Дмитриевна стала, уже имея за плечами богатейший опыт работы в области звероводства. Ее педагогическая деятельность началась в 1947 г. на кафедре звероводства Московского пушно-мехового института. При его ликвидации в 1955 г. кафедра во главе с П.А. Мантейфелем вошла в состав Московской ветеринарной академии. После кончины П.А. Мантейфеля заведующей кафедрой стала Елена Дмитриевна. С 1982 г. и до последних дней (10.11.1987) она работала на кафедре профессором-консультантом.

Будучи высокопрофессиональным ученым и прекрасным педагогом, Елена Дмитриевна подготовила за свою жизнь мно-

го первоклассных специалистов с высшим образованием. Большинство работающих в наше время зоотехников-звероводов — ее ученики. Неоценимым вкладом в подготовку звероводов стал ее учебник «Звероводство», постоянными учебными пособиями служат многочисленные методические разработки.

Елена Дмитриевна всегда была открытой, доступной для всех нуждающихся в ее помощи. Не отказывала в устных и письменных консультациях, выезжала в зверохозяйства, участвовала в семинарах на ВДНХ, в научно-производственных совещаниях и конференциях. Она была членом ВАК, членом редколлегии журнала «Кролиководство и звероводство», членом ученого совета НИИ охоты и звероводства и ученого совета ветеринарной академии.

Елена Дмитриевна по своей натуре была исключительно доброжелательна, внимательна и дружелюбна, что я испытала на себе в 1955 г., когда, будучи знакома с Ильиной лишь «шапочно», получила от нее предложение прочитать мою диссертацию. Советы ее очень пригодились. В высоком профессионализме, глубоких знаниях и чисто человеческих достоинствах ее я убедилась окончательно, встречаясь с ней на конференциях, посещая кафедру и пройдя дважды под ее руководством «повышение квалификации».

Удивительны были отношения Елены Дмитриевны с ее учениками. За долгие годы у нее накопилась огромная картотека со сведениями о каждом выпускнике. Приезжая на работу, бывшие ученики сообщали свои координаты и в дальнейшем писали ей обо всех изменениях в производственных и личных делах. К каждому празднику приходили сотни писем с поздравлениями, короткими сообщениями и нередко с вопросами. На каждое послание Елена Дмитриевна отвечала обязательно, аккуратность в переписке была ее отличительной чертой.

В душе Елена Дмитриевна была романтиком. «Главной любовью, главной отрадой была, конечно, природа — живая и не-

живая, море и камни, деревья и цветы и, конечно, животные, все это было тем миром, где ей жилось радостно и легко. Отраду Елене Дмитриевне давали сначала подмосковные Пушкино и Салтыковка, позже зверохозяйства Новосибирска, Салехарда, Алтая, Байкала, Владивостока, Камчатки, Мурманска, Командор, Японии» — (из воспоминаний внучки, Светланы Олеговны Докучаевой).

Светлана Олеговна вспоминает, что с ее 12-летнего возраста бабушка проводила вместе с ней отпуск, обычно в полевых условиях. Лишь после 70 лет Елена Дмитриевна предпочла поездки с комфортом, как правило на теплоходах. Так были пройдены многие километры по Оке, Волге, Каме, Оби, Лене, вдоль Черноморского побережья от Одессы до Батуми. Последним выездом был отдых на Куршской косе в Калининградской области. Романтический настрой Елены Дмитриевны сохранился в ее дневниковых записях и стихотворениях.

Дайте свободу, простору,
Дайте полей и лугов
В жаркую летнюю пору.
Шум городской день и ночь,
Он не дает мне покою.
Дайте мне вырваться прочь
В даль за черту городскую.

Необыкновенная чуткость и тактичность в сочетании с твердой волей и требовательностью проявились у Елены Дмитриевны в отношениях с сыном. Вспоминает Олег Георгиевич: «Я с детства мечтал стать шофером, и мама меня никогда не отговаривала. Она говорила: «Будь хоть дворником, но хорошим»». Олег Георгиевич осуществил свою мечту. Хотя он окончил Автомеханический техникум, но всю жизнь работал на машине, а мама бывала пассажиркой. «Методы воспитания у мамы были достаточно своеобразны. Мы жили с мамой очень дружно. Толь-

ко один раз был скандал, когда я о чем-то соврал. Когда я учился в школе и готовился к экзаменам, мама разрешала мне для отдыха сделать круг на велосипеде по Садовому кольцу. Мне было тогда 11—12 лет. Многие мамины знакомые ее за это осуждали. В 16 лет я поехал на мотоцикле по Москве и Подмосковью. Мама относилась к этому спокойно, она в меня верила.

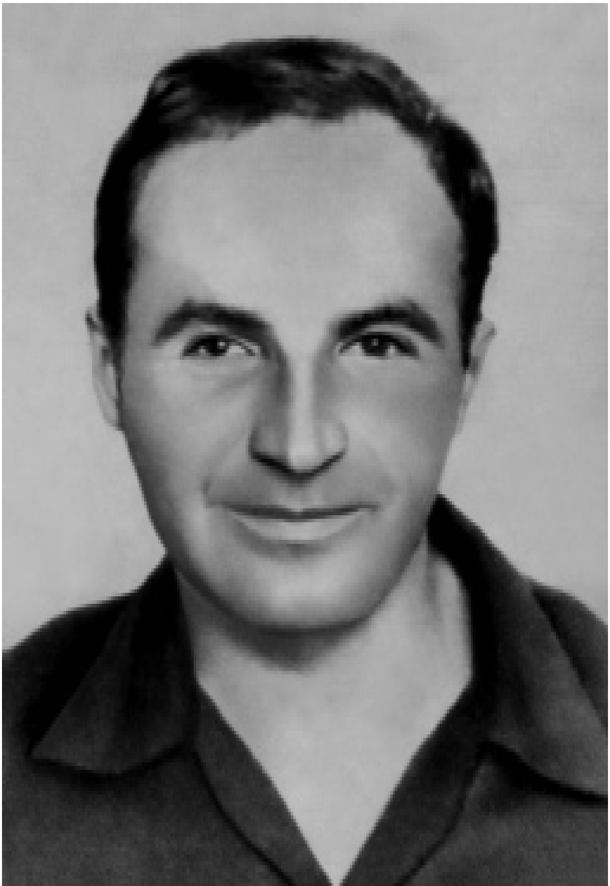
Мама была очень деликатным и терпимым человеком. Когда я женился, у нас была одна комната в коммуналке. Когда мама получила по очереди долгожданную отдельную квартиру в жилищно-строительном кооперативе, у нее впервые в жизни появилась отдельная 9-метровая комната. Мама и моя жена сосуществовали нормально. Мама любила чистоту и порядок, чисто житейские запросы ее были минимальны. Никогда не пользовалась косметикой. Шуб меховых ни у нее, ни у моей жены, ни у внучки не было».

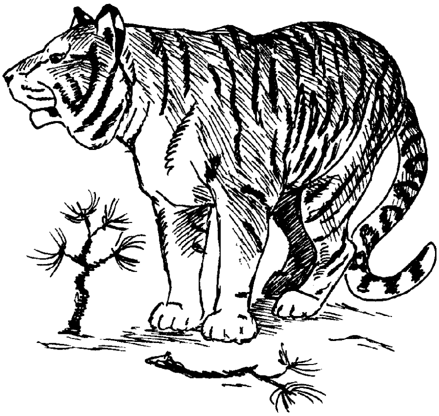
Итог жизни Елены Дмитриевны — более 120 научных работ, правительственные награды, уважение учеников, специалистов, сотрудников. Но самая дорогая награда — шутливо-любовное прозвище «Мать (иногда бабушка) отечественного звероводства».

Б.Д. Клятис

ЛЕВ ГЕОРГИЕВИЧ
КАПЛАНОВ

1910–1943





Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не щадил для чувства...

Д.В. Веневитинов (1827)

13 мая 1943 г. в тайге Приморья трагически погиб на своем посту талантливый зоолог, директор Судзухинского государственного заповедника Лев Георгиевич Капланов.

В этот день он выехал с егерем для выплаты денег рабочим на один из отдаленных кордонов заповедника, но, изменив план, отослал лошадь и пошел один в сопки, чтобы осмотреть звериные солонцы.

Во время Великой Отечественной войны охранять Судзухинский заповедник стало особенно трудно. Многие его испытанные сотрудники ушли в армию. Л.Г. Капланов все чаще отмечал следы людей в заповедной тайге, там, где им быть не полагалось бы; находил убитых, но брошенных в спешке, неиспользованных зверей.

Количество горалов — ценнейших охраняемых животных заповедника — стало заметно сокращаться. Тревога и ответственность за судьбу этого редкого животного становились все более и более серьезными.

Лев Георгиевич, который всегда твердо верил в правоту своего дела и был исключительно храбрым человеком, несмотря ни на какие условия продолжал целыми днями работать в тайге,

---

По материалам статьи: А.Н. Формозов «Памяти Л.Г. Капланова» // «Тигр, изюбрь, лось».1948. М., МОИП. С.3–17.

проводить наблюдения над животными и зорко оберегать государственное достояние.

Егерь заповедника 16 мая возвратился в управление с сообщением, что Капланов на кордон не пришел. Под руководством жены зоолога, Л.А. Кастальской, спешно организуются поиски, но только через две недели, в глубине леса, под двумя недавно срубленными березами находят тело Л.Г. Капланова.

Так оборвалась жизнь, полная напряженного труда и ярких переживаний, жизнь замечательного натуралиста, который мог бы еще много дать нашей биологической науке.

Лев Георгиевич — фигура очень самобытная. Зная свои незаурядные силы, он долго искал пути для их наиболее целесообразного применения и нашел только в последние годы жизни, после ряда лет, проведенных в тайге за исследованиями биологии крупных, наиболее осторожных млекопитающих.

В изучении таких животных, как лоси, олени, тигры, требующем от натуралиста исключительного напряжения сил, умения и настойчивости, он нашел свое истинное призвание и, можно без преувеличения сказать, едва ли имел себе равных. Его путь зоолога от детского увлечения мелкими зверьками — землеройками и летучими мышами, которым он посвятил несколько ранних своих наблюдений, до непревзойденного мастерства в изучении крупных копытных и хищников — путь непрерывных исканий, совершенствования и глубокого проникновения в самые сокровенные явления природы. В период пребывания на Дальнем Востоке Лев Георгиевич достиг полного расцвета творческих сил, в совершенстве овладел трудной профессией таежного охотника, следопыта-натуралиста. В личной его жизни также произошла важная перемена: после многих лет одинокого, кочевого существования он нашел себе прекрасного спутника и друга в лице Л.А. Кастальской, на которой женился в Москве летом 1941 г. В сентябре этого же года они выехали в Судзухин-

ский заповедник и поселились у бухты Тачингоуз. Заботы об охране заповедника, тема по изучению горала, расширение подсобного хозяйства (огород, сад, пасека, поголовье скота, заготовка сена, налаживание производства замши для пошивки обуви и одежды) поглощали все их внимание. Работы было много; шла жестокая война, и Лев Георгиевич стремился к тому, чтобы заповедник возможно меньше требовал от государства, обеспечивая своих сотрудников за счет использования местных ресурсов. Трагическая развязка оборвала этот самоотверженный труд.

Л.Г. Капланова похоронили у бухты Валентина на берегу Японского моря, в том заманчивом краю, который он так полюбил и где мечтал прожить вместе с семьей всю свою жизнь.

Лев Георгиевич Капланов родился 7 ноября 1910 г. в Москве. Родители его в то время были студентами. Отец, Газарос Арутюнович Капланов, уроженец города Армавира, физик-самоучка, с большим трудом прокладывая себе дорогу к образованию, сумел сдать экзамен на аттестат зрелости и прослушать курс в Московском университете. Это был человек с широким кругозором, энциклопедическими знаниями и неутомимой жаждой деятельности. Уже на 60-м году жизни он сдал кандидатский минимум и готовился к защите диссертации. К воспитанию сына относился с необычайным вниманием, стремился дать ему разносторонние знания и привить любовь к науке.

Мать Льва Георгиевича, Софья Ивановна Капланова, — зоолог, большой любитель природы. Непрерывная разносторонняя педагогическая, административная и общественная деятельность отрывала ее от семьи, но, как и отец, она много сделала, чтобы развить у сына интерес к исследованию живой природы.

В детстве Лев Георгиевич был, как говорят, «легким» ребенком. Он рос в довольно бедной обстановке, воспитание получил почти спартанское, был неприхотлив, покладист, рано научился читать и рисовать.

Учение давалось ему легко, но школьные занятия мало его интересовали, и к родителям из школы часто доходили жалобы на недостаточное прилежание их сына.

Средней школой ограничилось официальное образование Л.Г. Капланова, но он всегда очень много читал, занимался языками, умел и любил работать над самообразованием. Для меня до сих пор не совсем понятно, почему Лев Георгиевич не проявлял никакого интереса к поступлению в высшее специальное учебное заведение. В 1931 г., когда он был лаборантом кафедры биологии промысловых животных Института пушного звероводства и охотхозяйства, которой я тогда заведовал, мне удалось убедить Льва Георгиевича вступить в число студентов института. Однако этим дело и ограничилось: занятий он не посещал, из списков слушателей был вскоре вычеркнут и, как ни в чем не бывало, продолжал носиться на лыжах по лесам, окружавшим участок института. Нужно признать: это не было проявлением лени или отсутствия целеустремленности; нет, у Л.Г. Капланова, видимо, был свой оригинальный план подготовки, в который входило полное овладение техникой больших лыжных переходов, штудирование специальной биологической литературы и освоение опыта промысловых охотников. Помню, именно тогда он перечитал и перевел все имевшиеся у меня английские книги о трапперах и промысловой охоте севера США и Канады. Позднее некоторые из описанных в книгах канадских приемов охоты Капланов с успехом использовал в тайге Западной Сибири.

С детских лет Лев Георгиевич проявлял необыкновенную наблюдательность, быстро запоминал названия растений и животных. В школьные годы он, член кружка юных биологов зоопарка (КЮБЗ), каждое лето проводил в экскурсиях по лесам — первое время с матерью и младшим братом Андриком, потом один или с другом своим Димой Раевским (В.В. Раевский), ныне видным зоологом.

Уже с 12—13-летнего возраста ясно определились интересы начинающего исследователя: Лева и его друг Дима изучали млекопитающих, главным образом грызунов и мелких насекомоядных. С 14 лет Лев Георгиевич начал вести регулярные записи наблюдений и собирать коллекции зверьков. В дальнейшем развитии его научных интересов большую роль сыграли сотрудники Государственного музея Центрально-Промышленной области, а также профессор Московского университета С.И. Огнев и научные работники его лаборатории.

Весной 1925 г. Л.Г. Капланов поехал с В. Раевским и сотрудниками музея в свою первую серьезную экспедицию: они направились в Тверскую область за медведями. Весело шли приготовления и сборы, но отец Левы был встревожен и недоволен; он считал, что подростку слишком рано участвовать в такой серьезной охоте. Через несколько дней после отъезда экспедиции родители получили телеграмму: «Приготовьте больницу, повредил глаз». Леву встретили на машине и прямо с вокзала увезли в глазную больницу. Здесь сняли повязку — глаз был весь выворочен, о сохранении его не могло быть и речи. Оставалось только принять спешные меры, чтобы спасти второй глаз. Оказывается, Лева, не разрядив патрона, начал извлекать из него капсюль, давший осечку. Произошел взрыв, и капсюль со страшной силой поразил глаз.

Операцию делал профессор Авербах; она прошла удачно, но хирург предупредил, что два месяца под вопросом будет здоровье другого глаза.

В судьбе человека менее целеустремленного, чем Л.Г. Капланов, такая катастрофа могла бы сыграть решающую роль и направить его интересы в другую сторону. Лева вел в те дни изучение млекопитающих Подольского района Московской области. Он не переставал экскурсировать, темпы его работы не снизились, в настроении не было и тени подавленности. Я часто потом удивлялся, что человек, получивший такое увечье, в оди-

ночку совершает тяжелые и рискованные походы по тайге, месяцы и годы подвергаясь бесчисленным случайностям, и всегда выходит победителем из самых трудных испытаний. Старых зверовых охотников Шарьинского района Костромской области, где вместе с Каплановым мы провели осень 1931 г., он удивлял тем, что в длинные ненастные октябрьские ночи оставался на болотах и гарях послушать рев лосей.

Уже в работах, опубликованных за этот период, имеющих преимущественно фаунистический характер, встречаются интересные биологические материалы, свидетельствующие о тонкой наблюдательности автора, и отдельные экскурсы в область систематики. Позднее Л.Г. Капланов полностью сосредоточивает свое внимание на экологии млекопитающих, главным образом на вопросах, наиболее скудно освещенных в нашей литературе.

Короткий период 1929—1930 гг. Лев Георгиевич работал в 1-м Московском зверосовхозе и занимался разведением норок, а летом 1930 г., с апреля по сентябрь, совместно с Н.И. Калабуховым участвовал в борьбе с массовыми вредными грызунами в бывшем Терском округе Северо-Кавказского края. На обратном пути, в Ростове-на-Дону, он заболел, но успел вернуться домой на самолете и сразу попал в клинику. Болезнь закончилась благополучно, хотя форма была тяжелая.

Летом 1932 г. Лев Георгиевич впервые познакомился с сибирской тайгой, куда уж давно его увлекал интерес к исследованию больших лесов, богатых крупным зверем. Вместе с Ю.А. Исаковым он обследовал тогда значительный участок реки Сым в целях выяснения пригодности ее бассейна для акклиматизации ондатры. Были найдены отличные озера, собрано много опросных сведений и наблюдений. Описанная поездка решила вопрос о дальнейшей судьбе Л.Г. Капланова: увидев урманы, огромные реки, озера и болота Сибири, он решил переехать туда на постоянную работу и в 1933 г. принял приглашение Уральской

зональной станции ВНИПО занять должность зоолога на биологическом пункте реки Демьянки, в глуши Васюганья.

Демьянский биологический пункт был организован в конце февраля 1933 г. в Уватском районе бывшей Уральской области при Ситиковской промыслово-охотничьей станции и помещался на кордоне близ Усайкова «сора». Пребывание на Демьянке, пожалуй, один из наиболее ярких периодов жизни Л.Г. Капланова. Здесь он был окружен всегда доступными ему богатыми угодьями тайги и от работы над мелкими зверьками перешел наконец к изучению крупных животных, что стало вскоре его основной специальностью. Лось и северный олень особенно интересовали его в тот период.

К этому времени упорной, настойчивой работой над собой он воспитал уже те качества, без которых невозможно успешно проводить в тайге недели и месяцы, кропотливо собирая драгоценные факты из жизни самых скрытных и осторожных животных. Здесь, на Демьянке, он понял, что, несмотря на непоправимое увечье, способен легко переносить все лишения, связанные с кочевой жизнью под открытым небом, что для него открыты пути, доступные лишь немногим, что он может черпать полными пригоршнями из самых сокровенных источников природы. На обложке одного из дневников Льва Георгиевича за 1935—1936 гг., посвященного лосиной охоте, написано: «... Это лучшие дни моей жизни, мои золотые денечки».

В том же году Л.Г. Капланов получил от К.Г. Абрамова приглашение на должность научного сотрудника зоолога в только что организованный (1935 г.) Сихотэ-Алинский государственный заповедник. Он охотно согласился и провел здесь пять лет (с 1936 по 1941 г.). Весь этот период Лев Георгиевич посвятил изучению новой, мало знакомой ему природы Дальнего Востока, организации наблюдательных пунктов и охраны заповедника, прокладке троп, устройству избушек, лабазов для наблюде-

ний, энергичной работе по трем крупным темам: биологии уссурийского лося, изюбря и тигра.

Конечно, при наблюдении за перечисленными животными Лев Георгиевич не упускал возможности собирать материалы и по другим вопросам. В его предварительном отчете «О работе научного сотрудника Кемского биопункта за период с 25 июля 1936 г. по 1 апреля 1938 г.» имеется много ценных записей по общей фенологии, яркие, точные характеристики ландшафтов тогда еще совершенно неизученной территории заповедника, интересные заметки о медведях, рысях, соболях и т.п.

В труднейших условиях горной малопроходимой и безлюдной местности Л.Г. Капланов за короткий срок сделал около 3000 км специальных маршрутов за лосями, наблюдал на воле несколько сотен животных этого вида и такие интимные сценки их жизни, как драки лосих, встретившихся на солонце, ухаживания лося-быка за несколькими самками и т.д. Труд был чрезвычайно тяжелым и далеко не безопасным.

Сам Лев Георгиевич не любил вспоминать о неприятных и рискованных случаях, которыми была полна его жизнь в тайге. 6—13 февраля, отправившись налегке и без лыж далеко от своей базы — к местам зимних стойбищ лосей, он был застигнут там большими снегопадами, отрезавшими его от дома и сделавшими возвращение почти невозможным. Несколько дней он брел в глубоком рыхлом снегу, изнемогая от усталости и голода; бросил в пути все вещи и почти ползком добрался наконец до первого жилья. В этот раз он был на краю гибели, долго после этого болел и, сделав себе лыжи, вернулся на Ясную Поляну только через 20 дней. Вот что означают слова отчета: «лишения до пределов человеческих сил» и «пребывание в снеговом плену».

Уже при первых встречах со следами тигра (февраль 1938 г.) у Льва Георгиевича появляется желание испытать свои силы в изучении этого редкого и малоизученного хищника. Количество

этих животных быстро сокращалось с каждым годом. Л.Г. Капланов прекрасно понимал, какой потерей для науки будет полная гибель тигра до того, как зоологи успеют собрать материалы, характеризующие биологию этого хищника. В 1939 г. он принимается за работу и к 1941 г. завершает ее так же тщательно и успешно, как свои исследования жизни дальневосточных копытных.

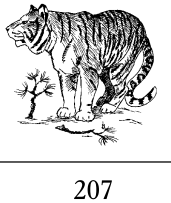
Вероломное нападение Германии на СССР застало Л.Г. Капланова в Москве. Вместе с москвичами он принимал деятельное участие в противовоздушной обороне города и почти все ночи проводил то на крыше дома, где жили его родители, то на крыше дома жены.

Осенью Управление по заповедникам направило Л.Г. Капланова для работы в Судзухинский заповедник. Он с женой выехал из Москвы, чтобы навсегда остаться на Дальнем Востоке.

Природа Судзухинского заповедника совсем иная, чем Сихотэ-Алинского. Еще раз Льву Георгиевичу пришлось осваиваться на новом месте и начинать работу над новым объектом. Теперь его тема — экология горала. С увлечением взялся он за наблюдения в условиях маньчжурской тайги, и аромат новых мест становился ему столь же мил, как давно знакомые запахи северного леса.

Вскоре в армию призвали директора заповедника Л.А. Андреева, и обязанности его перешли к Л.Г. Капланову. Условия становились все более сложными. В одном из последних писем он сообщал своему тестю: «В военное время всюду, видимо, работать очень трудно, и в том числе в заповедниках ...».

Дальнейшие события уже известны. Он отдал жизнь своему любимому делу и погиб безвременно в возрасте 32 лет, в полном расцвете своих изумительных способностей.



А. Н. Формозов

ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА КАРАСЕВА

1919—2001

Евгения Васильевна Карасева родилась 7 июня 1919 г. в Москве, на Остоженке, в дворянской семье. Ее отец, Василий Сергеевич Карасев, по образованию химик, был директором порохового завода. Мать Евгения Николаевна (урожденная Володина) брала уроки живописи у Петрова-Водкина, занималась музыкой и вокалом.

Отцовский род происходил из Санкт-Петербурга, но уже в течение длительного времени они жили в Москве. Материнская линия происходила из Ельца. Дед Евгении Васильевны по матери был страстным лошадником и азартным человеком: известно, что за одну ночь он проиграл в карты завод орловских рысаков. Родители были достаточно аполитичны и во время революции 1917 г. не эмигрировали, как сделало большинство их многочисленных родственников (каждый из родителей Евгении Васильевны был выходцем из семьи с 14 детьми). В карасевском роду течет французская кровь, поэтому многие просто уехали во Францию к родне. Родители Евгении Васильевны считали, что революция — это ненадолго и скоро опять все вернется к прежнему привычному укладу жизни. В семье было двое детей. Старшего брата Евгении Васильевны даже не отдавали в советскую школу, так как считали, что не стоит ребенка ломать, скоро все это кончится, большевики «перебесятся» и опять будут гимназии. Брат — Василий Васильевич Карасев был старше сестры на 7 лет. Он пользовался у нее огромным авторитетом и сыграл большую роль в ее жизни.

У маленькой Жени рано проявился интерес к зоологии. В то время по Москве ходили шарманщики и у них были дрессированные попугаи или обезьянки. Однажды в возрасте 5—6 лет она пошла за шарманщиком, не в силах оторваться от попугая, и

заблудилась. Шарманщик переходил из двора во двор, и дорога к дому была безнадежно потеряна. Через несколько часов ее нашел отец в самом конце Остоженки. А ее первый в жизни самостоятельный пеший маршрут лежал к зоомагазину на Арбате.

В доме родителей собиралась творческая интеллигенция, читал свои стихи поэт Н. Клюев, оперный певец Тархов пел любимую в семье арию из оперы Леонкавалло «Паяцы». Маленькую Женю никогда не отсылали спать, и она засиживалась допоздна, часто засыпая прямо в кресле.

За матерью в юности ухаживал М.М. Пришвин, и дома часто повторяли фразу писателя: «Пришел Карась, махнул хвостом и увел». Сама Евгения Васильевна шутила: «Подумать только — Пришвин мог бы быть моим папой». Осталось много фотографий и воспоминаний, на основании которых она написала очерк о Пришвине.

И.И. Мечников приходился родственником по материнской линии, С.В. Ковалевская — по отцовской. Семья была в близких отношениях с народовольцами, в частности с В.Н. Фигнер. Все эти люди были живыми, а не «книжными»; многочисленные воспоминания родственников, рассказы, — вот, что окружало Женю Карасеву в детстве. Ее ярко выраженный интерес к зоологии несколько контрастировал с семейными традициями, но ей никогда ни в чем не препятствовали. Одна из многочисленных теток работала у М.А. Мензбира, что тоже влияло на формирование мировоззрения Евгении Васильевны.

В 1936 г. Женя поступила в КЮБЗ и много времени проводила в секции «Приматы». Кроме этого, кюбзовцы много ездили по Подмосковью, работали на озере Киево. Навыки натуралиста, воспитанные в детстве и развитые в студенческие годы при работе с А.Н. Формозовым, пригодились ей в дальнейшем. Евгения Васильевна считала, что наблюдения в природе — основа всяких зоологических исследований. А.Н. Формозов сыг-

рал огромную роль в ее жизни. В возрасте 12 лет она прочитала его книгу «Шесть дней в лесах», которая для нее «перевернула ... мир». Эта цитата взята из ее опубликованных воспоминаний «Александр Николаевич Формозов в моей жизни». Там же: « ...оглядываясь назад, я могу с уверенностью сказать, что я прожила интересную и яркую жизнь, в чем я в значительной степени обязана Александру Николаевичу Формозову». «...Он в мои молодые годы посеял в мою душу семена, которые дали ростки, сделавшие мою жизнь счастливой».

Когда Жене Карасевой было 9 лет, арестовали ее отца и отправили на Север, в лагерь. Евгения Васильевна вместе со своей матерью ездила к отцу. В те годы не было железнодорожного сообщения с Севером, добирались они туда на пароходе по Печоре и на лошадях. Весь путь в один конец занял целый месяц, Женя очень много пропустила занятий в школе и осталась на второй год. Когда ей было 15 лет, она навещала отца в Вологодской тюрьме. Он умер в заключении во время войны от дистрофии (попросту от голода — ведь тогда не хватало продуктов не только заключенным). Отца реабилитировали посмертно за отсутствием состава преступления. Когда Евгения Васильевна получала справку о реабилитации у следователя, тот, просматривая дело, сказал, что отец был очень сильным человеком — он ничего на себя не подписал. И добавил: «Таких людей очень мало».

Окончив школу, Женя Карасева стала поступать на биологический факультет МГУ, но ей всегда не давались иностранные языки и из-за проваленного экзамена по немецкому она не смогла поступить. Ей это удалось сделать со второй попытки. После поступления в МГУ в 1939 г. начался очень счастливый период ее жизни. Евгения Васильевна оказалась среди своих единомышленников, стала заниматься любимым делом.

Во время войны Е.В. Карасева не эвакуировалась. Она была членом пожарной команды и дежурила на крыше МГУ тушила

зажигательные бомбы, была награждена медалью «За оборону Москвы».

После окончания МГУ ее пригласил в аспирантуру А.Н. Формозов. Евгения Васильевна была на седьмом небе от счастья..., но... опять провалилась на вступительном экзамене по иностранному языку, и ей казалось, что жизнь кончена. Она стала работать в зоопарке руководителем КЮБЗа (1944–1946 гг.). Ее воспитанниками были такие известные сейчас люди, как А.Д. Бернштейн, Г.Г. Дервиз, Н.Н. Наумова (Пояркова), С.М. Кудрявцев, В.М. Смирин, И.М. Родионов, В.Б. Кузнецов, А.Л. Герман, Н.М. Окулова, К.В. Зубчанинова и многие другие. Небольшая разница в возрасте — около 10 лет — быстро стерлась, и они стали очень близкими и родными друг другу людьми.

В 1946 г. Евгения Васильевна поступила в аспирантуру к Н.П. Наумову и перспектива заниматься мышевидными грызунами, да еще в прикладной области (изучение природно-очаговых болезней), вместо изучения экологии любимых мелких воробьиных птиц у А.Н. Формозова казалась ей ужасной.

Но, как человек увлекающийся, она нашла себя в изучении природных очагов лептоспироза и проработала в Институте эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи очень счастливые «тридцать лет и три года». В этот период она была участником и организатором многочисленных экспедиций — на Алтай, Тянь-Шань, Ямал, в знаменитое Поречье-Рыбное в Ярославскую область и др.

Кандидатская диссертация была посвящена экологии обыкновенной полевки. Но много времени уделялось изучению туляремии и других природноочаговых инфекций. В дальнейшем основной задачей исследований было изучение животных и их роли в природных очагах лептоспироза.

В 1980 г. Евгению Васильевну по сокращению штатов уволили из института. Отчаянию ее не было предела. Но она пошла к академику В.Е. Соколову, и он взял ее на работу в свой институт.

Начался новый этап в жизни Е.В. Карасевой: она стала заниматься не прикладной, а фундаментальной наукой! Евгения Васильевна очень радовалась этому. В Институте им. А.Н. Северцова она проработала ровно двадцать лет. Много сил было отдано серой крысе. Экологию этого вида изучали и в Подмосковье, и на рисовых чеках в Узбекистане.

На счету Евгении Васильевны более 50 полевых сезонов. Она не поехала летом в экспедицию только один раз в своей жизни, когда кормила ребенка грудью.

«*Я работаю в институте Северцова уже ровно 20 лет. За эти годы, как ни смешно сказать, я выросла... Я написала 4 книжки, не считая сборников статей, которые я собирала (вдохновляла авторов), редактировала, издавала. Какие же книжки? Пусть я не всю написала сама, но "родила" монографию "Серая крыса"(1990), написала "Грызуны России" (1993), "Методы изучения грызунов в полевых условиях" (1996), "Млекопитающие Москвы в прошлом и настоящем" (1999). Самое смешное, что сейчас, когда я обращаюсь к этим изданиям — они мне нравятся. Вот небольшая книжица "Грызуны России". Конечно, есть ошибки: запутались с нумерацией при "ампутации пальцев", садовую соню назвали лесной. Но в общем сейчас я читаю свою книжку с большим интересом...*».

В последние годы жизни она занималась экологией и синантропией обыкновенного хомяка и дважды в год выезжала в поле. Один раз весной для рекогносцировки, а второй — уже летом, с большим количеством участников — студентов, аспирантов, школьников.

В конце июня 2001г. Е.В. Карасева вернулась из экспедиции в Орловскую область и в начале августа планировала поездку в Ярославскую область. Эта экспедиция не состоялась: Евгения Васильевна скоропостижно скончалась от тромбоза. Остались незавершенными ряд статей, монография по обыкновен-

ному хомяку, подготовка второго переработанного издания книги «Методы изучения грызунов в полевых условиях»...Последняя запись в ее трудовой книжке гласит: «Исключить из списка личного состава Института в связи со смертью».

В 1963 г. Евгения Васильевна решилась на отважный поступок: почти в 44 года родила дочь. А в 1966 г. она защитила докторскую диссертацию. Ее муж, Телицын Юрий Михайлович, дворянин по происхождению, сын штабс-капитана царской армии и польки, кадровый военный, полковник-артиллерист в запасе, а потом в отставке, много ездил с женой в экспедиции, особенно на Ямал.

У Евгении Васильевны было три внучки. Она стремилась проводить с ними много времени и часто повторяла, что, родив так поздно, никак не думала, что увижу внуков. Читала им вслух русскую классику, особенно Гоголя. Очень любила театр. Мечтала дожить до XXI в. и очень радовалась, что это ей удалось. Вообще она умела всему радоваться и во всем находить положительные стороны. «Все складывается необыкновенно удачно!» — фраза, которая поднимала всем настроение в самых трудных и, казалось, неразрешимых ситуациях.

Ее оптимизм был безграничен. Например, переехав из старого дома дореволюционной постройки в современный панельный дом, она удивлялась: «Как это мы могли жить в мрачном старом доме, где так мало было света? А эти высоченные потолки? Чтобы достать нужную книгу с верхней полки, надо было тащить стремянку. А сейчас — окна во всю стену, много света. До любой полки можно с пола дотянуться». Последние четверть века своей жизни Евгения Васильевна жила в так называемом «Доме специалистов» сталинской постройки на Садовой-Черногрязской. Переехав туда она говорила: «И как это мы могли жить в этом ужасном современном обезличенном панельном доме? Потолки — низкие, сама атмосфера давит. А эти страш-

ные окна во всю стену? И книги некуда ставить». Евгения Васильевна действительно умела радоваться тому, что у нее есть.

Карасевский оптимизм, возможно, был причиной необыкновенной способности притягивать к себе людей. У нее было очень много друзей, она любила застолье, гостей, всегда была душой общества.

В последние годы жизни ей посчастливилось поездить по Европе, побывать в тех странах, в которых ее родители проводили свое свадебное путешествие. От родительского медового месяца осталось огромное количество почтовых открыток с видами местных достопримечательностей, так как молодые считали своим долгом с каждого «полустанка» отправлять своим близким сообщение о том, что у них все в порядке. Текст был пронизан безграничным счастьем любви, и все представлялось им в розовом свете. Эти открытки были сохранены в альбомах, и маленькой Женечке их часто показывали, а мама рассказывала, как прекрасно было в Венеции, Лондоне, Париже, Вене.

Каждый раз мама ей говорила: «Как жаль, Женечка, что ты всего этого не увидишь». И, действительно, она не вступала в ряды КПСС, поэтому в советское время ей был заказан путь в капиталистические страны. В последние три года жизни Евгении Васильевне удалось побывать в Англии, Германии, Австрии, Франции, Швеции, Италии, Финляндии. Заранее читала справочную литературу, готовилась. Перед поездкой в Лондон перечитывала Ч. Диккенса. Во время поездки в Австрию цитировала Н.А. Некрасова:

> Был я недавно в стенах Ватикана,
> По Колизею две ночи бродил,
> Видел я в Вене святого Стефана.
> Что же все это народ сотворил?

В ее списке непосещенной осталась только Испания. Эта поездка была запланирована на ноябрь 2001... Во всех путеше-

ствиях Евгения Васильевна вела путевые заметки и заносила их потом в свой личный дневник. Надо сказать, что дневник она вела с пятнадцати лет практически ежедневно. В ее дневнике есть такая запись от 28.03.01: «*Сегодня был день солнечных лучей, талого снега, сизых теней. Боже мой, Боже мой, как я хочу жить и видеть все это еще и еще*!».

А незадолго до смерти на даче на Волге появилась такая запись: «*Цветут липы! Великолепный, ни с чем не сравнимый аромат. Я радуюсь им когда иду купаться. Купаюсь каждый день. С наслаждением. В Волге лучше купаться, чем в море. В море — прибой. Я плохо держусь на ногах, падаю. Камни — больно ногам. Волны накрывают с головой — мне это неприятно. Старая стала. А здесь, на Волге, спокойно, хорошо*».

Запись от 2.07.01: «*Ну что, Евгения Васильевна, с чем Вы пришли к Вашим 82 годам? Возраст ведь не малый. Несмотря на потерю памяти — трудоспособна. Очень хочу работать, писать. Но пока пишу ерунду, беллетристику. Написала воспоминания о юном Игоре Шилове. Теперь пишу о Н.П. Наумове. Вышла ведь очень удачная книжка "Московские орнитологи", теперь готовится другой сборник "Московские териологи". Вот в него и пишу*».

Так сложилось, что пришлось в эту книгу готовить материал и о самой Евгении Васильевне.

А.Ю. Телицына

Äàëåå ï óáëèêóþ ò ñÿ âî ñï î ì èí àí èÿ êî ëëåã è ó÷åí èêî â Å.Â. Êàðàñåâî é

Сейчас, когда пишутся эти строки, не прошло и сорока дней с момента кончины доктора биологических наук, профессора Евгении Васильевны Карасевой — замечательного, сердечного, многогранного человека и, вместе с тем, очень цельной, сильной, оптимистичной и одухотворенной личности.

Большую часть жизни так или иначе она была связана с кружком юных биологов зоопарка и в 1999 г. написала в книге о кружке прекрасный очерк, который так и назвала «Кружок юных биологов зоопарка (КЮБЗ) в моей жизни». В КЮБЗовском гимне есть слова: «...Нас дружба всех спаяла воедино, в душе мы будем КЮБЗовцы всегда». Отношение к людям и мироощущение Е.В. Карасевой — один из самых ярких примеров точности этих слов. Все, кого Евгения Васильевна щедро наградила долгими годами дружеского расположения, человеческого и делового общения — а таких людей много, — только начинают осознавать глубину утраты. Невозможно (да, видимо, и не нужно) «отключить» эмоции и пытаться как-то отстраненно от случившегося, сколько-нибудь объективно оценить вклад Е.В. Карасевой в развитие териологии. Я, по крайней мере, этого сделать не могу, поскольку она была одним из моих прямых научных учителей и оказала решающее влияние не только на становление моих научных интересов, но и на биографию, и, следовательно, на всю жизнь.

Наша, без малейшего преувеличения, судьбоносная для меня встреча произошла весной 1953 г. К этому времени я уже 4 года был в КЮБЗе и «отучился» в 9-м классе школы. По рекомендации КЮБЗовки Ани Герман Е.В. Карасева взяла меня помощником в зоологическую группу экспедиции института эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи АМН СССР, которая работала в заболоченной котловине озера Неро, в окре-

стностях села Поречье-Рыбное Ростовского района Ярославской области. Я называю это место так подробно, поскольку именно там начала складываться многочисленная плеяда карасевских учеников. Через эту полевую териологическую «школу» прошли впоследствии хорошо известные зоологи: А.И. Ильенко, А.Д. Бернштейн, А.Л. Герман, В.И. Чабовский, Н.М. Окулова, В.Ю. Литвин, А.К. Агаджанян, Г.А. Клевезаль и многие, многие другие.

Экспедиция занималась изучением природной очаговости лептоспирозов. Основным, как теперь бы сказали, резервуарным хозяином лептоспир в этом районе была многочисленная полевка-экономка, у которой инфекция протекает в хронической форме. Е.В. Карасева предположила, что хищные птицы чаще вылавливают менее подвижных зараженных зверьков, оказывая таким образом определенное влияние на эпизоотический процесс. Чтобы получить доказательства, нужно было найти гнезда пернатых хищников и подвергнуть микробиологическому исследованию полевок, которых они приносили своим птенцам. Аня Герман и я помогали осуществлению этого замысла. Выполненная работа подтвердила первоначальное предположение. В апреле 1955 г., взяв нас с Аней в соавторы, Е.В. Карасева представила результаты этого исследования на заседании секции зоологии Московского общества испытателей природы. В 1957 г. они были полностью опубликованы, а в 1967 г. нашли отражение в «Экологии животных» Н.П. Наумова — учебном пособии для университетов СССР.

Это был обычный стиль взаимоотношений Евгении Васильевны с молодыми людьми, которых она всегда вовлекала в решение отнюдь не детских, а серьезных научных задач. Нужно ли говорить, какие чувства я испытал, когда благодаря ей впервые увидел в научном журнале свою напечатанную фамилию в числе авторов. Но главное все же состояло в том, что я твердо

осознал две вещи: во-первых, я и в дальнейшем хочу заниматься эпизоотологией; во-вторых, научную работу можно считать полностью выполненной только тогда, когда собранный, обработанный и осмысленный материал опубликован. Сама Евгения Васильевна всю жизнь старалась неукоснительно следовать этому правилу и при всяком удобном и неудобном случае внушала его своим ученикам.

В 1954 г. после окончания школы я не мог поехать с ней в экспедицию: нужно было сдавать вступительные экзамены в МГУ. Я не был медалистом, и по тем временам с моей фамилией эта попытка практически не имела шансов на успех. Так оно и получилось. Несмотря на удачный научный дебют еще в школьные годы, поступить на биофак мне не удалось. Возвратившись в Москву, Евгения Васильевна тотчас же предприняла второе судьбоносное для меня действие — устроила на должность лаборанта (а точнее, санитара) в виварий диких животных лаборатории медицинской зоологии ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи, которой тогда заведовал профессор Н.П. Наумов и в которой она работала. Лаборатория входила в состав отдела природноочаговых инфекций. Именно здесь начались «мои университеты».

Спустя многие годы, последовательно пройдя в его стенах все без исключения должностные ступени, я стал руководителем отдела. Но все это произошло потом, а весной 1955 г. снова обострился вопрос: «Куда пойти учиться?». Е.В. Карасева вновь приняла самое активное участие в моей судьбе. По ее совету я поступил в Московский областной педагогический институт, где на кафедре зоологии преподавал один из первых, легендарных КЮБЗовцев — профессор А.П. Кузякин. Все студенческие годы он помогал мне освобождаться от многочисленных полевых практик, и я продолжал участвовать в экспедициях Евгении Васильевны в Ярославскую область, на Алтай, в Центральную Якутию.

Когда институт был окончен, она порекомендовала В.В. Кучеруку, который к тому времени уже заведовал лабораторией медицинской зоологии, вновь принять меня в ее штат. Я потерял возможность ездить вместе с Евгенией Васильевной и принимать участие в ее исследованиях, но имел счастье работать с ней в одной лаборатории почти 20 лет, повседневно, как и все окружающие, заражаясь ее неизменным оптимизмом и необычайным исследовательским азартом, слушать ее интересные научные доклады и сообщения, которые она всегда делала с каким-то задором, быть свидетелем упорной работы над рукописями для печати, дававшейся ей совсем не просто.

Своими учителями Е.В. Карасева считала Н.П. Наумова, чьей аспиранткой в ИЭМ она была в 1946—1949 гг. и в результате защитила кандидатскую диссертацию на тему «Экология обыкновенной полевки Центральных областей европейской части СССР» (1952); В.В. Кучерука, к советам которого прислушивалась на всех этапах выполнения многих работ, но прежде всего — А.Н. Формозова, памяти которого посвятила свою последнюю монографию «Млекопитающие Москвы в прошлом и настоящем» (1999), написанную в соавторстве с А.Ю. Телицыной и Б.Л. Самойловым. Евгения Васильевна часто говорила, что примером колоссальной целеустремленности и самоотверженного отношения к науке для нее всегда был Р.Б. Хесин (основатель Института молекулярной генетики АН СССР); со студенческих лет и до последних дней его жизни их связывала большая дружба.

Евгения Васильевна хорошо знала птиц и в молодости хотела заниматься орнитологией. Но судьба сложилась иначе: за исключением исследования по питанию луней и вылову ими зараженных полевок; близкой к нему по духу статьи в соавторстве с М.Я. Лавровой о влиянии хищных птиц на популяцию обыкновенной полевки (1956); небольшого фрагмента в статье по на-

земным позвоночным Центрального Ямала (1971) о величине выводков у морянок; нескольких заметок в популярных журналах; в ее почти 200 публикациях, пожалуй, больше нет сведений о птицах.

Заслуженную известность Е.В. Карасевой принесли ее исследования по эпизоотологии лептоспирозов, а также по экологии грызунов, главным образом из семейств мышеобразных и хомякообразных. Довольно долго, примерно до 1981 г., когда Евгения Васильевна вынуждена была уйти из ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи, два этих направления ее работы были очень взаимосвязаны. Но, даже занимаясь природной очаговостью лептоспирозов, она оставалась прежде всего зоологом-териологом, причем в этом смысле ее интересовала не только и, может быть, даже не столько популяционная экология резервуарных хозяев лептоспир, сколько различные стороны биологии и «интимной жизни» основных носителей, определяющие или способствующие передаче возбудителя от одного зверька другому, а следовательно, его циркуляции.

В этот период Евгения Васильевна называла себя медицинским зоологом, и это действительно было так. Ее работы и сейчас представляют собой прекрасный пример того, что и как именно может и должен делать медицинский зоолог. Тем не менее ее публикации в тот период в большей степени отражают своеобразие исследовательского стиля Е.В. Карасевой, чем ее вклад в проблему лептоспирозов, истинное значение которого неизмеримо более весомо.

В 1950 г. вместе с микробиологом В.В. Ананьиным Евгения Васильевна начала исследования лептоспирозного очага на озере Неро в Ярославской области. С небольшими перерывами они, а затем в некоторые годы их более молодые коллеги продолжали там наблюдения в течение 50 лет. Но уже в 1953 г. В.В. Ананьин и Е.В. Карасева представили в печати материалы об ис-

точниках лептоспирозной инфекции в природе, а в 1954 г. была опубликована статья Е.В. Карасевой и В.В. Ананьина «Основные черты природного очага безжелтушного лептоспироза приозерно-болотного типа». Две эти публикации, по сути дела, ознаменовали закладку их авторами фундамента современных представлений о природной очаговости лептоспирозов, создание которого они в основном завершили соответствующей монографией — «Природная очаговость лептоспирозов» (1961).

Евгения Васильевна продолжила исследования в средней полосе России, в Алтайском крае и Северном Казахстане, в Якутии, на Северном Кавказе и в тогдашних Закавказских республиках. К 1967 г. она опубликовала почти 50 работ по этой тематике и обобщила их в виде доклада «Географические особенности структуры природных очагов лептоспироза *Grippotyphosa* и ареал возбудителя», который был представлен к защите на соискание ученой степени доктора биологических наук. После прекрасной защиты Е.В. Карасева изучала природные очаги лептоспирозов в Поволжье и на Западной Украине, на Ямале и в Краснодарском крае, в некоторых других регионах станы. Следуя своим твердым принципам, она опубликовала большую часть результатов работы. Поэтому теперь в восприятии специалистов проблема природной очаговости лептоспирозов и достижения в этой области неразрывно связаны с трудами Е.В. Карасевой.

Теорию природной очаговости болезней Е.Н. Павловский разработал, как известно, на примере трансмиссивных инфекций. Поэтому первоначально полагали, что природный очаг может существовать лишь при наличии триады «возбудитель — переносчик — носитель». Именно всесторонние исследования закономерностей существования природных очагов лептоспирозов в большей степени, чем каких-то других инфекций, заставили изменить эти представления. В общем плане они убедительно доказали, что переносчик вовсе не является обязательным

компонентом любого природного очага, и ознаменовали новый этап развития учения Е.Н. Павловского, связанный с изучением нетрансмиссивных инфекций. В этом состоит принципиально важное теоретическое значение всех эпизоотологических исследований Е.В. Карасевой. Более того, несколькими работами о возможности и длительности существования патогенных лептоспир во внешней среде, опубликованными в первой половине 70-х гг., Евгения Васильевна как бы придала импульс исследованиям по сапронозам. Вскоре они переросли в актуальное самостоятельное научное направление, которое привело к кардинальному переосмыслению многих базисных положений и понятий в области природной очаговости в целом.

В то же время Евгения Васильевна со свойственной ей энергией вошла в ряды крупных териологов страны. Она опубликовала сведения по мелким млекопитающим Центральной Якутии (1960) — первую и долгие годы единственную работу на данную тему по этому региону. Ей принадлежат информативные научные очерки о распространении и биологии мелких млекопитающих (1963) и отдельно землероек (1960) Северного и Центрального Казахстана, о влиянии распашки целины на мышевидных грызунов региона (1961). Но, пожалуй, особенно значительны ее экологические труды того периода. До появления двух, по существу, приоритетных публикаций Е.В. Карасевой (1957) и ее более позднего обзора (1979) отсутствовали сколько-нибудь полные представления об образе жизни полевки-экономки. Очень обстоятельно Евгения Васильевна охарактеризовала особенности стациального распределения обыкновенной полевки, а также строение ее нор и колоний (1957, 1960). Отдельные очерки были посвящены биологии обского лемминга (1976), полевой мыши, обыкновенного хомяка (1979).

В 1981 г., уже в пенсионном возрасте, Е.В. Карасева перешла в Институт эволюционной морфологии и экологии живот-

ных им. А.Н. Северцова АН СССР и к ней пришло как бы «второе териологическое дыхание». Она всегда с каким-то особым чувством, я бы даже сказал с симпатией, вызванной удивительно безграничными адаптивными способностями серой крысы, относилась к этому виду. И себя она часто с улыбкой называла «хитрой крысой», делая при этом какое-то особенное выражение лица и лукавый взгляд. В такие моменты она и в самом деле внешне очень напоминала этого зверька.

Еще в 1958 г. (или в 1959) Евгения Васильевна говорила, как ей хочется серьезно заняться крысой, и очень сожалела о том, что для этого совершенно нет времени. В 1979—1981 гг. ей удалось провести некоторые наблюдения, связанные с эпизоотиями лептоспироза среди крыс на рисовых полях и свиноводческих фермах Краснодарского края. Но в полной мере она реализовала свои намерения только на новом месте работы. Уже в начале 1983 г. Е.В. Карасева организовала и провела в Москве первое рабочее совещание по серой крысе, а затем два совещания по синантропии грызунов (1992, 1994). В полной форме труды первого из этих совещаний увидели свет в двухтомнике «Серая крыса» (1986). В 1985 г. вышел специальный сборник «Распространение и экология серой крысы и методы ограничения ее численности», в котором опубликованы 3 работы Е.В. Карасевой с соавторами, включая «заглавную»: «Серая крыса — жизненная форма грызуна синантропа». Наконец, в 1990 г. все накопленные материалы по этому виду обобщила капитальная монография «Серая крыса. Систематика. Экология. Регуляция численности». Е.В. Карасевой принадлежит ряд разделов этой монографии. Она редактировала издание, приложила много усилий, чтобы книга увидела свет, и потому считала монографию своим детищем, которым по праву гордилась.

Кипучая деятельность Е.В. Карасевой в 80-х — 90-х гг. этим отнюдь не исчерпывается. Она и раньше много внимания уделя-

ла полевым методам изучения млекопитающих, и особенно их меченью, часто использовала этот прием в эпизоотологических и экологических исследованиях, посвятила ему один из первых в отечественной литературе обзоров(1955) и принимала самое деятельное участие в разработке новых способов меченья животных (1967, 1968, 1974). Но теперь Евгения Васильевна решила подытожить весь свой богатый опыт работы в различных регионах и сделала это вместе с А.Ю. Телицыной, своей дочерью, в монографии «Методы изучения грызунов в полевых условиях» (1996). Название вызывает ассоциации с широко известной книгой Г.А. Новикова «Полевые исследования по экологии наземных позвоночных» (1953), которая давно стала библиографической редкостью. Не собираюсь сравнивать эти работы, поскольку по целевому назначению и содержанию они совершенно несопоставимы. Однако нельзя не сказать, что после монографии Г.А. Новикова в течение более 40 лет ничего подобного в отечественной литературе просто не было.

Е.В. Карасева и А.Ю. Телицына построили свою книгу по зональному принципу: описали, какими методами можно изучать грызунов различных ландшафтно-географических зон. Это превратило ее в полезное руководство не только для научных работников, но и для большой армии зоологов санэпидслужбы нашей страны, которые работают в совершенно разных географических условиях.

В последние годы Евгению Васильевну все больше и больше привлекало изучение особенностей образа жизни грызунов и других млекопитающих в условиях городской среды. Она понимала, что во всем мире усиливается процесс урбанизации, который вряд ли удастся остановить и который неизбежно приводит к обеднению и упрощению экосистем, а состояние фауны и населения млекопитающих — один из наиболее наглядных «маркеров» такого процесса. В упоминавшейся уже монографии

«Млекопитающие Москвы в прошлом и настоящем» (1999) Е.В. Карасева с соавторами на примере мегаполиса Москвы продемонстрировала, как в реальности это может происходить. Прослежено, какие изменения произошли в населении млекопитающих всех отрядов в Москве и бывших ее пригородах на протяжении последнего столетия, и показано, как они происходили под влиянием изменений условий обитания. В результате получилась, на мой взгляд, совершенно уникальная монография, поскольку с большой долей уверенности можно полагать, что в мировой зоологической литературе аналогов пока просто нет. С.А. Шилова очень точно подметила в предисловии к книге, что Е.В. Карасева, «обладая огромным опытом полевых экспедиционных работ ... сумела использовать эти знания для изучения жизни млекопитающих в городской среде и реализовать широкую программу исследований по специфике адаптаций животных к условиям урбанизации». Евгения Васильевна включила в книгу собственные многолетние натуралистические наблюдения и дневниковые записи, написанные простым, но очень живым и образным языком. Помимо научного содержания, они ценны тем, что по-своему дают почувствовать натуралиста и человека Е.В. Карасеву.

В качестве примера я приведу только две выдержки. «Домовые мыши чрезвычайно подвижны. Обычно они переходят из здания в здание или из квартиры в квартиру целыми кланами из нескольких особей во главе с самцом-доминантом. Мы многократно наблюдали вселение в квартиру таких кланов. При этом доминанта всегда легко отличить от других самцов по внешнему виду и по особенностям поведения. Его шерсть более потерта, часто бывают на коже шрамы — следы прежних битв. Держится он очень уверенно, несколько изгибает спину, как бы горбясь». «По нашим наблюдениям, в 1941—42 г. в Москве численность "обыкновенных" полевок была высока и зверьки широко распространялись по городу, обитая в его центральной ча-

сти. Например, на месте снесенной церкви Воскресения на Остоженке была пустошь, заросшая сорной растительностью: лопухом, крапивой двудомной, тысячелистником, марью и др. Здесь, в основном по краю зарослей этих растений, были норы полевок». Эти выдержки из монографии демонстрируют еще одну ее привлекательную особенность. Имея строго научную структуру и содержание, она интересна не только специалистам. Москвичи, которые просто любят природу своего города, могут легко прочитать книгу и узнать много нового и интересного об окружающей фауне.

Мне кажется, что, кроме полевки-экономки и серой крысы, особая «благосклонность» Е.В. Карасевой распространялась и на обыкновенного хомяка. Она занималась изучением особенностей использования территории зверьками этого вида (1962), строением нор в зависимости от сезона и возраста хомяков (1965) и написала уже упоминавшийся специальный очерк. Но, как и в случае с серой крысой, это была только «пристрелка». В последние годы жизни Евгения Васильевна занялась хомяком вплотную, организовав специальные исследования в Крыму. Нет сомнений в том, что они были бы по-карасевски результативными, но она не успела довести их до конца. Остается только надеяться, что это сделают те, кто вместе с ней проводил эти работы.

В 1999 г. в журнале РЭТ-Инфо, в издании которого Е.В. Карасева принимала самое активное участие, в связи со своим юбилеем она написала: «...я прожила удачную, счастливую жизнь. Я всегда занималась любимым делом, ездила в экспедиции по всему бывшему Советскому Союзу от его западных границ до Дальнего Востока, меня окружали и окружают интересные, умные люди, и у меня хорошая семья». Все это действительно так, и только прошедшее время, в котором написана большая часть этих слов, приобрело теперь совсем иной, печально-необратимый смысл.

Э.И. Коренберг

*****

Работа должна быть источником радости!,
и тогда человек будет по-настоящему счастлив.

Е.В. Карасева

Евгения Васильевна Карасева была настолько ярким и своеобразным человеком и так много места занимала в жизни своих друзей, коллег и учеников, что вспоминать о ней и радостно и грустно (ушла она от нас совсем недавно), а писать — трудно. Трудно на нескольких страничках дать представление о широте ее души, неизбывном жизнелюбии и непоколебимой, даже яростной любви к своей работе. Трудно оценить тот вклад, который она внесла в териологию, и не только в нее. Потому что этот вклад совсем не исчерпывается многочисленными научными трудами, которые говорят сами за себя. Думаю, что не меньшее значение для науки имело то влияние, которое она оказывала практически на всех, кто попадал в орбиту ее интересов. Именно об этом мне и хочется здесь рассказать.

Евгения Васильевна никогда не занимала руководящих постов, и официальных учеников у нее было не так уж много. Но, наверное, ни одного из современных териологов такое множество специалистов в разных областях зоологической науки не считает своим первым, а иногда и единственным учителем. Из ныне работающих это Э.И. Коренберг, Н.М. Окулова, А.Д. Бернштейн, Е.Н. Матюшкин, А.К. Агаджанян, Е.Н. Смирнов, В.А. Рыльников, Е.В. Иванкина, И.Р. Мерзликин и еще многие другие.

Е.В. Карасева не была педагогом в классическом смысле этого слова. Она не учила своих подопечных специально для их пользы, а в первую очередь готовила помощников и соратников для общей работы. И этот метод оказался весьма продуктивным. Воспитывала она нас в основном собственным примером.

Евгения Васильевна была натурой страстной, азартной, целеустремленной. И все это она отдавала любимой науке. Боль-

шинство зоологов любят свою работу, но Евгения Васильевна была ею одержима — с первых кюбзовских лет до последнего дня жизни. У нее были прекрасные учителя (А.Н. Формозов, Н.П. Наумов, В.В. Кучерук), которых она очень ценила и любила. Но с этой одержимостью зоологией — природой, животными и их изучением— она, казалось, родилась. Евгения Васильевна получала огромную радость (именно радость!) от всех этапов зоологической работы. Эти слова: «радость» и «работа» — были, наверное, ключевыми в ее жизни. Она очень любила природу и была прекрасным «полевиком», но с таким же азартом и напряжением всех сил занималась обработкой собранного материала, написанием статей, а затем и монографий. Ей это давалось совсем нелегко, но «караси любят, когда их в сметане жарят», как говаривала по этому поводу сама Евгения Васильевна. И она не давала себе поблажек: в любом возрасте, при любом физическом и эмоциональном состоянии доводила начатое до конца. Многие ли из нас могут этим похвастаться? Даже попадая в больницу, она продолжала править и редактировать рукописи, призывая к себе своих соавторов. Это, конечно, вызывало изумление врачей и «нормальных» пациентов, но, вероятно, способствовало выздоровлению. Ни больные ноги, ни больное сердце, сильно докучавшее ей в последние годы, не могли отвлечь Евгению Васильевну от любимого дела. Надо ли удивляться, что она так много успела в своей науке — медицинской зоологии и экологии мелких млекопитающих.

Ее увлеченность, неподдельный интерес к работе, энергия, умение радоваться жизни были необыкновенно заразительны, особенно для молодежи, которая всегда окружала Е.В. Карасеву. Она была руководителем знаменитого кружка юных биологов зоопарка еще в 40-е гг. и никогда не порывала с ним связи. Об этом Евгения Васильевна сама очень хорошо написала для сборника, вышедшего к 75-летию КЮБЗа («Без четверти век»,

1999). Именно кюбзовцев, как «маленьких», так и подросших, студентов, она особенно охотно брала на полевые работы, уверенная в их изначальной заинтересованности. Но и впервые попавшие в полевые условия «неофиты» быстро осваивали принятый здесь образ жизни. В этих многолюдных экспедициях жизнь кипела ключом с утра до вечера. Евгения Васильевна долгое время обладала недюжинной физической силой и задавала такой темп, который не всегда легко было выдержать даже молодым людям. Но жаловаться и жалеть себя не приходило в голову: все попавшие в «карасевскую фирму» с младых ногтей усваивали, что наука — дело святое, выкладываться надо полностью, а «мыши» — самое интересное, что есть на свете.

Исходящего от Евгении Васильевны заряда бодрости и энтузиазма хватало на всех окружающих. Поэтому работать и вообще жить с ней рядом было не только интересно, но и весело. Нигде мы столько не пели и не смеялись, хотя трудились очень интенсивно в любое время года и любую погоду. Помню, как в октябре 1951 г. мы с Евгенией Васильевной спасали живоловки, затопленные осенним разливом в котловине озера Неро. Вода была ледяная, и брести в ней приходилось почти по пояс. Но нельзя же было сгубить драгоценные ловушки! И подбадривая себя не очень подходящей к случаю присказкой «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше» и очень почему-то веселясь, мы выволокли свои снасти на сухое место ... и скорее побежали греться.

Евгения Васильевна была источником бодрости для своих соратников не только в молодости, когда разница между учителем и учеником была всего в 10—15 лет. Судя по впечатлениям спутников ее последующих экспедиций, так продолжалось до последнего года жизни (Евгения Васильевна вернулась с поля всего за месяц до кончины), когда молодые помощники годились ей уже во внуки, если не в правнуки. И все равно она была самой молодой!

За 50 с лишним лет через эти экспедиции — на озере Неро в Ярославской области, на Алтае и в Казахстане, на Кавказе и на Ямале и во многих других местах — вместе с Евгенией Васильевной прошло несчетное количество молодых людей. И почти в каждом из них общение с ней оставило след на всю жизнь. Это была та самая «школа», которой так часто не хватает молодежи, начинающей жить и работать. В этой «школе» закладывались не только навыки полевых исследований (умение грамотно собрать, обработать и проанализировать материал), но и отношение к научной работе: недопустимость малейшей халтуры, преданность своему делу, умение преодолевать себя во имя этого дела. Я думаю, что именно эти принципы, усвоенные в начале профессиональной жизни, помогли многим ученикам Евгении Васильевны стать хорошими специалистами, даже если они в дальнейшем ушли от «мышеловства».

Перерыв в полевых исследованиях Евгения Васильевна сделала только один раз — в 44 года, в первое лето после рождения дочери Саши. Но ей даже в голову не пришло, что можно надолго бросить работу в природе. И уже на второе лето они всем семейством отправились на озеро Неро — место многолетних карасевских экспедиций. И так продолжалось до тех пор, пока Саша не подросла и не стала ездить в собственное «поле». А в последние годы именно Саша поддерживала Евгению Васильевну в ее стремлении заниматься обыкновенным хомяком, и они вместе организовывали эти исследования в Крыму. Экспедиционное детство наверняка пошло дочери только на пользу. Те, кто знает Сашу Телицыну, согласятся, что слова Евгении Васильевны «у меня не может быть плохого ребенка» полностью оправдались. Для нее Саша стала не только горячо любимой дочерью, но и самым близким человеком, что совсем не всегда получается при более традиционном воспитании.

В жизни у Евгении Васильевны было много увлечений, которым она отдавалась с присущим ей темпераментом. Смолоду она была азартным охотником, хотя особых достижений в этой области, по-моему, не имела, возможно из-за близорукости. Потом много и вполне удачно «охотилась» с фотоаппаратом, в частности с фоторужьем, и занималась любительской киносъемкой. Кино (8-миллиметровое) снимали тогда многие из нас, в основном в экспедициях — из окна машины или на привалах. А вот смотреть чужие произведения, кроме участников, желающих было немного (особым качеством эти ленты не отличались). Но Е.В. Карасева не могла допустить, чтобы окружающие не увидели столь дорогие ее сердцу кадры. И, собрав у себя дома гостей, не подпускала их к праздничному столу, пока они не посмотрят это кино.

Всю жизнь Евгения Васильевна любила певчих птиц и держала их дома. А для образования и развлечения дочери и ее школьных товарищей приносила с птичьего рынка синиц, рассказывала о них ребятам, а потом они вместе выпускали птичек в каком-нибудь парке. Саша говорит, что ее повзрослевшие и далекие от зоологии одноклассники до сих пор вспоминают об этом с восторгом.

Многие годы Евгения Васильевна была заядлым собаководом. Держала в основном жесткошерстных фокстерьеров, вместе с В.В. Кучеруком азартно занималась их притравкой на искусственных норах и посещала все собачьи выставки. Но кроме того, собаки эти были полноправными членами наших экспедиций и очень помогали в работе. Одной из них, принадлежавшей уже мне, Евгения Васильевна посвятила свою статью о ежах как «первому автору».

После того как на Тянь-Шане мы впервые вкусили прелесть верховой езды, Евгения Васильевна увлеклась конным спортом. Вот, что она писала мне в 1954 г.: «*Не будем о неприятном,*

поговорим лучше о лошадях. Начала я снова ездить! Редкостное имею удовольствие от этого! Тренер наш сразу пускает всех в рысь и в галоп, и это так здорово, что и сказать нельзя. Никуда в отпуск не поеду, буду только читать умные книжки и ездить верхом». Эти навыки очень пригодились Евгении Васильевне в дальнейших путешествиях. Правда, думаю, что лошади ее восторга не разделяли: вес у наездницы всегда был солидный. Она сама со смехом вспоминала, что в Якутии маленькая местная лошадка просто упала под ее тяжестью. Н.М. Окулова вспоминает подобный случай и в горном Алтае.

Несмотря на столь активный характер и образ жизни, Евгения Васильевна всегда много читала. Она преданно любила и прекрасно знала русскую классику (Тургенева, Толстого, Аксакова, Некрасова) и поэзию «серебряного века», особенно А. Блока. И наравне с залихватскими песнями его стихи всегда присутствовали в нашей экспедиционной жизни.

Евгения Васильевна очень любила писать: говорила, что ей нравится сам этот процесс. Всю жизнь она вела дневник, называемый «мемуары». Туда попадали как натуралистические наблюдения и впечатления от общения с природой, так и все остальное, что в этот момент занимало и волновало автора. Поэтому, когда ее просили вспомнить о каком-нибудь человеке или событии, она с гордостью говорила: «Мне не надо вспоминать, у меня все отражено в мемуарах!». И действительно, ее письменные рассказы, в частности об А.Н. Формозове, о КЮБЗе, отличаются не только яркостью и свободой изложения, но и точностью в передаче фактов. Кроме того, Евгения Васильевна писала очень интересные и подробные письма — искусство, которое в наше время почти умерло. За 57 лет знакомства у меня накопилось, наверное, не менее ста ее писем, отправленных из Москвы, а чаще — из различных экспедиций. Эти письма ста-

ли особенно дороги и ценны сейчас, когда Евгении Васильевны уже нет с нами. В них сохранилась ее живая жизнь и время, в которое эта жизнь протекала.

Можно было бы еще и еще вспоминать о разных сторонах личности Евгении Васильевны — эта тема неисчерпаема. Я и так много написала здесь о том, что, на первый взгляд, мало касается основной темы: «Карасева как териолог и воспитатель зоологической молодежи». Но, как уже упоминалось вначале, воспитывала она своих учеников прежде всего своим примером. И поэтому все ее увлечения в той или иной степени влияли на окружающих людей. Рядом с ней многие начинали лучше понимать природу и учились на месте записывать свои наблюдения, не взирая на усталость; заражались ее страстью к фотографии, любовью к собакам и лошадям; открывали для себя поэзию. Все это обогащало их и в конечном счете помогало не только работать, но и жить.

Как всякий страстный и увлекающийся человек, Евгения Васильевна не всегда была справедлива к людям. Ради любимого дела могла требовать от них слишком многого и проявлять нетерпимость к естественному в молодости легкомыслию. Но если она находила в ком-то «родную душу», то привязывалась к этому человеку на всю жизнь, не жалела на него сил и времени, радовалась его успехам и всегда помогала чем могла. Евгения Васильевна вообще была очень верным другом, и ее деятельной доброты всем нам теперь будет не хватать.

Я знала Евгению Васильевну всю свою сознательную жизнь и счастлива, что судьба послала мне такого учителя, друга, единомышленника. Не сомневаюсь, что ко мне присоединятся многие, вышедшие из «карасевского гнезда». А закончить мне хочется выдержкой из письма, которое Е.В. Карасева написала за несколько дней до своей кончины, когда ей уже исполнилось 82 года: «*Поездку в Орловскую область нельзя считать удач-*

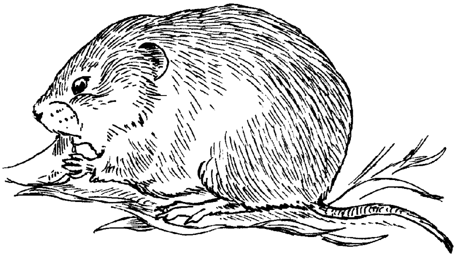
ной: обыкновенного хомяка мы не нашли. А я постоянно вижу его во сне! Что делать, не повезло. Но зато мы побывали на родине Тургенева, куда я всю жизнь мечтала попасть. И вот далось мне... Очень я получила большое удовольствие! Посылаю мою фотографию липовой аллеи, где бегал маленький Ваня Тургенев и где Лунин подзывал птичек, издавая соответствующие звуки с помощью маленького блюдечка. Так захотелось снова читать и перечитывать "Записки охотника", "Первую любовь", "Асю"... В Едимнове у нас цветут розы, пионы уже отцвели, но вот-вот расцветут мальвы и флоксы. И жизнь в основном прекрасна!»

А.Д. Бернштейн

*****

БОРИС ЕВГЕНЬЕВИЧ КАРУЛИН

1922–1999



Борис Евгеньевич Карулин родился 22 августа 1922 г. на станции Электропередача Павлово-Посадского района Московской области. Вскоре семья переезжает в Москву, куда переводят на работу отца, служившего инженером. С 12 лет Борис (тогда Боря Зельмер) начинает посещать кружок юных биологов зоопарка. В том же году в КЮБЗ пришли многие впоследствии известные биологи: О.Г. Газенко, Н.Л. Гершкович, Н.К. Депарма, Л.Г. Динесман, С.М Успенский, Р.Б. Хесин, а немногим позднее: Р.П. Зимина, А.И. Ильенко, Е.В. Карасева, Т.В. Кошкина, М.А. Рубина, А.М. Чельцов-Бебутов, И.А. Шилов и другие. Зоопарк и кюбзовская среда на всю жизнь привили Борису любовь к природе и наблюдениям за жизнью животных.

Окончившего школу 18-летнего юношу призывают служить в авиацию. Здесь и застигает Бориса Великая отечественная война. Его обучают в школе пилотов и в 1942 г. направляют в 301-й истребительный авиаполк. В качестве летчика-истребителя Борис участвует в военных действиях на Дальнем Востоке, в войне с Японией. Однажды он отказался от полета, так как услышал необычные шумы в звуке работающего мотора и заподозрил неладное. Была назначена специальная комиссия, которая, разобрав самолет, обнаружила трещину в двигателе и подтвердила неисправность. Умение слушать спасло жизнь и боевую машину. Служба в армии, отмеченная медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией», продлилась до 1947 г., когда Бориса Евгеньевича демобилизовали по болезни. Своим призванием он продолжал считать зоологию и поступил на биофак Московского государственного университета. Самыми яркими событиями студенческих лет стали зоологические экспе-

диции под руководством профессора А.Н. Формозова по маршрутам Кзыл-Орда — Акмолинск, Камышин — Астрахань, а также в Иссык-Кульскую область. Трудно переоценить значение этих экспедиций для всей его последующей жизни.

В 1951 г., за год до окончания университета, Бориса Евгеньевича как сформировавшегося специалиста-зоолога приглашают в экспедицию под руководством П.А. Петрищевой в Туркмению «для обеспечения научно-исследовательских работ по сталинским новостройкам» (из служебной записки П.А. Петрищевой). Вскоре студента, который «много преуспел по своей работе на Туркменском канале» (из служебной записки Ф.Ф. Талызина), принимают лаборантом в Институт микробиологии и эпидемиологии им. Н.Ф. Гамалеи, в сектор по новостройкам, организованный в отделе паразитологии и медицинской зоологии (позже переименованном в отдел природноочаговых инфекций). В этом отделе Борис Евгеньевич проработал до конца своей жизни, пройдя путь от лаборанта до заведующего лабораторией. Дольше всего он был сотрудником лаборатории медицинской зоологии, которой заведовал сначала Н.П. Наумов, а затем В.В. Кучерук. Это был один из сильнейших научных териологических коллективов Москвы. Ю.А. Дубровский, Е.В. Карасева, Э.И. Коренберг, И.Л. Кулик, Н.В. Тупикова, Н.А. Никитина, В.Е. Флинт, М.В. Шеханов — далеко не полный список работавших в лаборатории.

Б.Е. Карулин участвовал во многих экспедициях отдела, изучавших природные очаги риккетсиозов, зоонозного кожного лейшманиоза, геморрагических лихорадок, клещевого энцефалита, лептоспирозов и туляремии в пустынных и полупустынных зонах Средней Азии и Казахстана, лесостепных и таежных районах Алтая, в Крыму, в лесах Кировской, Тверской, Костромской и Московской областей, в лесотундре и тундре Ямала. Нередко Борис Евгеньевич возглавлял экспедиционные работы

всего отряда или группы, проявляя организаторские способности, навыки жить и проводить исследования в полевых условиях, а также умение работать с людьми разного возраста и интересов. В центре его внимания неизменно было изучение экологии млекопитающих в связи с их ролью в очагах природных инфекций.

В 1962 г. по материалам, собранным в общей сложности за 30 месяцев экспедиционных работ, Б.Е. Карулин защитил диссертацию «Теплокровные животные и их роль в природных очагах лихорадки Ку Туркмении и Казахстана», за которую ему была присуждена ученая степень доктора биологических наук. Борис Евгеньевич впервые всесторонне проанализировал закономерности функционирования природных очагов лихорадки Ку и определил значение отдельных видов и групп теплокровных. Удалось выяснить круг естественных носителей риккетсий, который в то время был практически неизвестен: оказалось, что он чрезвычайно широк. Борис Евгеньевич наглядно показал, что устойчивость существования очагов лихорадки Ку определяется разнообразием биоценотических связей сочленов очага. Это позволило сформулировать важную практическую рекомендацию: именно уничтожение клещей, а не предлагаемая многими авторами и существующими инструкциями борьба с грызунами — главная профилактическая мера оздоровления природных очагов лихорадки Ку. Разработанные Б.Е. Карулиным схемы циркуляции риккетсий в очагах лихорадки Ку стали классикой и позднее вошли во многие обзорные публикации, посвященные этому заболеванию.

Занимаясь в Кировской области изучением роли крота в очагах клещевого энцефалита, Борис Евгеньевич задумывает использовать зарубежный опыт наблюдений за кротами с помощью радиоактивного кобальта ^{60}Co. Идею удалось реализовать. Так зародилось новое направление отечественной териологии, совмещающее технические достижения и натурализм. Радиоак-

тивная металлическая метка позволяла наблюдать за мелкими млекопитающими в их естественной среде обитания, несмотря на скрытный образ жизни большинства из них. Эти работы послужили основой для организации лаборатории радиоэкологии (вскоре переименованной в лабораторию моделирования эпизоотического процесса), которой Б.Е. Карулин руководил все время ее существования (1970—1988). Он организовывал экспедиции практически во все природные зоны страны, где вместе с сотрудниками лаборатории проводил тонкие экологические наблюдения за многими видами мелких млекопитающих. Мечение зверьков радиоактивным кобальтом позволяло непрерывно следить за ними не только днем, но и ночью, в густых зарослях и дуплах, под землей и под снегом, в стогах и ометах, что обычно невозможно при использовании традиционных способов. Для всех изученных животных были определены характер суточной активности, число и продолжительность фаз активности, величина суточных участков, характер их использования, пути перемещений, места кормежек и отдыха (убежищ), длительность пребывания в них хозяев. По результатам многодневных наблюдений за одним и тем же зверьком прослежены изменения суточных участков и даны количественные характеристики использования участка обитания, во многом изменившие представления о подвижности зверьков, полученные путем повторных отловов. Одновременные наблюдения за несколькими мечеными зверьками выявили особенности их контактов и взаимоотношений.

В лаборатории также были разработаны уникальные методы изучения природных очагов, носителей и переносчиков с помощью радиоактивных изотопов и других маркеров, позволяющие имитировать процессы передачи и развития эпизоотии в природе, давать количественные оценки этих процессов. Путем периодического сбора кровососущих членистоногих с меченых мелких млекопитающих или из их нор и гнезд были получены

количественные характеристики прокормления зверьками различных групп кровососущих членистоногих (иксодовых и гамазовых клещей, блох, москитов), разноса их по территории, что важно для оценки развития трансмиссивных инфекций. Мечение теплокровных носителей радионуклидами позволило выявить распределение зараженных полевок, имитировать разнос инфекции, при которой возбудитель распространяется в популяции носителя путем каннибализма (что, например, наблюдается при скирдовых эпизоотиях туляремии). В очагах кожного лейшманиоза при помощи радиоактивного мечения количественно оценены возможности передачи возбудителя кровососущими членистоногими. Полученные материалы легли в основу математических моделей развития эпизоотий в популяциях теплокровных носителей.

В 1988 г. Б.Е. Карулин организовал группу специалистов НИИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи, Института полиомиелита и вирусных энцефалитов и Центрального биосферного лесного заповедника для изучения сочетанных инфекций (лептоспирозов, геморрагической лихорадки с почечным синдромом и туляремии) в Нечерноземье. Результаты работы выявили особенности существования очагов на территориях с разным антропогенным воздействием.

Всего Б.Е. Карулиным опубликовано 96 работ, с полным списком которых можно ознакомиться в журнале «Бюллетень МОИП» (сер. биол., 2000, вып. 5).

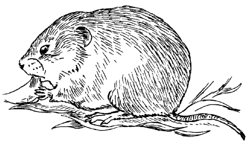
Борис Евгеньевич вел большую общественную работу: 6 лет в непростое для страны время был секретарем многочисленной парторганизации института; членом проблемной комиссии «Природноочаговые инфекции», членом ученого совета НИИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи, специализированного ученого совета МГУ по защите диссертаций и ученого совета Центрального биосферного лесного заповедника. Его нередко направляли на ответствен-

ные задания: он официально участвовал в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, обследуя пораженный район для оценки опасности обострения эпидемической ситуации по природноочаговым инфекциям. В составе бригады советских специалистов 3 месяца работал в Китае по изучению очагов клещевого энцефалита, позже выезжал в Кению, Уганду, Замбию, Танзанию, Египет, Чехословакию, Афганистан.

Верной спутницей жизни Бориса Евгеньевича была его жена — Валентина Филипповна Карулина, делившая с ним все заботы и радости, поддерживавшая его в тяжелые моменты жизни. Вместе они воспитали замечательных детей — дочь и сына, получивших высшее образование (дочь закончила философский факультет МГУ, сын — кораблестроительный институт в Санкт- Петербурге) и успешно работающих в своих областях.

Скончался Борис Евгеньевич 21 декабря 1999 г. в больнице. Будучи тяжело больным, он побывал на 75-летии КЮБЗа. Отказавшись от машины, которую обещали прислать в больницу организаторы юбилея, своим ходом приехал на торжества и был искренне счастлив встрече с кюбзовцами разных поколений.

Н.А. Никитина,
Л.А. Хляп



Äàëåå ïóáëèêóþò ñÿ âî ñïî ì è í àí èÿ êî ëëåã è äðóçåé Áî ðè ñà Åâãåí üåâè ÷à

В детстве и юности Борис Карулин носил фамилию отчима — Зельмер. Но в военные и послевоенные годы эта фамилия с «немецким акцентом» сильно осложняла его жизнь. Поэтому, женившись на Валентине Карулиной, Борис принял ее фамилию.

Я знала Борьку Зельмера подростком. У него были непропорционально большие руки и ноги и очень богатая пышная шевелюра. В КЮБЗе Борис входил в состав неразлучной троицы: Чуб (сам Борис), Сашка Чибис (А.М. Чельцов-Бебутов) и Володя Гертрупс (В.Н. Кузнецов). Лидером этой группы, да и не только ее, а почти всех кюбзовских мальчишек-орнитологов, был, конечно, Чибис. Борис был скромен, сдержан, но и тогда отличался очень хорошими товарищескими качествами. Он никогда не подводил ни в драке (потасовках с мальчишками соседних с зоопарком улиц), ни в нашей неуклонной борьбе за права Петра Александровича Мантейфеля, которого в страшном 1937 г. изгнали из зоопарка, несправедливо обвиняя во множестве грехов.

Шли годы. Судьба свела нас с Борисом в одной лаборатории медицинской зоологии ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи, где мы проработали вместе несколько десятков лет, а Борис до самой смерти. Здесь он вырос, созрел и состарился. Великолепную шевелюру заменила лысина:

У Карулина Бориса
Всю прическу съели крысы,
И осталась только плешь
Цвета беж.

В этом институте на плечи Бориса упало тяжелейшее бремя — в течение многих лет он был секретарем парторганизации. Молодым людям, которые не жили в это время или были детьми, не понять трудностей и тяжести того периода. Директор нашего института Оганес Вагаршакович Бароян, уже далеко не

молодой человек, был воспитан в сталинскую эпоху. Всем без исключения сотрудникам он говорил «ты». На ученых советах постоянно грубо и резко обрывал выступающих на полуслове. И вот в руки этого деспота попал наш Карулин. Я должна сказать совершенно искренне, что Борис не сломался! Он остался честным и принципиальным человеком. Надо представить себе, как ему было трудно! Конечно, он был очень сдержан и скрытен, и, тем не менее, мне многое известно о нем в этот период его жизни. Мой большой приятель Роман Хесин, который работал в институте им. И.В. Курчатова, как-то сказал:

— Говорят, у вас в институте секретарь парторганизации Карулин — очень порядочный человек.

— Конечно, — сказала я, — да ведь это Борька Зельмер!

Хесин хорошо его знал в молодости, но не знал, что Борис стал Карулиным.

Когда Арона Гурвича выгоняли из института за то, что он подписал письмо в правительство с просьбой реабилитировать Есенина-Вульпенса, заступился за него только секретарь парторганизации Б.Е. Карулин. Борис открыто сказал, что он привык судить о своих ровесниках по тому, как они вели себя во время войны, а Гурвич проявил себя как смелый и самоотверженный воин. И Борису удалось в значительной степени облегчить судьбу Арона.

За долгие годы совместной работы в одном отделе с Карулиным я неоднократно имела возможность убедиться в его большой доброте и человечности. Правда, когда он был секретарем, он был очень уж сдержан и скрытен. Со мной во всяком случае разговаривал мало, но неоднократно помогал мне. В очень трудный период моей жизни, когда я родила и оказалась одна с больным ребенком, он часто навещал меня, помогал справляться с разными житейскими трудностями.

Боря был очень чуткий человек. Он понимал без слов многое, о чем было трудно или невозможно говорить. В институте

все его любили, а администрация относилась с уважением и считалась с его мнением.

Жалко, очень жалко, что рано ушел из жизни такой сильный и необыкновенно хороший человек.

Е.В. Карасева

*****

Все сверстники Б.Е. Карулина, работавшие с ним в экспедициях и в институте, в глаза и за глаза звали его Боречкой. К его мягкому характеру это была самая подходящая форма.

В 60-х гг. в очаге клещевого энцефалита в лесах Вятско-Камского междуречья работал большой противоэнцефалитный отряд Минздрава РСФСР. Исследовали численность теплокровных животных, клещей, их вирусоносительство. Карулин занимался кротом. Для добычи живых зверьков под их ходами вкапывали цилиндры, но ловились кроты плохо. Боречка, мрачный и озабоченный, в своем неизменном кепоре, с уже сильно искривленной спиной, с лопатой на плече с утра до вечера пропадал в лесу. А перед сном «под черемухами» обсуждали, как же добывать живых кротов. Кучерук вспоминал свои отловы цокора и говорил: «Главное, чтобы не было сквозняка в ходе. Зверек тотчас забивает его земляной пробкой». Я, работая с водяной полевкой, видела, что потолок любого ее хода всегда густо покрыт отпечатками темени и носа зверька. Значит, полевка, прокладывая ход, а может, и бегая потом по нему, щупает кровлю хода. Стал Карулин накрывать цилиндры древесной корой, дощечками, присыпать их землей. Результат не улучшился. Но вот однажды догнал меня Боречка на лесной дороге. Глаза лукавые, сияющие, руки все в земле. Обхватил сгибом локтя за шею, пригнул и таинственно, ликующим шепотом выдохнул в самое ухо: «В каждом цилиндре крот!». Оказывается, он стал вскрывать ход, вырезая над ним пласт примерно в четверть квадратного метра. На этом месте вкапывал цилиндр и накрывал его целым ненарушенным куском дер-

на, причем так, чтобы свод кротового хода на вставленном пласте был точным продолжением невскрытого участка норы.

Это поразительное упорство в поисках решения, мышление и чутье натуралиста, желание скрыть эмоции — и страдание от неудач, и радость открытий — были его характерными чертами.

Боречка всегда был полон скрытого юмора, склонен к розыгрышам, очень непредсказуемым и непоказным. В экспедициях со своим больным искривленным позвоночником всегда наряду с молодыми парнями таскал, грузил оборудование, огрызаясь и отбрыкиваясь, если его пытались от этого отстранить. Как-то на Ямале прилетел вертолет с новой партией людей и оборудования. Вышедшая встречать вновь прибывших немолодая сотрудница увидела Карулина и попыталась уговорить его снять со спины ящик и нести его к лагерю за ручки вдвоем с ней. Боречка сказал, что ящик ему удобнее нести на спине, а около вертолета есть вещь как раз по ее женским силам. Прибежав к вертолету, она увидела маленький изящный предмет с удобной ручкой, схватила, но оказалось, что не только нести, но и от земли оторвать его не может. Это был свинцовый контейнер для радиоактивных материалов.

В другой экспедиции во время празднования чьего-то дня рождения Боречка сказал пожилой даме, что ее купальный костюм, который всегда болтался на дереве около пруда, студенты набили травой и усадили на лавочке около бани, при этом им удалось так точно повторить ее формы, что не отличишь от оригинала. Хозяйка костюма быстро придумала «страшную месть» и, пока молодежь веселилась, насовала им в спальные мешки поленья дров. Рано утром, идучи в лес, завернула к пруду — желтый костюмчик как ни в чем не бывало болтается на дереве. А за завтраком мальчишки стали гадать и выяснять, какой это «паразит» напихал им в спальники дров. Пришлось признаться.

Н.В. Тупикова

*****

Я впервые увидел Бориса Евгеньевича Карулина в 1954 г. в лаборатории медицинской зоологии НИИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи, куда меня, только что закончившего среднюю школу, приняли на техническую работу. Он был тогда еще неостепенившимся старшим лаборантом, и, несмотря на существенную разницу в возрасте, мы довольно быстро и легко перешли на «ты». Этому способствовали наши общие кюбзовские корни, но главным образом его очень доброжелательный и веселый характер, сочетающийся с умением держать себя очень просто, не выстраивая никаких «барьеров» в общении. С тех пор мы проработали бок о бок многие годы до его кончины.

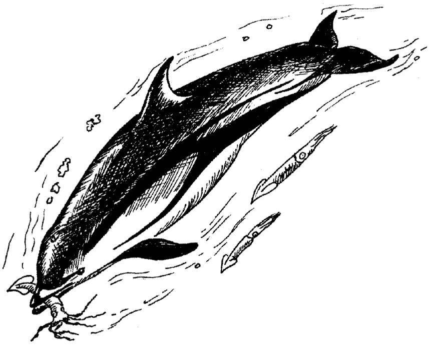
Шли годы, менялись времена и изменяли многих людей, к сожалению, далеко не всегда в лучшую сторону. Мне довелось видеть Бориса в самых разных экспедиционных, внутрилабораторных, институтских и житейских ситуациях, а также на посту, как тогда говорили, ответственного общественного работника. Его манера держать себя оставалась неизменной, и это притягивало к нему самых разных людей. Совершенно органично и естественно Борис общался с шоферами в гараже, слесарями в мастерских, профессорами и академиками. И еще: Борис умел слушать собеседника, даже если не был с ним согласен. Ему можно было «выговориться», и многие этим пользовались в трудную минуту. Со временем я понял, что Борис обладал даром общения с людьми и это, пожалуй, была одна из самых ярких черт его характера.

Э.И. Коренберг

*****

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КЛЕЙНЕНБЕРГ

1909—1968



17 ноября 1999 г. когда в Институте биологии развития РАН должно было состояться заседание, посвященное памяти Сергея Евгеньевича Клейненберга (он умер 17 ноября 1968 г.), неожиданно выпал глубокий снег и устроители боялись, что многочисленные приглашенные, в большинстве своем люди немолодые, не смогут прийти. Пришли все. Недолгая жизнь Сергея Евгеньевича оставила долгую память о нем как о прекрасном ученом-териологе и замечательном человеке.

Сергей Евгеньевич родился 21 июля 1909 г. в Смоленске. Его дед по отцовской линии был главным врачом Лефортовского госпиталя. Отец, Евгений Юльевич, кадровый офицер, немец, принял православие, когда женился на дочке вице-губернатора Смоленска. Он участвовал в первой мировой войне и дослужился до чина генерал-майора. После революции и до своей смерти в 1922 г. служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Сергей Евгеньевич был самым младшим в семье, кроме него были еще два брата и две сестры. После смерти отца он и мать, Мария Владимировна, остались на попечении брата Германа Евгеньевича. Жили тяжело. Еще школьником последних классов Сергей Евгеньевич подрабатывал частными уроками.

Школу в Смоленске он окончил в 1929 г. Трудно сказать, почему его привлекли именно естественные науки. Возможно, начало было заложено в детстве, когда он каждое лето проводил в имении деда Ивонино под Ельней. Несомненно, большое влияние оказал двоюродный брат-геолог, Даниил Тарасов, который летом брал его с собой рабочим в геологические партии.

В 1929 г. Сергей Евгеньевич выдержал экзамены в Ленинградский университет, но не был принят «за отсутствием мест» (обычная форма отказа по социальному положению) и поступил в Вятский педагогический институт. В феврале 1930 г. перевелся на биологический факультет Московского университета, который и окончил в 1933 г. Научная работа началась во ВНИРО, в лаборатории, где изучением морских млекопитающих в то время занимались четыре Сергея: С.Ю. Фрейман, С.В. Дорофеев, С.К. Клумов и С.Е. Клейненберг. Первые экспедиционные работы были в Белом, Черном и Каспийском морях. В 1936—1941 гг. вышли первые статьи С.Е. Клейненберга по биологии и промыслу черноморских дельфинов и каспийского тюленя. Статьи были интересными, глубокими, и он быстро выдвинулся в число лучших специалистов по морским млекопитающим.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны Сергей Евгеньевич перешел в Главное управление по заповедникам. Он не был призван в армию из-за язвы желудка. Когда в 1943 г. язва зарубцевалась, он написал письмо И.В. Сталину (тогда так было принято) с просьбой послать его в действующую армию и получил ответ: «призовут, когда будет нужно». Но вызова не было, и до 1944 г. Сергей Евгеньевич работал в Хоперском заповеднике заместителем директора по научной работе. Здесь он продолжал изучение млекопитающих, не морских, но водных. Исследования выхухоли позволили ему глубже понять общие черты приспособления млекопитающих к водному образу жизни — это ему пригодилось впоследствии, когда он стал заниматься бионикой. А интерес к выхухоли сохранился на всю жизнь.

Язва обострилась в 1944 г., и ее пришлось оперировать в Москве. В Москве Сергей Евгеньевич поступил на работу в Институт эволюционной морфологии АН СССР, в лабораторию Сергея Алексеевича Северцова, и вернулся к исследованию

морских млекопитающих. С.А. Северцова он считал своим учителем, высоко ценил и после его ранней смерти приложил много усилий для издания его книги «Проблемы экологии животных».

После недоброй памяти сессии ВАСХНИЛ 1948 г. многие биологические институты АН СССР были расформированы или переформированы. К более или менее лояльному Институту эволюционной морфологии им. А.Н. Северцова был присоединен (и тем самым фактически ликвидирован) опальный Институт цитологии, гистологии и эмбриологии — одно из «гнезд вейсманизма-морганизма». Так возник объединенный Институт морфологии животных им. А.Н. Северцова. В этом сложнейшем коллективе, благодаря своему общительному характеру, культуре, эрудиции и широким интересам, Сергей Евгеньевич быстро завоевал популярность и авторитет, он руководил аспирантурой и был председателем профсоюзной организации института.

Исследования морфологии, экологии и промысла черноморских дельфинов завершились изданием монографии «Млекопитающие Черного и Азовского морей» (1956), которая до сих пор остается самой полной и надежной сводкой по биологии дельфинов Черного моря. Эта сводка не только сделала С.Е. Клейненберга одним из лидеров в области исследований морских млекопитающих в СССР, но и поставила его в ряд крупнейших специалистов по морским млекопитающим в мире. Таким его и приняло мировое сообщество зоологов, когда в 1958 г. он в составе малочисленной советской делегации (наверное, единственный беспартийный в ней) участвовал в работе 16-го Всемирного зоологического конгресса в Лондоне.

В 1959 г. Сергей Евгеньевич стал заведующим лабораторией экологической морфологии водных млекопитающих. Эта лаборатория долгие годы, и при жизни, и после смерти Сергея Евгеньевича, была центром, притягивающим исследователей морских млекопитающих со всего Союза и хорошо известным

за рубежом. Здесь были частыми гостями и обсуждали свои исследования такие «асы» морской териологии, как А.А. Берзин с Дальнего Востока, Г.А. Федосеев из Магадана, Р.Ш. Хузин и М.Я. Яковенко из Мурманска. В лаборатории сложились в те годы два направления — исследование экологии и морфологии морских млекопитающих и исследование особенностей роста млекопитающих разных групп. По этим направлениям лаборатория стала лидером не только в отечественной, но и в мировой териологии.

В 1956—1963 гг. лабораторией было организовано беспрецедентное по широте охвата комплексное изучение белухи — полярного дельфина. Экспедиционные исследования позволили собрать огромный материал в Белом и Баренцевом морях, на Чукотке и в Охотском море. Анкетированием были охвачены все без исключения поселки на побережье Арктических морей СССР от Кольского полуострова до Чукотки. К работе были привлечены исследователи из ВНИРО и его региональных отделений в Архангельске, Мурманске, Владивостоке, Магадане (сказались широкие научные и дружеские связи Сергея Евгеньевича). Вместе со своими учениками, С.Е. Клейненберг с энтузиазмом работал в экспедициях на Севере и Дальнем Востоке, а в Москве активно участвовал в обработке собранного материала. Итогом этих исследований стала коллективная монография «Белуха» (1964), которая вскоре была переведена в США на английский язык (что для того времени являлось крупным событием).

В этот же период лаборатория выпустила сборники «Определение возраста промысловых ластоногих и рациональное использование морских млекопитающих» и «Морфологические особенности водных млекопитающих» (1964), была одним из организаторов всесоюзных совещаний по морским млекопитающим, проводившимся раз в два года. В немалой степе-

ни благодаря Сергею Евгеньевичу и его лаборатории советские исследователи морских млекопитающих приобрели высокую репутацию за рубежом.

На всех научных заседаниях по изучению морских млекопитающих и во всех комиссиях, в первую очередь в ихтиологической комиссии, которой он уделял много времени, Сергей Евгеньевич настаивал на рациональном использовании морских млекопитающих, протестуя против чрезмерного промысла. Вместе с А.В. Яблоковым и В.М. Бельковичем он развернул кампанию за прекращение промысла черноморских дельфинов. Научно-популярные книги С.Е. Клейненберга, В.М. Бельковича «Дельфины — мифы и действительность» (1967), В.М. Бельковича, С.Е. Клейненберга, А.В. Яблокова «Загадка океана» (1965) и «Наш друг дельфин» (1967), а также статьи в журналах и газетах имели большой общественный резонанс, и промысел черноморских дельфинов был запрещен. Книга «Наш друг дельфин» была настолько провидческой и глубокой (при всей легкости изложения), что спустя 34 года, в 2001 г., она фактически без каких-либо изменений переиздается в Москве.

Сергей Евгеньевич был одним из лучших знатоков морфологии и экологии дельфинов, териологом высокого класса, реалистом в науке — и в то же время большим романтиком. Это проявлялось и в его отношении к оценке умственных способностей дельфинов, и в его деятельности как секретаря комиссии Академии наук по снежному человеку. Несмотря на сомнительность доказательств, которую он признавал, ему очень хотелось надеяться, что снежный человек существует. Он был крайне доволен, когда посетившие лабораторию индийские зоологи поддержали его надежду и сказали: «Снежного человека не найти экспедициям с вертолетами и вездеходами — много шума. Нужно идти в Гималаи в одиночку».

В отношении же разума дельфинов он, возможно, оказался прав. За все прошедшие десятилетия тайна огромного мозга дельфинов так и не разгадана, более того, загадок появилось еще больше.

В 1967 г., когда чуть-чуть ослабло лысенковское влияние в биологии, Институт морфологии животных им. А.Н. Северцова был разделен на два — Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова и Институт биологии развития (позднее ему было присвоено имя Н.К. Кольцова). Это разделение Сергей Евгеньевич переживал тяжело. С одной стороны, по опыту работы, по классическим зоологическим интересам (морфология, экология млекопитающих) он, конечно же, должен был работать в Институте эволюционной морфологии и экологии животных. С другой стороны, по принципиальным позициям в области биологии, по резкому неприятию лженаучных и авантюристических взглядов Лысенко ему гораздо ближе был коллектив Института биологии развития. Сейчас страшно вспомнить те напряженные дни и недели, когда надо было решать этот мучительный конфликт – идти в ИБР с надежными и принципиальными коллегами и оказаться на периферии научных интересов либо быть в ИЭМЭЖе «в струе» научных интересов института, но в компании людей, чуждых ему по взглядам. Выбор был сделан в пользу ИБРа. Сергей Евгеньевич остался в коллективе, руководимом Б.Л. Астауровым и никогда об этом не пожалел.

Сухие биографические заметки не могут передать замечательные черты характера С.Е. Клейненберга: глубочайшую интеллигентность и образованность, дружелюбие и теплоту, которые прямо-таки распространялись вокруг него каким-то мистическим образом. Вспоминает сотрудник института Тамара Борисовна Айзенштадт:

«В силу своего обаяния Сергей Евгеньевич играл особую роль в жизни молодежи нашего института, особенно в ту пору, когда

руководил аспирантурой. Несмотря на разницу в возрасте, мы, тогдашние аспиранты, считали его «своим парнем» и позволяли себе даже некоторое панибратство при общении с ним, что объяснялось молодостью его души и свойственной интеллигентному человеку простотой в общении с самыми разными людьми. Он участвовал в наших лыжных вылазках в Малино, где местком института арендовал «базу» — комнату у местной старушки, и в организации праздничных вечеров. Помню, как на одном из вечеров-капустников аспиранты маршировали на сцене с большим портретом Сергея Евгеньевича на древке под остроумную песенку, ему посвященную, а он смеялся до слез. Защитив диссертации, мы продолжали пребывать «под крылышком» Сергея Евгеньевича, постоянно общались с ним, часто злоупотребляя его временем. Мне посчастливилось жить поблизости от Патриарших прудов, на которые выходили окна комнаты семьи Клейненберга в коммуналке старого дома. Когда теперь я смотрю на эти окна, у меня возникает ощущение, что Сергей Евгеньевич вовсе и не покинул нас, настолько свежа память о нем. Помню, как однажды у меня дома собрались несколько молодых сотрудников нашего института и Сергей Евгеньевич читал нам стихи Н. Гумилева, которые достать в те годы было трудно. Он открыл нам «Таганку» и организовал культпоход на ее первый спектакль «Добрый человек из Сезуана». С тех пор прошла вечность, изменился наш институт, изменились времена и мы сами. Сейчас нельзя даже вообразить возможность вечера-капустника или похода молодежи на лыжах вместе с руководителем аспирантуры. ... Я уже не отношусь трепетно ни к стихам Гумилева, ни к «Таганке», но неизменным осталось чувство благодарности судьбе за общение с добрым и обаятельным человеком».

С.Е. Клейненберг был человеком долга и высоких моральных принципов, бескомпромиссным в отношении научных фактов. Он, возможно, не являлся героем-правдоискателем, но все-

гда поддерживал таких людей и никогда не был с теми, кто пресмыкался и угодничал. Доброжелательно и терпимо относясь к людям, был неизменно тверд в отстаивании своих принципов. Он не верил в возможность реализации коммунистической идеи в современном обществе, и не вступил в партию, несмотря на серьезные уговоры и на открывающиеся перспективы академической карьеры.

Сергей Евгеньевич был замечательным руководителем в науке и в жизни. Всегда доброжелательный, он никогда не навязывал свою волю, а лишь советовал. Он не стеснялся сказать, что не знает того или иного, но немедленно давал совет, как найти тех, кто это знает. Он не только не подавлял инициативу своих молодых сотрудников (в лаборатории тогда работали в основном люди до 25 лет), но с юношеским азартом поддерживал все наши порой авантюрные начинания. Он постоянно подтрунивал над нами и незаметно воспитывал бескомпромиссность в науке. Его дружелюбие и интеллигентность проявлялись во всем, даже в мелочах. Например, когда случалось по делам зайти к нему домой (что из-за его болезни в последние годы бывало часто), пришедшего неизменно угощали чаем или кофе, а хозяйский спаниель, виляя хвостом, приносил и предлагал гостю свою миску.

Остроумный человек, Сергей Евгеньевич был замечательным рассказчиком. Жалко, что мы не понимали тогда ценности этих всегда увлекательных и смешных историй о великих (и не очень) деятелях отечественной биологии, с которыми он сталкивался лично или хорошо знал по рассказам коллег. Слушая его, мы покатывались со смеху, а сейчас понимаем, что так осуществлялась связь времен — ушедшие корифеи оказывались не мраморными и бронзовыми, а понятными, живыми, симпатичными.

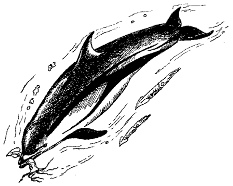
Первый инфаркт застиг Сергея Евгеньевича зимой 1961 г., когда он катался на лыжах в Подмосковье. Он упал на снег. К

счастью, вскоре его заметили пробегавшие на лыжах молодые люди. Они, оставшиеся неизвестными, доставили его в ближайший санаторий, фактически подарив ему еще 7 лет жизни. Эти годы, несмотря на периодическое обострение болезни, Сергей Евгеньевич активно работал. Его последняя книга (совместно с Г.А. Клевезаль) «Определение возраста млекопитающих по слоистым структурам зубов и кости» (1967), переведенная на английский язык уже после его смерти, открыла новое направление в определении возраста и исследовании роста млекопитающих.

Рассказ о Сергее Евгеньевиче был бы неполным без добрых слов в адрес его жены — Екатерины Васильевны Владимирской. Она была ему надежной опорой и верным помощником («мой энциклопедический словарь в рыжем переплете» — называл он ее в шутку), и приятно было видеть, с какой любовью, уважением и радостью они относились друг к другу.

Дарованные ему судьбой недолгие годы Сергей Евгеньевич прожил достойно, и свидетельство тому — его научные заслуги и добрая память в наших сердцах.

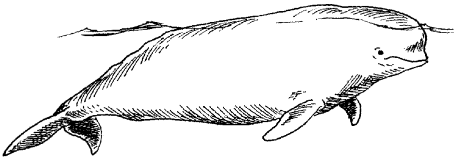
Авторы благодарят Екатерину Васильевну Владимирскую за предоставление фактов из биографии С.Е. Клейненберга.



А.В. Яблоков,
Г.А. Клевезаль

СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ КЛУМОВ

1906–2001



25 июня 2001 г. на 96-м году жизни скончался Сергей Константинович Клумов, зоолог широкого профиля, организатор и участник многих экспедиций в Арктику, на Черное, Каспийское и дальневосточные моря; общественный деятель и талантливый популяризатор, широко известный своими многочисленными публикациями и выступлениями по телевидению и радио.

Сергей Константинович родился 29 января 1906 г. в Москве, в интеллигентной обеспеченной семье. Отец Константин Владимирович был преуспевающим московским адвокатом, мать Александра Николаевна (урожденная Веселкина), получившая классическое образование и прекрасное воспитание, всю жизнь посвятила трем своим детям. Семья была дружная, а их дом — открытым и хлебосольным. Многочисленные родственники и друзья, среди которых было немало интересных и ярких людей, постоянно бывали в их доме. Среди них дядя по материнской линии — известный врач П.Б. Ганнушкин. Брат Сергея Константиновича Алексей, музыкально одаренный человек, окончил Московскую консерваторию по классу профессора Г.Г. Нейгауза. В доме постоянно звучала «живая» музыка. Любовь близких и вся атмосфера, царившая в доме, оказала благотворное влияние на формирование личности С.К. Клумова.

Уже с детства Сергея влекло все живое. Увлечение началось с бабочек, жуков и лягушек, а с возрастом переросло в страстную любовь к птицам. Лето семья проводила в Подмосковье, в Ухтомской, где был большой земельный надел с прудами, вырытыми еще дедом. Сейчас трудно поверить, что на месте теперешних городских кварталов в те далекие годы шумел лес, а в озерах и прудах водилась рыба. Домочадцы благосклонно относились к увлечению мальчишки и не роптали, когда их теснили

птичьи клетки, число которых, по семейным воспоминаниям, доходило до 24. Кроме мелких птах в доме жили две ушастых совы, которых Сергей вспоминал всю жизнь.

Растущая любовь к биологии привела юного Клумова сначала в Московский зоопарк, в КЮН (впоследствии КЮБЗ), а потом на станцию юных натуралистов в Сокольниках. Сергею очень повезло: его первым учителем стал замечательный натуралист и педагог П.П. Смолин, дружба с которым продолжалась всю жизнь. Таким образом, Сергей оказался у истоков юннатского движения. Бурная жизнь на станции, увлекательные занятия под руководством прекрасных педагогов оказали на него сильнейшее воздействие и предопределили выбор профессии.

В 1926 г. Сергей закончил опытно-показательную школу-колонию при биостанции юных натуралистов (так называлась школа) и поступил на биологический факультет 1-го МГУ. Сделать это было непросто из-за дворянского происхождения: для поступления в вуз необходимо было иметь рабочую профессию. И вот Сергей со своим другом устроился рабочим сцены в театр Вахтангова, где со временем приобрел профессию мебельщика. В течение всех лет учебы каждый вечер после занятий в университете ребята бежали в театр готовить спектакль. Та творческая атмосфера, которая царила в театре, переживавшем период своего расцвета, конечно, оказала влияние на формирование юноши.

Свою самостоятельную научную работу С.К. Клумов начал в 1930 г., когда после окончания университета он был зачислен наблюдателем в дальневосточную зверобойную экспедицию на остров Сахалин. С этого момента основным объектом его научных интересов становятся морские млекопитающие. Его руководителями во ВНИРО были замечательные зоологи — профессор С.В. Дорофеев и С.Ю. Фрейман.

В 1931 г. Сергей Константинович был направлен на Белое и Баренцево моря в экспедицию по изучению гренландского тюленя. Там он проводил количественный учет запасов этого зверя с помощью аэрофотосъемки. С тех пор на долгие годы его жизнь и работа оказались связаны с Арктикой. Это было героическое для страны время — эпоха освоения Севера.

В 1932 г. во ВНИРО были развернуты широкие исследования биологии и промысла белухи. С.К. Клумов включился в эту работу. Уже в первых экспедициях ярко проявились его организаторские способности, и с этого года он становится «начальником». В 1932—1934 гг. он руководил тремя большими экспедициями по изучению биологии и промысла белухи европейского Севера. Впервые полученный в таком объеме материал значительно пополнил сведения по систематике и биологии белухи. Работа имела также большое практическое значение.

В эти же годы он собирал материал по ихтиофауне северных морей. Обработка вновь полученных и обобщение всех имеющихся данных по сайке — полярной треске, плохо изученному виду, — позволила установить, что она играет ключевую роль в экосистеме полярных вод, являясь «осью жизни» большинства позвоночных Крайнего Севера. С.К. Клумов предложил и сформулировал понятие «плеяда» в небольшой по объему, но глубокой по смыслу и в то же время изящной работе, свидетельствовавшей о научной зрелости автора.

В 1935 г. ему была присвоена степень кандидата биологических наук без защиты диссертации, а в 1936 г. — звание старшего научного сотрудника. В 1937 г. за капитальную работу по белухе он получил премию на Всесоюзном конкурсе молодых ученых, организованном АН СССР и ЦК комсомола. К этому времени Сергей Константинович уже был автором 25 работ.

После небольшого перерыва в 1937—1938 гг., когда С.К. Клумов был направлен на Черное море для изучения биологии

черноморского дельфина, он опять оказался на севере и в 1938—1939 гг. руководил большой комплексной экспедицией на Баренцево море. Цель ее состояла в обследовании плохо изученного юго-восточного района моря, где экспедиция открыла богатый рыбопромысловый район и указала конкретные мероприятия для его быстрейшего освоения.

В самые трудные первые годы войны (1941—1943), когда ВНИРО находился в эвакуации в Астрахани, С.К. Клумов, будучи заместителем директора, сумел организовать работу института так, что рыбной промышленности была оказана большая помощь в выполнении плана добычи рыбы, которая была так нужна фронту и тылу.

В 1943 г. по постановлению правительства была срочно организована большая комплексная экспедиция в Карское море, в задачу которой входило выяснение возможности развития рыболовного промысла в этом районе Арктики. С началом войны подходы к традиционным богатым промысловым районам в Баренцевом, Балтийском и Черном морях были блокированы немецким военным флотом. На Дальнем Востоке обстановка также не позволяла широко развернуть лов рыбы, да и доставка ее на фронт была очень затруднительной.

Это была, несомненно, самая сложная для С.К. Клумова экспедиция. Необходимо было решить массу вопросов, и, наверное, самый сложный из них состоял в том, где найти нужное число специалистов для двух морских отрядов и четырех береговых наблюдательных пунктов, когда шла война и многие специалисты были на фронте. И вот Сергей Константинович вместе с профессором А.Н. Пробатовым занялись этой задачей. Выручила молодежь — выпускники рыбвтуза и биофака МГУ. А для руководства научной работой пришла на помощь старая гвардия — высококвалифицированные ученые, зубры гидробиологии: профессора П.И. Усачев, Л.А. Зенкевич, З.А. Фила-

това, Т.И. Горшкова и др. Экспедиции были выделены два судна, удалось сформировать бригаду опытных рыбаков-архангельцев. Весной 1944 г. работа началась среди льдов и мин. Собранный богатый материал позволил прийти к ясному выводу: в Карском море нет скоплений промысловых рыб, обеспечивающих рентабельность промысла. Лишь в узкой прибрежной зоне возможно небольшое расширение промысла только деликатесных рыб, запасы которых ограничены.

Это была первая и до сих пор единственная большая съемка Карского моря. Экспедиция была самой сложной и ответственной из всех, что возглавлял С.К. Клумов. Здесь проявился весь его талант организатора. Один из участников экспедиции, Вадим Коростылев, в будущем известный драматург, а тогда начинающий поэт, посвятил Сергею Константиновичу стихотворение «Начальник экспедиции» в своем первом поэтическом сборнике «За полярным кругом»:

За жизнь на случайных приколах,
За мачты натруженной скрипы,
За юность, за Север, за школу
Ему — Золотое спасибо!

За то, что, не зная размолвки,
Мы все в экспедиции жили,
За то, что от первой зимовки
Ребята на жизнь подружились.

Работа экспедиции продолжалась до 1948 г. В это время в Москве был организован Институт океанологии, преобразованный из Лаборатории океанологии при президиуме Академии наук СССР. В 1948 г. Карская экспедиция по инициативе С.К. Клумова была передана этому институту. Передача экспедиции, имеющей в своем составе не только научных работников, но и боль-

шое число лаборантов и административно-хозяйственных работников, а также материальную базу, сразу же позволила вновь организованному институту стать действительно полноценным научным учреждением. С.К. Клумов был назначен заместителем директора, а затем заведующим сектором дальневосточных морей.

В 1949 г. началось плавание экспедиционного судна «Витязь» в морях Дальнего Востока. Наступила замечательная эпоха в истории отечественной океанологии. Сергей Константинович, привыкший, как всегда, идти в ногу со временем, организовал Курильскую экспедицию. Ее целью было изучение биологии и состояния запасов дальневосточных китообразных, отечественный промысел которых велся в это время в прикурильских водах. Также одной из задач являлось изучение распределения сивучей на островах Курильской гряды и ориентировочное определение их численности.

Работа велась на двух кораблях, выделенных экспедиции и переоборудованных для гидрологических и планктонных работ. Исследования проводились также на береговых базах, расположенных на Курильских островах, куда промысловые суда доставляли добытых китов для разделки и утилизации. Здесь были организованы наблюдательные пункты для сбора данных по морфологии, питанию и размножению китов. Наблюдения за китами в море проводились не только сотрудниками морских отрядов, но и экипажами всех китобойных судов.

Для определения численности сивучей было сделано 70 высадок на острова Курильской гряды как с тихоокеанской, так и с охотоморской стороны, включая самые мелкие островки и скалы, вроде островов Каменные Ловушки. В ходе этих работ были не только проведены запланированные исследования сивучей, но и обнаружены неизвестные ранее лежбища котиков, а также места обитания каланов.

В состав экспедиции входили сотрудники ИОАН и ТИНРО, а также, как всегда, молодежь — аспиранты и студенты МГУ, среди которых были и В.Е. Соколов, А.В. Яблоков, И.А. Акимушкин, А.С. Скрябин, Н.А. Заренков — будущие светила науки.

Работа экспедиции продолжалась до 1957 г. Широкомасштабные исследования, проведенные в обширном географическим регионе, дали богатейший материал для научных обобщений, опубликованных в ряде статей и монографий: «О локальности китовых стад» (1955), «Планктон и питание усатых китов» (1961), «Гладкие киты» (1962), «Питание усатых китов в основных промысловых районах Мирового океана» (1963), «Питание и гельминтофауна усатых китов в северо-западной части Тихого океана» (1963) и многих других, посвященных ластоногим, каланам и дельфинам дальневосточных морей. Новые материалы по распространению, питанию, миграциям китов подтверждали гипотезу о локальности китовых стад. Этот вывод стал теоретической основой мер по регулированию промысла китов.

Занимаясь трофикой китов в северной части Тихого океана, С.К. Клумов осознал необходимость анализа питания кашалота, откармливающегося в южных полярных водах. С этой целью им был обработан материал из желудков кашалотов, добытых во время отечественного промысла в Антарктике. Исключительно ценный материал был получен на борту АКФ «Советская Украина» сотрудником Одесского отделения АзчерНИРО В.Л. Юховым под методическим руководством С.К. Клумова. Обобщение всех данных привело к неожиданному заключению о том, что основу пищи кашалота в Антарктике составляет гигантский кальмар — вид, практически неизвестный науке, описанный по личинкам и фрагментам. В результате было сделано первое полное описание этого вида, опубликованы данные о его

размерах, глубине обитания и биологии (Клумов, Юхов, 1975). Эти сведения позволили по-новому рассмотреть трофические связи пелагической системы Антарктики.

Последняя экспедиция, организованная ИЭМЭЖ АН СССР совместно с Одесским отделением АзчерНИРО в 1984—1986 гг., которой руководил С.К. Клумов, была посвящена изучению состояния популяций черноморского дельфина.

Думая о большой, наполненной трудом жизни Сергея Константиновича, приходишь к выводу, что он существовал как бы в двух ипостасях: как ученый и как общественный деятель. Причем, будучи богато одаренной личностью, он действовал одинаково успешно в обоих направлениях. Все, что он сделал в науке, — талантливо, ценно. С.К. Клумов обладал научной интуицией и безошибочно выбирал наиболее интересную цель научного поиска. Он не имел проходных работ, публикаций «для счета», как это нередко практикуется. Он был весьма эрудированным человеком с необычайно широким кругом интересов. К сожалению, очень многое из того, что было им начато, так и осталось незаконченным.

Вкус к общественной деятельности был привит ему еще в юннатской школе и совпал со свойствами его души. Его организаторские способности, энергия, напористость плюс человеческое обаяние делали его всегда востребованным. Ему поручали сложные проекты, рассчитывая, что его необыкновенная пробивная сила обеспечит успех любому, даже безнадежному делу.

Он трижды (три созыва) избирался депутатом райсовета, 10 лет был председателем секции охраны зверей ВООП. В течение многих лет был членом ученых советов Дарвинского и Тимирязевского музеев, более 20 лет возглавлял лекторий Дворца пионеров на Ленинских горах, состоял членом редакции журнала «Юный натуралист». И всюду он был движущей силой, активным началом. Он все делал легко, весело, как бы не тратя

себя. Никогда не раскисал. Ничего не боялся, упрямо верил в свою правоту, а значит, и в успех.

Примером тому может служить строительство жилых домов для сотрудников академических институтов. В 1950 г., когда жилищные кооперативы были редкостью, С.К. Клумов организовал ЖСК «Советский ученый» и, несмотря на все препятствия, одержал победу: в 1954 г. был построен 92-квартирный дом в центре Москвы. И вот этот известный многим «кошкин дом» на Малой Калужской стоит без малого 50 лет, и там живут второе и третье поколения геологов, географов, океанологов. В 1972 г. под руководством С.К. Клумова был построен второй дом — 13-этажная башня на улице Вавилова.

Друзья не раз упрекали его в разбазаривании сил и времени, на что он отвечал: «Я живу для людей. Вот мне приятно людям делать добро, мне это нравится». И это не было красивой фразой и рисовкой. Друзья говорили: «Если бы ты с твоими талантами и нечеловеческой трудоспособностью бил в одну точку (имея в виду науку), то каких бы высот ты достиг!». Хорошо знающие его люди говорили: «В Сережу переложили перца».

Но было все-таки два дела, которые оказались ему не по силам: не удалось добиться создания у нас в стране океанария и строительства в Москве нового зоопарка. С середины 60-х гг., работая еще в ИОАНе, вплоть до начала 70-х, уже будучи сотрудником ИЭМЭЖа, С.К. Клумов пробивал решение этих вопросов. Было сделано немало: подписаны соответствующие документы на уровне министров о долевом участии в строительстве океанария. Несколько раз комиссия, состоящая из представителей заинтересованных ведомств, объезжала побережья Черного моря, выбирая участок для строительства. А в Московском архитектурном институте защищались дипломные проекты по океанарию. Но ничего не получилось. То ли непреодолимые абхазо-грузинские конфликты тому виной, то ли время

еще не подошло. А в кабинете Сергея Константиновича до сих пор пылятся макеты непостроенного океанария.

То же самое произошло и с новым зоопарком. Специально созданная комиссия во главе с академиком В.Е. Соколовым несколько лет билась над этим вопросом еще при прежних хозяевах Москвы, начиная с Гришина. И место было отведено, и все согласны, и уже чертежи готовы, но приходит новый чиновник — и все отбрасывается на исходные позиции.

Жизнь Сергея Константиновича нельзя представить без его популяризаторской деятельности, которая шла параллельно с основными делами с самых молодых лет. Число его научно-популярных статей исчисляется сотнями. Журналы «Вокруг света», «Природа», «Наука и жизнь» и, прежде всего, любимый им «Юный натуралист» с удовольствием печатали его статьи. 30 лет назад А.М. Згуриди предложил ему принять участие в передаче «В мире животных». В течение многих лет С.К. Клумов участвовал в этой передаче то как ведущий, то как гость. И вот однажды он пригласил на передачу Колю Дроздова, тогда молодого орнитолога. Теперь Николай Николаевич — звезда экрана и мы не представляем себе жизни без этой передачи.

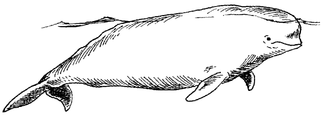
Много лет Сергей Константинович выступал по радио в передаче «Родная природа». Последние 25 лет жизни были отданы Дворцу пионеров.

Его энергия, молодой азарт и дружелюбие всегда привлекали к нему людей. Вокруг него кипела жизнь. К нему тянулась молодежь. Друзья Сергея Константиновича: Сережа Мараков, Леша Наумов, Игорь Акимушкин, Саша Рогожин, Саша Скрябин — все это люди лет на 20 моложе его.

Этот красивый, добрый человек прожил большую, трудную, но в то же время счастливую жизнь. Закончу словами из письма, присланного по электронной почте из района Фолклендских островов от Славы Бизикова, зоолога молодого поколения, изу-

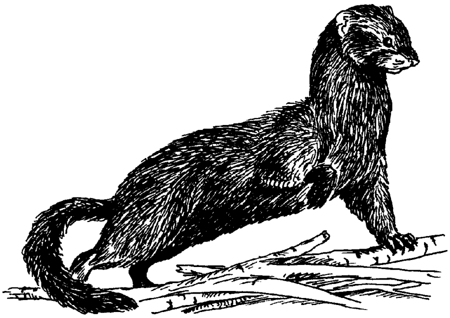
чающего кальмаров: «... Он был для меня Человеком с большой буквы, легендарным Клумовым — известным ученым, мореплавателем, китобоем, сильным настоящим мужчиной. От него исходила внутренняя сила, свойственная большим и цельным натурам... Сергей Константинович был ярким представителем своего времени, эпохи советских океанических исследований, дальних экспедиций, больших планов и свершений. Такие люди своей увлеченностью и делами светили многим! Его статьи и выступления увлекали тысячи мальчишек моего поколения по всему Советскому Союзу романтикой морских странствий. Такие люди, как он, не уходят из жизни совсем — нет, слишком яркий след они в этой жизни оставили, слишком большой духовный заряд передали они тем, кто был рядом с ними!»

Ю.А. Филиппова



АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ КОЛОСОВ

1911–1990



Алексей Михайлович Колосов родился в селе Михайловском Красне-Пахорской волости Московской губернии в марте 1911 г. в семье земского врача, позже ставшего профессором медицины. В 1928 г. поступил в Московский университет и закончил его по специальности «зоология беспозвоночных». С 1934 г. учился в аспирантуре Института зоологии МГУ у профессора С.И. Огнева. Защитив диссертацию по млекопитающим Алтая, в 1938 г. стал кандидатом биологических наук, а в 1939-м — доцентом. Докторская диссертация, посвященная эпидемиологическому значению грызунов Дальнего Востока, была защищена в 1951 г. Через два года он получил звание профессора.

Во время финской войны Алексея Михайловича призвали в армию. Служил он на Дальнем Востоке в системе санитарной службы, занимал разные должности, был начальником отдела особо опасных инфекций 1-го Дальневосточного фронта. Во время войны с Японией побывал в Маньчжурии и, проносив военную шинель 7 лет, в 1946 г. наконец снял ее. Будучи в армии, капитан Колосов не забывал о науке, сотрудничал с Дальневосточным филиалом Академии наук, собирал материалы и даже публиковался.

Большую часть жизни А.М. Колосов совмещал педагогическую деятельность с научной. Успевал и там, и тут. В течение 26 лет он был старшим научным сотрудником в лаборатории Б.М. Житкова, ставшей впоследствии Всероссийским научно-исследовательским институтом охотничьего хозяйства и звероводства. Научные интересы Алексея Михайловича были довольно широки. Ранние работы посвящены фауне млекопитающих

Алтая и смежных областей Монголии (1933, 1939), а также низовий Эмбы (1935), питанию лисицы (1935), биологии волка (1935), значению почвенно-грунтовых условий для норных животных (1935), истории фаунистических исследований Алтая (1938) и Приморья (1946).

В послевоенное время А.М. Колосов опубликовал содержательные статьи о биологии крота-могеры (1954), расселении промысловых животных на юго-востоке СССР (1950, 1956), обогащении фауны Дальнего Востока (1953), фауне полезащитных лесонасаждений степной зоны (1957). Написал книги «Биология зайца-русака» (1947), «Боровая дичь, ее промыслы и заготовки» (1957). Первую в соавторстве с Н.Н. Бакеевым, а вторую — с С.В. Шибановым. Им написана книга «Военно-почтовые голуби» (1943) и статья об ориентации птиц (1944).

Перу А.М. Колосова принадлежит серия учебников и учебных пособий. Среди них «Грызуны — вредители сельского хозяйства» (1960), «Охрана и обогащение фауны СССР» (1975), «Зоогеография Дальнего Востока» (1980), «Охрана животных в РСФСР» (1982, 1989). Широко известны учебники по биологии промыслово-охотничьих птиц и зверей (1961, 1979, 1983), написанные им в соавторстве с С.П. Наумовым, Н.П. Лавровым и А.В. Михеевым. В общей сложности Алексей Михайлович опубликовал около 100 печатных работ, в числе которых 20 книг. Под его руководством защищено 14 кандидатских диссертаций.

Всю жизнь А.М. Колосов преподавал в подмосковной Балашихе. Сначала в Московском пушно-меховом институте, где был деканом зверо-охотоведческого факультета и доцентом на кафедре П.А. Мантейфеля. После закрытия МПМИ в 1956 г. сумел организовать в стенах возникшего на его месте Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного образования подготовку охотоведов. Заведовал охотоведческой кафедрой, а позже стал ректором ВСХИЗО и пребывал в этой должности 16 лет.

Алексей Михайлович не жалел времени на общественную работу в науке. Около 20 лет он возглавлял специализированный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций, был экспертом ВАКа. Много приложил сил для издания Красной книги РСФСР, состоял членом ученого совета Главохоты, заместителем председателя Московского областного общества «Знание». На протяжении 15 лет подряд был председателем государственной экзаменационной комиссии в Московском университете. До конца дней своих входил в состав редколлегий журнала «Охота и охотничье хозяйство» и ряда других изданий. Много раз представлял нашу науку на различных форумах за рубежом.

А.М. Колосов был прирожденным администратором, великим знатоком людей. Будучи много лет деканом зверо-охотоведческого факультета МПМИ, он блестяще управлялся с охотоведческой вольницей и умело гасил многочисленные нападки на студентов-охотоведов (за различные выходки и «нестандартное» поведение) со стороны партбюро, кафедр военного дела и марксизма. Помню, однажды на каком-то заседании после воинственно-критической речи подполковника В.И. Суворова Алексей Михайлович с неизменной улыбкой похлопал старого служаку по животу и невозмутимо спросил: «А правда, Вася, дисциплина-то, в общем, на факультете неплохая?». И гонитель охотоведов от неожиданности лишь промычал что-то неопределенное и тем смазал эффект своего разгромного выступления.

Как-то двое студентов-охотоведов, находясь на практике, сильно запаздывали к началу занятий. Они послали декану А.М. Колосову телеграмму: «Задержались, приедем восемнадцатого. Парамонов Борис и Борисова Роза». Он ответил им также телеграммой: «Не торопитесь, отчислю семнадцатого. Колосов». Однако по возвращении провинившихся молодоженов простил их. За год до кончины Алексея Михайловича сбила автомаши-

на. Он упал, к счастью не пострадав, быстро встал и, не предъявляя претензий к шоферу, заспешил к ожидавшим его студентам — простил водителя. Он отличался незлобивым, отходчивым характером.

Алексей Михайлович выделялся остроумием. От его добродушных, а порою весьма ядовитых замечаний и шуток натерпелись многие студенты-охотоведы, особенно из числа нерадивых, но никто не обижался. Своего декана за глаза звали «Алешей». Его изречения и остроты передавались из поколения в поколение, и через много лет после окончания института охотоведы с удовольствием вспоминали их в дружеских застольях, копируя его манеру говорить.

А.М. Колосов был веселым, легким человеком. Его лицо хранило следы улыбки даже в трудные минуты жизни. Алексея Михайловича любили многие, особенно же студенты и женщины. Когда ему исполнилось 60, редактор охотничьего журнала О.К. Гусев начал говорить о юбилейной поздравительной статье, против чего Алексей Михайлович возражал и в обычной своей манере отшутился: «Что ты, Олег Кириллович?! У меня роман с балериной из Большого театра наклевывается, а ты меня публично в старики запишешь». Он избегал восхвалений в свой адрес.

Лев Толстой писал, что внешность человека, как ничто другое, определяет успехи его на жизненном поприще. А.М. Колосов был высок, хорош собою, а главное — обаятелен. Он жил, радуясь жизни, и выглядел преуспевающим. Как ни странно, это вызывало у некоторых людей раздражение. Однажды на первомайской демонстрации в Балашихе к элегантному, со вкусом одетому, сияющему здоровьем и хорошим настроением Алексею Михайловичу подошел какой-то подвыпивший пролетарий, при всем честном народе ни с того ни с сего схватил его за горло и начал душить, мрачно приговаривая: «Ах ты, буржуй недоре-

занный!». Студенты-охотоведы мгновенно оторвали от него злоумышленника и воздали ему должное.

А.М. Колосов любил проводить отпуск в Сочи, расслаблялся там после напряженной жизни года и выглядел баловнем судьбы, эпикурейцем, однако всегда был трудолюбивым, по-своему скромным, не претендующим на большую власть человеком. Не раз ему предлагали завидные должности в ЦК КПСС, но он оставался верен избранной научно-педагогической тропе.

Пробыв 16 лет на посту ректора ВСХИЗО, А.М. Колосов оставил о себе добрую память. Под Новый год или другой праздник он обходил давно работающих старушек из технического персонала, поздравлял и каждой давал по сотне из собственного кошелька. Во время пожара в институтской библиотеке Алексей Михайлович вместе со студентами выносил книги из горящего здания, а когда истек срок хранения урны с прахом почитавшегося им учителя, профессора Б.М. Житкова, он не только принял участие в хлопотах, но и внес необходимую сумму для продления этого срока. Мнение профессора Колосова всегда было весомым.

Алексей Михайлович обладал способностью находить решения проблем, кажущихся неразрешимыми. Никто лучше его не умел в роли председательствующего на собрании найти компромиссную формулировку резолюции, которая удовлетворила бы всех конфликтующих профессоров и доцентов, примирила бы враждующие кланы. В Португалии во время 12-го конгресса биологов-охотоведов стояла изнуряющая жара. В зале заседаний на столе президиума имелись многочисленные сосуды с прохладительными напитками, и все вожделенно поглядывали на них. Во время перерыва кто-то устремился в фойе, где продавали восхитительный ледяной джюс, кто-то мужественно терпел жажду, стремясь приберечь немногочисленные эскудо, брякавшие в карманах; в толчее никто не обращал внимания на опус-

тевший стол президиума. И вдруг я увидел около него сидевшего до этого в зале Алексея Михайловича: он пил не торопясь и основательно утолил жажду, с прелестным достоинством, хотя действие было явно «браконьерским».

В заграничные командировки все брали объемистые чемоданы для предстоящих покупок, у А.М. Колосова с собой имелся обычно комически маленький, вроде женского ридикюля, баульчик, в котором лежала лишь пара батистовых рубашек, бритва да зубная щетка. На чужбине он быстро начинал скучать, в ресторане отеля требовал от официантов принести еще «брота» — хлебушка, которого всегда не хватало русской делегации, и, несмотря на отменную кухню, жалостливо говорил: «Борща хочу!».

Почти до самой смерти А.М. Колосов, несмотря на грузноватость, молодо выглядел: у него почти не было седых волос и морщин, отсутствовала лысина.

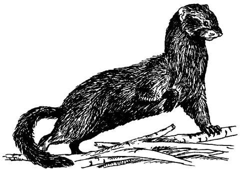
— Алексей Михайлович, почему вы не стареете? Поделитесь своим секретом по этой части, — как-то спросил я у него.

— Поменьше ешь, поменьше спи, побольше работай, а главное, не будь вредным человеком, — ответил он с неизменной улыбкой, как всегда, растягивая слова и немного гнусавя. Этой заповеди — «не быть вредным человеком» — А.М. Колосов твердо придерживался и собирал вокруг себя таких же доброжелательных людей, каким был сам. Будучи старостой студенческой группы в МПМИ, я много раз ходил к нему просить за оступившихся однокашников, и он, добродушно поругавшись в адрес провинившегося, разрешал-таки пересдать проваленный экзамен, оставить при стипендии, перейти с заочного отделения на очное и допускал прочие поблажки, которые были в пределах возможностей декана.

Умер Алексей Михайлович 27 декабря 1990 г., не дожив трех месяцев до 80-летия, от рака, в клинике своего сына Игоря

Алексеевича, ставшего на тропу деда. Похоронная процессия растянулась на квартал. А.М. Колосова любили.

С.А. Корытин



Äàëåå ïóáëèêóþòñÿ âîñïîìèíàíèÿ êîëëåãè À.Ì. Êîëîñîâà — Ì.Ä. Ïåðîâñêîãî

Имя доктора биологических наук, профессора Алексея Михайловича Колосова известно широкому кругу российских териологов. В 1934 г. он закончил биофак МГУ и был оставлен в аспирантуре у профессора С.И. Огнева. Школа МГУ не нуждается в рекомендациях, и авторитет этого вуза в нашей стране остается непререкаемым. Через пять лет, после защиты диссертации, А.М. Колосов был призван в армию, где прослужил до конца Великой Отечественной войны. Служба проходила на Дальнем Востоке и на всю жизнь оставила в нем глубокий след и интерес к этому замечательному краю. В 1946 г. он демобилизовался и ему пришлось решать свою дальнейшую судьбу.

Время было голодное и холодное. Европейская часть страны в значительной степени была разрушена войной. Жилось бедно и неуютно. «Передо мной встал вопрос, — рассказывал Алексей Михайлович, — обычный русский вопрос: Что делать?». Он имел приглашение от Академии наук на работу в ЗИН, который располагался в Ленинграде, и второе приглашение — от МПМИ, который находился под Москвой, в Балашихе. «Послевоенный Ленинград произвел на меня удручающее впечатление. Разрушения были колоссальные, и город представлял собой довольно мрачную картину». Его выбор пал на зверо-охотоведческий факультет МПМИ, где он занял должность доцента. Это решение предопределило всю его дальнейшую жизнь и деятельность. Живя в Москве, он все время проработал в одном месте. Появился он в Балашихе в потертой шинели и в разбитых сапогах. Его исключительная скромность и непритязательность в одежде остались в нем навсегда.

За полувековую работу в институте, сначала в МПМИ, а после его ликвидации в 1954 г. во ВСХИЗО, он прошел все ступени административных, научных и педагогических этажей, был

доцентом, профессором, заведующим кафедрой зоологии (ныне экологии и охотоведения). Занимал должности зам. декана и декана зверо-охотоведческого факультета, проректора. На протяжении 16 лет Алексей Михайлович был ректором ВСХИЗО. Он, пожалуй, один из немногих ректоров, столь длительное время руководивших крупным учебным институтом союзного значения.

В биологических науках А.М. Колосов постоянно тяготел к практическому, прикладному решению большинства задач. Его всегда отличала широта мышления и стремление к решению крупных научных проблем.

Он автор более 100 публикаций и более 20 книг, в основном учебных пособий для высшей школы — настольных книг для тысяч студентов биологических специальностей, особенно охотоведов и звероводов.

Много внимания Алексей Михайлович уделял подготовке аспирантов. Он прекрасно разбирался в специфике подготовки своих учеников. Полевым териологам и охотоведам, как правило, не хватает времени, определенного аспирантским сроком, на защиту диссертации. Судьба работы соискателя часто зависит от массы привходящих случаев, включая особенности климата, четкую сезонность в жизни зверей и зачастую невозможность повторения опытов из-за годичности циклов и т.д. Поэтому А.М. Колосов прежде чем взяться руководить работой какого-либо соискателя или аспиранта, дотошно выяснял, каков его научный багаж, насколько солидно «приданое» будущего ученого. Человек, который имел существенный «задел» в науке и уже сделал первые шаги в этом направлении самостоятельно, ценился им очень высоко и получал право поступления в аспирантуру или становился соискателем. Я не знал ни одного его аспиранта, который попал бы к нему сразу со студенческой скамьи.

Если П.А. Мантейфель являлся для охотоведов постоянным генератором оригинальных идей, то Алексей Михайлович,

в силу занимаемых им административных должностей, был их постоянным куратором и защитником. Не одного охотоведа он спас от исключения из института. Послевоенный контингент студентов отличался сложностью и своеобразием. Немало среди них было людей с боевыми наградами, повидавших войну и жизнь, людей самостоятельных и разнохарактерных, которые за словом в карман не лезли. С ними случались разные происшествия, зачастую не очень благовидные. При разрешении таких коллизий А.М. Колосов проявлял присущую ему мудрость и дипломатичность и часто выручал человека.

Он всегда благоволил к охотоведам и после неоправданной ликвидации пушно-мехового института добился восстановления специальности «охотоведение» на базе ВСХИЗО. За 40 лет в стенах вуза было подготовлено более двух тысяч биологов-охотоведов. Это огромная заслуга профессора А.М. Колосова перед отечественной биологической наукой и охотничьим хозяйством страны. Его участие в учебном процессе, несмотря на занимаемые должности, было постоянным. Он воздушно-легко читал лекции по биологии зверей и птиц, охране природы, зоологии и никогда не прибегал к шпаргалкам и тезисам. Его достаточно сильный, слегка гнусавый голос звучал убедительно и как магнитом притягивал внимание студентов. Виден был глубоко эрудированный и прекрасно знающий свое дело лектор. В лекциях он постоянно излагал последние достижения науки в области изучения биологии зверей, в деле охраны природы в нашей стране и за рубежом. Алексей Михайлович был постоянным посетителем «Ленинки», его часто можно было видеть в читальных залах. Его публикации имели не только научно-педагогическое, но и чисто прикладное значение. Стоит упомянуть лишь такие работы, как например, «Грызуны — вредители сельского хозяйства» (1964), «Заготовки боровой дичи» (1954) и др.

А.М. Колосова заботило повышение квалификации охотоведов-практиков. В институте три года работали месячные курсы для районных охотоведов, не имеющих специального образования. Триста человек получили соответствующие удостоверения.

Общение с сотрудниками было самым демократичным, но без всякого панибратства. В минуты отдыха он любил подшутить над своими коллегами, рассказать анекдот, а дома перекинуться в карты. Он не был охотником, и я ни разу не видел ружья в его руках. Он любил зверей и особенно крупных кошек и всегда рассказывал о них с удовольствием. Но однажды он мне вдруг предложил: «А давай-ка для кафедры купим Перде». — «Очень дорого, — ответил я, — институт денег таких не даст» (больше 20 тысяч долларов).

Почерк А.М. Колосова был удивительным и загадочным. Как говорил про эту особенность профессор П.А. Мантейфель: «В каждой строчке только точки, догадайся, мол, сама». Он требовал шифровальщика, и в институте была всего лишь одна машинистка, которая могла печатать его рукописи. Зная особенности своей каллиграфии, он платил этой женщине тройной тариф за печатную страницу.

В быту Алексей Михайлович был непритязательным человеком. Самая простая еда его полностью устраивала. Нет водки — с удовольствием выпьет разведенного спирта. Дешевая колбаса с черным хлебом, кабачковая икра или кильки в томате, сухари, сахар, чай — вот его обычное меню.

За время ректорства А.М. Колосова в институте велось активное строительство. Построено было два общежития и четыре жилых дома для сотрудников института, заложен инженерный учебный корпус.

Его ректорский стол всегда был чист, и на нем никогда не лежали кипы бумаг. Решения он принимал быстро, суть вопроса

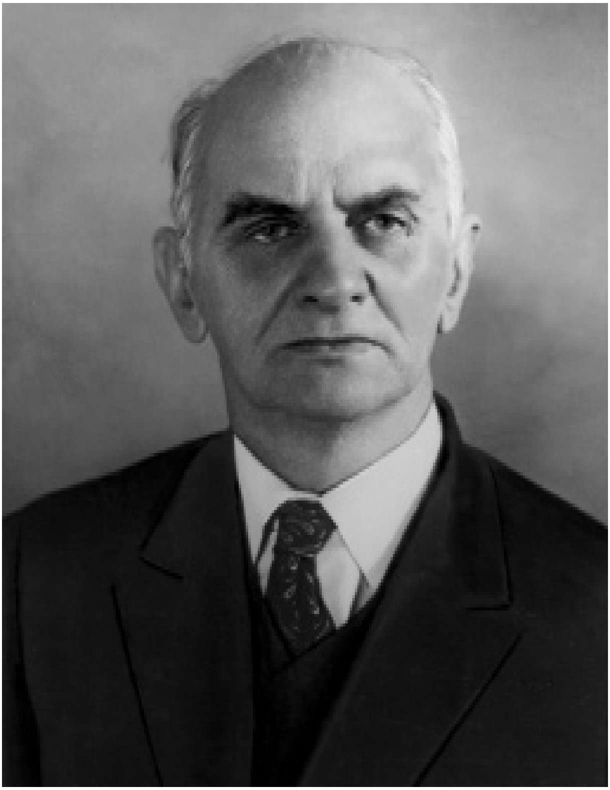
улавливал мгновенно. В какие-либо длительные дискуссии с посетителями не вступал. Его деловые качества были очень высокими. Как ректор он бережно, как мог в тех условиях, относился к усадьбе Голицына, в которой располагался институт. По его указанию отремонтировали церковь и из замусоренного строительного скалада сделали читальный зал и библиотеку, капитально отремонтировали галереи, скульптуры, восстановили фонтан.

Последние годы Алексей Михайлович сильно болел. Операция помогла ненадолго. Чувствуя потерю сил и здоровья, он передал кафедру и менее чем через полгода скончался. Память о крупном ученом, организаторе высшей школы териологов и охотоведов надолго останется в наших сердцах.

*****

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ КУЗНЕЦОВ

1906–1979



«Очень энергичным зоологом-путешественником был профессор Борис Александрович Кузнецов — исследователь Туркестана, Забайкалья, Дальнего Востока и Курильских островов. Будучи автором целого ряда статей, он выпустил в свет и две основательные сводки: "Млекопитающие Казахстана" (1948) и "Звери Киргизии" (1948). В настоящее время выходит из печати работа Б.А. Кузнецова "Распространение млекопитающих СССР и его закономерности". Книга с интересом будет прочтена не только зоогеографом, но и экологом» — так писал в 1951 г. в очерке «Роль русских ученых в исследовании млекопитающих» замечательный териолог С.И. Огнев.

Как это ни покажется странным, о жизни столь известного зоолога, каким был Б.А. Кузнецов, мы знаем очень мало. Борис Александрович с детства отличался замкнутостью. Может быть поэтому, почтительно упоминая его имя, сверстники не так часто рассказывали о нем.

Родился Борис Александрович Кузнецов 23 февраля 1906 г. в семье известного архитектора и проектировщика промышленных сооружений А.В. Кузнецова.

Александр Васильевич Кузнецов, сын обанкротившегося купца, приехал в Москву в 1901 г. из Петербурга, где осталась вся его родня. Привез он с собой и молодую жену, Веру Васильевну, в девичестве Одноушевскую. В Москве он сначала снимал квартиры, а в 1915 г. купил собственный дом в районе Пречистенки — дом № 12 в Еропкинском переулке, выходящий фасадом на Мансуровский. Этому дому, его истории и жизни в нем посвящена замечательная статья младшей сестры Бориса

Александровича, И.А. Кузнецовой, опубликованная в одном из номеров журнала «Наше наследие», посвященного миру русской усадьбы. Из этой статьи можно узнать, что «маленький, всего в пять окошек по фасаду, но строгий и “стильный”, с прелестным барельефным медальоном над центральным окном, изображающим богиню Диану», дом, который, возможно, помнил и донаполеоновскую Москву, был куплен у старой купчихи Е.А. Воскобоевой, которая собралась переезжать в Петербург. Александр Васильевич решил перестроить дом, благо сам был архитектором, и в 1916 г. от прежнего дома остался только выходящий на Мансуровский переулок фасад. К нему были пристроены мезонин и кабинет-мастерская, где А.В. Кузнецов проектировал промышленные сооружения. Он был известной фигурой в архитектурном мире, в области фабрично-заводского строительства — человек исключительной энергии и трудоспособности. Значительная часть текстильно-промышленных сооружений вокруг Москвы, в Орехово-Зуеве, Иваново-Вознесенске и других подмосковных городах была построена по его проектам. Эти качества полностью унаследовал от него в своей деятельности его сын Борис Александрович, которого всегда связывала с отцом глубокая дружба.

Обустроен дом был со вкусом, в едином стиле. Друзья А.В. Кузнецова, строившие в Беловежской Пуще охотничий домик для Николая II, снабдили Александра Васильевича оставшимися изразцами, которыми тот украсил печку. На них — двуглавые орлы, гербы дома Романовых, фантастические орнаментальные мотивы. Стены оклеили обоями, выставлявшимися в Русском павильоне на Международной выставке в Париже в 1900 г. и подаренными одним из его друзей — Н.Н. Соболевым. В подражание настенным росписям кремлевских теремов они были разрисованы орнаментом из листьев. По специальному заказу в поленовских мастерских была сделана в русском стиле и дубо-

вая резная мебель — стулья, скамьи, буфеты, настенные шкафики. Все это и сейчас украшает дом и свидетельствует о замечательном вкусе создателя как самого дома, так и его интерьера.

В Москве родились все дети Александра Васильевича. Старшим был сын Георгий, Юра. Затем дочь Елена. Третьим был Борис, а позже появились две младшие дочери — Вера и Ирина.

Время, на которое пришлось детство Б.А. Кузнецова, было очень сложным в развитии страны. Русско-японская война, первая мировая война, Октябрьская революция и последовавшая разруха. Так или иначе эти события отражались на его жизни. Очень непросто сложилось у Бориса с учебой. Он был отдан учиться сначала в известную Поливановскую гимназию, находившуюся рядом с домом, на Пречистенке. Однако учиться ему пришлось недолго. Вскоре после октябрьской революции гимназия была закрыта. Так же окончилось и пребывание в бывшей Алферовской гимназии, куда он поступил в 1918 году. В ней Борис успел проучиться всего один год, затем ее закрыли. Так и неизвестно, был ли у него аттестат о среднем образовании.

И.А. Кузнецова, сестра Бориса Александровича, вспоминая тяжелые октябрьские дни 1917 г., рассказывала: «Так случилось, что граница между "красными" и "белыми" проходила как раз между Еропкинским и Мансуровским переулками, т.е. по нашему участку. На Еропкинском были "красные", на Мансуровском — "белые". Через сад летели пули, пробегали лазутчики. Мамочка была в ужасе. По ее настоянию окна комнат, выходивших в сад, были заложены матрасами, и все сидели в столовой, которая казалась наиболее защищенной. Кто был в восторге от случившегося, так это мой одиннадцатилетний брат Бориска, который постоянно выскакивал в сад, чтобы подобрать гильзы от патронов и узнать последние новости. Помню истерические крики мамочки: "Шура, приведи Борьку, его убьют!" — и как папа притаскивал в дом моего упиравшегося братца».

В 1918—1920-е гг. в доме появились совершенно чужие люди — Г.Д. Гай, знаменитый красный командир, друг Буденного, тогда в полном блеске своей славы, и его многочисленное семейство: отец, брат, дядя, молодая жена. Гай любил гостей, среди которых появлялся Тухачевский — стройный, в щегольской, идеально пригнанной военной форме. Сам Гай был тогда веселым, шумным и, провожая гостей, показывал на красивую печь, презрительно роняя: «Очаг контрреволюции». Так жили до 1924 г., когда дом был демуниципализирован и возвращен А.В. Кузнецову, хозяину дома.

В эти трудные времена голода и разрухи Бориска, как его звали родные, становится серьезной опорой семьи, поскольку именно на него падает большая часть тяжелых и нудных хозяйственных работ. Александр Васильевич, в то время профессор Высшего технического училища, то ездит на велосипеде в Лефортово на чтение лекций, то должен отправляться из Москвы на трудфронт по заготовке дров, овощей, расчистке железнодорожных путей и т.п. Старший брат Юра на фронте, воюет в Сибири против Колчака. Мама Вера Васильевна, тяжелая «сердечница», не может выполнять никаких трудных физических работ. И вот Бориска, 12—13-летний мальчик, топит печурки в доме, убирает снег во дворе, ходит в АРА (Американская гуманистическая помощь русским детям, 1919—1920) за какими-то выдачами для младших сестренок, а то бежит на Сухаревку с чем-нибудь из домашних вещей, чтобы выменять их на хлеб и крупу.

После смерти в 1920 г. от брюшного тифа старшей сестры Борис становится деятельной нянькой младших сестренок. Ирина Александровна с нежностью рассказывала о той заботе, с которой брат относился к ним. Борис «пек» для сестер из черного хлеба различные пироги, устраивал для их развлечения торговлю этими пирогами. Из ватманов отца вырезал и склеи-

вал трехэтажные замки в пол обеденного стола. Здесь были и хлев, и погреб, и чердак, на который вела лестница, а по ней лезли грабители. В самом замке танцевали принцессы. Играли в «блошки» и в самые разные детские игры.... «Бориска был неистощим на выдумки самых разнообразных и интересных игр, — рассказывала Ирина Александровна. — С ним никогда не было скучно. То он клеил из старых папиных чертежей замечательные кукольные дома со всей обстановкой, то устраивал битвы оловянных солдатиков, сохранившихся у него с дореволюционных времен, то рисовал в наших тетрадках всяких птиц и зверей. В эти голодные годы в комнатах было очень много мышей. Они так и шныряли по полу, ничуть не смущаясь присутствием людей. Бориска укладывал около стенки какую-нибудь "наживку" и устанавливал над ней наклонно пустой цветочный горшок, подпертый с одной стороны щепочкой. Мы сидели в засаде и в нужный момент должны были дернуть за нитку, привязанную к этой шаткой опоре. Горшок падал, накрывая мышь. Мы визжали от восторга. Борис бесстрашно извлекал ее из-под горшка и уносил за хвост. Но самой азартной игрой были, пожалуй, своеобразные тараканьи бега, которые он устраивал, пуская пойманных на кухне тараканов по лабиринту из кубиков, накрытому сверху большим стеклом. Каждый из игроков отмечал какой-нибудь краской "своего таракана", и затем все с замиранием сердца следили, склонившись над стеклом, за их торопливым шнырянием по всем ходам и тупикам лабиринта. Когда наконец первый из тараканов находил выход, это был настоящий восторг, а его "владелец" торжествовал».

Зимой двор превращался в строительную площадку — под предводительством брата сестры строили снежные крепости, бастионы, потайные ходы, благо во двор убирали снег с улиц. Строительство, естественно, заканчивалось игрой в снежки и взятием штурмом построенных бастионов и крепостей.

Очень нравилось Борису рисовать птичьи дворы и зоологические сады. Играли с сестрами в разбойников и путешествия. Да чего только не придумает детская фантазия! И все это — брат со своими сестрами, которые были младше него на семь—десять лет, да в то время, когда самому было около 13—15 лет.

Среди житейских забот и ребяческих забав, которые заполняли день подвижного и активного мальчишки, все большее и большее значение приобретала его рано обнаружившаяся страсть к животным. Она наложила свой отпечаток даже на самый характер его игр и сосредоточила на себе все его умственные интересы, определила круг чтения. Откуда взялась эта любовь к животному миру, сказать трудно. Отец был архитектором, старший брат стал инженером, старшая сестра, так рано умершая, обещала быть талантливым художником. Но Борис уже в четыре—пять лет собирал бабочек, мышей и, как о том говорят его детские книжки и цветные картинки для наклеивания в альбомах, интересовался только «зверями», их коллекциями и классификацией. Многотомная «Жизнь животных» Брэма, обнаруженная им в отцовской библиотеке, «Жизнь насекомых» Фабра стали его настольными книгами, соперничая с произведениями Сетона Томпсона, Чарльза Робертса, Киплинга и др.

«Годам к тринадцати-четырнадцати в его комнату было страшно войти, — рассказывала Ирина Александровна. — Пол был усыпан песком, повсюду сидели и летали птицы — синицы всех видов, снегири, клесты и другие. В больших банках и террариумах сидели мыши — простые домовые, белые, полевки. В аквариумах — разные рыбы и пресмыкающиеся, а в раковине умывальника — большой белый аксолотль, на которого мы, девочки, даже боялись смотреть. Бедная мамочка давно уже махнула рукой на «все это безобразие», и ее угнетало лишь то, что все больше росли и крепли спартанские привычки Бориса, которые он старался в себе воспитывать. Так, он отказался от тепло-

го ватного одеяла зимой, заменив его простым солдатским, и выкинул вон все пуховые подушки. Напрасно мама подсылала потихоньку в его комнату сестру Верочку, чтобы та положила их на место. По возвращении Бориса все это снова вышвыривалось за дверь. Не признавал он и никакого щегольства в одежде, а зимой ходил в легкой курточке, так что бедная мама все время ждала воспаления легких».

Отец, всегда внимательно присматривавшийся к склонностям детей, поощрял интерес Бориса к зоологии. Видя такие ярко выраженные пристрастия сына, в 1920 г. Александр Васильевич счел нужным пойти им навстречу и облегчить сыну путь в определении своей дальнейшей профессии. Ему посоветовали обратиться к профессору Московского университета Г.А. Кожевникову, бывшему тогда директором Зоологического музея. Они познакомились, Александр Васильевич рассказал об увлечении своего сына зоологией и попросил пристроить его в музее. А затем профессору был представлен и сам юный зоолог. И вскоре Борис стал уже чем-то вроде помощника хранителя в Зоологическом музее, знал каждый экспонат и в свои 14 лет даже водил там экскурсии, чем очень гордился.

В этом возрасте товарищей у Бориса практически не было. Театры он не любил, картинные галереи не посещал. Но с удовольствием смотрел все новинки кино и очень любил читать.

В 1922 г., закончив общеобразовательные подготовительные курсы при 1-м МГУ, Борис Кузнецов поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. И сразу купил студенческую фуражку, которую, к ужасу матери, извозил всю во дворе дома на земле, разорвал на ней козырек: видавшая виды фуражка свидетельствовала у студентов о солидности и опытности. А Борису очень хотелось казаться «старым» студентом: ему ведь было всего 16 лет, когда он поступил в университет.

Время, когда Борис Александрович учился в университете, было во многих отношениях замечательным. Дуглас Вайнер в написанной им книге об истории экологии советского периода России утверждает, что «20-е годы были "золотым веком" преподавания биологии в России. Освободившись от шор обскурантистской царской цензуры, самые современные биологические представления проникли в учебные аудитории».

В университете Борис специализировался по кафедре зоологии и сравнительной анатомии позвоночных. Во время учебы занялся и научно-исследовательской работой, предпочтение поначалу было отдано орнитологии и герпетологии. В результате к моменту окончания университета в 1926 г. была опубликована и его первая научная работа «О составе пищи серой лягушки». Однако при той ответственности, с которой Борис Александрович относился к делу (эта черта сохранилась у него в течение всей жизни), прежде чем утвердились специальные интересы и завершились раздумья о том, чему посвятить свою жизнь, должно было пройти время.

Университетскими учителями Б.А. Кузнецова были многие известные зоологи, но среди них выделяются три человека, которые определили все его будущие интересы.

В том, что Борис Александрович поначалу увлекся птицами, была, видимо, немалая заслуга М.А. Мензбира. В библиотеке Московского общества испытателей природы можно найти первый выпуск Центральной лесной опытной станции в «Трудах по лесному опытному делу» за 1928 год из личной библиотеки М.А. Мензбира со следующей надписью: «Глубокоуважаемому Михаилу Александровичу Мензбиру от автора двух статей этого сборника. Б. Кузнецов». М.А. Мензбир подарил Борису Кузнецову свою книгу с дарственной надписью: «лучшему ученику» — и с пожеланием, чтобы он передал эту книгу своему лучшему ученику. Незадолго до смерти Борис Александро-

вич выполнил завет своего учителя и подарил эту книгу В.Е. Соколову — одному из крупнейших зоологов страны.

Не менее видным зоологом был и профессор Московского университета Б.М. Житков, занимавшийся разработкой биологических основ хозяйственного использования животных. Одной из сторон его деятельности, получившей широкую известность, была реконструкция фауны страны, особенно акклиматизация пушных зверей.

Выдающейся фигурой в отечественной зоологии был профессор Московского университета С.И. Огнев. Его 7-томный труд «Звери СССР и прилежащих стран» (1928—1950) и сейчас служит отражением развития классической зоологии: диагнозы видов и подвидов, синонимика их названий, географическое распространение, биология — все это представлено в капитальной сводке.

Именно эти три человека, с которыми у Бориса Александровича завязались самые теплые отношения (особенно с Б.М. Житковым), и определили направления будущей его деятельности. Классическая зоогеография и самые разные стороны прикладной зоологии — вот чему была отдана вся жизнь Б.А. Кузнецова.

В 1924 г. Борис отправился в первую экспедицию с профессором Д.Н. Кашкаровым в Среднюю Азию. Именно эта поездка определила всю его дальнейшую кочевую жизнь. В значительной мере эта поездка обусловила и то, что первые крупные статьи и книги Б.А. Кузнецова были посвящены фауне этого региона.

В 1920—1930-е гг. он ездил в экспедиции и в окрестности Москвы, и на Урал, и в Казахстан, и в Восточную Сибирь. На время войны был эвакуирован в Среднюю Азию, где не оставил своих экспедиционных изысканий.

По окончании второго курса университета в 1924 г. Борис Кузнецов, деятельность которого направлял Б.М. Житков, начал работать практикантом, а позже, с 1927 г., лаборантом на

Биологической станции Центральной лесной опытной станции (ЦЛОС), организованной незадолго до этого, в 1922 г., постановлением Лесного отделения Петровской (позже Тимирязевской) академии, в чьем ведении тогда находилось Погоно-Лосино-островское лесничество. Для нее была передана дача № 3 в Погоно-Лосино-островском поселке. Организации биостанции предшествовало учреждение на лесном отделении академии кафедры биологии лесных зверей и птиц и охотоведения. В конце 1921 г. совет Петровской академии профессором этой новой кафедры избрал штатного профессора зоологии 1-го МГУ Б.М. Житкова. По его представлению лесному отделению для ведения практических занятий студентов по курсам этой кафедры и для сбора ими материала для занятий и устройства специального кабинета при кафедре и была основана эта станция. Более того, при содействии инспектора учебных лесничеств академии в связи с биологической станцией было основано и охотничье хозяйство, которым сначала стал заведовать ученый лесовод А.Н. Шохин, а после него В.Г. Стахровский. Уже летом 1922 г. группа студентов проходила здесь практику по курсу биологии лесных зверей и птиц, а со следующего лета началась и научно-исследовательская работа.

Именно Б.А. Кузнецов и другие практиканты из университета собирали основные материалы для практических занятий студентов «Петровки» и для кабинета. После закрытия Всесоюзной сельскохозяйственной выставки некоторые организации передали биостанции несколько коллекций по промысловым животным. Практиканты, особенно Б.А. Кузнецов, разбирали эти коллекции, приводили их в порядок. Они же проводили экскурсии в Лосино-островское лесничество, руководили и практическими работами студентов 1-го Университета.

Друзьями и коллегами Бориса Александровича на биостанции были специалист по охотоведению В.Г. Стахровский (штатный сотрудник станции), Д.М. Вяжлинский (как и Б.А. Кузне-

цов — штатный лаборант), временные практиканты А.Ф. Чиркова, Н.П. Лавров, Л.В. Шапошников, Г.А. Фейгин, студенты Т.Н. Барановская и М.Н. Преображенский.

Сестра Бориса Александровича Ирина Александровна бережно хранит фотографию того времени, когда он работал на биостанции ЦЛОС. Борис Александрович очень любил эту фотографию — она всегда висела у него в кабинете. На том же месте она висит в доме и сейчас. Компания была дружная и шумная, часто появлялась в доме у Бориса. На фотографии в кресле сидит Б.М. Житков, организатор биостанции. Рядом с ним Н.А. Бобринский, далее Борис Александрович, А.Ф. Чиркова — единственная дама среди молодых зоологов, которую все они очень уважали. За сидящими стоят Дмитрий Вяжлинский, Сергей Наумов, Евгений Спангенберг, Леонид Шапошников, Николай Лавров и Георгий Фейгин. Об этой группе зоологов И.И. Барабаш-Никифоров и А.Н. Формозов в своем руководстве по териологии пишут следующее: «... под его [Б.М. Житкова] руководством в Московском университете сформировалась сильная группа зоологов, энергично взявшихся за изучение экологии промысловых зверей».

О том, какова была деятельность Бориса Александровича на биологической станции, можно узнать из «Отчета лаборанта станции Б.А. Кузнецова» за период с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г., помещенный в приложении к основному отчету в «Трудах» станции. Вот что он сам пишет о своей деятельности:

«За означенный срок мною выполнены следующие работы.

1) Окончил обработку коллекции млекопитающих, собранных летом 1926 г. в Оренбургской губернии. Эта работа сдана для напечатания в “Бюллетенях” Общества испытателей природы.

2) Обработал маммалогические сборы поездки 1927 г. в Уральскую губернию. Работа эта опубликована в I выпуске “Трудов Центральной лесной опытной станции”.

3) Напечатал в том же выпуске статью “Стационарное распределение позвоночных в Погонно-Лосином острове”.

4) Сдал для печати в журнал “Пушное дело” две статьи: “К методике исследования меха млекопитающих” (напечатана в № 8—9) и “Сурок на Южном Урале” (напечатана в № 10).

5) Сдал в печать (“Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов I М.Г. Университета”, № 1—2) статью “Строение меха и линька белки”.

6) Составил каталог литературы по фауне млекопитающих европейской части Союза.

7) Пользуясь литературными источниками, личными наблюдениями и анкетными опросами охотничьих организаций, собрал обширный материал по распространению млекопитающих европейской части Союза, который дает мне возможность изучить вопрос зависимости распространения млекопитающих от различных экологических условий. Доклад об этой работе был прочитан на зоологическом семинарии I МГУ и на семинарии экскурсоводов зоопарка.

8) Совместно с сотрудниками Станции Д.М. Вяжлинским и А.Ф. Чирковой, под общим руководством проф. Б.М. Житкова, написал ряд статей по биологии и систематике различных пушных форм; работа эта должна послужить научной основой для переработки пушного стандарта и начата печатанием в “Пушном деле” (№ 10).

9) Был командирован Отделом биологии и промысловой охоты, на средства Центральной пушной конвенции РСФСР, в Восточное Забайкалье, сроком с 8/VI по 2/IX. За время этой поездки была собрана коллекция млекопитающих из 525 шкурок и обследованы охотничьи промыслы этого района. В настоящее время я уже приступил к обработке собранных коллекций.

10) Разобрал и разложил в систематическом порядке маммалогическую коллекцию Станции.

11) Во время работы на Станции пополнил маммалогическую коллекцию сборами в Погонно-Лосином острове и некоторых других угодьях окрестностей г. Москвы.

12) Кроме текущих работ в лаборатории Станции заведовал научными коллекциями».

Работа велась не только на территории самой биостанции. Ее молодые сотрудники, в том числе и Борис Кузнецов, иногда самостоятельно на средства станции, иногда в составе других экспедиций работали в разных районах страны: в Туруханском крае, на Южном Урале, в Верхнем Поволжье, бассейне Печоры, Пермской губернии, Московской губернии. Одними из первых экспедиций Бориса Александровича стали поездки на Урал: сначала в Оренбургскую губернию, затем в Уральскую губернию Казахстана. После обеих поездок вышли его работы, взаимно дополняющие друг друга, в которых описываются коллекции собранных им млекопитающих: «Млекопитающие степей Южного Урала» (1927) и «Заметки по фауне млекопитающих Уральской губернии» (1928).

В 1928 г. Б.А. Кузнецов отправился в длительную экспедицию в Восточное Забайкалье, где обследовал горы Яблонового хребта и равнины Даурии, в результате чего была написана работа «Зверовые промыслы Восточного Забайкалья». Задачами поездки было изучение охотничьих промыслов Восточного Забайкалья и фауны млекопитающих этого района, до последнего времени остававшейся почти не исследованной. Район, обследованный молодым зоологом, был довольно обширен и составлял часть бывшей Забайкальской области, ограниченную с запада и севера Яблоновым хребтом; с востока русско-маньчжурской границей, тянущейся по течению реки Аргуни, с юга русско-монгольской границей на протяжении от южной оконечности Яблонового хребта до реки Аргуни. По приезде на выбранную им центральную базу в Нерчинске Б.А. Кузнецов после

расспросов местных жителей и изучения карт составил дальнейший маршрут своей экспедиции так, чтобы, пересекая Восточное Забайкалье с севера на юг, ознакомиться со всеми физико-географическими областями. В каждой из них был выбран пункт для временной базы экспедиции, где можно работать стационарно. Всего их было шесть: город Нерчинск (лесостепь) и село Калинино (леса Ундинского хребта), Зюльзикан (тайга предгорьев Яблонового хребта), Кыкер (горная тайга того же хребта), Старый Чиндант (холмистая степь), Кулусутай (равнинная степь). Живя в этих пунктах, Б.А. Кузнецов совершал экскурсии в разных направлениях в радиусе 15—20 верст. Вся поездка длилась почти три месяца, из которых около 20 дней ушло на переезды по железной дороге.

Кроме сбора научных материалов, Борис Александрович в полной мере испытал и романтику путешествия: «Мне вспоминаются мои нередкие ночлеги у костра среди глухой тайги, в горах Яблонового хребта, где я бродил в середине августа. Сидя у чуть тлеющего огня, невольно прислушиваешься к звукам тайги. Тихо вокруг. Лишь изредка донесется откуда-то глухой крик совы или на ближайшей россыпи раздастся свист потревоженной кем-то пищухи. Но вдруг громкий, похожий на глухой лай большой собаки крик прорезает безмолвие ночи, постепенно замирая вдали. В ответ на него уже несется откуда-то такой же крик. То перекликаются между собою два гурана, вызывая друг друга на бой».

Изучались и ближайшие к Москве окрестности. В 1908 г. недалеко от Малоярославца была основана детская колония. Ее главный поселок с большой двухэтажной школой, общежитиями учеников и воспитателей, кухней, электростанцией, полуразвалившимися бараками, скотным двором и амбаром, а также находящаяся в версте от поселка ферма были расположены на берегу речки Репинки. Здесь сохранилась большая колония черных крыс, живущих повсюду, во всех постройках. «Угроза воз-

можного скорого исчезновения делает крайне желательным детальное изучение как систематики, так и биологии этого интересного грызуна. А между тем наши сведения о черной крысе очень бедны. Благодаря поддержке биологической станции ЦЛОС, я смог побывать в этом городке и изучить — правда, очень поверхностно — интересовавшую меня колонию черных крыс. Моя поездка длилась всего четыре дня — с 10 по 14 мая 1927 г. За это время мною была собрана коллекция из 76 шкурок мелких млекопитающих, из которых 26 шкурок принадлежало черным крысам», — писал Б.А. Кузнецов в 1930 г. в работе, посвященной этим грызунам.

На биологической станции был заложен интерес Бориса Александровича и к пушному делу. В отчете о деятельности станции Б.М. Житков писал: «Велись работы по исследованию пушного покрова отдельных пушных видов (Б.А. Кузнецов «Строение меха и линька белки»). Все работы по пушному делу, которые имеют большое практическое значение, велись Станцией в постоянном соглашении с потребностями пушных отделов Наркомторга СССР и Наркомторга РСФСР. Станция находится в постоянной связи с научными учреждениями Западной Европы, Соединенных Штатов и Канады... Сотрудниками Станции Д.М. Вяжлинским, Б.А. Кузнецовым и А.Ф. Чирковой, под редакцией заведующего Станцией, выполнена значительная подготовительная работа к пересмотру Всесоюзного пушного стандарта. Именно, составлены очерки систематики всех пушных видов стандарта, описание географического распространения подвидов для сопоставления таковых с кряжами стандарта, а для некоторых видов разработаны данные о строении меха и проекты изменений и сокращений, в которых нуждается теперешний стандарт».

Борис Александрович проработал на биостанции почти семь лет, до 1930 г., когда по окончании аспирантуры был оставлен

на кафедре зоологии и сравнительной анатомии позвоночных Московского университета. Он был зачислен сначала ассистентом, а затем доцентом кафедры. Вплоть до 1936 г. Б.А. Кузнецов вел здесь практические занятия по зоологии и два специальных курса по вопросам прикладной зоологии. В 1935 г. ученый совет присвоил ему без защиты ученую степень кандидата биологических наук.

С окончанием аспирантуры и работы на биостанции связаны и изменения в личной жизни Б.А. Кузнецова. Здесь, в «Лосинке», он познакомился с очаровательной дочерью лесовода В.М. Арциховского Надеждой. Владимир Мартынович работал в «Тимирязевке», заведуя одной из кафедр, там же обучалась его дочь, которой по воле обстоятельств приходилось бывать в Лосино-Островском лесничестве. В 1930 г. Борис Александрович и Надежда Владимировна поженились. В 1931 г. у них родился первый сын, Владимир, который пошел по стопам отца, а позже и второй — Алексей.

С воспитанием детей у Бориса Александровича связано увлечение филателией, позволявшее и немного отдохнуть, и удовлетворить любопытство в познании мира, столь ярко проявлявшееся у него. Незадолго до войны, когда Владимиру было лет 9—10, тот увлекся марками, в чем, естественно, отец всячески его поощрял и содействовал ему столь активно, что и сам увлекся. И хотя у сына увлечение прошло довольно скоро, Борис Александрович продолжал очень азартно собирать марки всего мира и стал обладателем одной из крупнейших филателистических коллекций — он вошел в первую десятку московских коллекционеров, имел около 50 тысяч марок. Позже многие из них он продал, оставив только марки дореволюционной и Советской России и марки, так или иначе связанные с зоологией.

О силе увлечения Б.А. Кузнецова марками свидетельствует случай, который произошел с ним в Монголии, куда он нена-

долго приехал осенью 1964 г. По приезде в эту страну он получил массу старых монгольских денег и, увидел марки с Чингисханом, тут же потратил практически все на приобретение этих редкостей. После этого оставшегося без денег Бориса Александровича его коллегам пришлось даже временами подкармливать.

В 1930 г. произошло еще одно важное событие, определившее судьбу Б.А. Кузнецова. В этом году был образован Всесоюзный зоотехнический институт пушно-сырьевого хозяйства Народного Комиссариата внешней торговли (впоследствии переименованный в Московский зоотехнический институт, а затем в Московский пушно-меховой институт), и Б.А. Кузнецов был приглашен для работы в этом институте. Как отмечал его директор И.М. Медведев, это было «единственное высшее учебное заведение в СССР, готовящее охотоведов высшей квалификации и зоотехников по специальностям: звероводство, овцеводство и птицеводство». Борис Александрович занял здесь должность штатного профессора, заведующего кафедрой пушного товароведения, не оставляя при этом и работы в Московском университете. Три основных направления были выбраны им для своей научной и педагогической деятельности: фаунистика и зоогеография, прикладная зоология (охотничье хозяйство, звероводство, борьба с вредителями сельского хозяйства), товароведение пушно-мехового сырья. Курсы экологии животных, зоогеографии, товароведения пушно-мехового и кожевенного сырья прослушали многие и ныне здравствующие охотоведы и зоологи.

Четверть века работы в этом институте, до самой его ликвидации в 1955 г., — целая эпоха и в жизни Бориса Александровича, и в прикладной зоологии страны. С полным правом он считал институт своим детищем. В течение многих лет Б.А. Кузнецов был деканом звероводно-охотоведческого и товароведческого факультетов.

В силу определенной изолированности института преподаватели, работавшие в нем, были близки между собой и позволяли друг другу выходки, которые многим могли бы показаться по крайней мере не очень красивыми. Среди зоологов и шутки были «зоологические». Известна такая история. Дядя Петя раздобыл выделанную «серьгу» лося, показал Борису Александровичу и спросил, что это такое. Тот крутил ее, крутил и то ли в шутку, то ли всерьез со смехом сказал, что это хвост гамадрила. Дядя Петя, конечно, всем рассказал, что уличил Б.А. Кузнецова в незнании. Борис Александрович не остался в долгу. Он снял шкурку с уха лося, выделал ее и обрезал таким образом, что она стала напоминать распластанную шкурку маленького зверька. Ее-то он и дал дяде Пете для определения. Тот заявил, что это шкурка то ли слепыша, то ли еще кого-то. Борис Александрович тут же выскочил от Петра Александровича с известием, что он ему отомстил. Многие, правда, говорили, что это нечестная игра, удар ниже пояса: и шкурка обрезана, и дядя Петя в это время видел очень слабо. Но все это были шутки. И именно как к шуткам к ним и следует относиться.

В 1939 г. преподавать генетику в Пушмех пришла П.И. Левитина. До конца войны она была ученым секретарем института. Жизнь ее сложилась так, что она закончила школу на два года раньше обычного. В результате впоследствии в любой компании она оказывалась самой молодой среди преподавателей. Борис Александрович, тоже самый молодой из профессоров, был очень живым, подвижным, самоуверенным, любил пошутить. У них с Полиной Ильиничной сложились очень теплые отношения, превратившиеся со временем в настоящую дружбу, сохранившуюся до последних дней жизни Бориса Александровича. Как и своим домашним, он писал ей много писем. И благодаря любезности П.И. Левитиной, позволившей с ними ознакомить-

ся, удалось узнать многие подробности жизни Бориса Александровича в экспедициях и многочисленных поездках по стране.

В 1941 г. вышел первый том «Трудов Московского Зоотехнического Института», где были опубликованы три статьи Б.А. Кузнецова, которые явились отражением уже сделанных основательных работ и своего рода тезисами дальнейших его исследований. Несомненный интерес представляет работа «Абберативная изменчивость окраски пушных зверей». Борису Александровичу удалось собрать весьма богатую, интересную коллекцию шкурок цветных аберративных форм разных видов пушных зверей. Изучение этой коллекции, как и литературных данных, определенно показало наличие нескольких хорошо выраженных направлений аберративной изменчивости окраски волосяного покрова пушных зверей и возможность создать определенную систему различных типов этой изменчивости. Такую систему разработал Б.А. Кузнецов, однако, поскольку наследственность признаков была в то время изучена еще очень слабо, он не касался их генетической сущности. Позже, уже во время работы в Тимирязевской академии, он вновь вернулся к этой теме и в 1970 г. уже с учетом данных по генетике написал крайне интересную статью «Возможность применения закона гомологических рядов изменчивости Н.И. Вавилова в изучении меховых товаров», в которой к разработанной им системе применил закон, выявленный Н.И. Вавиловым на растениях.

Началась война. Осенью занятия продолжались недолго: встал вопрос об эвакуации Института. Борис Александрович приезжал из Москвы в лыжном костюме, в лыжных ботинках, с рюкзаком, в котором было одеяло, комплект белья, какие-то книги и рукописи. До самого дня эвакуации они с отцом почти ежедневно дежурили на крыше своего дома и сбрасывали оттуда зажигательные бомбы. Во дворе дома выкопали бомбоубежище, но ни Борис Александрович, ни его сестра, ни их отец туда не спускались.

Накануне 16 октября в институте было собрание, на котором уже рассматривался вопрос об эвакуации в Самарканд. Дней через десять начался переезд: сначала уехала администрация, затем группами сотрудники института. Уезжали, кто как мог.

После отъезда Б.А. Кузнецова с институтом в Самарканд в доме в Еропкинском переулке остались Ирина Александровна с родителями. Жена Бориса Александровича, Надежда Владимировна, с детьми была эвакуирована в Уфу.

Дорога была долгой и сложной. Борис Александрович писал в одном из писем: «*Наконец 20 ноября прибыли в Самарканд. Учебные занятия начинаем с 24/XI*». Пушно-меховой институт разместили в Научно-исследовательском институте каракулеводства. В этом же здании разместился Главк Союзпушнины, с которым по роду своей работы Б.А. Кузнецову приходилось часто иметь дело.

«*Работы очень много, но это и хорошо, т.к. сидеть дома очень тоскливо. По выходным дням я ухожу с тремя мальчуганами — сыновьями наших профессоров бродить по окрестностям в радиусе 15—20 верст. Изучаем не только город, но и окрестности*», — рассказывал Борис Александрович своей сестре, поздравляя ее с новым, 1942 годом. А в одном из последующих писем писал ей: «*Завтра, как и в другие воскресенья, отправляюсь с моей гвардией — ребятами за город — за 15 км из Зарившан. Это очень хорошо проветривает мозги. Ребята очень хорошие, во мне души не чают и слушаются беспрекословно. Мы с ними путешествуем, коллекционируем. День рождения я также провел с ними. Сидели весь вечер, обсуждали зоологические и марочные дела, пили вино (выпили 2 бутылки) и дулись в карты (в дураки). Учеба в институте замерла, студенты разъехались на посевную*». Среди этих ребят был и 14-летний Володя, будущий академик В.Е. Соколов, который по воспоми-

наниям очевидцев по воскресеньям ни свет ни заря являлся к дому, около которого все они встречались, чтобы отправиться на очередную зоологическую экскурсию.

Наступившая весна — один из самых тяжелых периодов во время пребывания в эвакуации. В письме П.И. Левитиной от 27 марта 1942 г. Борис Александрович писал: «*У нас в Ин-те — зеленая тоска. Стало совсем пусто, т.к. разъехались охотоведы V курса. Я, чтобы не сбеситься с тоски, занялся: 1) Организацией при Ин-те курсов по силосованию и птицеводству. 2) По поручению Обкома составляю план развития птицеводства в области (мой доклад был полностью принят). 3) По просьбе горкома профсоюза обследую работу "Тимирязевки". 4) Совместно с Краевским обследую одно из пригородных огородных х-в. Видите, какая "бурная" и разносторонняя деятельность.*

Но все же все это не способно заполнить день, да и нельзя сказать, чтобы оно меня полностью удовлетворяло».

Привлечение студентов к сельскохозяйственным работам освободило для преподавателей еще больше времени. «*Чтобы убить время, занимаюсь массой посторонних дел. Закончил руководство к курсам по тракторному делу и брынзоварению для наших студентов, уезжающих на посевную. Сейчас организую курсы для колхозного актива по силосованию, искусственному осеменению и птицеводству. Составил по поручению обкома план развития птицеводства Самаркандской области. Изучаю английский язык. Руковожу огородами нашего коллектива. Назначен начальником по озеленению участка нашего института, гоняю наших профессоров с носилками копать грузди и сажать деревья (а сам ничего не делаю). Обследую работу Тимирязевской академии. И проч., и проч.*» — это из письма Ирине Александровне от 4.04.42.

Один из немногих просветов периода эвакуации — путешествия. Борис Александрович любил их и много путешествовал не только по ближайшим окрестностям Самарканда с зоологическими целями, но и по отдаленным его окрестностям и с совершенно другими целями. Уже в марте 1942 г. он извещает своих домашних о предстоящих командировках в каракулеводческие совхозы на бонитировку ягнят, на заводы по переработке кожевенного сырья. Интерес к кожевенному сырью рос постепенно, после долгих поисков удалось наконец найти дело — важное, полезное и интересное. Впоследствии изучение кожевенного сырья привело к созданию нового факультета в институте, а весной и в начале лета 1942 г. давало возможность отвлечься от переживаний за домашних, от вынужденного безделья и нахлынувшей тоски.

«*Я опять собрался уезжать из Самарканда в г. Чарджуй на заводы по переработке каракульских шкурок. ... Сначала еду в Улус, просматриваю там сырье и данные бонитировки, гружу товар на машину и с ним еду в Бухару на завод. Здесь создаю комиссию специалистов для его оценки.*

... Я этот материал уже обработал как товаровед и получил иные выводы, чем зоотехники, слабо разбирающиеся в сортировке. Я сообщил эти данные Главпушнине — они ими очень заинтересовались».

Поездки не прошли даром ни для здоровья, ни для науки. В конце августа 1942 г. врач определил тяжелую форму брюшного тифа. Болезнь протекала целых полтора месяца, но, к счастью, без осложнений. После болезни Борис Александрович настолько соскучился по активной деятельности, что работа над книгой шла полным ходом. Накануне 1943 г. он писал: «*Работы в институте нет. Все студенты убирают свеклу и хлопок. С увлечением пишу большую книгу по кожевенным това-*

рам. Написал уже 10 печатных листов. Всего же будет около 40. Надеюсь напечатать после войны».

Обстановка на фронте постепенно улучшалась, и появлялось все больше надежды на скорое возвращение из эвакуации. 23 февраля 1943 г., в свой день рождения, Борис Александрович уехал из Самарканда и в марте уже вернулся в Москву, хотя институт еще оставался в эвакуации.

По возвращении в Москву Б.А. Кузнецов занялся организацией товароведческого факультета. Дела захватили его, и в одном из писем П.И. Левитиной (от 22.04.43) он пишет: «*Моя инициатива об открытии товароведческого ф-та в нашем институте увенчалась успехом. В СНК направлена бумага за подписью Наркомзага Субботина и Карманова с просьбой срочно создать этот факультет.*

Сегодня эта бумага пришла в Наркомат. Но вопрос уже, по-видимому, положительно решен. Прием увеличивается на 400 человек».

Семья Бориса Александровича вернулась из Уфы в сентябре—декабре того же года, и наконец все собрались вместе после продолжительной разлуки. Еще летом удалось получить землю под огороды. «*Мы с отцом стали крупными плантаторами (к сожалению, без негров). Получили 500 м под огороды — на Воробьевке, в Соколе, в Балашихе. Вот и мечемся с ним и с сестрами по всем этим участкам. Трудновато — но зато на зиму будем обеспечены овощами*» (из письма П.И. Левитиной от 22.IV.43).

Б.А. Кузнецов, создавший и возглавивший кафедру товароведения и технологии животного сырья, собрал преподавательский коллектив, самый сильный по своему составу не только на факультете, но и во всем институте. Кафедра была и самой большой по количеству преподававшихся предметов. И.М. Орлов пришел в Институт после войны, уже в солидном для студента

возрасте — ему минуло 27 лет. Он и Е.В. Гаевой стали одними из первых аспирантов Бориса Александровича на кафедре товароведения.

Зимой 1947/48 г. в институте были проведены две научные конференции. На них Б.А. Кузнецов выступал с резкой критикой теорий Т.Д. Лысенко.

Сессия ВАСХНИЛ 1948 г. не прошла мимо Бориса Александровича: приказом Министерства высшего образования он был освобожден от работы декана товароведческого факультета. П.Г. Репьев, в прошлом сотрудник МПМИ, а затем ВСХИЗО, в связи с этим фактом рассказал интересный эпизод. В экзаменационные билеты, как и полагалось, был включен вопрос о значении сессии для пушно-мехового хозяйства. Один из студентов, Лев Вершинин, сдавал экзамен Борису Александровичу. Он попросил разрешения ответить сначала на второй и третий вопросы, касающиеся непосредственно предмета. Отлично на них ответил. Вернувшись к первому вопросу, прямо заявил, что он не знает на него ответа. «Разве что Вас сняли с деканов факультета». Ответ вызвал восторг Бориса Александровича, поставившего студенту «отлично».

В период с 1943 по 1945 г. Б.А. Кузнецов, кроме своей основной работы в Пушмехе, руководил зоологической работой заповедников СССР: он был главным зоологом в Главном управлении по заповедникам.

Публикация фаунистических работ, начатая еще в 1928 г. статьей «Млекопитающие степной полосы Южного Урала», особенно активно была продолжена Б.А. Кузнецовым в конце 40-х — начале 50-х годов. «Млекопитающие Казахстана» (1948), «Звери Киргизии» (1948), «Охотничье-промысловые звери Курильских островов» (1949), «Фауна млекопитающих Молдавии» (1952), «Материалы по фауне млекопитающих Литовской ССР» (1954) — все это работы, написанные на оригинальном мате-

риале, собранном в многочисленных экспедициях. Все они были обобщены в свое время и послужили основой для зоогеографического районирования страны, которое воплотилось в «Очерке зоогеографического районирования СССР» (1950).

В этой книге Б.А. Кузнецов сделал попытку дать критический анализ схем зоогеографического районирования СССР, предложенных различными авторами, и наметить новую систему деления территории Советского Союза на зоогеографические участки. Ко времени написания «Очерка ... » териологами нашей страны, в том числе и самим Борисом Александровичем, был собран огромный материал о распространении отдельных видов млекопитающих отечественной фауны и существовала настоятельная необходимость обобщения этого материала. Попытка такого обобщения и была сделана в этой книге.

Проанализировав в своей работе взгляды на районирование Палеарктики других зоогеографов (начиная от Склэтера, Уоллеса и Н.А. Северцова и заканчивая М.А. Мензбиром, В.Г. Гептнером, Г.П. Дементьевым и А.П. Семеновым-Тян-Шанским), Б.А. Кузнецов высказал сомнение в правильности сложившегося представления о выделении четырех подобластей Палеарктики.

Тщательное изучение распространения отдельных видов млекопитающих и их исторически сложившихся комплексов позволило Б.А. Кузнецову выделить основные зоогеографические области Палеарктики и лежащие между ними переходные зоны.

Эта работа имела огромное значение и во время выхода в свет, и спустя десятилетия. Капитальные зоогеографические работы были и у Н.А. Бобринского, В.Г. Гептнера, М.А. Мензбира. Но проблема зоогеографического районирования Советского Союза, огромного по своей территории, продолжала оставаться крайне актуальной. Спустя много лет после выхода в свет этой книги В.В. Кучерук (1972), анализировавший взгляды русских зоологов на зоогеографию, отмечал, что именно работа Б.А.

Кузнецова в териологии наиболее адекватно отражает зоогеографическое районирование Евразии.

Наступил 1953 год, принесший смерть Сталина. И хотя внешне все выглядело по-прежнему устойчиво, почти незыблемо, перемены должны были грянуть. Сессия Верховного Совета СССР в августе 1953 г. обозначила поворот в экономике страны и реорганизации управления народным хозяйством. Приближался 1956 год — год начала нового экономического плана.

Все это не могло не затронуть и судьбу Московского пушно-мехового института, вокруг которого велась какая-то борьба. Особенно заметна она была между московскими и иркутскими охотоведами. К тому же идея расчистки Москвы от лишних учреждений тогда вдруг стала популярной, а недавно сменившийся директор института не принял всерьез нависшей угрозы. Слухи о ликвидации МПМИ вскоре подтвердились. Сейчас, когда яснее становятся процессы, происходившие в стране, уничтожение Пушмеха вполне укладывается в то русло, в котором развивалась отечественная наука. Тем не менее для многих сотрудников ликвидация их института грянула как гром среди ясного неба. Борис Александрович, который отдал институту столько сил, был потрясен, очень переживал по этому поводу.

Пришлось вновь заниматься организационными делами. *«Волею судеб (воплощенной в лице нашего партбюро) мне все же приходится браться за деканство на товароведческом ф-те. По сему случаю в Ин-те говорят — "Кузнецов родил товар. ф-т, он его и убьет". Сейчас веду переговоры с Ветер. Академией о штатах и людях ф-та. Нужно рекомендовать преподавателей, которых будем включать в штат ф-та... В Ин-те все еще "смутное время". Этот год будем заниматься нормально, как в прошлом году, кроме I к., куда принимают только товароведов (100 ч). Нам, товароведам, все очень завидуют. Я сейчас вроде*

богатой и привередливой невесты ищу жениха — т.е. Ин-т, где удобнее всего было бы устроить ф-т и кафедру» (из письма П.И. Левитиной, лето 1954 г.).

Пушмех в один момент был развеян по всей стране. Охотоведческий факультет отправили в Иркутск, каракулеводов — в Самарканд, звероводов — в Барнаул. Остатки ликвидированного института — ветеринары и часть товароведов — были переданы в ведение Московской ветеринарной академии, и студенты, отучившиеся четыре года в пушно-меховом, пятый курс заканчивали в ветакадемии. В 1955 г. Борис Александрович стал заведовать здесь кафедрой товароведения животного сырья и одновременно был назначен деканом факультета и проректором академии.

В 1956 г. неустроенность, вызванная закрытием Пушномехового института и неопределенностью пребывания в ветакадемиии, кончилась: Б.А. Кузнецова пригласили читать лекции по зоологии в Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева — бывшей Петровской академии, и он возглавил здесь кафедру зоологии и дарвинизма. В разное время в «Тимирязевке» учились и работали многие известные зоологи, охотоведы, звероводы. В Московском сельскохозяйственном институте, как некоторое время называлась академия, учился и П.А. Мантейфель. Одним из его учителей здесь был Н.М. Кулагин, памяти которого посвятил некоторые свои работы Борис Александрович.

«Сейчас готовлю кафедру к началу занятий. Будет очень трудно. Занятия, прежде растянутые на 10 месяцев, теперь будут сконцентрированы в 4 месяца. ... Что-то из этих новых планов получится? ... Знания поступивших очень слабые. Поэтому преподавать на I курсе будет весьма трудно. Пока не начались занятия — кончаю свою большую работу по зверям Китая» (из письма П.И. Левитиной, 1957 г.).

Здесь, в Тимирязевской академии, Б.А. Кузнецов проработал до конца своей жизни, продолжая активно исследовать те проблемы, которые были намечены раньше, готовить специалистов по этим отраслям зоологии.

В академии было начато издание учебных пособий по зоологии для сельскохозяйственных вузов. Первым стал подготовленный вместе с А.З. Черновым учебник по зоологии, вышедший впервые в 1963 г. и затем неоднократно переиздававшийся. В этот же период им были опубликованы монографии по вопросам охотоведения: «Биотехнические мероприятия в охотничьем хозяйстве» (1967, 1974), «Дичеразведение» (1972). Не оставлена была и классическая зоология — он выпустил трехтомный «Определитель позвоночных животных фауны СССР».

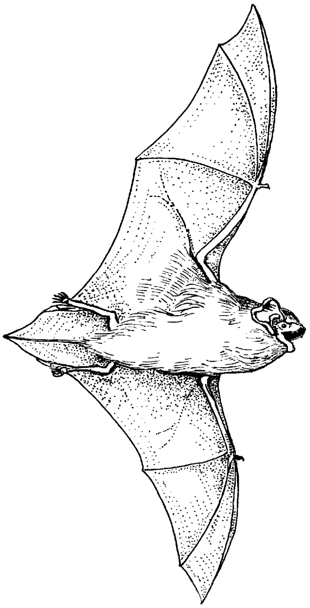
Собирая материал о жизни Бориса Александровича, я встречался со многими людьми, которые знали его. Они рассказывали много самых разнообразных эпизодов из его жизни, из жизни людей, его окружавших. Не могу не выразить свою искреннюю признательность сестре Бориса Александровича И.А. Кузнецовой, которая не только предоставила возможность ознакомиться со многими документами и фотографиями из своего домашнего архива и любезно позволила часть из них опубликовать, но и поделилась воспоминаниями о жизни семьи и самого Бориса Александровича в разные годы; П.И. Левитиной, также позволившей ознакомиться с ее домашним архивом, любезно разрешившей опубликовать выдержки из писем Бориса Александровича к ней и много рассказавшей о периоде работы Б.А. Кузнецова в Пушно-меховом институте и времени его эвакуации в Среднюю Азию; И.М. Орлову, работавшему с Борисом Александровичем на кафедре товароведения пушно-мехового сырья, рассказавшему об этой стороне его деятельности; В.С. Лобачеву, предоставившему мне для работы свой домашний архив и некоторые фотографии периода работы Бориса Александ-

ровича на Центрально-Лесной опытной станции; В.С. Шишкину, своими советами и рассказами об истории зоологии во многом способствовавшему написанию этого очерка.

В.В. Рожнов

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ КУЗЯКИН

1915–1988



Александр Петрович Кузякин прочно вписал свое имя в отечественную териологию и териогеографию. В этих сферах научной деятельности он развивал несколько основных направлений — систематику, ландшафтную зоогеографию, экологию, медицинскую и сельскохозяйственную зоологию. Его работы отличаются разносторонностью объектов и мест исследований, четкостью поставленных задач и глубиной вскрытия причин, тенденций и закономерностей природных явлений в сочетании с ясностью их показа.

Александр Петрович родился 2 февраля 1915 г. в с. Большие Кармаки (ныне Успенское) Тюменского уезда Тобольской губернии в большой крестьянской семье. Мать его умерла, когда маленькому Шуре было всего 2 года. Отец женился на женщине, у которой было четверо детей в добавок к 10 детям первой семьи. Отец был «крепким» хозяйственным крестьянином и все дети были вовлечены в сельскохозяйственные работы. С малых лет Шура пас гусей, затем свиней, потом коров и лошадей. Во время пастьбы он очень интересовался жизнью окружающих его животных, пытался узнать их названия, образ жизни. Наблюдений было множество, а знаний не хватало. На счастье, в Успенке жил и работал в школе очень грамотный биолог, который сразу приметил молодого Кузякина и много рассказывал ему и объяснял. Простые наблюдения стали принимать форму системы знаний по зоологии.

Когда старшие сестры выросли и вышли замуж, семья начала постепенно распадаться. Сестра Евдокия взяла Шуру в свою семью в Тюмень. Там он жил с 1922 г. В 1923 г. Шура

начал посещать краеведческий музей. Здесь на него обратил внимание пожилой препаратор А.М. Кузнецов, который в молодости был проводником Альфреда Брема по южной Сибири и Казахстану. Он стал для Александра Петровича неформальным учителем и наставником по биологии.

Осенью 1927 г. Саша познакомился с преподавателем биологии Тюменского педагогического техникума Ф.Ф. Ларионовым, отцом впоследствии известных ученых — онколога Леонида Федоровича и орнитолога Вячеслава Федоровича Ларионовых. Федор Филиппович в воскресные дни водил своих кружковцев в окрестные леса. Александр Петрович впервые узнал и запомнил латинские названия птиц, научился различать их по внешнему виду и голосам. Такие экскурсии, расширяющие биологические знания, продолжались в течение трех лет.

Часто один счастливый случай может предопределить человеку выбор его профессии. Для Александра Петровича им стало чтение в библиотеке Тюменского музея книги «Украинский степной заповедник Чапли (Аскания-Нова)». Прекрасно иллюстрированная, с увлекательными рассказами о животных, она произвела сильнейшее впечатление на подростка. Он принимает решение поехать туда и стать зоологом. На фоне его интересов это было совершенно закономерно.

В 1929 г. поголовная коллективизация сельского хозяйства затронула и семью Кузякиных. Отца расстреляли. Шура вынужден был бросить школу, не закончив 7-го класса. Сбежав от местных властей, он добрался до Москвы, преимущественно в багажных ящиках под вагонами. Было ему тогда 14 лет.

В Москве он первым делом пошел в зоопарк. Зоологическое любопытство привело его к П.А. Мантейфелю, которому юноша полюбился. Он пристроил Шуру на временную работу, поселив на лавке в узкой каморке рядом с крысятником. Работая в зоопарке, Александр Петрович совершил ряд поездок по

стране. Зимой 1930—1931 г. он был помощником руководителя по заготовке живых хищников на Северном Урале. Летом 1931 г. параллельно с С.П. Наумовым проводил занятия по полевой практике студентов-охотоведов на Средней Волге. С апреля по июнь 1932 г. с двумя членами кружка юных биологов зоопарка он занимался заготовкой живых пресмыкающихся в Туркмении. Попутно собирались мелкие зверьки — землеройки, рукокрылые и грызуны. В сентябре того же года Александр Петрович был командирован в Ташкент для закупки винограда для приматов. Во время этой поездки он познакомился с доцентом местного университета Р.Н. Мекленбурцевым, занимавшимся летучими мышами и научился у него добывать летающих зверьков и правильно обрабатывать их для научных коллекций. За две недели командировки Александр Петрович сумел добыть девять видов рукокрылых. Так изучение летучих мышей стало для А.П. Кузякина делом всей его жизни. Вернувшись в Москву, он передал собранных рукокрылых в лабораторию профессора Московского университета С.И. Огнева, который предоставил молодому коллектору место для их обработки. Александр Петрович на несколько лет оказался в окружении А.Н. Формозова, А.Г. Томилина, Н.А. Бобринского, С.У. Строганова, П.А. Свириденко, И.Д. Кириса, А.М. Колосова, Б.М. Житкова, Н.П. Наумова. Общение с ними оказало несомненное воздействие на становление молодого исследователя.

В 1932 г. А.П. Кузякин поступил на рабфак при Московском институте пушно-мехового хозяйства (в Балашихе). В летние каникулы 1933 г. по рекомендации С.С. Фолитарека он занимался изучением биологии и промысла крота в Тульских засеках. Итогом этой поездки стала работа «Материалы по биологии крота (*Talpa europaea* L.) тульского широколиственного леса» (1935).

В 1935 г. Александр Петрович перевелся в Московский университет, а ранее, в 1934 г., он подписал с Зоологическим инсти-

тутом АН СССР издательский договор на подготовку монографии по рукокрылым для серии «Фауна СССР». Инструкция для авторов серии, кроме морфологической характеристики, распространения и биологии, требовала излагать хотя бы предположительные родственные соотношения с таксонами того же ранга. Последнее условие Александр Петрович счел самой важной, самой научной частью любой систематической монографии. Занявшись этим вопросом, он обнаружил в фауне СССР 8 пар близких видов с общими (перекрещивающимися) ареалами. Пары этих ареалов располагались так, что и в прошлом они не были разобщены, т.е. их перекрывание было первичным. При морфологической близости, отсутствии переходных форм и первичной общности пространственного распределения было непонятно, как мог один вид произойти от другого, чтобы крайние формы их сохранились, а промежуточные вымерли. Обнаруженные факты не укладывались в дарвинскую схему дивергенции.

После длительного осмысления пришла идея, что новые виды возникли не путем географической дивергенции, а внутри ареала родоначального вида в форме качественного скачка, подобно, например, образованию полиплоидных видов у растений. С тех пор эта идея неотступно преследовала, отвлекала от других дел и вызывала сомнение в правильности. Для ее подтверждения или опровержения понадобилось подобрать как можно больше фактического материала. С этой целью Александр Петрович обработал коллекции многих музеев, а также провел наблюдения и сборы в естественных местах обитания рукокрылых. Эти сборы послужили началом его собственной обширной коллекции зверьков. Мы останавливаемся на деталях потому, что Александр Петрович оценивал пришедшую идею как самое существенное из всего сделанного им в науке.

В 1938 г., закончив текст монографии по рукокрылым фауны СССР, которая не была опубликована в серии «Фауна

СССР», ибо многие ее ответственные редакторы не могли пойти на издание «революционной» работы, А.П. Кузякин приступил к изложению своей теории вида и видообразования. В 1939 г. смысл теории был доложен на заседании секции зоологии МОИП. После доработки ряда разделов, состоялось второе выступление Александра Петровича на эту тему и публикация тезисов доклада (1940). В 1941 г. было третье его выступление с докладом на конференции АН Украинской ССР, посвященной теории вида и видообразования. Полный текст теории впервые был напечатан в «Трудах Института зоологии и паразитологии» АН Узбекской ССР (1956). Однако эта публикация была без рисунков, без карт ареалов и с большим количеством опечаток, искажающих смысл. Второе издание полного текста вышло в 1958 г. в «Ученых записках» Московского областного педагогического института (МОПИ) им. Н.К. Крупской. Оно и стало основным.

Можно предположить, что и в жизнь самого Александра Петровича его теория видообразования внесла коррективы. В первые годы расцвета лысенковщины «народный академик» дважды выступал в Московском университете. Одна из его лекций, проходившая в Коммунистической аудитории старого здания на Моховой улице, была посвящена внутривидовой и межвидовой борьбе. Второе выступление состоялось в осеннем семестре 1950 г. в Большой зоологической аудитории на улице Герцена. Его темой было скачкообразное происхождение одного вида из другого: ржи из пшеницы, кукушки из пеночки и т.п. После выступления Т.Д. Лысенко Александр Петрович попытался задать ему вопрос. Начал с того, что в таком-то году он установил у летучих мышей скачкообразное происхождение одного вида из другого. Вопрос еще не был сформулирован, как последовала агрессивная реакция Лысенко, который закричал: «Вы за приоритет? Возьмите его!». Эта реплика академика окончилась для Александра Петровича увольнением из МГУ.

Возвращаясь к научной деятельности А.П. Кузякина, отметим, что с 1935 г. произошло расширение его научных интересов. Это связано с его участием в экспедициях по изучению природных очагов болезней, опасных для человека. Он становится медицинским зоологом, но одновременно продолжает сбор материала по рукокрылым.

Под руководством профессора Н.И. Латышева Александр Петрович принимает участие в работе Таджикского института тропических болезней по изучению очагов клещевого спирохетоза в этой республике. Работает в очагах сезонного (кожного) лейшманиоза в юго-восточной Туркмении. Через два года выходит его первая работа по медицинской зоологии. В ней он впервые показал роль млекопитающих (в данном случае большой песчанки) в очагах кожного лейшманиоза.

В 1940 г. в составе экспедиции Наркомздрава СССР Александр Петрович занимается исследованием природных очагов клещевого и комариного энцефалитов, а также риккетсиозов и геморрагической лихорадки на Дальнем Востоке. Итогом стали две работы, в которых изложены его взгляды о роли различных позвоночных Уссурийского края в эпизоотологии и эпидемиологии клещевого энцефалита.

После окончания МГУ в 1941 г. решением Санитарного управления РККА Александр Петрович был направлен в распоряжение Наркомздрава СССР. По поручению последнего он проводил противоэпидемические работы в московской городской дезинфекционной и наблюдательной противочумной станциях и в местах расположения войск Центрального, Сталинградского и Калининского фронтов. За эти работы А.П. Кузякин был награжден медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Весьма насыщенным для него оказался 1944 г. В середине года вышло в свет первое издание

«Определителя млекопитающих СССР» (авторы — Н.А. Бобринский, Б.А. Кузнецов и А.П. Кузякин). В октябре Александр Петрович окончил аспирантуру, а в декабре защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сезонная пендинка, факторы ее очаговости и меры массовой профилактики». В 1944–1945 гг. Александр Петрович был привлечен к дератизации помещений Кремля и интендантских складов в его Лечебно-санитарном управлении. В 1945–1947 гг. он трижды работал в аральском очаге чумы. В эти же годы внимание А.П. Кузякина привлекла проблема природной очаговости и разработки мер профилактики туляремии. В опубликованных сравнительно небольших статьях автор в числе первых на эпидемиологической основе осуществил районирование огромного нозоареала туляремии и выделил в нем три очаговые области — степную, среднерусскую и Обь-Иртышскую.

В 1948 г. Александр Петрович совершил поездку в Камышин и Сталинград на совещание по созданию государственных лесных полос. Так началось еще одно направление его научной деятельности — сельскохозяйственная зоология. В 1949 г. Александр Петрович руководил комплексным отрядом Московского университета и АН СССР по изучению природных условий района государственной лесной полосы Камышин — Сталинград. В 1950–1952 гг. он возглавлял объединенный зоологический отряд по изысканию и усовершенствованию новых методов защиты лесных насаждений от сусликов и других грызунов.

Свидетельством авторитета А.П. Кузякина в области медицинской и сельскохозяйственной зоологии, сложившегося уже к 1950-м гг., можно считать предложения Н.А. Бобринского и Б.С. Матвеева подготовить разделы в их учебнике «Курс зоологии» («Зоология и народное здравоохранение», 1949; «Вредные в сельском хозяйстве млекопитающие и борьба с ними», 1949), а также редакции «Энциклопедического медицинского

справочника для военных фельдшеров» написать серию статей, что и было им выполнено.

На рубеже 1950—1960-х гг. Александр Петрович вновь занимался сельскохозяйственной териологией: по приглашению С.С. Фолитарека он работал в Барабинской комплексной экспедиции по борьбе с водяной полевкой. В лесостепной полосе Западной Сибири примерно каждое десятилетие этот грызун дает вспышки массового размножения. В прежние годы «крысиной напасти», если с грызунами не велась борьба, урожай на многих тысячах гектаров уничтожался полностью. Не оставалось не только зерна, картофеля и овощей, не хватало даже сена на зимний прокорм скоту. В некоторых местах крестьяне покидали целые деревни, оставляя несколько человек для охраны домов и летней пастьбы скота.

Исследовательские работы проводились в окрестностях села Кама, что в 70 км к северу от города Барабинска. Александр Петрович приезжал на все лето с группой студентов и брал с собой семью — жену Валентину Ивановну и детей Володю и Таню. Работы хватало всем. По инициативе А.П. Кузякина начальник экспедиции С.С. Фолитарек, а по его представлению президиум Сибирского отделения АН СССР и Министерство сельского хозяйства РСФСР начали разработку авиационно-приманочного метода защиты посевов от катастрофически размножившейся водяной полевки. Было ясно, что только с помощью авиации имелись шансы сократить численность вредителя на сотнях тысяч гектаров Новосибирской, Омской и юга Тюменской области. Идея состояла в том, чтобы найти охотно поедаемую полевкой приманку, причем, она должна быть сыпучей, т.е. пригодной для рассева с самолетов и вертолетов.

Авиационно-приманочным методом защиты посевов от водяной полевки, главным разработчиком которого был А.П. Кузякин, в Новосибирской, Омской и на юге Тюменской области

обработаны сотни тысяч гектаров полей. Ведущие авторы метода были удостоены медалей ВДНХ.

В 1950-е гг. продолжилась медико-зоологическая деятельность Александра Петровича. Этот период связан с анализом и обобщением его богатого практического опыта в этой области. В результате из-под его пера вышла серия статей о серых крысах и основных вопросах дератизации. Среди этих работ особого внимания заслуживает «История расселения, современное распространение и места обитания пасюка в СССР...». В ней А.П. Кузякин впервые описал ареал серой крысы в нашей стране и выделил в нем три участка. В работе о размножении крыс в городах убедительно доказывается, что в этих условиях пасюк имеет очень низкую фактическую плодовитость, однако, несмотря на это обстоятельство, серые крысы не только покрывают отход поголовья, происходящий по разным причинам, включая целенаправленное истребление человеком, но и дают неуклонный и весьма значительный прирост. Эти выводы Александра Петровича пришли в противоречие с практикой дератизации, основанной на ложных представлениях, что одна пара крыс в течение года может дать приплод в 850 особей. Именно эти представления одним из первых разрушил А.П. Кузякин. На основе своих выводов он в очередной раз пришел к мысли, что существующая система и методика крысоистребления в городах нуждается в коренном улучшении.

Таким образом, отечественная экология постепенно приходила к осознанию авторегуляции численности популяций. Однако Вторая Всесоюзная экологическая конференция, проходившая еще во времена лысенковщины в 1950 г. в Киеве, наложила табу на изучение факторов эндогенного характера. В результате подготовленная исследованиями отечественных экологов — Н.И. Калабухова, А.П. Кузякина, И.Д. Стрельникова и А.Н. Формозова — теория эндогенной динамики популяций пришла

к нам из-за рубежа в работах Д. Читти, Д. Христиана и Д. Дэвиса.

В этот же период Александр Петрович продолжал заниматься и общими вопросами медицинской зоологии, а также их связью с новым направлением в географической науке — ландшафтной зоогеографией.

А.П. Кузякин, перейдя на педагогическую работу, внес свою лепту в медицинскую зоологию и на этом поприще. Он подготовил и в течение 16 лет (1946—1962 гг.) с некоторым перерывом читал теоретический курс «Медицинская зоология (природные зоонозы и экологические основы их профилактики)» на кафедре военной эпидемиологии Центрального института усовершенствования врачей. Многие годы слушателями курса были студенты биологического и географического факультетов МГУ. Как спецкурс «Медицинская зоология» преподавалась Александром Петровичем студентам биолого-химического и географо-биологического факультетов МОПИ.

В годы работы А.П. Кузякина в Китайской Народной Республике лекции названного выше курса прослушало большое количество аспирантов и преподавателей зоологии и зоогеографии пединститутов и университетов Китая. В 1958 г. в Чанчуне курс был опубликован на китайском языке. Одновременно вышла его брошюра «Вредные грызуны Северо-Восточного Китая, некоторые особенности их образа жизни и методы их истребления», в которой подробно освещались вопросы дератизации. Кроме того, этот курс вошел в учебник Александра Петровича, изданный год спустя также в КНР («Учебник экологии животных», 1959). К сожалению, эти работы, сохранившиеся в его личном архиве, на русском языке так и не увидели свет.

Вернемся в 1950 г., когда была опубликована книга Александра Петровича «Летучие мыши (систематика, образ жизни и польза для сельского и лесного хозяйства)», в которой подве-

ден итог его многолетних исследований этой группы млекопитающих. Этот труд послужил фундаментом докторской диссертации на тему «Рукокрылые Средней и Северной Палеарктики», которую он защитил в том же году. В своей книге Александр Петрович предстал как разносторонний исследователь — эрудированный систематик, тонкий эколог и прозорливый филогенетик. Монография стала важной вехой в отечественной хироптерологии. Все последующие поколения советских исследователей рукокрылых вели отсчет от книги Александра Петровича. Сам он стал признанным лидером в этой области. И в дальнейшем рукокрылые неизменно оставались в центре его внимания.

После создания в 1973 г. Всесоюзного териологического общества АН СССР и образования в нем комиссии по рукокрылым, которую А.П. Кузякин возглавил, его деятельность в этой области получила новый импульс. К 1988 г. совместно с П.П. Стрелковым, М.Ф. Ковтуном и В.А. Орловым проведено четыре всесоюзных совещания по этой группе млекопитающих.

К.К. Панютин, оценивая роль Александра Петровича в изучении рукокрылых СССР, писал (1991), что важнейшей его заслугой «было упорядочение их систематики и таксономии. Во-первых, им была восстановлена система описаний на видовом уровне, вместо явно неудачного и спорного подвидового. Во-вторых, была преодолена процветавшая до этого тенденция «видодробительства», явно тормозившая дальнейшее изучение группы. В-третьих, проведена ревизия обоснованности выделения родов нетопырей, кожанов, двухцветных кожанов и кожанков и они объединены в один полиморфный род кожанов и нетопырей. В-четвертых, осмысленное упорядочение им русских названий этих животных. Для популяризации же рукокрылых в природоохранных целях осмысленные названия их особенно важны».

Появление 2-го издания «Определителя» пришлось на годы апофеоза «подвидоописательства». В последующие десятилетия было показано, что многие из подвидов представляют собой адаптивную географическую изменчивость, не имеющую наследственного характера, как того требует подвидовой статус. «Определитель млекопитающих СССР» был построен на видовом уровне, и на фоне эпохи видового распада стал важным фундаментом сохранения главнейшей таксономической категории — вида.

«Определитель млекопитающих СССР» вошел в золотой фонд отечественной зоологической науки. Помимо прикладного значения, состоящего в определении вида и его распространения, он имел также немаловажное теоретическое значение. Александр Петрович дал достаточно подробный анализ состояния систематики того времени, изложил основные правила биологической номенклатуры, аргументировал систематическое положение некоторых видов внутри системы.

В последние годы жизни А.П. Кузякина в его планах стояла подготовка третьего издания «Определителя». Была проделана большая предварительная работа: продуманы предполагаемые таксономические ревизии ряда групп, набор и структура таблиц с морфометрическими данными, форма картографического материала, иллюстрации, макет книги. Затем начался сбор фактического материала, в котором было задействовано большое количество студентов МОПИ. К сожалению, все это осталось незаконченным.

Мы уже упоминали мнение К.К. Панютина о роли Александра Петровича в упорядочении русских названий рукокрылых. Это не было эпизодом в его деятельности. С 1934 г. и до конца своей жизни он целенаправленно занимался этим вопросом, создавая систему названий для разных групп животных (рукокрылые, грызуны, млекопитающие, птицы, булавоусые чешуекрылые). Для него, систематика по натуре, это было есте-

ственным продолжением исследований. По мнению Александра Петровича, разработка национальных названий животных составляет важную задачу зоологической систематики.

Первым из соотечественников на необходимость упорядочить русские названия животных обратил внимание академик Лев Семенович Берг. В 1932 г. он предложил это в общей форме, а в 1940 г. в получившей всемирную известность монографии «Система рыбообразных и рыб ныне живущих и ископаемых» осуществил унификацию как латинских, так и русских названий крупных таксонов. Окончания русских названий, приводимые в ней, ориентируют читателя на ранг таксона.

Следуя примеру Л.С. Берга, Александр Петрович в «Определителе млекопитающих СССР» (1965) упорядочил названия таксонов всех зверей фауны СССР. Названия семейств стали оканчиваться на «-овые» (или «-евые»), соответственно латинскому «-idae», названия родов, даже монотипических, получили множественное число,.

Пример «Определителя» привлек внимание орнитологов. Решением, принятым на IV Всесоюзной орнитологической конференции в Алма-Ате в 1965 г., была учреждена Всесоюзная общественная комиссия по выработке единых названий птиц СССР, возглавить которую поручили А.П. Кузякину. Комиссия разработала общие принципы упорядочения русских названий животных, которые были изложены Александром Петровичем на V Всесоюзной орнитологической конференции в Ашхабаде в 1969 г. и получили одобрение ее участников.

В начале 1970-х гг. в рамках Всесоюзного териологического общества была создана аналогичная комиссия, в работе которой самое активное участие принимал А.П. Кузякин. Первым результатом ее работы стал доклад И.М. Громова, А.П. Кузякина и П.А. Пантелеева «О русских названиях грызунов фауны СССР» перед участниками V Всесоюзного совещания по этой

группе животных, в 1980 г. в Саратове. Продолжением деятельности комиссии был доклад Александра Петровича «Об упорядочении русских названий зверей», сделанный в рамках работы III съезда Всесоюзного териологического общества (Москва, 1982 г.).

Еще одним естественным направлением многосторонней деятельности А.П. Кузякина было зоологическое коллекционирование, которому он придавал исключительное значение при изучении всех групп животных. Как известно, сборы рукокрылых в естественных местах их обитания послужили началом его обширной коллекции зверьков. Это была одна из трех личных коллекций Александра Петровича. Все они располагались в его кабинете обычной московской трехкомнатной квартиры в «хрущевской» пятиэтажке. Почти из каждой своей поездки А.П. Кузякин привозил обработанные им тушки различных млекопитающих. Постоянно растущую териологическую коллекцию отличало тщательное препарирование материала (сказывалось влияние таксидермической школы Московского зоопарка), прекрасные по форме и содержанию этикетки и глубоко продуманный размер всех емкостей, в которых располагались экспонаты. Во всей красе эту коллекцию Александр Петрович с явным удовольствием демонстрировал многочисленным и разноязычным гостям — участникам 1-го международного териологического конгресса, который проходил в Москве в июне 1974 г. В последние годы, когда ухудшилось зрение, он не перестал работать с коллекцией зверьков. Из последней поездки в Брно (1980) к своему чешскому ученику Иво Грулиху он привез реализованную там идею очистки черепов млекопитающих с помощью жуков-кожеедов. С той поры в ванной комнате постоянно находилась емкость, в которой делали свое дело эти прожорливые насекомые. Сейчас териологическая коллекция А.П. Кузякина, которая насчитывает более 1200 экземпляров рукокрылых, насе-

комоядных, грызунов и зайцеобразных, хранится в фондах Дарвиновского музея в Москве.

В 1950-е гг. произошло естественное формирование ландшафтно-зоогеографических взглядов Александра Петровича. Они стали плодом его разносторонней зоологической работы и были в первую очередь перенесены для практического воплощения в ведущиеся им в этот период орнитологические исследования. Так родилось новое направление в отечественной географической науке — ландшафтная зоогеография, представленная в те годы преимущественно орнитогеографией. Ее отличают следующие черты. Во-первых, изучалось животное население ландшафта в целях выявления численно преобладающих (фоновых) видов. Во-вторых, закреплялись разнообразные методы количественных учетов животных. В-третьих, основной отряд исследователей этого направления составили не географы, а зоологи.

В 1962 г. вышла основополагающая работа А.П. Кузякина «Зоогеография СССР». Она стала настольной книгой для большого отряда зоологов и зоогеографов. В ней приведены история зоогеографии, ее место среди других научных дисциплин, методы исследований и их результаты. Свои новаторские идеи Александр Петрович настойчиво предлагал для обсуждения коллегам-зоологам. Так была создана и многие годы успешно действует школа отечественных зоогеографов под руководством А.П. Кузякина и его многочисленных учеников.

Еще раз вернемся в 1950-е гг. В 1952 г. Александр Петрович перешел работать на кафедру зоологии МОПИ, и был избран профессором этой кафедры, год спустя ему присвоили звание профессора. С конца 1952 г. А.П. Кузякин стал исполнять обязанности заведующего кафедрой, в последующем он неоднократно переизбирался на эту должность.

Свою работу в институте Александр Петрович закончил в январе 1988 г.

С первых лет работы в МОПИ Александр Петрович начал активную и широкую подготовку научных зоологических кадров. Важным элементом в этой деятельности был созданный и многие годы руководимый им совет по защите диссертаций. За 36 лет работы в институте А.П. Кузякиным было подготовлено 37 кандидатов наук, некоторые из них стали докторами наук (Э.В. Рогачева, В.Т. Тагирова, И.К. Рахматулина, В.П. Стариков и др.). Большинство диссертаций было выполнено по териологической и териогеографической тематике.

В 1957—1958 гг. по направлению Министерства просвещения СССР Александр Петрович работал в Китайской Народной Республике. За этот небольшой срок им подготовлено 40 китайских аспирантов, многие из которых стали ныне профессорами. За работу по подготовке научных кадров КНР Александр Петрович был награжден медалью «Китайско-Советской дружбы».

За многолетний труд в Московском областном педагогическом институте Александра Петровича наградили Почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР и Министерств просвещения СССР и РСФСР и присвоили ему звание «Отличник народного образования СССР».

Рассказ об Александре Петровиче Кузякине будет далеко не полным, если не остановиться на его личных качествах, которые способствовали ему в выполнении всего того, о чем мы рассказали. Без них его образ был бы менее рельефным, поэтому не совсем точным. Первыми в ряду отличительных черт Александра Петровича мы считаем его наблюдательность и увлеченность в работе. Именно они пробудили в юной душе интерес к науке и направляли его от одного объекта исследований к другому. Эти качества А.П. Кузякина привлекали к нему и молодежь.

О работоспособности, трудолюбии и самоотверженности А.П. Кузякина ходили легенды еще при его жизни. Определен-

ным свидетельством этого служит весь наш рассказ о нем. В дополнение можно воспроизвести воспоминания Н.Н. Воронцова, которыми он поделился на заседании ученого совета, посвященном 70-летию Александра Петровича. Будучи вместе с ним участником одного научного форума, Николай Николаевич стал свидетелем ежедневных поздневечерних и ночных обработок выловленных зверьков, которые проводил А.П. Кузякин. В это время остальные участники конференции предавались веселому или тихому отдыху.

Говоря о качествах Александра Петровича как исследователя, подчеркнем также тщательность и требовательность, с которыми он подходил практически ко всему. Это относилось к организации очередной экспедиционной поездки, сбору материалов, оформлению полевых дневников, к обработке экспедиционных результатов, экспонатов коллекций, к подготовке текста рукописи, рисунков и фотографий к статье, макета книги и очень многого другого. Именно эти черты определили в деятельности ученого отсутствие случайных поисков и стали основанием многообразия и взаимосвязи его исследований.

С этими качествами А.П. Кузякина тесно связано еще одно — вдумчивое и бережное отношение к русскому языку. Сложилось оно во многом под невольным влиянием Николая Алексеевича Бобринского, легкостью и точностью изложения материала которого восхищался Александр Петрович. Со временем и его устный и письменный показ научных данных стал отличаться литературным совершенством. Свое отношение к устному и литературному языку он старался привить и своим ученикам. Литературная школа Александра Петровича заключалась в личном примере. С каждым из тех, кто доверил ему свой текст на правку, он проводил много часов. В результате на страницах рукописи появлялись его многочисленные пометки, сделанные четким ровным почерком, а сам текст из корявого

превращался в изящно и убедительно изложенный. В последние годы жизни Александра Петровича такая правка шла при чтении материала и каждый мог окунуться в кухню научного литературного творчества.

Хорошо известны и такие черты характера А.П. Кузякина, как бескорыстность и щедрость души. Почти все экспедиционные поездки он совершал на свои личные средства. Многим студентам, которые с ним выезжали в экспедиции, Александр Петрович оказывал материальную помощь. К счастью для него, в этом с ним были солидарны его близкие, и прежде всего жена, Валентина Ивановна. Другой факт. При руководстве аспирантами и соискателями Александр Петрович побывал практически во всех местах их исследований, где проводил личные сборы данных. Затем он щедро делился ими со своими «подшефными», не претендуя при написании статей и докладов на авторство.

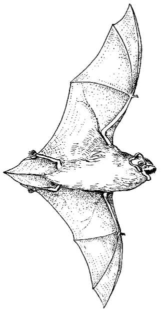
Говоря о личных качествах Александра Петровича, нельзя не сказать о том внимании, которое он уделял молодежи. Прежде всего вспоминается внимательное и уважительное общение Александра Петровича с разными группами молодых людей. Это в равной мере относилось и к членам КЮБЗа, и к студентам различных вузов, и к «своим подкидышам» — аспирантам и соискателям — и многим другим. Нельзя забыть и того, как много времени уделял Александр Петрович каждому своему ученику, оставаясь доброжелательным и требовательным наставником.

Скончался Александр Петрович Кузякин 17 апреля 1988 г. и похоронен в Москве на Щербинском кладбище.

После кончины Александра Петровича были организованы и проведены конференции, посвященные его памяти. С докладами выступили его многочисленные коллеги и ученики из стран СНГ и дальнего зарубежья.

В заключение авторы выражают искреннюю благодарность Валентине Ивановне Комковой — спутнице многих лет жизни

Александра Петровича за предоставленную возможность работы с его личным архивом.



Л.Н. Мазин,
В.А. Кузякин,
П.А. Пантелеев

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ЛАВРОВ

1903–1982

Николай Петрович Лавров родился 13 октября 1903 г. в семье крестьянина села Смирново Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Его детские годы прошли в кругу большой и, видимо, благополучной семьи, где Николай был средним из пятерых детей. Будничный деревенский труд в крестьянском хозяйстве, который обычно протекает в непосредственной близости к природе, наложил черты спокойствия и деловитости на характер подростка.

Учился Николай в начальной школе, а затем в реальном училище Арзамаса. В 1921 г., после успешного окончания училища, можно было подумать о продолжении образования, тем более, что в то время поступление в вуз крестьянскому парню было облегчено. К тому же старшая сестра Николая уже была студенткой агрономического факультета Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, так что дорожка в столицу была пробита.

Юношеское увлечение охотой и рыбалкой определило интерес Николая Петровича к биологии, и его выбор пал на биологическое отделение Московского университета. Будущей специальностью он избрал биологию промысловых животных. Курс лекций по этой дисциплине в то время читал профессор Б.М. Житков, который сразу обратил внимание на увлеченность наукой молодого студента, приехавшего из глубокой провинции. Н.П. Лавров выделялся среди столичных студентов простотой. Он ходил в сапогах, носил косоворотку и был чужд какой-либо оригинальности. Профессор предложил студенту посещать Московские курсы охотоведения им. С.Т. Аксакова, основанные им

при Петровской академии. Здесь Николай Петрович встретился с Д.М. Вяжлинским, В.Г. Гептнером, Н.А. Гладковым, братьями Н.П. и С.П. Наумовыми, Е.П. Спангенбергом, А.Н. Формозовым, А.Ф. Чирковой, Л.В. Шапошниковым и другими слушателями курсов, с которыми потом поддерживал знакомство и дружеские отношения на протяжении долгих лет.

Еще в студенческие годы Николай Петрович начинает вести исследования, связанные с охотничьим промыслом и биологией промысловых животных. По рекомендации и под руководством Б.М. Житкова он собирает материалы по распространению и биологии отдельных видов промысловой фауны, публикует свою первую статью «Кустарная переработка пушнины в Арзамасском уезде до и после революции», затем ряд статей по биологии косули и позднее большую сводку «Географическое распространение, биология и хозяйственное значение косули в СССР». Интересно отметить, что к изучению копытных Н.П. Лавров больше никогда не возвращался.

В 1925 г. после окончания учебы в МГУ Николай Петрович в течение года работает наблюдателем в Крымском заповеднике, затем в Москве во Всероссийском обществе охраны природы, а в 1929 г. становится сотрудником Центральной биологической охотничье-промысловой станции. Тогда же Николай Петрович женится на подруге своей сестры — агрономе Анне Ивановне Каменской и связывает свою жизнь с работой в Москве.

Биостанция, основанная Б.М. Житковым еще в 1922 г., к тому времени преобразовалась в Центральную научно-исследовательскую лабораторию биологии и техники охотничьего промысла. Это было единственное научное учреждение, ведущее работу в области охотничьего хозяйства. В его задачи входило увеличение производства пушнины — ценного сырья, пользующегося неограниченным спросом на внешнем рынке. Для решения этой задачи руководитель лаборатории Б.М. Житков,

кроме разведения пушных зверей в условиях неволи, намечает три основных направления: развитие промысла второстепенных видов пушнины; расширение ареалов и увеличение поголовья отечественных животных, численность которых была подорвана неумеренным промыслом; введение в фауну страны новых для нее пушных видов. В решении этих задач совместно с сотрудниками биостанции, в основном бывшими слушателями охотоведческих курсов, принимал участие и Николай Петрович Лавров.

В начале 30-х гг. Николай Петрович подготавливает и публикует в виде отдельных популярных брошюр и статей в научно-производственных журналах материалы по биологии и технике промысла новых видов, впервые вводимых в пушные заготовки (водяная крыса, слепыш, соня-полчок, бурундук, крот и другие). Совместно с С.П. Наумовым он совершает большую поездку в Туркменские Кара-Кумы для изучения запасов и возможности хозяйственного использования тонкопалого суслика. После поездки в «Зоологическом журнале» печатается несколько статей об этом малоизученном грызуне.

Н.П. Лавров принимает самое активное участие в работах по акклиматизации пушных зверей, и особенно по изучению и расселению ондатры. В мае 1929 г. он назначается заведующим первого ондатрового питомника, основанного при Пушкинском зверосовхозе под Москвой. Питомник представлял собой небольшой (1,5 га) проточный водоем, обнесенный металлической сеткой, куда в виде опыта было помещено около сотни ондатр, вывезенных из Канады. Здесь под наблюдением Николая Петровича изучаются возможности разведения ондатры в огороженном водоеме и в клетках различных конструкций. В опытном порядке проводятся некоторые биотехнические мероприятия: испытывается установка различных типов жилищ и кормушек, изучается отношение грызунов к различным сельскохозяйствен-

ным культурам путем подсадки растений, реакция зверьков на регулирование уровня воды в водоеме и т.п.

Первые выпуски ондатры в материковые водоемы (до этого грызуны выпускались только на островах Карагинском и Соловецких) проведены при непосредственном участии Н.П. Лаврова. Осенью 1929 г. он сопровождает партию ондатр в Красноярский край и выпускает зверьков в Туруханском районе, в долине реки Елогуй — притока Енисея.

Успешное размножение ондатры первых выпусков позволило с 1931 г. приступить к систематическому и массовому расселению этого нового для страны пушного вида. С тех пор основная научная деятельность Н.П. Лаврова связана с вопросами акклиматизации ондатры и других промысловых видов.

В середине 30-х гг., закончив аспирантуру и не прерывая работы в Центральной лаборатории, Николай Петрович несколько лет занимается педагогической деятельностью. Он читает курс промысловых зверей в Пушно-меховом институте, биология которых тогда представляла собой новый прикладной специализированный раздел зоологической науки, который изучал вопросы хозяйственного использования диких животных.

В 1935 г. Н.П. Лаврову присуждается звание доцента, а в 1938 г. — степень кандидата биологических наук без защиты диссертации. В эти годы совместно с С.П. Наумовым Николай Петрович занят написанием учебника «Основы биологии промысловых зверей СССР». Первое издание этой книги, которую авторы посвятили своему учителю Б.М. Житкову, увидело свет в начале 1941 г. (переиздания с дополнениями — в 1965 и 1979 гг.). Значение книги трудно переоценить: он оказался единственным учебником не только для зоотехнических институтов, на которые был рассчитан, но и для университетов и педагогических вузов, где использовался при проведении спецкурса. Забегая вперед, следует упомянуть, что много позднее (1975) выш-

ла в свет книга «Биология промыслово-охотничьих птиц СССР», над которой Н.П. Лавров трудился совместно с А.М. Колосовым и А.В. Михеевым. Десятилетия эти учебники служат основными пособиями при подготовке студентов по специальности «охотоведение».

В годы Великой Отечественной войны Н.П. Лавров участвовал в народном ополчении, за что имел ряд правительственных наград.

В послевоенные годы возникла необходимость пополнить кадры охотников-промысловиков. В помощь молодым охотникам сотрудники Центральной лаборатории издают серию популярных брошюр, среди которых работы Н.П. Лаврова: «Способы добычи ондатры и первичная обработка ее шкурок» (1943), «Лучшие способы добычи горностая» (1944), «Способы добычи колонка и солонгоя и обработка их шкурок» (1945), «Лучший способ добычи хорей» (1945) и другие, посвященные технике промысла отдельных видов.

В 1945 г. Центральная лаборатория преобразуется во Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего промысла (ВНИО), позднее переименованный во Всесоюзный научно-исследовательский институт животного сырья и пушнины (ВНИИЖП). В течение почти 15 лет Николай Петрович заведует в институте лабораторией акклиматизации. В 1946 г. выходит его книга «Акклиматизация и реакклиматизация пушных зверей в СССР», в которой он подводит итоги искусственных переселений, проведенных в предвоенные годы.

В первое десятилетие после войны акклиматизация диких животных в стране превратилось в моду. За переселение зверей и птиц брались различные ведомства, научные учреждения, областные и районные общества охотников и даже заповедники, прямая обязанность которых сохранять эталоны нетронутой природы. Особенно произвольно велось переселение диких живот-

ных в период господства в науке «лысенковцев», ратовавших за перестройку природы, за то, чтобы «не ждать от природы милостей», а заставлять ее «работать по законам социализма».

При такой стихийной акклиматизации было допущено много ошибок, научно не обоснованных, ненужных и даже вредных переселений животных. Это поставило под сомнение саму идею акклиматизации. В противовес сторонникам «коренной реконструкции фауны», некоторые ученые стали высказывать мнение о необходимости полного невмешательства в природу и прекращения работ по акклиматизации.

На совещаниях и в печати Николай Петрович всегда выступал за «разумную акклиматизацию», говоря, что практические действия при переселении животных могут быть правильными и результативными только в случае применения в работе строго научных методов. Он неоднократно подчеркивал необходимость создания в стране единого межведомственного органа, координирующего на научной основе работы по акклиматизации всех групп животных и растений, поскольку интересы различных отраслей народного хозяйства, а также органов здравоохранения и культуры тесно между собой переплетаются. В узком кругу сотрудников лаборатории Николай Петрович не раз говорил: «Не занимайся наши предки вопросами акклиматизации — не было бы у нас до сих пор ни картофеля, ни подсолнечного масла, ни половины пород современных домашних животных».

Тематика руководимой Николаем Петровичем лаборатории в той или иной мере касалась ондатры, нутрии, енота, енотовидной собаки, выхухоли, бобра, белки, зайца-русака. Причем сотрудникам приходилось не только обосновывать необходимость расселения тех или иных видов и принимать в нем участие, но и нередко доказывать несостоятельность акклиматизационных работ, скоропалительно проведенных в прежние годы.

В период руководства лабораторией Николай Петрович был участником многих экспедиций, работавших в центральных областях европейской части страны, в Казахстане, Туркмении, Узбекистане, на Кавказе и Украине, в Молдавии, Восточной и Западной Сибири. Целью экспедиций было изучение сырьевых ресурсов пушного промысла, экологии отдельных видов млекопитающих, выяснение возможности переселения некоторых пушных видов, изучение хода акклиматизации зверей и установление возможности и перспектив эксплуатации их запасов.

Основное внимание Н.П. Лавров уделял своему «коронному» виду — ондатре, посвятил ей более трех десятков статей и книг, первая из которых — «Ондатра» — была опубликована в 1947 г. Надо сказать, что к оценке своего любимого вида Николай Петрович относился весьма обоснованно. Начиная с 1929 г., он изучал значение жизнедеятельности грызуна для различных отраслей народного хозяйства путем экспериментов на опытном участке в Пушкинском зверосовхозе и многолетнего сбора и анализа анкетных данных корреспондентской сети ВНИИЖПа. Полученные сведения позволили ему заключить, что в некоторых случаях «... вред от ондатры есть, но в природе вообще абсолютно полезных диких животных не существует. Таким образом речь может идти лишь о соотношении пользы и вреда».

На основании анализа положения и хозяйственного значения ондатры в странах Западной Европы с разными природными условиями и плотностью населения Н.П. Лавров прогнозирует возможное снижение промыслового значения грызуна в нашей стране. Причины этого он видит в закономерном процессе роста плотности населения, в освоении водоемов для других хозяйственных целей, строительстве водохранилищ, превращении заболоченных пространств в высокопродуктивные сельскохозяйственные угодья, в использовании гидрофильной растительности для нужд животноводства и промышленности.

Для облегчения планирования государственных пушных заготовок ВНИИЖП ежегодно составлял прогнозы «урожая» основных промысловых видов. В обязанности Н.П. Лаврова, кроме прогноза по ондатре, входил прогноз численности горностая — вида, который он подробно изучал еще в предвоенные годы.

В 1952 г. Николай Петрович поступает в докторантуру к профессору Б.С. Виноградову при Зоологическом институте АН СССР. После защиты диссертации в 1953 г. ВАК утверждает его в научной степени доктора биологических наук и звании профессора.

В 1957 г. публикуется фундаментальная монография Н.П. Лаврова «Акклиматизация ондатры в СССР», за которую МОИП присуждает ему установленную правительством премию «За лучшие работы в области естественных наук».

В 1958 г., в связи с переездом института в Киров, Николай Петрович переходит на работу в Московский государственный педагогический институт (МГПИ), где занимает должность заведующего кафедрой зоологии позвоночных заочного отделения.

Почти 30 лет плодотворной научной и организационной деятельности Николая Петровича связаны с Всесоюзным научно-исследовательским институтом и с Центральной биологической лабораторией — «прародительницей» института, а потому естественно, что перейдя на преподавательскую работу, он не смог бросить охотоведческую тематику. Он не порывает связь с институтом, остается постоянным членом его ученого совета, активно участвует в работе научно-технического совета Главохоты РСФСР, участвует во Всесоюзной конференции по акклиматизации животных (1963), в международных конгрессах биологов-охотоведов (1969, 1975). В 70-х гг. ВНИИЖП присваивает Н.П. Лаврову звание почетного сотрудника института.

В те же годы Николай Петрович состоит членом ученых советов биологического факультета МГУ, биолого-химического

факультета МГПИ и Центральной лаборатории охраны природы, членом научно-технического совета МСХ СССР. Он входит в состав делегаций Международного союза охраны природы на IX Генеральной ассамблее в Швейцарии, на X — в Индии, на XI — в Канаде.

Несмотря на занятость подготовкой преподавателей-естественников и заведование кафедрой, Николай Петрович не прекращает свою научную деятельность, обрабатывает и публикует ранее собранные материалы. Будучи членом главной редакционной коллегии Красной книги РСФСР, участвует в ее составлении. Им написано 11 видовых очерков для раздела «Млекопитающие».

Как ответственный редактор Николай Петрович работал над составлением академического издания книги «Ондатра. Морфология, систематика, экология», которая должна была войти в серию «Виды фауны СССР и сопредельных стран». Для этой книги им были написаны главы: «История акклиматизации и современный ареал», «Общая характеристика. Рост, размножение и развитие», «Колебания численности и причины, их обусловливающие», а также частично разделы других глав. Завершить работу Николай Петрович не успел; ее продолжил академик В.Е. Соколов, и в 1993 г. книга вышла из печати под их общей редакцией.

Николай Петрович не хотел уходить на пенсию. До последних дней жизни он продолжал работать в институте, читал лекции, вел дела кафедры. Сотрудники вспоминают, что при нем кафедра зоологии позвоночных заочного отделения была самой спокойной, а коллектив — самым дружным в институте.

Николай Петрович умер 10 декабря 1982 г. на 80-м году жизни и похоронен на Кузьминском кладбище. Его жена Анна Ивановна, с которой он прожил более полувека, пережила его всего на один месяц.

Я познакомился с Н.П. Лавровым в первый послевоенный год. Помню, как С.П. Наумов, заведовавший в то время научной частью ВНИО, представил меня Николаю Петровичу в качестве будущего сотрудника института. С апреля 1946 г. я приступил к работе под руководством Николая Петровича в лаборатории акклиматизации, и в последующие 15 лет мы виделись с ним почти ежедневно. Николай Петрович в то время был сравнительно молодым человеком среднего роста, стройным, хорошо сложенным, держался прямо, имел несколько крупный заостренный нос, гладкие волосы, расчесанные на пробор. Всегда носил белый лабораторный халат, двигался быстро, но несуетливо, характер имел спокойный, уравновешенный. Он довольно настороженно относился к новому человеку, не быстро с ним сходился, но, посчитав «своим», был с ним всегда доброжелательным, а иногда и откровенным в разговоре.

Н.П. Лавров всегда очень много работал, причем безо всяких перекуров, к работе относился внимательно, и результаты его трудов обычно отличались точностью и достоверностью. К студентам и сотрудникам своей лаборатории был исключительно требователен, и иногда в таких мелочах, что люди, не знающие его характера, за глаза называли его «придирой» и «занудой». Однако те, кто знал его требовательность к собственным работам, понимали справедливость его «придирок».

Николай Петрович никогда не повышал голос в спорах или когда распекал студента или сотрудника за какую-нибудь недоделанную работу. В этом случае он с укоризной в голосе, с нажимом на имя и отчество говорил: «N.N., имейте в виду: под лежачий камень вода не течет». Это была одна из наиболее часто употребляемых им пословиц. Иногда, когда дело не ладилось или возникали неожиданные осложнения, если рядом не было посторонних, качая головой, он с сожалением в голосе говорил: «Трудно жить на свете пастушонку Пете».

Очень часто с большой теплотой и благодарностью Н.П. Лавров вспоминал своего учителя, Б.М. Житкова, под руководством которого он сделал свои первые шаги в науке. Дома над письменным столом у него всегда висел портрет этого ученого. К столетию Б.М. Житкова он опубликовал статью «Борис Михайлович Житков и акклиматизация животных». Большая статья о своем учителе как основателе первого учреждения в области охотничьего хозяйства была написана им совместно с А.Ф. Чирковой в 1958 г. По-видимому, не последним было слово Николая Петровича при решении вопроса о присвоении ВНИИЖП имени Б.М. Житкова.

Николай Петрович вообще долго сохранял дружеские отношения со старыми знакомыми и нередко посылал сотрудников лаборатории на консультации к своим прежним товарищам. Именно так я познакомился с Е.П. Спангенбергом, Н.К. Верещагиным, Г.П. Дементьевым, Н.В. Шибановым, С.В. Кириковым и другими зоологами того времени.

Будучи человеком осмотрительным и осторожным, Н.П. Лавров считал, что каждый случай переселения дикого животного индивидуален и потому требует отдельного подхода. Он придерживался мнения, что в природе не существует никаких «пустующих ниш» и при выяснении возможности переселения того или иного вида необходимо не только установить, сможет ли он выжить в новой среде, но и, что не менее важно, уяснить, каково будет его влияние на эту среду. Последнему, к сожалению, оказывалось обычно недостаточно внимания. Это всегда тревожило Николая Петровича, и он нередко отправлял сотрудника, независимо от того, какую он вел тему, на полевые работы для выяснения волнующего его вопроса. Так, по его заданию я узнавал результаты выпуска бобра в дельте Волги, единственном месте, где грызун был выпущен вне границ его исторического ареала, или выяснял влияние енотовидной собаки на гусей

в период их линьки на Беровских озерах в Прикаспии, или, наконец, выезжал отстреливать белок туда, где ранее выпускалась телеутка, чтобы доказать бесполезность этого мероприятия для улучшения товарных качеств местного подвида.

Вообще к акклиматизации экзотов, таких, как кролик, скунс, шиншилла (но не ондатра!), Николай Петрович относился скептически, из отечественных видов особенно ценил речного бобра, которого только искусственное расселение спасло от полного исчезновения в нашей стране. Начало промысла этого вида (сезон 1963/64 г.) он воспринял, как праздник.

Писал и публиковал Н.П. Лавров очень много. Он постоянно был занят подготовкой каких-нибудь материалов: то готовил к печати статью или монографию, то писал отзыв или рецензию. Сотрудникам лаборатории он настоятельно советовал издавать свои наблюдения, даже если они и не представляют собой законченной работы. Часто напоминал: «Каждая ваша экспедиционная поездка должна иметь отражение в печати». Он был занят не только в институте, но и дома. Вечера проводил склонившись над письменным столом, и его жена полушутя, полусерьезно говорила: «Дома я вижу в основном только затылок своего мужа!».

Диапазон интересов Николая Петровича, судя по работам, был очень широк: от землеройки-бурозубки (1943) до бурого медведя (1975). Среди пушных зверей нашей фауны трудно назвать виды, которым бы он не уделил внимания в своих работах. У меня нет полного перечня его печатных трудов, но известный мне список превышает 120 названий.

О постоянстве характера Николая Петровича свидетельствует сбор им материалов по бурому медведю. Тема и направление работы были подсказаны ему Б.М. Житковым еще в 1924 г. Тогда же он начал сбор опросного и анкетного материала о распространении и численности медведя, затем на более высоком уровне сбор повторялся в 1933, 1957, 1968 гг., и наконец в 1975

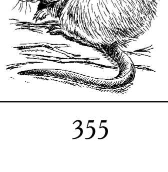
г. (через 50 лет!) появилась статья «Динамика ареала и численность бурого медведя в центральных и восточных областях Европейской части СССР за последние 40 лет».

В годы совместной работы в институте мне приходилось бывать с Николаем Петровичем на охоте. Весной это были выезды в Подмосковье на тягу вальдшнепов, зимой — в Безбородовское охотхозяйство института на отстрел лося. Коллективные зверовые охоты он недолюбливал, по-видимому в связи с тем, что они завершались шумными застольями, которых он избегал, так как не употреблял крепких спиртных напитков. Как-то в минуты откровения он рассказал мне, что в далеком детстве, когда они с отцом возили в Арзамас на спиртзавод картофель, мужики подпоили его сырцом и с тех пор у него отвращение к спиртному. Но от бокала хорошего виноградного вина во время юбилейных торжеств Николай Петрович никогда не отказывался, в компании вел себя весело, иногда танцевал, любил шутку.

После переезда института в Киров он неоднократно ездил на охоту в вятские леса, и спутниками его бывали С.П. Наумов, А.Н. Формозов или С.М. Успенский. В эти же годы Николай Петрович руководил охотоведческой секцией при Московском доме ученых.

С возрастом он стал реже бывать на охоте, чаще проводил свободное время на дачном участке, где любил заниматься посадкой ягодных кустарников и фруктовых деревьев. В последние несколько лет свой летний отпуск Николай Петрович проводил вместе с женой и двумя сестрами в длительных поездках на теплоходе по Волге.

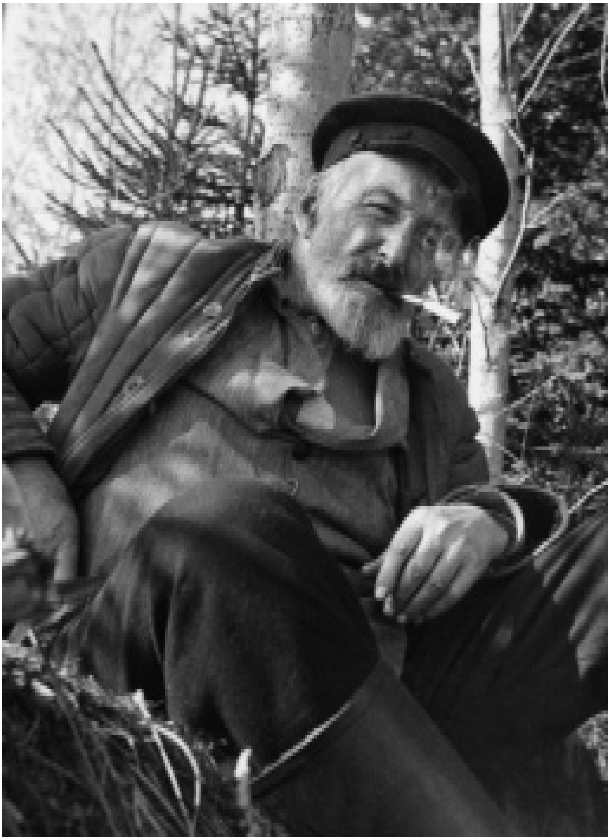
Вот таким деловитым, спокойным и всегда доброжелательным остался в моей памяти Николай Петрович Лавров.



Н.Н. Руковский

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАНТЕЙФЕЛЬ

1882–1960



Петр Александрович Мантейфель родился 30 июня 1882 г. в Москве, в интеллигентной и высокообразованной семье.

Его отец, Александр Петрович Мантейфель, владел несколькими иностранными языками, был известным общественным деятелем и замечательным пианистом, другом Н.Г. Рубинштейна, оригинальным поэтом и переводчиком Гейне. Несколько его стихотворений хранятся в Государственном Историческом музее.

Около 30 лет А.П. Мантейфель состоял в звании участкового и почетного мирового судьи, был уездным и губернским гласным, выбирался в кандидаты к предводителю дворянства и основал несколько школ в Серпуховском уезде Московской губернии.

В 1862 г. как одного из активных деятелей общественного движения в период революционной ситуации 1859—1861 гг. его арестовали в подмосковном имении отца и заключили в Петропавловскую крепость (Невскую куртину).

18 ноября 1899 г. газета «Московские ведомости» писала: «На днях скончался в своем родовом имении, сельце Вихрове Серпуховского уезда Московской губернии, один из замечательнейших и образованнейших русских людей ...».

Отец умер, когда Петру Александровичу было 17 лет. Сын унаследовал от отца активное творческое начало и живую нату-

---

По материалам статьи «Основоположник биотехнии» // «Охота и охотничье хозяйство». 1982. №7. С. 3–6.

ру преобразователя, сказавшуюся впоследствии не только в его знаменитых планах по реконструкции фауны, но и в стремлении совершенствовать социальную действительность: в 1905 г. он принимал участие в уличных демонстрациях и столкновениях с черносотенцами.

Детские годы Петра Александровича и трех его братьев прошли в окружении первозданной подмосковной природы. В автобиографических заметках он рассказывает об этом периоде своей жизни коротко и сухо:

«Родился в 1882 году в Москве и до 11 лет жил в деревне Серпуховского уезда Московской губернии. В дальнейшем поступил в реальное училище Воскресенского в Москве и окончил его в 1902 году. Там интересовался в основном естествознанием, которое изучал под руководством талантливого преподавателя В.П. Зыкова, а также директора Московского зоопарка В.А. Погоржельского и И.А. Каблукова. Будучи реалистом, жил в Москве на частных квартирах, которые снимала моя мать».

Мать П.А. Мантейфеля, Анна Прокофьевна Покровская, имела склонность к естественным наукам и стала первым наставником сына в распознавании диких и декоративных растений, их выращивании и разведении в саду. В деревне Вихрово под Серпуховом при помощи и поощрении матери проявился интерес мальчика к жизни животных, содержанию их в неволе, наблюдению за ними в окружающих лесах и лугах. Здесь родились его первые увлечения и привязанности — к лесу, саду, зверям, птицам.

Кто в раннем детстве не любил возиться со зверюшками, кто не сходил с ума, простаивая с удочкой в руках на берегах тихих речек, кто не гонялся в самозабвенном азарте за бабочками и жуками? Но многие ли потом избрали дорогу натуралистов?

После окончания в 1893 г. трехлетней земской школы в Серпухове Петра Александровича определили в уже упоминавшее-

ся реальное училище в Москве. Основоположник эволюционной и популяционной генетики С.С. Четвериков, закончивший то же училище, вспоминал: «Это было совершенно исключительное и прекрасное учебное заведение... именно ему и его учителям я обязан главнейшими чертами моего характера и основным направлением всей моей дальнейшей жизни».

«Основанное К.П. Воскресенским, — рассказывает далее С.С. Четвериков, — выдающимся педагогом "божьей милостью", как в свое время говорили, оно оставило далеко позади себя большинство других учебных заведений Москвы, и особенно правительственные, как реальные училища, так и гимназии. Среди наших школьных преподавателей было немало лиц с ученой степенью магистра, так, например, живую природу преподавал И.А. Каблуков, будущий всемирно известный химик и академик, доцент Московского университета В.П. Зыков преподавал физическую географию... Но что это была за физическая география! В течение всех уроков он читал нам курс, говоря точнее, рассказывал нам все, что было возможно, о жизни нашей планеты, начиная от космогонических теорий и кончая жизнью протистов и человекообразных обезьян. И все говорилось с увлечением, захватывая наши детские души. От него мы впервые услышали о Дарвине и его сподвижниках, о той борьбе, которую пришлось выдержать его теории, и все это глубоко западало нам в головы».

Такое же глубокое влияние училище оказало и на П.А. Мантейфеля, с благодарностью вспоминавшего тех же учителей. В реалистах воспитывали активное отношение к природе, давали серьезные знания не только об эволюционном учении Дарвина и « теориях», но и о живущих бок о бок с ними зверях, птицах, насекомых, растениях.

Вместе с товарищами по училищу Петр Александрович совершал походы в леса, знакомился с миром окружающей природы, много охотился, а после четвертого класса не раз участвовал

даже в облавах на волков. Это было преподавание, которого так не хватает нашей средней школе и о котором можно только мечтать. Ученики знали названия растущих вокруг деревьев и кустарников, свободно называли по-латыни многие виды травянистых растений, по внешнему виду и голосам узнавали птиц. В те годы П.А. Мантейфель не только наблюдал за поведением животных, но и стал собирать зоологические коллекции и делать записи в дневнике. Училище стремилось дать знания, нужные в повседневной жизни, и это было наиболее действенным методом укрепления любви к будущим профессиям.

В 1902 г. П.А. Мантейфель сдал конкурсный экзамен и стал студентом Московского сельскохозяйственного института — бывшей Петровской, а сейчас Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. В то время в институте преподавали замечательные ученые, лучшие московские профессора — почвовед В.Р. Вильямс, агрохимик Д.Н. Прянишников, зоолог Н.М. Кулагин, физико-химик И.А. Каблуков, а также Н.С. Нестеров, Н.Н. Худяков, Н.Я. Демьянов, В.П. Зыков и другие. Занимаясь в лабораториях В.Р. Вильямса, Н.М. Кулагина и Н.Н. Худякова, Петр Александрович получил возможность, по его словам, «сочетать изучение фауны, флоры и почв».

Будучи студентом сельскохозяйственного института, П.А. Мантейфель одновременно посещал лекции, читавшиеся в Московском университете. С особым интересом он слушал курс орнитологии у М.А. Мензбира — знаменитого автора «Птиц России», первой критической сводки по систематике и биологии наших птиц. Познакомился с его классической коллекцией птиц мира. В Политехническом музее не пропускал ни одной лекции пламенного пропагандиста дарвинизма и естественнонаучного материализма К.А. Тимирязева.

Полученные во время учебы знания углублялись и закреплялись на практике в Московской области, а также в экспеди-

ции в Средней Азии. Собранные материалы обрабатывались в лабораториях почвоведения и зоологии.

В 1910 г. П.А. Мантейфель окончил с отличием институт и, как подающий надежды студент, был оставлен при кафедре В.Р. Вильямса для изучения почв, растительности и животного мира.

Реальное училище, сельскохозяйственный институт, университетские лекции и работа в экспедиции дали П.А. Мантейфелю широкое естественнонаучное образование. Его ждали новые увлекательные экспедиции, интересная работа по любимой специальности. Но судьба распорядилась иначе: на долгие четырнадцать лет он оказался оторванным от научных занятий.

Вот как сложилась его дальнейшая жизнь.

Вскоре после окончания института П.А. Мантейфель отбывает в армию в 3-й гренадерский Перновский полк вольноопределяющимся. Он проходит лагерный сбор в городе Брянске и сдает экзамен на прапорщика запаса пехоты.

После демобилизации возвращается в институт, участвует в полевых исследованиях, отправляется с очередной экспедицией в Фергану, но 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявляет войну России, его мобилизуют и прямо из экспедиции отправляют в армию.

Более трех лет Петр Александрович пребывает в рядах действующей армии. Дивизия, в составе которой он находится, попадает в окружение и получает приказ сдаться в плен, но П.А. Мантейфель отказывается подчиниться приказу. В 1918 г. с небольшим отрядом солдат он уходит в леса и, пройдя ими около 800 километров, выходит из окружения и примыкает к частям Красной гвардии. В крепости Осовей он и его товарищи переживают все ужасы газового отравления.

Его посылают в Калугу и там вторично демобилизуют. П.А. Мантейфель возвращается в Москву и работает в отделе научных ботанических исследований в Наркомате земледелия.

В 1920 г. его снова мобилизуют, теперь уже в части Красной Армии, в войска Главного военного инженерного управления, и посылают заведовать отделом взрывчатых веществ в Вязьму. Одно из кошмарных воспоминаний этого периода — колоссальный взрыв соседних артиллерийских складов. Пожар после взрыва продолжался более трех недель, и пироксилиновый склад, за который отвечал П.А. Мантейфель, в любую минуту мог взлететь на воздух. Рискуя жизнью, приходилось дни и ночи бороться с наступающим огнем и склад с взрывчаткой удалось спасти.

В Вязьме Петр Александрович служит около полутора лет, после чего его демобилизуют и возвращают как специалиста в Наркомат земледелия руководить агропропагандой и мелиоративными работами. В это время он возглавляет агитационный агропоезд им. В.И. Ленина. Затем переходит работать в Центральное агроуправление Народного комиссариата путей сообщения, но через несколько месяцев управление ликвидируют.

Зная об этом периоде биографии П.А. Мантейфеля, нетрудно увидеть, как удивительно много он успел сделать. Ведь только в возрасте 42 лет, когда наиболее плодотворные и творчески активные годы были уже позади, когда некоторые из его сверстников давно защитили диссертации и стали известными учеными, он получил наконец возможность заняться научной работой.

В декабре 1924 г. П.А. Мантейфель принимает приглашение директора Московского зоопарка М.М. Завадовского и переходит туда на работу. Сначала он заведует орнитологической секцией, а затем в продолжение 12 лет состоит в должности заместителя директора по научной части — научного руководителя зоопарка. Это был первый из двух важнейших периодов его творческой биографии, сыгравший решающую роль в становлении П.А. Мантейфеля как исследователя и педагога.

Еще незадолго до прихода Петра Александровича зоопарк, по его словам, «влачил жалкое существование, идя по скользкому пути зрелищно-увеселительных заведений». И только во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XX века Московский зоопарк становится, по свидетельству П.А. Мантейфеля, «крупным научным и политико-просветительным центром, развернувшим широкую исследовательскую работу, охватившую методами точного изучения всех наиболее важных животных». Немалая заслуга в этом принадлежала научному руководителю зоопарка.

Успехам зоопарка способствовало то обстоятельство, что к работе в нем были привлечены студенты вузов, педагоги и учащиеся средних школ, объединившиеся в кружке юных биологов зоопарка, а достижения научной части стали публиковаться в «Бюллетене зоологических садов и парков» и других изданиях. «Кружок юных биологов зоопарка сейчас хорошо известен далеко за пределами зоопарка, как могучая, живая, организованная исследовательская сила, под горячим натиском которой быстро завоевываются так называемые тайны природы», — писал П.А. Мантейфель в 1935 г.

Вот как он рассказывал о той работе, которая проводилась им совместно с членами руководимого им КЮБЗа:

«Сначала несложные наблюдения, а затем эксперименты с животными, проверявшиеся по возможности в природе, позволили внести новое в зоологическую науку, до того времени почти не описанное в литературе: продолжительность жизни животных, сроки размножения и беременности, сроки яйценоски и насиживания, точное описание новорожденных животных, их развитие, достижение половой зрелости, плодовитость, моногамия и полигамия, сезонный диморфизм, химический состав молока млекопитающих, особенности кормления и выращивания молодняка, значение внешних раздражителей в вопросах раз-

множения, акклиматизация животных, паразиты различных родов млекопитающих, птиц и рептилий, сезонные лекарственные корма, применявшиеся в зоопарке и изучавшиеся в природе, одомашнивание полезных животных (лосей, соболей, нутрий, енотовидных собак и пр.)».

Биология многих видов даже наиболее ценных охотничье-промысловых животных к тому времени была изучена очень слабо, и приоритет во многих открытиях принадлежит П.А. Мантейфелю.

Ученые-естествоиспытатели в своей работе опираются на два основных метода исследования природы: наблюдение и эксперимент. Сторонников преимущественно первого метода называют натуралистами, зачастую отказывая их работам в достаточной научной обоснованности. Исходя из неверного противопоставления двух одинаково важных методов исследования, некоторые зоологи считают П.А. Мантейфеля лишь наблюдателем-натуралистом. Этому во многом способствовали его увлекательные книги: «Жизнь пушных зверей», «Рассказы натуралиста» и «Заметки натуралиста», в которых автор действительно показал себя тонким, умным и умелым наблюдателем. И как-то незаметно стал забываться тот факт, что именно П.А. Мантейфелю принадлежит заслуга перехода к экспериментальным методам изучения биологии животных. Сам он придавал этому большое значение и неоднократно подчеркивал необходимость постановки строго контролируемых экспериментальных исследований.

«За последнее пятилетие, — писал Петр Александрович в 1935 г.,— в зоопарке накопился большой научный материал по биологии зверей и птиц, дающий много нового, часто противоположного тому, что до сих пор считалось без научных оснований за истину. Пора перейти от одного лишь созерцания природы, давшего нам поверхностные описания, к точным, комплексным методам изучения и обобщающим выводам».

Наибольшую научную и практическую ценность представляет изучение П.А. Мантейфелем соболя. Восстановление ареала и численности почти истребленного к 1935 г. драгоценного зверька потребовало интенсивной работы. Нужно было не только восстановить соболя в природе, но и научиться разводить его в неволе, к чему давно стремились охотники и охотоведы. Однако все их попытки оканчивались неудачей из-за отсутствия точных данных по биологии размножения соболей.

О круге интересовавших П.А. Мантейфеля «соболиных» проблем говорят названия более десяти научных трудов: «К вопросу о размножении соболя в неволе» (1928), «Размножение соболя и куниц в Московском зоопарке» (1929), «Где надо строить соболиные фермы» (1930), «Биология размножения соболей и куниц» (1933), «Стрептококки. Возбудители эпилептических припадков соболей и других животных» (1933), «Гибридизация соболей» (1933) и другие. Обобщением всех собранных данных явилась книга «Соболь» (1934).

Заслуга П.А. Мантейфеля состоит не столько в опровержении многовекового заблуждения о сроках беременности и периоде спаривания соболей — он бывает, как оказалось, не ранней весной, а в середине лета, сколько в решении главных проблем теории и практики клеточного соболеводства. Установление 9 фаз созревания половых органов самки и соответственно 9 фаз течки, определение времени готовности самки и допуска к ней самца, разработка мер по правильному кормлению зверьков и содержанию молодняка и т. д. — именно это в конечном счете решило проблему разведения соболя в неволе.

Охотовед Н.Н. Граков в 1981 г. писал, что «со времени выхода в свет работы П.А. Мантейфеля (1934) подробнее нигде не приводилось описание брачного поведения этих зверьков, хотя их давно разводят в зверохозяйствах». Книга «Соболь» и другие работы П.А. Мантейфеля внесли большой вклад в биологи-

ческую науку, в частности в этологию — науку о поведении животных. Благодаря экспериментальным работам в Московском зоопарке нелегкая задача создания клеточного соболеводства была решена. В ноябре 1935 г. за работу по соболю Петру Александровичу была присвоена ученая степень кандидата биологических наук.

В эти годы П.А. Мантейфель много внимания уделял изучению зайцев, особенно зайца-беляка, как в природных, так и в опытных условиях. Результаты исследований опубликованы в сборнике «Биология зайцев и белок и их болезни» (1935). П.А. Мантейфель был автором раздела «Зайцы СССР», предисловия к книге, предисловия к разделу «Болезни белок и зайцев» и редактором всего сборника.

П.А. Мантейфелем был установлен срок беременности беляка, количество пометов в году, число зайчат в помете, масса новорожденных, жирность молока, изучено поведение зайчат в первые часы после рождения, отношение зайчих к своим и чужим зайчатам, внешний вид новорожденных, поведение самки после рождения молодых, характер линьки зайцев и многое другое. Потребовалось 24 пункта выводов, чтобы сообщить обо всех новых наблюдениях и уточнениях, сделанных в процессе исследования.

За годы работы в зоопарке П.А. Мантейфель опубликовал около 60 работ, многие из которых помещены в «Бюллетене зоопарков и зоосадов».

В работах «Соболь», «Зайцы СССР» и многих других трудах этого периода хорошо видна его методическая установка на сочетание наблюдений в природе с опытными исследованиями в условиях строго контролируемого эксперимента и с обязательным выходом в практику — охрану природы, охотничье хозяйство, звероводство или зоопарковское дело. В этих книгах и статьях в полной мере проявилась творческая натура их

автора: совершенно оригинальные, лишенные даже намека на компиляцию, содержащие много строго научного, в том числе цифрового, материала, они тем не менее читаются с захватывающим интересом, как увлекательные произведения классики. Они написаны простым, живым, почти разговорным языком. У их автора столько интересных наблюдений и новых идей, что ему не до игры в модные термины и мудреные ученые выражения. Невольно сравниваешь живой язык научных работ Петра Александровича с тяжелым академическим языком некоторых современных зоологических изданий, за которым зачастую видна лишь умело закамуфлированная компиляция или наукообразная пустота.

П.А. Мантейфель мечтал о том времени, когда зоопарк превратится в прекрасное высокогуманное зоологическое учреждение, где животные будут чувствовать себя так же естественно, как в природной обстановке. Надежным свидетельством хорошего состояния животных он считал их успешное регулярное размножение, изучению чего и были посвящены его лучшие работы.

По утверждению бывшего директора зоопарка И.П. Сосновского, исследования П.А. Мантейфеля заложили основы новой научной дисциплины «Зоопарковское дело».

Характерной особенностью научных исследований П.А. Мантейфеля в Московском зоопарке была их тесная связь с охотоведческой практикой. Будучи сотрудником зоопарка, он стал известен не только как зоолог-экспериментатор и писатель-натуралист, но и как биолог-охотовед, автор обобщающих работ по реконструкции охотничье-промысловой фауны.

Под реконструкцией фауны охотничье-промысловых животных П.А. Мантейфель понимал комплекс мероприятий по расширению научных исследований в области прикладной зоологии и охотничьего хозяйства, акклиматизацию и реакклиматизацию животных, их полувольное разведение и одомашнивание,

регулирование численности вредных зверей и птиц, меры биотехнического воздействия на животных и так далее.

Интерес П.А. Мантейфеля к охотничьему хозяйству возник не случайно. С первого года работы в зоопарке он принимал активное участие в подготовке специалистов для охотничьего хозяйства, преподавая ряд охотоведческих дисциплин во Всекоохотсоюзе, в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в политехникуме им. В.И. Ленина, в Московском институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, в Московском институте кожевенной промышленности, в Московском холодильнике пушно-мехового сырья. Он стал одним из первых преподавателей Московского пушно-мехового института, где читал курс лекций по биотехнии уже в 1929 г. В 1936 г. в звании профессора он перешел на постоянную работу в пушно-меховой институт и возглавил кафедру биологии и систематики охотничье-промысловых животных и биотехнии. Этот период его жизни завершился созданием новой научной и учебной дисциплины охотоведения — биотехнии.

Какое содержание вкладывал Петр Александрович в это понятие, в чем состоит сущностная основа биотехнии? П.А. Мантейфель понимал биотехнию как науку о разведении в природных условиях диких охотничье-промысловых и других полезных животных и о рациональном их использовании. Основная задача биотехнии — выявление благоприятных и неблагоприятных факторов среды и изучение механизма их влияния на культивируемых животных, а также влияние этих животных на окружающую среду. В отличие от экологии, изучающей общие закономерности отношения организмов со средой, биотехния изучает разводимых охотничье-промысловых животных в условиях биотехнического эксперимента. Практическая часть биотехнии — биотехнические мероприятия; устранение неблагоприятных, стимулирование и создание благоприятных условий для культивируемых животных.

Центральный раздел биотехнии — охрана и разведение в природных условиях охотничьих животных, выявление редких видов и разработка мероприятий по восстановлению их численности, акклиматизация и реакклиматизация животных, их полувольное разведение и одомашнивание.

Факторы среды П.А. Мантейфель анализировал по двум группам: влияние хозяйственной деятельности человека и влияние других факторов среды.

Он показал характер воздействия на животных земледелия, животноводства, сенокошения, новых водоемов, торфоразработок, лесосплава, палов, химических способов борьбы с вредителями, населенных пунктов, дорог, водных путей сообщения, средств связи, маяков, радиостанций, сбора грибов и так далее.

Им проанализировано также влияние температуры воздуха, ветра, влажности, количества осадков, давления атмосферы, почв, кормов и других факторов.

В учебном курсе «Основы биотехнии» разработаны биотехнические мероприятия для 30 видов охотничьих животных — пушных зверей и копытных. Почти для каждого из этих видов описаны перспективы расселения, техника акклиматизации и отлова, содержание на базе, транспортировка, кормление, техника выпуска, биотехнические мероприятия после выпуска и так далее.

Курс «Основы биотехнии» не был опубликован, поэтому его содержание зачастую трактуют односторонне, сосредоточивая внимание лишь на прикладной части.

Каждый эрудированный зоолог и охотовед знает, что многие современные сводки по охране и рациональному использованию животного мира во многом напоминают курс «Основы биотехнии». Биотехния — это и есть культивирующая охрана природы. Работы П.А. Мантейфеля на несколько десятилетий опередили развитие науки, и лишь много позже проблема культивирования охотничье-промысловых ресурсов стала одной из

важнейших проблем человечества. Заслуга его состоит в том, что он твердо верил: время биотехнии придет, «успех развития биотехнии заключается в том, что эта наука неотделима от широкой практики различных отраслей народного хозяйства».

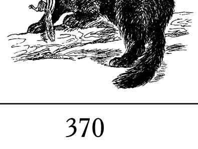
Петр Александрович работал в Московском пушно-меховом институте более 25 лет — с 1929 по 1956 г. Здесь его редко можно было встретить одного: он всегда был окружен боготворившими его студентами и аспирантами. Научная работа продолжалась и во время таких бесед, и в его прекрасных лекциях, и в научно-художественных очерках и книгах. Многие высказанные в устной беседе идеи дали начало глубоким научным исследованиям.

П.А. Мантейфель владел прирожденным даром педагога. «Сосуд наполняя», он никогда не забывал о высшем назначении Учителя — «факел зажечь!» И он зажег его в членах КЮБЗа, в студентах Московского пушно-мехового института, многие из которых стали выдающимися учеными, достойно продолжающими дело учителя. Он был создателем и бессменным лидером московской школы охотоведения, ставшей эпохой в развитии и укреплении охотничьего дела и охраны природы.

В наше время особенно очевидно, как необходимы стране люди мантейфелевского склада — деятельные, смело берущие на себя ответственность за постановку и решение больших государственных задач. Курс «Основы биотехнии» — подлинное руководство к действию в охотничьем хозяйстве.

П.А. Мантейфель видел далеко вперед. Общая стратегия биотехнической помощи природе, положенная в основу созданной им науки, созвучна самым передовым представлениям о взаимоотношениях человека и природы.

О.К. Гусев



«Âîëøåáíûé ñòàðèê»
(Èç âîñïîìèíàíèé ó÷åíèêà Ï.À. Ìàíòåéôåëÿ)

Конец марта 1960 года был теплым, солнечным. Весна катилась буйно, неудержимо, и тем невероятнее казалось, что именно в это время не стало человека, всем сердцем любившего пробуждающуюся зелень лесов, звон пролетающих лебединых стай, страстное чуфыканье косача. Страна потеряла заслуженного деятеля науки, лауреата Государственной премии, профессора Петра Александровича Мантейфеля, а мы, биологи-охотоведы, школьники, преподаватели биологии, многочисленное племя охотников и природолюбов, лишились учителя, наставника и друга, того, кого мы и в семьдесят пять лет называли уважительно и просто: «дядя Петя».

Высокого роста, широкоплечий, с твердой и вместе с тем легкой походкой путешественника и «бродяги», с большими лучистыми и чуть-чуть лукавыми глазами — таким я увидел П.А. Мантейфеля на кафедре биотехнии Московского пушно-мехового института. Таким он оставался всю жизнь.

Любовь к природе привела Петра Александровича в Петровскую сельскохозяйственную академию (ныне ТСХА). С первых курсов он работает у профессоров Д.Н. Прянишникова и Н.М. Кулагина, а с 1910 г. при кафедре академика В.Р. Вильямса изучает почвы юго-востока России. Он участвует в экспедициях в низовья Аму-Дарьи, исследует Ферганскую долину.

В 1914 году — фронт. После Октябрьской революции служба в Красной Армии. А в 1922—1923 гг. Петр Александрович ведет пропаганду агрохимических знаний, будучи сотрудником агитпоезда.

В 1934 г. П.А. Мантейфеля назначают заместителем директора Московского зоопарка.

Он организует поездки в различные части страны, где изучается биология наиболее ценных охотничье-промысловых зве-

рей и птиц; исследует этих же животных в вольерах зоопарка. Сочетание этих методов позволило Петру Александровичу и его ученикам сделать несколько ценных наблюдений.

Так, изучая соболя, П.А. Мантейфель определил время гона у этих зверьков. В Московском зоопарке впервые в мире от соболя был получен приплод. Так соболь, добыча которого была монополией Советского Союза, стал объектом звероводства.

Под руководством Петра Александровича при зоопарке был создан кружок юных биологов зоопарка. Дядя Петя давал своим юным «ученым», московским школьникам, прекрасные знания биологии и повадок зверей, предоставлял ребятам возможность самым серьезным образом работать с животными зоопарка. Многие из воспитанников КЮБЗа стали докторами и кандидатами наук, учеными-охотоведами. И я убежден, что даже те, кто не сделал изучение природы своей основной профессией, остались ее преданными друзьями.

С 1930 г. П.А. Мантейфель — преподаватель Московского пушно-мехового института, где с 1936 г. руководит кафедрой биологии и биотехнии. Умело направляя работу кафедры, не жалея сил для воспитания молодых научных работников, Петр Александрович успешно решал научные и практические вопросы охотоведения. Важным теоретическим вкладом в охотоведческую науку была разработка им основных положений биотехнии.

Петр Александрович никогда не был ученым-созерцателем. «Сохранить природу в первозданном виде, — говорил он, — невозможно хотя бы потому, что жизнь нас не ждет. Растут новые города, прокладываются дороги, создаются водоемы и везде мы должны сказать, что сделать, чтобы во вновь созданных угодьях было достаточно птицы и зверя».

В 1937 г. П.А. Мантейфелю присваивается ученое звание профессора. Кафедра биотехнии Московского пушно-мехового института становится центром научного и практического охотоведения.

Более 20 лет отдал Петр Александрович воспитанию и подготовке охотоведов и звероводов. Прекрасный лектор, знающий дорогу к молодым и увлеченным сердцам, ученый с широким научным кругозором, бесконечно влюбленный в природу, П.А. Мантейфель по праву становится главой школы советских охотоведов и звероводов. Трудно было найти такой уголок страны от Кушки до Мурманска, от Беловежской пущи до Командорских островов, от Кавказского заповедника до заповедника Кедровая падь, где бы охотовед или зверовод с гордостью не сказал: «Я ученик профессора Петра Александровича Мантейфеля».

В 1948 г. П.А. Мантейфеля пригласили работать заместителем директора по научной части Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего промысла (ВНИО). Здесь проявились его прекрасные способности направлять работу ученых.

Много времени отдавал Петр Александрович общественной деятельности. Всероссийское общество охраны природы, различные научные и научно-технические общества, правление Московского общества охотников, всевозможные выставочные комитеты — везде ученый работал с полной отдачей сил.

Последние годы жизни Петра Александровича были очень трудными. Начало изменять зрение, ухудшалось здоровье. Но ученый не сдавался. После реорганизации Московского пушно-мехового института П.А. Мантейфель работал на кафедре звероводства Московской ветеринарной академии, и не было случая, чтобы он, уже тяжело больной человек, опоздал на лекцию или на ученый совет. Все так же смотрели на него влюбленными глазами студенты-звероводы, а он писал на доске и почти не видел написанного.

Научная, педагогическая и общественная деятельность профессора П.А. Мантейфеля была высоко оценена руководством страны. Ему было присвоено звание лауреата Государственной премии, он был награжден орденом Трудового Красного Зна-

мени. Семидесятипятилетие Петра Александровича было отмечено присвоением ему почетного звания заслуженного деятеля науки.

В завершение мне хочется привести отрывок из рассказа Константина Паустовского «Грач в троллейбусе»:

«— Вы про профессора Мантейфеля слышали? — спросил генерал лейтенанта.

— Так точно, слышал, товарищ генерал!

— Каждую птичью повадку знает. И может объяснить. Ну, а насчет всяких колен, пересвистов, перезвонов, трелей, чохов и всей прочей птичьей музыки нет такого другого знатока и любителя в Советском Союзе. Просто волшебный старик!».

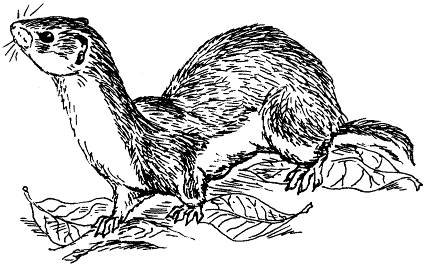
Я благодарен «волшебнику» за то, что он научил меня ходить по земле, понимать крики птиц и шелест деревьев. И чем больше мы будем знать нашу землю, тем дороже она станет нам.

С. Имшенецкий

*****

ЛИДИЯ ГЕОРГИЕВНА МОРОЗОВА-ТУРОВА

1901–1978



Лидия Георгиевна Морозова-Турова родилась в 1901 г. в семье известного русского ученого — лесовода и географа Г.Ф. Морозова. Большая часть ее детства прошла в Петербурге, где в Лесном институте преподавал ее отец. Здесь же, в Лесном, была открыта первая в России школа совместного обучения — Выборгское коммерческое училище, куда отдали учиться всех сестер Морозовых. Коммерческого в этом училище, по словам старшей сестры Ольги Георгиевны, только и было, что два-три специальных предмета в старших классах, а так основное внимание уделялось химии, физике, зоологии и рисованию. Педагоги училища были молоды и талантливы, свободны от педагогической рутины. Ученые института тоже вели занятия с детьми, особенно часто в виде экскурсий и туристических походов. Наверное, в эти годы у Лидии Георгиевны и проявился настоящий интерес к естествознанию вообще и к зоологии в частности.

В те годы, когда я узнала Л.Г. Морозову-Турову, она была уже состоявшимся зоологом, давно и плодотворно работающим в Зоологическом музее МГУ. Скромная, немногословная, сдержанная в проявлении эмоций, она почти ничего не рассказывала о себе. Да и годы те не располагали к открытости.

Все, что я пишу сейчас, я слышала вскользь в рассказах ее сестер, а позднее прочла в повести О.Г. Морозовой «Одна судьба», где можно было почувствовать дух семьи, времени и совсем чуть-чуть узнать о самой Лидии Георгиевне. Из этих рассказов я узнала о жизни этой семьи в годы Первой мировой войны, революции, гражданской войны. В те нелегкие годы очень трудно жилось и семье Морозовых, из голодного Петербурга они переехали в Ялту, затем в Симферополь. В Симферополе после-

дние годы жизни работал в университете ее отец, и, видимо, туда же поступила Лидия Георгиевна. Далее был Владикавказ, где она стала женой С.С. Турова. Они вместе путешествовали по Кавказу, фауне которого посвящены ее первые научные работы. Затем московский Зоологический музей, в котором она работала более 35 лет. В годы Великой Отечественной войны Лидия Георгиевна дежурила на крыше МГУ, тушила зажигалки, ни на один день не оставляя Москву, и, главное, делала все, чтобы сберечь коллекции музея.

Мое личное знакомство с Лидией Георгиевной произошло только в 1952 г., когда студенткой третьего курса педагогического института я в составе экспедиции Зоомузея МГУ под руководством С.С. Турова оказалась в Беловежской Пуще. И хотя я уже была на учебной практике и даже самостоятельно поработала по заданию заповедника в Пуще год назад, настоящее обучение началось с этой экспедиции, где незаметно, но настойчиво именно Лидия Георгиевна вводила меня в профессию зоолога. Я была совершенно городским человеком и до 1951 г. дальше дачи в Пушкино никуда не выезжала. Полевые условия, методы работы в поле, в лаборатории были для студентов, готовящихся стать учителями, мягко говоря, не слишком знакомы. И если бы не С.С. Туров и А.Г. Банников, учившие нас в МГПИ, вряд ли мы бы получили настоящие биологические знания. Нельзя забывать, что это были годы (1949–1953), когда после знаменитой сессии ВАСХНИЛ изучалась только «мичуринская биология».

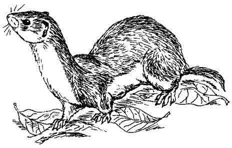
По-настоящему зоологии я научилась лишь в Пуще, именно Лидия Георгиевна научила меня вести дневники наблюдений, расставлять ловушки, препарировать, правильно делать тушки, составлять этикетки и т.д. Я помню не просто ее радость, а ликование, когда мы впервые поймали кустарниковую полевку. Этот вид не был зарегистрирован для фауны Беловежской Пущи, но Лидия Георгиевна предвидела возможность нахождения этого вида

здесь. Когда я принесла после осмотра ловушек эту «неопознанную» уникальную находку, мне впервые пришлось испытать и радость научного поиска, и радость от его первых результатов.

Уже в начале 70-х гг. Туровы уехали в Пески, где жили круглый год, и мы стали видеться реже. Но каждый раз, когда я бывала в Песках, я видела всегда подтянутого доброжелательного и очень занятого человека: сад, дом, собаки, кормушки для птиц, переписка.

Последнее письмо Лидии Георгиевны я получила, когда ее не стало. Она не успела его отправить, так как писала, видимо, накануне смерти. Только здесь, в последнем письме, она сетовала на одиночество, на нелады с сердцем и просила пристроить спаниеля Меджи. Через неделю Меджи уже жила у нас, и мы еще долго не могли смириться с тем, что Л.Г. Морозовой-Туровой нет с нами.

Е.П. Пивоварова



Äàëåå ïóáëèêóþòñÿ âîñïîìèíàíèÿ êîëëåã Ë.Ã. Ìîðîçîâîé-Òóðîâîé

Лидия Георгиевна Морозова-Турова пришла в отдел млекопитающих Зоологического музея в 1939 г на место ушедшей сотрудницы А.П. Разореновой. Меня в отдел рекомендовала Т.Н. Дунаева, и с 1 ноября 1940 г. я стала там работать. Таким образом, с этого момента мы работали вместе до лета 1959 г., когда Лидия Георгиевна ушла на пенсию.

Мы познакомились через несколько дней после моего прихода. Мне она очень понравилась — это была невысокого роста, с большими серыми глазами, очень живая женщина. Лидия Георгиевна была хранителем коллекции хищных млекопитающих, а мне поручили заниматься коллекцией грызунов.

Сразу после начала войны мы стали освобождать на хорах шкафы и переносить коробки с мелкими животными в подвал, где были сделаны стеллажи.

28 июля 1941 г. начались систематические бомбежки Москвы и университет стал готовиться к эвакуации. Лидия Георгиевна со свойственной ей активностью паковала сундуки к отправке в Ашхабад. Она укладывала шкуры, а я помогала ей и писала адрес музея на внутренней стороне крышки каждого сундука.

В ночь на 29 октября невероятной силы бомба попала во внешний двор здания университета напротив Манежа. Сила взрыва была столь велика, что во всех зданиях МГУ вылетели не только стекла, но и рамы. Туровы и Огневы в то время жили в доме по улице Грановского, и в эту ночь они остались без крова. Семья Туровых переехала в здание музея, в помещение, которое сейчас занимает отдел герпетологии.

В МГУ был организован штаб МПВО (местная противовоздушная оборона), где были пожарные команды. В то же время Лидия Георгиевна со всей энергией взялась за организацию медико-санитарной команды, став ее начальником. В команде

было три звена: одно состояло из сотрудников Музея антропологии и два из сотрудников Зоомузея. Вот где проявился истинный организаторский талант Лидии Георгиевны. Она первой со своей командой бывала на месте трагедии и оказывала первую помощь.

Лидия Георгиевна была удивительной женщиной — умная, хорошо знающая не только свой материал, но и вопросы общей биологии. Она обладала острым умом и, что называется, за словом в карман не лезла. Любила музыку, глубоко ее понимала, и мы втроем (вместе с С.С. Туровым) ходили в консерваторию.

Вообще для нее хранительская работа была главной задачей, поэтому наши коллекции, их порядок, доступность приводили постоянных «клиентов» отдела в восторг. По объективным причинам статей она писала мало, для нее это не было главным. Она пользовалась уважением ЗИНовских коллег, к ней всегда обращались за справками и консультациями.

М.В. Васильева

*****

Лидия Георгиевна Морозова с раннего детства проявляла особый интерес к живой природе. Она составила первый гербарий Крымского заповедника, но предпочла профессию зоолога. Став женой С.С. Турова, она не захотела расстаться с памятью о своем отце и до конца жизни носила двойную фамилию. Лидия Георгиевна активно участвовала в работе своего мужа, ездила вместе с ним в трудные горные экспедиции, обрабатывала зоологические сборы. В 1928 г. вышла в свет их первая (но далеко не единственная) совместная статья «Материалы к познанию млекопитающих Северного Кавказа и Закавказья». Тогда же состоялась совместная поездка супругов на Мурманскую биостанцию, оставившая на всю жизнь память о своеобразной природе русского Севера.

Профессиональная деятельность Л.Г. Морозовой-Туровой была почти целиком связана с Зоологическим музеем МГУ, в котором она проработала в общей сложности около 35 лет. Большая часть этих лет отдана хранению фондовых коллекций по млекопитающим. Особенно активной была ее хранительская работа в 40—50-е гг.

С началом войны фондовые коллекции отдела млекопитающих были разделены на две части: одна из них в сопровождении заведующего отделом В.Г. Гептнера была эвакуирована в Ашхабад (туда выехал весь биологический факультет МГУ), а другая осталась в Москве, в здании Зоомузея, на попечении Л.Г. Морозовой-Туровой. Уже в 1942 г. эта вторая часть фондов была расконсервирована; в 1943 г. вернулись и эвакуированные материалы. Можно себе представить, какие заботы по возвращению всех коллекций в нормальное рабочее состояние легли на плечи Лидии Георгиевны: именно ей принадлежит неоценимая заслуга сохранения териологических коллекций Зоомузея МГУ во время войны, ведь начиная с 1942 г.

В 1950 г., в связи с переходом В.Г. Гептнера на штатную должность профессора кафедры зоологии позвоночных биологического факультета Л.Г. Морозова-Турова стала де-факто заведовать отделом млекопитающих. При этом проявилась ее явная склонность именно к музейной хранительской работе. В этом качестве она сделала достаточно много, но особой ее заслугой была организация нового систематического каталога-картотеки фондовых коллекций.

Дело в том, что в 30-е гг. в отделе млекопитающих каталог вели в форме так называемых «накопительных ведомостей»: на каждый вид была заведена отдельная карточка, которая заполнялась по мере поступления новых материалов. Эта форма, заимствованная из ЗИНовской системы учета (где она сохранилась и по сей день), была, наверное, хороша при небольшом объе-

ме коллекций. Но когда число экземпляров по некоторым видам перевалило за тысячи, стало ясно, что нужна индивидуальная каталогизация наряду с индивидуальным этикетажем. И именно Л.Г. Морозова-Турова была инициатором такой формы каталогизации.

Это нововведение не встретило особого энтузиазма со стороны В.Г. Гептнера, за которым и после формального ухода из штата музея сохранялся рабочий кабинет С.И. Огнева и статус научного консультанта-«шефа» (его по-иному и не называли). И надо отдать должное Лидии Георгиевне: несмотря на авторитет «шефа», она все-таки настояла на своем — и теперь в секторе териологии Зоомузея стоит несколько каталожных шкафов, набитых почти 200 тысячами карточек, с которыми работают десятки приходящих специалистов. Сейчас карточки изготавливаются типографским способом или в форме компьютерной распечатки. А тогда их ножницами вырезали из картона, разлиновывали от руки карандашом и от руки же заполняли.

Вообще к системе учета у Лидии Георгиевны, как у всякого истового музейца, были весьма жесткие требования. Она любила повторять и передала эту «заповедь» сменившей ее на посту заведующей отделом О.Л. Россолимо, а та, в свою очередь, — автору этих строк, что нельзя полагаться на свою память, что всякий поступивший экземпляр немедленно должен быть снабжен соответствующей этикеткой и только после этого он становится частью коллекции. И это не была ее прихоть: пройдя через войну и всяческие утраты, Л.Г. Морозова-Турова знала на своем опыте (и приучала окружающих к этой простой истине), что всякий человек смертен и все, что «записано» у него в голове, с его смертью уходит в небытие, а «бумажка» остается.

Всякий человек со временем обрастает связанными с его именем анекдотами. Так вот, про Лидию Георгиевну рассказывали, что у нее был «черный глаз». Она время от времени ходи-

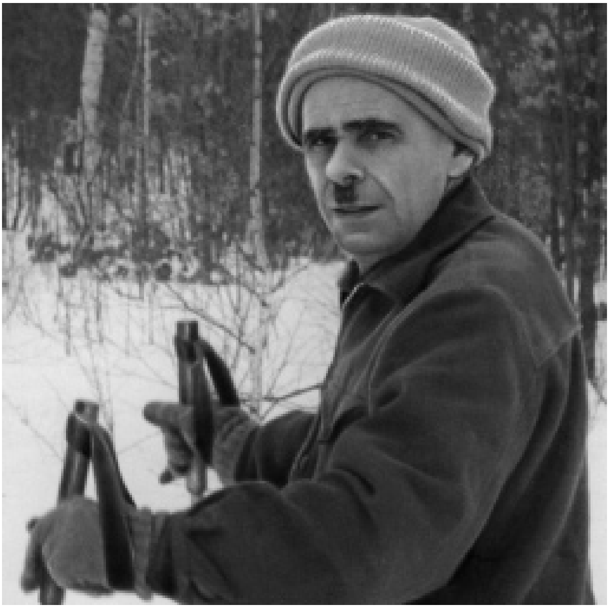
ла в зоопарк, чтобы посмотреть на зверей не только в качестве чучел, но и на живых. Это вполне естественное желание всякого нормального зоолога, уверенного в том, что «животное» и «живое» — слова одного корня. Но музейская натура брала свое: стоило Лидии Георгиевне особенно искренне повосхищаться каким-нибудь выдающимся представителем животного мира, как тот вскоре «перекочевывал» из зоопарка в Зоомузей.

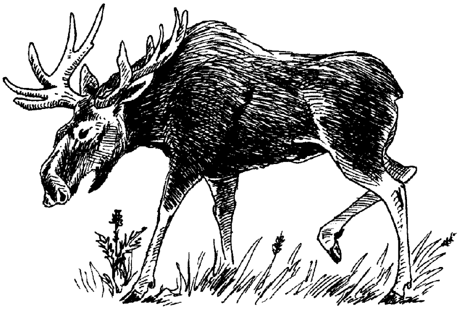
И.Я. Павлинов

*****

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НАСИМОВИЧ

1909–1983





Андрей Александрович Насимович был одним из наиболее крупных экологов и биогеографов нашей страны, выдающимся деятелем заповедного дела.

Самозабвенное, преданное и бескорыстное служение науке, делу охраны природы наряду с исключительными человеческими качествами — душевной теплотой, отзывчивостью, чуткостью и нравственной чистотой — снискали Андрею Александровичу уважение, почитание и любовь всех, кому выпало счастье знать его лично, работать вместе и общаться с ним.

Андрей Александрович прожил удивительно яркую жизнь, до предела насыщенную человеческими радостями и печалями. Он родился в Москве в 1909 г. в семье учителей. Отец был еще и писателем, и после революции его приняли в Союз советских писателей.

Как признавался впоследствии сам Андрей Александрович, к моменту окончания средней школы он еще окончательно не осознал своего жизненного призвания, хотя в ранние школьные годы у него возникло влечение к изучению природы и отчетливое желание путешествовать. Однажды на впечатлительного подростка настолько сильно подействовала увлекательная лекция знаменитого путешественника П.К. Козлова о мертвом городе Хара-Хото, что он сразу же после доклада обратился к лектору с просьбой взять его с собой в очередную экспедицию. В тот раз с поездкой ничего не вышло, но впоследствии у Андрея Александровича было немало полевых будней и праздников.

Не приходится сомневаться в том, что именно всепоглощающая любовь к природе и страсть к путешествиям побудили его в 1927 г. в неполные 18 лет поступить на биологическое отделе-

ние физико-математического факультета Московского государственного университета. В университете тогда преподавали такие замечательные ученые, как В.В. Алпатов, Б.М. Житков, М.М. Завадовский, Н.М. Кольцов, Н.М. Кулагин, М.А. Мензбир, А.Н. Северцов. Их лекции и постоянное общение с ними позволили студенту получить основы глубоких научных знаний в области зоологии и экологии и навыки исследовательской работы. В студенческие годы А.А. Насимовичу посчастливилось лично познакомиться с молодым А.Н. Формозовым и слушать его лекции, которые оказали влияние на окончательный выбор специальности и формирование научного мировоззрения студента. В будущем им довелось немало проработать вместе, в том числе в Институте географии АН СССР.

А.Н. Формозов в 1970 г. писал: «Я помню Андрея Александровича как слушателя той небольшой группы, с которой занимался в 1930 г., в первый учебный год моей преподавательской работы. Насимович был скромный, очень молчаливый студент, небольшого роста и далеко не богатырского сложения. Я упоминаю об этом потому, что через два-три года по окончании университета он неожиданно поразил неисчерпаемым зарядом творческой энергии, незаурядной выносливостью и физической силой. Заинтересовавшись распределением снежного покрова в горах как фактором, влияющим на размещение и жизнь зверей и птиц, он дважды (в 1934 и 1935 гг.) пересек зимой на лыжах и снегоступах Главный Кавказский хребет в его западной части».

Важным событием в студенческой жизни Андрея Александровича была трехмесячная экспедиционная практика в Кавказском заповеднике, которую он проходил под руководством С.С. Турова в 1930 г. Именно в этот период молодой исследователь приобрел интерес к полевой териологии и к заповедному делу, которым посвятил всю свою жизнь. А.А. Насимович приступил к изучению животного мира Кавказского заповедника на сту-

денческой практике, пользуясь советами и наставлениями опытных сотрудников заповедника Д.Л. Бородавкина, Г.А. Кожевникова и А.В. Телеусова (последний много сделал для восстановления популяции кавказского зубра). Уже на следующий год вышла в свет первая работа А.А. Насимовича, написанная по итогам практики и впоследствии он так же всегда стремился оперативно публиковать результаты своих наблюдений и исследований, хотя по объективным причинам это не всегда удавалось реализовать.

В 1931 г. после четырех лет успешной учебы молодой специалист А.А. Насимович получает диплом об окончании университета по специальности «Морфология и систематика позвоночных, охотоведение и промысловое дело» и сразу же на все лето уезжает в заволжские степи. Здесь под руководством И.Б. Волчанецкого и Б.К. Фенюка он внимательно изучает экологию степного хоря, а по возвращении в Москву готовит полный отчет (к сожалению, так и оставшийся неопубликованным).

В первые годы становления молодого ученого большое влияние на него оказали Б.М. Житков, С.А. Бутурлин, Г.П. Дементьев, Л.М. Шульгин и В.Я. Рудановский. Однако главным наставником, несомненно, был А.Н. Формозов, пригласивший Андрея Александровича на работу в свой сектор пернатой дичи НИИ птицеводства и птицепромышленности Наркомснаба СССР. Немалую помощь оказал и М.А. Мензбир. Он дал возможность молодому ученому пользоваться книгами из личной библиотеки, помогал советом. Кстати сказать, сам Андрей Александрович впоследствии собрал очень богатую личную библиотеку и безотказно позволял пользоваться ею всем своим коллегам и друзьям.

Недолго проработав в НИИ птицеводства и птицепромышленности, А.А. Насимович некоторое время трудился во Всесоюзном объединении «Заготмясо» и Военно-охотничьем обще-

стве МВО. В 1933—1934 гг. были напечатаны его первые заметки и брошюры, посвященные промысловой фауне и перспективам заготовки дичи на Севере, в том числе статья об овцебыке.

Летом 1933 г. ему удалось осуществить свою заветную юношескую мечту — устроиться на работу в Кавказский заповедник, полюбившийся еще в студенческие годы. Это позволило в течение пяти лет проводить уникальные круглогодичные наблюдения за крупными млекопитающими. Как териолог, А.А. Насимович особое внимание уделял биологии и экологии копытных заповедника — закавказского тура, благородного оленя и серны, в первую очередь изучению их жизнедеятельности в зимний период. Обладая острой наблюдательностью, врожденным аналитическим умом и широким научным кругозором, Андрей Александрович не ограничивался «узковидовыми» исследованиями, хотя они занимали немалое место в его постоянной деятельности. Главную цель для него в эти годы составляло выяснение роли абиотических факторов в состоянии популяций крупных млекопитающих. Кавказский заповедник предоставлял много возможностей в этом плане. Здесь можно было изучать роль минерального питания в жизни зверей и птиц, особенности миграций, влияние стихийных бедствий и другие проблемы.

По итогам работы в заповеднике А.А. Насимовичем опубликовано более 30 работ.

Поскольку Андрей Александрович всегда отдавал предпочтение зимней экологии животных, ему приходилось совершать трудоемкие и небезопасные маршруты, которые могли бы озадачить даже бывалых спортсменов. Зимой 1934/1935 г. он дважды пересек хребты Большого Кавказа: первый раз на снегоступах, второй на горных лыжах. «Уместно напомнить, — пишет А.Н. Формозов, — что в субальпийском поясе этой области хребта толща снега к концу зимы нередко достигает 4—7 м и над его поверхностью едва выделяются верхушки горных кле-

нов и берез. Здесь очень часты снежные лавины, гибельные для горных копытных и для неопытных путников. Два пересечения хребта, проделанные Насимовичем и сопровождавшиеся снегомерной съемкой, были первыми за всю историю исследований этой части Кавказа и, бесспорно, представляли очень смелые и крайне трудные походы. Близкое знакомство с лавинными районами и снежными лавинами дало ему материал для нескольких публикаций и на эту тему».

Опыт этих походов А.А. Насимович использовал через 15 лет при пересечении Уральских гор вместе с директором и лесничим заповедника «Денежкин Камень» зимой 1950 г.

Период работы в Кавказском заповеднике (1933–1938) был очень продуктивным, так как Андрей Александрович получил завидную возможность вести стационарные наблюдения в условиях, где численность животных велика и жизнь течет почти не тревожимая вмешательством людей.

На основе обобщения бесценных научных материалов, накопленных во время круглогодичных систематических исследований в Кавказском заповеднике, Андрей Александрович подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Зима в жизни копытных Западного Кавказа» и успешно защитил ее весной 1938 г. В полном виде она увидела свет на следующий год — это ставшая классической монография под тем же названием. Любопытно заметить, что ученое звание старшего научного сотрудника было присвоено Андрею Александровичу за два года до защиты кандидатской диссертации — в 1936 г., когда он еще работал в Кавказском заповеднике. Привязанность к этим местам он пронес через всю жизнь, хотя впоследствии ему довелось побывать там лишь три раза — в 1949, 1957 и 1961 гг.

Весной 1938 г. А.А. Насимович переехал с Кавказа на Кольский полуостров, где стал работать в должности заведующего научной частью Лапландского заповедника. Ему снова повезло:

в заповеднике работал дружный коллектив, сплоченный общими научными замыслами и целями. Тем не менее иногда в жизни небольшого, оторванного от цивилизации коллектива случались и коллизии. Заслуга Андрея Александровича состояла в том, что он мог деликатно находить выход из затруднительных ситуаций и неизменно поддерживал дружественную атмосферу, концентрируя усилия на решении творческих задач. В немалой степени этому способствовало присутствие в штате заповедника таких талантливых и квалифицированных ученых, как О.И. Семенов-Тян-Шанский, Г.А. Новиков, а позднее и Т.В. Кошкина.

В северной горной тайге Кольского полуострова с ее долгими снежными зимами продолжал раскрываться творческий потенциал А.А. Насимовича как териолога, специалиста в области зимней экологии млекопитающих. В эти годы он сосредоточил максимум внимания на хищных — лесной кунице, горностае, лисице, выдре, росомахе, используя метод зимнего тропления зверей, предложенный А.Н. Формозовым и В.П. Тепловым и опробованный им самим на Кавказе. В северных лесах этот метод не давал такого эффекта, как в горах Кавказа. Пришлось его усовершенствовать, усилив экологические аспекты. Конкретные итоги исследований появились лишь в послевоенные годы. Причем особо можно выделить принципиальную для развития зимней экологии животных статью А.А. Насимовича, опубликованную в 1948 г., — «Опыт изучения экологии млекопитающих путем зимних троплений».

Работа Лапландского заповедника и участие в ней А.А. Насимовича были прерваны войной. После войны ему довелось работать в этих местах еще пять раз — в 1947, 1948, 1956, 1960 и 1973 годах.

С осени 1941 г. после эвакуации в Горно-Алтайскую автономную область Андрей Александрович некоторое время трудится в местной конторе «Заготживсырье». Затем его призы-

вают в армию. Он поступает курсантом в 1-е Омское пехотное училище и заканчивает его. В конце 1944 г. младший лейтенант А.А. Насимович, командир пулеметного взвода 171-й Идрицкой дивизии, с 1-м Белорусским фронтом дислоцируется в Польше. Весной 1945 г. его переводят в Забайкальский военный округ в противочумный отряд, где в то время служили многие известные зоологи. Здесь судьба ненадолго забрасывает его в Манчжурию (Северо-Восточный Китай). Не очень любил вспоминать свое военное прошлое А.А. Насимович. Это связано не только с его врожденной скромностью, но и с тем, что сам он весьма реалистично оценивал свое место в этой страшной войне, где больше пригодилось не его умение стрелять, а владение немецким и английским языками, университетские знания, привычка к экспедиционной жизни и неприхотливость в быту.

Страсть к познанию природы и к зоологическим исследованиям не покидала Андрея Александровича даже в период военной службы. Поэтому не приходится удивляться, что, оказавшись случайно в северной Манчжурии, он энергично погрузился в изучение неведомой ему фауны даурских степей. Сохраняя верность принципу популяризации научных знаний, он подготовил книгу «Степи Даурии», которая до сих пор не потеряла своей свежести. Ее «с большим интересом встретили зоологи, географы и просто любители природы. Эта книга выдержала несколько изданий и была отмечена самыми лестными отзывами в печати. Достаточно ознакомиться с одним только этим трудом, чтобы оценить, какой высокоэрудированный и талантливый полевой натуралист вырос из скромного студента МГУ выпуска 1931 г.» — писал А.Н. Формозов.

После демобилизации летом 1946 г. А.А. Насимович возвратился в Москву и поступил на работу в Главное управление по заповедникам при Совете Министров СССР (позже при Министерстве сельского хозяйства СССР). Хотя Андрей Алек-

сандрович работал в должности старшего научного сотрудника, ему в основном приходилось заниматься организационной деятельностью. Заповедное дело было ему досконально знакомо, и он с большой энергией пытался облегчить трудную ситуацию, сложившуюся с нашими заповедниками в то время.

В 1950-е гг. к руководству Главным управлением по заповедникам пришел А.В. Малиновский, совершенно некомпетентный в заповедном деле человек. Созданная с невероятным трудом в довоенные годы система заповедников быстрыми темпами разрушалась. В короткое время многие из них были ликвидированы, другие значительно сократили свои площади, а в третьих стали бурно осваиваться природные ресурсы вплоть до отстрела животных, лесозаготовок, промысловой ловли рыбы и массового сбора ягод.

В обстановке тоталитарного режима, царившего в стране, отстаивать интересы заповедного дела решались немногие. В их числе были такие видные ученые, как А.Н. Формозов, Г.П. Дементьев, С.И. Огнев, С.В. Кириков, Г.В. Никольский, Е.С. Смирнов и Б.П. Мантейфель. Позицию защитников заповедников безоговорочно поддержал А.А. Насимович. Он приложил немало сил, чтобы обеспечить бесперебойную научную работу заповедников и оказать действенную помощь в нелегких ситуациях, спонтанно возникавших на местах.

В этот период Андрей Александрович подготовил немало статей, посвященных заповедному делу. Они и поныне поражают глубоким проникновением в суть организационных и научных проблем. Много лет спустя, в коллективной монографии «Опыт работы и задачи заповедников СССР» (1977) А.А. Насимович, будучи автором ключевых разделов, представил творческий синтез деятельности заповедников на территории большой страны.

«Заповедная» тема входила в круг интересов Андрея Александровича до конца жизни. Он не прерывал связей с деятеля-

ми заповедной науки — вел огромную переписку, участвовал в конференциях, консультировал начинающих специалистов, постоянно следил за их научной жизнью.

Живой интерес к экологическим проблемам, связанным со снежным покровом, привел Андрея Александровича в докторантуру Института географии АН СССР. Здесь он получил возможность консультироваться с профессором Г.Д. Рихтером, которого можно по праву считать основателем отечественного снеговедения. Докторская диссертация А.А Насимовича «Роль режима снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР» была успешно защищена в 1953 г. и опубликована в виде авторской монографии в 1955 г. Книга была удостоена премии Московского общества испытателей природы и до сих пор считается крупным достижением отечественной териологии, биогеографии и экологии. Наряду с обширными полевыми материалами автора в ней был представлен также синтез достижений мировой науки по данной проблеме. Практически все материалы для диссертации и монографии были собраны А.А Насимовичем и его коллегами в заповедниках — Кавказском, Лапландском и др. Позже книга была переведена на английский язык и издана Канадской службой дикой природы (в настоящее время — Канадская служба парков).

Со студенческих лет Андрей Александрович блестяще владел мастерством генерализации научной информации. Он мог быстро освоить обширные массивы научных публикаций и в виде рефератов оперативно представить важнейшие результаты в непринужденной манере, совершенно избегая так называемого «телеграфного стиля». Этому редкостному дару способствовало блестящее знание основных иностранных языков, и прежде всего английского, который в послевоенные годы стал самым распространенным в мире средством общения. Андрей Александ-

рович мог практически без помощи словаря читать сложные научные тексты и, что называется с ходу, «схватывал» их суть.

Эти способности очень пригодились ему в годы работы во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНИТИ) в 1953—1963 гг. — в редакциях сначала реферативного журнала «Биология», а затем реферативного журнала «География». Созданный по инициативе профессора А.И. Михайлова, этот институт в течение нескольких десятилетий концентрировал квалифицированные кадры специалистов в конкретных областях науки, и выпуск каждого номера журнала, обобщавшего громадный опыт мировой науки, становился подлинным событием для десятков тысяч читателей.

В полной мере таланты А.А. Насимовича раскрылись в то время, когда он возглавлял редакцию РЖ «География». Каждый из объемистых томов журнала он прочитывал буквально от корки до корки, часто ему приходилось для этого подолгу засиживаться в редакции вечерами, так как в дневные часы много времени «съедала» текущая оперативная работа. Много времени он уделял работе с сотрудниками, неизменно проявляя внимание и благожелательность.

Как это ни удивительно, но Андрей Александрович находил время и сам реферировал массу работ. Общее число сделанных им рефератов измеряется многими тысячами. Он мог заниматься эти делом не только на работе, но и в выходные и праздничные дни и даже в отпуске. Помимо того, что входило в круг его обязанностей в РЖ «География», А.А. Насимович активно занимался распространением новейшей зоологической информации и оперативно сообщал коллегам о выходе выдающихся трудов зарубежных авторов. В конце 50-х гг. — начале 60-х гг. прошлого века в выпусках «Новые книги за рубежом» вышли его рецензии на книги Д. Лэка «Природная регуляция численности животных» (1956), А. Макфедьена «Экология живот-

ных» (1959), «Зоогеография» под редакцией К. Хабса (1960), Ч. Элтона «Экология миграций животных и растений» (1960), Х. Андрьюарта «Введение в изучение популяций животных» (1962), Ф. Стрита «Исчезновение животных» (1962), В. Винн-Эдвардса «Размещение и животных в связи с их социальным поведением» (1963). В эти же годы А.А. Насимович публикует серии статей по теории акклиматизации и методам количественного учета животных.

Но главным событием в отечественной териологии тех лет стал выход в свет в 1961 г. 1-го тома «Парнокопытные и непарнокопытные» серии «Млекопитающие Советского Союза», для которого, совместно с В.Г. Гептнером и А.Г. Банниковым, А.А. Насимович написал содержательные очерки по биологии и практическому использованию 17 видов парнокопытных млекопитающих. Книга в 1966 г. вышла на немецком языке в ГДР. И уже в 1967 г. там же, в ГДР, на немецком языке была опубликована монография А.А. Насимовича и В.Г. Гептнера «Лось».

Творческая зрелость и профессиональное мастерство А.А. Насимовича полноценно реализовались в последний период его беззаветного служения науке, начавшийся с 1963 г., когда он перешел на работу в Институт географии АН СССР. В то время в лаборатории биогеографии, возглавляемой А.Н. Формозовым, а потом Ю.А. Исаковым, трудилась замечательная плеяда ученых: С.В. Кириков, Д.В. Панфилов, О.С. Гребенщиков, К.С. Ходашова, Р.П. Зимина, О.Н. Шубникова, позднее в коллектив влились Р.И. Злотин, Н.С. Казанская, М.А. Вайсфельд, М.В. Глазов, А.А. Тишков, связанные между собой не только служебными нитями, но и узами простых и добрых человеческих отношений.

Андрей Александрович легко вписался в этот дружный и слаженный коллектив единомышленников и сразу же нашел в нем свою профессиональную нишу. Ему не пришлось зарабаты-

вать научный авторитет и заботиться о своем престиже: все это давно было в его «багаже», который, впрочем, и не надо было «распаковывать». В чисто человеческом плане Андрея Александровича, великого труженика и энтузиаста науки, полюбили все — сразу же и навсегда.

Первая работа в Институте географии была связана с изучением ресурсов животного населения севера Западной Сибири. Опытный и легкий на подъем полевик, А.А. Насимович провел летний сезон 1964 г. в этом регионе, проделав большой маршрут через Тюмень, Новосибирск, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Салехард и Лабытнанги. В бассейне р. Назым ему удалось совершить серию дальних маршрутов в прибрежную тайгу. Материалы, собранные в этой экспедиции, были положены в основу обобщающей статьи. Помимо того, Андрей Александрович сумел скоординировать работу большинства западносибирских географов и наладить много контактов по всему региону, что помогло заложить основу для будущего сотрудничества.

В 1964 г. по инициативе А.А. Насимовича в лаборатории биогеографии развернулась работа по теме «География ресурсов фауны СССР», которая сохраняет актуальность до сих пор. На первых порах постановка ресурсной тематики не получила поддержки в дирекции института, и понадобились титанические усилия со стороны А.А. Насимовича, его непререкаемый авторитет среди зоологов страны и недюжинные организаторские таланты, чтобы претворить эту идею в жизнь. Среди авторов 8 монографий, подготовленных лабораторией биогеографии Института географии, много ученых из провинциальных НИИ, вузов и заповедников.

Андрей Александрович лично разработал программу исследований и структуру каждой монографии. Первая — «Соболь, куницы, харза» — вышла в 1973 г., положив начало серии «Промысловые животные СССР и среда их обитания». Книга полу-

чила высокую оценку в кругах специалистов — географов, биологов, охотоведов. Стала очевидной крайняя желательность продолжения серии и целесообразность включения в исследование большего числа видов, и не только млекопитающих, но и птиц.

Смерть А.А. Насимовича прервала работу по данной тематике, но не остановила ее. У сотрудников лаборатории биогеографии уже был накоплен опыт работы над этой серией, и коллектив был полон решимости продолжать дело, начатое Андреем Александровичем, отдав этим дань ему, как основателю программы.

Особо следует отметить деятельность А.А. Насимовича по сохранению и публикации научного наследия А.Н. Формозова, скончавшегося в 1973 г. Им подготовлены к печати сборник статей и монография А.Н. Формозова, что существенно расширило библиографию научных работ выдающегося ученого, который не всегда успевал обобщать данные наблюдений. Со свойственной ему дотошностью Андрей Александрович собрал, отредактировал и подготовил к изданию ценнейшие работы учителя, которые и сейчас, спустя четверть века, составляют классику отечественной зоогеографии и экологии.

Андрей Александрович оставил огромное научное наследие. Точное число его публикаций трудно определить, но и количество известных трудов поражает воображение. Их список отнюдь не исчерпывается 250 названиями, поскольку из-под его пера помимо этого вышли многочисленные рецензии, хроники, тезисы докладов и отзывы, не говоря о множестве рефератов. Недаром в юбилейном сообщении к 70-летию А.А. Насимовича его коллеги Ю.А. Исаков и Е.Н. Матюшкин отметили: «Сделанное им, как нам кажется, намного превышает возможности одного человека». С этим утверждением нельзя не согласиться.

Поразительная трудоспособность Андрея Александровича была его жизненной потребностью и кредо. Не работать он не

мог. Даже в отпусках он трудился и лишь однажды по возвращении с отдыха Андрей Александрович как-то смущенно сознался, что перечитывал «Войну и мир». Обычно же после отпуска появлялся в печати его очередной труд.

Андрей Александрович был на редкость разносторонним человеком. Он активно участвовал в деятельности многих научных обществ, ученых советов, редколлегий. Только один их перечень производит впечатление: Московское общество испытателей природы, московский филиал Географического общества СССР, Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний («Знание»), совет Московского зоопарка, Главохота РСФСР и многие другие.

В 70-х гг. А.А. Насимович готовил первый национальный доклад СССР (объем 478 с.) для Международной конференции по ресурсам биосферы под эгидой ЮНЕСКО, записку в Правительство о ресурсах фауны Сахалинской области и Командорских островов и ряд других работ. Он постоянно что-то «готовил», «выполнял», «редактировал» и т.д. Многочисленные внеплановые поручения по линии Академии наук, ВИНИТИ, МОИП, Главприроды Минсельхоза СССР отнимали у А.А. Насимовича уйму сил и времени, порой просто выбивали его из колеи. Но по своей натуре он не мог ответить отказом на просьбу руководства. Все эти поручения Андрей Александрович выполнял с большой тщательностью.

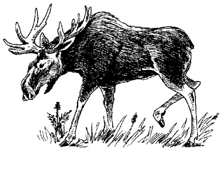
Он вообще всегда с большой ответственностью относился в любой работе, и в частности, к редакторской. Авторы на собственном опыте могут подтвердить, что он был безупречным редактором. Все работы, отредактированные им, не нуждались в дальнейшей литературной правке — настолько тщательно были выверены каждая фраза, каждое слово, каждый факт. В те годы большинство редакторов вписывали исправления вручную. Андрей Александрович делал это исключительно на пишущей ма-

шинке. Его орудиями неизменно были ножницы и клей, поэтому отредактированный им текст нередко представлял собой причудливую комбинацию из вклеенных полос, фрагментов и абзацев, а подчас и отдельных слов. Профессиональные машинистки без труда перепечатывали отредактированные Андреем Александровичем работы, не тратя время на расшифровку правки.

Он был всегда ровен в отношениях с окружающими, исключительно корректен и деликатен. Даже по отношению к тем людям, которые не вызывали у него никаких симпатий, он никогда не позволял себе негативных высказываний, правда если это не касалось проблем охраны природы и родных заповедников. Здесь авторам этого очерка неоднократно доводилось наблюдать покрасневшего, перешедшего в пылу дискуссии на несколько сбивчивый ритм разговора А.А. Насимовича, отстаивающего свои идеи. Но правила всегда быть доброжелательным и откликаться на любые просьбы коллег он придерживался неизменно. Природа щедро одарила Андрея Александровича не только талантом большого ученого. Он был тонким ценителем классической музыки, хорошо знал мировую художественную литературу, блестяще играл в шахматы.

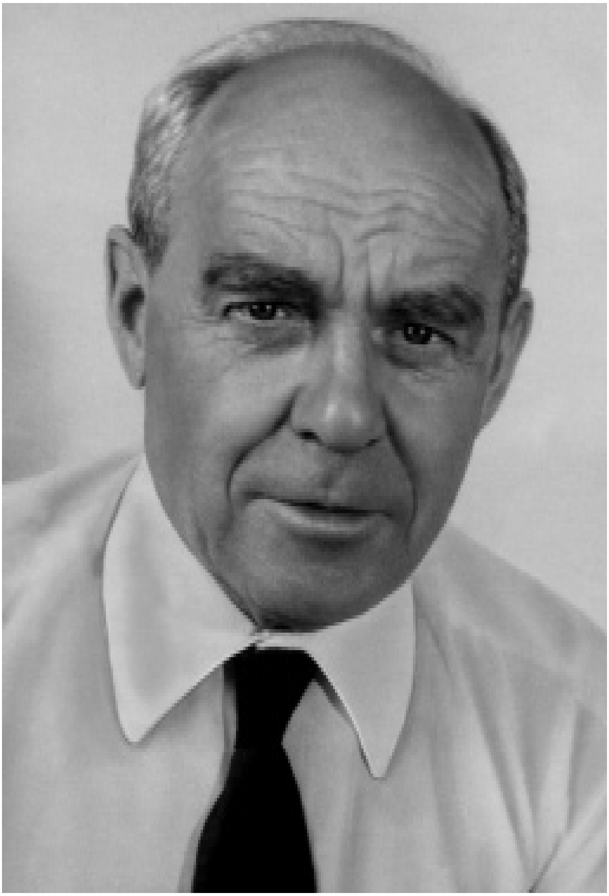
Андрей Александрович навсегда останется для многих зоологов, экологов, биогеографов и специалистов заповедного дела любимым учителем, доброжелательным коллегой и наставником, верным другом. Его жизнь, отданная изучению и сохранению фауны нашей страны, долго будет служить ярким примером для молодого поколения ученых-зоологов России.

А.А. Тишков,
М.А. Вайсфельд



НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ НАУМОВ

1902–1987



Николай Павлович Наумов родился 25 ноября в семье московских старообрядцев, традиционно живших в районе Таганки. Его отец Павел Александрович был учителем младших классов гимназии, мать Анна Владимировна — домохозяйкой. Главой семьи и владетельницей пяти домов на Таганке была бабушка Николая Павловича, Елена Григорьевна Наумова. Это была женщина огромной силы характера. Когда ей было 19 лет, она сама задержала вора, залезшего в дом. В 20 с небольшим она фактически стала реальной владелицей сравнительно большого хозяйства, так как ее мужа разбил полный паралич и вскоре он умер. Елена Григорьевна больше замуж не выходила и все силы отдала воспитанию сына и дочери и ведению домашнего хозяйства. Николай Павлович вспоминал, что бабушка оказала на него огромное влияние. Будучи не столь уж состоятельной, она пользовалась большим уважением, причем не только в семье. Так, посаженым отцом на свадьбе ее дочери был П.А. Столыпин.

Николай Павлович с детства обладал кипучей энергией и инициативностью, которые сохранил до старости. И в 75 лет он каждое утро делал зарядку, которая в дачный сезон включала залезание на шест, упражнения на кольцах и купание в холодном ручье.

В 16 лет (в голодном 1918-м) он со своими младшими братьями Александром и Сергеем открыл станцию натуралистов и любителей природы на семейном дачном участке под Битцей, где семья Наумовых владела 6 гектарами земли. До революции Николай Павлович учился в классической гимназии, а после 1917 г. — в реальном училище.

По окончании училища в 1919 г. он поступает в Петровскую (впоследствии Тимирязевскую) сельскохозяйственную акаде-

мию, которую заканчивает в 1924 г. Параллельно с учебой в академии Николай Павлович посещает занятия в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, где слушает курсы блестящих профессоров по естественным наукам М.А. Мензбира, Б.М. Житкова, И.И. Каблукова и ряда других. Очень теплые отношения сложились у него с Борисом Михайловичем Житковым, которого он всю жизнь считал своим учителем. Будучи студентом, Н.П. Наумов выступил одним из инициаторов создания при академии курсов охотоведения и был избран членом правления этих курсов.

После окончания учебы его направляют на работу преподавателем биологии в школу и на вечерний рабфак. Одновременно он работает внештатным практикантом в лаборатории биологии и охотничьего промысла под руководством Б.М. Житкова, по рекомендации которого в 1926 г. едет в Туруханский край (Эвенкия) для участия в проведении первой приполярной переписи населения. Всего за несколько месяцев до отъезда он женится на Вере Васильевне Потехиной, которая через год приезжает к нему в Красноярск.

В обязанности переписчика-регистратора входила необходимость найти всех жителей, в том числе и в самых отдаленных местах вверенного участка. А участок достался если и меньше Франции по размерам, то ненамного. Николай Павлович всегда относился к своим обязанностям очень серьезно, и даже трудно представить, сколько он проехал километров на оленьих упряжках, верхом, по рекам на легких долбленых лодках в поисках далеких кочевий, но зато нашел практически всех обитателей края.

После окончания переписи населения и подведения ее итогов Н.П. Наумов работает охотоведом землеустроительной экспедиции Эвенкийского национального округа. В 1928 г. он едет на культбазу в устье Туры (приток Нижней Тунгуски), где еще 3 года работает на фактории школьным учителем в националь-

ной школе и директором лаборатории и краеведческого музея, которые сам организовал.

Там прошли первые годы жизни его единственной дочери. Наташу он с Верой Васильевной привез по замерзающей Нижней Тунгуске на культбазу, когда дочери было неполные 4 месяца. Последнюю часть пути большие лодки илимки приходилось тащить на канатах, мужчины шли бурлаками. Один раз илимка сорвалась с каната и ее потащило вниз, к порогу, но благодаря быстрым и четким действиям «бурлаков» все обошлось благополучно и лодку скоро поймали.

Всего в Туруханском крае Николай Павлович проработал почти шесть лет. Это была его первая большая эпопея, за которой в дальнейшем последовали не менее значительные и глубокие, но эта, первая, все же осталась самой любимой и незабываемой. Батюшка Енисей, Нижняя и Подкаменная Тунгуска, эвенкийская тайга были для него самыми любимыми местами. Когда Николай Павлович начинал рассказывать о них, даже у совершенно непосвященного слушателя рождалось ощущение полной реальности и сопричастности, настолько живы и ясны были эти рассказы. С огромным теплом и любовью Н.П. Наумов вспоминал и тунгусов (эвенков). Он в совершенстве владел тунгусским языком и был переводчиком на Первом съезде Советов Эвенкии. Тщательно изучал быт и нравы тунгусов, старался увидеть глубокий смысл их уклада, обычаев и обрядов. Одна из его ранних монографий «Советская Тунгусия» (совместная с А. П. Куриловичем) в значительной степени посвящена структуре хозяйствования у тунгусов.

Осенью 1931 г. Николай Павлович возвращается в Москву. К этому времени он уже автор ряда научных работ. В том же году его зачисляют старшим научным сотрудником Института зоологии Московского университета в лабораторию С.И. Огнева, где вместе с А.Н. Формозовым и П.А. Свириденко он воз-

главляет цикл работ по мышевидным грызунам. В это же время Н.П. Наумов становится доцентом кафедры зоологии позвоночных МГУ. Первый год работы в университете посвящен прежде всего обработке собранных в Туруханске материалов. Кроме охотоведческой тематики он начинает уделять большое внимание общим экологическим закономерностям, в первую очередь вопросам динамики численности. Одновременно Николай Павлович читает курс лекций по технике промысла пушных зверей в пушно-меховом институте в Балашихе.

В 1934 г. Н.П. Наумову по совокупности работ без защиты диссертации присваивается степень кандидата биологических наук.

В 1936—1939 гг., не прекращая исследовательской и преподавательской деятельности, Николай Павлович поступает в докторантуру Института эволюционной морфологии им. А.Н. Северцова, в лабораторию эволюционной экологии С.А. Северцова. В докторантуре им подготовлена и успешно защищена (в феврале 1941 г.) докторская диссертация на тему «Очерки сравнительной экологии мышевидных грызунов». В 1948 г. она издается отдельной книгой. В ней изложены теоретические основы и проблемы динамики численности, выдвинуто важнейшее теоретическое положение о стациях переживания и расселения в популяциях мышевидных грызунов. Это положение имело и огромный практический смысл, так как создавало основу для более быстрой и эффективной практической работы с грызунами— вредителями сельского хозяйства и распространителями особо опасных инфекций.

Во время Великой Отечественной войны Н.П. Наумов работал в специальных противочумных отрядах в Киргизии, на юге Казахстана, в Монголии и Китае. Основным местом работы был город Пржевальск в Киргизии, на берегу Иссык-Куля. Эти противочумные отряды занимались практической работой.

Николай Павлович сам несколько раз участвовал в ликвидации вспышек чумы среди населения в Монголии и Китае. За эти годы ему довелось работать с «новыми» для него видами в новых ландшафтах и экосистемах, на которых он проверял свои научные теории и гипотезы. И так же живо, глубоко, как енисейскую тайгу, он полюбил и Тянь-Шаньские горы, и казахстанские пустыни. Как и на Тунгуске, ему было интересно все, включая быт и нравы коренного народа. Николай Павлович знал казахский язык и мог вполне свободно на нем изъясняться, хотя сам говорил, что казахский знает хуже тунгусского.

В 1945 г. он организовал первую в стране лабораторию медицинской зоологии в Институте микробиологии и эпидемиологии им. Н.Ф. Гамалеи. Лаборатория вела интенсивные исследования природных очагов особо опасных инфекций, в первую очередь чумы. Главными районами экспедиций Николая Павловича стали пустыни Средней Азии, прежде всего Приаральские Каракумы (здесь экспедиция проработала около 30 лет). В результате этих работ Н.П. Наумовым была разработана теория об элементарных очагах чумы, что послужило развитием общей теории природной очаговости академика Е.Н. Павловского. Идея Н.П. Наумова легла в основу эпизоотологической разведки и оздоровления природных очагов болезней. Подобные элементарные очаги были обнаружены не только для чумы, но и для других инфекций. За цикл работ по изучению природных очагов чумы Н.П. Наумов в 1959 г. получил Ломоносовскую премию первой степени — одну из высших наград научного сообщества в области естественных наук.

11 мая 1949 г. Николаю Павловичу присвоили звание профессора.

В 1951 г. он был приглашен в Московский университет заведовать кафедрой зоологии позвоночных биолого-почвенного факультета и возглавлял ее 33 года (до 1984 г.). Работе на ка-

федре Н.П. Наумов уделял огромное внимание и отдавал много сил. Кафедра зоологии позвоночных всегда была для него предметом особой гордости — гордости не за себя, но за любимое и очень интересное дело, за место, родное по духу, второй дом. Когда он говорил: «Кафедра», всегда было понятно, о какой кафедре идет речь, и само слово звучало как бы с большой буквы. Влияние Николая Павловича на кафедре было огромно, но никогда не строилось на бюрократическом давлении или жестком администрировании. Он был лидер и мэтр. Но вовсе не единственный и главный.

В это время на кафедре блистают имена замечательных зоологов старшего поколения — Б.С. Матвеева, Г.П. Дементьева, В.Г. Гептнера. Коллектив кафедры пополняется новыми талантливыми зоологами — В.Е. Соколовым, И.А. Шиловым, Р.Л. Бёме, Н.Н. Карташевым, К.Н. Благосклоновым, а позже Г.Н. Симкиным, В.С. Лобачевым, Б.Д. Васильевым, А.А. Никольским, М.Е. Гольцманом и многими другими. Кафедра пользуется огромной любовью студентов, и желающих учиться на ней каждый год много больше, чем мест. Попасть на нее считается за честь. И главное — здесь царит дух радостного творчества, дух сотворчества учителей и учеников. Поэтому сотни и сотни выпускников радостно говорят: «Я окончил ЗП при Копалыче». На прозвище Н.П. Наумов никогда не обижался. К тому же оно имело двойной смысл: знаток нор, Николай Павлович был искусным копателем, он «чувствовал дух норы». Он говорил: «У нас на кафедре студенты делают науку, и часть кафедральных достижений — их заслуга». А заслуг было много. Кафедра не раз становилась самой лучшей на биофаке и по уровню успеваемости, и по научным разработкам.

Как заведующий кафедрой Н.П. Наумов был удивительно чуток к новым веяниям и умел предвидеть перспективы. Благодаря его усилиям значительно расширяется тематика работ и

наряду с классическими появляется ряд новых дисциплин. Это изучение сигнализации у животных разных систематических групп и изучение эхолокации, вопросы ориентации и миграций, биоакустика и этология, бионика и биокибернетика. Читаются курсы охраны природы и медицинской зоологии. При кафедре создается ряд проблемных лабораторий. Вместе с тем все традиционные курсы и направления по-прежнему представлены в работе кафедры, по ним читаются лекции и защищаются курсовые и дипломные работы.

В 1958 г. Н.П. Наумов избирается деканом биолого-почвенного факультета МГУ. За 12 лет его деканства значительно расширились междисциплинарные, комплексные исследования между разными отраслями биологии, математики, физики и химии. Вместе с тем он очень четко осознавал необходимость сохранения традиционных направлений и важность биологии как таковой. Он добился того, чтобы первым профилирующим экзаменом при поступлении на биологический факультет была именно биология.

Одним из своих крупных организационных деяний Николай Павлович считал прекращение деятельности лысенковцев на биолого-почвенном факультете. Это было отнюдь не просто, так как лысенковцы активно поддерживались партийным бюро университета. Ректор университета И.Г. Петровский предупреждал Николая Павловича, что дело, им затеянное, рискованно и может ему повредить (что и произошло несколько позже). Накануне решающего общеуниверситетского собрания И.Г. Петровский и Н.П. Наумов около часа гуляли вокруг Главного здания МГУ, так как ректор счел, что на подобные темы лучше беседовать не в кабинете (говоря об этом, он указал глазами на верхний угол стены). На том собрании лысенковцы лишились своих постов, что по сути означало конец лысенковщины (Николай Павлович употреблял это слово почти как ругательство) как таковой.

После ухода с поста декана Наумов еще долго оставался заведующим кафедрой и при этом продолжал свою научную деятельность. Уже будучи достаточно пожилым человеком, он сохранял удивительное чутье на новые идеи и прекрасную работоспособность. По крайней мере две из его поздних научных концепций оказались удивительно перспективными и прогностичными. Это идея о сигнальных биологических полях и учение о популяционной парцелле. Первую концепцию без всяких преувеличений можно назвать глобальной метатеорией коммуникативных процессов. В настоящее время эта теория еще недостаточно развита, но эвристический потенциал ее, безусловно, очень велик. Вторая концепция — о популяционной парцелле как надсемейной организации «лично знакомых и устойчиво контактирующих друг с другом особей» в популяциях животных — имеет очень важное значение в этологии, так как фиксирует уровень протекания поведенческих процессов.

Н.П. Наумов был истинным «гражданином республики просвещенных умов», по крайней мере в экологии. Он вел активную переписку с ведущими экологами мира. Среди его постоянных корреспондентов были Ч. Элтон, Дж. Мак-Артур, Дж. Кристиан, Д. Читти, Дж. Колхаун, К. Петрусевич, В. Вин Эдвардс и многие другие. Накануне Рождества и Нового года Николай Павлович посылал огромное количество поздравительных открыток и писем. Число отправляемых им ежегодно только за рубеж открыток сильно переваливало за полторы сотни. Не меньшее количество он посылал в разные уголки Родины. Среди биологов старшего поколения Н.П. Наумову повезло быть знакомым с такими выдающимися людьми, как М.А. Мензбир, П.П. Сушкин, А.Н. Северцов, Б.М. Житков, А.А. Ширинский-Шихматов, С.И. Огнев, И.И. Шмальгаузен, Н.А. Бобринский, Е.Н. Павловский и многими другими.

Николай Павлович всегда говорил о своих учителях с каким-то особым трепетом и вдохновением. В его рассказах они выступали как очень живые люди, подчас со своими слабостями, но всегда второй главной нотой этих рассказов звучало: «Это были гиганты». Наверное, поэтому и сам он для очень многих стал учителем. Под его руководством защищено более 10 докторских и более 40 кандидатских диссертаций. Преподаванием он занимался практически с начала своей профессиональной деятельности и вплоть до конца жизни. На биофаке МГУ им читались курсы зоологии позвоночных, экологии, медицинской зоологии.

Н.П. Наумов активно участвовал в жизни научного сообщества. В 60-е и 70-е гг. он представлял Советский Союз в Международном союзе биологических наук, был членом Комиссии по высшему биологическому образованию при ЮНЕСКО и входил в редколлегию издаваемого этой организацией ежегодника «New Trends in Biology Teaching». Он был также членом Национального комитета биологов СССР и входил в состав его президиума, был председателем Координационного совета по биозащите, а с 1965 г. — председателем секции биологии и бионики Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

Николай Павлович входил в состав редколлегий ряда научных журналов, долгие годы был членом ученых советов университета и биофака МГУ и председателем специализированного совета по защите докторских диссертаций по специальности «зоология». Также он являлся действительным членом МОИП и почетным членом Всесоюзного териологического общества.

Николай Павлович был знаком с огромным количеством советских биологов, пожалуй с большей частью ведущих ученых страны. Со многими у него были очень теплые, дружеские отношения. Среди них А.Н. Белозерский, Л.В. Крушинский,

М.С. Гиляров, Л.А. Зенкевич, Г.В. Никольский, А.Н. Формозов, Г.П. Дементьев, Б. К. Фенюк, В.Н. Пастухов, Н.И. Калабухов и многие другие. Самыми близкими его друзьями были Н.Г. Олсуфьев, М.В. Горленко, В.А. Попов и, конечно, родной брат С.П. Наумов.

Николай Павлович имел несколько правительственных наград. В 1961 г. он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1976 г. — медалью «За трудовую доблесть», а в 1978 г. ему присвоили звание «Почетный деятель науки и техники».

Список печатных работ Н.П. Наумова насчитывает около двух сотен наименований. Бывают и более длинные списки, но не так уж часто — столь качественные. Им опубликовано 8 монографий, еще 13 написано в соавторстве, причем почти в половине из них его фамилия стоит первом месте. Его «Экология животных» была переведена в США, Великобритании, Японии, Китайской Народной Республике, Румынии и Польше. Долгое время эта была одна из наиболее часто цитируемых работ в советской экологической школе. Книга не потеряла своей актуальности и сейчас, подтверждением чего служит ее достаточно высокий индекс цитирования и в современных работах (хотя второе дополненное издание этой книги вышло в 1963 г., т.е. почти сорок лет назад). Очень важной и тоже не потерявшей своей актуальности является двухтомная «Зоология позвоночных» Н.П. Наумова и Н.Н. Карташева. Это один из лучших учебников для вузов по зоологии.

Фундаментальное значение для развития отечественной зоологии имел многотомник «Млекопитающие Советского Союза» под редакцией В.Г. Гептнера и Н.П. Наумова, где Николай Павлович был соавтором второго тома о хищных млекопитающих. Этот труд переведен на немецкий язык.

Классическими стали и монографии «Природный очаг чумы в Приаральских Каракумах» (совместно с В.С. Лобачевым,

П.П. Дмитриевым, В.М. Смириным) и «Биологическая кибернетика» (совместно с А.Б. Коганом, В.Г. Ражабеком, О.Г. Чароевым). Тематика монографий Наумова весьма широка и включает экологию, охотоведение и технику охотничьего промысла, разные аспекты медицинской зоологии, биокибернетику, бионику. Кроме монографий Николай Павлович опубликовал 86 научных статей, где он единственный автор. Около половины из них объемом более печатного листа, 11 написаны на иностранных языках. Еще более чем в 30 научных статьях он первый автор. А вот тезисов Н.П. Наумов опубликовал не очень много, не более 20 % от общего количества работ, хотя и среди них подавляющая часть написана им самим, без соавторов.

Тематика работ и область научных интересов Николая Павловича были весьма обширны, хотя главный интерес для него, так или иначе, всегда был связан с экологией в широком смысле этого слова. Расширение круга вопросов, привлекающих его внимание, подчинено строгой логике. Начинал свою деятельность он под сильным влиянием Б.М. Житкова, и главной темой первых его работ было охотоведение и вопросы динамики численности популяций как необходимой научной основы прогноза и рациональной эксплуатации промысловых популяций. В дальнейшем научный интерес Н.П. Наумова сместился в область медицинской зоологии и разработки теории структуры популяций. Важнейшими понятиями, введенными им в экологию популяций, стали стации переживания и расселения. Структура популяций, как считал Николай Павлович, теснейшим образом связана и с динамикой их численности. Параллельно этому и в некоторой степени на основе того же материала он разрабатывает теорию надорганизменных систем: вопросы их иерархического строения, взаимодействия разных уровней и способов классификации. Так создается теория иерархически организованных популяций разного ранга и делается ряд других обобще-

ний. Затем, понимая, что особи в популяциях теснейшим образом связаны между собой, Н.П. Наумов начинает уделять большое внимание вопросам сигнализации, поведения и общения у различных групп животных. Сигнализация и общение рассматриваются им не только с точки зрения биолога-предметника, но в более абстрактной форме. Отсюда с необходимостью возникает его увлечение бионикой и биокибернетикой. Начинается цикл работ, посвященных этой проблематике, в тесном сотрудничестве с представителями математики, физики и информатики. Общей и очень важной характеристикой научной деятельности Николая Павловича была та легкость перехода от высокой теории к реальной практике и наоборот, от конкретной практики к общей теории. Недаром его основные идеи о структуре популяции родились из необходимости решения практических задач при оздоровлении природных очагов опасных болезней, а представление о виде как о сложной системе популяций разного уровня и ранга стало основой для прогноза численности охотничьих видов.

Рассказывая о Николае Павловиче, невозможно не упомянуть о нем как о главе семьи. 12 апреля 1926 г. состоялась его свадьба с Верой Васильевной. Через 2 месяца он уехал в Красноярск и, далее, на Тунгуску, оставив молодую жену почти на год одну. Это могло показаться не очень нежным, но они верили друг другу и у них вся жизнь была впереди. Через год Вера Васильевна приехала к мужу в Красноярск. Оставшуюся жизнь они прожили вместе. Это была пара, поразительная по взаимной преданности и любви. Вера Васильевна вспоминала, что, когда она увидела Николая Павловича впервые, он показался ей настолько красивым, что она не могла оторвать от него глаз. (Хотя реально его вряд ли можно было назвать писаным красавцем). Тогда обоим было по двадцать. Но так она смотрела на него и когда им стало за восемьдесят. Их единственная дочь, Наталья Николаевна, росла в атмосфере настоящей любви. Она

была человеком удивительной душевной чистоты и отца любила беззаветно. Так что это была счастливая семья, вот только дочь заболела в 14 лет геморрагической лихорадкой и «сорвала» себе почки. Наталья Николаевна родила троих сыновей и в неполных 39 лет скончалась от тяжелейшего пиелонефрита. Это был страшный удар для всей семьи. С зятем, Д.В. Поярковым, отношения у Н.П. Наумова не сложились, и после смерти дочери трое внуков оказались у него на воспитании. В 1982 г., 23 лет от роду, от обширного инсульта скончался младший внук Алексей. Так Николаю Павловичу суждено было пережить не только единственную дочь, но и одного из внуков. С этого момента у него резко ухудшилась память и он начал сдавать.

В январе 1987 г. Николай Павлович тяжело заболел. Вскоре ему становится резко хуже и он попадает в 5-ю городскую больницу, где выясняется, что это запущенная стадия рака. Он скончался 2 февраля 1987 г., и его последние предсмертные слова были: «Мало я сделал».

В конце очерка хотелось бы вспомнить то, что сказал академик С.С. Шварц (главный научный оппонент Н.П. Наумова) на его 70-летнем юбилее: «Вклад ученого определяется в первую очередь тем, что он внес в развитие логики науки, которой он занимается. Мало кто сделал больше, чем Николай Павлович Наумов для развития логики экологии».

А.Д. Поярков,
Н.Д. Поярков

Âîñïîìèíàíèÿ î Íèêîëàå Ïàâëîâè÷å Íàóìîâå åãî âíóêîâ Íèêîëàÿ è Àíäðåÿ Ïîÿðêîâûõ

По нашим воспоминаниям Николай Павлович был человеком очень сдержанным и при этом практически всегда доброжелательно-ироничным. Он крайне редко употреблял бранные слова, и при этом они всегда были цензурными: едва ли не самыми сильными «выражениями», которые доводилось слышать, были слова «собака», «негодяй» и «сволочь». В то же время, будучи человеком азартным, мог «завестись» и показать класс. Вспоминается такая история. Нам купили первые ружья. Естественно, на даче было решено их опробовать. Мы, салаги, стреляли первыми по статичным мишеням. Затем среднее поколение — по подбрасываемым бутылкам и банкам. Наконец глаза Николая Павловича загорелись, и он решил показать неумёхам, как это делается. Взял ружье, приложился, затем дал кому-то подобранную им стеклянную тарелочку — просто кусочек стекла размером сантиметров пятнадцать — и попросил бросить. Представьте себе, как летит кусок стекла — стремительно, крутясь и меняя направления. Дальше все произошло как в кино, в доли секунды: дед посмотрел, вскинулся и мгновенно выстрелил. Стекло в пыль! Надо было видеть замечательно довольное лицо Николая Павловича с играющими чертиками в уголках глаз...

Дед был прекрасным рассказчиком. К сожалению, слишком банальная фраза, чтобы передать хотя бы очень приблизительно ту атмосферу, которая сразу возникала, когда он начинал рассказывать про Тунгуску, или своего великолепного жеребца-иноходца Беленького в Казахстане, или еще о чем-нибудь. Но, пожалуй, самые замечательные его рассказы были про учителей, и в первую очередь про Бориса Михайловича Житкова.

Уроки Б.М. Житкова Николай Павлович не только запомнил на всю жизнь, но и передавал младшим поколениям. Можно вспомнить, например, такую историю, которую Н.П. Наумов

не раз рассказывал молодежи: «...Я написал свою первую в жизни научную (!) статью и, очень гордый, принес ее Борису Михайловичу. Через несколько дней, в назначенный час, я пришел к нему, чтобы обсудить ее достоинства и недостатки. Борис Михайлович встретил меня, как всегда, ласково, усадил в кресло: "Садитесь, батенька мой, позвольте, я вам расскажу историю. У меня был брат, директор Волжско-Камского банка. Работы и, конечно, помощников у него было много. Но одно он делал всегда сам — проверял почту. Делал он это так. Утром его секретарь приносил ему на подносе целую гору корреспонденции. Брат очень бегло пролистывал все конверты: здесь адрес с ошибкой — в корзину, тут клякса — туда же и так далее. Сильно поредевшую папку он смотрел более внимательно: марка криво наклеена — в корзину, нет числа или подписи — та же дорога. — Борис Михайлович посмотрел на меня: — Вы думаете, мой брат был формалист? Нет, он просто хорошо понимал, что, если человек действительно заинтересован в деле, он точно узнает, как оно делается, и выполнит свою работу как надо, аккуратно.... Теперь давайте посмотрим Вашу рукопись". Я густо покраснел: "Борис Михайлович, можно мне взять ее для доработки?!"».

Или вот другой рассказ: «Одному большому начальнику (капиталисту), несмотря на яростное сопротивление, влиятельные тетки навязали в качестве сотрудника совершеннейшего шалопая-племянника. Тогда начальник вызвал его к себе в кабинет: "Значит так, у нас в компании зарплата выдается 2-го и 17-го числа. Учтите, молодой человек, если я хотя бы раз замечу Вас в здании компании не в эти дни, Вы будете немедленно и безжалостно уволены"...».

На таких, часто парадоксальных примерах Николай Павлович обучал и нас. Вспоминается следующий случай. Мы, студенты младших курсов, с товарищами гуляли в окрестностях дачи и, вернувшись, возбужденно стали рассказывать, какой огром-

ный и бурный стал наш ручей из-за прошедших сильных дождей. В глазах Николая Павловича появились чертики. «А почему вы решили, что вода прибыла из-за дождей?» Вопрос выглядел столь нелепо, что мы, не поняв подвоха, стали наперебой доказывать, что ситуация очевидна и ничего другого и быть не может. И вот тут нас ждало горькое разочарование: в течение, вероятно, часа нам было предложено столько гипотез, объясняющих происшедшее, и столько опровержений наших доводов, что наконец один студент-химик не выдержал и захлопал в ладоши, после чего все вдруг расхохотались. Это был блестящий пример умения вести дискуссию и отстаивать точку зрения в абсолютно безнадежной ситуации....

Поскольку разговор зашел о даче, хочется сказать несколько слов и о ней. Это было любимое детище Николая Павловича, которое он создал почти из ничего. Купленный в 1955 г. небольшой домик в поселке Манихино был преобразован им в трехэтажное сооружение с паровым отоплением, теплым туалетом и ванной, светлой и уютной мансардой — любимым местом работы Николая Павловича в летний период. Здесь им были написаны не одна книга и многие статьи. Здесь же он предавался любимой «ленивой» забаве — раскладыванию пасьянса «Косынки» из двух колод по 52 листа каждая. Очень многие работы по даче были сделаны дедом лично — от копания и вывоза грунта до строгания и работы с пиломатериалами. Он обожал копаться в саду и огороде, занимался малиной и смородиной, яблонями и клубникой, крыжовником и репой... Мы, внуки, обязательно привлекались к сельхозработам. Вспоминается, какой каторгой был сбор, например, черной смородины, обильные урожаи которой благодаря стараниям Николая Павловича случались едва ли не каждый год (счастливые времена!).

В начале 60-х гг. мама заболела нефритом, и ее на лето 1965 г. дед отправил вместе с нами в Крым поправлять здоровье. За

один месяц, поскольку у него были развязаны руки, Николай Павлович успел сделать очень много, помимо того, что продолжал двигать вперед любимую науку, чем он занимался практически до самой смерти. Для нас была построена (своими руками) спортивная площадка с кольцами, трапецией, качелями, шестом и канатом, капитально преобразована запруда на ручье, после чего утреннее купание в ней превратилось не просто в ритуал, а и в удовольствие: глубины и объема воды теперь хватало для плавания. А какие замечательные письма мы получали в это время, как, впрочем, и при всех длительных поездках! В них было не только описание рутинной жизни: например, в одном из писем рассказывалось о встрече с куторой как раз на запруженном ручье. Тут же был план преобразованной запруды и маршрут куторы, описание ее поведения. Можно было совершенно живо представить, как же это происходило на самом деле. И как дед тихо стоял на берегу ручейка и смотрел на серебристую, плывущую у дна кутору.

У Н.П. Наумова было мало друзей с большой буквы. В первую очередь, это, конечно, его брат Сергей Павлович, с которым их связывала не только горячая дружба, но и искреннее уважение, хотя они были в чем-то очень разными. Из остальных можно назвать лишь считанных людей, с которыми Николай Павлович был на «ты»: Н.Г. Олсуфьева, М.В. Горленко, В.А. Попова. Но при этом он был благожелателен и открыт для огромного количества людей, причем отнюдь не только своего возраста. Недаром у него было столько любящих его учеников, а оппоненты, например, С.С. Шварц или Б.К. Фенюк, относились к нему с глубоким уважением и симпатией и всегда, будучи в Москве, заходили на кафедру, а то и домой.

Летом Сергей Павлович приезжал со своей семьей в гости к Николаю Павловичу на дачу, где жил в маленьком отдельном домике, который назывался «Зеленый дом» или, на нашем дач-

ном сленге, просто «Зелендом». Вспоминаются великолепные прогулки к Истре и вокруг «Трехдубового леса». Братья Наумовы были щедры на придумки и легко раздавали собственные названия окрестным местам. Гуляя, они много разговаривали, в том числе и на научные темы, и теперь очень жаль, что мы в основном носились вокруг них на велосипедах либо бегали друг за другом. Нам, дуракам, больше бы послушать, много интересного можно было бы услышать. Вечерами на даче под уютным абажуром за большим столом дед читал вслух. Так, «Дети капитана Гранта», «Таинственный остров» и многое другое было услышано нами на даче, причем пауза в чтении делалась на самом интересном месте. По выходным две четы Наумовых иногда писали пульку — играли в преферанс. Саму пульку всегда писал Николай Павлович. Когда он был на раздаче карт и «сидел на прикупе», то начинал рисовать странных выдуманных им животных — казог. Рисунки были хороши, вспоминаются казоги степная, индийская, египетская и страшная восточносибирская.

Дед всегда говорил, что Сергей играет гораздо лучше него (он вообще легко признавал собственные слабости, наверное потому, что силы было очень много), но проигрывал вряд ли чаще. Он очень веселился, когда получалось удачно сыграть, и как-то залихватски брал свои взятки. Хотя, надо сказать, Николай Павлович вовсе не был заядлым картежником и дачный преферанс был просто особым семейным ритуалом. Семья значила для него очень и очень много.

Свою жену Веру Васильевну он любил самозабвенно и нежно до самой смерти. При этом, как настоящий мужчина, всегда по важным жизненным вопросам принимал решения самостоятельно, но очень часто советуясь с Верой Васильевной и руководствуясь ее мнением, основанным на интуиции. Страшное горе — потерю единственной обожаемой дочери — он пережил «стоя», поддерживая жену, которая за полгода букваль-

но выплакала глаза… Но чего ему это стоило, можно только догадываться. Очевидно, помогло железное понимание того, что он ответствен за оставшихся троих внуков. В университетской квартире надолго поселились 5 человек, трое внуков спали в кабинете на раскладных креслах, занимались уроками, скандалили и капризничали то по очереди, то все одновременно. Как мог пожилой профессор, продолжавший читать лекции, заведовать кафедрой и заниматься наукой, все это выносить?! Думается, все держалось на удивительной цельности его характера, которая проявлялась в данном случае в чувстве долга перед покойной дочерью, понимании своей мужской ответственности и, конечно, на огромной и деятельной любви к своим близким.

*****

Âî ñïî ìè íàí èÿ î Í èêî ëàå Ï àâëî âè÷å Í àóì î âå Å.Â. Êàðàñåâî é

В 1937 г., когда я училась в 9 классе и посещала КЮБЗ, к нам в кружок пришел Борис Михайлович Житков. У нас он вел семинар, читал зоогеографию. Это был серьезный и глубокий курс лекций, но вполне доступный для нас — школьников. Мы все: Таня Кошкина, Володя Саготовский, Игорь Шилов, Боря Зельмер (Карулин), Саша Чельцов-Бебутов, Лена Нарская, я и многие другие ребята — слушали его, буквально затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово.

Кроме того, Борис Михайлович интересовался нашими попытками вести самостоятельные наблюдения за животными в зоопарке. Мы должны были ежегодно подавать отчеты о своей работе. Собрав их, Борис Михайлович отметил как лучшие работы Тани Кошкиной и Саши Чельцова. Моя работа касалась не зоопарковских животных. В эти годы в Москву впервые попали живые джунгарские хомячки, которые потом постепенно стали лабораторными животными. Привез их в Москву из Ка-

захстана молодой зоолог Игорь Нечаев, и мне досталась пара этих замечательных зверьков. У меня дома в большой клетке они хорошо прижились и стали размножаться. Я вела тщательные записи в дневнике об их поведении, о том, какой из кормов они предпочитают, и т.д. Моя кюбзовская работа была посвящена этим наблюдениям. Когда она попала в руки Бориса Михайловича, он сказал: «Есть у меня ученик — Наумов Николай. Зайдите к нему в университет, скажите, что вы от меня, дайте ему вашу работу. Он — толковый малый, даст вам хорошие советы, как правильно вести наблюдения». И вот настал день... С трепетом переступила я порог зоологического корпуса биологического факультета МГУ. Н.П. Наумов сидел на втором этаже в комнате, которая называлась «ассистентская». Он был небольшого роста, с темными внимательными глазами и большими пушистыми бровями. Услышав среди моего невнятного бормотания фамилию Житкова, Николай Павлович оживился: «Вы знаете Бориса Михайловича? Он вас направил ко мне? Чем я вам могу помочь?». Я что-то пролепетала о своей работе. Николай Павлович внимательно меня слушал, давал советы. Однако дальнейших встреч с ним у меня в этот период не было, очень уж я тогда была застенчива и мало развита.

Вторая моя встреча с Николаем Павловичем состоялась через несколько лет. Я уже была студенткой МГУ. На втором курсе малый практикум у нас вела Л.В. Ганешина. В конце учебного года она сказала мне, что к ней обратился Н.П. Наумов с просьбой порекомендовать ему для работы на лето двух студентов и она предложила меня. Я пришла к Николаю Павловичу в ИЭМЭЖ, где он тогда работал и сидел в одной комнате с С.А. Северцовым. Как ни странно, он тотчас узнал меня. Вспомнил, как я приходила к нему, вспомнил про джунгарских хомячков. Сказал, что я вполне его устраиваю, а второго человека могу выбрать по своему усмотрению. Радости моей не было границ!

И вот началось мое обучение у Н.П. Наумова, которому было суждено продолжаться много, много лет. Но тогда шел страшный 1941 год. В начале июня никто еще не знал, что ожидает всех нас.

Николай Павлович заключил договор с Мосземотделом о проведении учетов численности мышевидных грызунов — вредителей сельского хозяйства. Работу было намечено проводить в окрестностях села Гальнево, что в 18 км от города Загорска. Ранним утром, добравшись до Загорска, мы втроем: Николай Павлович, Аля Фомичева и я — отправились пешком в Гальнево для рекогносцировки. Дорога шла лесом. Н.П. Наумов тогда был еще молодым человеком — ему не было и 40 лет. Незадолго до этого похода он защитил докторскую диссертацию, которая потребовала от него большого напряжения.

Забегая вперед, скажу, что в 1951 г. на ее основе он опубликовал замечательную книжку «Очерки сравнительной экологии мышевидных грызунов». Это уникальное классическое произведение до сих пор никак не может считаться устаревшим и является в данном направлении исследований основополагающим.

Возвращаясь к событиям 1941 г., надо сказать, что, переутомленный подготовкой диссертации, Николай Павлович, попав в лес, совершенно преобразился — он был счастлив! Весна в том году была поздняя. В начале июня только-только начинала зацветать черемуха. В лесу — масса птиц! Н.П. Наумов, хотя и был териологом, прекрасно различал их по голосам. Переход от Загорска до Гальнева превратился в интереснейшую экскурсию. Николай Павлович буквально зачаровал нас! Он все время что-то показывал. «Вот поет редкая птичка — малый мухолов. А вот, как молоточками, выстукивает пеночка-теньковка. Слышите, заряночка, малиновка поет свою прелестную песенку?». Он рассказывал, к каким растительным ассоциациям приурочен тот или иной вид птиц, находил гнезда многих из них. Все, что он видел, было

ему дорого, интересно, и он делился с нами своей увлеченностью. Он показывал норы рыжих полевок, обращал наше внимание на многие цветущие лесные растения. На всю жизнь я запомнила этот совершенно замечательный поход.

Но уже 22 июня немцы вторглись в нашу страну — началась война. Многое, многое разрушилось, прекратилось, сломалось. Кончилась и наша, не успевшая по-настоящему начаться, работа в Гальневе.

Но мои основные контакты с Н.П. Наумовым были впереди. Кончилась война. Шел тяжелый и голодный послевоенный 1945 год. Я окончила университет и работала в зоопарке зоотехником и руководителем КЮБЗа. Николай Павлович с семьей вернулся из эвакуации в Москву. Его дочь — Наташа Наумова, школьница, поступила в КЮБЗ. В это трудное время в стране была разруха, продуктов по карточкам давали мало, все жили впроголодь. В зоопарке, конечно, не хватало корма животным. Публика мало посещала парк, и соответственно доход был невелик. Для того чтобы привлечь больше народа, администрация прибегала к проведению разных мероприятий. Одним из них был «карнавал». По кругу катания разряженные сотрудники вели на поводу разных животных: верблюда, медвежат, собак — сенбернаров и др. Шествие заканчивала Наташа Наумова, одетая зайчиком, которая вела лисичку. Лисичка была плохо выдрессирована, она боялась громких звуков оркестра, падала на спину, и Наташе стоило большого труда справиться с ней. Я тоже должна была участвовать в этом мероприятии. Мне было тяжело. Казалось, что все мечты о научной работе рухнули. Так и пройдет вся моя жизнь в этой цирковщине.

Но вот Николай Павлович стал по временам приходить в зоопарк. Конечно, он приходил, чтобы посмотреть на Наташу в роли зайчика, но немало разговаривал и со мной. Здесь же, между «карнавалами», он рассказывал мне о том, что академик Е.Н.

Павловский приглашает его заведовать лабораторией медицинской зоологии в ИЭМ. До сих пор там был отдел паразитологии, который создал и возглавил сам академик. Теперь он хочет расширить его и создать новую лабораторию, которая будет заниматься ролью позвоночных животных в природных очагах болезней, опасных для человека. Н.П. Наумов предложил мне поступить к нему в аспирантуру и много рассказывал о работе будущей лаборатории. Это было интересно и увлекательно. «Природный очаг — это сложный комплекс, где наряду с животными, как позвоночными, так и беспозвоночными, большую роль играет возбудитель инфекции. Колебания интенсивности инфекционного процесса, зависимость его от метеорологических факторов, воздействия хозяйственной деятельности человека и многого другого, изучение их влияния на эпизоотии в очагах ждут своих исследователей-энтузиастов», — говорил он. От этих разговоров на душе светлело и не так уже тяжело казалось водить по кругу катания упрямого медвежонка-подростка. Впереди был виден просвет, мерещилась перспектива интересной работы, интеллектуального роста.

Эти разговоры не ограничивались территорией зоопарка. Николай Павлович приглашал меня к себе домой. Он тогда жил с семьей на 1-й Мещанской улице, в небольшом доме, в одной комнате. Вернувшись из эвакуации, они попали в замороженную комнату. Ведь во время войны центральное отопление в большинстве московских домов не работало. Николай Павлович своими руками сложил небольшую кирпичную печечку, добыл дров. Его жена Вера Васильевна всегда улыбчивая, радушная, гостеприимно встречала нас, щедро делясь едой, которая варилась на этой же печке. Мы приходили вместе с Чибисом (Сашей Чельцовым-Бебутовым). Николай Павлович рассказывал много интересного о своей работе на реке Тунгуске и о других исследованиях. Особенно нас с Чибисом заинтересовали результаты изучения колебаний численности промысловых животных.

Николай Павлович говорил и показывал кривые, на которых было видно, что при правильном ведении промысла белки, который снижал высокие пики численности, общее поголовье животных не падало. Он много говорил вообще о роли человека в регуляции численности животных, о задачах, которые стоят перед зоологами. Как-то мы с Чибисом, выйдя из квартиры Наумовых, в восторге от того, что мы слышали и вынесли от общения с Николаем Павловичем, продолжая обсуждать это, пошли в противоположную сторону и не сразу опомнились.

Шло время. Дороги наши с Чибисом разошлись. Он стал орнитологом. Я поступила в аспирантуру к Николаю Павловичу, в лабораторию медицинской зоологии.

Это была первая лаборатория такого направления. В стране существовала сильная система противочумных организаций, были туляремийные станции. Работали крупные специалисты-зоологи: Б.К. Фенюк, П.К. Петров, С.Н. Варшавский и многие другие. Но такой лаборатории, которая бы объединяла изучение инфекций с природной очаговостью, которая бы ставила перед собой задачи изучения общих закономерностей, раньше не было. Ее создал Н.П. Наумов. Он был очень хорошим организатором, умел привлечь к работе разных людей, заинтересовать своими идеями молодежь.

Его лаборатория была организована в 1945 г. Первыми ее сотрудниками были Н.Н. Горчаковская, Н.В. Тупикова, М.Н. Керзина, С.И. Крюков. Несколько позже в лаборатории появился демобилизовавшийся В.В. Кучерук, который потом, после того как Николай Павлович перешел в университет, стал руководить этой лабораторией. В аспирантуру поступила я, вслед за мной С.В. Вишняков, Д.И. Бибиков, М.В. Шеханов, а значительно позже Н.А. Никитина.

Началась бурная и интереснейшая жизнь. Первая экспедиция, большая и многосторонняя, была организована близко от

Москвы, в Михневском районе. В ее задачи входило изучение закономерностей существования природного очага туляремии. Начальником экспедиции стал известный ученый-паразитолог Н.Г. Олсуфьев. Николай Павлович руководил зоологическим разделом. В районе Михнева было выбрано три стационара. Первый — около села Семеновского и деревни Авдотьино. В него входили пахотные поля, смешанный лес, пойма реки Лопасни и липовая роща. Второй участок в районе села Агарьево представлял собой открытые пространства — поля и луга. И, наконец, третий участок, Самороковский, отличался от двух других тем, что состоял сплошь из мелких лиственных перелесочков. Н.П. Наумов был неутомим. Он очень многое делал своими руками. Раскапывал норы обыкновенных полевок, добывал зверьков, зарисовывал строение нор. Он работал с азартом, его невозможно было оторвать от дела, иногда даже для того, чтобы позвать к обеду. Когда мы работали вместе, он, поучая меня, говорил: «Надо иметь чувство норы», т.е. правильно следовать по направлению подземного хода зверька. За любовь к раскапыванию и изучению нор грызунов мы, за глаза, называли нашего учителя Копалычем.

Николай Павлович в Михневе впервые наладил оригинальный и очень интересный метод изучения мелких млекопитающих с помощью ловчих канавок. Ранее многие зоологи (например, В.К. Попов, Е.И. Снегиревская) применяли отлов канавками как способ изучения численности животных. Н.П. Наумов впервые проанализировал этот метод и пришел к другим выводам. Он организовал отлов канавками очень широко. Много копал их сам, и мы все участвовали в этой работе. На Авдотьинском и Самороковском участках их было 35. Каждая имела в длину 50 м и была оснащена 5 ловчими цилиндрами. Канавки располагались в лесу, по опушкам, по краям полей и на лугах. Рано утром мы выходили на осмотр канавок, вынимая всех зверь-

ков, поймавшихся за ночь. Впоследствии Николай Павлович свел все полученные за 1945—1949 гг. огромные материалы по канавкам, сопоставил их с другими учетами (ловушко-линиями, учетом нор), с метеорологическими данными и в 1955 г. опубликовал большую статью. В отличие от своих предшественников, он показал, что учет канавками не может заменить другие методы учета численности, однако писал, что «Ловчие канавки необыкновенно ценны как средство изучения подвижности животных, определяющее возможность изучения контакта особей одного и разных видов. Исследование с помощью ловчих канавок особенно необходимо при изучении эпизоотий среди животных и при изучении природных очагов заболеваний».

Вторым большим увлечением Н.П. Наумова в михневские времена было исследование характера использования зверьками территории. Он проводил работу в липовой роще, которая сохранилась от поместья графа Орлова. В роще была высокая численность рыжих полевок. Николай Павлович отлавливал их с помощью живоловок, метил ампутацией пальцев в разных комбинациях и выпускал на месте отлова. Повторный отлов меченых полевок в нумерованные ловушки, расставленные в шахматном порядке, давал возможность судить о размерах площади индивидуальных участков, занимаемых каждой особью, об их расположении и о многих других особенностях образа жизни грызунов. Это была первая работа в нашей стране, которая вызвала много последователей данного направления. Вслед за ней появились аналогичные работы, связанные с изучением особенностей использования территории не только рыжими полевками, но и обыкновенными, полевками-экономками, мышами разных видов и другими грызунами. Николай Павлович своей работой показал, как можно, не умерщвляя животных и не содержа их в неволе, проникнуть в самые интимные детали их образа жизни.

Н.П. Наумов был не только тонким и вдумчивым исследователем, но и, несомненно, талантливейшим педагогом. Он был очень сдержан. Даже когда он был чем-то недоволен, я не помню, чтобы в разговоре с нами он ругал кого-нибудь, сердился или хотя бы повышал голос. Только его могучие подвижные брови свидетельствовали о том, что ему что-то не нравится. И мы знали это и боялись такого выражения его лица. Все недостатки в нашей работе Николай Павлович отмечал ровным спокойным голосом.

В Михневе он много времени тратил на своих учеников. Разговаривая с нами, не вел беседу в форме назидания, редко поучал или внушал что-либо, обычно предпочитая, чтобы его молодой собеседник в процессе дискуссии сам пришел к определенным выводам. Он мастерски вел эти разговоры так, что действительно казалось, что ты сам дошел, сам открыл определенную истину. В результате у молодого человека развивалась способность анализировать факты, логично мыслить. Как-то впоследствии Николай Павлович сказал мне, что этот педагогический прием он унаследовал от своего учителя Б.М. Житкова.

Работая в Михневской экспедиции, Н.П. Наумов, так же как и в других случаях, проявлял большую профессиональную интуицию. Как-то раз, сидя на опушке авдотьинского леса, он сказал мне, что, по его мнению, имеется две экологические формы обыкновенной полевки. Одна из них живет в открытых биотопах, на пахотных полях и лугах. Другая — тяготеет к опушкам леса, зарослям кустарников. Впоследствии отечественные ученые М.Н. Мейер и В.Н. Орлов показали, что обыкновенные полевки, которых мы считали одним видом, на самом деле относятся к двум видам. Морфологически они почти не различаются, но имеют разное количество хромосом и значительные экологические различия. Действительно, восточноевропейская полевка обычно живет по окраинам облесенных территорий, а собственно обыкновенная полевка предпочитает открытые пространства.

В Михневской экспедиции, благодаря внимательному руководству Николая Павловича, юными зоологами был выполнен ряд интереснейших работ. В первую очередь надо вспомнить исследование Марины Лавровой. Эта очень одаренная девушка провела наблюдения за питанием канюков. Она находила на деревьях их гнезда, влезала туда с помощью «кошек», надевала на головы птенцам своеобразные, сконструированные ею, «намордники». Эти приспособления не давали птенцам возможности заглатывать корм (в основном мелких млекопитающих), который им приносили родители. Марина собирала трупики животных, изучала их, а потом, освободив птенцов от «намордников», кормила их уже отработанными грызунами. Это исследование, ставшее дипломной работой Марины, показало очень многое. Благодаря ему стало известно, какие возрастные группы зверьков становятся жертвами хищников, как это связано с защитными условиями стаций и многое другое.

Основным достижением Николая Павловича в руководстве зоологами Михневской экспедиции было то, что все отдельные исследования были органически связаны друг с другом. В частности, возрастной состав зверьков, собранных на гнездах канюков, сопоставлялся с материалом, полученным при раскопке на полях, а также при отлове ловушками.

Чрезвычайно жалко, что жизнь талантливой исследовательницы М.Я. Лавровой рано оборвалась. Она погибла в автомобильной катастрофе в одной из экспедиций.

Очень интересны были результаты дипломной работы другой ученицы Н.П. Наумова — Ирины Кулик. Она изучала особенности обитания грызунов разных видов, населяющих ометы и стога. Окапывая ометы двойными канавками, она выяснила, когда и какие виды животных вселяются в них, а какие выселяются.

Все эти работы, как и многие другие, имели непосредственное отношение к изучению структуры одного из типичных для

средней полосы России природных очагов туляремии. Но деятельность Николая Павловича отнюдь не ограничивалась изучением очаговости этой инфекции.

В конце 40-х, в 50-е, да и в последующие годы он был очень увлечен изучением самой страшной инфекции — чумы. Его отряд работал на Аральском море. Он очень много бывал там сам. Воспитывал, обучал молодых зоологов, работал в непосредственном контакте с местными противочумными организациями. Участниками его исследований были С.Н. Варшавский, В.С. Лобачев, М.В. Шиханов, И.Л. Кулик, Н.А. Никитина и многие, многие другие. Мне лично не довелось принимать участие в этих работах, и я не была свидетелем крупнейших и интереснейших открытий, которые сделал Николай Павлович и его коллектив.

Кроме того, под его руководством изучали очаги и других инфекций: клещевого энцефалита, геморрагической лихорадки, лептоспироза. На основании многочисленных исследований, как своих, так и сотрудников, Николай Павлович пришел ко многим ценнейшим обобщениям и выводам, которые легли в основу оздоровления природных очагов и, следовательно, могли способствовать понижению заболеваемости людей.

Его обобщения, в частности, сводились к описанию микроструктуры и устойчивости природных очагов. Он установил, что для очагов большинства инфекций в разные периоды года характерна различная степень пораженности эпизоотиями территорий. Ранней весной, в период депрессии численности грызунов — основных носителей инфекции, они локализуются на очень небольшой площади — в элементарном очаге. В дальнейшем при росте поголовья животных и соответственно увеличении степени контакта между особями территория, пораженная эпизоотией, «расплывается» и инфицированные зверьки распространяются много шире. Следовательно, увеличивается вероятность заражения от них людей. Таким образом, если снизить числен-

ность животных весной в элементарном очаге, можно уменьшить его эпидемиологическую валентность.

В 1951 г. Николай Павлович передал руководство нашей лабораторией В.В. Кучеруку и перешел в Московский университет, где сначала заведовал кафедрой зоологии позвоночных, а потом совместил это с работой декана биологического факультета. Перейдя на административную и педагогическую работу, он неустанно вел научные исследования, продолжая уделять немало внимания и медицинскому направлению. На базе Аральской противочумной станции приобретали широкий размах исследования пустынных грызунов, были установлены различные типы очагов чумы, явление элементарной очаговости и др. Опыт этой многолетней работы обобщен в коллективной монографии «Природный очаг чумы в Приаральских Каракумах» (1972). В годы работы Николая Павловича в университете я не была непосредственно с ним связана, но меня тянуло к нему. Бывая в университете, я заходила в его кабинет, и он, несмотря на большую занятость, всегда находил время для того, чтобы поговорить со мной, или назначал день, когда я могу к нему прийти. Он отвечал на возникшие у меня вопросы, обсуждал со мной результаты моих исследований и много рассказывал о направлениях своей работы. Николай Павлович активно поддерживал развитие новых экспериментальных исследований: молекулярной биологии и др. Им была создана биоакустическая лаборатория, затем ставшая одной из крупнейших проблемных лабораторий бионики. В дальнейшем он развил теорию парцеллярных группировок, теорию сигнального биологического поля.

Таким образом, Н.П. Наумов заложил основы для многих направлений, развитие которых продолжили и продолжают его ученики и последователи. Он всегда оставался легко доступным как для разговоров со специалистами, так и со студентами. Я многократно видела, как после его великолепных лекций сту-

денты буквально его атаковали и он спокойно и понятно отвечал на их многочисленные вопросы. Его курс лекций был оформлен как учебное пособие по экологии. Эта книга выдержала два издания в России, была переведена на ряд иностранных языков и сейчас является основным пособием для обучения студентов.

В 1965 г. в жизни Николая Павловича произошла огромная трагедия. После продолжительной и тяжелой болезни скончалась его единственная и обожаемая им дочь Наталья Николаевна Пояркова. Она умерла в 38 лет, оставив трех сирот. Нет слов, чтобы выразить, какое горе обрушилось на плечи Николая Павловича. Он всегда был очень сдержан, мало проявлял свои чувства, переживал все внутри себя. После этой утраты он еще больше замкнулся. Но, будучи человеком необычайно сильной воли, не сломался. На другой день после похорон дочери он уже был на кафедре…

В последующее время он не переставал неустанно работать. Еще в большей степени Николай Павлович сосредоточился на воспитании внуков. Он и раньше, так как дочь долго и тяжело болела, принимал в них большое участие. Теперь они помогли ему перенести его утрату. Он много рассказывал мне о развитии интересов мальчиков в области биологии, об их интеллектуальном росте и о некоторых трудностях, связанных с их воспитанием. Николай Павлович нашел в себе силы перенести свое горе, но все, кто близко его знал, видели, что это был уже не тот человек.

Николай Павлович скончался 2 февраля 1987 г., немного не дожив до 85-летия.

С именем Николая Павловича Наумова связана целая эпоха стремительного развития отечественной науки и совершенно новых ее разделов, что делает его имя бессмертным.

*****

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ НАУМОВ

1905–1987

Есть в нашем языке подлинно российское определение — широкая натура. Это и будет самой, пожалуй, ёмкой характеристикой Сергея Павловича Наумова. Все было, как говорится, при нем: крупный, масштабно мыслящий ученый, энциклопедически образованный педагог, кладезь житейской мудрости, богатырского сложения блондин с пышной в молодые годы шевелюрой.

Родился Сергей Павлович 30 сентября 1905 г. в Москве, у Рогожской заставы (сейчас улица Школьная), в большой учительской семье, где дружно жили с родителями 5 братьев и сестра. Отец Павел Александрович преподавал в гимназии математику, мать Анна Владимировна совмещала учительство с воспитанием детей. Летом все семейство выезжало на дачу — в загородный домик в Битце на нынешней южной окраине Москвы. Там и формировалась любовь детей к среднерусской природе, которая у двух средних братьев — Николая и Сергея — определила всю их дальнейшую жизнь. Неудивительно, что оба они стали видными отечественными зоологами.

Закончив гимназию, Сергей Павлович вслед за старшим братом в 17 лет поступил на естественное отделение Московского университета, где с 1922 по 1926 г. слушал лекции корифеев-зоологов: А.Н. Северцова и М.А. Мензбира, Г.А. Кожевникова и С.И. Огнева, других известных педагогов и ученых. Как и многие студенты-биологи его поколения, учебу в МГУ он совмещал с увлекательными занятиями на курсах охотоведения им. С.Т. Аксакова, позднее вошедших в состав Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. Среди слу-

шателей этих курсов было немало будущих известных зоологов: А.Н. Формозов, В.Г. Гептнер, Н.А. Гладков, Е.П. Спангенберг, Н.П. Лавров, А.Ф. Чиркова, Л.В. Шапошников. Руководил курсами профессор Б.М. Житков, которого Сергей Павлович всю свою жизнь чтил как своего учителя, как образец высоких личных и профессиональных качеств, организаторских способностей, требовательности и чуткости к коллегам и ученикам.

И в студенческие годы, и после окончания университета Сергей Павлович неутомимо путешествует, изучает животный мир самых отдаленных уголков страны. В его полевых дневниках появляются все новые и новые записи, география поездок еще в юные годы охватывает почти всю ширь северной Евразии: закавказский Талыш и казахстанскую Сыр-Дарью, горы Тянь-Шаня и тундры Гыдана, Дальний Восток (Охотское побережье) и дальний Север (Таймыр), вологодскую тайгу и якутскую лесотундру... В этих путешествиях тоже проявилась широта его натуры.

В экспедициях шлифовались профессиональные навыки полевого зоолога, крепла дружба со спутниками, среди которых были Е.П. Спангенберг, Н.П. Лавров, В.П. Теплов и другие хорошо известные сейчас ученые, копились сборы новых оригинальных материалов по фауне и экологии животных самых разных регионов страны. Сергей Павлович вспоминал, как на Сыр-Дарье им с Е.П. Спангенбергом удавалось близко наблюдать пугливых пеликанов. Зоологи забирались в воду, на головах укрепляли пеликаньи чучела и в таком виде брели по мелководью к птичьей стае. Им впервые в мире удалось зимой 1925 г. доставить из Ленкорани в Московский зоопарк великолепных краснозобых казарок — гнездовых эндемиков российских тундр, а в Казахстане добыть неизвестных науке тушканчиков. Немало интересного о путешествиях этих друзей можно узнать и из их

совместных научных публикаций, например о суслике-песчанике и зайце-толае из Приаралья, и из знаменитых, «Записок натуралиста» Е.П. Спангенберга. Первая из длинного списка научных трудов С.П. Наумова статья «О фауне и стационарном распределении млекопитающих Кзыл-Ординского уезда Сыр-Дарьинской области» (1927), подготовленная по результатам его студенческих экспедиций, сразу же привлекла внимание зоологов и позднее неоднократно цитировалась исследователями животного мира аридных регионов.

По окончании университета Сергей Павлович возглавил комплексные исследования позвоночных животных тундровой зоны Гыданской полярной экспедиции Академии наук СССР 1927—1928 гг. Один из результатов этой экспедиции — книга С.П. Наумова «Птицы Гыданского полуострова» (1931) — и поныне остается уникальной для этого отдаленного региона страны орнитологической монографией. Позднее, в 1937 г., Сергей Павлович продолжил исследования северных промысловых животных на соседнем Таймыре.

Следующее двухлетие — и опять совершенно новый этап деятельности молодого зоолога: Тихий океан, руководство экспедицией по изучению экологии и перспектив промысла ластоногих и белухи в Охотском море. По результатам экспедиции — новая монография и серия статей, совместная с Н.А. Смирновым инструкция по изучению и организации местного морского зверобойного промысла, рекомендации по его, как сейчас принято говорить, устойчивому развитию и сохранению стада промысловых морских зверей.

С младых лет С.П. Наумов проявил себя талантливым организатором науки. С 1931 г. без малого три десятилетия длился яркий и плодотворный этап его работы в системе пушного промысла. Все начиналось с Центральной научно-исследовательской биологической промысловой станции, которая была органи-

зована в Погоно-Лосином лесничестве под Москвой профессором Б.М. Житковым как учебная база для студентов Петровской (Тимирязевской) сельхозакадемии, а затем Московского лесного института. В 1920-е гг. она стала самостоятельным научным подразделением Центральной опытной станции Наркомзема. Сергей Павлович с неизменной теплотой вспоминал об этой своей ученой обители, а на склоне лет подробно описал ее историю в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (1972). В 1934 г. по его инициативе правительственным указом станция преобразуется в учреждение более высокого ранга: Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего промысла, который под разными названиями сохранился до настоящего времени. Вплоть до 1948 г. С.П. Наумов трудился в этом институте в качестве старшего научного сотрудника и заместителя директора по науке. Под его руководством институт развернул широкие работы по изучению промысловых млекопитающих, по обогащению фауны пушных зверей через успешную акклиматизацию ондатры, норки, нутрии. Результативность этих мер, заложивших основы эффективного экспорта пушнины, приносящего стране немалые валютные поступления, особенно нужные в трудные военные годы, была высоко оценена научной общественностью и правительством. За эту деятельность мирный ученый С.П. Наумов был награжден боевым орденом Отечественной войны II степени.

Внимание государства к проблемам экологии и промысла пушных зверей обеспечило институту возможность организации экспедиций в самые отдаленные регионы страны — от крайнего юга до крайнего севера. В 1932 и 1936 гг. С.П. Наумов с Н.П. Лавровым верблюжьими тропами пробираются по раскаленным пустыням Кызылкумы и Каракумы, где изучают распространение, образ жизни и промысловый потенциал тонкопалого суслика. В 1934 г. в горах Тянь-Шаня основным объектом исследо-

ваний становится сурок. Одновременно обследуются горные ельники, подходящие для заселения обыкновенной белкой. Рекомендации ученых были впоследствии успешно реализованы, что расширило возможности пушного промысла. Помимо регулярных публикаций, итоги этого этапа интенсивных исследований вошли в подготовленный совместно с Д.Н. Даниловым и Н.П. Лавровым двухтомный справочник «Лесные звери и птицы» (1948).

Спектр изучаемых животных был необычайно широк для молодого исследователя: фауна пустынь и водоемов, звери и птицы тайги и тундры, суслики и сурки, морские млекопитающие, промысловые виды зверей. Постепенно в этом наборе все четче проявляется главная научная любовь Сергея Павловича — заяц-беляк. Для его всестороннего познания во второй половине 30-х гг. организуются моновидовые стационарные исследования на Вологодчине. Но и при изучении этого модельного вида ученый использует широчайший диапазон методик, фокусирует здесь целый комплекс смежных и даже, казалось бы, далеких друг от друга дисциплин, среди которых полевая экология и охотоведение, морфология и анатомия, эмбриология и гистология, гельминтология и паразитология. Результат известен: по-настоящему комплексное всестороннее исследование вида, книга «Экология зайца-беляка» (1947) и коллективная монография о жизни этого вида в суровых условиях Верхоянского региона Якутии (1960), вошедшие в классику отечественной зоологии и охотоведения.

Фундаментальное исследование причин и закономерностей колебаний численности, всех других аспектов экологии и биологии зайца-беляка европейского Севера составляет суть диссертационной работы, за которую ВАК СССР в 1943 г. присуждает С.П. Наумову ученую степень доктора биологических наук.

Могучий творческий потенциал Сергея Павловича и его широкая натура не могли ограничиться только научной и орга-

низационной деятельностью. Обширной сферой приложения сил стала для него вузовская педагогика: подготовка кадров охотоведов и учителей-биологов, формирование разносторонней научной школы. С самого начала 30-х гг. он преподает студентам Московского пушно-мехового института в Балашихе (позднее, ВСХИЗО), для которых сразу же публикует свой первый курс лекций «Основы биологии и систематики промысловых зверей и птиц» (1930). Позднее этот курс вошел в совместный с А.М. Колосовым и Н.П. Лавровым учебник «Биология охотничье-промысловых зверей СССР» (1979). Оригинальные лекции привлекли внимание ученых и руководства географического факультета МГУ, куда С.П. Наумова приглашали в качестве лектора, и были затем опубликованы в совместном с Л.А. Зенкевичем учебном пособии для географов «Краткий курс зоологии» (1955).

Зрелая плодотворная пора научного и педагогического творчества Сергея Павловича Наумова пришлась на долгий период его работы в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина (МГПИ), где кафедре зоологии и дарвинизма он подарил почти полвека своей яркой жизни. В 1938 г. его назначают сразу на профессорскую должность, а в 1944 г. присваивают и ученое звание профессора. Но Сергей Павлович находит силы и возможности продолжать научную деятельность в сфере пушного промысла. Еще почти два десятилетия он совмещает работу в désinституте и ВНИО, одновременно внедряя новый цикл исследований зайца-беляка и других зверей в научные планы кафедры, заведующим которой его избирают в 1948 г. Он разрабатывает оригинальные курсы по зоологии позвоночных животных и зоогеографии с учетом специфики именно педагогического вуза. Его учебник «Зоология позвоночных» (1950) многие десятилетия остается излюбленным для студентов, выдерживает несколько изданий, переводится и публикует-

ся в Киеве, Ереване, Варшаве, Праге, Пекине. В его лекциях органично сочеталось классическое, до мельчайших деталей выверенное научное содержание с яркими примерами из собственных исследований и путешествий. Неудивительно, что студенты были очарованы и лекциями, и лектором.

Интеллектуальная мощь и организаторские таланты С.П. Наумова и его друга и коллеги профессора кафедры ботаники А.А. Уранова способствовали росту авторитета этих двух кафедр на биолого-химическом факультете, в ректорате МГПИ и Министерстве просвещения. К слову сказать, вопреки широко тиражируемой сейчас версии об обязательной в те времена партийной принадлежности любого руководителя, одни из самых влиятельных фигур: С.П. Наумов, А.А. Уранов, М.С. Гиляров — в КПСС как раз не состояли, что отнюдь не мешало им во многом определять нашу факультетскую политику. Благодаря их согласованным усилиям зоология и ботаника заняли достойное место в учебных планах, выросли кафедральные коллективы, появились реальные возможности для серьезных научных исследований. Особо значимым стало существенное расширение полевых практик, во многом определявших натуралистическую и природоохранную подготовку будущих учителей-биологов. Такой стиль словно магнитом притягивал многие десятки студентов к научной работе на кафедре, способствовал небывалой популярности зоологического кружка, на занятиях которого нередко выступал сам «шеф». Он всячески поощрял выезды студентов и преподавателей на экскурсии в природу. Вспоминается, как в 60-е и 70-е гг. к пригородным электричкам по пятницам собиралось до сотни студентов, с которыми мы уезжали на выходные дни изучать осенний, зимний и весенний животный мир ближнего и дальнего Подмосковья. Так формировались грамотные учителя, набиралась опыта преподавательская молодежь.

На посту заведующего С.П. Наумов проявил ценнейшее для этой работы качество: широкое видение перспектив развития кафедры, формирования научно-педагогического коллектива. При его непосредственном участии и действенной поддержке на кафедре возникли и укрепились перспективные научные школы: почвенной зоологии академика М.С. Гилярова, экологической орнитологии профессора А.В. Михеева. Кафедра одной из первых в Советском Союзе инициировала в самом начале 60-х гг. чтение совершенно нового для педвузов курса «Охрана природы» и издание соответствующего учебника А.В. Михеева с соавторами. А сегодня дисциплины этого цикла читаются во всех биологических вузах страны. Все это принесло заслуженную славу кафедре зоологии и дарвинизма МГПИ, возглавляемой С.П. Наумовым в течение четверти века — до 1973 г. Под прямым его руководством были развернуты широкие эколого-популяционные исследования зайцеобразных и грызунов. Для сбора полевых материалов ежегодно направлялись экспедиции в тайгу, лесотундру, лесостепь. Важной организационной формой развития полноценных научных изысканий университетского уровня стало создание на факультете в 1964 г. проблемной биологической лаборатории, зоологическим отделом которой Сергей Павлович руководил вплоть до выхода на пенсию в 1980 г.

Рост авторитета кафедры в научных и педагогических кругах выдвинул ее на роль признанного лидера в координации зоологических исследований, в совершенствовании преподавания зоологии, экологии и охраны природы в педвузах страны. Сергей Павлович находил для этого деликатные и вместе с тем действенные механизмы. Одной из самых значимых форм такого рода координации стало проведение конференций зоологов педвузов. Бессменным председателем оргкомитетов почти всех этих совещаний был С.П. Наумов. Первая конференция состоялась в 1962 г. в Москве, затем они регулярно проводились в Красно-

даре, Волгограде, Горьком, Владимире, Перми, Ставрополе, Витебске, Махачкале. Но без Сергея Павловича они как-то сами по себе сошли на нет к началу 90-х годов. Все закономерно: «роль личности...» — не нами сказано...

Сергей Павлович очень любил вывозить «в свет», на самые разные научные конференции, своих молодых сотрудников. При этом он заботливо опекал нас, знакомил со своими знаменитыми коллегами, помогая налаживать профессиональные контакты с нужными специалистами и организациями. На неформальных вечерних посиделках во время конференций раскрывалась богатая и многогранная натура Сергея Павловича — всестороннего эрудита и великолепного рассказчика. Восхищали аристократические манеры его общения с людьми, умение элегантно попыхивать трубкой во время обстоятельного разговора, врожденный такт, никогда не позволявший прервать собеседника. Доклады С.П. Наумова на пленарных заседаниях и симпозиумах отличали глубина мысли, безупречная логика, четкая аргументация и прямота суждений. Одному из нас особенно запомнились его выступления в защиту пернатых хищников во время известной дискуссии 1963—1964 гг. об их значении в охотничьем и сельском хозяйстве, выступления настолько убедительные, что С.П. Наумов был назначен председателем комиссии по хищным птицам, подготовившей постановление о полном запрете их истребления.

В конце 60-х гг. как нельзя кстати пришлись решения Министерства просвещения о создании постоянной системы повышения профессионального мастерства преподавательских кадров. В МГПИ был учрежден факультет повышения квалификации (ФПК), активную роль в его работе играла кафедра зоологии, где ежегодно в течение четырех месяцев занимались до двух десятков преподавателей из самых разных педвузов страны. Всего в 70—80 гг. около 200 преподавателей педвузов совер-

шенствовали свою методическую и научную квалификацию на кафедре зоологии.

С.П. Наумов и его коллеги всячески поддерживали стремление многих слушателей ФПК рационально использовать это время для обсуждения на кафедре планов и результатов своих научных исследований, будущих кандидатских и докторских диссертаций. Благодаря такому подходу, за четверть века функционирования этой системы география научных школ кафедры зоологии существенно расширилась, заметно возросло число наших учеников и коллег во всех регионах страны, на полную мощь заработала целевая аспирантура, куда приглашались перспективные слушатели ФПК. Кафедры пединститутов в Перми, Оренбурге, Мичуринске, Абакане, Уссурийске, Благовещенске, Ставрополе, Волгограде, Владимире, Пскове и многих других городах России пополнялись квалифицированными преподавателями зоологии, экологии, охраны природы. Немалую роль сыграл в этом факультетский диссертационный совет по зоологии, экологии и ботанике, который многие годы бессменно возглавлял С.П. Наумов. Помимо вузовских преподавателей, в нашем совете защищались диссертанты из академических институтов и филиалов в Латвии, Якутии, Коми и других регионах страны. Запомнились выступления Сергея Павловича на заседаниях совета, их корректная объективность, умение безукоризненно четко сформулировать обобщение по каждой защищаемой диссертации. Стоит отметить, что от своих учеников он жестко и настойчиво добивался главного — высокого качества научных исследований, тщательной подготовки содержания и шлифовки текста диссертационных работ, не допускал к защите скороспелые «сырые полуфабрикаты». По сути дела, он в общегосударственных масштабах осуществлял целостную программу: «Зоологическую науку — в педвузы».

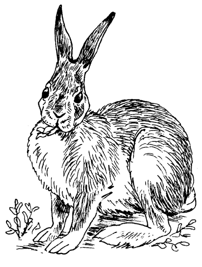
Научное наследие С.П. Наумова весьма весомо — почти 30 прямых учеников в ранге докторов и кандидатов наук, легион высококвалифицированных учителей-биологов, свыше 10 монографий и учебников, более сотни научных статей. Он обустраивал кафедру, словно родной дом: добивался расширения кафедрального пространства, копил библиотечный фонд, создал замечательный зоологический музей, для чего отвоевал просторный факультетский подвал под специальную мастерскую и нашел для нее талантливого таксидермиста — А.Л. Кравецкого. На кафедре утвердился подчеркнуто деловой стиль, особое внимание уделялось неукоснительному соблюдению учебной дисциплины, всех требований научной и педагогической отчетности, четкой организации кафедральных заседаний, семинаров, обсуждений диссертационных работ. И, наконец, самый весомый показатель созидательной деятельности С.П. Наумова: перед его избранием заведующим кафедрой в ее составе трудились 5 преподавателей и 3 лаборанта, а когда он покидал этот пост в середине 70-х гг., кадровый потенциал кафедры и зоологической части проблемной лаборатории достиг полусотни человек — профессоров, доцентов, ассистентов, научных сотрудников, инженеров, мастеров, лаборантов.

В издательских кругах С.П. Наумов был известен не только как автор статей, монографий и учебников, но и как строгий рецензент и редактор рукописей. Он многие годы входил в редколлегии журнала «Охота и охотничье хозяйство» и ряда других научных изданий.

Вклад С.П. Наумова в науку и высшее педагогическое образование оценен по достоинству и общественностью, и государством. Помимо уже упомянутого ордена Отечественной войны II степени, он был награжден орденом Знак Почета, медалью В память 800-летия Москвы, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета СССР, удостоен почетного звания Заслуженный деятель науки РСФСР.

В 80-х гг. для Сергея Павловича наступили непростые пенсионные времена, осложненные значительной потерей зрения, которые особенно трудны для людей деятельных и властных. Но он до последних дней оставался с нами, с коллективом кафедры. Не проходило недели, чтобы у него дома, неподалеку от Останкинской башни, не собирались его коллеги, друзья, ученики. Нам постоянно нужны были его мудрые советы по работе, новым учебным курсам, публикациям. И еще один аспект: в период активной работы на кафедре Сергей Павлович был не очень склонен выходить за рамки обсуждения деловых проблем. А в пенсионные годы как-то по-особенному раскрылась огромная эрудиция, энциклопедичность его знаний, далеко простирающаяся за пределы профессиональной сферы. Вспоминается, как мы заслушивались проникновенным чтением стихов Надсона и Бальмонта, неожиданными суждениями, касающимися истории науки и религии, классической оперы и живописи, философии Сенеки или тонкостей стилистики норвежских писателей.

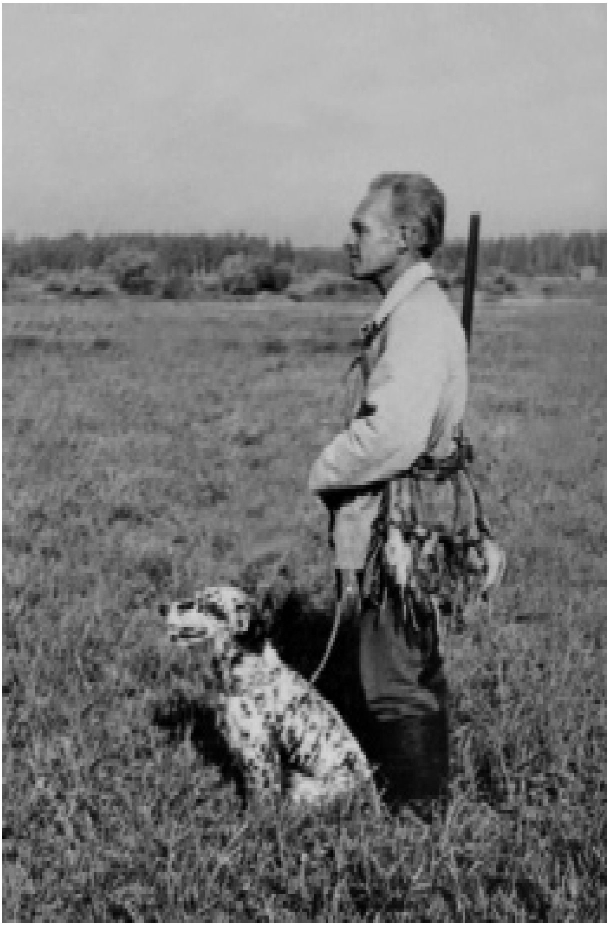
Сергей Павлович Наумов неутомимо изучал фауну страны во всем ее разнообразии, дарил глубокие знания сотням учеников-зоологов, тысячам студентов пединститута, где создал уважаемый в стране педагогический коллектив и авторитетный научный центр — кафедру зоологии. Таким он и остается в нашей памяти — исследователь, учитель, созидатель.



С.П. Шаталова,
В.Т. Бутьев,
В.М. Галушин,
В.М. Константинов

ЛЕВ ПЕТРОВИЧ НИКИФОРОВ

1920–1987



Цельность, интеллигентность и скромность — характерные черты этого человека, который никогда не стремился наверх, хотя имел для этого вполне объективные основания.

Лев Петрович Никифоров родился 12 августа 1920 г. Его отец, крупный финансовый работник в ВЦСПС, был общительным человеком, большим любителем рыбалки. Мама, детский врач, была очень образованной женщиной, знавшей три языка и склонной к философии, но достаточно далекой от природы. Она большую часть своей жизни отдала детям, а потом внукам.

Лева в семье был младшим. Он очень любил своего старшего брата и во всем брал с него пример, поэтому когда тот пошел в первый класс, то шестилетний Левочка, сидя дома, учился вместе с братом — и так в продолжение всего школьного периода. Поэтому учиться младшему брату было очень легко, он всегда знал урок и в конце концов окончил школу на «отлично». Почти каждый учитель считал его лучшим по своему предмету. Тогда еще не было принято награждать учеников медалями, но полученный аттестат с отличием давал право поступить в любое высшее учебное заведение без экзаменов. Этим и воспользовался Лев Никифоров, поступив в Московский зоотехнический институт в Балашихе на охотоведческое отделение. Такое решение удивило его учителей, которые прочили ему блестящую карьеру в области математики и физики.

Но сам Лева больше всего любил природу, вернее, рассказы о животных, об охоте и путешествиях. Возможно, что в какой-то степени он находился под влиянием соседа — страстного охот-

ника, который предпочитал охоту с легавой по перу и иногда брал Леву с собой. У соседа был черный пойнтер, щенка которого он подарил девятилетнему мальчику. Но, конечно, это было несерьезно, и, когда Лева отправился в пионерский лагерь, мама щенка отдала.

Видя пристрастие сына к охоте, отец подарил 12-летнему Леве настоящее охотничье ружье — штучную одностволку ИЖ 16 калибра под номером 10. Получив такой подарок, Лева все свободное время проводил в лесу, у воды, на болоте. Правда, трофеями особенно не похвалялся, больше наблюдал.

Л.П. Никифоров поступил на охотоведческий факультет в 1938 г., где началось его серьезное вхождение в науку. Преподавали там известные ученые, такие, как Е.А. Соколов, П.А. Мантейфель и многие другие. Институт находился в Подмосковье, поэтому пришлось поселиться в общежитии, где шла особая студенческая жизнь. Здесь собрались единомышленники-охотники, которые все свободное время проводили на охоте, а также совершенствовались в стрельбе из охотничьего ружья на стенде. В 1940 г. Лев Петрович стал чемпионом Московской области по стендовой стрельбе.

Обучение в институте было прервано войной. Закончив только третий курс, вся группа друзей-охотников в первые же дни войны отправилась в военкомат с просьбой отправить их на фронт. Однако начальник оказался дальновидным и в просьбе отказал, резонно заметив, что государство уже потратило на их обучение много средств и что им надо закончить институт, а там, если понадобится, их призовут.

Летом 1941 г. институт эвакуировался в Самарканд. Вслед поехали и студенты. Там вместо практики по охотоведению им пришлось проходить зоотехническую практику в овцеводческом хозяйстве, по окончании которой Лев Петрович получил специальность брынзовара.

Находясь в Самарканде, бывшие третьекурсники за один год прослушали материалы четвертого и пятого курсов и в 1942 г. были выпущены с дипломами биологов-охотоведов. И опять в дипломе у Льва Петровича стояли одни пятерки, так как за все время обучения он не получил ни одной оценки ниже.

Сразу после выпуска молодых специалистов призвали в армию и распределили по военным училищам. Л.П. Никифоров попал в Ташкентское пулеметное училище, которое закончил в чине младшего лейтенанта. В мае 1943 г. он был направлен командиром взвода противотанковых ружей на 1-й Украинский фронт, где провоевал вплоть до окончания войны, и даже несколько дольше — до июня 1945 г. За свои ратные подвиги Лев Петрович был награжден 4 орденами и 12 медалями, в том числе и за взятие Берлина.

Воспоминания о войне не оставляли Льва Петровича всю жизнь, и это неудивительно, так как он все время воевал в дивизии, которую бросали на прорыв рубежей противника. В результате каждого прорыва немецкой обороны его полк терял убитыми и ранеными до 80 % своего состава, после чего его заново пополняли бойцами и вновь бросали на очередной прорыв. За крупные операции — форсирование рек Одер, Нейсе, Висла и за взятие городов — Лев Петрович получил семь личных благодарностей Сталина. В первые послевоенные годы Лев Петрович часто вспоминал, как они переправлялись через Вислу, как с боями заняли знаменитый Сандомирский плацдарм. В продолжение недели они удерживали этот небольшой кусочек земли, вдоль и поперек простреливавшийся немцами, отрезанные от остальной армии, не имея ни воды, ни пищи. Его полк, а он к тому времени уже стал помощником начальника штаба полка, прорвал оборону Берлина, а после этого был брошен на прорыв и взятие Праги.

Следует отметить, что на самой передовой, где он находился все время, выжить ему помогали знание природы и охотничьи

навыки. Он даже не был ни разу ранен, но получил сильную контузию при взрыве авиабомбы, которую перенес на ногах.

Находясь на передовой, Лев Петрович часто перед очередным наступлением должен был пробираться вперед ползком для корректировки карты, чтобы спланировать конкретные боевые действия. Это привело к сохранившейся на всю жизнь особой любви к картам и картографированию. Когда над головами бойцов низко пролетали немецкие бомбардировщики, он учил своих бойцов стрелять по ним с опережением, как на охоте по уткам. Однажды этот опыт блестяще удался и бомбардировщик был сбит. За это Л.П. Никифоров получил орден Красной Звезды.

Окончилась война, началась постепенная демобилизация. Льва Петровича не отпускали из армии и требовали, чтобы он пошел учиться в Военную академию и стал кадровым военным. Ценой отказа от очередного звания капитана и от ордена Лев Петрович добился демобилизации и в августе 1945 г. вернулся в Москву.

Конечно же, первым делом он пошел в свой родной Пушно-меховой институт, пообщался с профессором П.А. Мантейфелем, который предложил на следующий год поступить к нему в аспирантуру. Однако, видимо, скомканное обучение и скоропалительное окончание института не давали покоя. Лев Петрович чувствовал, что не получены полноценные биологические знания, и решил продолжить обучение уже на более серьезном уровне. Он пошел на прием к ректору МГУ, объяснил ситуацию, и ректор, вопреки принятой практике, зачислил Л.П. Никифорова на биологический факультет, но только на второй курс, поскольку полученные в институте знания по биологии не соответствовали университетскому уровню. При зачислении новому студенту настоятельно посоветовали прослушать ряд биологических дисциплин и на первом курсе, в частности, зоологию беспозвоночных, которую читал тогда Л.А. Зенкевич. Позднее пре-

подаватель предложил усердному студенту специализироваться на кафедре зоологии беспозвоночных животных.

Изголодавшийся за время войны по науке, Лев Петрович посещал все курсы лекций и практикумы по биологии на первом, втором и даже третьем курсах. Конечно, в этом ему помогло то, что были зачтены все небиологические предметы, которые он прослушал в Пушно-меховом институте, например физика, химия, математика, общественные науки. Это освободило массу времени, и студент Никифоров смог за первый год своего обучения сдать экзамены по всем биологическим дисциплинам за первые три курса. На четвертом и пятом курсах он обучался, как все. Блестящие показатели и все без исключения отличные оценки дали возможность стать Сталинским стипендиатом и получать повышенную стипендию. По окончании пятого курса Лев Петрович защитил дипломную работу на ученом совете и был рекомендован в аспирантуру, но не стал подавать документы.

Во время учебы в университете под руководством профессора А.Н. Формозова он сделал свою первую научную работу, посвященную изучению поганок и лысухи на озерах северного Казахстана, которая стала его дипломной работой. Основное влияние на всю последующую научную деятельность оказали экспедиционные поездки в 1946—47 гг. под руководством А.Н. Формозова и непосредственное общение с Учителем, учеником которого Лев Петрович считал себя всю жизнь.

После окончания университета Л.П. Никифоров в 1949 г. отправился в Карелию, где работал младшим научным сотрудником в Карело-Финском филиале АН СССР, изучая экологию охотничьих млекопитающих северо-западной Карелии. В то время вдоль западной границы Карелии планировалось провести железную дорогу стратегического значения. Для этого на всей территории, прилегающей к будущей дороге, комплексной Западнокарельской экспедицией проводились геологические,

почвенные, лесоустроительные и зоологические изыскания. Лев Петрович прошел всю не заселенную людьми территорию пешком, на весельной лодке, на машине. В результате были получены данные о плотности заселения различных угодий, экстраполяция которых на всю территорию дала представление об общей численности таких видов, как ондатра, куница, белка, заяц-беляк, лисица, лось; очерчен ареал постоянного обитания лесной популяции дикого северного оленя. Публикация с приведенной картой-схемой распределения северного оленя вызвала большой интерес: ведь в то время авиаметоды для учета северного оленя еще не применялись.

Большое внимание было уделено значению лося как возможного вредителя возобновления сосновых лесов. Лев Петрович разработал оригинальную методику определения степени повреждения подроста сосны лосем и пришел к выводу, что в 95 % случаев угнетающего воздействия нет. Эта публикация стала методической основой для многочисленных дальнейших исследований.

В период работы в Карело-Финском филиале Лев Петрович читал лекции по биологии промысловых птиц и млекопитающих в Карело-Финском государственном университете.

В 1953 г. Л.П. Никифоров поступил в аспирантуру в отдел биогеографии Географического института АН СССР к доктору биологических наук С.В. Кирикову. Период обучения в аспирантуре был тесно связан с работой в лесостепи Западной Сибири, которую пришлось пересечь пешком и на лошади от ее северных границ в Тюменской области до южных границ в северном Казахстане. Объектами изучения стали млекопитающие Тоболо-Ишимской лесостепи. В пределах Тоболо-Ишимского междуречья оказалась территория, почти не затронутая зоологическими и зоогеографическими исследованиями площадью 70 тысяч квадратных километров.

В методическом исследовании «Опыт биосъемки населения млекопитающих Тоболо-Ишимской лесостепи» Лев Петрович применил ландшафтный принцип характеристики населения млекопитающих с включением оригинальных количественных диаграмм. Параллельно были опубликованы некоторые зоогеографические и экологические открытия, в том числе в области природноочаговых инфекций, а также результаты исследований влияния грызунов на урожаи зерновых культур при использовании «мальцевского» метода земледелия. Выводом послужило утверждение, что система обработки почвы и посевов по методу Т.С. Мальцева в условиях лесостепи Зауралья при своевременном и качественном выполнении комплекса агротехнических мероприятий успешно решает проблему ограничения численности и вредной деятельности грызунов на полях. Диссертационная работа была выполнена в срок и защищена в 1956 г.

В том же году Лев Петрович зачисляется на должность старшего научного сотрудника во Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего промысла (ВНИО), в отдел Д.Н. Данилова, и начинает исследования по типологии ондатровых угодий, учету и размещению охотпромысловых ресурсов в дельте Аму-Дарьи. В дальнейшем он разрабатывает и применяет методику с использованием аэровизуального картирования и дешифровки аэрофотоснимков всей территории дельты. В результате обследования на лодках, проведенной типологии и классификации угодий, а также районирования всей территории дельты были созданы карты природных районов и урочищ, а также схемы продуктивности угодий. Эта работа послужила методическим обоснованием подобных исследований, проводимых на больших территориях. К сожалению, ВНИО в 1958 г. был переведен из Москвы в Киров, как тогда считалось, «ближе к производству». Многие научные сотрудники не поехали с институтом, остался в Москве и Лев Петрович.

И здесь по воле судьбы ему пришлось несколько изменить род своей деятельности. Он перешел в Институт медицинской паразитологии и тропической медицины, в энтомологический отдел к профессору В.Н. Беклемишеву. Начался новый этап исследовательских работ.

Первоначально предметом изучения стали природные очаги клещевого энцефалита на территории Кемеровской области, а затем в Красноярском крае и Марийской АССР. Надо было давать комплексную оценку очага, выявлять наиболее опасные для людей участки, вырабатывать дифференцированные меры предотвращения заражения людей. Основная идейно-теоретическая и методологическая ориентация всем исследованиям была придана в процессе обсуждения планов и результатов работ в области экологии и биогеографии с А.Н. Формозовым, а в области биоценологии, паразитологии, эпизоотологии и эпидемиологии с В.Н. Беклемишевым.

Столкнувшись со сложностью изучения природных очагов инфекций, Лев Петрович пришел к выводу, что для лучшего взаимопонимания исследователей и унификации получаемых сведений необходимо четкое формулирование отдельных понятий. Этим он и занялся.

Развивая популяционную теорию В.Н. Беклемишева, Лев Петрович определяет понятие микропопуляции вируса как множества вирионов, приуроченных к одной особи хозяина. Подробно разбирая вопросы экологии вирусов, Лев Петрович расшифровывает многие детали, в частности для облегчения общего экологического анализа он классифицирует гемипопуляции вируса и выделяет девять их типов.

Отрабатывая принципы подхода к комплексной характеристике природного очага, Л.П. Никифоров впервые дает краткую формулировку природного очага как биоценоза, в котором существует независимая популяция возбудителя. Установление

неразрывной связи природного очага с ландшафтом и биоценозом позволяет применять биоценологическую методику исследований. Лев Петрович уделяет большое внимание разработке теории. Он отрабатывает понятия природного очага инфекции, связывая при этом возбудителя болезни (к примеру, клещевого энцефалита) с остальными участниками круговорота инфекции в процессе естественных биоценотических отношений. Такую приуроченность очага инфекции к биоценозу он считал первичной, а его ландшафтную приуроченность — вторичной, что объяснял связью всего биоценоза с ландшафтом. Поэтому при изучении природных очагов применимы биоценологические закономерности.

Во время исследований Лев Петрович широко использовал метод аэровизуального районирования и картирования природных очагов на больших неизученных территориях. В результате были созданы карты природных очагов и суперочагов в западной части Красноярского края и Марийской АССР. Эти карты были переданы санитарно-эпидемиологическим станциям для проведения практических мероприятий.

В процессе сбора материала с использованием в основном стандартных и проверенных методов зоолого-паразитологических и экологических исследований пришлось заняться разработкой и апробированием некоторых новых методов. К их числу можно отнести новый метод абсолютного учета численности лесных зверьков, выявление размера низших самостоятельных популяций мелких млекопитающих, определение биоценотической приуроченности автономного природного очага клещевого энцефалита, прогнозирование природных очагов по биоценотическим индикаторам. Проведение абсолютного учета численности мелких млекопитающих в лесу было сделано впервые и, насколько мне известно, до настоящего времени никем не повторено в том же объеме, хотя метод был подробно описан в соответствующей

статье. Лев Петрович щедро делился своими теоретическими изысканиями и методами работы как в докладах, так и в печати. Многие из них вошли в практику исследований и считаются само собой разумеющимися, не требующими даже ссылок на автора разработок.

Рассматривая вирус как сочлен биоценоза, Л.П. Никифоров пришел к оригинальному выводу о процессе происхождения жизни на Земле и выработал свою теорию. Согласно его гипотезе, жизнь возникла в результате скачкообразного перехода из количества в качество, когда спонтанно синтезированная макромолекула углеродсодержащего полимера (по-видимому, нуклеиновой кислоты) приобрела структуру и свойства живого организма. Предок современного вируса возник тогда, когда в процессе эволюции первичная молекула полинуклеотида покрылась чехлом из молекул белков, образовав нуклеопротеидный комплекс, напоминающий вирион.

Эта теория была доложена на совещаниях, но, к сожалению, не увидела света. Поданная для публикации в «Журнал общей биологии», она попала на рецензию к А.И. Опарину и была им отвергнута как не согласующаяся с его теорией происхождения жизни на Земле. Через три десятка лет подобную теорию опубликовали американцы и о ней протрубили все газеты как о сенсации.

В середине 60-х гг. Льву Петровичу предложили перейти в Институт вирусологии им. Д.И. Ивановского на должность заведующего лабораторией экологии вирусов. Основной темой лаборатории было изучение комплекса южных вирусных инфекций, поэтому одна за другой следовали экспедиции в Азербайджан, а затем в дельту Волги, где Л.П. Никифоров руководил комплексными работами зоологов, паразитологов и вирусологов. Акцент с мелких млекопитающих постепенно смещался на птиц — переносчиков вирусов. Но параллельно велось изуче-

ние мелких млекопитающих, методы исследований которых были отработаны раньше. За работы по обнаружению на территории страны ранее неизвестных вирусов Лев Петрович был награжден бронзовой медалью ВДНХ.

В 1974 г. он защитил докторскую диссертацию по теме «Вопросы экологии, биоценологии и биогеографии арбовирусов и их природных очагов на примере вируса клещевого энцефалита». Академик П.М. Чумаков, бывший рецензентом ВАКа, очень высоко оценил этот труд как три докторские диссертации.

Полностью развернуться в Институте вирусологии Л.П. Никифорову мешали внутренние сложные отношения с руководством, поэтому в 1976 г. он перешел во ВНИИ охраны природы и заповедного дела на должность заведующего отделом охотничьих животных.

Отдушиной при интенсивной научной работе у Льва Петровича всегда была охота, и охота преимущественно с собаками. Из «несобачьих» охот он любил весеннюю тягу вальдшнепов, которую старался никогда не пропускать. Он прекрасно стрелял и предпринимал длительные походы в различные, порой весьма отдаленные уголки, называя себя «искателем лучших мест».

Собаки у него в доме были всегда. Особенно он любил две породы: для души, для классической охоты — английского сеттера, а в качестве полевого «лаборанта» — карело-финскую лайку. С лайкой в экспедициях он проводил учеты и отловы сусликов в лесостепи Западной Сибири, учеты белок и куниц в Карелии, разыскивал гнезда грызунов под снегом и добывал прокормителей клещей — белок, бурундуков, ежей. Лайки, кроме того, были прекрасными «сборщиками» значительного количества клещей, которых в дальнейшем исследовали на вирусоносительство. Охотничьи собаки у него всегда были отменных качеств — элитные, чемпионы, с высокими рабочими достоинствами. Лев Петрович охотно показывал их на выставках и с большим энту-

зиазмом на полевых состязаниях любого ранга, вплоть до всесоюзных.

В начале 60-х гг. Лев Петрович стал экспертом-кинологом, постоянно принимал участие в экспертизе собак на выставках и полевых испытаниях. С 1960 г. и до конца жизни он был членом бюро секции любителей лаек, где велась работа по совершенствованию пород русско-европейских и карело-финских лаек. В 1968 г. его пригласили принять участие в аналогичной работе при племенном разведении английских сеттеров. За заслуги на поприще охотничьего собаководства Льву Петровичу присвоили звание почетного члена Московского общества охотников и рыболовов.

С 1976 и до 1987 г. он был заместителем председателя Всесоюзного кинологического совета МСХ СССР, участвовал в разработке стандартов и нормативных документов по охотничьему собаководству.

В институте охраны природы Л.П. Никифоров работал над научно-методическими основами развития охотничьего хозяйства, охраны и рационального использования охотничьих животных. Он анализировал возможности повышения продуктивности охотничьих угодий в различных природных условиях, занимался определением их емкости, изучением изменения их под действием естественных и антропогенных факторов и возможностей адаптации животных к обитанию в измененных условиях.

Особый интерес Лев Петрович проявлял к проблемам охраны речных пойм в Нечерноземье. В этот период началось интенсивное и долговременное увлечение непомерным осушением болот и обширных речных пойм. Изучение приемов мелиорации позволило Л.П. Никифорову классифицировать интенсивность мелиоративных мероприятий и выявить характер их воздействия на пойменные биоценозы. С этими разработками Лев Петрович многократно выступал на всевозможных совещаниях, конферен-

циях, выдвигая требования дифференцированного подхода к осушению пойменных угодий или запрета подобных мероприятий вообще. Он считал основными эдификаторами пойм из числа охотничьих животных выхухоль, ондатру, бобра, выдру и дупеля. Выхухоль и дупеля он считал эндемиками речных пойм, при этом дупель наиболее физиономичен для этих угодий и поэтому изучению его популяций Лев Петрович в последние годы уделял особое внимание. Затеянное значительное и уникальное исследование экологии дупеля было завершено, но не опубликовано.

Л.П. Никифоров все свое время отдавал науке, которая была приоритетом его жизни. Своей огромной увлеченностью он заражал окружающих людей. Его очень любили и ценили в коллективе. Он охотно делился своими знаниями, методами работы, которые предложил во множестве. Студенты с удовольствием ездили с ним в экспедиции, он руководил их исследованиями, редактировал курсовые и дипломные работы. Редактировал и рецензировал диссертации, был членом ученого совета Института вирусологии АМН СССР, ВНИИ охраны природы, членом научно-технического совета Главприроды МСХ СССР, членом редколлегии журнала «Охота и охотничье хозяйство».

Лев Петрович был очень строг в отношении собственных текстов. В своих работах он оттачивал каждую фразу, каждое понятие и считал, что рукопись надо переписывать не менее трех раз. Это стремление к совершенству, к точности понятий требовало много времени, он часто бывал неудовлетворен текстом, задерживал его публикацию. Поэтому издано было далеко не все, что получалось в результате исследований. Он не умел и не хотел «пробивать» написанное. В итоге, несмотря на упорный труд, у него вышло только около 150 работ, но все они несут большую смысловую нагрузку.

Л.П. Никифоров был очень честным человеком как в жизни, так и в науке и не выносил никакой лжи. Он горячо отстаи-

вал свои идеи, многократно пытаясь убедить слушателей. Речь его отличалась правильностью, говорил он громко, четко, стараясь полнее донести свою мысль до слушателей.

Он был эрудированным человеком, хорошо знал литературу, очень любил классическую музыку, в былые времена посещал оперу и симфонические и сольные концерты. Лев Петрович обладал незаурядным умом и вместе с тем исключительной скромностью и добротой. Это был человек, который мог служить и служил эталоном человечности.

Умер Лев Петрович Никифоров 23 июля 1987 г.

Л.А. Гибет

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ОГНЕВ

1886–1951

Жизнь и научное творчество профессора Сергея Ивановича Огнёва — это особая веха в становлении и развитии не только московской, но и отечественной териологии в целом. Его по праву следует назвать основоположником этой науки, ибо именно он своей многотомной монографией «Звери СССР и прилежащих стран» заложил научный фундамент наших знаний в области фауны, систематики, географии, экологии такого важного класса позвоночных, как млекопитающие. В этом плане роль С.И. Огнёва сопоставима с ролью М.А. Мензбира в области изучения орнитофауны нашего отечества, который первым провел полную инвентаризацию птиц Российской Империи на видовом уровне. Главная заслуга С.И. Огнёва — аналогичное исследование по млекопитающим. Оно даже превзошло значение работы Мензбира, ибо система млекопитающих была разработана в ней до подвидового уровня. Этот гигантский труд требует особого описания и осмысления.

Сергей Иванович Огнёв родился 5 ноября 1886 г. в Москве, в старой интеллигентной семье. Отец его, Иван Фролович Огнёв, известный гистолог, был профессором Московского университета. Мать Софья Ивановна происходила из семьи общественных деятелей, славянофилов Киреевских. Живая и прекрасно образованная женщина, она обладала склонностью к литературе и оказала значительное влияние на своих двоих сыновей. Старший брат С.И. Огнёва, Александр Иванович, скончавшийся в 1920-х гг., философ по образованию, был доцентом Московского университета, любил и хорошо знал русскую природу. Его памяти Сергей Иванович посвятил первый том своей бессмертной монографии.

Семья Огнёвых была близка и дружила домами с семьей знаменитого российского богослова и философа, священника Павла Флоренского, расстрелянного в Соловецком лагере в 1938 г. В юности Сергей Иванович часто посещал дом Флоренских в Сергиевом Посаде и особенно дружил со старшим сыном Кириллом, позже известным геофизиком. Они часто совершали совместные походы в природу, а потом и на охоту.

Влияние матери и дружба с Флоренскими сблизили С.И. Огнёва с природой, разбудили стремление к ее познанию, и это определило весь его дальнейший жизненный путь. Путь зоолога, путь исследователя.

Окончив гимназию в 1905 г., Сергей Иванович поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Он закончил университетское образование в 1910 г. с дипломом первой степени и званием кандидата, после чего был оставлен при кафедре зоологии для подготовки к профессорскому званию. Руководил кафедрой профессор Г.А. Кожевников, один из ведущих зоологов того времени, человек очень своеобразный и интересный, который с первого взгляда определил перспективного сотрудника и помогал ему во всем. В те годы университет был единым целым с Зоологическим музеем, и Сергей Иванович сразу и целиком окунулся в преподавательскую и музейную работу.

Свою преподавательскую деятельность С.И. Огнёв начал уже в 1910 г. Десять лет спустя, в 1920 г., он читал ряд самостоятельных курсов, главным из которых был курс зоологии позвоночных животных. В этот период Сергей Иванович написал свой замечательный учебник «Зоология позвоночных», предназначенный для студентов высших учебных заведений и выдержавший пять изданий. Был создан также ряд методических пособий по зоологии.

Помимо Московского университета, который до конца жизни С.И. Огнёва оставался основным местом его работы, он препо-

давал также в Московском государственном педагогическом институте, а в начале своей преподавательской деятельности и в средней школе. Он даже написал учебник зоологии для школьников, который долгое время не утрачивал своего значения и был официально признан лучшим.

В 1926 г. С.И. Огнёв получил звание доцента, в 1928 г. ему без защиты диссертации была присвоена ученая степень доктора наук.

Нужно сказать, что, несмотря на многолетнюю практику педагогической работы, Сергей Иванович не был блестящим оратором. Лекции его, признаюсь откровенно, были несколько академичны и скучноваты. Тем не менее, он действительно был прекрасным, выдающимся педагогом! Он привлекал студентов и особенно аспирантов постоянной доброжелательностью и готовностью незамедлительно откликнуться на любую просьбу, своей врожденной культурой, глубокими и разносторонними знаниями, широтой и смелостью мышления, особым, добродушным юмором и, конечно же, примером своего отношения к работе и науке. Только сейчас, оглядываясь на прошлое, начинаешь понимать, почему Сергей Иванович был подлинным кумиром для зоологической молодежи, связавшей с ним свою научную судьбу. Он действительно создал великолепную школу териологов, вырастил целое поколение блестящих российских зоологов. Среди его ближайших учеников и воспитанников нужно назвать такие замечательные имена, как В.Г. Гептнер, В.И. Цалкин, А.Н. Формозов, Н.П. и С.П. Наумовы, К.К. Флеров, А.П. Кузякин, А.Г. Банников, Б.А. Кузнецов, А.Г. Томилин, В.В. Кучерук и многие, многие другие. Большинство из них уже в мире ином, но именно они составляют элиту отечественных териологов, авторитет и славу нашей териологии в целом.

В самостоятельную научную работу Сергей Иванович включился еще в студенческие годы, опубликовав несколько неболь-

ших статей в различных изданиях. Эти ранние публикации, как часто бывает, не имели серьезного значения и не оставили следа в науке. Но уже они свидетельствовали об активной жизненной позиции их автора, молодого ученого. Вся последующая жизнь Сергея Ивановича убедительно показала справедливость этого моего заключения.

Трудно, а подчас и невозможно проследить, как начинающий ученый выбирает свою будущую научную стезю, как определяет он предмет своих исследований, тематику работы и ее перспективы. С.И. Огнёв с самого начала университетской деятельности объектом изучения бесповоротно избрал млекопитающих, а в качестве долгосрочной задачи определил создание полной систематической сводки по млекопитающим, обитающим на территории России, а позже Советского Союза. Сам Сергей Иванович так обосновывал свое решение: «В истории русской зоологии невольно обращает на себя внимание следующее явление: в то время как одни отрасли этой науки сравнительно быстро и плодотворно развиваются, в других чувствуется определенный застой. В изучении позвоночных животных такая отсталость явно сказывалась в области наших знаний о млекопитающих, этих высших представителей класса позвоночных». Это очень верные слова, и первым результатом такой «отсталости» было отсутствие не только всеобъемлющей сводки, но даже просто формального списка млекопитающих России. Ликвидации этого пробела Сергей Иванович посвятил всю свою научную жизнь.

Справедливости ради нужно отметить, что у С.И. Огнёва были предшественники. Это прежде всего П.-С. Паллас с его «Зоографией Россо-Азиатика» (1811—1831), написанной на латыни. Это И.А. Двигубский, написавший «Опыт естественной истории всех животных Российской Империи» (1829—1832). Это, наконец, Юлиан Симашко, автор книги «Русская

фауна, или Описание и изображение животных, водящихся в Империи Российской» (1851). Задуманная Н.В. Туркиным и К.А. Сатуниным монография «Звери России» (1900) захлебнулась после первого же тома. Однако в связи с несовершенством методического аппарата все эти труды сейчас имеют лишь историческое значение. То же самое следует сказать и о достаточно многочисленных региональных работах той эпохи («Естественная история млекопитающих животных Оренбургского Края» Э. Эверсманна, работы И.Ф. Брандта, Л. Шренка, К.Ф. Кесслера и многих других ученых). Они содержали весьма ценные биологические данные, характеристики распространения и местообитаний, но в области систематики доверять им можно было лишь с оглядкой. Сергей Иванович это знал и потому центр тяжести в своих собственных исследованиях перенес на изучение коллекционных материалов.

Исключительно важным шагом на пути к реализации главной задачи и к созданию монографической сводки стала публикация первой крупной работы С.И. Огнёва «Млекопитающие Московской губернии» (ч. I, 1913). Сергею Ивановичу в это время было лишь 27 лет, однако уже этот первый труд продемонстрировал руку мастера и далеко выходил за рамки современных трудов по млекопитающим России. В его основе лежали результаты систематической обработки свыше трех тысяч коллекционных экземпляров — тушек и черепов, детальный критический анализ всей существовавшей тогда литературы, значительные личные наблюдения и сборы автора. По сути дела, это была первая оригинальная сводка по млекопитающим средней полосы России, включающая определительные таблицы, систематические характеристики, очерки биологии и географического распространения. За эту работу, высоко оцененную современниками, Сергей Иванович был удостоен премии им. М.Н. Богданова. К сожалению, завершить эту работу ему в силу разных

обстоятельств не удалось. Вместе с тем это был как бы старт к более широким работам по анализу фауны России и Советского Союза.

Последующие годы жизни С.И. Огнёва ознаменовались напряженным и очень целеустремленным трудом по сбору материалов для задуманной им общей сводки по млекопитающим нашей страны. Будучи, в принципе, кабинетным ученым, он в этот период довольно много выезжал в экспедиции, и в частности работал в Воронежской губернии вместе с К.А. Воробьевым, совершил поездки в Наурзумский заповедник, на Урал в Башкирию, на Кавказ в Осетию, в горы Средней Азии.

Помимо собственных сборов, привезенных из этих экспедиций, Сергей Иванович интенсивно обрабатывал коллекционные фонды других зоологических учреждений России, в том числе и фонды Зоологического музея Академии наук в Ленинграде. По материалам экспедиций и результатам обработки коллекций в этот же период опубликованы интереснейшие региональные монографии «Фауна наземных позвоночных Воронежской губернии» (совместно с К.А. Воробьевым, 1923) и «Млекопитающие северо-востока Сибири» (1926), а также ряд крупных и ценных статей в различных сборниках и зоологических журналах как у нас, так и за рубежом. Но все это, как уже говорилось, было лишь подходами и материалами для задуманной сводки, подготовка которой уже шла полным ходом.

Рукопись первого тома монографии С.И. Огнёва, содержащая характеристики отрядов насекомоядных и рукокрылых, была полностью готова уже в 1922 г. Однако в связи с большим объемом и непредвиденными финансовыми затруднениями издание было отложено, и том вышел в свет под названием «Звери Восточной Европы и Северной Азии» только в 1928 г., т.е. практически через семь лет после завершения рукописи. Это было большим событием в жизни и самого Сергея Ивановича, и всей зоо-

логической общественности СССР. Книга была хорошо иллюстрирована и содержала географические карты распространения каждого вида.

Важно подчеркнуть, что именно в предисловии к этому тому С.И. Огнёв впервые ввел в употребление термин «териология», заменивший неблагозвучные и неудобные термины «маммалиология» и «маммалогия». Сейчас мы как-то забыли об этом его терминологическом вкладе. А зря!

Еще до выхода в свет первого тома Сергей Иванович практически завершил работу над рукописью следующего. Финансовая ситуация на этот раз сложилась более благоприятно, и второй том, посвященный описанию большей части хищных млекопитающих, вышел в свет уже в 1931 г. В иллюстративную часть тома вошел ряд прекрасных цветных рисунков, выполненных нашим замечательным анималистом и близким другом Сергея Ивановича, В.А. Ватагиным.

Благодаря тому, что работа над рукописью не прекращалась и текст очередного тома был практически готов, третий том монографии вышел всего четырьмя годами позже предыдущего, в 1935 г. Он включал завершающий раздел по хищным млекопитающим (семейство куньих) и характеристику всего отряда ластоногих. Курьезно, что по настоянию цензуры, посчитавшей, что в названии сводки умаляется значение Советского государства и оно звучит аполитично, название было изменено и монография стала называться «Звери СССР и прилежащих стран». Под этим заглавием были опубликованы и все остальные тома. Для того чтобы выдержать преемственность всех томов, С.И. Огнёв все же сохранил первоначальное название монографии, но только в виде особого примечания на титульном листе.

Четвертый том открывал описание самого большого и наиболее сложного отряда — грызунов, куда в соответствии с господствовавшими тогда взглядами на систему относили и зайце-

образных, выделенных позже в самостоятельный отряд. Том вышел в свет в 1940 г., практически накануне Великой Отечественной войны. Помимо зайцеобразных, он включал описания белок, летяг, тонкопалых сусликов и бурундуков. Нужно заметить, что внешне этот и последующие тома претерпели некоторые технические изменения: был увеличен формат, «исчезла» суперобложка. Но единство издания сохранилось, и в этом большая удача!

Дальнейшая судьба монографии сложилась непросто. Когда в июне 1941 г. разразилась война, сотрудники биологического факультета МГУ в большинстве своем были эвакуированы, причем кафедра зоологии позвоночных и часть музейных работников оказались в Туркмении, в Ашхабаде. Но Сергей Иванович в числе немногих остался в голодной и холодной Москве. Он просто не мог покинуть коллекции, оставить их на произвол судьбы. В составе университетской дружины самообороны он дежурил на крыше Зоомузея, сбрасывая с нее немецкие зажигалки во время бомбежек. А в промежутках между тревогами продолжал работу над рукописью, измерял черепа грызунов, делал зарисовки. Особенно опасными были для Сергея Ивановича июнь и июль 1941 г., когда его на улице несколько раз принимали за шпиона. Виной тому был его какой-то экзотический облик: брюки гольф, шерстяные гетры, нестандартная, а попросту охотничья шляпа, зарубежный фотоаппарат. К счастью, Сергея Ивановича всякий раз доставляли в одно и то же отделение милиции вблизи музея, а там уже знали его и немедленно отпускали. А могло быть гораздо хуже: в это время действовала директива Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, которая повелевала «шпионов и диверсантов расстреливать на месте». Страшно подумать, что могло бы случиться!

Так или иначе, но война кончилась, и Сергей Иванович встретил ее конец с полностью готовой рукописью трех последующих

томов. Благодаря этому пятый том, завершающий описание семейства беличьих, а также содержащий характеристики бобров, сонь и слепышей, вышел из печати уже в 1947 г. Через год, в 1948 г., выходит шестой том с очерками о тушканчиках и началом описания полевок, а в 1950-м завершена публикация седьмого тома с описанием большей части полевок. Наконец, последний из опубликованных, девятый том, написанный по просьбе С.И. Огнёва и с его согласия одним из лучших знатоков морских млекопитающих А.Г. Томилиным и посвященный описанию китообразных, вышел в свет в 1957 г. Оставались незаконченными очерки о грызунах и полностью отсутствовал материал по копытным. Однако к этому времени Сергей Иванович уже почувствовал себя усталым от проделанной поистине титанической работы и пришел к нелегкому для себя решению: поручить завершение монографии своим ближайшим и самым талантливым ученикам, прежде всего В.Г. Гептнеру, оставив за собой общее руководство. К сожалению, тяжелая болезнь нарушила эти планы и в полном объеме мечта жизни Сергея Ивановича не осуществилась. С другой стороны, можно с уверенностью сказать, что даже в том, что было опубликовано, он смог синтезировать и обобщить ту пеструю картину российской териологии, которая сложилась в результате региональных исследований XIX — начала XX веков. С учетом того, что в дальнейшем было сделано ближайшими учениками и последователями Сергея Ивановича, инвентаризацию териофауны нашей страны можно считать завершенной.

Чтобы оценить в полной мере гигантский труд С.И. Огнёва, позволю себе подвести краткий итог проделанной им работы. Тем более, что в оригинале его монография известна уже немногим. Работа Сергея Ивановича — это тысячи и тысячи промеров, многие сотни рисунков и эскизов карт. Сама подготовка и публикация рукописи потребовали более тридцати лет напря-

женного труда. Общий объем семи томов (без китообразных) составляет 4848 страниц печатного текста и рисунков. Упомяну, что все это было написано простым пером и чернилами, причем сразу набело, и прямо с письменного стола Сергея Ивановича шло к машинистке для перепечатки. Уместно и отрадно напомнить, что за первые пять томов С.И. Огнёв был удостоен Сталинской премии.

Монография «Звери СССР и прилежащих стран» не была последней крупной публикацией С.И. Огнёва. В 1951 г., то есть в год его кончины, вышла в свет новая и интересная книга «Экология млекопитающих». Ее можно рассматривать в известном смысле как учебник по экологии и биологии млекопитающих для студентов-биологов, хотя официально она для этой цели рекомендована не была. В принципе, это живая, интересная и увлекательная книга.

С.И. Огнёв был широко известен как последовательный и яркий популяризатор науки, неутомимый пропагандист идей охраны природы. Прекрасным русским языком и с глубоким чувством написаны его книги «Жизнь степей» и особенно «Жизнь леса», выдержавшая несколько изданий, за последнее из которых Сергей Иванович в 1951 г., незадолго до кончины, получил вторую в своей жизни Сталинскую премию.

Сергей Иванович был увлеченным фотографом, одним из пионеров и первопроходцев съемки природы и животных. У него была целая коллекция фотоаппаратов, он сам конструировал к ним телеобъективы и широкоугольники, которых в те времена не было в магазинах. Свои книги он иллюстрировал собственными превосходными фотографиями.

Сергей Иванович был верным и убежденным приверженцем охотничьих традиций и самой охоты. Особенно любил он весеннюю охоту на тяге и токах, но держал и легавых собак, в основном пойнтеров. У него была замечательная коллекция до-

рогих английских ружей. Охота была семейной традицией Огнёвых, а супруга Сергея Ивановича Инна Евграфовна прославилась, уложив на зимней облавной охоте дуплетом двух волков. Мне неизвестны мужчины, повторившие бы этот рекорд!

Я один из тех немногих, ныне еще живущих, кто долго и близко знал Сергея Ивановича лично, кто был его учеником и современником, и поэтому позволю себе сказать несколько слов о нем как о человеке. Никто и никогда этого уже не сможет, и я надеюсь, что меня не осудят за такое отступление. Это ведь наша история! Тем более, что Сергей Иванович был светлой личностью в полном смысле слова и почти единственным человеком, о котором я никогда и ни от кого не слышал худого слова. На биологическом факультете, пожалуй, никто, кроме профессора Л.А. Зенкевича, не пользовался такой любовью и таким авторитетом.

Я впервые встретил С.И. Огнёва в 1934 г. Мне было десять лет, и я тогда уже все свои интересы отдавал рыбкам в аквариуме и птицам в клетках. Мой отец, профессор кристаллографии Е.Е. Флинт, был дружен с Сергеем Ивановичем еще со студенческих лет. Их объединяла любовь к природе и охоте, к ружьям и фотографированию. Отец решил, что и мне пора узнать этого замечательного человека. Мы поехали в Зоомузей, поднялись на третий этаж и вошли в кабинет Сергея Ивановича. Не буду в деталях рассказывать об этом визите, об экскурсии по верхнему залу музея, о долгом разговоре, скажу лишь, что именно тогда решилась моя судьба: я понял, что зоология — это самая интересная из наук и что я буду зоологом.

Перед войной мы не раз встречались, вместе ходили в зоопарк, но тесной дружбы тогда не сложилось. Может быть, слишком велика была разница в возрасте, а может, меня просто больше влекло изучение птиц. Только вернувшись с войны и поступив в университет, я полнее оценил обаяние Сергея Ивановича.

В нем поражали спокойствие, необыкновенная доброжелательность, чувство собственного достоинства, соединенное с добродушной, почти незаметной иронией, уважение к собеседнику. Даже в гневе он был спокоен и сдержан. В таком состоянии холодного бешенства я видел его только раз, когда осенью 1948 г., вскоре после скандальной сессии ВАСХНИЛ, декан нашего факультета, ставленник Лысенко, небезызвестный И.И. Презент поднялся в «Огнёвку», на третий этаж, чтобы познакомиться с работой кафедральных териологов. Особенно интересовал его сам С.И. Огнёв, числившийся в «антилысенковцах». Первым Презента встретил А.Н. Формозов и пытался не допустить декана к Сергею Ивановичу. В это мгновение из своего кабинета появился и сам С.И. Огнёв и, не обращая внимания на Презента, произнес: «Саша, скажи этому человеку, что, если он еще раз придет сюда, я спущу его с лестницы». Всесильный Презент бежал и больше не возвращался для беседы с Сергеем Ивановичем! Я привел этот эпизод для того, чтобы показать, что, несмотря на удивительную мягкость и добродушие, в принципиальных вопросах Сергей Иванович сам мог быть жестким и принципиальным.

Мы не раз ездили вместе с Сергеем Ивановичем на тягу, но больше всего мне запомнилась наша последняя поездка на станцию Колхозная Курской железной дороги. Была весна 1951 г., последнего года его жизни. Он уже неважно себя чувствовал, но мы с В.Г. Кривошеевым, ныне тоже покойным, все же уговорили нашего дорогого учителя. Погода была изумительной, и вальдшнепы тянули исправно, но Сергей Иванович даже не стрелял, хотя мы с Володей убили по паре. Не сговариваясь, мы тут же подарили ему своих вальдшнепов. После долгих уговоров он согласился принять наш подарок, но тут же со своей милой, извиняющейся и чуть ироничной улыбкой добавил: «В первый раз в жизни еду с тяги с чистым, нестреляным ружьем и с вальдшнепами в ягдташе». Мы были счастливы

В тот же год осенью Сергея Ивановича отправили в санаторий в Болшево. Мы с Р.Л. Беме, тоже студентом третьего курса, навестили его в санатории. Инна Евграфовна угостила нас чаем, мы побеседовали с Сергеем Ивановичем. Он выглядел неплохо, шутил, как всегда, и мы уехали успокоенные. Беда пришла чуть позже.

Утром 21 декабря я пришел на факультет на занятия. Первым, кого я встретил на лестнице, был Е.С. Птушенко. Его расстроенный вид поразил меня, и первые его слова объяснили все: «Сергей Иванович скончался!». Сотрудники кафедры, как потерянные, бродили по коридорам, все занятия были отменены. Нас с Р.Л. Беме вызвали в деканат и, поскольку мы одни знали дорогу в санаторий, отправили в Болшево. К нам присоединился И.А. Шилов, студент пятого курса. Так мы привезли Сергея Ивановича в последний раз к зданию Зоологического музея. Помню, что парадный вход в Зоомузей открывал В.Е. Соколов, студент-выпускник. Гроб перенесли в нижний зал музея, и все мы долго не находили в себе сил разойтись. А Д.М. Вяжлинский со своей траурной черной бородой так и простоял всю ночь, будто в почетном карауле, у гроба учителя.

На всю жизнь запомнились мне похороны Сергея Ивановича на Пятницком кладбище. В ночь накануне был сильный снегопад, и мы, несшие гроб извилистыми тропинками среди могил к фамильному участку Огнёвых, шли почти по колено в снегу. Позади похоронной процессии образовалась широкая дорога — так много людей пришло проститься с Сергеем Ивановичем, проводить его в последний путь.

Свежевырытая могила чернела неестественно и страшно. Во время последних прощальных речей я стоял на противоположной от толпы провожавших стороне, держа полотенце, на котором гроб опускают в могилу. Я хорошо мог видеть всю нашу териологическую гвардию, стоявшую у могилы. В первом ряду

были В.Г. Гептнер, В.И. Цалкин, С.С. Туров, А.П. Кузякин, сотрудники музея и кафедры. Слушать прощальные слова было невыносимо тяжело. Никогда не предполагал я, что сдержанный, ироничный В.И. Цалкин мог бы так безудержно рыдать, что желчный бунтарь А.П. Кузякин мог бы так захлебываться слезами, что слова почти не срывались с его искаженных горем уст. Когда все слова были произнесены, гроб на полотенцах был опущен в могилу и по нему неестественно громко застучали комья земли. Все было кончено, первый териолог России завершил свой жизненный путь. С тех пор прошло полвека!

Время в полном соответствии с диалектикой меняется. Меняется и наука: появились новые подходы, методики, проблематика, приоритеты. В дополнение к морфологическим критериям в систематике пришли генетические, изучение биологии видов оттеснено изучением их роли в биоценозах, разработкой стратегий их охраны и использования. Кропотливая работа с черепами и тушками стала замещаться интенсивными и беззастенчивыми поисками зарубежных грантов. Время гигантов, таких, как Сергей Иванович Огнёв, как его великолепная школа российских териологов XX в., прошло. Многие из нового поколения даже имени С.И. Огнёва и его ближайших учеников и последователей не слышали. Есть, конечно, и исключения, причем хорошие исключения, но они только подтверждают общую закономерность. Но хочется надеяться, что, хотя бы заглянув в эту книгу, молодое поколение териологов почувствует все величие и научный подвиг предшественников, и в первую очередь Сергея Ивановича Огнёва. Почувствует и оценит.

В.Е. Флинт

Âåëèêèé òðóæåíèê è ó÷èòåëü

Сергей Иванович Огнёв никогда не был сухим и кабинетным ученым. Его отличали знание живой природы и любовь к ней (книга «Жизнь леса»), качества умелого организатора экспедиций и сборщика материала в поле. Лучше всего эти качества открывались для тех, кто работал с ним в экспедициях. Я была в последней поездке Сергея Ивановича на Западный Тянь-Шань, которую он организовал в 1938 г. в целях изучения фауны грызунов этой страны (тогда он только приступил к описанию грызунов в своей замечательной сводке). С ним поехала Инна Евграфовна, а в помощь в сборе коллекций он взял с собой еще трех студенток 2-го и 3-го курсов — меня, Талю Дарскую и Надю Шульц. До самого отъезда мы сдавали экзамены и поехали совершенно неподготовленными к поездке. Горные ландшафты, растения, птицы, звери, где было много эндемиков, — все было новым и незнакомым.

Не то было с Сергеем Ивановичем, хотя он раньше никогда не бывал на Тянь-Шане. Он знал абсолютно все. Он знал не только где и каких мы должны поймать зверьков. Он знал всех птиц и легко разбирался в многообразной и интересной фауне Тянь-Шаня: запоет ли кто-то, промелькнет, пролетит — мы сразу получали ответ. И черногрудый соловей-красношейка, и синяя птица, и арчовый дубонос, расписная синичка, седоголовая горихвостка — все были ему знакомы так же, как дрозды и дятлы в наших лесах. На ходу он рассказывал нам, что расписную синичку описал Н.А. Северцов и назвал ее в честь своей жены *Leptopoecile sophiae*. Мало того, Сергей Иванович очень хорошо знал растительность Тянь-Шаня. Он без труда называл нам все основные виды, будь то какие-нибудь вьющиеся растения в зоне лиственных лесов или яркие цветы альпийских лугов. Во время общих экскурсий ни один наш вопрос не оставался без исчерпывающего ответа. Я была поражена широтой его знаний

и даже спрашивала: «Сергей Иванович, откуда Вы все это знаете?» А он, улыбаясь, отвечал: «Ну, Варя, как этого можно не знать».

Сергей Иванович в молодости был страстным охотником и отличным стрелком, в доме у него всегда жили охотничьи собаки. Я помню, как точно и с каким изяществом стрелял он на Тянь-Шане вылетевших на охоту летучих мышей (кажется, ушанов), но в остальное время ружью он предпочитал фотоаппарат. Видовые снимки он любил делать при вечернем освещении, когда в лучах низко стоящего солнца особенно четко выделялись все детали. Любил выбирать кадры с передним планом в виде какого-нибудь цветка или веточки дерева, что придавало его снимкам высокую художественность. Но больше всего он увлекался фотографированием живых объектов, то есть зверей и птиц. Помню, как мы волновались, когда Сергей Иванович не пришел к завтраку, а он, оказывается, два часа сидел с фотоаппаратом у гнезда белой лазоревки.

С.И. Огнев первым нашел поселение сурков на полянке в лесной зоне, где сурки устроили нору под поваленной колодой и влезали на нее, чтобы осмотреться. Он провел у этой норы целый день, а назавтра ушел туда опять с фотоаппаратом в пять часов утра. Нам долго не удавалось найти пищух. Численность этих зверьков была очень мала. Всюду среди камней встречался их помет, а живых зверьков не было видно. Наконец в 10 км от дома, по дороге на Талгарский перевал, мы нашли одну пищуху. Шло запасание корма. Зверек легкими прыжками бежал к краю россыпи, там рвал герань, с букетом лиловых цветов во рту возвращался обратно и прятал их в расщелинах среди камней. Сергея Ивановича с нами не было, но, когда мы вернулись и рассказали ему о своей находке, он сказал, что завтра же поедет туда. Я вызвалась его сопровождать. Поехали на лошадях. Пищуха оказалась на месте и вела себя так же, как и накануне. Я пропу-

стила Сергея Ивановича вперед и в дальнейшем больше смотрела на него, чем на пищуху. Он присел среди камней и застыл в напряженной позе, наблюдая и снимая этого замечательного зверька. Когда пищуха скрывалась среди камней, он оборачивался ко мне и говорил полушепотом: «Варя! Ведь это целое представление!». Запомнилось выражение его лица, полное счастья и какой-то удивительной доброты к этому маленькому живому существу.

Еще один случай. Около базы заповедника на Малой Алматинке была небольшая гора, вся покрытая еловым лесом, так называемая «Мохнатая сопка». Как-то мы решили подняться на ее вершину, и С.И. Огнёв сказал, что пойдет вместе с нами. По склону вилась тропинка, мы сразу наперегонки, срезая петли, рванули по ней, оставив Сергея Ивановича далеко позади. В середине горы наша прыть поутихла, мы начали задыхаться и, не дойдя метров тридцать до вершины, не могли ступить ни шагу. Не в силах идти, мы все растянулись на земле, пытаясь отдышаться. И вот мимо наших «трупов» медленным, спокойным шагом прошел Сергей Иванович и первым поднялся на вершину. Мне этот случай показался очень символичным.

И последнее воспоминание — о встрече с С.И. Огнёвым после моего возвращения из тундры Ямала, где волею судьбы мы провели с Т.Н. Дунаевой два самых тяжелых военных года. На другой день после возвращения в Москву осенью 1943 г. я пошла в университет и, конечно, первым делом поднялась в лабораторию Сергея Ивановича. Постучала в кабинет и услыхала знакомый голос: «Войдите». Вошла и остановилась. В кабинете ничего не изменилось, все было, как прежде, только за столом сидел похудевший и осунувшийся Сергей Иванович. Те, кто бывали в его кабинете, я уверена, навсегда запомнили эту замечательную комнату, и я вкратце ее опишу. Комната была неправильной формы, с углублением справа от входа. Напротив двери

широкое окно, у окна длинный черный стол для работы с коллекциями и рисовальным аппаратом. Справа стоял поперек комнаты, немного наискосок, большой письменный стол. На столе красивый чернильный прибор, хотя Сергей Иванович давно уже писал авторучками. Тут же статуэтки пингвинов и еще каких-то птиц и зверушек. Впереди стола — мягкое кожаное кресло и круглый столик для чаепития и отдыха. По стенам большие двустворчатые шкафы с книгами, над ними картины с видами природы и работами наших анималистов. У самого входа, торцом к двери небольшой шкафчик красного дерева, где стояла посуда и все, что нужно для чая. На шкафчике лежала удивительная штука — старинная метелка из красивых петушиных перьев для смахивания пыли. (Сергей Иванович всегда сам убирал кабинет: пыль смахивал этой метелкой, а цементный пол подметал щеткой). В кабинете не было ничего шикарного, показного. Все было по-домашнему уютно и располагало к серьезной и спокойной работе.

За годы войны кабинет совсем не изменился. И не только кабинет, неизменным остался и ритм, и режим работы Сергея Ивановича. Все осталось так, как описывал А.Н. Формозов в 24—25 гг., то же я наблюдала в конце 30-х гг., то же было во время войны и после ее окончания. С.И. Огнёв приходил в лабораторию утром, работал до часу, затем кипятил чайник и пил чай, в 3 часа уходил обедать и немного отдыхал, в 5 часов возвращался вновь и работал до 8—9 часов вечера. И так изо дня в день, из месяца в месяц, из года год.

«Вот закончил пятый том, работаю над шестым, подбираю материал для седьмого», — рассказывал он мне при этом памятном свидании. «А как же во время тревог и бомбежек, что Вы делали тогда?» — спрашивала я. «Ну, в бомбоубежище я не ходил, от дежурства на крыше меня освободили, во время тревоги я запирался в фотокомнате и там продолжал работать».

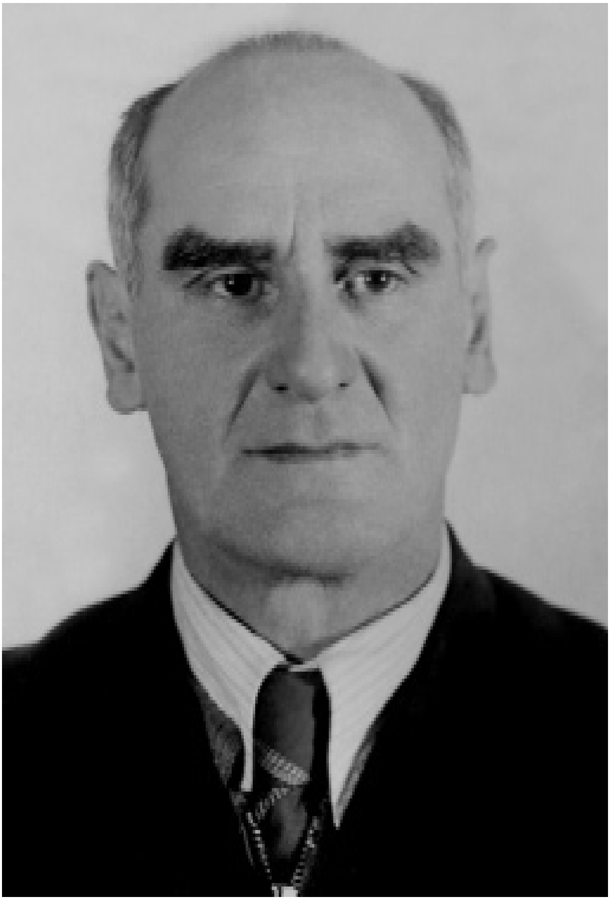
Фотокомната была маленьким закутком, отгороженным фанерой в коридоре, налево от входа в кабинет. Там были полки с коллекциями Сергея Ивановича и стояли небольшой столик и стул для работы. Я была поражена: вряд ли кто-либо из ученых работал так же, как Сергей Иванович. Это был своего рода подвиг, восхождение на «Мохнатую сопку», когда он всех оставил позади. В конце нашей встречи я рассказывала о нашей жизни в тундре, о том, как страшно было думать, что мы можем не вернуться в Москву и не увидеть снова университет и людей, которые нас учили. «А ведь у нас с собой ничего не было, — говорила я — не было даже Вашей фотографии». — «Ну, теперь это легко можно исправить», — сказал Сергей Иванович улыбаясь и на другой день подарил мне свой портрет.

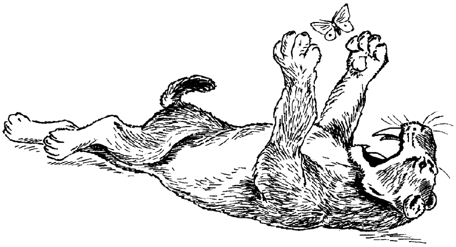
В.И. Осмоловская

*****

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ОРЛОВ

1893–1966





Мне было очень не по себе, потому что на дверях висело «Музей закрыт», а я уже стоял в вестибюле. Кроме меня никого не было, но справа доносился очень мучительный разговор — и по тону, и по лексике. Бас, баритон и несколько теноров матерились добродушно и мастерски. Я решился, сделал три шага вперед до канцелярского стола, упиравшегося в постамент с утконосым динозавром, и поглядел направо. Их было шестеро: трое «фитилей«, «шкаф», «колобок» и один — просто выше среднего роста, сухой и горбоносый. Они стояли под четырехметровым скелетом двуногого хищника; из слов было ясно, что Женя Малеев погорячился, что это никакой не тарбозавр, а самый обыкновенный тиранозавр, что его только что смонтировали и что все получилось как надо, но все равно непонятно, что он (такой-сякой) делал этими (такими-сякими) нелепыми ручонками. Гипотезы сопровождались соответствующими комментариями с выражениями.

Это было летом 1956 г., я только что поступил на геофак и полагал, что в этом вечно закрытом музее я уже отчасти «свой»... Своим я стал несколько позже и узнал, что «шкаф» — это легендарный Иван Ефремов, «фитили» — лаборант, он же табельщик, Б.С. Тарусин, зав. музеем К.К. Флёров и пастырь палеонтологической «молодежи» Б.А. Трофимов. «Колобка» звали Ян Мартынович (Я.М. Эглон), он был скульптором и реставратором и резал из липы недостающие детали к скелетам. Из особого расположения к вам он мог отлить головку Нефертити (это был его маленький «серый» промысел).

А тот, который «просто выше среднего», похожий то ли на римского сенатора, то ли на цыгана, — сам директор института

Юрий Александрович Орлов, он же зав. кафедрой палеонтологии в МГУ. Вернее, наоборот: прежде всего — профессор Орлов, душа кафедры, Юрьсаныч, позже, когда в моду вошли аббревиатуры, — Ю.А. Он был очень университетским в старорежимном смысле этого слова, носителем вольной университетской мысли, университетского братства и доброжелательности, стиравшей грань между учителем и учеником и еще — духа бескорыстного поиска истины. Когда он появлялся на пятом этаже и обходил помещения кафедры, вокруг него собирался разный народ, плавно перетекавший затем в его кабинет, чтобы послушать свежие новости науки, решить текущие дела или просто так, потому что рядом с ним было хорошо.

По-видимому, он был гениальным педагогом, поскольку уже без малого сорок лет над кафедрой веет «орловский дух» и память о нем жива естественно и не «юбилейно». Впрочем, возможно, я добросовестно заблуждаюсь, отмечая вниманием прежде всего то орловское, что он мягко и ненавязчиво вложил в своих учеников, продолжающих его дело в университете.

Он преподавал всегда, с 1916 г. Сначала в Перми, затем в Питере — в университетах, Военно-медицинской академии, в Горном институте, потом в Москве. Его лекции по палеонтологии позвоночных были великолепны и странны. Записывать его скороговорку было невозможно, но это и не подразумевалось: «Все, что нужно для сдачи, — узнаете на практических занятиях у Ольги Павловны (О.П. Обручева — доцент кафедры) и в учебниках. Читайте Ромера в оригинале, в переводе или в изложении Давиташвили». Он умудрялся показать за два академических часа больше полусотни слайдов: черепа, скелеты, реконструкции и прокомментировать их. Он рассказывал о классических исследованиях, о логике морфофункционального анализа, о знаменитых ученых прошлого и ведущих исследователях нынешних, об их достижениях и об их судьбах.

Вокруг «великого и несчастного» В.О. Ковалевского возникал целый мир. В нем были Л. Долло и Ч. Дарвин, Г. Осборн и Ш. Депере, А.Н. Северцов и И.И. Шмальгаузен, а также И.Ф. Синцов, «заваливший» работу Ковалевского. И на этом фоне — обсуждение форм адаптациогенеза. В целом это зрелище бурлящей, живой науки вызывало ощущение присутствия при чем-то грандиозном и притягательном, творимом здесь и сейчас замечательным всемирным братством исследователей, научившихся находить истину в условиях чудовищного дефицита фактов.

Ю.А. рассказывал, как еще в 1894 г. первый отечественный знаток древних млекопитающих, Мария Павлова, предсказала, что в Предкавказье и Причерноморье должны быть остатки среднемиоценовой анхитериевой фауны, и как тридцать лет спустя стараниями геолога А.В. Динова и палеотериолога А.А. Борисяка была наконец найдена анхитериевая фауна близ станицы Беломечетской, и как непредсказуемо странен этот мир, как ломали над ним головы А.А. Борисяк и И.П. Сушкин, В.И. Громова и Н.К. Верещагин, И.И. Соколов и М.И. Аргиропуло. И еще о том, как за дело взялся Лео Габуния из Грузии и сколько неожиданного в итоге произошло.

Это была экспозиция науки, воссоздающей разбитую мозаику ушедшего мира из ограниченного числа фрагментов, каждый из которых заведомо ценнее, чем вся сумма связанных с ним интерпретаций.

Отступление 1. О гиппарионовых фаунах и Павлодаре

Но был один сюжет, излагая который, Ю.А. изменял привычному скепсису по поводу «интерпретаций», — история гиппарионовой фауны. В этой истории он фактически выяснил «три вещи», как говаривал академик В.В. Меннер: ландшафт, центр экогенеза и особенности трансберингийских связей Азии и Северной Америки в неогене. Все это было изложено только в лекциях и отчасти —

в популярном тексте «В мире древних животных». И все же осталось: «массовость» жизни, высокая продуктивность ландшафта; азиатский центр экогенеза; расползание «подобно чернильному пятну»; единство «гиппарионового» биома Азии, Европы и Африки (персистирующего в Америке) — и семигумидный, бореальный, «облесенный» берингийский фильтр, остановивший жираф и антилоп.

Много лет спустя, сформулировав основное, к чему пришел, изучая с легкой руки Ю.А. гиппарионовые фауны, я обнаружил, что все сделанное было уже, по сути, сказано Орловым — или подсказано, хоть и неявно.

Это обнаружилось случайно, когда мне ничего не оставалось делать кроме как попытаться отрефлектировать цепочку свих логических построений и их первоисточники — чтобы отключиться от больничной суеты. Оказалось, что в начале были серии фотографий саванного населения, потрясающего своим изобилием, принесенных Орловым в музей, и беседы о них; была откуда-то «вырытая» Ю.А. цитата о слышимом за милю запахе кочующих стад Африки и как бы вскользь брошенные фразы о гигантском африканском рефугиуме и «великом молчании» области древних лесов Северной Евразии, где нет и, кажется, не может быть остатков континентальных фаун. И еще гримаса разочарования на лице Ю.А. во время слушаний на институтском семинаре по поводу применимости метода актуализма. Вроде бы ничего конкретного, но мне стало понятно, что он имел в виду, определив мне заниматься гиппарионовой фауной — темой, казавшейся к началу 60-х гг. бесперспективной и почти исчерпанной.

Здесь не лишним будет напомнить, что Ю.А. открыл в 1928 г. крупнейшее в СССР местонахождение гиппарио-

новой фауны в Павлодаре и поставил на нем грандиозные раскопки. Павлодарская коллекция Палеонтологического института до сих пор — наиболее богатая из имеющихся в России и из мировых уступает только пикермийской (Греция).

Глядя на фотопанораму павлодарских раскопок, студенты не вполне понимали, чего стоит снять 5-метровый покров и вскрыть костеносный горизонт на протяжении более 100 метров. Только те, кто впоследствии сам копал что-либо подобное, смогли оценить трудоемкость всего орловского мероприятия. Впрочем, в те времена не было проблем с рабочей силой: судя по заметным на фото фигурам «человеков с ружьем», раскопки на берегу Иртыша скрасили единообразие камерных будней для «сидельцев» Павлодарской тюрьмы.

В ходе таких тотальных раскопок под лопатой исчезает информация о геологической среде, а с ней о ландшафтах и природных процессах прошлого. Ю.А., понимая цену утраты, уговорил жившего в Павлодаре В.П. Батурина, одного из последних «передвижников», написать серию пейзажей. Большая часть их осталась в Павлодаре. Два холста были куплены Орловым. Лучший из них — вид на обнажение к северу от раскопа — украли в 1983 г. во время монтажа экспозиции. Судьба картин, оставшихся в Павлодаре, тоже не очень радостна. Большая часть полотен к 1976 г., когда я ездил туда последний раз, была свернута в рулоны, потому что надо было срочно «обрамить» соцреализм, а для хранения на подрамниках не хватало места в фондах...

Даже немногое сохранившееся из павлодарской серии пейзажей — всего-то пара полотен — интереснейшие геологические документы, дающие полное представление о том,

как выглядел разрез берега Иртыша в ста метрах к западу от современного. Год за годом паводковые размывы вскрывают новые профили древнего аллювия, и затеянная Ю.А. серия картин могла бы стать базисом для мониторинга, палеогеографического по смыслу. Вообще-то Ю.А. именно это и имел в виду, при любой возможности пытаясь выяснить у алма-атинского палеонтолога В.С. Бажанова, что происходит с берегом, как «ведет себя» костеносный горизонт и документируются ли «вновь открывшиеся обстоятельства». В анализе геологической ситуации он видел ключ к разгадке судьбы павлодарской фауны. Сценарий единовременной массовой гибели животных интриговал его чрезвычайно, Ю.А. возвращался к его обсуждению до конца своих дней. Для него была очевидной наивность тафономических гипотез, основанных лишь на анализе разреза, что довольно обычно для палеонтологов, мыслящих в основном «стратиграфически». Когда я в студенческие годы усвоил общие понятия ефремовской тафономии и рискнул предложить гипотезу формирования недавно открытого местонахождения гиппарионовой фауны в Киргизии, Ю.А. во время защиты диплома скептически заметил: «Все это хорошо смотрится на плоскости разреза, а как оно было в пространстве, на тогдашней карте?». А когда я начал свои первые крупные раскопки в Зайсанской впадине, он объяснил мне, что надо картировать костеносное тело и его ближайшие геологические окрестности так, чтобы можно было понять палеографически, что скопления костей нужно документировать и изучать с точки зрения генезиса местонахождения, и что в поле надо не только копать, но и думать — и не о систематике и морфологии, а о тафономии в самом широком смысле, и если чего не поймешь в поле — в лаборатории не додумаешь.

Квалифицированное геологическое обеспечение раскопок заботило Ю.А. давно. В архивах ПИНа конца 1945 г. я нашел его заметку с изложением идеи о необходимости двух научных соруководителей монгольской экспедиции — «геологического» (предлагался В.И. Громов) и собственно палеонтологического (естественно, И.А. Ефремов). Эта схема действовала только во время полевого сезона 1946 г., далее — не сложилось.

Ю.А. понимал, что и полученные им данные по Павлодару тоже неполны — как по части геологии, так и по части палеонтологии. Во время Первого Всесоюзного палеонтологического совещания в 1964 г. он с ревнивым интересом допытывался у П. Савинова, казахстанского палеонтолога, смущенного вниманием мэтра, о фауне мелких тепапод, намытой из павлодарских песков, а главное — о методике промывки. На следующий год он пригласил в Москву для консультаций молодого американского палеонтолога М. Маккенну, придумавшего простой и эффективный метод промывки в полевых условиях, а в 1966 г. мы уже вовсю орудовали «ситами Маккенны», восполняя пробелы палеонтологической летописи.

Но при всех огорчавших Ю.А. «пробелах» открытие и раскопки Павлодарской гиппарионовой фауны стали этапными для палеонтологии неогена азиатской части страны. Появился эталон для бореальных фаун и временной репер для эпохи климакса неогеновых континентальных экосистем, а также — и это не преходяще — возможность изучать древние экосистемы на массовом материале. Было открыто около полусотни местонахождений в красноцветных толщах к востоку от Урала, близких по возрасту к павлодарскому. Эпоха образования этих красноцветов была осмыслена как время максимума кайнозой-

ского биоразнообразия и зоогеографической интеграции Арктогеи в ландшафтах саванного типа. Но все это пришло потом, лет пятьдесят спустя после открытия. А до того поголовное большинство исследователей отдали дань биостратиграфическим штудиям, что, впрочем, было весьма полезно для континентальной стратиграфии неогена. Павлодарский проект Ю.А. Орлова оказался «долгоиграющим».

...Однако вернемся в университет конца 50-х.

В один прекрасный день Ю.А. объявил нам, что глубина невежества геологов в области биологии его весьма удручает и что отныне мы будем слушать курсы лекций также и на биофаке, а кроме того, проходить там практикумы. Эти курсы были несколько урезаны по сравнению с биофаковскими, а «обрезки» зачастую доверяли вести фигурам второго плана. Однако Ю.А. договорился, что представлять биологию нам будут корифеи — профессора А.Н. Дружинин, Б.С. Матвеев, Г.Г. Абрикосов, В.А. Свешников, Л.Б. Левинсон и другие достойные люди. Как это удалось Ю.А., достоверно неизвестно, но профессор Л.Б. Левинсон в начале курса эмбриологии и гистологии объяснил нам, что, конечно, такой урезанный курс — чистейшее безобразие, но он прочтет его нам, темным, хотя бы из глубокого уважения к Ю.А. Орлову, написавшему некогда выдающиеся работы по гистологии, но затем, к сожалению, занявшемуся чем-то вроде палеонтологии.

В итоге наша общебиологическая непросвещенность сократилась до того минимума, который уже не очень мешал самообучаться. При этом Ю.А. постарался избавить нас от плодово-ягодных соблазнов мичуринской биологии, курс дарвинизма был минимизирован до неприличия и завершился «автоматом» за регулярное присутствие. Поэтому наши мозги, не затуманенные самым передовым и творческим отечественным учением,

адекватно среагировали на вскоре реабилитированный «космополитический» эволюционизм.

Отступление 2. Кое-что о девятой главе Книги Бытия

Из всех биологических наук только палеонтология уклонилась от лысенкования, вероятно потому, что стратиграфическая практика ставила ее в разряд геологических наук, а в качестве палеобиологии ее не успели «подверстать» к сессии ВАСХНИЛ. К тому же Ю.А., тогда уже директор Палеонтологического института, ссылаясь на практический выход в геологию, с простодушной беспринципностью маневрировал между биологическими и геологическими епархиями академии и всячески уклонялся от проблем высокой теории. Но «уклонисты» были скоро вычислены и разоблачены. В газете под названием «Правда» вышла статья Л.Ш. Давиташвили «Крупные ошибки одного института» (в интерпретации Ю.А. — «Баалшие ошибки малэнького инстытута»). Дискуссия длилась в «Известиях АН СССР» весь 1949 год. Ведущие сотрудники института вели себя соответственно эпохе, но все же процент сохранивших достоинство был выше, чем по биологии в целом. Попытки «прислониться» к геологии привели к тому, что лысенкование палеонтологов и геологов назначили на один день. Несколько геологов написали письмо корифею всех наук и, как выразился один из подписантов, «сели дрожать» в ожидании ответа. (Эта страница отечественной науки может кануть в забвение, поскольку число апокрифов больше, чем еще живых свидетелей и участников). Ю.А., апеллируя к тому же адресату (которого он называл «Иосифом Великолепным»), попытался заслонить науку статьей о роли вождя в развитии отечественной палеонтологии. Гроза миновала (геологи отбились с блеском, и главный оппонент ПИНа

от продолжения заседания отказался, учтя инерцию прецедента).

В либеральные (для столицы) хрущевские времена, когда только ленивый был несмел, Орлова заглазно (все-таки заглазно!) укоряли за статью. Поводом стала совсем другая работа, посвященная ископаемым кораллам, в которой речь шла, правда, скорее о полифилии, чем о порождении ржи пшеницей. Кстати, это была единственная публикация, вышедшая из стен ПИНа, которую с очень большой натяжкой можно было бы считать «мичуринской». К чести пиновцев: ругались вяло, усердствовали лишь не простившие себе испуга 1948–1949 гг., они же — в кулуарах — с горечью и сдержанной яростью праведников клеймили Орлова. Я не верил, спорил запальчиво, но, не зная контекста событий, аргументов не имел и с наивной наглостью решился спросить о тех временах у самого Ю.А. Он глянул грустно и изложил мне близко к тексту конец девятой главы Книги Бытия: о том, как Ной после потопа насадил виноградник, и выпил вина, и обнажил себя среди шатра своего — и так далее, про Хама...

Я не искал этой статьи и не хочу читать ее, ибо негоже «видеть наготу отца своего». Прости, Учитель.

... Юрию Александровичу было непросто в спасенном им Палеонтологическом институте. Он пришел в 1946 г. на смену создателю института и кафедры в МГУ академику А.А. Борисяку. Многие годы в институте существовал культ Борисяка — как естественная дань основателю, при котором в институте собралась блестящая плеяда специалистов, ряд которых вполне заслуженно претендовал и на лидерство; подспудная борьба продолжалась долго.

... Весной 1964-го мы шли Нескучным садом из музея на ученый совет в институт (музей был на Ленинском, 16, а ин-

ститут — на Ленинском, 33). Предстояло обсуждать судьбу автопарка и раскопочной техники советско-китайской экспедиции, закрывшейся из-за «Великого охлаждения». Академическое начальство настаивало на полной ликвидации, глава экспедиции А.К. Рождественский предлагал трансформировать ее в общесоюзный палеонтологический проект, писал письма. Мы обсуждали их содержание и стилистику, а потом речь зашла об «эпистолярном жанре» вообще и у Ю.А. вдруг вырвалось: «Я ведь знаю — они все на меня пишут (следовали имена), что я сволочь беспартийная, над собой не растущая» — и далее о том, что если они добьются своего и он уйдет, то «начнут есть друг друга», и чтоб урезонить «их» и понять, что это за «генеральная линия, вместе с которой они, извините, колеблются», он пытался найти контакт «с их партийным Мефистофелем» (он подразумевал главного институтского Мастера Интриги).

С генеральной линией в институте все было в порядке: как только начался разлад с Китаем, профессор Б.Б. Родендорф был обвинен Мастером в проповеди идей, изложенных Мао в работе «О противоречиях». (Вообще-то Б.Б. Родендорф написал монографию об эволюции насекомых.) Для поколения начала 60-х «наезд» выглядел архаично, но свидетели довоенного «обострения классовой борьбы» и послевоенного осуждения «космополитов» вздрогнули. Для них смысл происходящего был ясен: у Б.Б. Родендорфа была замечательная лаборатория и в ней — выпестованная еще на биофаке молодежь. Ее воспитание нельзя доверять маоисту (куда смотрит партбюро!?), тем более, что некоторых молодых энтомологов уже называли хунвейбинами. Кто-то «стукнул», но времена были все-таки уже «не те», и Ю.А. удалось замять дело. (Палеоэнтомологическая школа Б.Б. Родендорфа стала — и, полагаю, остается — лучшей в мире, но это уже совсем другая история.)

Орлов гасил конфликты, по возможности удовлетворял амбиции коллег, обустраивал институт и создавал музей. Он начал заниматься им еще в Питере, в начале 30-х, справился с перевозкой его в Москву — ни одна из 20 великолепных витрин Северодвинской галереи не пострадала! — и открыл его в 1937 г. к Международному геологическому конгрессу. Под музей был отведен конюшенный корпус Нескучного дворца на Ленинском, 16. Ю.А. любил это здание как рачительный хозяин и спрашивал за непорядки как техник-смотритель, гоняя персонал за протечки, за выбитый паркет и за пыль на витринах. А кабинет его в музее был 2×3 м. Историю здания он знал от екатерининских времен, но излагал кратко: «Минералогов (музей им. Ферсмана) разместили в манеже, нам отдали конюшню и каретный сарай; кабинет Борисяка разместили на месте кучерских нужников, а ученый совет заседает на сеновале. А потом Жданов оттяпал у нас сарай, ручонкой так сделал — и как отрезало». Ручонка знатока творчества Ахматовой и Зощенко «оттяпала» 500 м^2 вместе с великолепным фронтоном, выходившим на Ленинский проспект. То, что осталось от памятника архитектуры к началу 50-х, уже не вмещало ни коллекций, ни экспозиции, ни сотрудников. Чтобы «рассадить» ученых и придать экспозиции достойный вид («стыдно от людей!»), Ю.А. затеял реконструкцию. Строители халтурили, денег на переделки не было, и Орлов тратил на доплаты почти всю свою зарплату. В здании появилось полторы дюжины кабинетов и Круглый зал для заседаний и библиотеки.

Отступление 3. Кстати о библиотеках

Библиотеку он лелеял. В Круглом зале, в специально заказанных им дубовых шкафах, разместились мемориальная библиотека А.А. Борисяка и часть фонда библиотеки Отделения биологии, где были собраны лучшие публикации по палеонтологии позвоночных. В «парадном»

кабинете на Ленинском, 33 разместили столь же представительную выборку по беспозвоночным: ближе к «пользователям». К личным библиотекам коллег Ю.А. относился очень уважительно и иногда укорял молодежь за небрежность.

Его собственная научная библиотека была огромна, в ней встречались вещи, которых не сыщешь ни в одной библиотеке страны. Стыдно сказать, но после кончины Ю.А. институт не проявил рвения сохранить ее у себя. После неприлично вязких переговоров с ПИНом огорченная вдова Юрия Александровича передала часть собрания в Институт палеобиологии Грузинской академии, а другую часть — во Владивосток, в Дальневосточный научный центр, Н.Н. Воронцову, относившемуся к Ю.А. с огромным пиететом. После того как с подачи дальневосточного партийного начальства Н.Н. Воронцова «убрали» за бескомпромиссность в научных делах, попутно оболгав, судьба этой части библиотеки была печальна. «За отсутствием спроса» ее сдали в макулатуру. Ихтиолог Л. Гликман выхватывал редчайшие издания прямо из кузова самосвала, писал письма в Академию наук. Академия не верила, но собиралась «разобраться». Раритеты превратились в газеты, рассказывавшие об успехах отечественной науки вообще и на Дальнем Востоке в частности. Впрочем, такое было в России не раз и Ю.А. попал в очень приличную компанию. В конце 80-х была пущена «враспыл» рабочая библиотека В.И. Вернадского. Благо, что большую часть ее успели перехватить несколько грамотных палеонтологов, перевозивших ее затем в Государственный геологический музей им. Вернадского, а место хранения меньшей — тоже известно. А вот библиотеку Ю.А. уже не удастся восстановить.

(Вы знаете, что такое библиотека большого ученого? Вы можете себе представить, что переживает историк науки, касаясь «тех самых» страниц? Вас тревожит проблема необратимой утраты информации о личности? Если хоть немного — да, то мне ничего не нужно добавлять к рассказу о библиотеках ученых и о стыде за утрату орловского собрания.)

Отступление 4. Как обустроить институт

Его стиль руководства институтом был начисто лишен харизматичности. Ю.А. не вел, не направлял и, похоже, целиком уповал на гомеостаз. Он всецело полагался в выборе стратегии исследований и подборе кадров на лидеров научных направлений. Лидеры были порой своенравны, норовили перетянуть одеяло на себя, но Ю.А. мягко и как бы походя восстанавливал равновесие. Он сохранял структуру лабораторий, сложившуюся еще при А.А. Борисяке, вопреки укрупнительным веяниям, рождавшимся в «верхах». В начале 60-х академия начала очередную борьбу с «мелкотемьем». Ю.А. популярно объяснил нам, что это уже бывало и в 20-х, и в 30-х гг., что, по слухам, на перстне Соломона было написано: «Все проходит», что у каждой науки — своя логика, а начальству возражать, что ... и поэтому «шапки» для тем мы придумаем, но под ними он советует нам заниматься тем, чем занимаются наши коллеги по всему миру. Мы с энтузиазмом обсудили предложенную «заведующим млекопитающими» Б.А. Трофимовым «шапку» — «Развитие млекопитающих в связи с эволюцией климата и ландшафтов», но Ю.А. «позволил себе обратить наше внимание» на то, что в задачке не меньше чем три переменных, а мы имеем профессиональные представления в лучшем случае об одной. А поскольку мы и млекопитающих-

то не очень знаем, то лучше сосредоточиться на них, потому что кроме нас в стране палеотериологов не очень много.

Коллеги (и, надеюсь, друзья), мнение которых я очень ценю, полагают, что Ю.А. был тогда неправ, «снизив» уровень трофимовского предложения. Но я думаю, что Орлов слишком хорошо представлял себе тогдашний уровень нашего «исполнительского мастерства». Он знал «гамбургский счет» в науке — и многие знали, что он знает. Иногда это стимулировало, но почти всегда вызывало тревогу и, подсознательно, неприязнь.

В начале 60-х всего два человека в стране на самом деле знали, что происходит в мировой палеонтологии и каков ее уровень: Ю.А. Орлов и Л.Ш. Давиташвили. Оба постоянно следили за публикациями, оба осмысливали их в соответствии со своими теоретическими воззрениями. Давиташвили представлял систему науки как совокупность школ и направлений (в манихейском континууме разделения на правых и неправых). Для Ю.А. пространство большой науки было заполнено прежде всего личностями, равными перед непознанным, он был лично знаком со всеми ведущими палеонтологами мира. Его крохотный кабинет в музее был заполнен доброй сотней фотографий коллег, размещенных в определенном, но понятном только Ю.А. порядке. Это был его срез науки или — срез его мира. Он демонстрировал его всем, но не расшифровывал никому. Возможно, смысл композиции знала его вдова, Наталия Павловна, очень настойчиво просившая сохранить эту портретную галерею в том виде, в каком ее создал Ю.А.

Совершенно очевидно, что Ю.А. поставил себе задачу — встроить отечественную палеонтологию в систему миро-

вой науки — и главным средством полагал личные контакты. Его многочисленные зарубежные поездки (вызывавшие глухой и завистливый ропот) прорвали «железный занавес». Институт наводнили гости — от юного Мэлкома Карнеги Маккенны («родственник Карнеги-Холла» — представил его Ю.А.) до седого А. Ромера. Не пробился только Дж. Симпсон: он был «нон грата» из-за того, что, будучи полиглотом, работал в годы войны на контору Даллеса *(еще не ЦРУ, но все же...). Каждый читал лекции, каждого водили по лабораториям и знакомили с коллегами; за личными контактами следовала активная переписка и приглашения. Но с обратным движением было хуже. Лимит «эквивалентного обмена», созданный гостями, выбирали более передовые науки. На редкие вакансии, выпадавшие палеонтологам с «выездного» стола, Ю.А. подбирал безусловных по профессионализму, языку и кругозору. Он окорачивал естественное желание неофитов немедленно предъявить себя миру, предлагал «на всю катушку» использовать контакты в Москве и как-то сгоряча сказал по конкретному поводу: «Ну как с ножом пристала — пусти Дуньку в Европу». «Дуня» (имя прилипло и стало ласкательным) пережила Ю.А на 30 лет без малого, стала признанным в мире специалистом, но обиду лелеяла до конца своих дней. Не за имечко, а за то, что не признал сразу. (Ю.А. спросил меня в сентябре 1966 г. о ее полевых успехах и покивал: «Рыжая упорна, дай ей Бог здоровья»). Но как только «окно» раскрывалось шире, Ю.А. немедленно выталкивал за рубеж всех, кто мог оказаться при деле. В советско-китайскую экспедицию он снарядил даже студентов с кафедры палеонтологии, выписал из Закавказья замечательного собирателя Н.И. Бурчак-Абрамовича, хотел привлечь к работе*

палеонтологов из Грузии и Казахстана, но свара Никиты Сергеевича и Мао не дала развернуть этот проект.

Он полагал экспедиции самым естественным способом структурирования научного сообщества и, собираясь в 1960 г. отправить меня на раскопки рептилий в Предуралье, объяснял, что это здесь, в институте, мы для порядка разделены на «млекопитчиков», «низших тетрапод» и «рыбников», а на кладбищах ископаемых деления на классы нет, да и музей — тоже «внеклассовый». Он повторял это многим. и неоднократно, — и тезис сработал, когда, уже без него, Э.И. Воробьева мобилизовала на спасение разрушенного местонахождения девонских рыб в Прибалтике всех институтских мужчин, независимо от лабораторной «прописки».

... Но вернемся к началу 50-х, к тому времени, когда Юрий Александрович задумал свое Главное дело.

Краткая (всего три полевых сезона 1946—1949 гг.), но энергичная монгольская эпопея И.А. Ефремова обогатила собрание музея вдвое, экспозиция не вмещалась в «конюшню», ради динозавров пришлось свернуть (навсегда ?..) непревзойденный палеоэкологический раздел Р.Ф. Геккера. Склады, разбросанные по подвалам Москвы, были забиты коллекциями и монолитами. Элементарный порядок хранения удавалось поддерживать только за счет периодических мобилизаций всех сотрудников. Институт задыхался в тесноте. Как и положено при дефиците ресурса, обострилось «территориальное поведение». «Позвоночные» и «беспозвоночные» специалисты поглядывали друг на друга косо. И.А. Ефремов обидел «беспозвоночников», назвав ископаемых мшанок «плесенью на камне». «Беспозвоночные» упрекали коллег в «затоваривании» коллекциями и экспансии.

Начинался системный кризис, и выход из него был один — расширение территории, новое здание для музея.

Ю.А. начал обивать вельможные пороги с упорством ходока, снаряженного общиной. «Община» в большинстве своем в успех не очень верила, считала музейные заботы чуть ли не чудачеством, продолжала ваять нетленное и проезжалась по поводу падения научной продуктивности Ю.А. Он отбивался: «Моя наука теперь — музей». Академия тоже не приветила ходока. («Вот, академиком стал, говорят — пробился. Но пока в профессорском виде за музей просил, никто в президиуме меня не замечал. А теперь, может, что и сдвинется», — говорил он осенью 1961-го, глядя на подтопленный дождевыми водами пол малого экспозиционного зала.)

Тем не менее уже в начале 50-х забрезжила надежда. Интерес державы к Центральной Азии, подогретый зрелищем ефремовских трофеев — никогда не виданных в России динозавров, выставленных в Доме ученых, умелая игра на отечественном приоритете сработали. Добро на музей дал корифей всех наук. Но почил. Наследников его занимали другие дела. Музеи были не в почете. (Хрущев, увидев уже почти готовое здание для Дарвиновского музея, рассудил, что музей Дарвина пусть строят англичане, а дом приказал отдать под балетную школу.)

Но новоиспеченный академик не сдавался, приходил к академическому президенту Л.В. Келдышу, говорил: «Мне нужна хата для костей» — и вел физика («тут рядом — через мостик») в музей, уже до отказа набитый скелетами. (Ю.А. специально подгонял препараторов и монтировщиков, чтобы в залах негде было ступить от новой продукции.) Келдыш приходил: ему был интересен и упорный Ю.А., и динозавры — и, демонстрируя истинно физический подход, предлагал перевести все объекты на голограммы, дабы избавиться от натуры и жить просторно... Ю.А. понимал, что «физики в почете...» и что надо соответствовать эпохе, закреплять ведущее место института как можно более наглядно. За пятилетку (1958—1964)

он форсировал издание многотомных «Основ палеонтологии», показавших, что палеонтология в стране — действительно на мировом уровне. Тогда же он пробил через Отделение биологии издание «Палеонтологического журнала». Он организовал в начале 60-х всесоюзные палеонтологические совещания по млекопитающим в Москве и Тбилиси. Авторитет института никогда не был так высок в стране и в мире. Ю.А. понимал всю относительность этих успехов перед лицом «стоящих у кормила» и, умудренный, предостерегал энтузиастов: «Вы потише насчет палеонтологии. С нашей крыши Кремль виден — и если там узнают, что есть не только палеонтология, но и целый Палеонтологический институт, то неизвестно, чем это кончится».

Но двери открывались шире, коридоры власти становились как будто короче. Ю.А. в очередной раз добрался до самых верхов, и премьер А.Н. Косыгин подписал «Окончательную Бумагу». Пошли деньги, появились архитекторы (среди них был Л.А. Яковенко, погрузившийся в проблемы создания Палеонтологического музея, кажется, еще со школьных лет. Ю.А. очень ценил его, а Леонид Аронович просто жил музеем. Но кончилось это очень печально. Впрочем, это тоже уже другая история...). Летом 1966 г. Ю.А. прислал нам в экспедицию (аж в Зайсан!) письмо с описанием проекта здания, похожего, по его словам, на «П на цыпочках» (на приложенном рисунке было каре, но, действительно, на ножках).

... Мы вернулись в Москву в конце сентября. Институт был завален нашей добычей — полсотни монолитов, сотня «пирогов» с остатками млекопитающих, не считая ящиков с ценной «мелочью». Ю.А. остановился у этой груды и сказал, что количество, конечно, впечатляет, но как насчет «качества»: есть ли что в принципе новое?

Я еще не знал (и долго не знал), как немыслимо нам повезло, что среди десятков местонахождений, сходных с орловским

Павлодаром, мы почти «на ощупь» наткнулись на самое последнее, что можем теперь продемонстрировать Ю.А. финал того сценария, который он начал расшифровывать почти сорок лет назад. Я понес какую-то чушь о стратиграфии. Ю.А. сочувственно покивал и побежал к себе на третий этаж. Он всегда бегал по лестнице.

... Наутро мы не верили, что его уже нет. Был приступ, академические врачи с «Ляпуновки» приехали с камфарой и уважением, но даже кислород забыли. Ю.А. успел пошутить по этому поводу...

... Оказалось, что все держалось на нем — двадцать лет. Вспомнилось: «начнут есть друг друга». В борьбе, охватившей институт, сменялись директора, и с 1966 по 1996 год — руководители музея без малого десять раз.

Но создание музея началось, и остановить это было уже нельзя. В 1971 г. заложили первый камень, на нем было написано: «200 лет стоять будет».

В декабре 1987 г. закончился наш субботник длиной в 16 лет, и музей открыли. К тому времени у стены конференц-зала уже давно стоял бронзовый бюст Ю.А. Орлова на обычном столе, так что из первых рядов казалось, что он постоянно в президиуме, и притом необычно суров. Менее постоянные члены президиума к его присутствию быстро привыкли и не замечали своей несоразмерности.

... В вестибюле музея уже томились гости, на балконе башни «Древо жизни» играл струнный квартет, сотрудники ПИНа торопились на праздник, конференц-зал был пуст, и Ю.А. был в нем один.

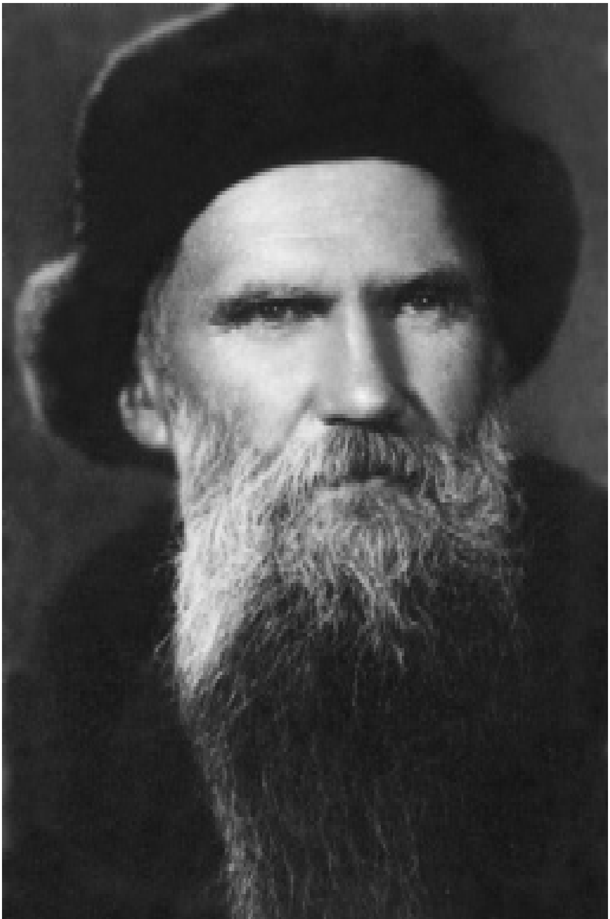
Два биолога и один геолог по образованию, забыв былые распри, подняли бронзу и понесли. Подбежал бывший горный инженер, ныне «помпохоз», хозяйственно спросил, что происходит, и, услышав, что несут главного именинника, присоеди-

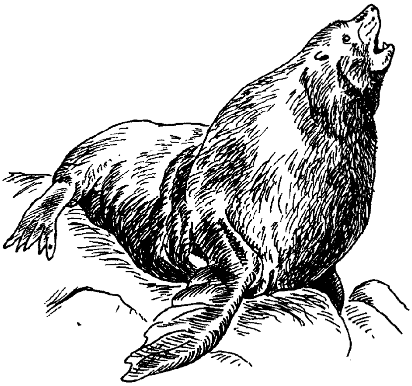
нился. Втроем вынесли Юрия Александровича к гостям, четвертый приволок дубовый постамент — еще из старого музея. Сдвинули с лучшего места планшет архитекторов, и Ю.А. оказался в центре события, которого так долго ждал. Теперь все было правильно...

В.И. Жегалло

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ПЕРЕЛЕШИН

1900–1959





5 ноября 1959 года трагически погиб в водах Тихого океана известный зоолог и охотовед, старший научный сотрудник Сахалинского комплексного научно-исследовательского института Академии наук СССР Сергей Дмитриевич Перелешин.

Сергей Дмитриевич был одной из самых колоритных фигур в отечественном охотоведении и эта утрата никогда не будет восполнена. Его книги по охотоведению — это крайне своеобразные зоологические работы, его статьи в «Календаре охоты» известны не только специалистам — зоологам и охотоведам, но и широким кругам охотников и натуралистов.

В ряду таких первоклассных охотоведов нашей страны, какими были Л.П. Сабанеев, А.А. Силантьев, Д.К. Соловьев, С.А. Бутурлин, Г.Г. Доппельмайр, В.Я. Генерозов, Сергей Дмитриевич занимает особое место. Все крупные русские охотоведы были очень самобытными и во многом замечательными людьми. Обладая высокой культурой, они отличались энциклопедичностью знаний, крайней широтой интересов и увлечений; все они страстно любили природу, большинство из них были известными зоологами.

Сергей Дмитриевич удачно сочетал эти черты с хорошей математической школой и выдающимися нравственными качествами.

С.Д. Перелешин родился 14 января 1900 г. в Воронежской губернии. Его отец, Дмитрий Александрович Перелешин, в молодости народоволец, вынужден был несколько лет провести в изгнании. Мать Ольга Андреевна, урожденная О.А. Котляревская, до замужества жила в Москве, где окончила Высшие жен-

ские курсы Герье, после чего в течение нескольких лет преподавала литературу в воронежской гимназии. Сережа был четвертым, самым младшим ребенком в большой семье Перелешиных.

Перелешины жили в сельской местности, среди черноземной русской равнины. Кругом был широкий простор, много прудов и озер, на которых дети могли наблюдать за выводками диких уток.

Первым наставником Сережи Перелешина была воспитавшая в нем любовь к природе С.Г. Лепнева, тогда еще студентка естественного отделения Московских высших женских курсов. Лепневы в летнее время поселялись невдалеке от дома Перелешиных; их семьи еще со студенческих лет были связаны знакомством и взаимной симпатией.

Ольга Андреевна обратилась к С.Г. Лепневой с просьбой проводить со старшими детьми так называемые образовательные прогулки, в которых стал принимать участие и совсем еще крошечный Сережа. С живейшим интересом он готов был подолгу рассматривать детали строения цветка и с жадностью слушать рассказы о природе. Взрослым приходилось только удивляться, что самый младший из ребят, еще не научившийся хорошо говорить, всегда проявлял наибольший азарт и интерес к делу.

Запомнился и стал преданием семьи Перелешиных забавный эпизод. Однажды удалось раздобыть птенца цапли и заботам о нем не было конца. За цаплей ухаживали, как могли, но кормили ее самым примитивным способом: дети собирали на лужайке корм, а потом открывали цапле рот и запихивали туда свою добычу. «Дело велось старшими оживленно, с сознанием его важности и значения, — вспоминает С.Г. Лепнева. — Сережа молча следил за происходящим, а затем убежал. Через несколько минут раздался звонкий, полный упоения детский голосок: "Аткливай лот, я лигуську поймал!". И Сережа в белой панамке бежит со всех ног, держа за ноги маленького лягушон-

ка. Все это происходило на зеленой, залитой солнцем полянке, в теплый летний день, вблизи простого деревенского дома».

Занятия с детьми продолжались в следующем году, и Сережа все чаще принимал в них участие.

Вскоре началось увлечение Сережи охотой. Еще мальчиками, вдвоем с братом, с охотничьими сумками и в сопровождении собаки, которой юные охотники очень гордились, они бродили вокруг озер и прудов, подолгу пропадали в болотах. Домой, кроме охотничьих трофеев, они приносили банки с какими-то диковинными жуками, личинками комаров и стрекоз и прочей водяной живностью. Братья собирали также коллекции насекомых и часами просиживали за препарированием лягушек и сусликов, которых было много в то время по полям и дорогам.

С первых классов гимназии Сережа зачитывался книгами по естествознанию, и все приятели считали его будущим натуралистом. В гимназии одним из главных его увлечений, наряду с зоологией, было фотографирование живой природы, которое сохранилось в течение всей жизни, а в последний период полностью заменило ружье.

В 1918 г. Сергей поступает в Московский университет, где с увлечением работает у С.И. Огнева и совершает с ним поездку в Воронежскую губернию.

Научная судьба С.Д. Перелешина была связана со многими научными, педагогическими и практическими учреждениями нашей страны. Окончив в 1924 г. естественное отделение физико-математического факультета МГУ, он начал свою трудовую деятельность как зоолог. Его дипломная работа, называвшаяся «Опыт биометрического анализа понятия подвид», была удостоена премии и опубликована под тем же названием в «Зоологическом журнале» в 1928 г. В этой первой научной работе Сергей Дмитриевич обсуждал крайне спорный таксономический статус двух подвидов ящериц и ставил задачу с помощью биомет-

рического анализа провести объективное изучение географической изменчивости животных. Дальнейшее развитие эволюционной систематики показало, что многие его мысли были очень верны.

Уже в этой первой зоологической работе Сергея Дмитриевича проявилась такая черта его научного мышления (сохранившаяся и развившаяся на протяжении всей его научной деятельности), как стремление любые задачи решать с помощью количественных методов математической статистики и других точных наук.

В другой своей известной зоологической работе С.Д. Перелешин сделал попытку с помощью дифференциального и интегрального исчислений модернизировать формулу А.Н. Формозова для учета численности животных на маршрутных ходах. Используя оригинальные геометрические построения, Сергей Дмитриевич получил тот же результат, к которому раньше пришел В. Малышев, нашедший решение исходя из задачи Бюффона — одной из самых знаменитых задач непрерывных вероятностей. Только тот, кто когда-либо сам занимался подобными проблемами, может по достоинству оценить тот большой умственный труд, которого потребовало решение этой задачи. К сожалению, данная работа не получила среди наших зоологов необходимого продолжения и не нашла дальнейшего теоретического освещения.

Большое влияние на такое направление работ С.Д. Перелешина оказало стечение ряда благоприятных обстоятельств. Ученик С.И. Огнева, работы которого составили эпоху в области отечественной териологии, он был в то же время учеником С.С. Четверикова, биолога с мировым именем. С.С. Четвериков одним из первых в нашей стране стал создавать курс математической статистики для биологов, который в числе нескольких других студентов охотно посещал С.Д. Перелешин.

Как зоолог Сергей Дмитриевич подавал большие надежды, и его друзья очень жалели о том, что центр тяжести его интересов со временем переместился в область охотоведения.

Это произошло в 1929 г., когда он начал работать охотоведом Всекоохотсоюза. Здесь состоялось его знакомство и на долгие годы завязалась дружба с большим энтузиастом охотничьего хозяйства А.А. Умновым. С этих пор почти вся деятельность Сергея Дмитриевича была отдана охотничьему хозяйству.

В 1931 г. появилась первая охотоведческая работа С.Д. Перелешина «Беседы об охотничьем хозяйстве», в которой автор ставил перед собой цель «приковать внимание практических работников к самым злободневным задачам охотничьего хозяйства».

Однако в дальнейшем судьба заставила Сергея Дмитриевича часто менять место службы, что, конечно, очень затрудняло работу и не могло не сказаться на последовательности и целеустремленности его исследований. В 1931 г. С.Д. Перелешин работает старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института пушного и охотничьего хозяйства, но уже с 1932 по 1936 г. он числится заведующим отделением охотничье-промыслового хозяйства Центрального государственного зоологического музея. В 1936–1938 гг. С.Д. Перелешин — старший научный сотрудник Салехардской зональной промысловой биологической станции; в 1938–1941 гг. — сотрудник Зооцентра; в 1941 г. — заведующий отделом дератизации межрайонной дезинфекционной станции; в 1942-м — руководитель группы дератизации Московской городской дезинфекционной станции; с 1943 г. — старший научный сотрудник Московского областного института инфекционных болезней им. И.И. Мечникова. Наконец, только в 1944 г., в возрасте 44 лет, С.Д. Перелешин откомандировывается в Московский пушно-меховой институт, будучи избранным по конкурсу доцентом кафедры биотехнии.

Здесь он проработал 11 лет, вплоть до ликвидации института в 1955 г.

В условиях постоянных перемещений и переключения с одного вида деятельности на другой: с изучения систематики ящериц на обследование промысла песца, с музейного дела на чисто практические мероприятия по ликвидации крыс — трудно было делать любимое дело, и еще труднее было делать его хорошо. Остается только удивляться, как Сергей Дмитриевич, поставленный в самые неблагоприятные для работы условия, когда все было против его последовательных занятий зоологией и охотоведением, сумел многое сделать и приобрести себе имя одного из ведущих охотоведов страны.

Пример трудовой жизни С.Д. Перелешина лишний раз показал, что сила духа человеческого имеет огромный запас прочности и пробивается сквозь все преграды, хотя и несет на своем пути неизбежные потери.

В 1934 г. появляется книга Сергея Дмитриевича «Организация сырьевой базы охотничьего хозяйства», а также три другие охотоведческие работы: «Роль хищников в охотничьем хозяйстве европейской части СССР», «Опадные самоловы на дичь» и «Песцовое хозяйство с применением кормушки-ловушки» (последняя совместно с Л.В. Бойцовым). В 1937 г. выходит книга «Охотничье хозяйство СССР (промысловые животные и их эксплуатация)», но наиболее важной работой этих лет следует считать монографию «Организация сырьевой базы охотничьего хозяйства», в которой нашли отражение основные проблемы охотничьего хозяйства. В этой работе большое внимание уделяется вопросам регулирования величины добычи, сроков охоты, способов охоты, рассматриваются проблемы акклиматизации и реакклиматизации и т.д., а также освещаются задачи и методы научных исследований в области охотничьего хозяйства.

Главным охотоведческим трудом С.Д. Перелешина стала книга «Основные вопросы охотничьего хозяйства СССР» (1956). Внимательный анализ этой работы показывает, что в ней разобраны действительно наиболее важные задачи развития охотничьего хозяйства. В век узкой специализации охотоведение, подобно многим другим наукам, постигла участь расслоения на ряд самостоятельных дисциплин, в результате чего многие были серьезно уверены, что охотоведения как науки больше не существует. Экономика охотничьего хозяйства, понимаемая крайне узко, и биотехния, понимаемая необоснованно широко, стали считаться двумя китами, на которых держится вся теория и практика организации охотничьего хозяйства. Такая постановка вопроса приводила к тому, что охотоведы часто не понимали специфики работы в охотничьем хозяйстве. В связи с этим книга С.Д. Перелешина имеет серьезное значение для определения профиля подготовки охотоведов высокой квалификации.

В отличие от промысла — первобытной формы использования охотничьих богатств — охотничье хозяйство организует свою работу на основе планирования величины добычи, согласуя ее с динамикой численности эксплуатируемой популяции, что перекликается с тематикой многих зоологических учреждений, занимающихся изучением популяционной экологии животных. Заслуга С.Д. Перелешина в том и состояла, что он ясно понимал это и упорно пропагандировал в своих трудах. В его главной работе «Основные вопросы охотничьего хозяйства СССР» вопросы охотоведения и зоологии так тесно переплетаются между собой, так органически связаны, что трудно сказать, в какой из этих двух областей знаний он проявил себя наиболее ярко.

В этой книге, как и в некоторых более ранних работах, Сергей Дмитриевич решал сложные задачи, стараясь мыслить понятиями, созданными на основе теории вероятностей и ее прикладной области — биометрии. Его большая заслуга заключа-

лась в том, что при решении сложных вопросов о волнах жизни, о взаимоотношении популяций в системе хищник — жертва, о размере и составе добычи, ее регулировании и т.д., он умел творчески применять точные количественные методы.

Можно смело утверждать, что книга С.Д. Перелешина «Основные вопросы охотничьего хозяйства СССР» принадлежит к числу лучших достижений научного охотоведения и является важным звеном в этой сложной и недостаточно четко определившейся области знаний. К сожалению, вторую часть книги, где должны были разбираться вопросы акклиматизации, биотехнические мероприятия, техника охотничьего промысла и т.д., он написать не успел.

Вспоминая о таком человеке, каким был Сергей Дмитриевич, просто невозможно не сказать о том добром, что осталось в нашей памяти о нем.

Это был очень чистый, очень добрый и очень симпатичный человек. При общей ровности характера он обладал каким-то особенно милым добродушием и мягкостью. Эти черты постоянно расширяли круг его искренних почитателей и друзей. Но у Сергея Дмитриевича были и заклятые враги, что, по-видимому, совершенно неизбежно для каждого чем-либо выдающегося человека.

Последние годы жизни Сергей Дмитриевич серьезно занимался изучением вопросов этики и оставил большую рукопись на эту тему. Он пытался объяснить происхождение правил приличия и моральных законов, и если вскрывались действительно аморальные модусы поведения, он умел найти «воистину гневные слова, быть может, неожиданные для тех, кто за мягкостью и добродушием «аксакала» не сумел разглядеть незыблемо твердого морального фундамента души». Эти слова из воспоминаний Н.С. Четверикова звучат патетически, но дело в том, что они совершенно точно характеризуют самые яркие черты очень незаурядной личности С.Д. Перелешина.

Все, кто знал и любил Сергея Дмитриевича, кто был его учеником, всегда поражались его душевной чистоте, иногда доходящей до детского простодушия, его боязни обидеть другого человека — здесь он бывал щепетилен до крайности — и в то же время решительному осуждению низости и твердому, принципиальному отстаиванию своих взглядов и оценок.

В 1949 г. под руководством С.Д. Перелешина была организована и осуществлена экспедиция в дельту Аму-Дарьи. Внезапно на остров Муйнак пришло сообщение о смерти его единственного и горячо любимого сына, который утонул в Москве-реке. Весть потрясла Сергея Дмитриевича, но он принял ее с большим мужеством. И тогда мы поняли, что его всем известная мягкость может уживаться с большой душевной силой и что эта мягкость есть редкая деликатность истинно интеллигентного человека, обладающего высокой культурой.

В экспедиции Сергей Дмитриевич был искренним и интересным собеседником, не лишенным того, что называют английским юмором. Он никогда не пользовался возможностью применить силу и власть начальника и всегда прежде всего оставался человеком. Он всегда участвовал в полевых работах экспедиции наравне со всеми и с той же любовью и энтузиазмом, как и его спутники.

В Московском пушно-меховом институте С.Д. Перелешин преподавал охотоведение, биологию пушных зверей и факультативный курс фотографии. Его занятия надолго оставались в памяти слушателей. Характерной чертой С.Д. Перелешина как преподавателя было очень серьезное отношение к своим педагогическим обязанностям и стремление до конца раскрыться перед слушателями. Мы не помнили также случаев, когда бы он в угоду какому-нибудь модному мнению отказался от своих взглядов. Он до конца, например, отстаивал теорию подвижного равновесия в природе даже в те трудные годы, когда это было не

совсем безопасно и когда многие его коллеги изменяли убеждениям всей жизни.

Даже факультативный курс фотографии, который вел С.Д. Перелешин, посещался с большим воодушевлением. Он вызывал восхищение студентов коллекцией огромных длиннофокусных объективов, первоклассных фотоаппаратов и великолепных фотографий, выполненных с профессиональным мастерством и страстью большого художника. Достаточно вспомнить серию его снимков в «Календаре охоты», среди которых очень хороши «Дрофа», «Серебристо-черная лисица», «Олени» и особенно не превзойденное до сих пор изображение следов бурого медведя.

Увлечение фотографией прошло через всю жизнь Сергея Дмитриевича, было его постоянной радостью и работой, результатам которой он посвятил пять статей (всего С.Д. Перелешиным опубликовано 89 работ) в журналах «Советское фото», «Боец-охотник», в книге «Справочник охотника-полярника» и в «Календаре охоты». Он был пропагандистом научной фотографии, противником инсценировок, придавал большое значение этикетажу снимков, их хранению и учету. Долго состоял членом кружка художественной фотографии Московского дома ученых, где неоднократно выставлял свои работы. Фотографии животных, выполненные С.Д. Перелешиным, отличаются психологичностью, большими художественными достоинствами. Последние его снимки погибли вместе с ним в Тихом океане.

С.Д. Перелешина любили и уважали все знавшие его студенты института. Всегда спокойный и внимательный, с неизменно благожелательным и корректным юмором, он неизменно располагал к себе. Внешность Сергея Дмитриевича была очень привлекательной и соответствующей профессии охотоведа. Люди, знавшие его еще по гимназии, вспоминали, что ему никогда не приходилось заботиться о своей прическе — его боль-

шая круглая голова всегда была коротко острижена, лицо украшала великолепная борода — огромная, белая, густая!

Его любимая одежда состояла из сатиновых, довольно коротких штанов и знаменитой толстовки, в чем, несомненно, сказывалось влияние Л.Н. Толстого.

Сергей Дмитриевич всегда был увлечен какой-нибудь идеей. В 1959 г., перед очередным отъездом на Сахалин, где он работал с 1955 г. — года ликвидации Московского пушно-мехового института, он встретился со своим первым учителем, профессором С.Г. Лепневой, и с энтузиазмом, ярко и увлекательно рассказывал об изучении ящериц, о фотографировании животных, о первых охотоведческих работах, о книге «Основные вопросы охотничьего хозяйства СССР», вспоминал о лягушонке, пойманном для цапли в далеком детстве. С такой же страстью он говорил о предстоящей работе на Сахалине, о жизни котиков и сивучей.

Но судьба рассудила иначе. Уже через несколько месяцев Сергея Дмитриевича не стало. Осень на Курильских островах — трудное время для морских путешествий. Экипаж рыболовного сейнера «Добрый» тщательно готовился к новому рейсу, предчувствуя на своем пути снегопады, холода и жестокие штормы. На борту «Доброго» вышла в рейс экспедиция Академии Наук СССР под руководством С.Д. Перелешина, мечтавшего пройти вдоль всей Большой Курильской гряды, тщательно осмотреть острова, выявить имеющиеся на них лежбища морского зверя и провести учет котиков, каланов и сивучей.

Трудная метеорологическая обстановка тихоокеанского октября не заставили себя долго ждать — экспедиции с самого начала пришлось работать в тяжелых условиях. Сергей Дмитриевич часами простаивал на палубе под мокрым снегом, на пронизывающем ветру и, сильно замерзая, вел учет зверя.

У острова Онекотан, где находилось крупное лежбище сивучей, появилась возможность высадиться на берег. Сергей

Дмитриевич был крайне возбужден, вел наблюдения с большим подъемом и решил остаться на острове до возвращения шлюпки, отправившейся к судну для доставки добытых сивучей. На беспокойство капитана сейнера по поводу его безоружности, улыбаясь, ответил, что среди сивучей он чувствует себя как дома, в кругу своих близких.

Он мог поручить работу другим сотрудникам экспедиции, но старался делать это как можно реже. Он был скромен и прост, выполнял ту же работу, которую делали все, и жил в тех же условиях, в которых приходилось жить всей экспедиции. Капитан напрасно предлагал ему устроиться в каюте старшего помощника — Сергей Дмитриевич остался со всеми в носовых каютах. Там сильно качало, путь к ним лежал через палубу, где часто с ног до головы окатывало волной.

Пятого ноября «Добрый» подошел к мысу Васильева у острова Парамушир. Экспедицию интересовала судьба каланов; было необходимо высадиться на берег. Возвращаться к судну пришлось бы ночью, это было не совсем безопасно, и капитан предложил С.Д. Перелешину остаться, отправив на остров когонибудь из своих сотрудников.

«Дорогой мой, — сказал Сергей Дмитриевич, — я не могу остаться. Ведь это (он показал в сторону острова) — моя жизнь». Он говорил о своей любимой работе.

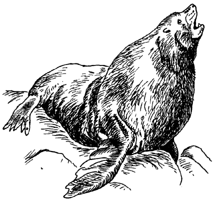
Но это была его смерть. Шлюпка перевернулась, Сергей Дмитриевич, одетый по-зимнему, утонул, двоих его спутников разбило о камни, и только одному человеку удалось спастись. С.Д. Перелешина похоронили в Северо-Курильске, на городском кладбище, в том прекрасном, суровом краю, где в возрасте 59 лет он нашел свою вторую родину, искренне и горячо полюбил ее и остался с ней навсегда.

Ушел из жизни замечательно своеобразный человек, оригинальный исследователь, работы которого, выполненные с при-

менением самых современных тогда методов исследования, во многом принадлежат будущему. Память о С.Д. Перелешине будет долго жить в сердцах тех, кто знал и любил его, в его интересных зоологических и охотоведческих работах. Скалы у острова Парамушир ее сохранят навеки.

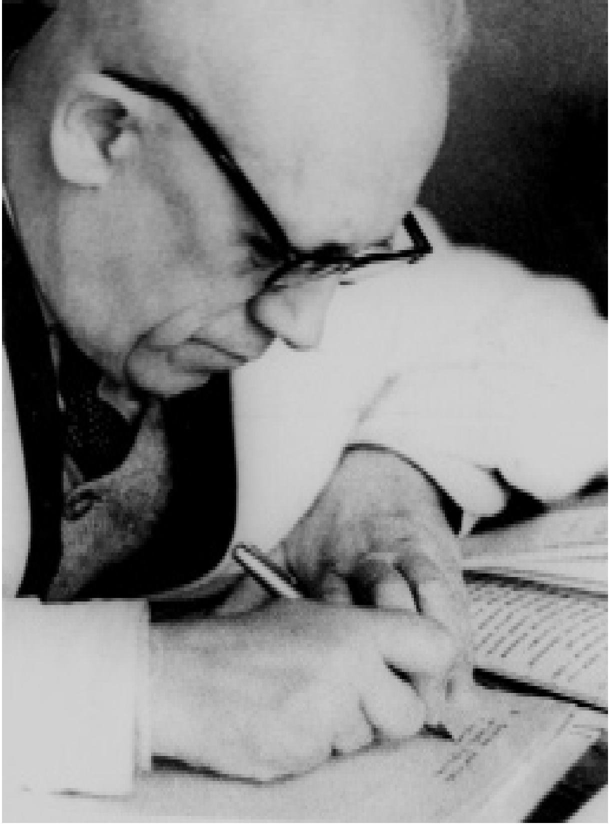
За помощь при составлении этого краткого очерка прошу принять мою благодарность профессора С.Г. Лепневу, Н.С. Четверикова, капитана дальнего плавания Г.А. Мельникова, и особенно вдову Сергея Дмитриевича Перелешина — Н.П. Кречетову, а также А.Н. Формозова.

О.К. Гусев



ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ ПОЛЕЖАЕВ

1906–1970



Среди отечественных исследователей-териологов Владимир Георгиевич Полежаев занимает особое место как по выбору объекта исследования, так и по направленности своих интересов.

В 1923 г. в возрасте 17 лет он поступил в Московский государственный университет, на биологическое отделение физико-математического факультета, которое окончил в 1930 г. по специальности «прикладная энтомология». На пятом, шестом и седьмом году обучения он осваивал различные направления и методы энтомологической работы. В летний сезон 1928 г. Владимир Георгиевич в качестве энтомолога отдела защиты растений Наркомзема выезжал в Азербайджан для изучения вредителей хлопка. В 1929—1930 гг. он работал сначала энтомологом на Московской станции защиты растений, затем специалистом по борьбе с вредителями сельскохозяйственных культур в Ленинском районе Московской области. После окончания университета он стал искать применение своим силам в научной деятельности — в Институте зоологии МГУ, Центральном институте по малярии и тропическим заболеваниям Наркомздрава, на Тушинской малярийной станции. В 1940 г. Владимир Георгиевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Суточный ритм и реакция на свет у самок *Anopheles maculipennis messeae* Fall». За 14 лет производственной и научной работы объектами его исследования были: тополевая и сиреневая моль, щитовки, амбарные клещи, кровососущие комары. С каждым годом круг его интересов становился все шире и вместе с этим все чаще проявлялся интерес к решению приклад-

ных вопросов биологии. Накопленный опыт и многогранные познания в области методики исследований разнообразных объектов позволяли считать, что ему по силам решение и более крупных, сложных и новых научных и практических задач.

В 1942 г. одной из таких неотложных задач являлась борьба с грызунами. Эпизоотии туляремии в природных стациях и обилие грызунов в народно-хозяйственных объектах требовали энергичного и квалифицированного вмешательства, поэтому в Министерстве здравоохранения РСФСР была создана группа инспекторов по дератизации. На должность старшего инспектора был приглашен В.Г. Полежаев, имевший звание капитана медицинской службы.

Его деятельность на этом посту с ноября 1942 г. по март 1945 г. оказалась настолько успешной, что когда Центральному научно-исследовательскому институту дезинфекции и дератизации потребовался заведующий отделом дератизации, кандидатура Владимира Георгиевича оказалась наиболее подходящей.

Обратившись к дератизации, он понял, что это и есть его главное дело, и посвятил ему все последующие 27 лет своей жизни.

Успешной деятельности отдела, возглавляемого В.Г. Полежаевым, способствовали разносторонность опыта его сотрудников. А.А. Пасешник выполнял лабораторные и полевые испытания ядов на грызунах. Л.А. Кирин прекрасно разбирался в организации истребительных работ, а также занимался сбором и обработкой научно-производственной информации.

Владимир Георгиевич всегда был руководителем и вдохновителем научных исследований и практических испытаний, внедрения полученных результатов в практику. Работа этого дружного трио была направлена на решение главного вопроса — выработку основной концепции дератизации. В 1946 г. только в Москве грызуны, в основном серые крысы, заселяли 86 % всей

площади строений. Не в лучшем положении оказывались и другие города, так как они были поголовно оккупированы грызунами. Требовалось избрать правильные пути для решения этого вопроса. В 1936 г. профессор Я.Л. Окуневский в своем обширном труде, посвященном борьбе с грызунами, писал, что уничтожать крыс надо всеми возможными способами, хотя «уничтожить их вполне невозможно».

Требовалось немалое мужество, чтобы преодолеть пессимизм этого вывода и доказать, что он неправилен.

Еще в начале XX в. Н.Ф. Гамалея предпринял кампанию по истреблению крыс в порту Одессы, но потерпел неудачу. После окончания изнурительных истребительных работ крысы довольно быстро восстановили свою численность. Зарубежные специалисты практиковали «недели» борьбы с крысами, но успехи в этих мероприятиях не сразу проявили себя.

Разработчикам концепции дератизации стало ясно, что «кавалерийскими наскоками» крыс не возьмешь, нужно разработать систему борьбы, о которой в научной литературе ничего не говорилось.

Весьма серьезные исследователи, как, например, профессор А.П. Кузякин, считали, что крысы живут оседло и их поселения можно уничтожать не сразу, а последовательно, одно за другим. В то же время никак не укладывалось в голове, что эти оседлые зверьки настойчиво, быстро и основательно заселили и заселяют все новые и новые территории. Изучение специальной литературы показало, что крысы не так уж и оседлы. Серую крысу немцы окрестили «бродячей крысой» (Wanderratte), а черная вообще обожает путешествовать на морских судах.

Стало очевидно, что поведение крыс нельзя подгонять под одну схему, но с точки зрения борьбы с ними подвижность зверьков имеет гораздо большее значение, чем оседлость, и с этим приходится считаться.

Важное место в обосновании подходов к проведению дератизационных мероприятий занимает изучение продвижения серых крыс в условиях города. Широкомасштабные наблюдения свидетельствовали об активном перемещении крыс по территории города и в совокупности с данными других отечественных и зарубежных авторов убеждали в целесообразности проведения дератизационных работ сразу на больших площадях по типу сплошных систематических обработок населенных пунктов. В результате выполненных исследований была разработана стройная схема дератизации и методика борьбы с грызунами в городах, одобренная Минздравом СССР и изданная Медгизом в виде руководства «Организация и методика проведения сплошной дератизации в городах». Под сплошной дератизацией понимают систематическую, беспрерывную, сплошную обработку города с использованием всех методов и способов борьбы с грызунами при 100%-м охвате всех объектов.

Основные положения и принципы сплошной систематической дератизации были сформулированы, но В.Г. Полежаев понимал, что без организационной подготовки, в том числе без решения юридических вопросов, внедрение мероприятий в практику нереально. В связи с этим были подготовлены обращения и проект документа, которые способствовали пониманию эпидемиологической важности вопроса в самых высоких инстанциях. В 1950 г. вышло постановление Совета Министров СССР, обязывающее все основные министерства и ведомства к проведению систематических мероприятий по истреблению грызунов. Изданный более полувека назад документ может и по сей день служить образцом тщательности и продуманности изложения организационных мероприятий по борьбе с мышевидными грызунами в городских и сельских населенных пунктах, в полях, на железнодорожном и водном транспорте. С этого момента практические учреждения начали активно проводить в жизнь прин-

ципы сплошной систематической дератизации. Было ясно, что путем проведения только истребительных мероприятий не удается достигнуть устойчивых результатов по снижению численности серых крыс. Важное значение имело санитарное и техническое состояние строений.

Путем проведения анкетирования были выявлены основные факторы, влияющие на степень заселенности зданий серыми крысами. В.Г. Полежаев назвал их «показателями крысонепроницаемости». Была установлена четкая зависимость между условиями «крысонепроницаемости» и процентом зданий, свободных от грызунов. Полученные данные легли в основу подготовки документа по общестроительным правилам защиты жилых и общественных зданий города Москвы от грызунов, утвержденного Моссоветом 10 ноября 1955 года.

Казалось бы, огромная армия санитарных врачей возьмет на вооружение эти выводы и путем благоустройства объектов оттеснит крыс на малопригодные для них территории, но этого не произошло.

Таким образом, работа В.Г. Полежаева позволила выявить две главные причины недостаточной эффективности борьбы с грызунами: отсутствие подробной юридической базы в осуществлении работ по дератизации и пассивное отношение санитарной службы к проведению санитарных мероприятий против грызунов.

На следующем этапе деятельности Владимир Георгиевич совместно с разными научно-исследовательскими институтами были развернуты работы по изысканию и изучению отпугивающих грызунов препаратов, которые могли бы широко применяться в комплексе профилактических мероприятий. Успешными оказались испытания различных технических материалов на повреждение их грызунами. Проводились испытания синтезированных химиками ядов, таких как «Крысид», «Зоокумарин», «Ратиндан» и фосфид цинка, которые на многие годы стали основными

средствами уничтожения крыс и мышей. Способ опыления нор ядами был изучен и рекомендован для внедрения в практику. Особое внимание было обращено на технологию уничтожения грызунов в наиболее трудных объектах — мясокомбинатах и каменноугольных шахтах, написаны рекомендации по борьбе с крысами и мышами в этих условиях. Большое значение имели опыты по практически полному уничтожению грызунов в ряде городов. В ходе этих работ произошел почти анекдотический случай. В городе Кстово Горьковской области после двух лет интенсивной дератизации осталось так мало грызунов, что предприятия и учреждения прекратили оплачивать эту работу и сотрудники дезинфекционного учреждения три месяца не получали зарплату. Однако отцы города вскоре опомнились, и в этом деле им помогли крысы, численность которых начала восстанавливаться. Этот факт полностью подтвердил необходимость совершенствования законодательства по вопросам дератизации.

Говоря о деятельности В.Г. Полежаева, нельзя не упомянуть о комплексе работ по оздоровлению некоторых природных очагов болезней. Под его руководством коллектив сотрудников занимался изучением и разработкой системы дератизационных мероприятий в природных очагах лейшманиоза, туляремии, геморрагической лихорадки, а также вопросами уничтожения эктопаразитов в природных очагах чумы.

Доклады В.Г. Полежаева и сотрудников лаборатории дератизации вызывали живейший интерес среди специалистов, и многие разработки и предложения лаборатории были внедрены в практику даже после того, как Владимира Георгиевича не стало. В последние годы работы В.Г. Полежаева в лаборатории стало ясно, что выполненные им мероприятия влияют на работу всей дезинфекционной отрасли медицины, т.е. превышают требования, предъявляемые к докторским диссертациям. Он мог получить степень доктора наук по совокупности трудов, но пред-

почел подготовить и опубликовать с группой соавторов книгу «Борьба с грызунами в городах и населенных пунктах сельской местности», вышедшую уже после его смерти (1974). Эта книга в течение многих лет служила настольным пособием для практиков дератизации.

После работ В.Г. Полежаева и его сотрудников дератизация приобрела статус обязательного и всеобъемлющего государственного мероприятия. Синантропные грызуны стали объектом изучения не только дезинфекционистов, но и экологов. Академик В.Е. Соколов, профессор В.В. Кучерук, доктор биологических наук Е.В. Карасева сделали синантропных грызунов важнейшим объектом своих исследований и существенно расширили знания о биологии этих видов, что позволяет совершенствовать работы по дератизации. В деятельности В.Г. Полежаева изучение биологии грызунов и разработка мер борьбы с ними впервые прозвучали как необходимость. Особенно важное значение имеют работы, биологически обосновывающие организацию и методику дератизации в городах.

Завершая очерк о деятельности Владимира Георгиевича Полежаева, можно отметить кратко главные направления и достижения в его работе:

Разработка общегосударственной системы борьбы с грызунами.

Выделение дератизации в ранг доминирующего дезинфекционного мероприятия в соответствии с его народно-хозяйственным значением.

Создание первичной законодательный базы дератизации в виде правительственного постановления Совета министров.

Внедрение в систему дератизации новых средств уничтожения грызунов.

Разработка вопроса о путях осуществления санитарной защиты объектов.

Разработка путей защиты строений и технических материалов от повреждения их грызунами.

Успешное руководство лабораторией дератизации на протяжении 27 лет было возможным благодаря научной добросовестности, инициативе и работоспособности Владимира Георгиевича, а также принятому стилю руководства и корректным взаимоотношениям с сотрудниками, подчиненными и руководством института. Он никогда не приказывал и не повышал тона. Сотрудники лаборатории постоянно ощущали на себе ненавязчивое внимание и заботу своего заведующего.

Директор института профессор В.И. Вашков высоко ценил компетентность В.Г. Полежаева: можно было быть уверенным, что при нем все вопросы дератизации будут решаться грамотно и своевременно.

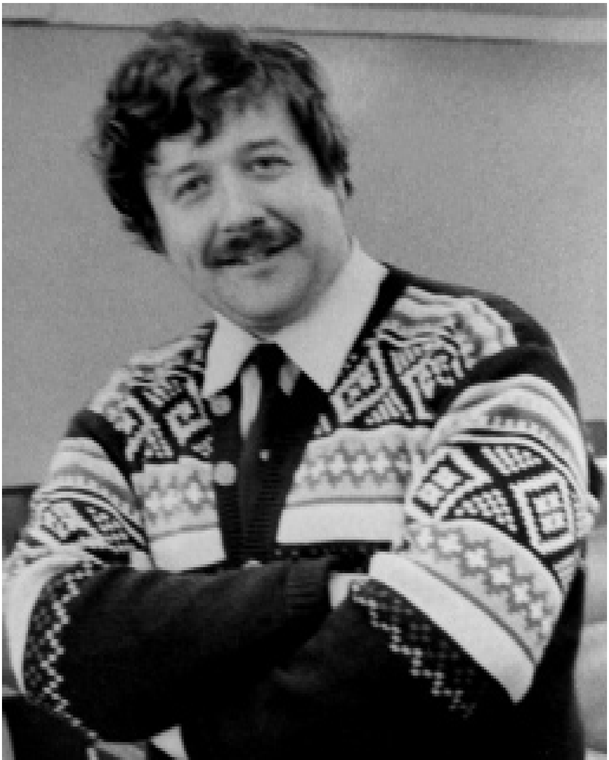
Как руководитель, педагог и организатор Владимир Георгиевич пользовался большим уважением и авторитетом. С большой любовью вспоминают о нем и в семье. Это был необыкновенно добрый и отзывчивый человек, наделенный разносторонними способностями. Он любил природу, цветы, животных, увлекался фотографией, прекрасно рисовал и обычно иллюстрировал замечательными рисунками письма своим домашним. Высоко ценил поэзию Блока, Есенина, Лермонтова, Гейне и помнил наизусть многие их стихотворения. Он обладал хорошим музыкальным слухом и часто напевал арии из любимых опер. У него была большая коллекция пластинок с записями классической музыки. Прекрасная библиотека семьи Полежаевых также была собрана его руками. В молодости Владимир Георгиевич увлекался футболом и лыжным спортом и даже участвовал в городских соревнованиях, занимая почетные места. И всю дальнейшую жизнь он оставался заядлым футбольным и хоккейным болельщиком, поклонником команды «Спартак». О его мягкости и доброте рассказывать можно много. Он не мог своими

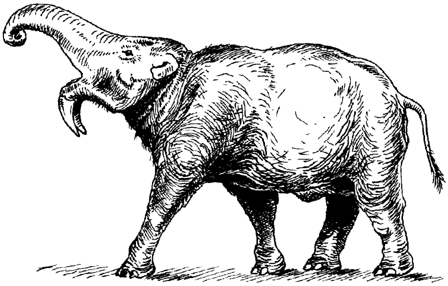
руками причинить вред ни одному живому существу. И, как это ни парадоксально, В.Г. Полежаев — главный специалист по дератизации в стране, ученый с мировым именем — всегда выпускал на волю (во двор своего дома) мышей, попавших в живоловку в его квартире. Ему жалко было их убивать. А своей маленькой дочери он часто приносил в подарок то крольчонка, то белочку, то белую мышку, хомячка, морскую свинку и т.д. Эти животные становились в семье всеобщими любимцами.

Ю.В. Тощигин,
В.К. Мелков,
М.В. Ниязова

ВАЛЕРИЙ ЮРЬЕВИЧ РЕШЕТОВ

1946–1993





Валерий Юрьевич Решетов принадлежал к тем ученым, для которых занятие наукой представляет основное содержание жизни. Из 47 прожитых лет 25 он проработал в лаборатории млекопитающих Палеонтологического института Академии наук.

В.Ю. Решетов — очень яркая фигура в отечественной палеотериологии. Мировую известность получили его научные труды, посвященные палеогеновым непарнокопытным. Экспедиции в различные районы Азии под руководством или при участии В.Ю. Решетова значительно увеличили коллекции ископаемых позвоночных Палеонтологического института. Особенно много времени и сил в течение более двадцати лет отдавал он организации и проведению поисковых и раскопочных работ в Монголии. Их результатом стали, в частности, уникальные коллекции меловых и палеогеновых млекопитающих, обеспечившие возможность развития исследований в этой области на многие годы вперед.

Ученый и путешественник, одновременно предприимчивый и романтичный... Как многие талантливые люди, Валерий Юрьевич был разносторонне одарен: палеонтолог-профессионал высшей квалификации, он был замечательным рассказчиком и интересным собеседником, хорошо рисовал, прекрасно разбирался в литературе и искусстве. Писал и сам. Записанные им личные впечатления, разбросанные по полевым дневникам разных лет, отличают емкость образов, искренность, отсутствие искусственности. Именно поэтому на воспоминаниях самого Валерия Юрьевича во многом основан предлагаемый очерк. При его подготовке очень помогли советы и замечания многих коллег и друзей В.Ю. Решетова из Палеонтологического института.

В.Ю. Решетов родился в семье московских интеллигентов. Мать А.В. Фейгель была историком, а отец Ю.Г. Решетов — геологом и антропологом. Интерес к путешествиям, биологии и истории возник у Валерия в ранние школьные годы, в основном, как он сам считал, благодаря родителям и под влиянием духа старинной усадьбы Мураново, где он проводил летние каникулы, а также занятий в юннатском кружке Всероссийского общества охраны природы, которым руководил П.П. Смолин, знаменитый ППС.

Вспоминая детство, Валерий Юрьевич записал в дневнике в 1988 г.: «*...Задумываешься, как мы росли. Только закончилась война, ее страшный голос долго еще слышал каждый из нас. По ней, может быть, мерили тогда все взрослые свои поступки. Но я хорошо помню озлобленных, пьяных и в общем-то никому не нужных безногих инвалидов — там, в нижнем конце нашей Метростроевки, которые целый день толклись у всяких мелких питейных заведений; к вечеру возникали пьяные драки, ссоры, понять в которых вряд ли что можно было, кроме общего выражения несправедливости и злобы. Коммуналки — я как раз родился и вырос в такой, эти "вороньи слободки" начала 50-х годов. Неверно, когда показывают сплоченность и дружбу жильцов такой квартиры, — это было средоточие той же взаимной злобы как выражение общественной неустроенности бытия. Вечная экономия на всем. Черный репродуктор военных времен, по которому железным голосом всесоюзный диктор "Клеветан" вещал о наших очередных свершениях и, между прочим, об очередном снижении цен, что особенно воодушевляло. Дом был наполнен книгами, какими-то отвлеченными интересами. Жили бедно, плохо, но с книгами. Книги тогда дешево стоили. Ходили в перешитом, перелатанном, "перелицованном". В моде у женщин — плечики и мужского*

покроя пиджаки. Щипцы для завивки волос — редкость. В углу — вечно протекающий потолок и полуразбитое трюмо. Боялись управдома. Почему? Царствовали кухонные склоки и донос. Потом адовы воспоминания о детсаде. Рыбий жир и стриженая голова. Не потому ли свое дитя туда не отдавали, если только лазейка была, чтобы не отдавать. Школа — вот бритоголовый "мальчиковый" класс. Как-то была у меня маленькая челка — меня учительница выставила перед классом, а рядом — совершенно бильярдноголового соученика ... и сказала: "Посмотрите — вот ведь какое уродство". Пришлось реденькую челочку сбрить. Боролись с завшивленностью — действовал еще указ военного времени. Шли фильмы о войне. Любимые книги — Кононов, "Рассказы о Ленине", фильмы — "Ленин в октябре", "Ленин в 1918 году", "Кубанские казаки". Любили "про шпионов", любили Павлика Морозова. Иногда дрались — переулок на переулок. "Мелкота" вроде бы начинала, а заканчивали-то ребята старшие, и "по-настоящему". Бог наградил врожденной силой, которая в то время была особенно заметна (с годами ушла), поэтому меня, например, в общем-то кроткого интеллигентного ребенка, никто не трогал — "уважали" мои большие кулаки».

Вероятно, детству В.Ю. Решетов обязан способностью переносить бытовые неудобства, особенно заметной в полевых условиях: он спокойно спал на брошенной на землю кошме, легко терпел голод и жажду, не замечал зноя и холода. Ведя машины своего отряда по пустыне с утра до глубокой ночи, делал остановку на обед зачастую только при явных признаках «голодного бунта» со стороны товарищей. На сообщение о температуре 42° в тени реагировал так: «Да... Тепло...».

«...Мураново — мое более сознательное детство, не у каждого оно было. Кружок, возглавлявшийся ППСом, эк-

скурсии по лесам, голоса птиц, цветущие растения, следы, коллекции московских биологических музеев и книги, книги, книги — ведь это тоже было доступно очень немногим...»

Заложенную в детстве любовь к чтению и книгам Валерий Юрьевич сохранил и в зрелые годы. Он с видимым удовольствием разговаривал о литературе, причем иногда это перерастало в его маленькие лекции о том или ином литературном направлении. Случалось, во время поездок отряд «нападал» на хороший книжный магазин в глубинке и В.Ю. Решетов замечал, что молодой коллега, смущенный ценой, с сожалением откладывал понравившуюся книгу. Тогда Валерий Юрьевич мог купить ее и тут же подарить, ничем не выдавая, что побудило его так сделать...

«...*Мои родители — они были очень не приспособленными к нашей повседневной жизни людьми. Благодаря их интересам начали формироваться и мои. Я не увлекся филателией и хоккеем, зато полюбил путешествия Ливингстона и Пржевальского, в общем-то неплохо, еще мальчишкой, знал Подмосковье — именно его леса и дикую жизнь, а благодаря Муранову — историю России, литературу, массу интереснейших и необходимых, как мне теперь кажется, больших и малых вещей... Есть такие незабываемые вехи детства. А если бы всего этого не было? О, слаб человек... Я удивлен и восхищен ныне теми людьми, которые были лишены в детстве всего этого, но тем не менее лучше и глубже меня понимают литературу, живопись и все, что относится к нашей культуре... Увлечение историей и биологией породило интерес к палеонтологии...*»

Сразу по окончании школы Валерий Юрьевич поступил в МГУ, на биолого-почвенный факультет. Во время обучения окон-

чательно сформировался его интерес к морфологии и эволюции млекопитающих. На первом курсе он приступил к научным занятиям на кафедре зоологии и сравнительной анатомии позвоночных, на втором — пришел в Палеонтологический институт: сначала обучался препарированию ископаемых позвоночных у Я.М. Эглона, затем под руководством К.К. Флерова делал свои первые научные работы по морфологии современных и ископаемых зубров и бизонов. После третьего курса участвовал в экспедиции ПИН в Восточный Казахстан, а после четвертого — в Киргизию и Таджикистан. В 1968 г. В.Ю. Решетов пришел работать в Палеонтологический институт.

Основные научные исследования Валерия Юрьевича были посвящены вопросам морфологии, филогении и систематики палеогеновых копытных и проблемам эволюции приматов; он занимался также становлением главных групп млекопитающих мезозоя и кайнозоя, палеофаунистикой, исторической биогеографией и биостратиграфией. В сущности, в области его интересов находились все основные аспекты палеотериологии.

Всего В.Ю. Решетовым было опубликовано более 70 научных работ, в том числе монографии по раннетретичным тапирообразным Азии (1979), по истории высших приматов (1986), по зубру (1979, в соавторстве с К.К. Флеровым, В.Б. Сухановым и др.), по палеонтологии и стратиграфии палеогена Заалтайской Гоби (1985, в соавторстве с Д. Бадамгарав). Внезапная кончина прервала работу над монографией по ископаемым носорогообразным палеогена Евразии, которой были посвящены последние годы.

Валерий Юрьевич серьезно занимался историей палеонтологии и популяризацией науки. Он написал увлекательную книгу о выдающемся русском палеонтологе XIX в. В.О. Ковалевском (1986), опубликовал множество интересных статей в журнале «Природа».

В.Ю. Решетов обладал исключительным организаторским талантом. С 24 лет он руководил крупными отрядами совместной советско-монгольской палеонтологической экспедиции, а в 30 лет стал заместителем начальника советской части. В 1989 г. он возглавил лабораторию млекопитающих Палеонтологического института и стал начальником советской части ССМПЭ. В трудный для отечественной науки послеперестроечный период В.Ю. Решетов прилагал огромные усилия для поддержания и развития международного сотрудничества палеотериологов, в том числе в области экспедиционных исследований.

Отстаивая приоритет интересов фундаментальной науки, он резко выступал против начавшейся в начале 1990-х гг. коммерциализации российской палеонтологии. Палеонтологические коллекции были для Валерия Юрьевича святы, и он отдавал много сил их приумножению и сохранению. Крайне заботливое его отношение к материалу проявлялось даже в том, как бережно он брал своими большими сильными руками образцы, будь то крошечный зуб или огромная тяжелая кость... Во время создания новой экспозиции Палеонтологического музея В.Ю. Решетов руководил подготовкой экспозиции зала кайнозоя, многие годы курировал работу очень ценимых им препараторской и монтировочной мастерских. Его высокий профессионализм, постояння заинтересованность и внимание во многом способствовали успеху этих работ.

Как руководителя Валерия Юрьевича отличали искренняя забота о сослуживцах и высокая требовательность. Он считал, что в идеале палеонтолог должен получить первый опыт научной, лабораторной и полевой работы еще в школе или на первых курсах вуза. К совсем юным, начинающим специалистам относился подчеркнуто уважительно, на равных обсуждал с ними научные проблемы. Молодые коллеги, заслужившие уважение В.Ю. Решетова своими научными и личностными качествами, всегда ощущали его дружескую поддержку.

Характер Валерия Юрьевича нельзя назвать простым и легким. Он был очень принципиальным человеком, чуждым всякого конформизма; в силу этого иногда у него с людьми складывались довольно сложные отношения. В.Ю. Решетов был очень яркой, харизматичной личностью. Сам его облик и характер — увлеченность, внутренняя энергия, обаяние — создавали в лаборатории и экспедициях особый настрой. Он ощущался не только в рабочей обстановке, но и во время столь любимых Валерием Юрьевичем общих праздничных собраний и торжественных застолий, когда он становился замечательным главой стола и радушным хозяином для гостей лаборатории или экспедиционного лагеря...

«Жарко ли, холодно, ветер пустыни поет на разные лады, тянет за собой песок и пыль, рвет полотно палатки, навевает грустные мысли... Давно или недавно. Здесь или нет... После знойного, пыльного дня, занятого раскопкой и тревогами, наступает тихий прохладный вечер, красный закат и как небесная благодать сходит на иссушенную землю Хоер-Дзана звездная, яркая ночь. Ночь... Давно или недавно. Здесь или нет...» Эта поэтичная зарисовка из дневника Валерия Юрьевича, сделанная им на местонахождении Хоер-Дзан в Монголии в августе 1987 г., показывает, как он любил суровую пустыню Гоби — место своих многолетних полевых работ.

Впервые В.Ю. Решетов попал в Монголию в 1969 г. Годом позже он уже руководил южно-гобийским отрядом совместной советско-монгольской экспедиции, организованным для поиска и раскопок местонахождений палеогеновых и меловых позвоночных в Южной Монголии. С того времени Монголия стала главным делом его жизни. В ней он провел все полевые сезоны с 1969 по 1992 г. Результатом этих работ явились огромные коллекции различных групп ископаемых позвоночных, беспозво-

ночных, растений. Эти материалы послужили основой множества статей и монографий как самого В.Ю. Решетова, так и его коллег и преемников.

«Князь Гобийский» — так называли Валерия Юрьевича за его страстную любовь к полевым работам в Монголии, и прежде всего в пустыне Гоби. В этом отразились и уважение к очевидным заслугам В.Ю. Решетова как исследователя «титульного» района, и легкий экспедиционный юмор по поводу его облика и поведения, его «даргизма». «Даргизм» (от монгольского «дарга» — *начальник*) связан с крайне уважительным отношением монголов к заслуженным и авторитетным людям. Валерий Юрьевич в понимании гобийцев был истинным «даргой»: крупный, широкоплечий, с сильными руками, большой головой, густыми усами и отраставшей за полевой сезон копной вьющихся жестких волос. Взгляд с прищуром, неторопливые, уверенные движения, степенная походка (которая стала такой в результате травмы ног, полученной в экспедиции)... Но внешняя, подчас нарочитая значительность и властность сочетались с истинной интеллигентностью и внутренней культурой.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что сердце В.Ю. Решетова всегда находилось в Монголии... А сердце Монголии для него находилось в Наран-Булаке. Вот странички из его дневника, написанные 10 сентября 1988 г. в Наран-Булаке:

«*Добрый день, persona incognita! Много лет спустя наконец решился написать тебе отсюда — из моего бывшего базового лагеря в Заалтайской Гоби — родника и прекрасного местонахождения Наран-Булак, что значит по-русски "Солнечный Ключ". Солнца здесь действительно много, родник, хоть и мелкий, но с чистой и хорошей водой, а его зеленая поляна всегда привлекала прохладой и свежестью, так что... Так что в 1970 г. я устроил здесь первый свой базовый лагерь, где все было "как следует":*

баня (настоящая), огород, кухня с кирпичной печью, юрта-столовая, ряды палаток, сарай-склад, водопровод от родника ко всем коммуникациям. Словом, здесь мы жили, работали, вели промывку породы, ремонтировали технику, свозили со всех наших заалтайских местонахождений материалы — ящики с образцами, монолиты — весом иной раз в несколько тонн. Здесь все готовилось к отправке в Улан-Батор. Здесь была и заправочная станция — бензовоз. Здесь можно было отдохнуть, написать письма, поспорить с другими сотрудниками — и по сути работы, и о сущности бытия.

Со временем Наран-Булак приобрел известность не только крупного местонахождения, красивого места, но и некоего центра полевых работ во всем огромном заалтайском пространстве; сюда ехали геологи, биологи, археологи — чтобы отдохнуть, подремонтировать машины, переслать образцы и письма в Улан-Батор и ... просто посмотреть на легендарный Наран-Булак и раскопки палеонтологов. А редкое местное население встречало нас всегда очень хорошо. Мы за эти долгие годы очень сдружились с коренными гобийцами, и они ждали нас каждую весну — когда, наконец, появятся пыльные столбики вдали — знак приближения машин нашей экспедиции. Бывали в Наран-Булаке и другие, посторонние люди: корреспонденты центральных газет — "Правды", "Известий", улан-баторской "Унэн", нашего "Огонька", кинооператоры, поэты — Евтушенко, например, и менее мне известные, наконец, всякого рода "люди казенных званий". Приезжали и художники, фотографы. Всех принимал Наран-Булак одинаково радушно — будь ты заезжий военный топограф либо академик, прославленный везде и всюду. Конечно, за эти годы мы накатали множество дорог,

поскольку приходилось ездить в дальние, глухие и неведомые тогда уголки пустыни — искать новые точки для работы, завозить туда людей, воду, гипс, доски, технику — все, что необходимо для нашей раскопочной работы. Часть этих дорог теперь заброшена, а некоторые стали использоваться постоянно, так как наиболее коротко связывают отдаленные пункты — поселки. И теперь вместо 300—400 км пути в объезд можно проехать 160—180—200, правда, по глухим местам, но "дорога палеонтологов" уверенно выведет куда надо.

Есть в Гоби незабываемые по красоте места. Бесполезно и описывать их. Надо видеть...»

Всякий, работавший в Гоби, знает, каких тягот и опасностей полна пустыня. В 1973 г. во время раскопок в Хайчин-Уле, когда Валерий Юрьевич осматривал кости, вскрытые в подножии обрыва, часть его неожиданно рухнула. Решетова полностью завалило. Откопав его, товарищи увидели, что белый как мел Валерий Юрьевич остался стоять на ногах — ему удалось выдержать удар обрушившейся породы, что, видимо, и спасло ему жизнь. В результате этого происшествия у него были сломаны ноги, что стало впоследствии причиной серьезного заболевания сосудов. Постоянные боли ограничили его подвижность, но не заставили отказаться от любимого дела — исследований в Гоби.

«... Одна очень талантливая женщина-художница из местных, по имени Туя ("Заря"), как-то сказала, что Гоби убивает ее каждый раз — столько красок, света, пространства. Пожалуй, она права. Но у нас, палеонтологов, в Гоби интересы чисто научного характера, поэтому, если и "убивает" нас пустыня, то чисто физически — нестерпимой жарой, постоянным песком и ветром. Ветер здесь имеет тысячи оттенков. Он переносит тонны песка. Поет этот песок могучую гобийскую рапсодию, и ка-

жешься иной раз сам ничтожной песчинкой, заброшенной волей случая в эти края. Кто ты, человек? Зачем, откуда пришел сюда? Какой смысл в твоей повседневной суетной деятельности? Время и пространство подавляет новичков, заставляет по-иному оценить себя, пристальнее взглянуть в очи природе, поверить в ее неукротимую силу.

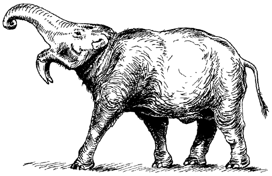
С годами приходит нечто, что кладет предел живому мировосприятию. И мы, проскочив на современных вездеходах тысячекилометровые пространства, как бы и не замечаем их. Наш внутренний мир сильнее, однако, мне думается, это не значит, что сильнее мы стали. Просто каждый стал возить свою "суконную слободу" с собой, и она пересилила казалось бы неистребимый дух романтики... Оказывается, нельзя раствориться в природе. И вечный герой детства Нэтти Бумпо превращается в какого-то неестественного, придуманного зануду, чуть ли не киногероя из устаревшего детского фильма, который не хочется смотреть снова, так как знаешь каждый его кадр...»

20 июля 1993 г. Валерий Юрьевич, недавно вернувшийся из экспедиции по Казахстану, собирался в Монголию, где должен был руководить международной палеонтологической экскурсией в рамках проекта ЮНЕСКО. Вечером внезапно ему стало плохо и он скоропостижно скончался. Врачи «скорой помощи» констатировали обширный инсульт. Экскурсия состоялась без В.Ю. Решетова, но у каждого из ее российских и зарубежных участников было ощущение, что его нет лишь по недоразумению и он вот-вот появится. В память Валерия Юрьевича его друзья, товарищи и коллеги сложили «обо» — традиционный в Монголии и всей Центральной Азии памятный холм из камней. Прощались с Решетовым, прощались за Решетова с его Монголией...

Когда в Улан-Баторе стали разбирать полевое снаряжение, обнаружилось, что на складе нет спального мешка В.Ю. Реше-

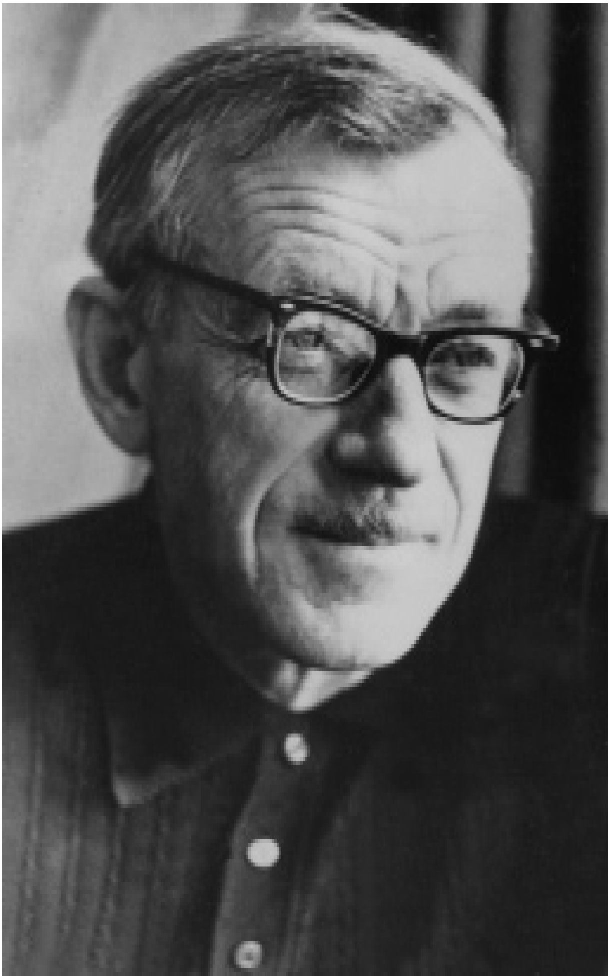
това, нет на месте и его полевой сумки с картами, пропал геологический молоток... Тогда и родилась красивая и печальная легенда, что Валерий Юрьевич Решетов все-таки ушел в Гоби...

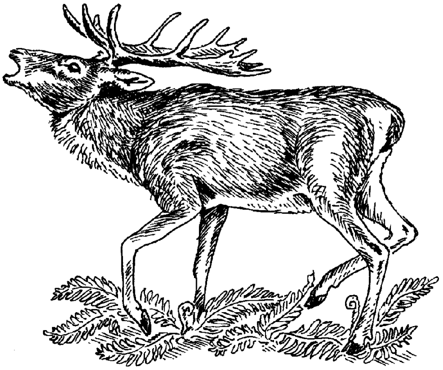
А.В. Лопатин



ЯРОСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ РУСАНОВ

1925—1997





Охотником, хорошим или не очень хорошим, можно стать, а вот охотоведом надо родиться. Да еще лучше в семье, где тебя окружает атмосфера серьезных, органично вплетающихся в ее уклад охотничьих интересов. Если ты растешь в доме, где длинноухие собаки считаются равноправными членами семьи, с интересом смотришь, как отец тщательно чистит ружье, а сам предпочитаешь стреляные гильзы оловянным солдатикам, можно с уверенностью сказать, что вырастет из тебя хороший охотник.

Ярославу Сергеевичу Русанову повезло. Его отец Сергей Андреевич, известный врач, хирург, был охотником божьей милостью. Он сумел привить сыну свое отношение к охоте, и стала она для Ярослава Сергеевича не увлечением, а делом всей жизни.

В 1987 г. вышла книга «Семьдесят лет охоты», в которой С.А. Русанов рассказывает, как он с малых лет учил сына этике охоты, правилам, обязательным для каждого охотника, учил не бояться трудностей, не теряться в любых ситуациях.

Приведем несколько небольших выдержек из этой очень поучительной книги. Вот начало ее: «Восемьдесят четыре года жизни, из них семьдесят лет охотничьего стажа — как будто достаточно, чтобы охладить пыл и успокоить страсть охотника. А все-таки и сейчас мне, старику, доктору наук, профессору, ожидание предстоящей утром охоты мешает спать, ночь кажется бесконечной, и я не стыжусь в этом признаться».

И дальше: «Вся наша семья — охотники, начиная с моего отца и кончая — пока — моими внуками. Отец мой, Андрей Гаврилович, пристрастился к охоте мальчиком и, по мере того

как подрастали его младшие братья, заражал и их своим увлечением. Это очень тревожило моего деда, почитателя и близкого друга Л.Н. Толстого. Понятно, дед не мог одобрить "жестокую забаву" и однажды спросил приехавшего к нему великого писателя: "Не запретить ли мальчикам охоту?"

...Лев Николаевич ответил: "Нет, Гаврила Андреевич, не запрещайте. Охота отвлечет их от многого дурного, а подрастут — разберутся сами"».

Впоследствии молодые Русановы действительно «разобрались сами» и продолжали охотиться.

Позже учителями Ярослава Русанова были крупнейшие ученые П.А. Мантейфель, С.Д. Перелешин, Б.А. Кузнецов. Многое перенял у них студент Пушно-мехового института. Окончательную же «полировку» проходил молодой специалист под руководством Д.Н. Данилова во ВНИО (ныне ВНИИОЗ).

В этом институте главенствовала промысловая направленность тематики. Ярослав Сергеевич, многие годы находясь в тайге, занимался изучением ее угодий не только как мест обитания, но и промысла белки. Этой теме и была посвящена кандидатская диссертация, которую он защитил в 1963 г. Здесь впервые проявился особый подход Я.С. Русанова к исследовательской работе в охотничьем хозяйстве, отличающийся от подхода большинства ученых, работавших и ныне работающих в этой области. Не отрицая значения зоологии, экологии, популяционной биологии, этологии для охотничьего хозяйства, Ярослав Сергеевич проявил себя прежде всего как охотовед, поставив весь комплекс биологических наук на службу рациональной эксплуатации охотничьих ресурсов.

Как известно, в середине 50-х гг. в нашей стране резко возрос интерес к спортивному охотничьему хозяйству. Правительством было принято постановление, ставшее основой закрепления охотничьих угодий за государственными и общественными

организациями, коллективами охотников. Были созданы первые государственные лесоохотничьи хозяйства. В них впервые в нашей стране охотничье хозяйство велось в комплексе с лесным. Новые организационные формы ведения хозяйства потребовали и новых подходов к проектированию. Я.С. Русанов в составе первой охотустроительной партии Леспроекта устраивает Переславское хозяйство. Первая охотустроительная инструкция, составленная отделом охотничьего хозяйства ВНИИЛМ, была еще очень несовершенной и громоздкой. Многие вопросы приходилось решать на ходу, в процессе полевых работ. И с этой задачей Я.С. Русанов блестяще справился. Первый блин не был комом!

Затем последовали несколько лет работы в Беловежской Пуще. Здесь наряду с исследованиями экологии оленя очень много времени Ярослав Сергеевич уделял проблемам охотустройства, в частности отработке методик учетных работ. В результате ему удалось обосновать принципиально новую методику учета копытных — двукратный оклад. Эта методика до сих пор незаменима в случаях, когда требуется высокая точность учета на ограниченных площадях: в заповедниках, отдельных хозяйствах или на пробных площадках с последующей экстраполяцией на значительные территории.

Следующие годы были целиком посвящены проблемам охотустройства. В начале 60-х гг. Я.С. Русанов перешел на работу в отдел лесного охотоведения ВНИИЛМ. В это время отделом руководил профессор П.Б. Юргенсон, работали охотоведы Д.Н. Данилов, А.С. Рыковский. Была составлена и издана коллективная монография «Основы охотустройства».

Параллельно с монографией было создано «Методическое руководство по устройству охотничьих хозяйств Росохотрыболовсоюза». Прошло уже более 30 лет, но с теми или иными изменениями, а чаще без них, эти руководства до сих пор остают-

ся методической основой охотустроительных работ в спортивных хозяйствах страны.

Перечисленных разработок было бы уже достаточно, чтобы занять достойное место в русском охотоведении, но основная работа Я.С. Русанова была еще впереди.

Людям среднего и старшего возраста памятна антиохотничья кампания, поднятая в печати в период застоя. Некомпетентные авторы, хотя и заслуживавшие уважения за свою деятельность в других областях, из самых лучших, по их представлению, побуждений ополчились на охоту и охотников, обвиняя их в оскудении угодий. Не замечая истинных причин трагедий Байкала и Арала, Волги и Нечерноземья, они приписывали все охоте. Оборона держалась крепко, но оперировала в основном такими аргументами, как успехи биотехнии, акклиматизации, дичеразведения и охраны угодий. Не было собрано доказательств того, что охота как таковая, ружье как ее основное орудие являются мощным средством поддержания популяции животных на соответствующем количественном и качественном уровне.

Эти доказательства предъявил Я.С. Русанов. Огромный достоверный материал, собранный за многие годы охоты практически на все виды дичи в разных частях страны, показал: соблюдая все правила и сроки, охотники регулируют численность животных, их половой и возрастной состав. При большинстве способов охоты под выстрел в первую очередь попадают животные из запоздалых выводков, подранки, недоразвитые, больные звери и птицы.

Книга Я.С. Русанова «Охота и охрана фауны» оказалась ударом не только по откровенным антиохотникам, но и по «охранителям». Ведь очень многие люди, в том числе и работники охотничьих организаций, наивно полагают, что чем сильнее сократить сроки охоты, ограничить места и возможности ее проведения, тем больше будет дичи, а уж тогда...

Опыт многих запретов охоты показал, что они к изобилию не привели. Работа Я.С. Русанова стала теоретической базой рационального отношения к правилам, срокам и нормам спортивной охоты.

Опубликованный в книге материал послужил основой его докторской диссертации, защита которой состоялась в 1977 г. Она уникальна тем, что посвящена чисто охотоведческой проблеме. Ведь большинство диссертационных работ подобного уровня посвящено экологическим или этологическим проблемам и лишь косвенно касается охоты как таковой. Работа Я.С. Русанова — приятное исключение.

В конце 60-х гг. Ярослав Сергеевич возглавил отдел проектирования лесоохотничьих хозяйств «Союзгипролесхоза». Это был период внедрения научных достижений в производство при устройстве хозяйств высшего ранга. Учитывая специфику предстоящих работ, отдел под руководством Я.С. Русанова разработал «Технические указания по проектированию охотничьих и лесоохотничьих хозяйств».

В 1970 г., вернувшись во ВНИИЛМ, Ярослав Сергеевич возглавил лабораторию лесного охотоведения и недревесной продукции леса. Приняв эстафету от П.Б. Юргенсона, он руководил циклом исследований, посвященных всем сторонам ведения охотничьего хозяйства, наиболее актуальным проблемам взаимоотношения лесного и охотничьего хозяйств, обобщая результаты предыдущих исследований по проблеме «Влияние охоты на структуру популяции дичи». Это большой научный вклад в решение узловых вопросов практики. Наряду с решением насущных задач современного охотоведения Ярослав Сергеевич очень много внимания уделял популяризации специальных знаний среди широкой массы охотников. Его многочисленные статьи, брошюры и книги объединяет одно несомненное достоинство: строго научное содержание изложено так, что по-

нятно и неподготовленному читателю. О чем бы ни писал Я.С. Русанов — об охоте на зайцев или на водоплавающую дичь, всюду наряду с прекрасным грамотным изложением биологической и технической части охоты большое внимание уделяется ее морально-этической стороне. Многочисленными примерами из своей богатой практики он иллюстрирует, как надо, а как не надо, как можно, а как нельзя вести себя на охоте. Для молодежи подобные советы, пожалуй, не менее ценны и важны, чем фактическое содержание его книг и статей, которых издано около 200. А содержание было всегда безукоризненно. На высоком профессиональном уровне описывается все, что касается спортивной охоты: биология, воспроизводство и охрана дичи, характеристика оружия и боеприпасов, воспитание собак и подсадных уток, техническое оснащение (от конструкции лодок и челнов до постройки шалашей) — все дается просто, ясно и, можно сказать, художественно.

Еще работая во ВНИИЛМе, Ярослав Сергеевич начал преподавать на биофаке МГУ, читая студентам курс лекций «Основы охотоведения». В конце 80-х гг. вышла его книга под таким же названием. Уйдя на пенсию, он продолжал преподавать, а последние годы, когда ездить в университет стало трудно, студенты приезжали к нему домой.

Нельзя не отметить особое качество Ярослава Сергеевича — его интеллигентность в самом высоком смысле этого слова. И на серьезном научном заседании, и с егерями у костра его поведение всегда было безукоризненно. В самом горячем споре он никогда не унижал собеседника, как бы тот ни был неправ. Всегда корректный, подтянутый, доброжелательный. Интеллигент в 3—4-м поколении — большая редкость в наши дни. Человек высокой культуры, он прекрасно знал художественную литературу, мог часами наизусть читать Блока, Апухтина, Надсона, Пастернака. Отсюда прекрасный стиль, на-

стоящий русский язык его книг и статей, удивительно интересные устные рассказы.

В то же время интеллигентность не всегда помогала жить. На хамство он не мог ответить хамством — отвечал вежливо и язвительно, не все понимали. Болезненно реагировал на скандалы и склоки. Обслуживание «вельможных» охотников в Беловежской Пуще «заедало» и страшно угнетало.

Уйдя на пенсию, Ярослав Сергеевич поселился на старой подмосковной даче. Здесь было спокойнее. Старый сад с редкими растениями, посаженными еще его дедом, за которыми он ухаживал, доставлял большое удовольствие. Голубятня, подсадные утки, собаки, недалекие вылазки на охоту, веселые студенты, радостно слушающие лекции. Он сам срубил небольшую баньку, сам обеспечивал дом дровами для печки. С лучковой пилой и деревянными санями шел в лес, находил сухостой, аккуратно разделывал и привозил домой.

Подсадные утки были особой страстью Ярослава Сергеевича. Он занимался их селекцией, держал только великолепно работающих. В свое время написал даже монографию о подсадных утках. Но в это время свирепствовали различные запреты на охоту, а уж на весеннюю тем более. Издать монографию оказалось невозможно, и она была опубликована в «Трудах» Завидовского охотничьего хозяйства.

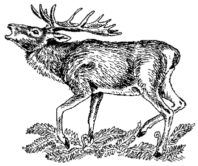
Отец Я.С. Русанова Сергей Андреевич держал английских сеттеров. После его смерти один из них жил у Ярослава Сергеевича. Сам же он предпочитал пойнтеров. Последней его собакой была красно-пегая Дана. Прекрасно натасканная, великолепно воспитанная, она была любимицей, хотя хозяин считал, что нюх у нее не так хорош, как бы хотелось.

Я.С. Русанов считал, что настоящая спортивная охота — это не просто прогулка с ружьем по лесу. Это спорт, а значит, соревнование. Победителем должен быть тот, кто добыл боль-

ше дичи (естественно, в разумных пределах). Для этого в первую очередь надо хорошо знать угодья, отлично стрелять, иметь прекрасно работающих собак и подсадных уток, хорошее снаряжение. Ярослав Сергеевич был против бестолковых запретов и ограничений охоты, но считал, что правила и этика охоты должны соблюдаться неукоснительно. Потомственный охотник, унаследовав лучшие традиции русской охоты, он был неутомим и добычлив в угодьях.

Д.Н. Данилов писал: «... знаю достаточно, что на Ярослава Сергеевича можно вполне и надежно положиться даже при чрезвычайных обстоятельствах, которые создаются иногда в тайге, когда моральные качества подвергаются испытанию на пределе. Повышенное чувство долга, верность данному слову, принципиальность и доброжелательность вызывают симпатию и общее к нему уважение».

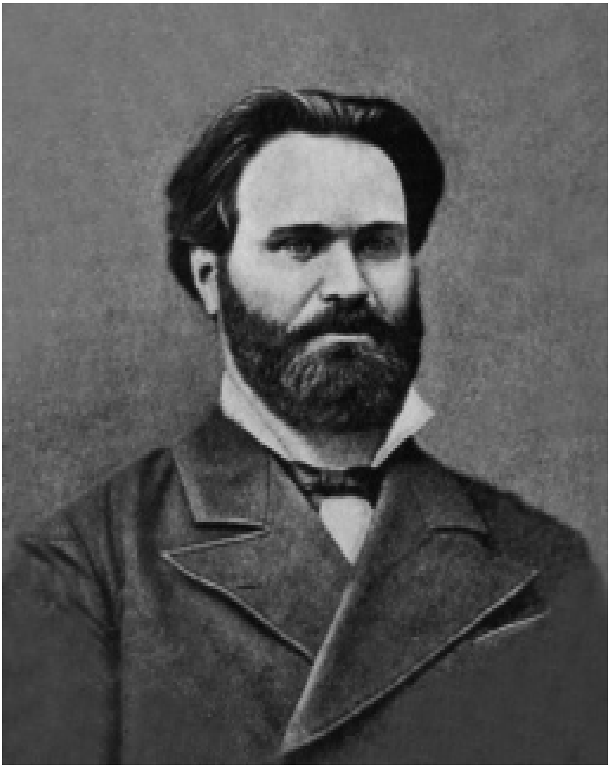
Ярослав Сергеевич Русанов скончался на 73-м году жизни. С открытым сердцем и душевной болью можно сказать, что потеря эта навсегда останется невосполнимой для всего отечественного охотоведения, для всех природолюбов.

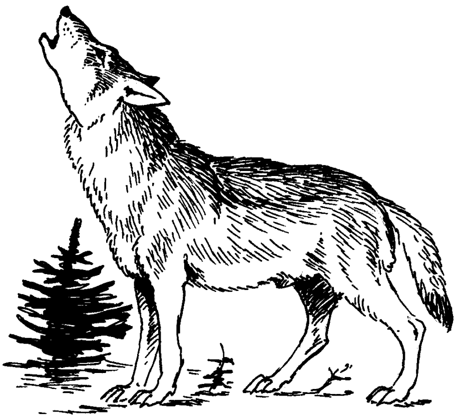


А.С. Рыковский,
В.В. Бибикова

ЛЕОНИД ПАВЛОВИЧ САБАНЕЕВ

1844—1898





25 марта 1898 г. в возрасте 53 лет скончался Леонид Павлович Сабанеев. Десять лет он страдал от бронхита. Но, несмотря на это, много трудился, постоянно выезжал на охоту и обожаемую им рыбалку. Отправляясь в Ялту, он мечтал, как будет рыбачить на море.

Молодцеватую фигуру Леонида Павловича, его внимательные, искрящиеся, как бы радовавшиеся жизни глаза хорошо знали в биологических кругах Москвы и Петербурга. Уважение вызывали его энциклопедические знания, организаторские и литературные способности, умение в популярной, доступной форме донести до людей самые сложные биологические проблемы. В своем творчестве Л.П. Сабанеев продолжил работу, начатую в этом плане С.Т. Аксаковым в литературе, А.К. Саврасовым в живописи. Позже эту эстафету подхватили М.М. Пришвин и К.Г. Паустовский, прививая любовь к родной природе и к знаниям о ней.

Начало роду Сабанеевых на Руси положил мурза Золотой орды Сабан Алей, поступивший на службу к великому князю московскому Ивану III и поселенный в Касимове. Два его сына стали родоначальниками: один рода Сабанеевых (Робчак) и второй рода Бакаевых, Тарбеевых (Тагай). В 1675 г. род Сабанеевых был пожалован поместьями и внесен в VI родословную книгу Ярославской, Тверской и Костромской губерний.

Сабанеевы были стройными, рослыми, крепкими — не зря их предок получил прозвище Сабан, что по-южнотатарски значит «бревно», а у вятских мужиков — «корабельное дерево». Их род дал Руси много славных имен.

И.В. Сабанеев был другом и соратником императора Александра I. Отличился в кампании 1812 г., будучи командующим Южной армией. Впервые в русской армии он ввел рассыпной строй стрелков, что было смелым новаторством для того времени.

А.П. Сабанеев, брат Леонида Павловича, был профессором Московского университета и после его смерти продолжил его дело — редактирование журнала. Д.А. Сабанеев был горным инженером, профессором Горного института, П.Ф. Сабанеев — хирургом, профессором Новороссийского университета, Е.А. Сабанеев — профессором истории искусств, директором школы живописи в Петербурге. Они находились в родстве с Ухтомскими, Кутузовыми, Победимскими, Бородиными, Львовыми.

Поместья Сабанеевых были в северо-восточной России. Павел Николаевич наследовал усадьбы Рабочиху и Попанцы. Предки 400 лет трудились на непростой ярославской земле, несмотря ни на какие невзгоды, внося посильный вклад в ее улучшение.

Раздолье и красота коренной русской природы, жизнь среди народа, сопричастность его нуждам и заботам, знание и понимание сути народного духа, древних преданий, памятников истории выработали у Сабанеевых основные родовые черты — преданность России, глубокий патриотизм и национальную гордость, любовь к природе и ее познанию.

Их дети росли в постоянном общении с простыми людьми. Е.А. Сабанеева писала, что с деревенскими и дворовыми ребятами они ходили по грибы и ягоды, затем с ружьем по болотам за дичью, ловили рыбу, постепенно проникая в окружающий мир, познавая его, расширяя и углубляя знания о природе.

10 декабря 1844 г. в семье Павла Николаевича Сабанеева родился сын Леонид. Он рос в небольшом имении Заветное, в деревне Высокое, что в Ярославской губернии. Любовь к при-

роде в нем проявилась с самого детства. Как и сверстники, он слушал птиц, ловил бабочек и жуков, рыбачил.

Его любознательность, непоседливость постоянно требовали ответа на вопросы: «Почему? Зачем? Отчего?». В нем как бы сконцентрировалась наследственная страсть, передавшаяся от деда и отца, которые были увлеченными охотниками и рыболовами. Развить ее и закрепить знаниями о природе ему помогал друг — репетитор А.С. Петровский. Постоянные «путешествия» в природу, обучение сбору коллекций растений, насекомых, набиванию чучел не только развивали наблюдательность, пытливость, но и пробуждали любовь к природе во всех ее проявлениях, влечение к естествознанию.

Свое образование Леонид Павлович начал в Ярославском кадетском корпусе, затем учился в Ярославском лицее, после чего поступил на естественный факультет физико-математического отделения Московского государственного университета. В 25 лет он блестяще сдает выпускные экзамены и получает степень кандидата естественных наук.

Все свободное время, каникулы Леонид Павлович отдает изучению природы родной Ярославской губернии. Уже с первых курсов у него проявляется склонность к научной деятельности. Он продолжает собирать коллекции по флоре и фауне Ярославской губернии, передавая их в местный краеведческий музей. Позже его коллекции пополняли фонды Зоологического музея и Екатеринбургского краеведческого музея.

Изучение природы родного края сформировало в Л.П. Сабанееве краеведа всероссийского масштаба.

В студенческие же годы Леонид Павлович начал свою деятельность на литературном поприще. Основой его публикаций стали наблюдения в природе и собираемые коллекции. Так появилось «Краткое наставление к собиранию и сохранению естественно-исторических коллекций». Затем последовали «Мате-

риалы для фауны Ярославской губернии», «Фауна Ярославской губернии», «Заметки о птицах Московской губернии».

Молодой, подающий надежды в науке студент был замечен в среде московских биологов, и 18 января 1868 г. Л.П. Сабанеева избирают в действительные члены Московского общества испытателей природы. Его, студента четвертого курса, общество утверждает руководителем экспедиции по изучению флоры и фауны Среднего Урала, в то время не познанного уголка России. Лето этого года Леонид Павлович проводит в районе Екатеринбурга и Верхотурья. Его интересы всеобъемлющи. Он изучает флору и фауну лесов, озер, рек, коллектирует зверей и птиц.

По окончании университета Л.П. Сабанеев в течение трех лет изучает фауну малообжитых районов Урала, дополняя свои наблюдения сведениями, собранными у охотников и местных жителей. Результатом экспедиции стала целая серия оригинальных, пионерных работ: «О фауне позвоночных Среднего Урала», «О пролете гусей», «Охота на козлов в Уральских горах», «Медвежий промысел на Урале», «Очерки Каслинского Урала», «Звериный промысел в Уральских горах», «Каталог зверей, птиц и гадов Среднего Урала», «Зауральские озера» и ряд других. Работы этого времени были своеобразным преддверием к его основным трудам. В каждой из них чувствовалось основательное, детальное знание исследуемого предмета, проникновение до самых мелочей в его сущность. Именно так вырабатывался сабанеевский стиль изложения — писать кратко, просто, увлекательно, ярко, не избегая иногда сильных выраженийй.

По возвращении из экспедиции с Урала Леонид Павлович стал секретарем Московского общества испытателей природы. Это расширило круг его знакомых среди московских и иногородних любителей естествознания.

В 1873 г. на собственные деньги при некоторой финансовой и главным образом моральной поддержке ярославского охотни-

ка Н.А. Пастухова Леонид Павлович совместно с профессором Московского университета С.А. Усовым и в сотрудничестве с магистром ботаники А.Н. Петушковым и Д.Н. Анучиным начал издавать в Москве журнал «Природа» как продолжение бывшего «Вестника естественных наук», придав ему несколько более серьезный характер. Среди авторов нового журнала были известные профессора Московского университета.

С 1874 г. Л.П. Сабанеев становится также редактором издания «Журнал охоты» Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и «правильной охоты». Задачей этого журнала была организация правильной охоты в России, пропаганда сохранения полезных и уничтожения вредных животных, организация местных охотничьих обществ и установление «трезвого и правильного взгляда на охоту, как спорт».

По инициативе Л.П. Сабанеева в 1878 г. этот журнал объединился с журналом Императорского общества охоты и стал называться «Природа и охота». Тем самым подчеркивалась органическая неразрывность кажущихся противоположными понятий.

Со страниц журналов Леонид Павлович выступал в защиту охотничьих промыслов в России, мужиков-охотников, которые не имели в достатке оружия, пороха, дроби и прочих охотничьих припасов, но чей труд кормил сотни тысяч семей.

Новый журнал добивался осознания охотниками важности защиты своих промыслов и их основы — животного мира. Редактор настаивал на том, что природные богатства являются национальным достоянием и требуют большего внимания и серьезного отношения со стороны правительства и общества. Он писал: «Не промышленники, даже не свисток, силок и капкан истребляют дичь. Если мы пристально взглянем на этот жизненный для нас вопрос, то мы увидим, что корень зла кроется глубже — в беспощадном истреблении лесов и истреблении дичи в запрещенное время года. Но кто же, спрашивается, истребля-

ет леса, кто удовлетворяет своим частнособственническим наклонностям? Вопрос неизбежно становится совсем на другую почву. С этой точки зрения первые могут быть названы государственными грабителями, вторые — укрывателями краденого».

На страницах этого журнала печатались работы Леонида Павловича о стерляди, белуге; воспоминания охотника об охоте на медведя, волка, зайца, лису, соболя, глухаря, рябчика, уток; «Таблицы определения родов и видов пресноводных рыб, встречающихся в России». Здесь же были заложены основы уникальной сводки Л.П. Сабанеева по рыбам России.

По инициативе журнала через статистические комитеты впервые в России была проведена перепись всех видов охот, их особенностей, нужд, биологической целесообразности. Целью переписи было выяснить роль охотничьего хозяйства в экономике и жизни страны. Эта громадная и очень нужная работа, результаты которой освещались на страницах журнала, была поддержана основателем Московского русского охотничьего клуба, писателем-народником А.М. Ломовским.

Продолжалась начатая Л.П. Сабанеевым работа по изучению роли волка в природе. Этого требовали объективные причины. На глазах падала численность охотничьих и промысловых видов, резко возросло количество хищников в природе. Большие убытки несло животноводство. Это прежде всего было результатом прекращения псовых охот.

В мае 1876 г. на съезде охотников по поручению охотничьего общества Леонид Павлович выступил с обстоятельным докладом «Волчий вопрос и критические меры по истреблению волков».

За советами к нему обращались не только охотники, поступали запросы и от Совета Министров о необходимых мерах по регулированию охотничьих промыслов. Л.П. Сабанеев был назначен членом Государственной комиссии по пересмотру законов об охоте.

Журнал стал издавать приложения: «Охотничий календарь», «Рыболовный календарь», затем еженедельную «Охотничью газету». Ее программа гласила: «При дружном содействии всех интеллигентных охотников редакция будет стремиться к тому, чтобы будить и укреплять в русской охотничьей семье любовь к природе, уважение к естественным богатствам ее и сознательное стремление правомерно пользоваться ими, наслаждаясь и любя». В «Рыболовном календаре» не только приводились полезные сведения о рыбах и рыбалке, но и давались русские, простонародные названия рыб.

Позднее к этим изданиям присоединился еще один журнал — «Домострой» (1892).

И все время в этом хлопотливом и многотрудном деле, на протяжении двадцати лет, его поддерживала жена, редактировавшая издания и воспитавшая сыновей — Бориса и Леонида.

Л.П. Сабанеев, как писал Н.В. Туркин, «работал над тем или другим вопросом не потому, что он случайно заинтересовал его, а всегда руководствовался мыслью изучить полнее то, что действительно важно и полезно для жизни и имеет к ней прямое отношение, и, изучив, передать это в такой общепонятной, увлекательной форме, которая делала его труд достоянием масс. Форма же его трудов никогда не была громоздка или неясна, а, напротив, всегда отличалась ясностью, простотой, краткостью и силой выражения».

Именно этими качествами отличаются его работы: «Справочная книга для ружейных и псовых охотников», охотничий и рыболовный календари и уникальная, не теряющая до нашего времени своей научной и практической ценности книга «Рыбы России». Она содержит блестящие очерки более чем о 60-ти видах рыб наших водоемов, практические советы по их лову, а также описания рыболовного снаряжения. Леонид Павлович сам занимался усовершенствованием снастей и орудий лова.

Удилища и донки его конструкции в среде рыболовов считались лучшими.

В своем творчестве Л.П. Сабанеев как бы продолжил направление, появившееся в русской зоологической литературе еще в конце XVIII в. вместе с книгой «Совершенный егерь, стрелок и псовый охотник», переводом Василия Левшина — «Книга для охотников до звериной, птичьей и рыболовной страсти», произведениями С.Т. Аксакова.

Неуемность характера, бившая ключом жизненная энергия, инициатива, обширные знания, опыт полевых исследований позволяли Леониду Павловичу выступать в разных ипостасях: в том числе и в роли организатора, что тоже своего рода очень трудное творчество, требующее определенных черт характера и таланта.

По поручению Министерства сельского хозяйства и государственных имуществ в 1897 г. Л.П. Сабанеев приступил к составлению «Указателя всей русской литературы по ихтиологии». Начав еще в «Природе» печатать библиографические обзоры книг и статей охотничьего и зоологического содержания, он как бы предварил появление современных реферативных журналов. Со временем эти обзоры превратились в «Хронологический указатель русской литературы, книг и статей охотничьего и зоологического содержания». За эту деятельность Леонид Павлович был награжден большой золотой медалью Русского общества акклиматизации животных и растений. Указатель давно стал библиографической редкостью, но до настоящего времени является одним из главных справочных изданий в этих областях зоологической науки.

Не меньшим, чем любовь к рыболовству, было увлечение Л.П. Сабанеева охотничьими собаками, кинологией. Он был устроителем первых выставок охотничьих собак Императорского общества охоты в Москве, первой выставки в Петербурге

(1872). Его считали одним из ведущих экспертов на выставках 1879—1891 гг. Им было опубликовано 8 статей и 9 отчетов об этих выставках и работы «Как устраивать выставки собак и как производить экспертизу» (1878), «Породы охотничьих собак» (1892), о легендарной породной линии — «Происхождение маркеловских собак» (1871). Перерыв горы кинологической литературы на немецком, французском, английском языках, Л.П. Сабанеев в 1894 г. приступил к сбору материала по теме «Собаки», а в 1897 г. вышел первый том его всеобъемлющего исследования «Собаки легавые. Болезни».

Одновременно он редактировал, редактировал... Только журнала «Природа» вышло 17 томов, журнала «Природа и охота» — 300 книг и т.д.

При этом у Леонида Павловича хватало сил и энергии работать в различных общественных и государственных организациях. Именно он был инициатором создания Русского охотничьего клуба, Общества любителей естествознания в Екатеринбурге, в котором имел членский билет за номером 1, Общества любителей рыболовства.

Одновременно он являлся действительным членом Московского общества испытателей природы, Русского общества акклиматизации животных и растений, Русского географического общества, Петербургского общества естествоиспытателей, Общества для исследования Ярославской губернии в естественноисторическом отношении. Он был непременным членом Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных.

Л.П. Сабанеева удостоили избранием в почетные члены Общества любителей птицеводства, августейшей покровительницей которого была государыня императрица. В организации выставок этого общества в Москве и Петербурге он принимал активное участие. Популярность Леонида Павловича как чело-

века и специалиста, уважение к нему за его неоценимый вклад в науку, охотничье и рыболовное хозяйство страны, за развитие традиционных любительских охот России были огромны. Свидетельством этому было избрание его почетным членом Общества любителей рыболовства, Московского общества любителей правильной охоты, Эстляндского общества любителей охоты, новгородско-тверского отделения Императорского общества охоты, Харьковского общества любителей охоты.

Невозмутимый, немногословный на работе или заседаниях, он производил на окружающих впечатление угрюмого, замкнутого человека. Но от этого облика ничего не оставалось, когда он попадал в природу. Окружающая обстановка, любимые увлечения превращали его в подвижного, веселого, с шутками и прибаутками охотника-весельчака, знавшего голоса сотен птиц, травы и другие растения. Эти его черты запечатлели в своем творчестве В.А. Гиляровский в рассказе «Собачий рынок». В.М. Сысоев писал: «... Такого специалиста по ужению и вообще человека, до изумительной точности изучившего жизнь рыб, птиц и зверей, я думаю, не найти в целой России».

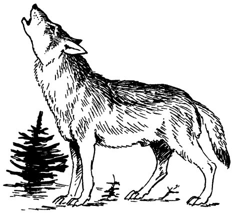
Всю жизнь он оставался заядлым охотником, рыболовом, увлеченным ученым и журналистом.

Везде и всегда он собирал естественно-научные коллекции, передавая их Политехническому музею, Обществу акклиматизации и другим организациям, твердо веря, что такие сборы должны служить науке и людям.

Прощаясь с Л.П. Сабанеевым, Н.В. Туркин писал: «Не стало кроткого, честного и чистого человека, не стало человека науки, обладавшего энциклопедическими познаниями, не стало охотника, любившего природу бескорыстною чистою любовью! Он достойно и честно все богатства души отдавал делу, которому служил. Он работал так же вольно и радостно, как удил рыбу в Москве-реке, как наблюдал животный мир в лесах Урала».

А.С. Ширинский-Шихматов, дополняя его, сказал: «... Это был большой, могучий человек с добрым, мягким и чутким сердцем».

В.К. Рахилин



СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СЕВЕРЦОВ

1891–1947

Сергей Алексеевич Северцов родился 18 декабря 1891 г. в Москве. Гимназические годы его прошли в Киеве, где в университете заведовал кафедрой сравнительной анатомии животных его отец, Алексей Николаевич Северцов.

Лето семья всегда проводила в деревне, в Воронежской губернии.

Будучи сам крупным биологом, страстным охотником и хорошим спортсменом, Алексей Николаевич воспитывал в этом направлении и своих детей. В семье Северцовых, как в деревне, так и в городской квартире, всегда жило много разнообразных животных. Это было традицией, перешедшей от деда Сергея Алексеевича — Николая Алексеевича Северцова. Поэтому у Сергея Алексеевича очень рано развились интерес и любовь к животным, а также умение наблюдать за ними. Впоследствии эти навыки оказались весьма ценными, так как позволили ему тонко подмечать и правильно оценивать факты из жизни животных.

Спорт и физическое развитие занимали очень большое место в воспитании детей. Сам Алексей Николаевич обладал огромной физической силой. Он «завязывал» кочергу в узел и пальцами одной руки сгибал медный пятак. Такую же физическую силу и ловкость он стремился развить и в сыновьях.

Среди различных видов спорта на особом месте стояли охота и стрельба в цель.

Очень рано, еще в гимназическом возрасте, мальчики начали ходить на охоту, но всегда только с отцом. К охоте, так же

По материалам статьи: С.А. Северцов: Краткий биографический очерк // Проблемы экологии животных. 1951. Т.1. М., Ан СССР. С. 5–10.

как и к стрельбе, отец относился очень серьезно. Летом в деревне до его приезда сыновья должны были ежедневно, как бы выполняя урок, упражняться в стрельбе по различным мишеням. По приезде отца до начала охоты на уток проводились совместные упражнения и соревнования. Мишени выбирались иногда очень трудные: например, на прут нанизывалась картофелина, кто-нибудь запускал ее с прута в воздух и по этой быстро летящей мишени стреляли.

В результате подобного воспитания у Сергея Алексеевича развилась большая физическая сила и выносливость. Это позволило ему впоследствии легко переносить лишения и трудности, связанные с его многочисленными экспедициями, проводившимися подчас в очень тяжелых условиях.

Несомненно, что постоянное общение с отцом и общность интересов привели к тому, что у Сергея Алексеевича с раннего детства возникли большая любовь и глубокое уважение к отцу, которые сохранились на всю жизнь. Влияние отца-биолога заметно проявилось и в его научном творчестве особенно в первый период.

В 1911 г. С.А. Северцов окончил гимназию и осенью поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. К этому времени в Москву перебралась и вся семья. Алексей Николаевич получил кафедру в Московском университете, где и проработал до последних дней своей жизни.

В университете близость с отцом стала еще больше, так как отец являлся одновременно и учителем, причем, по свидетельству самого Сергея Алексеевича, учителем очень строгим и требовательным. Поступив в университет, Сергей Алексеевич занимался много, с упоением, забывая все окружающее. Любовь к книге у него проявилась с раннего детства, и тогда уже он умел извлекать практическую пользу из чтения. Читал он всегда очень

много, а прекрасное знание европейских языков не ставило перед ним границ в выборе книг.

Круг интересов С.А. Северцова до последнего времени был весьма широк. Автор этих строк хорошо помнит, как за несколько лет до смерти Сергей Алексеевич читал, горячо обсуждая, работы по вопросам языкознания — из области, как будто очень далекой от направления его деятельности.

Еще с юношеских лет Сергей Алексеевич отличался пытливостью ума. Он никогда не удовлетворялся неопределенным ответом, а всегда стремился понять суть явления. Эта черта сохранялась у него в течение всей жизни.

Приведенные ниже слова Н.А. Северцовой хорошо характеризуют Сергея Алексеевича как человека: «Он никогда не думал о себе, никогда не берег себя. У него было полное отсутствие эгоизма. С детских лет Сережа для всех, кто обращался к нему с просьбой, готов был сделать все, что мог, доверчивость же к людям у него иногда была чрезмерной. Он всем верил». Таким Сергей Алексеевич остался до конца своих дней. Во взаимоотношениях с людьми он был большим ребенком, без тени какой бы то ни было хитрости.

После сдачи государственных экзаменов весной 1917 г. С.А. Северцов был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию и в тот же год осенью был избран преподавателем-ассистентом Института сравнительной анатомии Московского государственного университета.

Октябрьская революция открыла широкие перспективы для развития самостоятельной научно-исследовательской деятельности Сергея Алексеевича, которой он отдался целиком.

В 1929 г. С.А. Северцов получил звание доцента, а в 1936 г. — сверхштатного профессора Московского государственного университета. За время своей преподавательской деятельности в университете он вел следующие курсы: 1) демонстративный курс

зоологии и гистологии позвоночных; 2) большой практикум по сравнительной анатомии; 3) большой практикум по систематике позвоночных; 4) семинар по эволюционной теории; 5) курс эволюции млекопитающих; 6) курс общей экологии; 7) биологические основы охотничьего хозяйства; 8) курс охраны природы.

Помимо этого, с 1923 по 1926 г. Сергей Алексеевич состоял преподавателем Московской горной академии, где вел курс общей биологии; в 1928—1929 гг. вел курс общей зоологии в Институте животноводства, будучи одновременно научным сотрудником, а затем действительным членом Научно-исследовательского института зоологии МГУ; с 1938 по 1942 г. был профессором Московского технического института рыбной промышленности им. А.И. Микояна, где читал курс эволюционной биологии, а в 1946 г. его избрали заведующим кафедрой общей зоологии Московского пушно-мехового института.

Педагогическая деятельность, которой Сергей Алексеевич вообще увлекался, никогда, однако, не удовлетворяла его полностью. Основной для него всегда была научно-исследовательская работа.

При просмотре списка работ С.А. Северцова нетрудно убедиться в том, что в его научно-исследовательской деятельности можно наметить три периода: в первом, начальном, периоде он выступает как ученик и последователь отца, т. е. как морфолог и эмбриолог; второй период характеризуется работами в области охраны природы, когда Сергей Алексеевич был организатором многих заповедников*; в третьем периоде он — основатель нового направления эволюционной экологии.

---

*При участии С.А. Северцова были организованы первые заповедники СССР. Вопросы охраны природы, рационального использования и воспроизводства диких животных сильно интересовали его до конца жизни. Он уделял им иного сил и внимания, что можно видеть из списка статей и заметок, опубликованных им по этим вопросам. Много материалов сохранилось и в его бумагах в виде докладных записок, планов и проектов, представленных им в различные организации и ведомства.

В первых своих работах С.А. Северцов исследует некоторые морфологические закономерности в эволюции рептилий и амфибий. Уже в этих работах, в противовес идеалистической концепции преадаптаций, он четко указывает, что те или иные приспособления в организме обусловливаются средой обитания.

В соответствии с отмеченными выше периодами научно-исследовательской работы Сергея Алексеевича проходила и его служебная деятельность. Так, с 1925 по 1929 г. он работал в Главнауке Народного комиссариата просвещения РСФСР в должности сначала заместителя заведующего отделом охраны природы, затем ученого специалиста и ученого секретаря Государственного комитета охраны и развития производительных сил при Наркомпросе РСФСР. В 1929 г., сохранив звание члена названного комитета, Сергей Алексеевич поступил научным сотрудником в лабораторию прикладной зоологии Московской комиссии изучения производительных сил Академии наук СССР. В 1931 г. он получил звание старшего зоолога Академии наук СССР. В 1932 г. был переведен в лабораторию эволюционной морфологии Академии наук СССР и в 1935 г. при реорганизации последней в Институт эволюционной морфологии им. А.Н. Северцова назначен заведующим лабораторией эволюционной экологии института, возглавлял которую до конца жизни. Руководство этой лабораторией было основной деятельностью Сергея Алексеевича, которой он отдавал почти всю свою энергию и силы.

В 1934 г. Президиумом Академии наук СССР С.А. Северцову была присвоена ученая степень доктора биологических наук без защиты диссертации — по совокупности работ.

За свою жизнь Сергей Алексеевич был участником многих ответственных и серьезных экспедиций. Для характеристики этой стороны его деятельности достаточно привести список проведенных им экспедиций. В 1914 г., будучи еще студентом, он при-

нимал участие в экспедиции Академии наук в Яблоновый хребет, руководителем которой был профессор В.Ч. Дорогостайский; в 1920г.— в экспедиции профессора С.И. Огнева в Воронежскую губернию. В 1921 г. уже в качестве начальника экспедиции Главнауки работал на Мурмане; в 1923 г. ездил в Крымский заповедник; в 1926 г. работал в дельте Волги, в 1927 г. — на Южном Урале и в Ильменских горах; в 1928 г.— в Таласском Алатау и в заповеднике Аксу-Джебаглы. За 1930—1932 гг. Сергей Алексеевич был начальником трех экспедиций на Южный Урал и совершил поездку в Кавказский заповедник. В 1933 г. в качестве начальника зоологического отряда принимал участие в комплексной экспедиции Казахского филиала Академии наук СССР, в 1934 г. организовал экспедицию на Южный Урал в район Башкирского заповедника, а в 1935 г. — в район Ильменских гор. В 1936 г. он возглавил экспедицию в Вологодскую область и в том же году зимой обследовал Южный Урал в районе Златоуста. В 1937 г. работал в Ярославской области, в 1939 г. в качестве начальника экспедиции — в Куйбышевской области. В 1940 г. Сергей Алексеевич по поручению Президиума Академии наук дважды обследовал Беловежскую Пущу; в 1941—1942 гг. ездил на Рыбинское водохранилище. С 1945 г. организовал многолетние стационарные исследования Беловежской Пущи, где работал с коллективом сотрудников своей лаборатории.

В этих экспедициях, как нигде, проявилась та школа физического воспитания С.А. Северцова, которую он прошел под руководством отца. Сергей Алексеевич отличался большой физической силой и выносливостью, что давало ему возможность легко совершать большие и тяжелые пешие переходы, а природное чувство юмора позволяло ему даже в критические моменты находить смешные стороны дела, что очень подбадривало его спутников. Он никогда не боялся трудностей и лишений, свя-

занных с экспедициями. Сколько снежных бурь и непогод перенес он в горах, встречая их иногда даже без палатки! А во время Казахстанской экспедиции при перегрузке в Петропавловске затерялся багаж и несколько недель пришлось работать без снаряжения и оборудования.

Весьма пригодилась Сергею Алексеевичу и школа стрельбы. Он был прекрасным стрелком и в этом искусстве проявлял необходимое хладнокровие. Я помню случай, происшедший в Беловежской Пуще во время отстрела кабанов. Большой кабан был ранен и лег на просеке. К нему со стороны головы спокойно подходил Сергей Алексеевич. Когда расстояние стало очень маленьким, кто-то из наблюдавших эту сцену крикнул: «Не подходите ближе! Стреляйте!». Но в это мгновение со свойственной данным животным быстротой движений кабан вдруг вскочил на ноги и бросился к С.А. Северцову. Момент был критический. Все присутствующие невольно затаили дыхание. Любой стрелок мог бы растеряться в таком положении, но Сергей Алексеевич успел вскинуть штуцер и буквально на расстоянии одного шага от своих ног уложил кабана точным выстрелом в голову. Этот выстрел привел в восторг даже видавших виды егерей и лесников Беловежской Пущи.

Сергей Алексеевич любил и ценил природу. Однажды в 1934 г. на Южном Урале перебирались на новое место. Все участники экспедиции ехали на телеге, Сергей Алексеевич с ружьем в руках по обыкновению шел пешком в стороне от дороги. Совершенно неожиданно впереди из кустов на дорогу вышел красивый, огромный дикий козел. Животное спокойно перешло дорогу, не обращая внимания на подводу, и медленным шагом направилось навстречу Сергею Алексеевичу. Он вскинул ружье и вдруг опустил его, вскинул еще раз и опять опустил. После этого козел уже прыжками ушел в сторону. На крик старшего сына: «Папа! Что же ты не стрелял?» — Сергей

Алексеевич со смущенным видом ответил: «Да знаешь, нельзя ведь было стрелять — уж очень он красив».

Еще одну черту характера С.А. Северцова надо отметить: он был на редкость доброжелателен и прост в обращении с людьми. Будучи человеком мягким по натуре, чрезвычайно заботливо и сердечно относился к своим сотрудникам — младшим товарищам по работе, всегда стремясь помочь им. В экспедициях, несмотря на свое положение, участвовал во всех работах, вплоть до переноски багажа, устройства лагеря, приготовления пищи и т. д. Когда сотрудники говорили ему, что почистить картошку можно и без его участия, он отвечал, что в таком случае ему будет стыдно ее есть.

Основными чертами характера Сергея Алексеевича были его неизменная доброта, бесхитростность и приветливость в обращении с людьми. Даже студенты видели в нем не строгого профессора, а в первую очередь своего старшего товарища.

Весной 1945 г. Сергея Алексеевича привезли из Беловежской Пущи на носилках. Руководя работами по изучению очагов особо опасных инфекционных заболеваний, он сам заразился клещевым энцефалитом. Но организм справился с болезнью, и уже осенью того же года он опять отправился в Пущу. Зимой С.А. Северцов снова заболел: у него образовался на шее, в затылочной области глубокий карбункул. Температура была высокая и положение очень серьезное, но и с этим справился его сильный организм. Два таких тяжелых заболевания подряд подорвали здоровье Сергея Алексеевича, но он не обращал на это внимания, продолжая с прежней энергией свои физически трудные полевые работы. Проявляя заботу о других, он никогда не считался с собой.

Результаты многих экспедиций отражены в трудах Сергея Алексеевича. Из списка их видно, насколько разносторонние проблемы интересовали его, но основными все-таки были воп-

росы теории эволюции и экологии. Именно они характеризуют третий период исследовательской деятельности С.А. Северцова. В этот период он весьма продуктивно разрабатывает в экологическом аспекте морфологическую теорию своего отца — академика А.Н. Северцова. Высоко ценя его авторитет, Сергей Алексеевич в то же время совершенно самостоятелен в своих исследованиях. Он развивает и углубляет морфобиологическую теорию, устанавливает связь ее с практическими вопросами. Это наиболее ярко отражено в его книге «Динамика населения и приспособительная эволюция животных» (1941). В книге наиболее полно развиты идеи Сергея Алексеевича в области закономерностей, определяющих динамику численности популяций многих животных. Над этими вопросами он начал работать еще в 1930 г.

В своих экологических исследованиях С.А. Северцов создает совершенно новое, оригинальное направление — эволюционную экологию, ставя своей задачей проследить закономерности отношений организмов и среды в связи с их эволюцией. Он первый указал на необходимость исторического подхода к решению одной из центральных проблем экологии — проблемы динамики численности популяций животных, поэтому справедливо считается основателем этого направления.

В последующих работах Сергей Алексеевич исследует теоретические основы динамики населения позвоночных животных. Он изучает плодовитость видов, процессы смертности и их причины, проблему взаимоотношений хищника и жертвы, паразита и хозяина и т. д. Впервые в мировой литературе сравнительному изучению подвергается динамика населения более 25 видов позвоночных животных. Исследования С.А. Северцова основаны на огромном фактическом материале, собранном им лично во время полевых работ, на учетах в охотничьих хозяйствах и статистике заготовок пушнины и дичи.

Кроме того, работы Сергея Алексеевича в области динамики населения животных нанесли удар по механистическим и идеалистическим взглядам на данный вопрос, господствовавшим в зарубежной литературе. В противоположность этим ложным взглядам С.А. Северцов показал, что закономерности динамики численности различны для каждой группы животных, т. е. они являются результатом исторического развития каждой группы, и что тип динамики численности каждого вида определяется адаптациями, приобретенными видом в течение его эволюции под воздействием условий внешней среды.

Применив сравнительный метод исследования, Сергей Алексеевич сформулировал закон о соотношении между плодовитостью и продолжительностью жизни животных. Это теоретическое положение дает возможность получить константы, устанавливающие запасы промысловых животных, нормы их добычи и т.д. Следует добавить, что С.А. Северцов разрабатывал теоретические вопросы на видах, имеющих практическое значение, недаром ссылки на его статьи можно встретить в работах, имеющих сугубо прикладной характер.

В последние годы жизни Сергей Алексеевич с огромным увлечением работал над книгой по проблеме эволюции вида как целостного сообщества. В этой книге развивается ряд очень интересных мыслей и многие вопросы ставятся совершенно по-новому. Говоря об эволюции, С.А. Северцов доказывает, что нужно рассматривать не только эволюцию организма, но и эволюцию вида или популяции в их взаимоотношениях как с внешней средой, так и внутри сообщества. Смерть не дала ему вполне закончить эту книгу, прервав работу над ней.

Те, кто знал Сергея Алексеевича, помнят, как загорался он обычно при всякой новой мысли, только о ней и мог говорить и успокаивался лишь тогда, когда ему удавалось ее оформить и изложить. Так было и во время его болезни. Невзирая на пред-

писание врача и уговоры близких, он лихорадочно работал, засиживаясь часто до глубокой ночи.

Первый инфаркт, случившийся у С.А. Северцова летом 1947 г., прервал его работу. Но даже в клинике, где он лежал почти не двигаясь, он говорил не о своем состоянии, а только о работе над проблемой эволюции вида. Только начав поправляться от первого инфаркта и находясь в санатории, Сергей Алексеевич вновь принялся за прерванную работу. Врач часто заставал Сергея Алексеевича по ночам за пишущей машинкой, что, конечно, было абсолютно противопоказано для него и, быть может, явилось причиной рокового исхода.

После клиники Сергей Алексеевич был направлен в санаторий «Сосновый бор» (в Болшево). Там здоровье его поправилось настолько, что он начал понемногу гулять. У меня на всю жизнь останется в памяти погожий осенний день в первых числах октября, когда он, гуляя по парку, рассказывал, что он, несмотря на запрещение врачей, все же работает и надеется успеть закончить книгу к годовщине 30-летия Октября.

7 октября 1947 г. второй инфаркт прервал жизнь Сергея Алексеевича Северцова — большого ученого и исключительно благородного человека, ушедшего от нас в 30-летний юбилей своей научной и педагогической деятельности.

С.Е. Клейненберг

ВЛАДИМИР МОИСЕЕВИЧ СМИРИН

1931–1989

Страстная любовь к животным определяет творческий путь многих людей. При этом люди рационального склада мышления часто становятся профессиональными исследователями-биологами, а люди эмоционального склада стремятся выразить свою любовь к животным в создаваемых ими произведениях искусства. Но иногда оба эти таланта — ученого-зоолога и художника-анималиста — совмещаются в одной творческой личности. В первую очередь здесь вспоминаются, конечно, канадский писатель и натуралист Эрнест Сетон-Томпсон; наш соотечественник, выдающийся эколог и блестящий художник Александр Николаевич Формозов; американец Роджер Тори Питерсон, создатель современной модели полевых определителей животных. Именно к таким людям, которых природа одновременно одарила талантами ученого-исследователя и художника-анималиста, относился и Владимир Моисеевич Смирин — человек редкого обаяния, доброжелательности и порядочности.

Владимир Моисеевич родился 2 августа 1931 г. в семье, в которой раньше не было ни ученых-биологов, ни художников. Родители вышли из мира еврейских местечек, где нужно было проявить немалые способности, чтобы вырваться из привычного круга занятий. Отец смог получить после революции высшее образование и стал впоследствии крупным ученым-историком, посвятившим всю свою жизнь исследованию средневековой Германии; по стопам отца пошел также ставший историком старший из братьев Смириных, Виктор. Однако у Владимира, или Вадика, как его звали в семье, еще в раннем детстве проявился интерес к животным, определивший весь его жизненный путь; не без влияния брата стали биологами и мы с сестрой.

Еще в дошкольном возрасте Вадик познакомился с «библией» нескольких поколений биологов — капитальным трудом Альфреда Брема «Жизнь животных» и прекрасными иллюстрациями к его старым изданиям, выполненными В. Кунертом, Р. Кречмером, Г. Мютцелем, Ф. Шпехтом, а также с работами ведущих отечественных анималистов — В.А. Ватагина, А.Н. Комарова, В.Д. Горлова, Г.Е. Никольского, с которыми впоследствии ему посчастливилось познакомиться и уроками которых он мог пользоваться в течение длительного времени.

Во время войны семья оказалась в эвакуации в Ташкенте, и к этому времени относятся первые самостоятельные шаги 11-летнего Вадика как будущего зоолога и художника-анималиста. Здесь он начал копировать иллюстрации из «Брема», а также посещать зоопарк и делать зарисовки животных с натуры. Хорошо помню, какое впечатление произвел на него во время одного из посещений зоопарка слепой макак-резус, которого искалечил кто-то из посетителей, бросив ему в лицо горсть песка, о чем сообщала специальная вывеска на клетке несчастной обезьяны (кстати, об этой обезьяне говорится в «Раковом корпусе» А.И. Солженицына, в эпизоде посещения главным героем романа зоопарка в «одном из Среднеазиатских городов»). Тогда же Вадик начал заниматься рисунком в изостудии Ташкентского дворца пионеров под руководством Б.В. Пестинского, который стал, по сути дела, его первым наставником в рисовании. Хорошо запомнился Вадику эпизод, который произошел однажды, когда он стоял в очереди за хлебом: «... я лепил голову обезьяны из комка глины, которую наковырял на улице. Один человек из очереди обратил внимание на мою работу, и мы разговорились. Я вдруг увидел, что он тоже лепит. В руках у него был человеческий череп, одна половина которого была облеплена зеленоватым пластилином и представляла портрет красивого мужчины с длинными волосами. Несколько позже я узнал, что

встретился с М.М. Герасимовым, замечательным художником, ученым-антропологом». Конечно, подобную встречу и состоявшийся при этом разговор вряд ли можно было считать серьезным уроком, но такое событие для впечатлительного мальчика не могло пройти бесследно.

В 1943 г. семья вернулась в Москву, и первые годы после возвращения оказались для Вадика решающими в выборе будущей профессии и, по сути дела, определили формирование его как личности в самом широком смысле этого слова. Он поступил в Московскую среднюю художественную школу при Третьяковской галерее, которая резко отличалась от обычных общеобразовательных школ тех лет демократическим стилем взаимоотношений между учениками и преподавателями. Одновременно он вместе с группой учеников этой школы начал заниматься в студии, которую при существовавшем тогда в Москве музее скульптора А.С. Голубкиной организовал талантливый художник А.И. Григорьев. Занятия в этой студии не только сыграли большую роль в освоении Вадиком основ техники скульптурных работ, но и позволили ему познакомиться с людьми, для которых мир искусства определял весь стиль их жизни. В то же время интерес к изучению жизни животных не ослабевал у него никогда. Практически одновременно с поступлением в художественную школу он начал заниматься в кружке юных биологов зоопарка, который сыграл определяющую роль в судьбе многих поколений начинающих биологов. Казалось бы, учеба в художественной школе, постоянное общение с миром искусства, атмосфера редкой по тем временам свободы в отношениях между людьми однозначно готовили к жизни профессионального художника. Однако в конце обучения он все же перешел в общеобразовательную школу, поскольку аттестат выпускника художественной школы не давал в те годы права поступать в Московский университет, мечта учиться в котором также никогда не покидала Вадика.

Поступив в 1949 г. на биолого-почвенный факультет МГУ, Владимир без колебаний избрал кафедру зоологии позвоночных животных, где работали такие замечательные люди, как С.И. Огнев, Г.П. Дементьев, В.Г. Гептнер, Б.С Матвеев, Н.П. Наумов и другие. Продолжал поддерживать связь с кафедрой после своего ухода из университета в период торжества лысенковщины и один из ведущих зоологов того времени А.Н. Формозов. Работая в поле в Подмосковье, в Казахстане и на Кавказе, студент В.М. Смирин наряду с дневниками зоолога-исследователя всегда имел при себе бумагу с карандашами и красками и, возвращаясь из экспедиций, привозил не только материал для курсовых и дипломной работ, но и большое количество зарисовок различных животных, сделанных с натуры. На будущего зоолога в годы учебы в университете огромное влияние оказал А.Н. Формозов, ставший руководителем его дипломной работы, посвященной биологии копытных Кавказского заповедника. Но и в жизни Смирина-художника в студенческие годы произошло знаменательное событие: в 1951 г. он лично познакомился с нашим крупнейшим анималистом В.А. Ватагиным и начал регулярно работать в его мастерской. Именно В.А. Ватагин научил Владимира Моисеевича основным приемам работы с твердыми материалами — деревом и костью, а также постоянно давал ему ценные советы при рисовании животных с натуры. Оценив талант юноши, В.А. Ватагин не только сам направлял в течение многих лет работу молодого художника, но и познакомил его с другими ведущими московскими анималистами: А.Н. Комаровым, В.В. Трофимовым, Д.В. Горловым и другими, связь с которыми В.М. Смирин также поддерживал в течение многих лет.

После окончания университета в 1954 г. Владимир Моисеевич уехал в Казахстан и в течение 6 лет работал зоологом в противочумной системе — сначала в небольшом городке Джусалы,

а затем в Аральске, где находилась одна из ведущих противочумных станций, на которой в то время сложился прекрасный научный коллектив во главе с зоологом С.Н. Варшавским. Это были для Владимира Моисеевича годы интенсивного исследования структуры популяций большой песчанки — основного носителя чумы в среднеазиатском природном очаге, картирования ее поселений в Северных Кызылкумах, а также практических работ по подавлению активности природных очагов чумы и защите от этого заболевания местного населения, постоянно проводившихся силами сотрудников противочумной станции. В ходе этих работ Владимир Моисеевич собрал большой научный материал, ставший основой для ряда публикаций и, в конечном итоге, для кандидатской диссертации. В конце 1960 г. по предложению научного куратора работ Аральской противочумной станции и заведующего кафедрой зоологии позвоночных биофака МГУ профессора Н.П. Наумова В.М. Смирин поступает в аспирантуру на факультете и работает над диссертацией, посвященной структуре природных очагов чумы в Северных Кызылкумах, которую он успешно защищает в апреле 1967 г. Но и в этот период интенсивной научной работы, в ходе полевых сезонов, длившихся по 5 месяцев в году, Владимир Моисеевич никогда не расставался с карандашами и бумагой, делая сотни зарисовок и набросков животных с натуры в природных условиях, а во время отпусков неизменно работал в Москве, в мастерской В.А. Ватагина, осваивая работу по дереву и мамонтовой кости, что, в свою очередь, оказывало большое влияние и на развитие его техники рисования.

После возвращения в Москву и окончания аспирантуры Владимир Моисеевич в течение нескольких лет работает в Институте эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи, а с 1963 г. и до конца жизни — старшим научным сотрудником на биофаке МГУ. С этого времени круг научных интересов Влади-

мира Моисеевича несколько меняется. Его все больше начинают привлекать проблемы поведения животных. И хотя основными объектами его работ остаются мелкие млекопитающие, большое внимание он уделяет и крупным зверям. Он регулярно работает в экспедициях в различных районах нашей страны — в Средней Азии и Казахстане, на Кавказе и в Приморье, на Камчатке и Чукотке, проводя наблюдения за различными видами млекопитающих, постоянно зарисовывая их с натуры, фиксируя на бумаге особенности поведения зверей в различных ситуациях. В ходе этих работ у Владимира Моисеевича вызревает грандиозный замысел — создать атлас млекопитающих Советского Союза, в который вошли бы цветные изображения всех видов зверей, выполненные по оригинальным зарисовкам с натуры в природных условиях, зоопарках, питомниках иривариях, а также серии штриховых рисунков, показывающих различные формы их поведения. Над осуществлением этого замысла Владимир Моисеевич работает до конца своей жизни. Собственно говоря, начало этой работы было положено еще в годы аспирантуры, когда он совместно с В.Е. Флинтом и Ю.Д. Чугуновым создал первый в нашей стране полевой определитель млекопитающих (1965), для которого выполнил 40 цветных таблиц с изображением всех зверей фауны Советского Союза. Но задуманный им атлас должен был во всем стать оригинальной авторской работой, подводящей итоги его многолетним этологическим исследованиям.

Из многочисленных поездок по стране Владимир Моисеевич привозит сотни листов с зарисовками моржей, котиков, сивучей, тюленей, лосей, джейранов, сайгаков, горалов и других видов крупных зверей. В зоопарках, питомниках и вивариях он рисует волков, куньих и других хищников, многие виды мелких грызунов, которых трудно регулярно наблюдать и рисовать в природе. Основной базой его работ с 1969 г. становится Звени-

городская биологическая станция МГУ. В специально построенных здесь вольерах В.М. Смирин содержит бурундуков, летяг, пищух, некоторые виды сурков, сусликов и других зверьков мелкого и среднего размера, проводит регулярные многолетние наблюдения за их размножением, развитием детенышей и поведением взрослых особей. В течение многих лет он участвует в проведении летней практики по зоологии со студентами биологического факультета, и его «зоопарк» на биостанции постоянно используется при выполнении студентами самостоятельных работ по зоологии. Эти работы, проводящиеся под руководством Владимира Моисеевича и всех других преподавателей-зоологов, не сводятся к простым учебным заданиям, но часто перерастают в миниатюрные научные исследования, и некоторые из них публикуются в виде отдельных журнальных статей. И, конечно, В.М. Смирин постоянно рисует, рисует, рисует зверьков, становящихся объектами его работ. Особо следует отметить, что он фактически впервые сделал большие серии зарисовок с натуры мышевидных сонь, мышевидных хомячков, цокоров, которых вообще мало кто из зоологов видел живыми, а также некоторых редких видов рукокрылых, содержавшихся на биостанции зоологом К.К. Панютиным. Многие виды зверей, которых рисовал Владимир Моисеевич, занесены в Красные книги. Общее количество зарисовок зверей с натуры, выполненных им, превышает 4000 листов. Научная значимость этих зарисовок огромна — никто в России не создал ничего подобного.

В то же время В.М. Смирин не прекращает заниматься скульптурой по дереву и кости, а также иллюстрацией научной и научно-популярной литературы. Начиная с 1974 г., он регулярно принимает участие в выставках произведений московских художников-анималистов, сам устраивает такие выставки на биологическом факультете во время проведения там всероссийских съездов и конференций, международных орнитологического и

териологического конгрессов. Благодаря личному знакомству с ведущими московскими анималистами он становится как бы «связующим звеном» между художниками и зоологами. В области научной иллюстрации главными для Владимира Моисеевича становятся работа над рисунками к «Систематике птиц» Н.Н. Карташева, к двум изданиям «Красной книги СССР» и к «Красной книге РСФСР», к нескольким книгам В.Е. Соколова по редким видам млекопитающих фауны Советского Союза и мира, к монографии «Волк» (1985), участие в иллюстрировании последнего московского издания «Жизни животных» и, конечно, подготовка 40 цветных таблиц к полевому определителю млекопитающих Советского Союза, о котором я уже говорил.

С полным основанием можно сказать, что карьера Владимира Моисеевича и как ученого, и как художника-анималиста вполне состоялась. В течение многих лет он успешно работал на кафедре зоологии позвоночных биофака Московского университета, читал лекции и проводил практические занятия со студентами, постоянно участвовал в экспедициях и стал авторитетным специалистом по поведению млекопитающих. Всеобщее признание он получил и как один из ведущих московских художников-анималистов, это выразилось в том, что его приняли в Московское отделение Союза художников. При этом примечательно, что принят в Союз он был не как художник-график, а как скульптор, автор не столь уж большого количества работ по дереву и мамонтовой кости, выполненных в лучших «ватагинских» традициях. Но главной особенностью творческого пути В.М. Смирина всегда было постоянное стремление объединить в своей работе и сделать равноценными научное и художественное направления, «уравновесить» их. Оптимальные возможности для этого открылись, когда основой его научных интересов стала этология. Зарисовки зверей с натуры, особенно в природной обстановке, стали теперь для Владимира Моисеевича неотъем-

лемой составляющей единого творческого процесса, ибо изучение поведения и структуры популяций животных для него было немыслимо без художественного изображения их при общении друг с другом в различных жизненных ситуациях.

Некоторые итоги своей жизни и творческой деятельности В.М. Смирин подвел в книге «Звери в природе», написанной им при моем участии. Специально для книги он выполнил более 300 рисунков по наброскам и зарисовкам, сделанным непосредственно с натуры, так что рисунки не просто изображают зверей различных видов, но рассказывают о конкретных случаях в поведении зверей, которые наблюдали авторы. В предисловии к книге Владимир Моисеевич высказал и свое отношение к анималистическому рисунку как к одному из методов зоологических исследований, подчеркнул иллюстративное значение рисунков в книгах о живой природе. В частности, имея в виду современную тенденцию все шире использовать для иллюстраций зоологических работ фотографии, он писал: «Много сейчас говорят и спорят о том, что же дает больше в качестве книжной иллюстрации — рисунок или фотография. В последние годы появилось множество прекрасных фотографий животных и кинофильмов о них... Но что характерно: книг, подобных книгам А.Н. Формозова или Э. Сетона-Томпсона, нет. Можно сказать, что никто не пишет, как они. Думаю, дело не только в этом. Никогда у фотографии не получается такой органической связи с текстом, как у авторского рисунка. Поэтому фотографии, как правило, смотрятся отдельно от текста. Да и редко удается сделать снимок в тот самый момент, о котором идет речь в тексте. А нарисовать можно именно тот случай, о котором пишешь». И еще: «Ни один рисунок не изображает все подробности облика животного, но он изображает лишь то, что представляется наиболее существенным его автору. Но и для зрителя именно это обстоятельство усиливает остроту восприятия образа. Зритель

начинает смотреть глазами художника, и элемент узнавания образа в рисунке становится сильнее». К сожалению, «Звери в природе» вышли в свет только в 1991 г., уже после смерти В.М. Смирина, так что сам он не смог увидеть и взять в руки готовую книгу, в которую вложил так много сил и эмоций, в которой он написал большую часть текста и специально для которой нарисовал более 3 сотен иллюстраций.

На этом можно было бы поставить точку и завершить рассказ о жизни Владимира Моисеевича Смирина, зоолога и художника, сумевшего объединить в своем творчестве эти, казалось бы, мало совместимые подходы к исследованию жизни животных и добившегося значительных успехов в обоих этих направлениях. Сегодня и наука, и искусство, если заниматься ими всерьез, требуют полной отдачи времени и сил. Многие из людей, ставших впоследствии крупными художниками-анималистами, получали в юности биологическое образование, но в дальнейшем полностью отказывались от научной работы и целиком посвящали себя художественному творчеству. Прежде всего здесь надо, конечно, вспомнить нашего крупнейшего анималиста В.А. Ватагина, который окончил естественный факультет Московского университета и деятельность которого как профессионального художника началась с иллюстрирования научных работ. (Кстати, когда молодой, но уже вполне сложившийся художник В.А. Ватагин демонстрировал свои работы на выставках, он не раз слышал пренебрежительное ворчание: «Опять Ватагин со своими наглядными пособиями явился»). Полностью отказались от научной работы и стали профессиональными художниками Н.Н. Кондаков, А.А. Келейников — также выпускники биологического факультета. С другой стороны, некоторые биологи, имевшие большой художественный талант, оставались верны науке в течение всей своей жизни, а искусство, от которого они также никогда полностью не отказывались и в

котором достигали больших успехов, занимало в их жизни все-таки второстепенное место. Таким был, например, зоолог и палеонтолог К.К. Флеров. Учитель и наставник Владимира Моисеевича профессор А.Н. Формозов, блестящий художник-анималист, карандашные рисунки которого поражают своей точностью и выразительностью, не раз с горечью повторял, что «нельзя одновременно молиться двум богам».

В полной мере ощутил на себе все трудности подобного «совместительства» и В.М. Смирин. Он прекрасно понимал, что искусство и наука не могут не мешать друг другу, что в каждом из этих направлений он мог бы добиться большего, если бы «отсек» или по крайней мере ограничил другое. Конечно, зарисовки поз и выразительных движений животных становятся частью научного процесса и дают бесценный материал для понимания значения поведенческих реакций в общей системе взаимоотношений животных, и здесь особенно выгодно, когда подобные зарисовки делает сам исследователь. Объединение научного и художественного интересов к животным, безусловно, давало Владимиру Моисеевичу чувство глубокой творческой удовлетворенности и радости. Все мы, его родные, друзья и коллеги, помним его удивительное, по-юношески приподнятое состояние, когда, вернувшись из очередной экспедиции, он показывал листы с новыми зарисовками, сопровождая показ интереснейшими комментариями. Но подобная радость часто сменялась периодами сомнений: некоторые зоологи, даже из числа его коллег по кафедре зоологии позвоночных биофака МГУ, с которой он был связан всю жизнь, считали, что он слишком много рисует, что это увлечение идет в ущерб его научной деятельности. С другой стороны, и в Союзе художников не все признавали его до конца «своим», несмотря на его постоянное участие в выставках анималистов. В.М. Смирин иногда слышал от коллег-художников упреки в недостаточной «образности» и излишней «зоологично-

сти» своих работ. В этой связи характерен такой эпизод из его «художественной» жизни. В 1988 г. в залах Биологического музея им. К.А. Тимирязева состоялась большая выставка московских анималистов, на которой работы Владимира Моисеевича вместе с несколькими скульптурами автора этих строк занимали хотя и небольшой, но отдельный зал. И вот в газете Союза художников появилась заметка, посвященная этой выставке. Ее автор подробно анализировал работы большинства участников выставки, включая совсем молодых художников, но не уделил ни одного слова работам В.М. Смирина, который в то время уже был членом Союза. Видимо, эти работы показались рецензенту слишком «зоологичными» и недостаточно «художественными». Впрочем, справедливости ради надо сказать, что далеко не все в Союзе художников разделяли подобную точку зрения. Работы В.М. Смирина всегда высоко ценили В.А. Ватагин, В.В. Трофимов и другие ведущие анималисты, а один из ветеранов Союза, заслуженный художник РСФСР Д.В. Горлов опубликовал в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (1977) небольшую, но очень теплую заметку о его творчестве, в которой особо отметил близость его художественного стиля тому направлению, которое развивал в нашем анималистическом искусстве один из его основателей В.А. Ватагин.

Сейчас, когда со дня трагической кончины В.М. Смирина прошло уже больше 10 лет, мы с полным основанием можем сказать, что результаты его работы в науке и искусстве прошли главное из возможных испытаний — испытание временем. Его научные труды были своевременно опубликованы, на кафедре зоологии позвоночных продолжают работать его ученики и последователи, а этологическое направление занимает в исследованиях кафедры достойное место, немалая заслуга в чем, безусловно, принадлежит В.М. Смирину. Не ослабевает интерес и к его художественным работам, имеющим большое научное зна-

чение, и в первую очередь это относится к огромному количеству зарисовок с натуры различных видов зверей. Уже после смерти Владимира Моисеевича в Биологическом музее им. К.А. Тимирязева дважды устраивались персональные выставки его произведений. В 1999 г. книга «Звери в природе» была переведена на английский язык и опубликована в Эдинбурге, а сейчас в Москве готовится повторное издание оригинальной версии этой книги. В 1994 г. по инициативе Национального Одюбоновского общества США в двух городах Аляски — Анкоридже и Фэрбенксе — состоялись выставки работ В.М. Смирина, вызвавшие живой интерес в местных биологических и художественных кругах. По материалам этих выставок американский журнал «Wildlife Art News» в 1995 г. напечатал заметку о творчестве Владимира Моисеевича под красноречивым заголовком «Российский Одюбон», что в устах американца является высшей похвалой художнику-анималисту. В этой заметке приводится высказывание руководителя Аляскинского отделения Одюбоновского общества Дэвида Клайна о том, что заслуги В.М. Смирина в изображении зверей России вполне сопоставимы с заслугами Одюбона и Питерсона в изображении птиц Северной Америки.

Однако главный труд последних лет жизни Владимира Моисеевича — атлас млекопитающих бывшего СССР — до сих пор остается не опубликованным в том виде, который соответствовал бы авторскому замыслу, хотя он успел закончить работу над 52 цветными таблицами с изображением большинства зверей фауны этого региона и большим количеством листов графических изображений характерных поз и выразительных движений многих видов. Правда, многие из этих цветных и штриховых рисунков были опубликованы в томе «Звери» в «Энциклопедии природы России», но, во-первых, в это издание не вошли изображения видов, обитающих в Закавказье и Центральной Азии, а во вторых (и это главное) указанная энциклопедия в

принципе не вполне соответствует замыслу Владимира Моисеевича. Атлас должен был стать цельной оригинальной работой, включающей и комментарии автора к рисункам, над которыми он уже начал работать. И все мы, ближайшее его окружение, от имени которых я пишу этот очерк, сейчас, когда В.М. Смирина уже нет, считаем, что лучшей данью памяти о нем было бы издание Атласа в том виде, до которого довел его сам Владимир Моисеевич.

И отдельный вопрос — это судьба всех тех многочисленных зарисовок зверей с натуры, о которых много говорилось выше. Ввиду исключительной научной ценности этих рисунков желательна скорейшая и как можно более полная их публикация в виде отдельных альбомов, а сами оригиналы должны, по нашему мнению, храниться как единое собрание, доступное специалистам и находящееся в условиях, обеспечивающих его полную сохранность, подобно богатейшим коллекциям анималистической живописи из фондов мировых естественно-исторических музеев.

Ю.М. Смирин

ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ СОКОЛОВ

1928–1998

Признанный лидер отечественной териологии последних десятилетий XX века, Владимир Евгеньевич Соколов родился 1 февраля 1928 г. в Москве. Мать будущего ученого Мария Ивановна Соколова (урожденная Лазарева) много внимания уделяла воспитанию маленького Володи, вела домашнее хозяйство. Отец Евгений Алексеевич Соколов, профессор зоологии Московского пушно-мехового института в Балашихе, прививал подросшему сыну интерес к далеким экспедициям и незабываемым охотничьим экскурсиям. Со многими своими будущими учителями Володя Соколов познакомился еще в школьные годы. Уже став маститым академиком, Владимир Евгеньевич всегда с благодарностью вспоминал первых наставников: П.А. Мантейфеля, С.А. Северцова, Б.А. Кузнецова и других. Особое место занимал в этом ряду С.И. Огнев, фотография которого всегда стояла в соколовском кабинете.

По окончании средней школы в Москве Володя Соколов поступил в 1945 г. на биолого-почвенный факультет МГУ. Пройдя специализацию по кафедре зоологии позвоночных, он после окончания университета (1950) поступил в аспирантуру «Пушмеха».

В 1951 г. Владимир Евгеньевич женился на подруге студенческих времен Светлане Михайловне Степановой. Их брак оказался удачным, выдержал все испытания временем. В 1959 г. у Соколовых родилась дочь Наталья. Даже специализируясь в различных областях биологии (Светлана Михайловна — профессиональный ботаник), супруги успешно дополняли исследования друг друга в ряде совместных экспедиций (например, в Эфиопии).

В 1952 г. Владимир Евгеньевич опубликовал свою первую научную работу «Млекопитающие острова Шпанберга (Курильские острова)», выполненную по материалам экспедиции на Дальний Восток.

Кандидатская диссертация на тему «Структура кожного покрова морских млекопитающих» была успешно защищена в 1953 г. Изучением кожных покровов животных, главным образом млекопитающих, Владимир Евгеньевич занимался на протяжении всего своего дальнейшего научного пути, создав школу учеников и последователей. Кожа и ее дериваты (волосы, железы и др.) рассматривались не только в морфологическом и сравнительно-анатомическом плане. Особое внимание уделялось экологическим и эволюционным проблемам, связанным со структурным и функциональным своеобразием кожных покровов различных млекопитающих. Был открыт ряд специфических адаптаций кожи у водных и наземных млекопитающих. Большое значение придавалось исследованию кожных желез, их типологии и функциональной роли.

После доклада В.Е. Соколова на XV Международном зоологическом конгрессе (Англия, 1958) значительно вырос его международный авторитет. Вершиной международного признания стал перевод на английский язык его фундаментальной сводки «Кожный покров млекопитающих» (1982). На русском книга вышла в 1973 г. и спустя два года была удостоена премии им. А.Н. Северцова.

Рядом с лидером всегда работали соратники и ученики — сначала в университете, куда В.Е. Соколов после короткого периода преподавания в Московском техническом институте рыбной промышленности (1953—1956) вернулся в 1956 г., позднее в академическом институте.

Университетская карьера Владимира Евгеньевича выглядит весьма впечатляюще: 1956 г. — ассистент, с 1957 г. — старший

преподаватель кафедры зоологии позвоночных, с 1960 г. — доцент. В 1964 г. была защищена докторская диссертация на тему «Экологическая морфология кожного покрова млекопитающих». В 1966 г. В.Е. Соколов утвержден в ученом звании профессора, а в 1982 г. он становится заведующим кафедрой зоологии и сравнительной анатомии позвоночных животных. На этом посту Владимир Евгеньевич проработал до последних дней своей жизни.

В МГУ В.Е. Соколов читал териологические спецкурсы, вел практические занятия, писал руководства и статьи, заведовал кафедрой и лабораторией при ней. В конце 50-х гг. он был одним из организаторов зональной практики студентов — зоологов и ботаников. Это совершенно уникальное мероприятие: настоящая экспедиционная поездка от стен биофака до Кавказских гор через основные природные зоны нашей страны, ставшая ежегодной. К сожалению, для студентов-зоологов «зоналка» закончилась в конце 60-х гг., в том числе в связи с большой загруженностью Владимира Евгеньевича на академическом поприще, заменить же его в университете как преподавателя-полевика оказалось некем.

В 1989 г. В.Е. Соколов принял активное участие в создании Экоцентра МГУ и стал его директором. Центр занимался переподготовкой и повышением квалификации преподавателей, стажеров и специалистов в области экологии, рационального природопользования, охраны природы. Экоцентром разрабатывались программы экологического образования и другие аналогичные проекты.

В 1967 г. Владимир Евгеньевич был назначен директором Института эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР. На базе старого Института морфологии животных В.Е. Соколов за сравнительно короткое время создал новый мощный биологический центр, специализирующийся в области зоологических и экологических исследований.

За три десятилетия директорства Владимира Евгеньевича в состав института вошло десять новых лабораторий, в основном биологического профиля, что побудило руководство даже немного изменить название института: с 1994 г. он стал называться Институтом проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. При институте были созданы новые полевые стационары: Утришская морская база (в основном для работы с дельфинами и другими морскими млекопитающими), экспериментальная база «Черноголовка», где в вольерных и клеточных условиях изучалось поведение целого ряда видов млекопитающих, в том числе редких и охраняемых видов (например, кабарги), Костромская таежная станция и другие. Особо следует отметить заслугу Владимира Евгеньевича в развитии радиоэкологических работ как на Южном Урале, так и в Чернобыле.

Многие зоологи любят путешествовать, работать в экзотических странах, но только В.Е. Соколову удалось создать комплексные, длительно работающие биологические экспедиции во Вьетнаме и Эфиопии, Монголии и Перу, а также в ряде других стран. В 1987 г. в институте было создано специальное тропическое отделение. Неудивительно, что при такой широте и интенсивности исследований значительно укрепился научный потенциал института.

Собственные исследования Владимира Евгеньевича в институте также чрезвычайно расширились по тематике. Кроме экологической морфологии кожных покровов млекопитающих, интенсифицируются работы по систематике этих животных. В качестве существенных результатов этого направления упомянем трехтомную сводку В.Е. Соколова «Систематика млекопитающих» (1973–1979) — первое полное описание на русском языке современной фауны млекопитающих мира, а также публикацию в 1984 г. пятиязычного словаря «Млекопитающие» и в 1990 г. — иллюстрированной энциклопедии «Млекопитающие» в серии

«Фауна мира». Вместе с соавторами Владимиру Евгеньевичу повезло открыть несколько новых видов грызунов (в частности, 3 вида мышовок), описать ряд новых форм других млекопитающих. Очень переживал он, что сенсационные находки новых крупных вьетнамских млекопитающих случились в 90-х гг. без участия отечественных зоологов.

По инициативе В.Е. Соколова была возобновлена серия «Млекопитающие Советского Союза» (в новой редакции «Млекопитающие России и сопредельных регионов»). Вместе с соавторами были выпущены тома, посвященные зайцеобразным, тушканчикам и мышовкам, усатым китам. Также с соавторами был опубликован ряд крупных сводок по суточным ритмам активности млекопитающих, по млекопитающим Монголии, зверям Кавказа, по биологии сибирской косули, домовой и курганчиковой мыши, а также по некоторым другим видам.

Своей личной заслугой Владимир Евгеньевич считал издание серии комплексных монографий «Виды фауны СССР». В 1979 г. в серийной обложке был опубликован первый том — «Зубр». В дальнейшем вышли книги о волке, косуле, серой крысе, домовой мыши, ондатре, рыжей и обыкновенной полевках, черноморской афалине, северному морскому котику, сайгаку и другие. То, что в серии доминируют млекопитающие, говорит не столько о личных пристрастиях (запланированный список видов был достаточно широк и включал как позвоночных, так и беспозвоночных животных), сколько об организаторском даре В.Е. Соколова.

Изучение кожи, кожных желез, их функций привело Владимира Евгеньевича к разработке нового научного направления — исследования хемокоммуникации у животных. В нашей стране он был безусловным лидером в этой области. Излюбленным объектом, как всегда, оставались млекопитающие. Язык запахов еще далеко не расшифрован, но начало этой большой работе было положено В.Е. Соколовым, его сотрудниками и учениками.

При изучении поведения млекопитающих он не ограничивался исследованием только хемокоммуникации. Были описаны сложные формы пищевого, брачного, родительского, группового и индивидуального поведения у десятков видов зверей, в том числе у редких и охраняемых видов.

Вопросы охраны отдельных видов животных и целых природных комплексов составляли существенную часть научных интересов Владимира Евгеньевича. И здесь ему удалось сплотить коллектив единомышленников, сказать свое слово в науке об охране природы. Для примера приведем монографию «Редкие и исчезающие животные. Млекопитающие» (1986), изданную с соавторами сводку «Экология заповедных территорий России» (1997), а также тома из серии «Заповедники СССР», при подготовке которого он выступал в качестве организатора, редактора и одного из авторов. При большом участии В.Е. Соколова издавались «Красные книги» нашей страны. Много сил он отдал созданию и воплощению в жизнь концепции биосферных заповедников, охране отдельных видов млекопитающих (например, лошади Пржевальского), подготовке Закона об охране животного мира и т.д.

Проблемами доместикации занимались в институте традиционно, здесь любимым объектом Владимира Евгеньевича были собаки, их происхождение, разнообразие пород, сохранение редких местных форм. К сожалению, задуманная им энциклопедия «Собаки мира» была выпущена его учениками уже после смерти Учителя.

Еще одно начинание В.Е. Соколова связано с его любовью к учителям, с интересом к трудам выдающихся предшественников. Вместе с группой сотрудников, куда вошел и автор этих строк, он задумывает серию книг «История отечественной териологии». Первый том — «У истоков отечественной териологии» — был опубликован в 1993 г. и быстро стал библиографической редкос-

тью. Незадолго до смерти Владимир Евгеньевич закончил правку рукописи второго тома, посвященного нашим териологам XIX в.

Нелегко перечислить все посты в государственных и общественных организациях, которые занимал этот неутомимый человек. Но его роль в создании Всесоюзного териологического общества (1973) трудно переоценить. Общество и его бессменный президент организовали I Международный териологический конгресс, который с большим успехом прошел в 1974 г. в Москве. С тех пор отечественная териология значительно укрепила свой авторитет на международной арене. А сколько за время президентства Владимира Евгеньевича было проведено при его непосредственном участии внутрисоюзных, а позднее российских съездов, конференций, совещаний по различным проблемам териологии! Небольшая пока, но яркая история териологического общества еще ждет своего историографа и хочется надеяться, что роль В.Е. Соколова будет объективно отражена.

Нечасто случается, что отечественные выдающиеся зоологи при жизни получают общественное признание. Судьба была благосклонна к В.Е. Соколову и в этом смысле. В 1970 г. его избрали членом-корреспондентом, а в 1974 г. — действительным членом АН СССР. В 1985 г. он стал академиком-секретарем Отделения общей биологии и членом Президиума АН СССР. Дважды Владимир Евгеньевич удостаивался Государственной премии, неоднократно награждался орденами и медалями нашей страны и ряда зарубежных государств. В.Е. Соколов получил немало именных научных премий и медалей (им. Северцова, Павловского, Мечникова, Пуркинье, Карпинского, Демидова). Многие зарубежные академии и научные общества избирали его своим почетным членом.

Если говорить о других, помимо науки, пристрастиях Владимира Евгеньевича, о его увлечениях, то еще многим памятны его достижения на волейбольной площадке, страсть к охоте, ору-

жию, собакам. Он любил фотографировать, позднее снимать видеофильмы. Собирал коллекцию анималистического искусства, любовно пополнял свою библиотеку. Увлекался Владимир Евгеньевич и различными механизмами, сам мог смастерить небольшой датчик. На даче подолгу возился с рассадой, цветами.

По рассказам близко знавших его людей любил петь, слушать музыку. В еде и питье был умерен. Души не чаял во внуке Жене.

Владимир Евгеньевич стоически, мужественно переносил поразившую его тяжелую болезнь, старался не обременять окружающих своими проблемами. Даже находясь в больнице, часто звонил в институт, интересуясь общим ходом работ и исследованиями отдельных сотрудников.

Умер Владимир Евгеньевич 19 апреля 1998 г., похоронен на Троекуровском кладбище Москвы. В 1998 г. создан благотворительный фонд поддержки науки им. академика В.Е. Соколова. Ряд учеников и соратников Владимира Евгеньевича уже стали лауреатами Соколовской премии. В 1999 г. на здании института (Ленинский проспект, 33) открыта мемориальная доска. Продолжают выходить книги и статьи, оставшиеся на момент его смерти в рукописях. При институте учреждена комиссия по научному наследию академика В.Е. Соколова.

Заслуги В.Е. Соколова в деле развития отечественной зоологии (особенно териологии), экологии и охраны природы настолько велики, что для будущих поколений отечественных териологов он останется легендой.

В.С. Шишкин

Âëàäèì èð Âãåí üåâè÷ Ñî êî ëî â — ëàóðåàò Äåì èäî âñêî é ï ðåì èè

Среди блестящего созвездия советских териологов звездой первой величины можно назвать академика Владимира Евгеньевича Соколова. В 1996 г. он стал одним из немногих биологов России XX столетия, удостоенных Демидовской премии.

Из истории Демидовских премий. В 1831 г. один из представителей известной уральской династии горнопромышленников — Павел Николаевич Демидов — учредил ежегодные премии, имевшие назначение «содействовать к преуспеянию наук, словесности и промышленности в своем отечестве». По оставленному завещанию после смерти учредителя (1840) деньги вносились в продолжение 25 лет. В Академию наук ежегодно поступало по 20000 рублей «на награды за лучшие по разным частям России сочинения в России». Полные премии составляли 5000 рублей ассигнациями и половинные 2500 рублей; были также суммы по 5000 рублей «на издание увенчанных академиею рукописных творений».

Согласно «Положению о наградах, учрежденных П.Н. Демидовым», присуждение их предоставлялось Академии наук «как первому ученому сословию в государстве».

Тридцать четвертое, последнее в XIX в., присуждение наград состоялось в 1865 г. За период с 1832 по 1865 г. Демидовская комиссия рассмотрела 903 работы и присудила 55 полных наград, 220 половинных премий, 127 работ отметила почетными отзывами.

В 1993 г. Демидовский фонд, объединивший крупных деятелей науки, культуры и предпринимательства и поставивший своей целью содействие экономическому и культурному возрождению России, восстановил традицию присуждения Демидовских премий, которые теперь имеют статус общенациональных неправительственных.

В 1996 г. по решению комитета по премиям Научного Демидовского фонда лауреатом за выдающиеся работы в области зоологии, изучения животного мира России и разработку принципов биосферных заповедников стал академик В.Е. Соколов.

В представлении к званию лауреата Демидовской премии было указано, что «Академик Владимир Евгеньевич Соколов — крупный ученый в области экологии, систематики и фаунистики млекопитающих, их поведения и хемокоммуникации. В последние годы его исследования связаны с проблемами экологии и охраны природы, и в частности, сохранения биоразнообразия».

Из интервью Демидовского лауреата академика В.Е. Соколова газете «Наука Урала» (1997), которое получило название «Мир животных по академику Соколову»:

«Отец мой был сотрудником Пушно-мехового института в Подмосковье, в Балашихе. В войну институт эвакуировали в Самарканд. Здесь мне довелось близко общаться с профессорами П.А. Мантейфелем и Б.А. Кузнецовым, вместе с ними я ходил по окрестностям, знакомился с местной живностью. Они стали моими первыми учителями. Это были неординарные люди. П.А. Мантейфель, происходивший из известной немецкой фамилии, имел незаурядную внешность — мужчина мощного телосложения с носом крючком, напоминающий средневекового немецкого рыцаря. Он основал кружок юных биологов Московского зоопарка, воспитал целую плеяду известных зоологов. Его сын и внук также стали зоологами, они заведуют лабораториями в нашем институте. Б.А. Кузнецов занимался морфологией кожи животных. Во многом ему я обязан интересом к проблеме адаптации кожного покрова млекопитающих к условиям среды. А в университете я учился у профессора С.И. Огнева, известного систематика, основателя московской школы териологии — раздела зоологии, изучающего млекопитающих».

Во время вручения Демидовских премий, которое проходило в оперном театре, в необычайно торжественной обстановке 27 января 1997 г. в Екатеринбурге, мне как председателю экспертной комиссии по биологии Комитета по Демидовским премиям выпала большая честь представить собранию лауреата Демидовской премии под № 70 В.Е. Соколова. Я очень волновался, потому что с Владимиром Евгеньевичем нас связывала давняя научная и личная дружба и мне очень хотелось в своем выступлении, которое было достаточно коротким, рассказать об этом выдающемся биологе.

Прежде всего, я сказал следующее: — «Кто же из русских биологов был удостоен Демидовской премии? В 1841 г. полную Демидовскую премию получили два естествоиспытателя-ботаника: Александр Филиппович Постальс и Франс Иванович Рупрехт. В 1857 г. премию получил Николай Степанович Турчанинов, очень известный русский ботаник-самоучка, и в 1859 г. — К.И. Максимович. Всех этих ученых отличала одна черта — это были страстные путешественники, которые объехали громадные территории России, зачастую побывали в самых малодоступных местах, например, на Камчатке, Тянь-Шане, в северных районах Урала, бывали в зарубежных экспедициях, кругосветных путешествиях и везде собирали громадный материал, положивший начало многим крупным коллекциям. Например, Н.С. Турчанинов передал Харьковскому университету громадный (52000 листов), определенный им самим и монтированный гербарий.

В.Е. Соколова отличала та же черта — он был страстным путешественником. Экспедиции с его участием прошли по самым различным районам нашей страны. Он организовывал многочисленные экспедиции в африканские страны, во многие страны Южной Америки, во Вьетнам. Стремление побывать в самых различных районах земного шара — это отличительная черта Владимира Евгеньевича. Со своими сотрудниками он де-

лил все тяготы экспедиционной жизни и, так же как его предшественники — лауреаты Демидовской премии, собирал во время экспедиций громадные коллекции, ставшие национальным достоянием нашей страны. Владимир Евгеньевич Соколов открыл ряд новых видов млекопитающих, что в нынешних условиях изученности фауны мира само по себе является научным подвигом и мечтой любого исследователя, любого зоолога, и очень немногим удается это сделать».

Я думаю, что нет, наверное, сейчас такого зоолога в нашей стране, которому бы не был знаком фундаментальный труд Владимира Евгеньевича «Систематика млекопитающих». Это три тома: первый из них вышел в 1973 г., второй — в 1977 г. и третий, завершающий — в 1979 г. Это уникальное издание, которое содержит все известные в мировой зоологической литературе сведения по систематике млекопитающих. Несмотря на то что этот труд был предназначен в основном для студентов, он стал настольной книгой для всех териологов, в течение многих лет изучавших млекопитающих, потому что в нашей отечественной литературе ничего подобного не было. В основу этого 3-томника был положен курс лекций, который читался автором в Московском государственном университете. В течение многих лет, читая курс териологии в Уральском государственном университете им. А.М. Горького, я прекрасно видел, как изменились возможности у преподавателей и студентов после того, как мы смогли использовать книгу Владимира Евгеньевича для этого курса, и как возрос интерес студентов именно к зоологии.

Академик В.Е. Соколов — один из основоположников гидробионики. Вместе с коллегами он открыл «свойство кожи китообразных активно регулировать гидродинамическое сопротивление плаванию», зарегистрированное в Государственном реестре открытий в 1982 г.

Из интервью академика В.Е. Соколова газете «Наука Урала»: «Действительно, пока можно говорить о гипотезе, поскольку причины быстрого плавания этих морских животных до конца не разгаданы. По-видимому, они связаны со структурой их кожного покрова, с общими контурами тела. В этих исследованиях очень заинтересованы корабелы, поскольку даже небольшая надбавка скорости дает значительную экономию топлива, значит, и экономический эффект.

Совместно с учеными Московского университета мы занимались изучением высшей нервной деятельности дельфинов. Конечно, расхожие представления о том, что дельфины — это дубликаты человека, приматы моря, оказались сильно преувеличенными, хотя это высокоорганизованные животные, занимающие промежуточное положение между собаками и высшими обезьянами. В нашем институте было сделано открытие относительно уникального сна дельфинов в воде. Они спят лишь одним полушарием, другая же бодрствует, поскольку дельфину нужно всплывать, чтобы набрать воздух. Совместно с Акустическим институтом мы проводили очень интересные работы по эхолокации — дельфины обладают уникальной способностью лоцировать на огромном расстоянии. Лоцирующие аппараты, созданные человеком, представляют собой сложнейшие технические системы, дельфин же обходится объемом собственного мозга. В течение нескольких лет ученые нашего института работали на Амазонке, в Перу, где изучали речных дельфинов».

Еще один очень важный раздел его исследований — это изучение хемокоммуникации, расшифровка химического языка животных, прежде всего млекопитающих. «Изучением специфических кожных желез, вырабатывающих феромоны — химические вещества, уникальные для каждой особи и оказывающие влияние на поведение других особей вида, мы занимаемся более пятнадцати лет. Кожные железы в некоторых местах образуют

скопления — у антилоп, например, это карман под глазом, а также между пальцами, — и эти комплексы желез продуцируют секрет, оставляющий пахучий след. Выявить химическую структуру феромона — трудная задача, требующая сложных химических приборов. Зато открываются очень заманчивые перспективы решения теоретических и прикладных задач. В теоретическом плане — это прежде всего появление объективных критериев построения систематики млекопитающих. Раньше описание животных того или иного вида осуществлялось на основе индивидуального восприятия — хвост такой-то длины, шерсть такого-то цвета. Другое дело — знать, что для кролика характерна одна структура феромона, для зайца — другая, для дикобраза — третья и так далее. Так что химия вносит в этот вопрос определенность».

Исключительно велика роль В.Е. Соколова в развитии териологии в нашей стране не только как ученого, но и как организатора Всесоюзного Териологического общества, созданного по инициативе московских териологов. В июне 1972 г. было принято постановление президиума АН СССР об организации общества, а в январе 1973 г. в Москве состоялся учредительный съезд. Съезд установил структуру общества и избрал его руководящие органы. Президентом ВТО стал академик В.Е. Соколов.

Уже на этом съезде Владимир Евгеньевич выдвинул идею организации международных териологических конгрессов. Первый конгресс был созван в 1974 г. в Москве на базе ВТО. Его решением был создан Международный териологический совет, который с 1976 г. на правах секции териологии (маммалогии) включен в состав Международного союза биологических наук (МСБН). Этот орган был инициатором и организатором международных конгрессов, которые состоялись в Чехословакии (Брно, 1978), Финляндии (Хельсинки, 1982), Канаде (Эдмон-

тон, 1985), Италии (Рим, 1989), Австралии (1993), Мексике (1997). Конгресс в Австралии был последним, в работе которого участвовал В.Е. Соколов.

Деятельность Владимира Евгеньевича высоко оценена современниками. Он был дважды лауреат Государственной премии СССР. В 1990 г. премия была присуждена группе териологов за комплексное исследование млекопитающих «Систематика, экология, охрана». Среди награжденных этой премией наряду с В.Е. Соколовым были его ближайшие коллеги-териологи. Демидовская премия, международная премия им. А.П. Карпинского, премия РАН им. А.Н. Северцова дополняют ряд его наград.

В.Е. Соколов награжден орденами и медалями СССР, орденом «За мужество» за участие в работах по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. Ему присуждены также золотые медали им. Е.Н. Павловского и И.И. Мечникова. В.Е. Соколов был избран действительным членом Российской академии сельскохозяйственных наук, нескольких зарубежных академий.

После вручения Демидовской премии лауреат выступил на научном собрании сотрудников Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН с докладом о статусе и роли биосферных заповедников.

Уже тогда, во время торжеств, нам, близко знавшим Владимира Евгеньевича, было видно, что он болен, хотя он и держался так, чтобы никто об этом не мог догадаться. 19 апреля 1998 года он скончался после продолжительной и тяжелой болезни.

В заключение приведу слова из некролога, написанного учениками и ближайшими коллегами В.Е. Соколова (1998): «Он был человеком широкого научного кругозора, постоянно следил за тенденциями развития науки, с энтузиазмом искал новые пути решения сложных задач. Именно таким — увлеченным и знающим, опытным и мудрым, справедливым и добрым Учителем и

старшим товарищем, щедро отдающим свои знания, силы и тепло всей своей души, остался в нашей памяти Владимир Евгеньевич Соколов.

Велика тяжесть невосполнимой потери, долго мы будем ощущать огромную утрату, работая над научным наследием Владимира Евгеньевича, читая его труды, следуя заложенным им традициям. Велик его вклад в биологию — дело всей его яркой и полной жизни!»

В.Н. Большаков

*****

ВОЛЬДЕМАР ГЕНРИХОВИЧ СТАХРОВСКИЙ

1897–1945

В 1997 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Вольдемара Генриховича Стахровского — одного из первых выдающихся специалистов охотничьего хозяйства, деятеля охотоведческой науки нашей страны послереволюционного периода.

Вольдемар Генрихович окончил мужскую гимназию в Гомеле. Он с юности обнаруживал большой интерес к животным. В 1917—1918 гг. В.Г. Стахровский учился в Московском университете, а затем перешел на лесной факультет Петровской сельскохозяйственной академии. С 1923 г. он стал научным сотрудником биологической станции, входившей в состав Центральной лесной опытной станции Петровской академии Наркомзема РСФСР.

На Центральной биологической охотничье-промысловой станции, как она стала именоваться позднее, под руководством профессора Б.М. Житкова к 30-м годам сложился коллектив известных ученых, тесно связанных как с академической наукой, так и с производственно-заготовительными организациями — Управлением лесного хозяйства Наркомзема, Союзпушниной, Всекоохотсоюзом и др. Профессор Н.П. Наумов (1973) писал: «Основным помощником Б.М. Житкова по кафедре биологии лесных зверей и птиц Лосиноостровской станции был его ассистент Вольдемар Генрихович Стахровский — охотовед-энтузиаст, пионер дичеразведения, страстный поборник рационального охотничьего хозяйства и талантливый натуралист-исследователь».

В 1932 г. биостанция была передана в состав вновь организованного института пушно-мехового и охотничьего хозяйства

(ВНИПО), куда вошли и все региональные станции. С разделом ВНИПО в 1935 г. биостанция стала самостоятельной Центральной научно-исследовательской лабораторией биологии и техники охотпромысла с зональными станциями. В ней В.Г. Стахровский работал до 1937 г.

Круг научных интересов Вольдемара Генриховича был довольно обширным. Наиболее значимой его работой в научном и практическом плане была Северная методологическая охотустроительная экспедиция (СМОЭ), проведенная впервые в Верхне-Вычегодском районе республики Коми. Вольдемар Генрихович руководил ею совместно с известным ученым-охотоведом С.В. Лобачевым. Обширные, убедительно обоснованные материалы Верхне-Вычегодской экспедиции были апробированы в Нарымском крае и опубликованы в 1932 г. В дальнейшем методические разработки СМОЭ были широко признаны и служили методической базой в большинстве работ при охотэкономических обследованиях территорий, при устройстве, типологии и бонитировке охотугодий в Российской Федерации.

При учетных работах В.Г. Стахровский рекомендовал рассчитывать количество встреченных животных и следов их деятельности в среднем на определенную площадь или десятикилометровый отрезок линии хода. Все эти показатели предлагались для расчетов как на общую площадь угодий, так и на территорию, свойственную данному виду животных. Такой подход позволял давать оценку продуктивности различных охотугодий, сравнивать отдельные угодья и хозяйства, разрабатывать мероприятия по более рациональной эксплуатации ресурсов.

Введение в практику охотоведения этих показателей подразумевало широкое использование достоверных сведений по численности диких зверей и птиц. Поэтому ряд работ В.Г. Стахровского посвящен вопросам методики учета охотничье-промысловых животных. Изучал он также биологию зайца-беляка, белки

и ряда птиц. Занимаясь продуктивностью охотничьих угодий, Вольдемар Генрихович анализировал зарубежный опыт: дичеразведение, посадка защитных и кормовых растений, таких, как маньчжурский дикий рис, топинамбур, люпин, внедряя все это в практику охотничьих хозяйств.

Полный список печатных работ В.Г. Стахровского, к сожалению, отсутствует. Имеющийся перечень (Библиография научных работ ВНИИОЗ, Киров, 1977) охватывает лишь шестилетний период с 1927 по 1932 г. Он содержит 26 работ научного и научно-прикладного характера.

Значительную часть трудовой деятельности Вольдемара Генриховича составило преподавание. Его педагогическая работа началась еще в 20-е годы на Московских курсах охотоведения Всекоохотсоюза, подготовивших первых охотоведов, многие из которых стали известными специалистами (Н.И. Благовещенский, В.Д. Денисов, В.В. Дмитриев, В.П. Зиссер, М.К. Калашников, С.А. Караев, В.В. Лампрехт, А.А. Погудин, В.В. Тимофеев и др.). Вместе с Н.П. Наумовым и М.А. Сергеевым В.Г. Стахровский входил в правление этих курсов.

Одновременно с работой на биостанции Вольдемар Генрихович с 1923 по 1930 г. преподавал в Московском лесном техникуме, где читал курсы «Зоология», «Биология пушных зверей и птиц», «Охотоведение» для будущих специалистов лесного хозяйства.

Систематическая в масштабах страны подготовка охотоведов высшей квалификации началась в 1929 г. в Московском зоотехническом институте пушно-мехового хозяйства Наркомвнешторга. Позднее он был переименован в Московский пушно-меховой институт. Здесь с 1930 по 1941 г. на факультете «Охотоведение и звероводство» Вольдемар Генрихович читал курсы «Лесное хозяйство» и «Охотничья таксация», вел практические занятия со студентами.

В 1935 г. В.Г. Стахровскому было присвоено звание доцента.

Позднее Вольдемар Генрихович заведовал Лосиноостровским учебным охотхозяйством института.

В тридцатые годы он длительное время был консультантом в лесопарковом отделе Моссовета по вопросам охраны и разведения животных в парках и на пригородных территориях, всегда активно сотрудничал с общественными охотничьими организациями (Всекоохотсоюзом, Военно-охотничьим обществом). Опытный преподаватель, Вольдемар Генрихович часто читал лекции на курсах работников охотничьих и заготовительных организаций. Он постоянно публиковал статьи в журналах «Охотник», «Охотник и пушник Сибири», «Боец-охотник». Нередко посещал охотничьи хозяйства, где проводились исследования и опытные работы, особенно Завидовское хозяйство.

Вместе с А.Ф. Чирковой и Д.М. Вяжлинским Вольдемар Генрихович в двадцатые годы состоял членом совета Всероссийского общества охраны природы. Он активно участвовал и в деятельности биологической станции юных натуралистов (БЮН) в Сокольниках, юннаты под его руководством вели наблюдения за охотничьими животными в вольере-парке и в угодьях лесничества.

Поначалу жизнь Вольдемара Генриховича складывалась счастливо. Отец Генрих Карлович, уроженец местечка Старосельцы близ Белостока, обрусевший поляк, после военной службы обосновался в Гомеле, стал железнодорожником: около 40 лет работал слесарем, помощником машиниста и машинистом в гомельском депо. Жена его Мария Августовна происходила из тех же мест, была немкой. У Стахровских было шестеро детей: Софья, Ирма, Адольф, Георгий, Вольдемар и Рудольф. Родители исповедовали католическую веру, в семье говорили по-немецки, и дети знали немецкий язык так же хорошо, как русский и белорусский. Крепкие устои семьи, ее высокий нравственный

уровень, трудолюбие сыновья и дочери Стахровских пронесли через всю жизнь.

В 1921 г. Вольдемар Генрихович женился на Нине Яковлевне Догель, имеющей белорусское происхождение. У них было двое детей — Евгений и Наталья. Брак был надежным и благополучным. Нина Яковлевна отличалась добрым характером. Она создавала ту атмосферу радушия, которой славился дом Стахровских. В семье соблюдались патриархальные культурные традиции. Вольдемар Генрихович регулярно поздравлял с памятными днями своих многочисленных родственников, посильно помогал им.

В.Г. Стахровский жил вместе со своей семьей на самой окраине Москвы, в Сокольническом районе на Лосиноостровской улице, рядом с лесом в том самом доме №3, где располагалась житковская лаборатория. Половину этого просторного двухэтажного деревянного строения, ранее служившего дачей купца Буланова, занимало служебное помещение, а во второй половине располагались квартиры сотрудников. Житковцы общались не только в служебное время, но и в часы досуга, играли вместе в волейбол. У Вольдемара Генриховича было много друзей. Особенно теплые отношения, многолетняя дружба поддерживались с Н.П. Наумовым и Д.М. Вяжлинским. Частым гостем был А.Н. Формозов. Тяготели к Стахровским Т.Н. Барановская и А.Ф. Чиркова. Друзья звали Вольдемара Генриховича Волей. Постоянно у Стахровских кто-то останавливался или ночевал из приезжих. Среди привечаемых были егеря, лесники, охотники, студенты-охотоведы, сотрудники зональных станций.

Вольдемара Генриховича очень любили студенты, тянулись к нему и дети. Мальчишки ближайшей округи норовили увязаться с ним в лес. Он мастерски подражал голосам зверей и птиц, и они просили: «Посвисти зябликом», «Позови-ка горихвостку». И когда птицы подлетали почти вплотную, это каза-

лось фокусом. Вольдемар Генрихович до чудачества бережно относился к природе. Он не разрешал, например, собирать в лесу цветы даже собственной дочери.

В квартире Стахровских держали певчих птиц, на веранде содержались белки и постоянно жили собаки, кошки. Стены были увешаны чучелами и рогами. Главная же ценность — обширная библиотека, включавшая не только биологические, охотоведческие книги, но и классиков мировой литературы. Имелось много книг на немецком языке. Библиотекой Стахровских часто пользовались сотрудники лаборатории Житкова.

Приходилось не раз слышать рассказы о Вольдемаре Генриховиче из уст охотоведов и ученых старшего поколения: Д.Н. Данилова, И.Д. Кириса, А.М. Колосова, Б.А. Кузнецова, Н.П. Лаврова, П.А. Мантейфеля, Н.П. Наумова. Все они высоко оценивали его деятельность, с теплотой рассказывали об этом человеке, отмечали его внимательность и доброжелательность к людям.

Несмотря на прекрасные деловые качества, Вольдемар Генрихович отличался отсутствием всяких амбиций и тщеславия, на нем, как говорят, «кто хотел, тот и ехал». Был непритязателен в одежде. Любил косоворотку и кожаные сапоги. На лекции ездил при галстуке, но возвращался каждый раз без него. Удивлял неприхотливостью в еде: любимое кушанье — картошка с кислым молоком. Был доверчив к людям. Не мог отказать просящим взаймы и, случалось, раздавал им всю зарплату. Его теща Стефанида Викентьевна, не чаявшая души в зяте и любившая его больше собственного сына, говорила сокрушенно: «Все несут в дом, а Воля — из дома». Однако не пил и не курил. Не любил сидячую работу, был очень подвижен. Увлекался охотой, имел отличное дробовое ружье с третьим нарезным стволом.

В 1927 г. случилось несчастье: жена Нина Яковлевна заболела открытой формой туберкулеза, и через несколько лет ее не

стало. Прожив два года вдовцом, Вольдемар Генрихович женился вторично — на Екатерине Алексеевне Мальцевой, работавшей лаборантом в лаборатории Житкова. Однако брак оказался неудачным и по прошествии четырех лет распался.

Машина сталинских репрессий изломала жизнь не только В.Г. Стахровскому, но и его родне. Брата Георгия арестовали и, объявив польским шпионом, расстреляли. После этого сестру Ирму сослали в Среднюю Азию, а Вольдемару Стахровскому запретили работать заместителем профессора Б.М. Житкова в лаборатории и оставили лишь в должности заведующего охотничьим хозяйством. С началом войны В.Г. Стахровский был сослан без права переписки.

Он стал жертвой коварного предательства, как это ни дико звучит, собственной бывшей супруги Екатерины Алексеевны. Она написала в 1941 г. тайный донос, в котором сообщала, что ее муж — «немец» и у него хранятся немецкие книги. Этого было достаточно, чтобы органы НКВД обрушились на совершенно невинного человека и подвергли репрессиям его детей от первого брака как потомков «гражданина немецкой национальности». Женю и Наташу, приехавших в Свердловск, некоторое время опекал с риском для себя заведующий Уральской зональной биостанцией, славный человек Г.И. Демидов. Он им разрешал ночевать в помещении биостанции. Но кто-то донес и началось разбирательство; их допрашивали сменяющиеся следователи, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не случай.

На улице к плачущей Наташе подошел незнакомый парень, и она чистосердечно рассказала ему о своем горе. Парень оказался шофером полковника НКВД, и тот принял Наташу, выслушал и сказал: «Я помогу тебе, девочка». Допросы прекратились. Наташу оставили в Свердловске, а Евгения сослали в Туринск, где он находился под надзором и каждые 10 дней ходил отмечаться в КГБ вплоть до 1954 г. Евгений Стахровский по-

шел по стопам отца: работал в охотничьем хозяйстве, стал кандидатом наук и много лет заведовал лабораторией экономики и организации во ВНИИОЗе. Охотоведом сделался и Рудольф — младший брат Вольдемара Генриховича. Он работал на Шантарских островах, в Мурманской и Брянской областях.

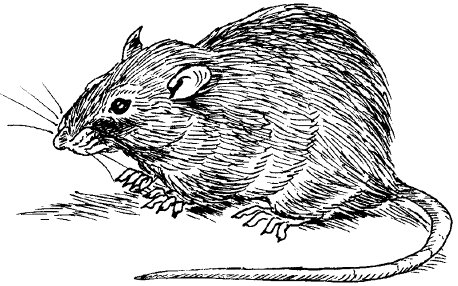
Вернемся к судьбе Вольдемара Генриховича. Его отправили в лагерь, расположенный в поселке Пелым на Северном Урале. Этот «медвежий угол» служил местом ссылки и в дореволюционное время. В Пелымских краях Вольдемар Генрихович работал на заготовках леса. Зимой 1945 г. заболел воспалением легких. Без необходимых лекарств и доброго участия родных силы его таяли с каждым днем, он горел в пламени лихорадочного жара. Скончался Вольдемар Генрихович 18 февраля 1945 г. Сообщил о его смерти товарищ по несчастью, ссыльный Е.П. Поль. Он писал: «Вольдемар Генрихович оставил после себя светлую память среди всех нас, живших с ним, своей отзывчивостью, добротой, человечностью в высоком смысле слова. Пишущий эти строки познакомился с Вольдемаром Генриховичем в Караганде и с 1942 г. испытывал на себе влияние его благородного и великодушного характера. Мир праху его».

Так трагически, в расцвете сил оборвалась жизнь этого незаурядного человека. Спустя 50 лет, в 1992 г., В.Г. Стахровский посмертно был реабилитирован.

С.А. Корытин

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ СУДЕЙКИН

1916–1987



Морозным ноябрьским днем 1987 г. московские зоологи и дезинфекционисты проводили в последний путь Владимира Алексеевича Судейкина. Из жизни ушел ученый и практик, с именем которого неразрывно связан разносторонний поиск нового в экологии синантропных грызунов и практический вклад в медицинскую зоологию. Это был многогранный исследователь, талантливый организатор и руководитель большого отряда дератизаторов-практиков.

Владимир Алексеевич родился 15 мая 1916 г. в городе Воскресенске Звенигородского уезда Московской губернии в семье разночинца. Володя был единственным ребенком у родителей. Отец Алексей Михайлович работал фельдшером. Мать Елена Сергеевна, мещанка по происхождению, была домохозяйкой. Родители жили в семье деда Михаила Леонидовича, который трудился зубным техником. В 1919 г. он скончался, а спустя три года, в 1922 г., семья переехала в Москву. Алексей Михайлович вначале работал фельдшером страннoприимного дома им. Ф.М. Достоевского, а затем стал фармацевтом одной из московских аптек. Родители много внимания уделяли воспитанию сына, стремились привить ему любовь к чтению. В доме была библиотека, которая постоянно пополнялась, благодаря знакомству отца с известным отечественным издателем И.Д. Сытиным. Среди книг были и природоведческие: «Жизнь животных» А. Брэма, «Родная природа» Д.Н. Кайгородова, «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые» (книга 1 «Легавые») Л.П. Сабанеева и другие. Возможно, что какая-то из них и зародила в душе мальчика тягу к природе. Дальнейшими толчками в этом направлении стали частые посещения зоопарка, который находился сравнительно

недалеко от дома. Володя стал собирать кладки яиц из птичьих гнезд, а также коллекцию насекомых. В день 15-летия отец подарил ему ружье — «тулку». С тех пор и на долгие годы Владимир Алексеевич стал страстным охотником. Любовь к природе он пронес через всю свою жизнь.

В 1924 г. Володя поступил в школу-семилетку и окончил ее в 1931 г. Осенью того же года он начал работать в Биологическом музее им. К.А. Тимирязева. Вначале учеником, а затем помощником лаборанта физического отдела.

В 1932 г. Владимир Алексеевич стал студентом рабфака Всесоюзного зоотехнического института пушно-мехового хозяйства. В 1934 г., окончив рабфак, он поступил на звероводческий факультет того же института, который впоследствии был переименован в Московский зоотехнический. Учеба в институте была для Владимира Алексеевича дорогой к любимому делу, в котором важное место занимала исследовательская работа. Поэтому еще студентом он активно стал заниматься научным поиском. Уже в 1935 г. в бюллетене студенческого научного звероводческого кружка появилась его статья «Млекопитающие окрестностей института». В 1936 г. Владимир Алексеевич по заданию кафедры зоологии обследовал реки и озера в Рязанском районе Московской области. На основе полученных здесь данных он подготовил обзор под названием «Материал по фаунистике Мещерского края», в котором дал геоботаническую характеристику и краткий очерк промысловой фауны района. Сегодня, по прошествии более шести десятилетий, обе названные его работы не потеряли научного значения.

В 1937 г. Владимир Алексеевич под руководством научного сотрудника Обдорской зональной промысловой биостанции Всесоюзного арктического института В.Э. Куна по заданию Главсевморпути проводил кольцевание песцов на Ямале. Маршрут проходил по территории Приуральского района Ямало-Ненец-

кого округа от поселка Щучье в срединной части основания полуострова на запад, в сторону полярного Урала до фактории Лаборовая. Отсюда они направились на север к фактории Яры, находившейся на побережье Байдарацкой губы. Однако они были вынуждены вернуться назад через Лаборовую в Щучье, а затем в Салехард. В общей сложности на лошадях, оленях и пешком они преодолели по тундре более 1000 км. Осенью того же года Владимир Алексеевич вернулся в Щучье, а оттуда направился в факторию Яроно. Здесь он занимался постройкой кормушки-ловушки для песцов. Во время этой поездки Владимир Алексеевич на оленях проехал 1600 км. Так проходили его студенческие годы.

В 1938 г. он окончил институт и сразу был зачислен на должность старшего лаборанта кафедры геоботаники того же вуза. Через год Владимир Алексеевич поступил в аспирантуру. Его учеба была прервана начавшейся войной. За неполный аспирантский срок он сумел подготовить рукопись «Определитель кормовых растений боровой дичи».

С первых дней войны Владимир Алексеевич находился в действующей армии. Он был солдатом истребительного батальона НКВД. В 1941 г. его отзывают с фронта и направляют в Самарканд слушателем Военно-ветеринарной академии РККА. В 1943—1945 гг. он вновь в действующей армии. Будучи старшим ветеринарным врачом в различных армейских подразделениях, Владимир Алексеевич принимал участие в боях на трех фронтах — Калининском, Втором Прибалтийском и Первом Белорусском. За боевые заслуги он был награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной звезды, а также многими медалями, в том числе «За оборону Москвы» и «За взятие Берлина». Войну Владимир Алексеевич закончил в Берлине в звании майора ветеринарной службы.

После войны до 1948 г. Владимир Алексеевич служил в Берлине. Он работал на разных должностях в Советской воен-

ной администрации в Германии. Вначале был старшим ветеринарным врачом, затем биологом базовой лаборатории санэпидотряда, старшим ветврачом Управления сельского хозяйства и лесоводства. Наконец, с 1948 г. он был инженером по экспорту Управления внешней торговли. Летом 1948 г. последовал неожиданный арест. По ложному обвинению В.А. Судейкин был репрессирован и провел долгих 7 лет в ряде исправительно-трудовых лагерей Красноярского края на севере нашей страны. В 1955 г. он был реабилитирован и вернулся в Москву.

Пройти кошмар сталинских лагерей и сразу спокойно продолжить нормальную человеческую жизнь вряд ли возможно. Обрести душевное равновесие в такой обстановке ему помогли руководитель краеведческого кружка Дома пионеров Б.Л. Беклешов и его директор Б.П. Гальковский. Благодаря им летом 1955 г. Владимир Алексеевич стал руководителем группы Мещерской экспедиции Дома пионеров. Возглавляемые им группы ребят прошли по маршруту Москва — Владимир — Гусь-Хрустальный — Ковров — Вязники — Горький. Был выполнен большой объем юннатской работы. Ее итоги были переданы через АН СССР в Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР.

В 1955 г. Владимир Алексеевич поступил на работу в Московскую городскую дезинфекционную станцию, в различных учреждениях которой он трудился почти 30 лет — до 1985 г. С 1969 г. и до ухода на пенсию он был заведующим зоологическим отделом центральной контрольно-исследовательской лаборатории дезстанции.

Возвращаясь к истоку деятельности В.А. Судейкина на дезинфекционной станции, отметим, что здесь сравнительно быстро проявилась его творческая натура и тяга к научной работе. Уже в 1957 г. он возглавил группу сотрудников отделений дезстанции, которая в течение четырех лет занималась качественной оценкой дератизационных участков города. Промежуточ-

ные итоги работы были представлены в сообщении «Опыт бонитировки городских дератизационных участков».

На рубеже 1950—1960-х годов у Владимира Алексеевича созрела идея разработки новой темы — «Город как среда обитания серых крыс». Ее осуществление позволяло определить основные сильные и слабые стороны популяции этого вида грызунов и начать планомерное наступление на их поселения. Работа была долгосрочной, и Владимир Алексеевич трудился над ней постоянно многие годы.

Часто одно исследование, даже незаконченное, рождает тему нового. Эта особенность научного творчества отмечалась и у В.А. Судейкина. Так, «Бонитировка дератизационных участков» послужила основой темы «Город как среда обитания серых крыс», а последняя, в свою очередь, генерировала идею более масштабных и целенаправленных исследований. Со временем на этой основе была сформулирована тема кандидатской диссертации — «Серая крыса и борьба с ней в большом городе», а материал первых исследований стал основой двух ее глав. Целью работы было детальное изучение экологии пасюка для усовершенствования истребительных мероприятий. Так завершилось формирование стойкого научного интереса Владимира Алексеевича к этому виду грызунов. По времени оно относится к началу 1960-х годов. В названный период значительно увеличилась площадь Москвы и проблема борьбы с серой крысой стала чрезвычайно актуальной. В этой ситуации необходимость задуманного Владимиром Алексеевичем исследования стала диктоваться требованиями деятельности дезстанции. Так его научный интерес оказался теснейшим образом связанным с запросами практики. Это отличало всю деятельность Владимира Алексеевича в Московской дезинфекционной станции.

Первой работой нового цикла его исследований стало изучение миграции серых крыс в условиях большого города. Оно про-

водилось в 1961—1963 гг. и охватывало разные участки старой и новой Москвы. Совместно с Владимиром Алексеевичем работой руководил эпидемиолог Военно-Морского Флота СССР В.П. Харламов.

Исследования проводились в целях получения оценки роли серых крыс как резервуаров возбудителей различных заболеваний и определения стратегии и тактики истребительных работ. В исследованиях был использован метод радиоактивной маркировки пасюков. Была установлена значительная миграционная активность крыс. В условиях Москвы до 56 % зверьков круглогодично перемещаются из одного объекта в другой. Эти данные послужили биологическим обоснованием нового тактического приема в истребительных работах. Организационная форма нового тактического приема впоследствии получила название «учетно-истребительных работ (УИР) против серых крыс» и широко используется в деятельности дезстанции и в настоящее время.

Вторым этапом в цикле исследований В.А. Судейкина по серой крысе в большом городе стала серия методических работ, которые он выполнил в 1966—1968 гг. Так, в 1966 г. им разрабатывалась, а в 1967—1968 гг. проходила испытание методика планирования истребления крыс на больших площадях в естественных условиях. В те же годы он разрабатывал формы организации и методы дератизации в стойко заселенных, периодически заселяемых и свободных от грызунов объектах Москвы. После выполнения комплекса методических работ Владимир Алексеевич пришел к твердому убеждению, что одним из основных практических выходов прикладных исследований любого уровня должны быть именно методические разработки. Он неоднократно утверждал, что для исследователя это своеобразный рычаг четкости научного анализа, а для практика — это организационный стержень его работ. Впоследствии из-под его пера вышла еще не одна разработка методического характера.

Кроме методических работ, которые были определяющими, в эти же годы Владимир Алексеевич изучал размещение объектов, заселенных крысами по территории Москвы, численность пасюков в городских районах и сельских населенных пунктах столицы, влияние истребительных работ на возрастной состав популяции.

Полноценное изучение серых крыс в условиях большого города невозможно без отслеживания динамики их санитарного, эпидемиологического и экономического значения. Владимир Алексеевич прекрасно сознавал это и в течение нескольких лет вел сбор такого материала. Результаты этих наблюдений он неоднократно докладывал на протяжении десятилетия с 1973 по 1983 г. на различных конференциях, рабочих совещаниях, секционных заседаниях.

Весь комплекс работ, осуществленных Владимиром Алексеевичем в 1960-е годы вплотную подвел его к новой разработке — «Обоснование ликвидации серых крыс на территории г. Москвы». Это было логичной целью его научной работы. Так, впервые в нашей стране стали разрабатываться научные основы сугубо практических задач ликвидации грызунов-синантропов, стоящих перед дезинфекционной службой города.

Подобные исследования всегда должны иметь сравнительный материал и обобщать опыт других городов. Это обстоятельство Владимир Алексеевич учитывал с самого начала своего изучения пасюков. Еще до постановки темы об обосновании истребления этих грызунов в план исследований дезстанции он проанализировал опыт борьбы с крысами в городе Оберхаузене (ФРГ). С докладом об этом Владимир Алексеевич выступил на заседании участников научно-практической конференции Мосгордезстанции в 1966 г.

Важной теоретической вехой в цепи выполненных исследований стало «Моделирование процесса истребления грызунов в постройках путем замены отравленных приманок орудиями лова».

Эта экспериментальная работа выполнялась Владимиром Алексеевичем совместно с зоологом Ленинградской дезстанции Н.Н. Николаевой в 1970—1974 гг.

В 1971 г. В.А. Судейкин представил предварительные результаты исследований по обоснованию ликвидации серых крыс в городе. О методических основах борьбы с пасюками он докладывал на конференции по медицинской зоологии в 1974 г. В целом научное обоснование мероприятий по ликвидации серых крыс в городе было завершено в 1972 г. Практическим выходом названной разработки стал долгосрочный перспективный план освобождения города от серых крыс.

Названный план стал формой обобщения и связи биологических основ дератизации с материально-технической и трудовой базами истребительных работ. Кроме того, он включал принципы организации, методы истребления, регистрацию поэтапных и итоговых показателей проводимых работ.

Итогом многолетних исследований Владимира Алексеевича стал монографический труд, названный им «Серая крыса и борьба с ней в большом городе». Это произошло во второй половине 1970-х гг. К этому времени он уже перенес два инфаркта, его здоровье сильно пошатнулось, что и стало основной причиной, по которой Владимир Алексеевич не стал защищать диссертацию.

Широта научных интересов Владимира Алексеевича, а также потребности текущей жизни дезстанции не позволяли ему замыкаться только на тематике, связанной с серой крысой. За период с 1958 по 1977 г. им выполнено еще 12 исследований. Наиболее важными представляются те из них, которые связаны с разработкой информационно-поисковых систем (ИПС). Так, была создана единая московская система учета производственных участков всех степеней от инструкторского до города в целом. Была обеспечена также возможность обработки собранной

информации вручную и с помощью ЭВМ. Предусмотренная спаянность перфокарты и картосхемы города служила мостом для переноса обработанной информации на картосхему, которая позволяет охватить всю ситуацию разом. Карта служит зеркалом процессов в городе. С нее должен начинаться анализ и на ней должен заканчиваться прогноз любых городских процессов.

Эти исследования не потеряли своей значимости и в настоящее время. Комплекс взаимосвязанных информационно-поисковых систем, выполненных в табличной форме, служит надежным фундаментом для создания программы «Дератизация» и введения ее в любой современный компьютер отечественного или зарубежного образца.

С середины 1970-х гг. и до ухода на пенсию основной научный интерес Владимира Алексеевича был связан с лабораторными исследованиями грызунов и приманок для них. Мощным стимулом для развития этих работ стал переезд лаборатории в новое здание в 1977 г. Были существенно увеличены лабораторные площади зоологического отдела. Благодаря В.А. Судейкину и К.Ф. Чистякову эти площади были оснащены новыми конструкциями и различными приборами. Так, появились две камеры автоматической регистрации пищевого поведения мышей и сборно-разборные вольеры для изучению поведения крыс. В 1978 г. была разработана новая методика лабораторных испытаний биологической эффективности родентицидных препаратов, которая значительно расширила рамки биологического контроля за качеством приманок и позволила установить одну из причин низкой эффективности зерновых приманок, покрытых антикоагулянтами и используемых в борьбе с домовыми мышами.

Возглавляя многие годы контрольные бригады, Владимир Алексеевич, естественно, не мог не заниматься вопросами контроля качества дератизации. Так, в 1965—1967 гг. им разрабаты-

валась оценка эффективности дератизационных работ в Москве по данным бригад ЦКИЛ. Через 16 лет, в 1983 г., он возобновил эту работу и довел ее до логического конца, разработав способ оценки итогов дератизации. Это было последнее исследование, выполненное Владимиром Алексеевичем.

Свои обширные знания и многогранный опыт В.А. Судейкин старался передать другим. Он многократно выступал на региональных, всесоюзных и международных совещаниях, конференциях и конгрессах по вопросам териологии, дератизации и медицинской зоологии.

Более 15 лет Владимир Алексеевич читал лекции и вел практические занятия по медицинской зоологии и дератизации со слушателями курсов по подготовке дезинструкторов для дезинфекционных учреждений Москвы. Им была подготовлена рукопись конспекта лекций по курсу «Дератизация». Свои лекции он иллюстрировал показом живых зверьков — возможных хранителей возбудителей различных инфекций из коллекции животных, собранных им в разных природных зонах СССР. Эта уникальная коллекция в лучшие годы насчитывала свыше 30 видов насекомоядных и грызунов. В 1978–1979 гг. Владимир Алексеевич для тех же слушателей читал курс лекций «Информационно-поисковые системы на картах с краевой перфорацией».

Многолетний разносторонний труд Владимира Алексеевича был излишне скромно оценен четырьмя администрациями московской дезстанции. Он был награжден Почетными грамотами ЦКИЛ и дезстанции, медалью «Ветеран труда» и знаком «Отличник здравоохранения». Последняя награда была вручена ему даже без подобающей моменту торжественности.

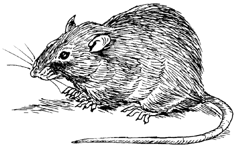
Скончался Владимир Алексеевич 4 ноября 1987 г. и похоронен в Москве, на территории Донского монастыря.

В мае 1989 г. секцией зоологии Московского общества испытателей природы, дезинфекционной секцией Всесоюзного

общества микробиологов, эпидемиологов и паразитологов им. И.И. Мечникова и дезстанцией Москвы была организована и проведена конференция, посвященная памяти Владимира Алексеевича Судейкина.

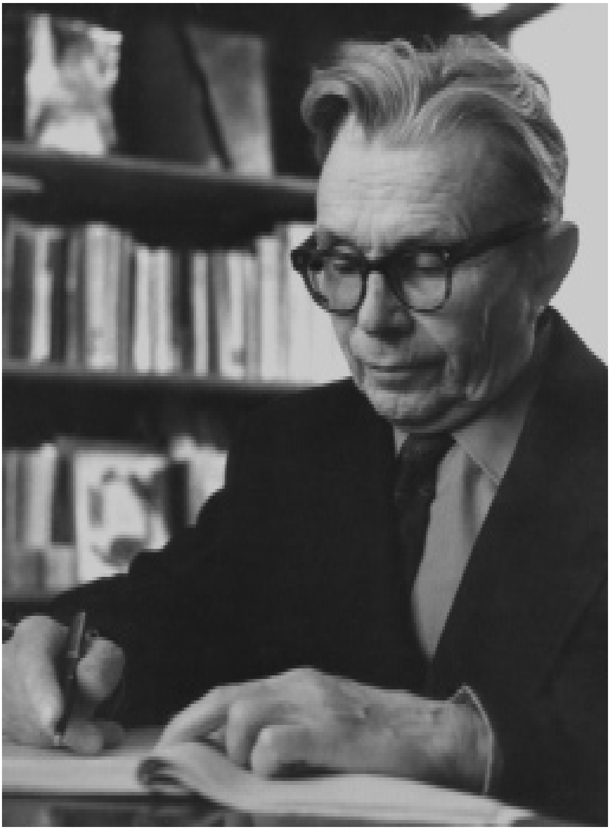
В заключение приношу свою искреннюю благодарность Л.П. Земченковой и В.В. Судейкину за предоставленную возможность работы с личным архивом Владимира Алексеевича, М.И. Леви и Л.Г. Сорокиной за возможность работы с архивом ЦКИЛ, доктору биологических наук В.В. Кучеруку, доктору биологических наук Т.Н. Дунаевой, Г.Л. Крушинскому, О.А. Никольскому и М.В. Судейкиной за многочисленные консультации и помощь в работе.

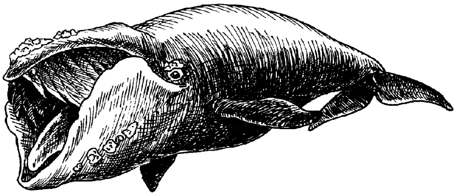
Л.Н. Мазин



АВЕНИР ГРИГОРЬЕВИЧ ТОМИЛИН

1912–2000





Авенир Григорьевич Томилин родился в маленьком городке Кудымкоре — центре Коми-Пермяцкого национального округа 15 ноября 1912 г.

Отец его Григорий Кириллович — школьный учитель, энергичный общественник — имел заслуги и был известен в своих краях. Мать Ольга Логвиновна Березина происходила из небогатой помещичьей семьи, отличалась мягкостью характера. При родах третьего сына Володи она умерла. И три маленьких брата остались на руках бабушки — матери отца, набожной женщины необыкновенной доброты и терпимости. Однако влияние отца оказалось более сильным: мальчики выросли атеистами, с активным отношением к жизни, увлекались военными играми. А средний брат Авенир написал даже для школьного кружка пьесу «Шпион Красной Армии» и до конца дней своих любил детективы, боевики и книги про войну .

Увлечение естественными науками пришло под влиянием интересного человека — школьного учителя Н.И. Яркова, который заражал ребят своей любовью к природе и животному миру. В 1929 г. Веня (как его звали в семье) закончил школу-десятилетку, и отец продал ружье, чтобы на полученные деньги отправить его учиться в Москву. Поступление на биологический факультет Московского университета окончательно определило будущее Авенира Томилина. Ему было всего 16 с половиной лет. При малом росте и субтильном сложении он выглядел мальчиком, и, случалось, новый охранник не пускал его в университет: сомневался, что он студент. Своим прилежанием, увлеченностью науками он вызывал симпатию у персонала общежития и педагогов.

Авенир был деятелен, после второго курса побывал в экспедиции, изучавшей фауну Новой Земли и Чешской губы. Пят-

надцать дней пробыл в полном одиночестве на берегу пролива Маточкин Шар, ведя подсчеты белух в проходящем огромном стаде этих животных. Компанию ему составляли лишь собака Веста да постоянно болтавшийся неподалеку белый медведь. О собравшемся уже зимовать «Робинзоне» вспомнили, и подошедшее судно прихватило забытого студента.

А дальше начался «ад»: на обратном пути выкрали деньги, документы и все вещи, держали несколько дней в каталажке для выяснения личности. По приезде в Москву заболел тифом и слег в больницу. Ослабшего парнишку подлечили в санатории, и он снова принялся яростно постигать науки.

В 1933 г. на основе материалов, собранных экспедицией в Коми-Пермяцком округе, Авенир Томилин отлично защитил дипломную работу по млекопитающим родного края. Старательный студент был замечен профессором С.И. Огневым и оставлен в аспирантуре при кафедре зоологии позвоночных. Из предложенных руководителем тем Авенир избрал изучение китов. Коллеги шутили: самый маленький человек кафедры занялся самыми крупными животными мира. Уже в первый год аспирантской учебы он отправился в 8-месячную китобойную экспедицию на просторы морей Дальнего Востока и собрал там обширные материалы по китообразным. Его кандидатская диссертация «Тихоокеанские киты Северного полушария», защищенная в 1937 г., была лишь «разминкой» перед научной атакой на китообразных всего мира.

Осенью 1941 г. А.Г. Томилина забирают в армию. При его малом росте и сверхлегкой комплекции нужного размера шинели не нашлось, а та, что дали, была непомерно велика. В этой шинели и больших роговых очках он выглядел типичной «нестроевщиной». Под Харьковом эшелон разбомбили немцы, и он, как и все уцелевшие солдаты, бежал к видневшемуся лесу. Оттуда им потом было видно, как по окрестным дорогам бес-

численными толпами фрицы вели наших военнопленных. Создавалось впечатление, что порушена вся Советская Армия. Вскоре немцы забрали в плен и уцелевших от эшелона.

Сорок один день А.Г. Томилин находился в лагере. Вместе с товарищем по несчастью, актером Кравченко, решили бежать через овражек, служивший отхожим местом для лагерников. Содрогаясь от страха и омерзения, они ползли по нечистотам на свободу. Удалось добраться до села Богатая Чернещина. Немцев в селе не было, и колхозники определили «маленького хлопца в дюже большой одяге» в помощь ветеринарному фельдшеру. Подпольной группой, к которой удалось примкнуть, руководил партизан Рябуха, он окрестил новичка «Генькой»; с этой кличкой Авенир Григорьевич после войны и вошел в многотомное издание «История городов и сел Украины» (1967). У партизан он вместе с искусным столяром Ф.Г. Омельяненко подделывал печати Сахновщинской и Перещепинской комендатур и заверял ими написанные на немецком языке пропуска, дававшие возможность подпольщикам проходить по оккупированным территориям.

С приходом наших войск А.Г. Томилин снова был призван в армию. Служил поваром в конном батальоне пехотной бригады, потерял винтовку в двухметровой толще грязи на перегонах под Кривым Рогом, переправлялся через Днепр, навсегда запечатлел в памяти расплющенную гусеницей танка голову немца.

Не без стараний его учителя профессора С.И. Огнева Авенира Томилина отзывают с фронта, и он служит в подмосковном Новогиреевском питомнике, готовящем собак для подрыва немецких танков и выноса из боя раненых. Ему разрешили работать в московских библиотеках, и Томилин с упоением снова ушел в науку, для которой и был создан. И после войны он не раз попадал в военную комендатуру: несоразмерно большая шинель и нестроевой вид вызывали подозрения у патрульных офицеров.

С.И. Огнев прозорливо угадал в щупленьком близоруком человеке огромную исследовательскую силу, поручив ему написание в академической серии «Звери СССР и прилежащих стран» 9-го тома, посвященного китообразным. Скрупулезно, дотошно, въедливо Авенир Григорьевич собирал нужные сведения. Ни одна самая короткая заметка о китах не осталась без его внимания — он поднял всю мировую литературу по этим животным. В дело шли не только материалы и наблюдения, собранные им самим и его помощниками в экспедициях, но даже факты, наблюдавшиеся студентами, служившими на флоте или жившими в приморских городах.

В 1947 г. А.Г. Томилин защитил докторскую диссертацию «Проблемы экологии китообразных» на ученом совете Московского пушно-мехового института. На защите профессор Огнев говорил: «Монография написана лучшим русским знатоком китообразных, появление сего труда создает эпоху в изучении этих животных». Он оказался прав. Диссертация послужила основой для написания книги «Китообразные» (1957), издание которой стало крупным событием в научном мире как у нас, так и за рубежом. На долгие годы она сделалась главной книгой о гигантах моря. Без ведома автора монографию в 1967 г. перевели на английский язык. Любопытно, что Авенир Григорьевич узнал об этом много позже, когда коллега-японец прислал ему бандероль с этим славным подарком судьбы.

Книга не только обобщала накопленное ранее, но имела новизну в таких вопросах, как органы терморегуляции, рефлексы выныривания, кровеносная система плавников, географические расы китов и др. А.Г. Томилин в своей монографии на 5—10 лет опередил зарубежные исследования. Он в числе первых начал изучать проблемы гидробионики на морских млекопитающих.

Авенир Григорьевич с соавторами сделал два официально зарегистрированных научных открытия. Согласно существующим

правилам открытие должно быть сформулировано одной фразой. Первое из них (под № 95 с приоритетом от 23 декабря 1968 г.) звучало так: «*Установлено неизвестное ранее явление саморегулирования упругости плавников китообразных, рефлекторно возникающее при изменении режима их плавания и обусловленное действием органов кровеносной системы — впервые обнаруженных широко разветвленных комплексных, артериовенозных сосудов и общего распределительного узла сосудов в хвостовом плавнике, а также строением покровных тканей плавников, включающих покрытие из сухожильных тяжей*».

Второе открытие (под № 265, зарегистрированное 4 ноября 1982 г.) определялось следующим образом: «*Установлено неизвестное ранее свойство кожи китообразных активно регулировать гидродинамическое сопротивление плаванию посредством управления локальным взаимодействием кожного покрова с обтекающим потоком, обусловленное рецепторной чувствительностью кожи, вазомоторной подвижностью кровеносной системы и адекватными изменениями упругодемпфирующих характеристик функционально-специфических слоев кожи*». Замечу, что к началу 90-х гг. было зарегистрировано 403 научных открытия, сделанных учеными нашей страны. Из них, как мы видим, два принадлежат А.Г. Томилину с его коллегами.

А.Г. Томилин опубликовал более 300 статей и, кроме упоминавшейся капитальной монографии, еще ряд научно-популярных книг. Большой успех имели работы «История слепого кашалота» (1965), «Дельфины служат человеку» (1969), «В мире китов и дельфинов» (1974, 1980) и «Снова в воду» (1977, 1984). Имеются их переводы на английский, немецкий, французский, чешский, польский, румынский и эстонский языки.

Послужной список А.Г. Томилина короток. После защиты кандидатской диссертации в 1937 г. он недолго работал в Цент-

ральной лаборатории биологии и техники промысла охотничьих животных в Москве, потом на кафедре зоологии в Ростовском университете. После войны трудился в подмосковной Балашихе, в институте, который сначала назывался Московским пушно-меховым (МПМИ), а потом с 1956 г. стал Всесоюзным сельскохозяйственным институтом заочного образования (ВСХИЗО), на кафедре, продолжавшей готовить биологов-охотоведов высшей квалификации. Несколько десятилетий Авенир Григорьевич сотрудничал с реферативным журналом «Зоология позвоночных», для которого переводил и реферировал тысячи научных статей со всего мира, касавшихся главным образом морских млекопитающих. У него был красивый, разборчивый почерк, не менявшийся до самой смерти ни при каких обстоятельствах.

А.Г. Томилин занимался преподаванием ровно 60 (!) лет. Готовился к лекциям с поразительной добросовестностью. Читал без конспектов, свободно и легко. Но какой ценой давалась эта легкость! Новую для себя лекцию он проговаривал с кафедры, запершись в пустой аудитории, до шести раз, выучивал почти наизусть и только после этого шел к студентам. Его лекции могли служить образцом. Он укладывался секунда в секунду. Последовательность, логичность, размеренность завораживали. Писать за ним было нетрудно и приятно.

Лекции Авенира Григорьевича слушали сотни студентов, из которых вышло немало видных деятелей охотничьего хозяйства, звероводства и морского зверобойного дела, а также ученых. Он подготовил 14 кандидатов наук. Один из его аспирантов, В.Е. Соколов, стал даже академиком. Во время поездки в США на 13-й конгресс биологов-охотоведов в 1977 г. состоялась встреча советской делегации с американскими коллегами. Каждый из участников встречи представлялся и говорил что-нибудь веселое. Когда дошла очередь до А.Г. Томилина, то он, назвав себя, перечислил и своих учеников из числа присутствующих. Тако-

выми оказались почти все члены нашей делегации. Американцы ахнули, и незаметный, маленький Авенир Григорьевич стал главной фигурой встречи.

В числе преподаваемых им дисциплин был дарвинизм, и он верил в то, что говорил студентам. Не любил лженаучных и околонаучных домыслов. Не раз выступал в печати, опровергая утверждения, что дельфины умеют говорить. «Дельфины не имеют своего «особого» языка и научить их говорить нельзя» — утверждал он.

А.Г. Томилин отличался невероятным трудолюбием. Во время учебной полевой практики 1949 г. в знаменитой «Лосинке» мы, студенты, засыпали и просыпались под стук пишущей машинки, доносившейся со второго этажа, где жил Авенир Григорьевич. Он урывками работал над книгой, ложился за полночь и вставал в пять утра. И этот стук был лучшим «воспитательным мероприятием», какое можно было придумать для нас — молодых людей. Когда рукопись главной книги А.Г. Томилина «Китообразные» была почти готова, его теща — старая, выживающая из ума женщина — по неведению употребила значительную часть ее ..... на растопку сырых дров в печке. После такого страшного события впору было застрелиться. Но Авенир Григорьевич, пробыв несколько дней в трансе, нашел-таки в себе силы и принялся за восстановление утраченного текста.

Было в нем и гражданское мужество. Промозглый, холодный день осенью 1947-го голодного года. Мы — студенты — в порядке «шефской помощи» убираем картошку на безбрежном колхозном поле возле института. Бригадир заметил, что оголодавшие парни украдкой пекут бульбу на разожженном неподалеку костре, и стал жаловаться на «воровство колхозной собственности» работавшему с нами декану Томилину. Я удивился его смелой для того времени реакции, когда за пригоршню колосков с колхозного поля давали по 10 лет. Он кричал: «Как вам

не стыдно?! Студенты бесплатно работают на вас, выкопали из грязи многие тонны картошки, а вы пожалели для них пару килограммов!». Оторопевший бригадир ретировался.

Не часто преподавателю высшей школы удается вести полноценную научную работу: учебные и общественные нагрузки «съедают» время и силы. А.Г. Томилин был на это способен. Жесткая экономия времени — ни единой праздно проведенной минуты, строгое соблюдение правил эффективного труда, отлаженная система сбора научного материала и переплавки его в публикации, самодисциплина и, самое главное, неуемный азарт исследователя приносили свои плоды. Томилин много сделал в науке.

Заслуги доктора биологических наук профессора А.Г. Томилина получили признание. Он стал почетным членом Международного общества по изучению морских млекопитающих и Териологического общества при Российской академии наук. Его имя занесли в книгу почета ВСХИЗО. Российское общество охотников и рыболовов выдало свидетельство заслуженного работника охотничьего хозяйства. В 1993 г. Авениру Григорьевичу было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации. А в 1994 г. за «выдающийся вклад в мировую науку и научное образование» он получил диплом «Заслуженного профессора программы Джорджа Сороса». Вручал диплом в Московском Доме ученых сам Сорос. Кроме диплома, дали и пожизненную пенсию от этого фонда. Получаемые по ней доллары Авенир Григорьевич частью передавал на пирушки и поощрение лучших студентов биологов-охотоведов ВСХИЗО.

Несмотря на обилие публикаций и достижений, научный потенциал А.Г. Томилина оказался далеко не исчерпанным, в его творческих замыслах не видно донышка. Домашний кабинет Авенира Григорьевича был наполнен множеством книг и папок.

В последних материалы, материалы, бесчисленные материалы ... Их собрано за долгую жизнь столько, что хватило бы, как говорил он, «еще на полтора-два десятка докторских диссертаций».

У А.Г. Томилина было множество уважавших и почитавших его учеников и коллег, однако немало он страдал от завистников, которые никогда не переводились в науке. Подножек с публикациями, поездками за рубеж — не счесть. Не раз даже обширные тексты из его работ перекочевывали без ссылок в книги сильных мира сего. Однако сам он никогда не опускался до этого. Даже при мизерных заимствованиях из чужих работ неизменно упоминал их авторов. Его щепетильность могла служить образцом.

Плен и утеря при этом документов долгое время служили поводом для различных притеснений. Вставал даже вопрос о пребывании А.Г. Томилина в стенах МПМИ. В 1952 г. по его просьбе я ездил в Министерство высшего образования и «от лица студентов» разговаривал с каким-то чиновником, характеризуя нашего учителя с лучшей стороны. После выхода в свет упоминавшейся «Истории сел и городов Украины» справедливость восторжествовала. О пережитом Авенир Григорьевич не мог вспоминать без слез и дрожи в голосе.

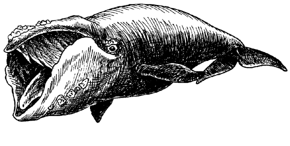
Некоторые люди, плохо знавшие А.Г. Томилина, считали его «научным сухариком». Однако таковым он никогда не был. Его доброту и отзывчивость вспоминают все, часто общавшиеся с ним. Он любил театр, боготворил актрису Бабанову. В кругу близких мог спеть (без претензий на вокальное совершенство) даже арию герцога из оперы «Риголетто». Учил петь кошку Муську, прожившую в доме 23 года. Записывал ее на магнитофон и кошачье пение проигрывал гостям. Давал родным и знакомым меткие, веселые прозвища. Очень любил сладкое.

Авенир Григорьевич был дважды женат. Первая супруга Софья Ильинична, преподаватель английского языка, умерла еще

в молодом возрасте от рака. Вторая — Клера Михайловна — преданно сопутствовала ему последние 30 лет жизни, была «повивальной бабкой» всех его научно-популярных книг. Старший брат А.Г. Томилина Александр учился в дирижаблестроительном институте, сделался конструктором, заслуженным изобретателем СССР. Дирижабли в авиатехнике — это, в сущности, те же киты среди млекопитающих. Дочь от первого брака Юлия, а потом и внучка Соня стали балеринами и в гастрольных поездках посетили множество стран.

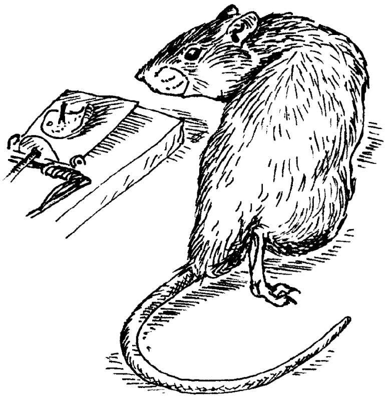
Авенир Григорьевич прожил большую жизнь. Он не дожил до 88 лет меньше месяца. За день до кончины, находясь в больнице, сказал: «Наверное, надо готовиться к худшему ...». Его жена Клера Михайловна писала в письме об этом периоде: «Он был тихий, скромный, не жаловался. И этим поведением больше ранил мое сердце. Никого в жизни мне не было так жалко». Приступ острой сердечной недостаточности и нефроатака сделали свое дело: 25 октября 200 г. Авенира Григорьевича Томилина не стало.

С.А. Корытин



ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРОВ

1929–1997



Родился Иван Сергеевич Туров 23 ноября 1929 г. городе Дзауджикау Северо-Осетинской АССР в семье известного зоолога — профессора С.С. Турова. В то время Сергей Сергеевич был профессором зоологии Северо-Осетинского педагогического института. В 1932 г. он перешел на работу в Московский государственный университет на должность заместителя директора по научной части Зоологического музея. В октябре 1941 г. был назначен исполняющим обязанности директора музея, а с февраля 1942 г. — директором Зоологического музея МГУ, в каковой должности состоял до выхода на пенсию в 1959 г. Под влиянием отца в значительной степени формировались интересы и характер юного Вани.

Родившись в замечательной семье, Иван Сергеевич получил прекрасное образование. С ранних лет он занимался немецким языком, знал его в совершенстве, свободно читал и говорил практически на любые темы. С детства его окружали люди, составлявшие гордость отечественной биологической науки. Общение с этими людьми и в первую очередь с отцом, сумевшим передать ему не только многогранность способностей, но и любовь к биологии, определило выбор Турова-младшего.

После окончания школы в 1947 г. он поступил в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова на биологический факультет, закончил его в 1952 г. по кафедре зоологии позвоночных, и был оставлен в аспирантуре при той же кафедре.

Еще будучи студентом, И.С. Туров начал заниматься научной работой. В 1949 г. была опубликована его первая статья — «Золотистая щурка в Тульской области». В аспирантуре Иван

Сергеевич работал под руководством блестящего ученого, великолепного педагога Н.П. Наумова. За это время он собрал большой материал по фауне млекопитающих, птиц и амфибий и особенностям их биологии в различных типах пойм Волжского бассейна. В диссертации особое внимание было уделено изменениям, происходившим под воздействием хозяйственной деятельности человека.

Ценные данные были получены по изменению фауны под влиянием работ по зарегулированию стока рек, образованию водохранилищ и «морей». Так, образование Рыбинского водохранилища вызвало коренную перестройку фауны Молого-Шекснинского междуречья. Подобные изменения наблюдались и при подготовке ложа Каховского водохранилища.

И.С. Туровым были не только получены данные по изменению видового состава и изменению численности под воздействием человека, но и прослежено появление местных популяций животных, отличающихся по своим биологическим особенностям от внепойменных популяций. Это позволило сделать вывод о том, что поймы можно рассматривать как возможные арены видообразования.

После окончания аспирантуры Иван Сергеевич выбрал местом своей работы Центральный научно-исследовательский дезинфекционный институт (ЦНИДИ), позднее переименованный во ВНИИ дезинфекции и стерилизации. Там он был зачислен в лабораторию дератизации.

В то время руководителем лаборатории был В.Г. Полежаев, понимавший многоплановость проблемы борьбы с грызунами. Понял важность биологической стороны регуляции численности грызунов и Иван Туров еще во время подготовки своей диссертации. Недаром одна из его работ так и называлась: «Мышевидные грызуны Окской поймы, их эпидемиологическое значение и биологическое обоснование борьбы с ними».

Хотя И.С. Туров пришел в лабораторию дератизации хорошо подготовленным специалистом, многое в направлении исследований лаборатории было для него совершенно новым делом. Однако он довольно быстро вник в суть проблем. Помогала ему в этом редкая острота ума, проявлявшаяся буквально во всем, касалось ли это работы или общения с людьми.

Первую тему по разработке мероприятий в сельской местности Иван Сергеевич выполнил под руководством старших коллег. Результаты были обобщены в «Кратком руководстве по борьбе с грызунами в сельской местности» (1962), среди авторов которого был И.С. Туров. Это руководство отличается своей обстоятельностью, подробным освещением методов борьбы с грызунами в различных типах объектов и остается полезным и по сей день.

В 60-е годы лаборатория занималась изучением эпидемиологических особенностей вспышек, путей снижения заболеваемости и профилактики ряда природноочаговых инфекций. Одновременно активно разрабатывался комплекс мероприятий по оздоровлению природных очагов ряда заболеваний и способы борьбы с грызунами в очагах чумы. Во всех этих работах И.С. Туров принимал самое непосредственное участие.

Большое место в его исследованиях занимали лабораторные и полевые испытания ядов (родентицидов). Огромную помощь в этой работе ему оказал сотрудник лаборатории дератизации А.А. Пасешник, передавший ему свое лабораторное хозяйство и опыт работы. В итоге были предложены для применения в практике ратиндан, фторацетамид. На ратицид «Дифомур» получено авторское свидетельство.

Другой сотрудник лаборатории, Ю.В. Тощигин, с большой теплотой вспоминает годы совместной работы с Иваном Сергеевичем, когда они занимались поисками подходов в борьбе с домовыми мышами. Зная особенности питания мышей, они ре-

шили испытать новый прием раскладки приманки (который так и назвали: «мышиный принцип») — очень частую, но небольшими порциями раскладку отравленных приманок. Выбрав в Московской области объекты, «богато» заселенные домовыми мышами, в которых более двух лет не удавалось справиться с грызунами, авторы испытали в действии свою идею и получили великолепные результаты: через три дня они уже не смогли обнаружить в этих объектах мышей.

К концу 60-х гг. Иван Сергеевич уже прекрасно ориентировался во всем многообразии средств, используемых для борьбы с грызунами. В коллективной монографии «Борьба с грызунами в городах и населенных пунктах сельской местности» (1974), ставшей настольной книгой научных и практических работников, он подготовил главы с описанием методик дератизационных работ, исследований по приготовлению отравленных приманок и совместно с директором института В.И. Вашковым дал обстоятельное описание ядов, применяемых в дератизации.

Поворотным событием в жизни Ивана Сергеевича оказалась смерть руководителя лаборатории дератизации В.Г. Полежаева (1970). Вполне естественно было предположить, что возглавит лабораторию И.С. Туров, знающий все основные направления работы. Однако судьба распорядилась по-другому. В те времена определяющим в выборе руководителя было членство в КПСС. Иван Сергеевич никогда не был и не хотел быть членом партии. К тому времени он не написал диссертацию на соискание ученой степени доктора биологических наук, не получил соответствующий диплом. К огромному сожалению, не сделал он этого и позже. Руководителем лаборатории дератизации стала С.А. Шилова — человек заслуженный и очень энергичный, к тому же член КПСС. Под ее руководством были продолжены старые и начаты новые очень интересные работы. Тем не менее разногласия во взглядах и, видимо, сложнос-

ти личных отношений не позволили Ивану Сергеевичу остаться в составе лаборатории.

Когда освободилось место ученого секретаря, И.С. Туров был признан наиболее подходящим кандидатом на это место. Разносторонность интересов позволила ему быстро разобраться в круге вопросов, стоявших перед институтом. Кроме того, чисто человеческие качества: внимательность, интеллигентность, культура в отношениях с людьми — делали общение с ним не только полезным, но и приятным.

В 1973 г. И.С. Туров был назначен заведующим лабораторией в научно-организационный отдел, а с 1979 г. стал руководителем этого отдела. Работа отдела была достаточно многоплановой. В его задачи входил широчайший круг аналитических, организационных, инструктивно-методических, информационных вопросов. Только гибкость ума Ивана Сергеевича, его энергия были способны охватить столь обширное многообразие подлежащих решению задач. Причем, за что бы он ни брался, делал он это с полной отдачей, так, что казалось: именно это и является самым важным делом его жизни.

Что бы в жизни ни происходило, ум ученого не может быть ограничен рамками его служебных обязанностей. Так было и с Иваном Сергеевичем. Хотя разработка проблем дератизации уже не входила в его обязанности, они продолжали его волновать. Если во время работы в лаборатории он занимался главным образом практическими вопросами, то теперь его больше интересовали теоретические и перспективные проблемы.

Дератизацию он рассматривал как составную часть прикладной биологии, тесно увязывая задачи ее проведения с общими проблемами синантропизации. Он считал, что синантропизм является биологической основой проведения профилактических мероприятий в дератизации.

В историческом плане хозяйственная деятельность человека, с одной стороны, и процесс синантропизации, с другой стороны, ведут к образованию сложной системы урбаноценоза.

Урбаноценоз И.С. Туров рассматривал как социально-экологическую систему с присущими ей особенностями, созданными деятельностью человека. По его мнению, в этой системе доминирующими факторами являются социальные. Экологические факторы имеют второстепенное, подчиненное значение.

Понимая необходимость и одновременно сложность изучения экологии животных, обитающих в населенных пунктах, особенно в крупных городах, И.С. Туров взял на себя нелегкую роль официального руководителя моей диссертационной работы, посвященной изучению синантропных грызунов жилой зоны Москвы и разработке мер ограничения их численности, неофициально же руководство работой взяла на себя Е.В. Карасева. Дружественные отношения этих людей еще со времен войны, широта и глубина их взглядов позволили успешно завершить работу.

Терпение и прямо-таки отеческая забота Ивана Сергеевича помогали мне — его ученику в проведении исследований. Иван Сергеевич не жалел времени, передавая свой опыт и знания. В результате были получены ценные научные данные по экологии серых крыс и домовых мышей в жилой зоне крупнейшего города страны. Сделан вывод о необходимости непрерывного слежения за происходящими в популяциях грызунов изменениями, включающими как естественные процессы, так и те изменения, которые происходят под влиянием человека, в том числе и дератизационного воздействия. В практических условиях были апробированы дератизационные мероприятия в режиме мониторинга.

Много времени посвятил Иван Сергеевич составлению методических указаний по борьбе с грызунами в жилых домах,

своими замечаниями и предложениями добиваясь того, чтобы текст был ясным и доходчивым для каждого, кому бы ни пришлось им пользоваться.

Много размышлял Иван Сергеевич над проблемой стратегии и тактики борьбы с грызунами. Он считал, что задачей стратегии дератизации должно быть практически полное освобождение населенных пунктов от грызунов, в то время как тактика определяет пути и средства, формы и способы борьбы.

Кроме организационной и научной деятельности Иван Сергеевич уделял внимание подготовке и повышению квалификации кадров, участвуя в циклах, организуемых ЦОЛИУВ совместно с институтом, а также в семинарах и совещаниях в различных регионах России и союзных республиках. Его выступления, лекции, доклады отличались живостью, искрометностью, порой юмором и надолго запоминались слушателям. Даже очень сложный материал он преподносил доступно, так, чтобы каждый смог разобраться в сути вопроса. В аудитории всегда царила атмосфера доброжелательности.

24 июля 1997 года. Ясный солнечный день. Солнце светит так, что режет в глазах, а мы прощаемся с ярким солнечным Человеком.

Многое в своей жизни сделал Иван Сергеевич Туров.

Он имел звание кандидата биологических наук, был руководителем научно-организационного отдела института, исполнительным директором органа по сертификации «Дезинфекция», помощником президента Национальной ассоциации дезинфекционистов, заместителем главного редактора журнала «Дезинфекционное дело».

Он был автором более 110 научных работ, 15 методических указаний, 4 учебных программ, авторского свидетельства, ряда приказов Минздрава СССР, Госкомсанэпиднадзора и Минздрава России.

И все же остается чувство горечи не только от того, что рядом нет прекрасного человека, какого дай Бог каждому встретить на своем жизненном пути, но и от того, что он мог бы сделать в своей жизни гораздо больше, чем ему удалось осуществить.

В.К. Мелков

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ТУРОВ

1891–1975

Судьбу этого человека можно назвать счастливой. Он прожил яркую жизнь, успев сделать многое на своем довольно долгом веку. Человек разносторонних дарований, он был ученым и педагогом, художником и фотографом, но всю жизнь оставался охотником, всегда успешно сочетая охоту с исследованиями и путешествиями.

Сергей Сергеевич Туров внешне не был похож на заправского путешественника и следопыта: невысокого роста, довольно полный, благодушный, в круглых очках на рыхловатом лице, он, казалось бы, вообще не должен был покидать свой просторный кабинет в Зоологическом музее, расположенном в старом здании МГУ на Большой Никитской, где работал с начала 30-х гг. Но такое впечатление было обманчивым. С.С. Туров всегда оставался настоящим путешественником, объездившим едва ли не всю страну в ее прежних, «советских» границах.

Сергей Сергеевич Туров родился 23 сентября 1891 г. в подмосковном Клину. С детства проявились у него две страсти: к охоте и к животным. В то время охотничьи угодья в окрестностях Клина считались одними из самых богатых в Подмосковье. Сергей начал охотиться с 12 лет и еще гимназистом проявил в этом деле немалые способности. Окончив реальное училище, он два года занимался в студии живописи академика С.Ю. Жуковского, но профессиональным художником не стал, хотя всю жизнь не расставался с этюдником и при всякой возможности им охотно пользовался. Картины С.С. Турова украшали не только стены МГУ, но даже холлы гостиницы «Москва».

В 1912 г. Туров поступил в Московский университет, где специализировался по зоологии позвоночных. Его учителями в

---

*По материалам очерка «Охотник-натуралист»(Жизнь и деятельность С.С. Турова) // Охотничьи просторы, кн. 4. 1997. М., Изд-во охотничьей литературы.

то время были М.А. Мензбир, Г.А. Кожевников, А.Н. Северцов, С.А. Бутурлин, а товарищами по учебе — многие из его будущих коллег по Зоомузею МГУ.

На третьем курсе, в самом начале 1914 г., Сергей Туров выезжает в свою первую большую экспедицию, причем в очень глухой и малоизвестный район Забайкалья — к истокам реки Зеи, берущей начало в отрогах Станового хребта.

Интересна история той давней экспедиции, оставившей немалый след в изучении фауны Сибири. Директор главного зоологического музея России, расположенного в Петербурге, академик Н.В. Насонов очень интересовался тогда распространением и систематикой горных баранов, обитающих как в Азии, так и в Северной Америке. Как-то, отдыхая на Кавказе, он встретился там с энтузиастом-зоологом и опытным сибирским охотником В.Ч. Дорогостайским и поделился с ним замыслами о добыче снежных баранов в Забайкалье. В.Ч. Дорогостайский согласился поехать, а Н.В. Насонов финансировал экспедицию.

Надо пояснить, что в то время к Яблоновому хребту относили многие горные системы Забайкалья, в том числе и Становой хребет, где проходили исследования экспедиции. На современных картах Яблоновый хребет расположен к юго-западу от Читы, и горных баранов там не было даже в прошлом.

В.Ч. Дорогостайский представил проект экспедиции Н.В. Насонову в январе 1914 г., а уже 20 марта выехал из Москвы вместе со студентами МГУ, будущими зоологами С.С. Туровым и С.А. Северцовым. Кроме того, к ним присоединился М.П. Розанов, а в качестве препаратора ехал Л.В. Тульпа. Снаряжение вьючного каравана экспедиции с наемом проводников, лошадей и домашних оленей было заранее оговорено с работниками Переселенческого управления, которое содействовало работе ученых. Казаки Григорий и Василий Холкины, известные В.Ч. Дорогостайскому по прежним его экспедициям, закупили лоша-

дей и снаряжение в селе Тунке и перегнали весь караван в город Зею на одноименной реке, пересекавшей здесь хребет Тукурингра. Сразу по прибытии В.Ч. Дорогостайский и его спутники (они ехали по Транссибу до станции Тыгда), начали проводить в окрестностях Зеи обширные зоологические сборы и наблюдения за птицами, в частности за токованием каменного глухаря.

12 мая весь караван погрузился на пароход и прибыл на метеостанцию, расположенную в пяти верстах выше поселка Бомнак. Окрестности поселка произвели на прибывших тягостное впечатление: «всюду лиственничный лес, всюду бесконечные "мари" с неизменной пушицей, зарослями голубики, торфяным мхом и другими растениями... Несмотря на то, что пролет певчих птиц был в разгаре, дремучая лиственничная тайга была удивительно безжизненна» — так писал В.Ч. Дорогостайский в своем «Отчете».

Из Бомнака двинулись на прииск Воздвиженский, примкнув к группе орочон, кочевавших со своими оленями к отрогам Станового хребта. Препаратор Л.В. Тульпа был вынужден уехать, М.П. Розанов отправился по другому маршруту. К 10 июня вышли на берег горного озера Оконон и стали готовиться к подъему на хребет. Сергей Туров отстреливал птиц и препарировал добычу. В.Ч. Дорогостайский и С.А. Северцов взялись за преследование горных баранов — основной цели этой экспедиции.

...Постепенно тайга зеленела, на склонах опадала розовая кипень даурского рододендрона, появлялись робкие горные цветы. Началась летняя пора, когда днем жарко грело солнце, а по ночам люди мерзли в палатках. В долинах рек лежали нерастаявшие «наледи» — толстые слои промерзшего за долгую зиму льда, сохраняющиеся здесь до августа.

Пытались добыть баранов на солонцах, но неудачно. Одну самку удалось ранить в ногу выстрелом и добыть после дли-

тельного преследования. Для пропитания стреляли куропаток, рябчиков, дикуш, уток-нырков (чаще всего турпанов), изредка удавалось встретить диких оленей-согжоев, натыкались и на медведей. И только с помощью орочонских лаек, загонявших зверей на отстой, В.Ч. Дорогостайскому удалось все-таки взять несколько самцов-«чубуков».

Не обошлось без приключений. Сергей Северцов однажды на охоте заблудился в горах, несколько дней его разыскивали. Когда нашли, ноги путника оказались сильно изранены от долгой ходьбы по каменным россыпям.

Всего экспедиция добыла девять горных баранов, восемь других крупных млекопитающих, более сотни мелких, около 500 экземпляров птиц, несколько представителей рыб, рептилий и амфибий. Собрали порядочную коллекцию насекомых и гербарий высокогорной флоры.

В середине августа исследователи вернулись к Зее и спустились по ней на больших лодках, преодолев каскад шивер и порогов. Все коллекции благополучно доставили в Санкт-Петербург, который к этому времени стал именоваться Петроградом.

Впечатлительный и не чуждый писательской жилки, Сергей Туров вскоре описал эти экспедиционные похождения, его статьи были опубликованы в известном журнале «Охотничий вестник» за 1915 г. Так С.С. Туров начал свою деятельность как автор специфического научно-художественного жанра, которому он, по сути, сохранял верность всю свою жизнь. В 1937 г. он написал повесть «Снежный баран», которая позднее вошла в его самую известную книгу «Очерки охотника-натуралиста». После Забайкалья в студенческую пору были еще поездки в сравнительно близкие края — в Рязанскую губернию для изучения фауны птиц.

Знакомство с В.Ч. Дорогостайским привело к тому, что в 1918 г., вскоре после окончания МГУ, Сергей Сергеевич ока-

зался вместе со своим старшим наставником в Омске и начал преподавать в сельскохозяйственном институте. В 1920 г. они оба переехали в Иркутск, где был открыт новый университет. С.С. Туров и М.П. Розанов принимали участие в комплексных исследованиях Байкала, в организации лимнологической станции и первого государственного зверопитомника в Больших Котах, также созданного В.Ч. Дорогостайским.

Летом 1921 г. С.С. Туров по заданию научного отдела Центрохоты, которым заведовал С.А. Бутурлин, отправляется на северо-восточный Байкал, в район Святого Носа и Баргузинского заповедника. Он констатирует крайне печальное состояние заповедника, фактическое отсутствие там реальной охраны. «В настоящее время, — писал Сергей Сергеевич, — внимание хищников концентрируется на долинах рек Кудалды и Сосновки, т.е. в самом центре заповедника, причем добывание соболей идет открыто, на глазах бессильной что-либо сделать администрации... Из всех стражников остался на службе только один, живущий в Сосновке, остальные разошлись из-за тяжелых материальных условий».

Следующим летом С.С. Туров проплыл на лодке от Нижне-Ангарска до Усть-Баргузина, продолжая изучение фауны птиц Байкала. Он опубликовал несколько статей и заметок в газете «Университетский клич», а также в научных изданиях, уделяя особое внимание теме охраны природы, заповедникам и заказникам. Позднее в своих очерках ученый рассказал о встречах с медведями, которые в то время были весьма обычными на Байкале, особенно на полуострове Святой Нос.

В 1924 г. С.С. Туров переезжает из Иркутска во Владикавказ и становится профессором кафедры зоологии во вновь открытом Горском (Северо-Осетинском) педагогическом институте. Начинается довольно продолжительный «кавказский этап» деятельности Сергея Сергеевича. Им развернуты исследования

фауны наземных позвоночных животных от бассейна Терека до Армении. С.С. Турову удается уточнить распространение ряда редких видов зверей и птиц (например, прометеевой мыши), он выезжает в Армению на озеро Севан и в другие районы Кавказа, в течение нескольких лет подряд возглавляет зоологическую экспедицию, исследующую Кавказский государственный заповедник. В эти годы он часто публикуется в журнале «Охотник», вспоминая эпизоды охоты на Байкале и в Закавказье. Одновременно издает ряд научных статей о фауне Кавказа.

На том же этапе происходит встреча Сергея Сергеевича с дочерью знаменитого русского лесовода Г.Ф. Морозова, проведшего последние годы жизни в Крыму. Став женой С.С. Турова, она не захотела расстаться с памятью о своем отце и до конца жизни носила двойную фамилию. Лидия Георгиевна активно участвовала в работе своего мужа, ездила вместе с ним в трудные горные экспедиции, обрабатывала зоологические сборы.

В 1932 г. Сергей Сергеевич с семьей возвращается в Москву, где становится заместителем директора Зоологического музея МГУ. Надо сказать, что его официальный директор, В.Н. Макаров, был крайне занят на своей основной работе в Наркомпросе РСФСР и созданном в 1933 г. Комитете по заповедникам при Президиуме ВЦИК, поэтому не мог уделять музею особого внимания. Тем не менее Зоомузей МГУ не только оставался крупным научным центром, но и был связан с такими представителями московской интеллигенции, как писатель М.А. Булгаков, поэт О.Э. Мандельштам, близко друживший с энтомологом музея Б.С. Кузиным. Сотрудничали с музеем художник В.М. Голицын и В.С. Трубецкой, писавший юмористические рассказы под псевдонимом В. Ветов.

С.С. Туров и Л.Г. Морозова-Турова при поддержке сотрудников музея и ряда кафедр МГУ развертывают большие экспедиционные работы, в которых участвуют такие известные уче-

ные, как С.И. Огнев, В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, Е.С. Птушенко, А.М. Судиловская, Е.П. Спангенберг, Н.В. Шибанов, Г.В. Никольский, А.Н. Желоховцев, Г.Г. Абрикосов и другие энергичнейшие зоологи. Места их экспедиций весьма разнообразны: Алтай, Средняя Азия, Крайний Север, центральные районы России. Сам С.С. Туров дважды возглавляет сложнейшие маршруты по недавно созданному Алтайскому заповеднику, изучает фауну млекопитающих Башкирского и Мордовского заповедников, руководит большой орнитологической экспедицией в Тиманскую тундру. В 1936 г. по представлению МГУ ему присуждается научная степень доктора наук по совокупности трудов без защиты диссертации.

Благодаря тесному сотрудничеству с В.Н. Макаровым, по сути возглавлявшим заповедную систему РСФСР, С.С. Туров становится одним из первых научных проектировщиков при создании новых заповедников. Он участвует в создании Мордовского, Окского и Клязьминского заповедников, вместе с активистом дела охраны природы А.П. Протопоповым проектирует в 1940–1941 гг. Керженский заповедник в Нижегородской области (он был организован лишь пятьдесят лет спустя). С теми же целями изучает охотничью фауну Костромского заказника. Весной 1941 г. ведет наблюдения над заполнением Рыбинского водохранилища, где уже тогда намечалась организация Дарвинского заповедника. Но этому помешала война.

В начале Великой Отечественной войны в 1941 г. С.С. Туров становится директором Зоомузея МГУ и в первую очередь прилагает усилия, чтобы обеспечить эвакуацию коллекций из Москвы в Ашхабад, куда переехал биофак МГУ. Правда, часть коллекций все же осталась на барже в Южном порту столицы, некоторые экспонаты пострадали, когда во внутренний двор МГУ упала бомба и большинство стекол в окнах музейного здания оказались выбитыми. Уже в последние годы войны Сергей Сер-

геевич находит возможность продолжить свою деятельность по обследованию территорий с позиций их охраны или хозяйственного освоения. В 1944 г. ему удалось побывать вместе с орнитологом К.А. Воробьевым на Кавказе, обследуя Архызский участок Тебердинского заповедника. Поздней осенью 1947 г. совместно с профессором Г.П. Дементьевым он обследовал птичьи зимовья на Атреке в Туркмении, в 1948 г. вновь посетил Армению, в 1950-м обследовал трассу полезащитных полос Сталинград — Черкесск, а в 1951—53 гг. собирал материалы для Зоомузея в Беловежской Пуще. Кроме того, были довольно частые охотничьи вылазки — на реки Сухону и Мологу, на Селигер, в Ленкорань, Подмосковье...

В 1945 г. С.С. Туров и А.П. Протопопов выезжали на Урал, в Свердловскую область, для создания двух новых заповедников — Висим и Денежкин камень. Это была очень сложная и трудоемкая работа, требовавшая от исполнителей большого напряжения сил. В областном и районном центре многократно проводились совещания, рассматривались различные варианты создания заповедников с учетом самых разносторонних требований и претензий со стороны «хозяйственников». Затем следовали выезды на места, для чего использовались все виды передвижения — от лошадей и автомашин до длительных пеших обходов. Едва ли не впервые в практике проектирования заповедников была применена авиация: С.С. Туров знакомился с районом горы Денежкин Камень, облетая эту территорию на самолете У-2. Как и всегда в своих странствиях, он вел подробные дневники, не только описывая текущие события, но и фиксируя всевозможные наблюдения за местной охотничьей фауной.

Первые послевоенные годы оказались очень плодотворными для сотрудников Зоомузея МГУ, собравших за предыдущий период огромный научный багаж. По накопленным ими материалам стали публиковаться монографии и определители живот-

ных. Как пишут современные историки науки, очень заметной была научно-популярная деятельность С.С. Турова и Н.Н. Плавильщикова, которые уделяли большое внимание ознакомлению самых широких слоев населения с методами музейной работы, наблюдениям над животными в природе, истории биологии.

В 1950 г. Сергей Сергеевич становится заведующим кафедрой зоологии Московского государственного педагогического института, оставаясь одновременно директором Зоомузея МГУ до 1963 г., до ухода на пенсию.

Весьма интенсивная деятельность С.С. Турова как популяризатора науки, в том числе и в сфере охотоведения, была чрезвычайно плодотворна. Он был автором целой библиотеки книг и брошюр, пользующихся большой известностью и спросом у охотников и любителей природы вплоть до наших дней. Сергей Сергеевич участвовал в таких известнейших охотничьих изданиях, как «Атлас охотничьих и промысловых птиц и зверей», «Настольная книга охотника-спортсмена», «Спутник промыслового охотника», «Охота в Подмосковье», а также в ряде энциклопедий. Но наибольшее признание получила его книга «Очерки охотника-натуралиста», изданная в 1949 и 1954 гг. и вобравшая в себя многие его охотничьи воспоминания.

Нельзя не упомянуть и об активном участии Сергея Сергеевича в публикации альманаха «Охотничьи просторы». Он был одним из наиболее заметных его авторов среди ученых, многие годы входил в состав редколлегии. Постоянно сотрудничал С.С. Туров и с журналом «Охота и охотничье хозяйство».

Путешественником С.С. Туров оставался до последних дней своей жизни. Мы упомянули далеко не все его экспедиции; он много раз участвовал в различных конференциях с экскурсиями по разным районам СССР. Даже после окончательного ухода на пенсию С.С. Туров не отказался от продолжительных поез-

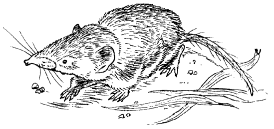
док с ружьем и неизменным фотоаппаратом. Сергей Сергеевич был большой мастер фотографии, поделившийся своим опытом в книге «Фотограф-натуралист».

Окский, Воронежский, Хоперский, Астраханский, Березинский заповедники, Каменная Степь и Хреновский Бор, Дальний Восток, Псковщина, Эстония, Литва — таковы его основные маршруты в последние годы жизни. Даже свое 80-летие С.С. Туров встретил в очередной поездке по Приморью.

Сергея Сергеевича, так же как и его жену Лидию Георгиевну, всегда отличала особая благожелательность, распространявшаяся не только на учеников и друзей, но и на всех, кому приходилось с ними встречаться. Их дачу в известном поселке художников «Пески» под Коломной (недалеко от Москвы-реки) постоянно навещали самые разнообразные гости, подчас даже мало знакомые, и никто не получал отказа. Супруги Туровы были очень интересными собеседниками, на своем долгом веку они были знакомы с множеством интереснейших людей, им было о чем рассказать...

Сергей Сергеевич Туров покинул сей бренный мир летом 1975 г.

Ф.Р. Штильмарк



70 ëåò ñ ðóœüåì è ôîòîàïïàðàòîì *

Окидывая мысленным взором прожитую восьмидесятилетнюю жизнь, мне хочется поделиться с читателями воспоминаниями. Когда друзья пишут о тебе, то многое, что кажется им хорошим, в особенности к юбилейной дате, на самом же деле выглядит намного хуже.

Начну с охоты. Она всегда занимала видное место в моей жизни.

Восьмилетним мальчиком я вообразил себя индейцем, вернее австралийцем, вооруженным бумерангом. Неожиданно проявилась таившаяся в зародыше охотничья страсть. Я подкрался вдоль канавы к двум индюшкам, окруженным многочисленным семейством. Ловко пущенная палка сделала свое дело — несколько индюшат пали жертвой охотничьего порыва. После моей, с позволения сказать, удачной охоты последовало разъяснение основ птицеводства и, помнится, с применением мер физического порядка.

Лет с десяти началась настоящая охота. Тайком от старших вооружался я шомпольной одностволкой, хранившейся у сторожей фруктового сада. Меня не смущало, что ствол был весь в заплатах. Заряжал я его черным порохом и гвоздями. Потому трясогузки и воробьи не страдали от моей стрельбы. К удивлению, не пострадал и я сам: ствол почему-то не разорвался в моих руках.

Настал счастливый миг, когда отец, видя мое безудержное стремление к охоте, разрешил брать его прекрасное бельгийское ружье. Сам он не был охотником, и это ружье, служившее мне потом всю жизнь, попало к нему случайно. Теперь я начал ходить по болоту, безнадежно пуделяя по бекасам и уткам.

---

*По материалам статьи С.С. Турова в журнале «Охота и охотничье хозяйство». 1972. №5. С. 38–40.

Первый застреленный мной кряковый селезень утвердил за мной право на охоту. Отец привез из Москвы коробку патронов. Можно сказать, с этих дней началась настоящая охота, временами безудержная, продолжавшаяся в течение всей моей долгой жизни. Появилась первая легавая собака, купленная за три рубля у охотника, жившего под Новым Иерусалимом. Этот далеко не чистопородный пес обладал хорошими полевыми качествами, крепкой стойкой, поиском и чутьем, но после взлета дичи бросался за ней. Возможно, этот порок научил меня хорошо стрелять навскидку, и в конце концов я стал делать удачные «серии» по бекасам и дупелям, подряд без промаха брал несколько птиц. Руководством для меня служили охотничьи журналы.

Постепенно я понял, в чем заключается сущность правильной спортивной охоты. Я полюбил хорошую работу легавой, а в дальнейшем — музыку гона смычка, очарование весенних охот на токах и с подсадными. Довелось мне даже охотиться на перепелов с дудкой и сетью. В те далекие времена перепелов было превеликое множество, существовал даже перепелиный промысел. Крестьяне-охотники ловили и содержали перепелов в особых ящиках до осени и, откормив их просом, везли в Москву, где сдавали в рестораны. Такой охотник Мосей из соседней деревни был моим руководителем на перепелиной охоте. Эта охота привлекательна и тем, что происходила она в сроки, когда всякая ружейная охота была запрещена.

Ареной моей охотничьей деятельности были болота, протянувшиеся на многие километры вдоль берегов речки Кердь — притока Прони, в тогдашней Рязанской губернии. Пятаки, которые я получал на завтраки в реальном училище, копились в течение всей зимы. На скопленные средства приобретались порох и дробь. Совершенствование в стрельбе по бекасам и дупелям требовало значительных расходов боеприпасов.

Наряду с охотой возникает и другое увлечение. Еще до пресловутой охоты на индюшат мне подарили маленький фотоаппарат «Гном» размером 4×6 см. Помню коробку, в которой вместе с аппаратом лежали все необходимые принадлежности. Это сокровище стоило один или два рубля. Не скажу, что фотографирование вытеснило охоту, но постепенно оно стало необходимым, непременным во всех моих дальнейших охотах, путешествиях, зоологических работах. Более того, со временем возникла борьба двух начал. Охота мешала фотографированию живых объектов — птиц, зверей и прочего, а съемки подчас мешали, заглушали охотничьи порывы. Но чем дальше, тем яснее определялась неудовлетворенность только охотой, на смену пришла научная зоологическая работа.

В студенческие годы я занялся изучением фауны птиц и млекопитающих Рязанской губернии. Один и вместе с препаратором Зоологического музея А.К. Цельминым я объездил самые отдаленные лесные уголки губернии, побывал в глухой Курше, о которой рассказывал А. Куприн как о захолустье, а в 1971 г. Василий Песков в «Комсомольской правде» писал о грандиозном лесном пожаре, уничтожившем поселок Куршу и большую лесную территорию. У меня осталось в памяти изобилие белых куропаток на границе с владимирскими лесами, не говоря уже об утках, огромными стаями поднимавшихся с плесов Оки и ее притока Пры. В настоящее время там расположен Окский заповедник.

В 1914 г. произошло событие, имевшее большое значение для моей дальнейшей жизни. Мне, студенту второго курса университета, посчастливилось принять участие в экспедиции Зоологического музея Академии наук на Становой хребет в Амурскую область. Шесть месяцев длилось наше пребывание в безлюдной горной стране у истоков реки Зеи. В трудных условиях зоологических работ в болотах и гольцах сказалась польза охот-

ничьих навыков, укоренившихся почти с детства. Не страшны были ни холод ранней весны, ни дождь, ни снег, ни ночевки в горах под открытым небом. Я научился хорошо ориентироваться в сложной обстановке незнакомой местности. Экспедиция близко свела меня с охотниками, оленеводами-орочонами, помогла понять и полюбить этих бескорыстных детей природы, живших в тяжелых природных условиях. Позже были такие же дружественные встречи с эвенками восточного Прибайкалья. Добром вспоминаются и ненцы Тиманской тундры.

Направляясь в Амурскую область, мы остановились в Иркутске, где познакомились со знаменитым путешественником П.К. Козловым. Его рассказы о Монголии и Тибете вдохновляли нас перед трудным путешествием в неизведанную страну — горы Станового хребта.

Задачей экспедиции были наблюдения за снежными баранами, а также сбор зоологических коллекций по многим группам животных. Поднявшись по реке Зее до урочища Бомнак, экспедиция углубилась в тайгу. Мы шли пешком, ведя в поводу завьюченных лошадей. Нашими проводниками были орочоны, они шли с большим караваном оленей, навьюченных грузом экспедиции. Орочоны кочевали вместе с нами. Женщины с грудными младенцами ехали верхом на оленях. Мужчины везли весь орочонский скарб — палатки, железные печки и все остальное.

Шли мы больше недели, переправлялись через многочисленные притоки Зеи, покрытые еще наледями, переваливали через водораздельные хребты, где часто не было троп, прорубались сквозь густые заросли на склонах гор. Заболоченные леса, бугристые мари преграждали нам путь. Наконец достигли озера Оконон у подножия гольцов Станового хребта, здесь основали базу экспедиции. Отсюда пешком и верхами экскурсировали в горы, к далеким истокам Зеи, к озеру Токо на границе с Якутией.

Мы сумели добыть снежных горных баранов разных возрастов. Не обошлось, правда, без досадного случая. Из далеких горных районов к нам приехали на оленях два орочона. Они ничего не знали о целях нашей экспедиции и, добыв на днях старых снежных баранов, изрезали их большие рога на ложки. Вспоминается и событие, которое могло кончиться трагически.

Одной из моих обязанностей был сбор насекомых. Я заметил, что на стволах свежесрубленных деревьев собираются крупные жуки усачи. Предполагая собрать обильную жатву, я решил срубить большую лиственницу. В эти дни я остался один с проводником и казаком, другие сотрудники экспедиции уехали в горы. Два дня я подрубал намеченное огромное дерево. Под конец взялись за дело мои спутники: они энергично рубили ствол, а я стоял рядом, беспечно наблюдая за их работой. Дерево с грохотом стало падать, и я оказался на его пути. Меня мягко ударило ветками, свалило. Поднимаясь с земли, я увидел бегущих ко мне испуганных орочона-проводника и казака. Мне было весело, и я глупо смеялся. Зато ночью, лежа в палатке, вспоминая происшедшее, я не мог заснуть, дрожа от страха.

Приходилось много фотографировать и даже снимать кино. У нас был тяжелый допотопный киноаппарат на большом штативе. Не видавшие человека птицы, в особенности белые куропатки, не только близко подпускали к себе, но самочка пыталась даже клюнуть в руку, когда мы собирали ее птенцов перед киноаппаратом. Конечно, охота на птиц в таких условиях не представляла спортивного интереса. Но все же умение быстро стрелять навскидку пригодилось.

Помнится, надо было добыть маленькую пеночку. Она держалась высоко в кронах лиственниц, высмотреть ее там было невозможно. Я приспособился выпугивать птичку и стрелять ее навскидку. Добыв этот редкий местный вид пеночки, я был очень

горд своей сообразительностью, но мои спутники особого восторга почему-то не проявили.

Почти полугодовое пребывание в тайге, в горах, близкое знакомство с условиями жизни в Сибири привело к тому, что я полюбил эту необыкновенную страну. После окончания университета я уехал в Омск, где стал работать ассистентом кафедры зоологии сельскохозяйственного института. Если говорить об охоте в Западной Сибири в те годы, то она была необыкновенна по изобилию дичи.

Березовые колки лесостепной зоны были набиты беляками, а по опушкам держались тетерева, белые куропатки, серых было меньше. С утра забирались на челноках в заросли тростника и стреляли по уткам, тысячными стаями поднимавшимся с воды. Гнездились здесь и гуси.

По первозимью ездили на лошадях за беляками. В ближайшей деревне приглашали какого-нибудь бойкого мальчишку. Он верхом заезжал в березовый колок, а мы, трое охотников, вставали с противоположной стороны на опушке. Как из мешка сыпались напуганные криком мальчика беляки. Сибиряки в те времена не ели зайцев, брезговали ими, все равно что кошкой. Помню, после удачной охоты подарил я одному профессору-сибиряку двух беляков. Через пару дней несет он их мне обратно и говорит: «Жена выгнала меня вместе с вашими зайцами!»

С 1918 по 1923 год я жил в Иркутске, преподавал в университете. Озеро-море Байкал захватило меня своей романтической красотой. Обзавелся я лодкой, но плавал и в берестяной байдарке, привезенной из Якутии. Научился «кораблевождению» при всякой погоде и любых ветрах. Весной неделями пропадал в горах Байкальского хребта на глухариных токах. Освоил эту прекрасную охоту. Жил в пустых землянках угольщиков, кормил разных неприятных насекомых, а сам питался душистой черемшой. Медведей было много, и встречи с ними были часты.

Москва проектировала расширение Баргузинского заповедника, мне поручили обследование полуострова Святой Нос, дали денег. Но в существовавшей тогда Дальневосточной республике хождение имели только золотые монеты дореволюционной чеканки, билет на пароход надо было оплачивать золотом. Делать нечего, на рынке в Иркутске приобрел золото, хорошо что не арестовали меня за запрещенную скупку. По Байкалу ходил пароход «Кругобайкалец», на нем добрался до Сосновки, центра Баргузинского заповедника. Директор заповедника З.Ф. Сватош дал лодку, на ней я дошел до Чивыркуйского залива.

Святой Нос был закрыт густым дымом лесного пожара. Моими спутниками были лесничий Байкальского лесничества и мальчик, его сын. Расположились в Змеиной губе около горячего источника. Было приятно принимать серные ванны, в особенности после восхождений на хребет Святого Носа. Как только прошел дождь, открылась великолепная картина: темно-синие горы, на уступах отдыхают задержавшиеся клочья дыма, как облачка. Чивыркуйский залив щедро кормил нас, не требуя золотой монеты. Мы ставили небольшую десятиметровую сеть. Только опустив ее конец в воду, вынимали: набивалось такое количество окуней, что оставлять сеть было нельзя, иначе потом не вытащить рыбу.

Вот тут, в тайге Святого Носа, напал на нас голодный старый медведь. В нескольких шагах мы его застрелили из двадцаток. Спутник мой после этого отказался ходить со мной в горы, сидел около горячего источника и поджаривал на огне окуней. Пришлось мне утром на другой день идти снимать шкуру с медведя и тащить череп и мясо, а потом в одиночку подниматься на гольцы. На ночь забирался я под камни, подобно раку-отшельнику, разводил маленький огонек и слушал, как ходят медведи, потрескивают сухие ветки. Днем были видны повсюду следы медведей и северных оленей.

Однажды уселся я на землю писать этюд масляными красками, а сзади подошел медведь. Отбросив в сторону палитру и кисти, я схватился за ружье. Медведь бросился наутек.

Пройдя на лодке весь Чивыркуйский залив, мы обосновались у озера Рангатуй, что на перешейке, соединяющем Святой Нос с материком. Здесь было удивительное количество птицы. Утки разных видов — кряквы, чирки, шилохвости, касатки. Поднимали мы гусей, летали гагары, крохали и бакланы.

Ночью мы проснулись в палатке от шума дождя, вода подступила совсем близко, залила постели и мешок с сухарями. Как только пригрело солнышко, мы начали сушить сильно подмоченные сухари — наш единственный продовольственный запас. К сожалению, высушить их не удалось: очень скоро сухари, сложенные в мешок, позеленели. Пришлось расстаться с озером и Чивыркуйским заливом и плыть обратно вдоль скалистых берегов Байкала в Сосновку. Птицы здесь не было, и мы остались без пищи. На наше счастье Байкал выкинул к берегу ободранную тушу нерпы. В холодной воде (со времени весеннего промысла) она сохранила свежесть. Не скажу, чтобы мясо ее показалось нам очень вкусным, но ощущение при еде было оригинальным: жуешь мясо, а кажется, что ешь рыбу.

В 1922 г. вместе с двумя студентами Иркутского рабфака мы провели многомесячную экспедицию. Плыли на лодке под парусом вдоль восточного побережья Байкала. В целях сбора материала по изучению фауны птиц и млекопитающих мы поднимались в гольцы Баргузинского хребта и полуострова Святой Нос. Вспоминаются встречи с медведями, охота на горных сурков-тарбаганов. Один из моих спутников — К.И. Мишарин — впоследствии стал профессором Иркутского университета, ихтиологом, посвятившим жизнь изучению рыб Байкальского бассейна.

В 1924 г. судьба перебросила меня на Северный Кавказ. После суровой сибирской природы Кавказ показался мне фее-

рической страной, будто я очутился среди роскошных декораций. Будучи профессором зоологии Северо-Осетинского педагогического института (ныне университета), я предпринял изучение фауны позвоночных животных Кавказа, идя по стопам старых натуралистов — Сатунина, Динника и других исследователей. Нет возможности перечислить все поездки и экспедиции, увлекательные охоты на туров, серн, горных тетеревов и кекликов. На автомобилях, на волах и пешком была пройдена почти вся Осетия, Дагестан с его заоблачным аулом Куруш, Армения, незабываемый по красоте Севан, в те времена не превращенный еще в два озера, исчезнувшее теперь гнездовье птиц на озере Гилли, побережье Каспия, Закавказье. В Караногае мы видели нашествие перелетной саранчи, а в Кизлярском районе прекрасно охотились на фазанов. Вместе с Л.Г. Морозовой-Туровой много времени уделили изучению млекопитающих животных Караногая, Дагестана, Закавказья и при участии моего друга препаратора В.А. Селегененко добывали редкостного эндемика Кавказа — прометееву мышь. Нам довелось уточнить ареал этого грызуна, обитающего исключительно в ограниченном районе гор Кавказа. Мы принимали участие в большой экспедиции, направленной Комитетом по заповедникам для установления границ Кавказского заповедника и выяснения наличия кавказских зубров. Как выяснилось, они были уничтожены ко времени прибытия нашей экспедиции в 1926 г.

Несколько позднее я уже обзавелся зеркальным фотоаппаратом с большим телеобъективом и мог с успехом фотографировать животных. В прежние годы снимали на стеклянных пластинках ящичными аппаратами. Приходилось таскать с собой тяжелые кассеты и на ходу перезаряжать их запасными пластинками. Экспонометра у меня не было — снимал, «по чутью» определяя выдержку. Большие зеркальные аппараты были тяжелы, смена объективов сложна.

Помнится, как однажды на Кавказе медведь перешел тропу впереди меня и, поднявшись немного выше, остановился, опершись передними лапами на ствол упавшего дерева. Я сел на землю, убрал объектив, вынул из футляра телевик и навинтил его в зеркалку. Медведь все время ждал, наблюдая за моими действиями, но исчез, как только я попытался поймать его в зеркале аппарата. Однажды с тяжелой зеркалкой я подползал по крутому склону к стаду серн. После того как мне удалось сделать один снимок, при смене кассеты пластинка упала внутрь аппарата и второго снимка я сделать не успел. Серны не стали ждать.

Подобно зверю, делающему круг и возвращающемуся к своему логову, я в 1931 г. вернулся в Москву и без малого тридцать лет отдал Зоологическому музею Московского университета. В музей стекались научные коллекции со всего Союза, а также из разных стран. Мы организовали большие и малые экспедиции для сбора коллекционных материалов по изучению фауны нашей страны. Пришлось организовать и принимать участие в экспедициях в Тиманскую тундру, на Урал, в Мордовию, Гасан-Кули, в Беловежскую пущу и во многие другие районы страны. Тесная связь с Комитетом по заповедникам выразилась как в работах по обследованию районов, намеченных для организации заповедников (Денежкин Камень, Керженец), так и в изучении фауны существующих. За последние годы удалось познакомиться с заповедниками: Хоперским, Воронежским, Кызыл-Агачским, Окским, Астраханским, Березинским, Судзухинским и Кедровой Падью.

Наряду с моей весьма скромной научной деятельностью я с увлечением отдавал много времени сочинению научно-популярных книг и статей. Моя первая статья в журнале «Охотничий вестник» появилась в 1917 г., а годом раньше — научная в зоологическом журнале.

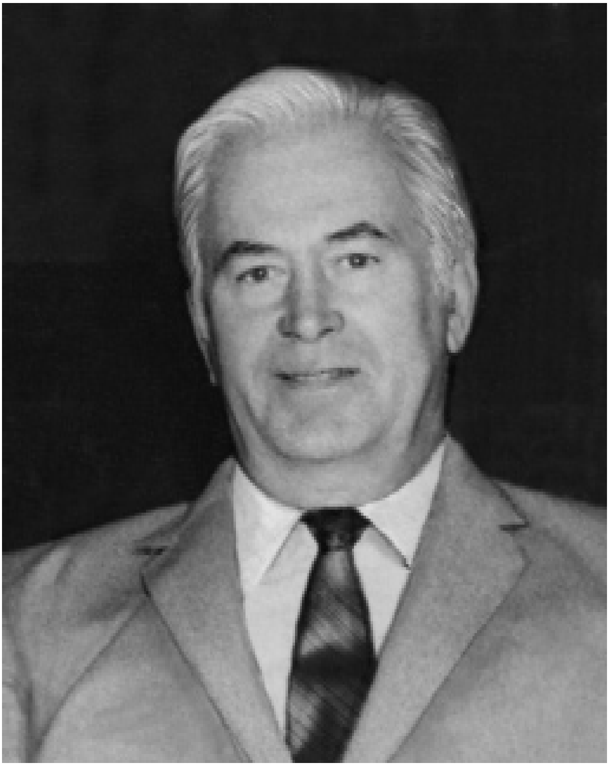
Обстоятельства моей жизни сложились так, что в сороковых годах возродилось мое старое увлечение живописью. Еще в 1911—1912 гг. я учился живописи и рисунку в студии академика живописи С.Ю. Жуковского. С тех пор я время от времени обращался к изобразительному искусству, а в сороковых годах мои полотна продавались в Москве в художественных салонах. По тематике мои картины почти не имели конкурентов, так как мало кто из живописцев обращался к охотничьему пейзажу.

Живопись, фото и кино служили всегда большим подспорьем в моей педагогической и научной работе, а охота тесно связана с моими путешествиями. До последних дней они заполняют мой досуг и служат стимулом к творчеству.

*****

САВВА МИХАЙЛОВИЧ УСПЕНСКИЙ

1920–1996



Будучи зоологом широкого профиля, Савва Михайлович Успенский наиболее известен как орнитолог, но и в териологии он оставил заметный след.

В 1937 г. С.М. Успенский поступил на биолого-охотничье отделение Московского пушно-мехового института. Уже со студенческих лет четко обозначился круг его основных интересов — природа Арктики. В 1956 г. он был зачислен старшим научным сотрудником в лабораторию орнитологии, созданную профессором Г.П. Дементьевым на биолого-почвенном факультете МГУ. Она занимала небольшие помещения в Зоологическом музее МГУ; Савва Михайлович получил постоянное рабочее место на хорах верхнего зала музея, где занимал одну из «клеток».

После защиты докторской диссертации по экологии и географии птиц Арктики и Субарктики круг его деятельности расширился. Большое внимание он стал уделять проблемам охраны природы и животного мира Арктики. В частности, С.М. Успенский реанимировал идею восстановления овцебыка в Российском секторе Арктики и энергично взялся за претворение этой идеи в жизнь. Под его руководством был составлен проект завоза овцебыков из Канады и США. Он сам принял участие в отлове овцебыков в Америке и транспортировке отловленных животных самолетами на Таймыр и остров Врангеля. Тогда было много сомнений в успехе этого дела; теперь ясно, что теоретическая разработка С.М. Успенского оказалась верной: овцебыки широко расселились по Таймыру, так же успешно они прижились и на острове Врангеля.

Настоящий материал подготовлен И.Я. Павлиновым на основе обстоятельного очерка о С.М.Успенском, опубликованного ранее в книге «Московские орнитологи» (1999).

Другой любимый арктический вид Саввы Михайловича — белый медведь. В нашей стране, да, пожалуй, и во всем мире, не было другого человека, который бы так много сделал для изучения, сохранения и популяризации этого уникального арктического зверя. С.М. Успенский много работал с белым медведем в природе, особенно на острове Врангеля: там он сам обследовал множество медвежьих берлог, первым в России занялся мечением этих животных. Его перу принадлежит несколько популярных и научных книг о белом медведе. В 1968 г. Комиссия по редким видам животных Международного союза охраны природы избрала его первым председателем Международной рабочей группы по белому медведю. Вклад С.М. Успенского был по достоинству оценен коллегами, которые присвоили ему неформальный почетный титул «Мистер Белый Медведь».

КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ ФИЛОНОВ

1921—1998

Сегодня, перебирая в памяти почти тридцать лет нашего знакомства и дружбы, я не могу отделаться от чувства сожаления за не до конца использованные возможности общения с этим человеком. Константин Павлович был трудоголиком в самом прямом и настоящем смысле этого недавно появившегося слова. Он работал много и систематично. В последние годы он практически не мог бывать в поле, но восполнял это чтением, конспектированием, обработкой рукописей из архивов. За двадцать пять лет он опубликовал более 150 научных статей в лучших советских и зарубежных биологических журналах и тематических сборниках. Из-под его пера вышло 7 монографий по экологии копытных и хищных млекопитающих, по теории охраны природы и заповедного дела. Его наследие еще долго будет помогать молодым зоологам и зрелым специалистам, посвятившим свой труд благородному делу изучения и сохранения природы.

Константин Павлович родился в Воронеже, где прожил с родителями и сестрой до 1927 г. Дальнейшая его жизнь была связана с Москвой, несмотря на то, что война, а потом учеба и работа гоняли его от Берлина до Иркутска и от Мелитополя до Кандалакши. В 1940 г. он начал учиться в Московском автодорожном институте. В августе 1941 г. он уже был на фронте. Рядовым и сержантом он пережил и отступления, и поражения, и радость Победы. Он был разведчиком, пулеметчиком, артиллеристом. В боях под Вязьмой в марте 1943 г. был тяжело ранен, но уже в июле снова оказался в строю. Участвовал во взятии Минска, Варшавы, дошел до Берлина. Был награжден медалью

«За боевые заслуги» и двумя медалями «За отвагу», которые фронтовики ставили выше многих боевых орденов.

В 1946 г. К.П. Филонов демобилизовался и начал работать. Сначала на агрометеостанции Научно-исследовательского института зернового хозяйства, а затем, в 1947 г., — в московском отделении Гидрометеоиздата. Трудолюбие, аккуратность и грамотность молодого сотрудника, бывшего фронтовика, обратили на себя внимание, и 1948 г. он был переведен на работу в Главлит СССР, где проработал цензором и старшим цензором до 1953 г. Одновременно Константин Павлович учился на заочном отделении Московского полиграфического института, который закончил в 1954 г. Его всегда привлекала биология как наука о природе, к которой он с раннего детства был неравнодушен. Он много занимался самообразованием в этой области, что позволило ему стать редактором биологического раздела Детской энциклопедии Академии педагогических наук РСФСР, где он проработал до конца 1955 г.

В 1952 г. К.П. Филонов поступил на вечернее отделение Московского пушно-мехового института. Однако, как известно, институт был расформирован, а факультет охотоведения, на котором он учился, был переведен в Иркутск. Диплом об окончании вуза и охотоведческую специальность Константин Павлович получил уже в 1957 г. Переехав в Сибирь в 1955 г., он поступил на работу в Баргузинский заповедник на должность директора. Семь лет общения с природой Байкала оставили неизгладимый след в душе Константина Павловича. Он всем сердцем полюбил этот суровый край. Уже когда он снова работал в Москве, у него дома и на работе всегда висели фотографии склонов Баргузинского хребта, заснеженных кедров и пихт, любимой собаки — белой лайки Лушки, которую он привез с Байкала.

К сожалению, излишняя принципиальность К.П. Филонова (с точки зрения областного начальства) не дала ему возмож-

ности спокойно работать в этом заповеднике даже в более «безопасной» должности заместителя директора по научной работе. Тем не менее увлекавшийся тогда экологией птиц, Константин Павлович оставался работать в заповеднике до 1962 г., сумел собрать большой материал и с успехом защитить кандидатскую диссертацию на тему «Роль экологических факторов зимы в жизни птиц северо-восточного побережья Байкала».

После Баргузинского заповедника К.П. Филонов переехал на Южный Урал, в Башкирский заповедник, одновременно подав документы на конкурс в Мелитопольский педагогический институт. В Мелитополе он проработал семь лет в должности доцента, а затем заведующего кафедрой зоологии. Дружеские и профессиональные связи с коллегами, с которыми Константин Павлович работал в заповедниках и на Азовском море, сохранились на долгие годы. К этому времени он опубликовал уже более 50 статей по различным вопросам экологии птиц, но одновременно не упускал возможности собирать материал и по другим группам позвоночных животных. Большую помощь в работе ему оказывала его жена Мария Михайловна, профессиональный переводчик, с которой К.П. Филонов познакомился во время работы в Главлите. Вместе они перевели для издательства «Прогресс» монографию Дж. Дарлингтона «Зоогеография: географическое распространение», которая была встречена с одобрением отечественными зоологами.

Осенью 1970 г. Константин Павлович прошел конкурс и поступил на работу в Центральную научно-исследовательскую лабораторию охотничьего хозяйства и заповедников Главохоты РСФСР. Работа, которая была ему предложена, отличалась от того, чем он занимался раньше: в отделе заповедников предстояло решать вопрос об обработке многотомных материалов так называемой «Летописи природы». Поначалу К.П. Филонов довольно сильно сопротивлялся этому и выговорил себе право

продолжать работать и по чисто орнитологической тематике. Однако не прошло и года, как он увлекся и полностью погрузился в анализ колоссальных массивов данных, лежавших нетронутыми в архивах заповедников. При этом особое внимание он уделял проблеме динамики численности копытных животных. Несмотря на то что общие закономерности движения численности разрабатывались уже давно и достаточно активно во многих странах по обе стороны Атлантики, обнаружилось очень много интересных деталей.

В материалах регулярных учетов и наблюдений, выполняемых заповедниками в рамках «Летописи природы», открылись богатейшие пласты данных, как подтверждавших на конкретном материале теоретические построения, так и демонстрирующих новые, достаточно тонкие детали природных процессов. В течение двух десятков лет Константин Павлович обработал материалы «Летописей» заповедников лесной зоны европейской и частично азиатской территории страны. Сам он посетил многие заповедники и оказывал консультативную помощь во всех природоохранных и научных учреждениях, материалы которых использовал. В некоторых аповедниках он участвовал и в учетах. По результатам этих работ К.П. Филонов опубликовал в различных отечественных и зарубежных журналах и тематических сборниках около 30 статей.

В 1980 г. он перешел на работу в Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова. В новом коллективе он продолжал обрабатывать материалы «Летописей природы» и готовить фундаментальные монографии по экологии копытных животных, по взаимоотношениям копытных и крупных хищников, по копытным на заповедных территориях. Обработанный материал лег в основу успешно защищенной докторской диссертации, озаглавленной им «Особенности движения численности парнокопытных животных в условиях заповед-

ного режима на примере семейства оленей». Последней фундаментальной работой, выполненной К.П. Филоновым совместно с коллективом авторов при участии академика В.Е. Соколова, а также коллег и помощников (Ю.Д. Нухимовской и Г.Д. Шадриной), была монография «Экология заповедных территорий России». Эта книга посвящена слабо разработанным как в отечественной, так и в зарубежной литературе особенностям охраняемых территорий. В ней рассматриваются: географическое положение, пространственная структура, размеры, конфигурация, степень освоенности окружающих эксплуатируемых земель и другие факторы, влияющие на функциональную «целесообразность» размещения заповедника в том или ином районе.

Серьезные занятия какой-либо одной проблемой почти всегда заставляют обращать внимание на смежные и более общие вопросы. Поэтому неудивительно, что Константин Павлович не стал уклоняться от задач усовершенствования программы работ по «Летописи природы». Вместе с Ю.Д. Нухимовской он подготовил методическое пособие «Летопись природы в заповедниках СССР». Эта полезнейшая работа под редакцией академика В.Е. Соколова, вышедшая в 1985 г. небольшим тиражом, сразу разошлась и превратилась в библиографическую редкость. Книга была написана и вышла в свет в те годы, когда информатика в стране еще только начала получать распространение и поэтому не нашла отражения в пособии.

Начиная с 80-х гг. в Академии наук и в государственных университетах катастрофически сократились возможности формирования научных школ. К сожалению, годы наиболее плодотворной работы К.П. Филонова пришлись именно на этот печальный период. В значительной степени из-за этого у него было мало учеников. Тем не менее он активно работал в качестве заместителя председателя Комиссии Академии наук по заповедникам. Он консультировал научных сотрудников заповедников

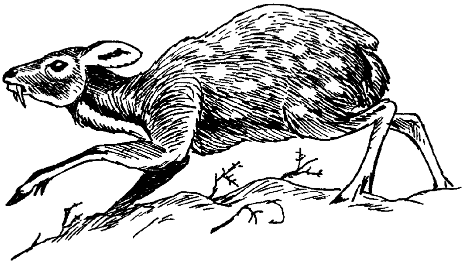
и их руководителей. Во многом благодаря его усилиям заповедникам удалось возобновить выпуск научных трудов и начать публикацию списков видов флоры и фауны. Последнее представляется исключительно важным, поскольку это тот фундамент, на котором должно строиться здание мониторинга экологической ситуации в крупных регионах страны и в конечном счете прогноза, управления и охраны экосистем и поддержания биоразнообразия. К сожалению, он не смог принять новых веяний и современной методической базы исследований в своей области науки.

Константин Павлович был серьезным ученым, но душа его просила гораздо большего, идеального. Он любил и понимал природу. Охота была ему совершенно чужда. Но красота деревьев, воды, закатного неба не оставляли его равнодушным никогда. Естественно, что он увлекся живописью. В городах, где нам приходилось бывать вместе, он неизменно искал выставки и художественные музеи. А в последние десять лет стал много писать сам. После него остались поэтические масляные работы — баргузинские и башкирские пейзажи, выполненные по памяти, а также многочисленные этюды с натуры, большая часть которых была сделана в Дарвинском заповеднике.

К.Д. Зыков

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ ФЛЕРОВ

1904–1980



Константин Константинович Флёров родился 4 февраля 1904 г. в Москве в семье профессора Московского университета, специалиста по инфекционным болезням К.Ф. Флёрова. В 1920 г. он поступил на естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета и в 1925 г. окончил его, специализируясь по описательной зоологии у таких ведущих ученых того времени, как академики М.А. Мензбир, А.Н. Северцов, М.В. Павлова и др. К.К. Флёров всегда подчеркивал, что был учеником М.А. Мензбира. Уже в студенческие годы он проявил большой интерес к зоологии позвоночных, особенно млекопитающих, и к их научно-художественному изображению, успешно сочетая учебу с работой коллектора в Зоомузее МГУ и сотрудника Государственных мастерских наглядных пособий Народного комиссариата просвещения под руководством известного художника-анималиста В.А. Ватагина. В 1926 г. К.К. Флёров поступил в Зоологический институт Академии наук СССР, где работал старшим научным сотрудником до 1937 г. После переезда Академии наук в Москву Константин Константинович по приглашению академика А.А. Борисяка и Ю.А. Орлова стал работать старшим научным сотрудником в Палеонтологическом институте, а с 1947 по 1973 г. заведовал его музеем. В 1937—1946 гг. по совместительству К.Ф. Флёров состоял старшим научным сотрудником Государственного Дарвиновского музея, работая под руководством профессора А.Ф. Котса. С 1974 г. до самой смерти был научным консуль-

---

По материалам статьи Б.А. Трофимова в книге «Палеотериология». 1994. М: Наука. С.4–14.

тантом Института эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР.

К.К. Флёров сочетал научную деятельность с анималистическим творчеством. Особенно много работал он как живописец в первые годы после переезда в Москву, в предвоенные и военные годы. Им создано множество работ для Дарвиновского и Палеонтологического музеев.

В 1935 г. К.К. Флёрову без защиты была присуждена степень кандидата биологических наук; в 1946 г. он успешно защитил диссертацию «Кабарги и олени» на степень доктора биологических наук, а в 1949 г. ему было присвоено звание профессора. Константин Константинович — автор 110 научных работ, основная тематика которых — зоология, палеонтология (морфология, систематика, экология, зоогеография) позвоночных, преимущественно млекопитающих. К.К. Флёров был участником 36 экспедиций, в основном зоологических, и ряда международных научных конгрессов.

Первая его работа — «Наблюдения над образом жизни водяной крысы» — опубликована в 1925 г., когда он был еще студентом. Далее одна за другой следуют статьи по европейской норке и различным копытным (*Bison*, *Capreolus*, *Cervus* и др.), большие разделы в коллективных монографиях, изданных под руководством Е.Н. Павловского и Б.С. Виноградова («Звери Арктики», «Звери Таджикистана», 1935). Все эти работы появились в результате его многократных экспедиций по Уралу, Кавказу, Дальнему Востоку, Средней Азии и создали К.К. Флёрову крупное имя в зоологии не только у нас, но и за границей.

В замечательной статье «Морфология и экология оленеобразных в процессе их эволюции» (1950) и в капитальной монографии «Кабарги и олени» (1952) им дан интересный палеобиологический обзор эволюции оленеобразных, детальное систематическое описание всех форм, известных в СССР и за его пределами.

Приведены описания каждого рода, вида и подвида, их приспособительные особенности (биология), распространение и в ряде случаев экономическое значение. Освещены географическая изменчивость, изменения морфофункциональных и экологических особенностей — вопросы, которые его всегда интересовали.

Обе работы органически связаны между собой и как бы взаимно дополняют друг друга. Если монография представляет обзор современных кабарог и оленей, распространенных преимущественно в России и сопредельных странах, с учетом широкого разбора их систематики и распространения в мировой фауне, то ранее напечатанный очерк служит как бы историческим обоснованием их филогенетической системы.

Книгу «Кабарги и олени» открывает глава, посвященная обзору истории развития оленеобразных. В ней освещена не только палеонтологическая история, но и изменения морфологии и приспособлений в связи с изменявшимися условиями существования оленеобразных с олигоценовой эпохи до современности. В основе этих исследований лежат идеи и методы классических работ В.О. Ковалевского, и все полученные автором данные об оленях, как он совершенно правильно указывает, «вполне согласуются с основными идеями В.О. Ковалевского, подтверждаются ими и вместе с тем служат их развитием как в отношении самого принципа исследования — от изучения анатомии через познание функции к пониманию экологии, так и с точки зрения основного положения, что «толчок к изменению организма был даваем всегда внешними условиями»».

К.К. Флёров широко использует данные палеонтологии, палеоботаники, палеогеографии, применяет актуалистический метод, обращаясь, так сказать, за справками к современным близким им формам — трагулидам. Такой подход позволил ему сделать ряд оригинальных и надежно обоснованных выводов относительно их строения и образа жизни.

Подробно разобрав наиболее древние формы оленей и выделив основные экологические типы, автор анализирует в таком же аспекте и последующие группы третичных и четвертичных оленей. Далее описаны морфологические и экологические изменения оленей в процессе их исторического развития: конечности и способ передвижения, зубы и череп в связи с механикой питания и пищей, рога, волосяной покров и ряд других особенностей. Очень интересна заключительная часть этого раздела, подводящая итоги основных направлений исторического изменения оленеобразных, закономерности и этапы этого изменения, формирование и смена их фаунистических комплексов, географическое расселение и пр. Все это заставляет признать, что история оленеобразных выяснена с большой полнотой. Наконец для этой группы была разработана хорошо обоснованная филогенетическая система.

Большая систематическая часть работы разделяется на два отдела — общее описание семейств кабарог и оленей и собственно систематическое описание по группам, включая описание подвидов.

Общие главы содержат подробное морфологическое описание, географическую, возрастную и половую изменчивость, исторические изменения и направление приспособлений, разбор положения в системе млекопитающих, географическое распространение, биологию и хозяйственное значение группы. Систематические описания по группам заключают те же разделы, но дополнены разбором приспособительных особенностей отдельных форм. Много места уделено детальной морфологии, как внешней, так и скелетной, особенно черепа и костей конечностей, чего до сих пор не было ни в отечественных, ни в зарубежных работах подобного рода.

Помимо оленей фауны СССР, описаны также олени сопредельных стран и главнейшие формы мировой фауны, что позво-

лило охарактеризовать всю группу в целом и обосновать ее систематику. Это сделало работу полезной и нужной для зоологов.

Следует отметить прекрасные иллюстрации, почти целиком оригинальные и выполненные самим автором.

Во всех исследованиях К.К. Флёрова, как в области зоологии, так и в области палеонтологии, помимо систематического описания затрагивались вопросы функциональной морфологии, биологии и зоогеографии, и каждая новая статья свидетельствовала о расширении и углублении его интересов.

Если работы Флёрова в области изучения оленеобразных и полорогих (роды *Bison*, *Bos*) связаны в основном с его зоологическими исследованиями, то в дальнейшем он публикует серию чисто палеонтологических монографий и статей. Они посвящены в основном таким «экзотическим» млекопитающим, не имеющим аналогов среди современных групп, как диноцераты и пантодонты, остатки которых собраны в палеогеновых отложениях Монголии. В монографии «Диноцераты Монголии» (1957) наиболее оригинальны главы, посвященные морфофункциональным особенностям и образу жизни этих животных, в которых автор сделал интересную попытку выяснить возникновение растительноядности у млекопитающих. Интересны также данные об изменении скелета диноцерат в процессе их исторического развития, выявление их филогении — от происхождения до вымирания. Освещены вопросы полового диморфизма, возрастных изменений и особенностей захоронения.

Константин Константинович был руководителем и основным автором коллективной монографии «Зоогеография палеогена Азии» (1974), в которой детально описано историческое развитие всех наземных животных в течение громадного отрезка времени на обширной территории.

В последние годы он опубликовал серию статей по морфологии, систематике и истории рода *Bison*; был инициатором и од-

ним из авторов коллективной монографии «Зубр» (1979), в которой написал главу по систематике и истории бизонов.

К.К. Флёров был блестящим художником-анималистом и знатоком музейного дела. Им созданы замечательные научные реконструкции вымерших животных и экспозиции (монтированные скелеты, витрины), послужившие основой музея Палеонтологического института АН СССР, которым он руководил до 1974 г. Многие его рисунки и картины украшают музей Зоологического института в Петербурге, залы Государственного Дарвиновского музея, музеев Монголии, Германии и др., а также множество проиллюстрированных им книг и статей.

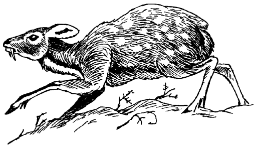
Константин Константинович широко популяризировал научные знания, читал лекции, проводил беседы, выступал по радио и телевидению; публиковал в газетах и журналах статьи о развитии жизни на Земле, по разным вопросам зоологии и палеонтологии.

Исследовательский и организаторский талант К.К. Флёрова выдвинул его в число лидеров палеотериологии. Им было положено много сил на объединение палеотериологов СССР, он был долгие годы бессменным председателем секции по млекопитающим Проблемного совета «Пути и закономерности исторического развития животных и растительных организмов». К.К. Флёров много сделал для пропаганды советской зоологии и палеонтологии за рубежом, участвуя в ряде международных конгрессов и симпозиумов. С палеонтологическими и зоологическими целями он посетил много стран, с 1965 по 1980 г. активно сотрудничал с Институтом четвертичной палеонтологии в городе Веймаре (ГДР) и с его директором Г.Д. Кальке.

Константин Константинович был членом ряда научных обществ СССР, Общества палеонтологии позвоночных США (с 1946 г.), Ассоциации палеонтологов Аргентины, Германского общества геологических наук (ГДР).

К.К. Флёров был, как уже сказано, замечательным художником-анималистом. Он считал себя последователем выдающихся художников — В.А. Серова, К.А. Коровина, А.С. Степанова и учеником В.А. Ватагина, с которым ему довелось работать в Зоологическом музее Московского университета и в Дарвиновском музее. Им созданы оригинальные, научно достоверные изображения сотен современных и ископаемых животных. Константин Константинович заслужил славу одного из лучших художников-анималистов нашего времени.

Б.А. Трофимов



АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ФОРМОЗОВ

1899–1973

Александр Николаевич Формозов родился в Нижнем Новгороде 13 февраля 1899 г. в очень культурной семье. <Отец Николай Елпидифорович Формозов, сын арзамасского священника, был человек безусловно одаренный, но рано женился и не получил высшего образования. Страстный охотник и природолюб, он зарабатывал на жизнь семьи изнурительным трудом мелкого служащего. Выезды на охоту и наблюдения за жизнью деревни описаны им в многочисленных очерках в местных губернских газетах. Мать Елизавета Федоровна, урожденная Федорова, старшая дочь в многодетной семье рано овдовевшего станционного смотрителя в с. Асташиха Нижегородской губернии. Она воспитывала младших братьев и, в отличие от них, получила лишь начальное образование. — Н.А. Формозов, in lit.> Еще будучи ребенком, он полюбил природу, продолжительные экскурсии за город, которым отдавал большую часть свободного от учения времени. Мог часами следить за жизнью птиц, мелких зверьков. Это развило у него исключительную наблюдательность, умение узнавать по невидимым другим людям приметам, кто из животных здесь побывал и чем занимался, какие оставил следы. От гимназических лет сохранились дневники, которые в общих тетрадях вел Александр Николаевич, записывая в них свои наблюдения, зарисовывая виденное во время пребывания в лесу и поле. Зарисовки поражают недетским умением немногими штрихами передать характерные позы и движения животных. Звери и птицы А.Н. Формозова — живые. Подкупает непосредственность восприятия художника, влюбленность начинающего натуралиста в свое дело.

По материалам статьи А.А. Насимовича «Памяти Александра Николаевича Формозова» //Бюлл. МОИП, отд. биологический. 1975. Т.80, вып. 1. С.5–18.

Детские годы, очевидно, во многом предопределили будущие склонности и интересы А.Н. Формозова. Тем не менее, окончив в 1917 г. Нижегородскую губернскую гимназию, он поступает в Варшавский политехнический институт, находившийся в эвакуации в Нижнем Новгороде. В навигацию 1917 и 1918 гг. А.Н. Формозов работает в качестве практиканта и старшего рабочего в изыскательных партиях Министерства путей сообщения на Северной Двине и Волге.

Осенью 1918 г. Александр Николаевич вступает в Красную Армию и по май 1920 г. находится на Южном фронте в составе инженерной части, а затем в штабе командарма И. Уборевича. Участвует в укреплении г. Царицына и в бою под Жутово. При окружении Царицына белыми у станции Лог его часть, находившаяся в эшелоне, была разбита и взята в плен казаками Мамонтова. А.Н. Формозова с товарищами угоняют в тыл, на р. Донец, где он заболевает в тяжелой форме возвратным тифом. Его освобождают подошедшие части Красной Армии. После выздоровления он служит чертежником в Оперативном отделе штаба 9-й армии и демобилизуется после выхода частей этой армии на побережье Черного моря.

В июне 1920 г. А.Н. Формозов возвращается на работу в водном транспорте Волжского бассейна и до осени 1922 г. выполняет обязанности техника-топографа в Отделе речных наблюдательных станций. Одновременно со службой, с осени 1920 по весну 1922 г., слушает курс на биологическом отделении Нижегородского университета, а осенью 1922 г. переводится в Москву, в Московский университет. С 1922 по 1925 г. работает в Дарвинском музее Наркомпроса художником-анималистом и инструктором таксидермической мастерской (знания в этой области были приобретены в годы добровольного сотрудничества в естественно-историческом музее нижегородского земства). По окончании курса биологического факультета А.Н. Формозов

проходит аспирантскую подготовку при Научно-исследовательском институте зоологии МГУ. Будучи аспирантом, он участвует как научный сотрудник в Монгольской (1926 г.) и Амурской (1928 г.) экспедициях АН СССР.

В годы студенчества и аспирантуры в МГУ и последующие за ними наибольшее влияние на формирование молодого натуралиста оказал профессор Б.М. Житков — разносторонний биолог и географ, много сделавший для развития прикладных аспектов зоологии. В дальнейшем разработка охотоведческих проблем займет прочное место и в научных исследованиях А.Н. Формозова. Большой интерес к зоогеографии, пронесенный Александром Николаевичем через всю жизнь, в годы учения поддерживал не только Б.М. Житков, но и академик П.П. Сушкин и профессор А.П. Семенов-Тян-Шанский, консультациями которых, в том числе и в письмах, неоднократно пользовался молодой А.Н. Формозов. Очень многое дала ему дружеская близость с более молодым, чем он сам, талантливым ленинградским орнитологом — Л.М. Шульпиным, с которым они вместе работали в Амурской экспедиции 1928 г. и который, как и Формозов, очень интересовался проблемой жизненных (адаптивных) форм у животных.

После окончания аспирантуры А.Н. Формозов в 1929—1930 учебном году работает доцентом Ленинградского института прикладной зоологии и фитопатологии. В феврале 1930 г. его приглашают доцентом на естественное отделение физико-математического факультета МГУ, а затем профессором в Институт пушно-мехового и охотничьего хозяйства. В 1935 г. А.Н. Формозова утверждают в ученом звании профессора, вскоре ему присваивают без защиты ученую степень доктора биологических наук.

С Московским университетом Александр Николаевич был тесно связан с 1922 по 1956 г., а в Институте пушно-мехового и охотничьего хозяйства работал с 1930 по 1934 г. В течение не-

скольких лет по совместительству Александр Николаевич заведует сектором дикой промысловой птицы в Научно-исследовательском институте птицепромышленности Наркомснаба и работает заместителем директора по научной части Центральной лаборатории биологии и техники охотпромысла, а позднее — Всесоюзного научно-исследовательского института пушно-мехового и охотничьего хозяйств (ВНИИПО) Наркомвнешторга.

С научно-исследовательскими целями в разные годы А.Н. Формозов работает в экспедициях в Лапландии, на Мурмане, в Смоленской, Московской, Ярославской, Костромской, Горьковской, Вологодской, Архангельской, Кировской, Тюменской и Новосибирской областях, в Коми АССР, Дагестане, Казахстане, Киргизии, Туркмении, на Северном Кавказе, в Приморье и Приамурье, в Бурятии и в МНР. Он деятельно изучает фауну нашей страны, собирает материал по экологии промысловых млекопитающих и птиц, грызунов — вредителей сельского хозяйства и переносчиков опасных болезней человека; руководит исследовательской работой ряда лиц и групп по той же тематике.

Пытливый ум, исключительная наблюдательность, широкие интересы, разностороннее знание фауны Восточной Европы и многих районов Азии, работа на стационарах, посещаемых из года в год, умение связать разрозненные факты единой мыслью, наконец, хорошая осведомленность о литературных источниках, вплоть до полузабытых, но богатых фактами заметок в охотничьих журналах, — все это создавало предпосылки для широких обобщений, для прокладывания новых путей в экологии.

Одним из таких новых направлений явились исследования Александра Николаевича о снежном покрове и его влиянии, прямом и косвенном, на жизнь животных, особенно млекопитающих и птиц (Формозов, 1939, 1946, 1961, 1964 и др.).

Известная монография «Снежный покров как фактор среды, его значение в жизни млекопитающих и птиц в СССР» была

подготовлена и передана в печать Зоологическому институту АН СССР в конце 1937 г., а в феврале 1941 г. автор подписал верстку своего труда к печати. Однако книга не успела выйти в свет ... началась война. В 1944—1945 гг. А.Н. Формозов незначительно дополнил текст, внес отдельные исправления в рукопись, и в 1946 г. она была опубликована МОИП.

Эта книга еще в рукописи и кратком печатном извлечении из нее (1939 г.) была известна в основных чертах целому ряду зоологов и уже тогда сыграла роль катализатора подобного рода исследований в Советском Союзе, особенно в заповедниках. Главным образом от этой книги, переведенной на английский язык и изданной в 1964 г. Бореальным институтом Канады отталкивались в дальнейшем многие биологи США и Канады, в частности специалисты Канадской службы диких животных, начиная свои исследования о роли снежного покрова в жизни зверей и птиц американского континента. В одном из своих писем, посланном в 70-х годах, канадский зоолог Уильям Пруитт сообщает, что книгу А.Н. Формозова о роли снежного покрова в жизни животных он рекомендует своим ученикам, закончившим университет, изучать столь же основательно, как «Происхождение видов» Дарвина, «Изучение инстинкта» Тинбергена и «Распространение животных в зависимости от их общественного поведения» Уинн-Эдуардса.

Незаслуженно меньшей популярностью в кругах зоологов пользуется другая крупная работа Александра Николаевича по снегу «О значении структуры снежного покрова в экологии и географии млекопитающих и птиц» (1961), и одна из причин тому — публикация ее в чисто географическом проблемном сборнике, оставшемся мало известным в кругах зоологов. А между тем в этой работе очень много интереснейших наблюдений и методических указаний в отношении изучения подснежной жизни мелких грызунов и землероек.

Роли климатических и погодных факторов в жизни животных посвящены многие другие исследования А.Н. Формозова, в частности большая серия его статей, опубликованных в 1931—1959 гг., о влиянии циклического наполнения и пересыхания озер в степной и лесостепной части Северного Казахстана и Западной Сибири и обусловленного этим периодического расширения и сужения водопокрытой площади и тростниковых займищ на фауну птиц, связанных с водоемами.

Излюбленная тема его научных исследований — экологические взаимосвязи различных членов ценоза, например, хищных зверей и птиц и их жертв — грызунов; различного рода древесно-кустарниковых растений и потребителей их плодов и семян. В серии работ, частью оставшихся в рукописях, Александр Николаевич рассматривает влияние этих взаимосвязей на распространение, стациальное и сезонное распределение, численность, конкурентные отношения, степень оседлости, миграции и другие стороны экологии «потребителей» (консументов) и на явления зоохории. Предложенный им термин «плеяда» для консументов, группирующихся вокруг той или другой древесной породы («плеяда дуба», «плеяда кедра» и т. п.), хотя и не эквивалентен по объему термину «консорция» геоботаников и биогеоценологов, но, несомненно, более выразителен. Над некоторыми из очерков, посвященных этой тематике, А.Н. Формозов работал вплоть до последних дней жизни, дополняя их новыми и новыми фактами. К сожалению, они пока еще не опубликованы*.

Серия работ Александра Николаевича, осуществленных им лично и совместно с его учениками и сотрудниками посвящена

---

*А.Н. Формозов. Млекопитающие и птицы — потребители плодов, семян древесных пород, ягодных кустарников и биоценотическое значение их взаимоотношений. // Звери и птицы и их взаимосвязи со средой обитания. (Отв. ред. А.А. Насимович) М., Наука. 1976. С. 11—175.

характеристике воздействия грызунов на пастбищах и сенокосах Северной Монголии, Кавказа и Предкавказья, Южной Украины, Западного Казахстана и междуречья Волги и Урала и их влиянию на растительность, почву и микрорельеф, а равно влиянию растительности на распределение, численность и экологию грызунов. Надо сказать, что огромная роль грызунов, копытных и других животных в динамике растительности ранее нашими ботаниками и зоологами недостаточно учитывалась, и только после работ А.Н. Формозова и его сотрудников она привлекла к себе должное внимание. А с годами даже возникло такое направление экологических исследований, как изучение «средообразующей деятельности животных» (Отдел биогеографии Института географии АН СССР).

В своих исследованиях Александр Николаевич постоянно обращался к выяснению роли в жизни животных антропогенных факторов и их воздействию на облик природы и на фауну в особенности. Его работа 1937 г. «Об освоении фауны наземных позвоночных и вопросах ее реконструкции, ч. I. Изменение фауны человеком» вызвала большое число откликов и послужила стимулом для серии исследований, предпринятых разными зоологами. В 1962 г. он опубликовал капитальную сводку «Изменения природных условий степного юга европейской части СССР за последние сто лет и некоторые черты современной фауны степей», в которой автор обобщил не только личные многолетние наблюдения, но и большой фактический материал, рассеянный в литературе, подчас мало известный широким кругам зоологов.

То же можно сказать и о пионерной для СССР книге А.Н. Формозова «Колебания численности промысловых животных» (1935), изобилующей интересными фактами и обобщениями. Эта книга была создана не без влияния известной сводки Хьюитта, обобщившего многолетние статистические материалы пушных заготовок Гудзонбайской компании и показавшего периодичность

в падениях и подъемах добычи и численности целого ряда промысловых зверей Канады. Однако книга Александра Николаевича была почти полностью построена на отечественных материалах, собранных в большой мере по крупицам в литературных источниках и спаянных воедино общими исходными идеями автора, располагавшего к тому же значительным количеством личных наблюдений. В свое время эта книга сыграла роль отправной для постановки большого числа специальных исследований по движению численности животных на территории СССР, а также по разработке отечественными зоологами проблем популяционной зоологии. К сожалению, эта одна из основополагающих работ в современной отечественной зоологии давно уже стала библиографической редкостью, и молодые зоологи, изучающие движение и структуру популяций, подчас знают лишь понаслышке об этой интересной книге А.Н. Формозова.

Исследования Александра Николаевича по движению численности животных отличались практической направленностью и были посвящены прежде всего разработке методов прогнозирования этого явления, особенно у промысловых животных, а также у вредных в сельском, лесном и складском хозяйстве грызунов. Большой практический эффект дала опубликованная им в 1937 г. детальная программа с описанием методики работ для специальных наблюдательных пунктов по учету мышевидных грызунов в целях прогноза их массового появления, нашедшая широкое применение в санитарно-эпидемиологических и сельскохозяйственных организациях, а также в заповедниках. Формозову же принадлежит идея организации службы прогноза «урожая» промысловых животных, впервые высказанная им в 1932 г. и позже претворенная в жизнь системой ВНИИОЗ (тогда ВНИПО).

Практическую направленность носят и многие другие исследования Александра Николаевича. Отметим в связи с этим его

интересные работы о сельскохозяйственном значении птиц в районах степного лесоразведения (1944–1957 гг.), монографию 1947 г. по экологии мышевидных грызунов — носителей туляремии и небольшую, но очень ценную книжку 1930 г. по гаге и использованию ее пуха. Деятельность А.Н. Формозова и ряд его работ способствовали развитию медицинской географии в нашей стране. По его инициативе было организовано издание в МОИП серии сборников «Фауна и экология грызунов», снискавших большую популярность. В течение многих лет Александр Николаевич подбирал материал для них и их редактировал и лишь в 1968 г. передал официально (фактически — несколькими годами раньше) ответственное редактирование своему ученику проф. В.В. Кучеруку.

Послевоенный период жизни А.Н. Формозова тесно связан с Институтом географии АН СССР, в котором он в течение почти 20 лет (1945–1963 гг.) возглавлял и в значительной мере определил методы работы созданного в 1944 г. Отдела биогеографии. Административная работа в Институте тяготила Александра Николаевича. К тому же оставалось слишком мало времени для работы по интересовавшим его чисто биологическим вопросам, не имевшим прямого отношения к проблемам конструктивной географии, которым в работе Института отводилось большое место. В 1964 г. он вышел на пенсию, продолжая работать в Отделе биогеографии в качестве научного сотрудника-консультанта.

Зоогеографические интересы А.Н. Формозова восходят к самым ранним его работам, в частности к подкупающей своей экологической убедительностью статье «Об особенностях ареалов русских сонь и бурундуков» (1928), статье, сыгравшей заметную роль в последующем развитии экологической зоогеографии в нашей стране и послужившей примером для целого ряда исследований, выполненных на других видах животных.

Зоогеографы экологического направления в отличие от представителей исторического или историко-фаунистического направлений переносят центр тяжести своих интересов с анализа состава фауны и гипотетической реконструкции ее происхождения на анализ экологических связей животных с определенными компонентами ландшафта и со средой обитания в целом. Это делается применительно к отдельным видам и к фаунистическим и биоценологическим группировкам этих видов — комплексам.

В своих разработках Александр Николаевич исходит из представления о том, что вид в огромной степени несет на себе отпечаток среды, в которой он жил, живет и к которой, как правило, хорошо адаптирован. Отсюда возникновение в определенных ландшафтах специфических для них групп жизненных (адаптивных) форм животных, причем в сходных ландшафтах других материков могут существовать свои наборы форм, внешне и в своих повадках весьма сходные с первыми, хотя и очень далекие в систематическом отношении. В становлении жизненных форм большую роль играет конвергентная эволюция — процесс сближения морфологических, физиологических и других признаков. Этот процесс может касаться не только отдельных видов, но и в известной мере целых фаун или фаунул или даже биот.

В пределах одного ландшафта, например ландшафта пустынь, встречается ряд специфических для него жизненных форм, каждая из которых включает животных, решивших по-своему задачу существования в условиях пустыни. Анализ комплексов и наборов жизненных форм, по мысли А.Н. Формозова, гораздо глубже и точнее характеризует экологический облик фауны и его связи с природной средой, чем обычный фаунистический.

Практический интерес подобного рода работ кроется в том, что жизненная форма — это прежде всего биологический индикатор определенных природных условий. По набору жизненных форм, представленных на той или другой территории, можно до-

вольно верно судить о степени разнообразия среды обитания и ее «узких местах», вероятности успеха интродукции новых видов и т.п. Важным шагом вперед в разработке жизненных форм в понимании их А.Н. Формозовым может послужить переход к характеристике этих форм определенными количественными показателями — морфологическими, физиологическими и др.

В ряде своих работ Александр Николаевич очень убедительно показал, что состав и особенно относительная численность отдельных видов, слагающих фауну, не остаются постоянными. Пульсируют как границы ареалов, так и распределение особей на территории и их общая численность. В некоторых случаях эпизодически происходят широкие «выплески» значительной массы населения вида далеко за пределы ареала, как это свойственно садже, кедровке, клестам и многим другим птицам. Эти пульсации вызваны непостоянством среды обитания и ее слагаемых, периодическими и эпизодическими изменениями погодных и других условий отдельных лет и сезонов, в частности непостоянством плодоношения основных кормовых растений, а также сложными биоценологическими процессами, отклонением от среднего уровня динамического баланса в экологических отношениях разных видов, слагающих ценоз.

Некоторые из этих процессов, будучи пульсирующими на ограниченном отрезке времени, в целом носят направленный характер, что постепенно приводит к крупным сдвигам в фауне, как это показано А.Н. Формозовым в его работах «О движении и колебании границ распространения млекопитающих и птиц» (1959), «Равнинность Западной Сибири и связанные с ней особенности животного мира» (1964) и др.

В последние десятилетия отчетливо установлена целесообразность различать, с одной стороны, фауну данной местности, т.е. ее видовой состав, и с другой — население животных, т.е. величину популяций отдельных видов, обитающих на той же тер-

ритории. Эти два понятия в основном адекватны соответствующим понятиям ботаников «флора» и «растительность» или «растительный покров». В ряде работ Александра Николаевича и его учеников и сотрудников по Отделу биогеографии в Институте географии АН СССР, посвященных характеристике Казахстана, Средней Азии, Западной Сибири и других регионов, показана плодотворность такого подхода к изучению фауны, а также освещена методическая сторона дела.

Одной из лучших экологических характеристик фауны позвоночных Московской области до сих пор остается формозовский очерк в книге «Природа города Москвы и Подмосковья» (1947). Академик Л.С. Берг в рецензии на книгу назвал этот очерк «великолепным» и читаемым «с неослабевающим интересом» (1948).

С деятельностью А.Н. Формозова и его сотрудников по институту географии связан переход в зоогеографии к точной количественной характеристике отдельных компонентов фауны («Количественный метод в зоогеографии наземных животных и задачи преобразования природы СССР», 1951). По инициативе Александра Николаевича и при поддержке МОИП и системы заповедников был организован и проведен ряд всесоюзных совещаний по разработке методов количественного учета животных и картографированию их населения. Подобные совещания послужили основой для последующего выпуска больших коллективных методических сборников, типа руководств, составленных по единому плану: «Методы учета численности и географического распределения наземных позвоночных» (1952), «География населения наземных животных и методы его изучения» (1959), «Организация и методы учета птиц и вредных грызунов» (1963), «Ресурсы фауны промысловых зверей в СССР и их учет» (1963). Отдел биогеографии и в последующие годы продолжал эту практику.

Заметим, что он вообще уделял большое внимание методике полевых исследований и этим вопросам он посвятил несколько специальных работ, в том числе и методике изучения биологии зверей и птиц по следам их деятельности.

Александр Николаевич неоднократно подчеркивал важность и плодотворность работы на стационарах, играющих роль постоянных «ключей», посещение которых через определенные промежутки времени дает исключительно ценный материал для суждения о динамике фауны и населения животных, а равно о факторах, определяющих эти процессы.

В газете «Московский университет» (1938 г.) была помещена статья А.Н. Формозова «Над чем я работаю». В ней автор пишет не только о занимающих его темах, но и о методах своей работы.

«Я много думал над планированием своей личной работы и нашел, как мне кажется, систему, дающую удовлетворительные результаты. В поле зрения всегда должен быть целый круг проблем, в решении которых близко заинтересованы хозяйственные организации».

Среди таких проблем или тем автор называет динамику численности вредных грызунов, пушных зверей и охотничьих птиц, их миграции и др. «Решение каждой из них требует многолетней работы. Поэтому я применяю способ заблаговременного накопления материала, собирая его попутно на много тем, при выполнении какой-либо одной, заканчиваемой в данном году.

Некоторые, особенно трудоемкие темы, я ставлю в свой неписанный план за 4—5 лет до того, как приступаю к литературному оформлению своих наблюдений. ...Каждому необходимо иметь свою пятилетку и даже десятилетку, заблаговременно подготовляя всю исследовательскую работу по этапам.

Большое значение имеет методика исследований. Экспедиционные "налеты" уже давно перестали меня удовлетворять. Они

дают ответы лишь на самые простые и немногозначащие вопросы. Для решения сложных проблем более 8 лет я применяю метод 2—3 ежегодных поездок в одну стационарную точку, продуманно выбранную и удобно расположенную».

Одним из таких любимых стационаров Александра Николаевича был район Шарьи, о котором в одном из частных писем он признался: «что касается меня, то за последние годы Шарья — единственное место, где я чувствую себя спокойным и счастливым до краев». На этом стационаре в течение 1930—1940 гг. он бывал ежегодно осенью, а в некоторые годы также весной или зимой. Еще раз он посетил Шарью в 1952 и 1967 гг.

На основе материалов, собранных в этой местности, он написал ряд работ. Особенно интересна большая статья «Мелкие грызуны и насекомоядные Шарьинского района Костромской области ... » (1948) и неопубликованная рукопись по тетеревиным птицам*. Обе эти работы посвящены анализу движения численности животных и рассмотрению возможных факторов, влияющих на этот процесс.

В течение многих лет А.Н. Формозова не покидала мысль написать обстоятельную книгу по экологии млекопитающих, построенную в основном на отечественных источниках с широким использованием личного опыта исследователя. Еще в январе 1938 г. он писал в университетской многотиражке: «Весь 1938 г. и часть 1939 г. я буду работать над книгой «Экология млекопитающих СССР», в которой объединю и переработаю как личные материалы, собранные за последние 15—20 лет, так и многочисленные статьи советских авторов. Потребность в такой книге уже давно назрела». К сожалению, этот замысел не был претворен в жизнь, а опубликованная впоследствии

А.Н. Формозов. Тетеревиные птицы Шарьинского района Костромской области. // Звери и птицы и их взаимосвязи со средой обитания. (Отв. ред. А.А. Насимович) М., Наука. 1976. С. 176–215.

совместно с И.И. Барабашом-Никифоровым «Териология» (1963) в большой мере была написана последним и очень мало соответствует первоначальным замыслам Александра Николаевича.

Вместе с акад. И.И. Шмальгаузеном и проф. Д.А. Сабининым А.Н. Формозов принял участие в ноябрьской дискуссии 1947 г. в МГУ, организованной в связи с антинаучными высказываниями Т.Д. Лысенко о происхождении видов и внутривидовой борьбе. Он прочитал доклад «Наблюдения над внутривидовой борьбой за существование у позвоночных» (1948). Последствия дискуссии для отечественной биологической науки еще многим памятны. В ближайшее после этого время Александр Николаевич был вынужден выйти из состава членов редколлегии «Зоологического журнала», выбыл из числа членов Научного совета ВНИПО. В научной печати появились статьи, в которых имя А.Н. Формозова, как и ряда других видных советских экологов, сопровождалось эпитетами «вейсманист» и т.п. Некий А. Афанасьев пытался представить учение о жизненных формах у животных как пример «идеалистического влияния зарубежной экологии на нашу науку» и как «одно из основных проявлений идеализма в советской экологии». К чести общественности и администрации Института географии АН СССР, ни этот, ни другие клеветнические нападки на А.Н. Формозова никак не были поддержаны.

С начала 30-х годов в течение свыше 30 лет Александр Николаевич принимал активное участие в научной и природоохранительной работе государственных заповедников нашей страны и в общественной деятельности по пропаганде идей рационального использования природных ресурсов СССР. В течение ряда лет он был членом Президиума Комитета по заповедникам при Совете Министров РСФСР, затем членом Ученого (Научно-технического) совета Главного управления по заповедникам.

В продолжение нескольких лет Александр Николаевич не только часто давал заключения по научным рукописям многих зоологов, работавших в заповедниках, но и помогал им советами в частных письмах, подсказывал, чем следовало бы заняться, на что обратить внимание. В разные годы Александр Николаевич неоднократно выступал в прессе, на собраниях членов МОИП и на соответствующих научных советах в защиту законности в заповедниках и за укрепление и развитие заповедного дела в нашей стране. А тем, кто боролся на местах, в заповедниках, с зарвавшимися администраторами, посягавшими на заповедные богатства, он всегда готов был протянуть руку помощи. Вместе с другими специалистами он разработал и обосновал план развития географической сети заповедников (Лавренко, Гептнер, Кириков, Формозов, 1958).

В 1937 г., знакомясь с деятельностью Астраханского заповедника, А.Н. Формозов высказал мысль о целесообразности ведения в заповедниках регулярных записей основных природных явлений, в конце каждого года обобщаемых в «Летописи природы». Это предложение впоследствии было претворено в жизнь и прочно вошло в практику научной работы системы заповедников.

В разное время Александр Николаевич сотрудничал в редакциях журналов «Юный натуралист», «Природа», «Бюллетень МОИП, отдел биологический», «Зоологический журнал», «Известия АН СССР» (серия географическая), альманаха «Охотничьи просторы» и др.

А.Н. Формозов — блестящий популяризатор, автор нескольких увлекательных научно-популярных книг, иллюстрированных им самим. Особенно высокой оценки заслуживает его «Спутник следопыта» с высокохудожественными штриховыми зарисовками следов деятельности животных и тонкими наблюдениями зоолога-натуралиста. Эта книга выдержала пять изда-

ний (последнее в 1974 г.) и еще будет переиздана не один раз*; она переведена и напечатана во Франции и Югославии.

Другая книга — «Шесть дней в лесах. Приключения юных натуралистов» издавалась трижды; она переведена и напечатана в Польше. Не менее увлекательно написана и книга с сугубо академическим заголовком «В Монголии. Очерк путешествия зоологического отряда Монгольской экспедиции Академии наук СССР» (1928)**, в которой автор знакомит читателей с природой Центральной Азии, ее животным миром, экспедиционными приключениями и т. п.

Александр Николаевич был членом МОИП с 1927 г., более 10 лет возглавлял Зоологическую секцию МОИП. В те годы он посещал большинство заседаний секции. При его участии эти вечера проходили особенно содержательно. Длительное время он входил в Совет МОИП и был вице-президентом Общества. В 1959 г. его избрали почетным членом Всероссийского общества охраны природы, в 1964 г. — Географического общества СССР, в 1969 г. — МОИП.

А.Н. Формозов неоднократно представлял за рубежом советскую науку, выступая с докладами на международных конгрессах и симпозиумах (Бразилия — 1956, Финляндия — 1958, 1967, ГДР — 1959, ПНР — 1959, ЧССР — 1960). Ряд лет состоял членом Национального комитета советских биологов и представлял СССР в Комиссии медицинской географии Международного географического союза. Он находился в научных контактах с рядом видных зарубежных ученых.

---

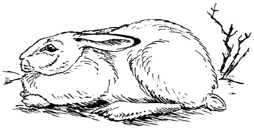
*Последнее издание — А.Н. Формозов. Спутник следопыта. М., изд-во Московского университета. 1989. 316 с.

**«Шесть дней в лесах» издавались еще дважды (Горький, Волжско-Вятское кн. изд-во, 1984. 104 с.; альманах «Охотничьи просторы», 1997. Кн. 1. С. 4—43. Кн. 2. С.4—29.) и трижды совместно с «В Монголии...» в составе собрания научно-художественных работ А.Н. Формозова («Среди природы». М., изд-во Московского университета. 1978. Там же, 1985. Новосибирск, ИНФОЛИО-пресс, 1997).

У Александра Николаевича много учеников и последователей. Очень многим из них он оказал большую помощь, подсказав интересные идеи и мысли, которые в дальнейшем легли в основу их творческой деятельности; целый ряд его учеников стали известными специалистами. За свою жизнь А.Н. Формозов написал свыше 300 научных и научно-популярных работ. Многие его исследования имеют большое теоретическое значение, а развиваемые в них положения вошли в современные учебные руководства. Александр Николаевич — один из главных создателей советской экологической школы в области изучения млекопитающих и птиц. Очень значительны его заслуги и в экологической биогеографии, развитию которой он много способствовал.

В августе — сентябре 1972 г. А.Н. Формозов перенес тяжелое заболевание и не смог после него вполне поправиться. 22 декабря 1973 г. Александр Николаевич скончался. Память о нем как об ученом и человеке долго будет жить, а его ученики и сотрудники продолжат начатое им дело.

А.А. Насимович



Àëåêñàíäð Íèêîëàåâè÷ Ôîðìîçîâ êàê ïåäàãîã*

> ... Приляг к лужице, изучи подробно существа — растения и животных, ее населяющих, в постепенном развитии и взаимно непрестанно перекрещивающихся отношениях организации и образа жизни, и ты для науки сделаешь несравненно более, чем многие путешественники.
>
> *К.Ф. Рулье*

Эту фразу я услышал от Александра Николаевича, будучи еще студентом второго курса, когда он поручал мне сделать на студенческом кружке доклад о К.Ф. Рулье. По тому, как он ее произнес, я уже тогда понял, что в этих словах заключается для него глубокий смысл, что пристальное изучение живой природы он воспринимает как начало и конец экологических исследований — как глубоко теоретических, так и сугубо прикладных по своей направленности. Дальнейшее многолетнее знакомство с Александром Николаевичем и работа под его руководством убедили, что это действительно так. Понять и оценить деятельность А.Н. Формозова без учета этого его жизненного кредо невозможно. Быть может, в наибольшей степени это относится к его педагогической деятельности.

Когда произносится слово «педагог», невольно в воображении возникает фигура педантичного, слегка суховатого человека, методично продумывающего каждый шаг своей деятельности по обучению и воспитанию молодежи и требующего от учеников столь же методичного и последовательного выполнения всех требований учебного плана. Хорошо известно, что это не так, что многие педагоги (и в том числе почти все наиболее талантливые) не укладываются в эту схему, их деятельность диктуется в первую очередь глубокой любовью к своему делу и к людям, которым они вместе со знаниями передают свою лю-

---

*По материалам статьи И.А. Шилова «Александр Николаевич Формозов как педагог» // Бюлл. МОИП, отд. биологический. 1975. Т.80, вып. 1. С.19–24.

бовь и увлеченность наукой. Однако таких педагогов чаще называют более теплым словом — «Учитель». С большой буквы. Именно таким человеком был Александр Николаевич.

Формально говоря, педагогическая деятельность Александра Николаевича осуществлялась в трех сферах: оригинальные лекционные курсы биологии млекопитающих и птиц в МГУ и в Балашихе, полевая практика (летняя и зимняя) и руководство старшими студентами и аспирантами, в том числе и в процессе экспедиционных работ. Фактически же все эти формы сливались, в любое время и в любой обстановке Александр Николаевич оставался самим собой и не столько учил, сколько делился своими знаниями и своим опытом, подталкивал мысль своих учеников к более глубокому пониманию экологических закономерностей, ни в какой мере не ограничивая при этом их (подчас весьма различные) собственные интересы и точки зрения. Насколько мне известно, в его литературном наследии лишь «Териология» (написанная в основном И.И. Барабашом-Никифоровым) и небольшая заметка «О работе студентов-зоологов в природе» могут прямо рассматриваться как произведения учебно-методического плана. Однако учились по всем его книгам — от «Шести дней в лесах» до «Снежного покрова». Как и его «устная педагогика», все эти книги в ненавязчивой, но запоминающейся форме несли массу знаний, давали толчок к размышлениям и подсказывали пути обобщений все на том же фоне бесконечной любви к изучению природы и к самой природе.

Лекции Александра Николаевича оставили неизгладимое впечатление, вероятно, у всех, кому посчастливилось их слышать. При этом речь идет не о форме: лектор совсем не был выдающимся оратором, он говорил тихо, даже несколько монотонно, совершенно не пользовался какими-либо риторическими приемами и внешними эффектами. Лекции его привлекали со-

держанием. Шаг за шагом он рассматривал различные стороны биологии зверей и птиц, почти не отвлекаясь на абстрактные обобщения, а, напротив, опираясь на тончайшие фактические наблюдения. Однако построение материала всегда было таким, что общие закономерности проявлялись как бы сами, специально их подчеркивать не требовалось. Не думаю, чтобы это был заранее разработанный методический прием, — скорее, логика мыслей самого Александра Николаевича шла именно этим путем, что и передавалось слушателям. Особое впечатление всегда производили рисунки и коллекции; они как бы «овеществляли» устный рассказ, воссоздавали в аудитории какую-то частичку природной обстановки. Думается, что Александру Николаевичу самому недоставало «природного фона» для его лекций, отсюда, может быть, и родилось его стремление к собиранию учебных коллекций (особенно коллекций различных следов жизнедеятельности животных).

Коллекции Александра Николаевича заслуживают специального упоминания, поскольку в них отчетливо прослеживается мысль ученого-педагога. Подбор тушек зверей и птиц преследовал совсем иные задачи, нежели обычное «систематическое» коллекционирование. Александр Николаевич прежде всего старался продемонстрировать своими коллекциями различные биологические явления: цветовые морфы, брачные наряды, возрастные изменения покровов, линьку и т.д. Собранная им коллекция следов жизнедеятельности представляет собой совершенно уникальное явление — это истинный «университет следопытства», учебное значение которого необыкновенно велико. Александр Николаевич уделял пополнению своих коллекций много внимания, времени и любви, прививая это и своим ученикам. Демонстрация коллекционного материала на лекциях очень их оживляла и способствовала восприятию их содержания; в этом—еще одно проявление «ненавязчивой педагогики» Учителя.

То же можно сказать и о рисунках. Александр Николаевич приносил их в большом количестве, раскладывал по столам. Часто еще и рисовал на доске. Рисунки органически дополняли коллекции, живо и точно воссоздавая те или иные экологические ситуации. Рисунки всегда были подобраны по теме лекции; по темам хранились они и дома — лекции и здесь были прежде всего.

Лекции А.Н. Формозова всегда были насыщены материалом, и записывать их было нелегко. Помню, мы всегда готовились к экзаменам Александра Николаевича сообща, извлекая из своих конспектов все, что удавалось записать каждому, и стараясь таким образом восстановить весь курс. Б.Б. Лебле вспоминает, что и в Балашихе студенты тоже вели «параллельное» конспектирование с последующим восстановлением пробелов в отдельных записях. Восстановленный таким образом текст служил им учебником. Можно лишь пожалеть, что его лекции так и не были изданы.

Работа со студентами на полевой практике, естественно, открывала возможность еще более широкого применения педагогических талантов. Помимо того, что в природе можно больше показать, большему научить, здесь еще открывается возможность привить студентам навыки экологических сопоставлений, выявления широких взаимосвязей в природе и дать некоторый опыт в проведении наблюдений и исследований. Александр Николаевич максимально использовал все эти возможности. Так, на практике со студентами-охотоведами на Ветлуге он не только проводил экскурсионные занятия (что «в его исполнении» само по себе уникально), но и предлагал студентам, объединившись в небольшие бригады, выполнить самостоятельные наблюдения по определенной теме (форма, которая лишь много позднее была официально введена на практике студентов-биологов МГУ в Звенигороде). Александр Николаевич и здесь не упускал слу-

чая показать студентам, как много можно получить в результате простых, казалось бы, наблюдений. Он сам описывает один из таких примеров: бригада студентов изучала состав грызунов, приносимых канюками своим птенцам. Из их отчета выяснилось, что они регистрировали лишь вид грызунов, тогда как сам Александр Николаевич записывал также пол и возраст. На основе этих записей он убедительно и ярко продемонстрировал своим ученикам явление, которое, пользуясь сухой терминологией, можно назвать влиянием хищников на структуру популяций их жертв, а через это — на динамику их численности.

Еще один пример из той же практики, демонстрирующий, как в мягкой, но запоминающейся форме Александр Николаевич умел показать глубокие взаимопроникающие экологические связи в природе. Студенты, взявшие тему по уткам, попросили совершить экскурсию на лесное озеро. Александр Николаевич, развернув карту, обратил их внимание на то, что озеро расположено в сосновом лесу, а потому, скорее всего, имеет песчаное дно и слабое зарастание водной растительностью. Отсюда он пришел к заключению, что мало надежды встретить на этом озере уток, но очень возможно, что там удастся найти гагар. Когда экскурсия все же состоялась, она полностью подтвердила эти его прогнозы.

Внимательный контроль за работами студентов и постоянная помощь им советами и указаниями приводили к тому, что студенческие наблюдения, выполненные на учебной практике, всегда оказывались настолько аккуратными и объективными, что их можно было использовать в научных целях. В ряде работ А.Н. Формозова эти данные, действительно, используются (например, наблюдения за гнездовой биологией некоторых птиц на Звенигородской биостанции МГУ).

Невозможно забыть зимние экскурсии, которые Александр Николаевич в течение нескольких лет проводил со студентами-

зоологами МГУ на Звенигородской биостанции. Учебные планы не предусматривают зимних занятий в природе. Это звучит парадоксально, но будущие экологи не получают никаких навыков работы в природе в условиях, в которых протекает треть годового цикла жизни животных и растений. Этот пробел восполнялся по линии работы студенческого научного кружка, и Александр Николаевич охотно соглашался взять на себя проведение этих занятий.

Звенигородская биостанция в те годы была оснащена крайне бедно. Транспорта не было, от железнодорожной станции шли пешком через заснеженные поля, затем лесными дорогами выходили к поселку биостанции. Размещались в большой комнате в помещении бывшей конюшни. Посредине стояла печь, остальное пространство заставлено вплотную сдвинутыми койками, на койках лежали ватные матрацы — вот и все благоустройство. Впрочем, никого, в том числе и Александра Николаевича, это нисколько не смущало. Когда бесхитростный ужин был съеден, а посуда помыта, он принимал строгий вид и заявлял: «А теперь я расскажу вам о зимних условиях жизни зверей и птиц, чтобы завтра вам понятно было все, что мы увидим». Впрочем, «академическая серьезность» быстро с него слетала и следовал спокойный, мягкий и увлекательнейший рассказ о жизни зимнего леса и его обитателей. Необыкновенное умение Александра Николаевича совмещать научную объективность, серьезные экологические обобщения с увлекательной манерой изложения проявлялось в этих беседах со всей силой.

С утра отправлялись на экскурсии, которые буквально открывали глаза, заставляли видеть зимний лес совсем в новом свете. Не говоря уже о следопытстве, для большинства студентов-горожан представлявшемся почти чудом (и как было приятно чувствовать себя приобщенным к этому чуду!), и здесь короткими репликами Александр Николаевич умел связать отдель-

ные факты с общими экологическими закономерностями адаптации животных к своеобразным условиям зимнего периода. Только сейчас, в зрелом возрасте, понимаешь, каким эффективным педагогическим приемом может быть как бы вскользь брошенная фраза: «...он всегда так делает, потому что...» — наблюдаемые факты сразу находят свое место в общих закономерностях, запоминаясь при этом крепче, чем если бы об этом полчаса специально говорилось на лекции. Знание природы, тонкое понимание животного было у Александра Николаевича просто потрясающим. Когда он рассказывал, например, о подснежных лунках рябчика («наелся промерзших сережек и почек, внутри ему холодно...»), казалось, что он сам побывал в шкуре рябчика и убедился, как приятно отогреться в подснежной норе!

Александр Николаевич всегда следил, чтобы во время экскурсий велись записи; по вечерам «на выборку» проверял их, заставляя читать вслух. Последний день занятий посвящался учетам следов на большой площади, а вечернее подведение итогов опять превращалось в интересную лекцию, особенно доступную потому, что она строилась на нашем собственном материале.

Не менее своеобразной была его манера руководить научными работами своих учеников. Назначив тему работы, он лишь в самых общих чертах указывал направление исследования, рекомендовал методические приемы и основную литературу и высказывал общие соображения по существу дела. В остальном ученику всегда предоставлялась широкая свобода мыслей и действий. Неотступно требовал он только одного — чтобы все заключения строились на основе точно установленных фактов. Даже строя собственные предположения о том, как можно объяснить те или иные наблюдения, он нередко оговаривался: «... это дешевые гипотезы, которые Вы должны проверить и обосновать» (из письма к одной из учениц. — *И. Ш.).*

Своеобразной подчас была и форма консультаций. Придешь к Александру Николаевичу с каким-нибудь своим недоумением, рассказываешь, а он ходит по кабинету, насвистывая пеночкой, и вроде даже и не слушает. Потом расскажет что-либо из недавно прочитанного в зарубежных журналах (не по теме вопроса), вспомнит какие-то эпизоды из своих экспедиций (тоже не по теме). Потом скажет, «ну, подумайте еще...», — подсказав что-либо очень общее. По началу это несколько обескураживало. А потом, когда вновь и вновь («гвоздем» сидит непонятный вопрос!) обдумываешь его со всех сторон, вдруг понимаешь, что и статья была упомянута к месту, и воспоминания были очень даже «на тему» — просто они касались не данного узкого вопроса, а широкой проблемы, в которую входит и этот вопрос. Все сразу становится на свои места, а впечатление такое, что ты сам до всего дошел, а не действовал по подсказке. Вот и понимаешь (сейчас уже, а не тогда!), насколько глубок был педагогический талант Александра Николаевича — этого совсем не похожего на педагога человека.

Мне не приходилось работать вместе с Александром Николаевичем в экспедициях, но, судя по единодушным отзывам их участников, здесь талант учителя открывался в нем наиболее широко. Это и естественно: в поле он сам занимался работой, а руководить собственным примером было, вероятно, наиболее близко его натуре. Помимо этого, в экспедициях все объединяется воедино — и наука, и быт, и отношения в коллективе, и многое другое. Он всегда был «душой» экспедиции, ему не приходилось прикладывать усилий, чтобы построить свой авторитет руководителя. Это диктовалось и личными качествами его как человека и тем, что он все знал и все умел. И здесь он заражал всех своей увлеченностью исследователя, своей глубокой любовью к природе и ко всему, что ее отражает, — живописи, литературе (вместе с тем «... мне даже и в голову не приходило,

что человеческое творчество, описывающее природу, можно любить так же, как саму природу»!). В свободное от работы время Александр Николаевич любил и послушать стихи, и пошутить, и изобразить какую-нибудь карикатуру на злобу дня. Все это создавало в его экспедициях атмосферу приятного и радостного труда, притом труда (с научной точки зрения) только высшей квалификации — этого он требовал неукоснительно.

Что же объединяло все эти, на первый взгляд столь различные формы отношений А.Н. Формозова с учениками? Мне кажется, два принципа. Первый — исходить из точно установленных и многократно проверенных фактов. Только от фактов он шел к обобщениям. В глазах людей, не знавших его близко, Александр Николаевич был в первую очередь натуралистом, до тонкостей знавшим природу, все проявления жизни животных, но не очень склонным к изучению общих закономерностей. Это глубоко неверно. Александр Николаевич очень интересовался общебиологическими проблемами и был авторитетным судьей по многим из них. Просто он считал, что природа настоль богата конкретными проявлениями общих законов, что нет большой необходимости их абстрактного формулирования — правильно расположенные факты вполне могут заменить отвлеченные (и потому всегда в чем-то неточные) рассуждения.

Второй принцип — сохранение свободы индивидуального подхода каждого из учеников к изучаемым проблемам. Учеников у него всегда было очень много; ряд зоологов, никогда не работавших с ним вместе (иногда даже не знавших его лично), считают себя его учениками — столь действенной была сила его книг, статей и выступлений. И среди его учеников мы находим специалистов в самых различных направлениях зоологии; будучи очень разными в своих интересах и сферах деятельности, они сохранили главное, что получили от своего учителя: глубокую любовь к природе и ее изучению, стремление строить свои науч-

ные обобщения на точном знании фактов, умение видеть значение изучаемых явлений для жизни животных в естественных условиях.

Александр Николаевич неизменно пользовался искренней любовь молодежи. И платил ей тем же. Много сил и времени он отдавал работ в журнале «Юный натуралист», воспитывая подрастающее поколение любителей и исследователей природы. До последних дней жизни он получал письма от бывших участников конкурсов, организованных журналом по его инициативе и под его руководством. Он очень любил студентов («с ними молодеешь») и всегда был окружен ими. Книги из его личной библиотеки всегда были доступны для любого студента — стоило только попросить, а иногда он и сам давал книги по теме, зная, что достать ту или иную из них нелегко. Из старого здания университета он почти всегда уходил в компании «Арбатского землячества» (студенты, жившие в районе Арбата). Общение со студентами, передача им своих знаний были для Александра Николаевича столь же неотъемлемой и необходимой частью жизни, как и общение с природой. Уже после смерти в ящике его стола обнаружилось выписанное откуда-то стихотворение*:

... Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других,
Как бы им в даренье...

В этом четверостишии — весь Александр Николаевич, человек, много знавший и щедро отдававший эти знания другим с любовью и уверенностью в неиссякаемости для знаний и чувств животворного источника Природы.

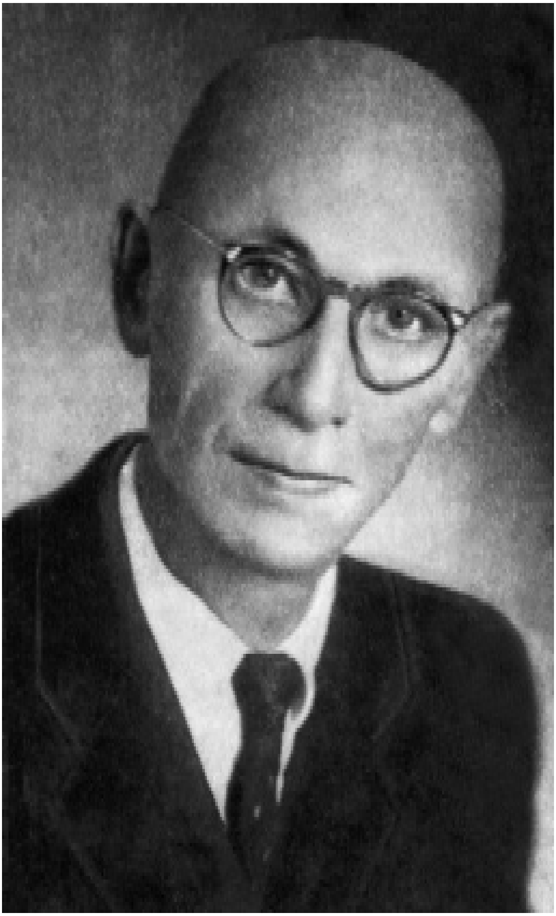
***** И.А. Шилов

---

*Б.Л. Пастернак «Свадьба»

ВЕНИАМИН ИОСИФОВИЧ ЦАЛКИН

1903–1970



Вениамин Иосифович Цалкин родился в семье врача 21 декабря 1903 г. в Нижнем Новгороде, а детские и юношеские годы провел в Иваново-Вознесенске (ныне Иванове). Здесь он учился сначала в гимназии, а затем в советской школе второй ступени, которую окончил в 1921 г. Спустя два года В.И. Цалкин стал студентом биологического отделения физико-математического факультета Московского университета, где имел возможность учиться у многих выдающихся отечественных зоологов — А.Н. Северцова, С.И. Огнева, Н.М. Кулагина, Б.М. Житкова. Безусловно, не без их влияния он решил специализироваться в области зоологии позвоночных. Уже в те годы его особенно заинтересовала морфология млекопитающих. Под руководством Н.М. Кулагина он выполнил «квалификационную», как тогда называли, т.е. дипломную, работу о строении волосяного покрова суслика-песчаника и водяной крысы и отлично защитил ее в декабре 1928 г.

По окончании университета В.И. Цалкин стал ассистентом Н.М. Кулагина на возглавляемой им кафедре зоологии Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. В эту пору Вениамина Иосифовича увлекла чрезвычайно актуальная задача изучения биологии и промысла морских зверей, что привело его в мае 1931 г. во Всесоюзный научно-исследова-

---

По материалам статьи: Г.А. Новиков «Памяти Вениамина Иосифовича Цалкина» // Бюлл. МОИП, отд. биол. 1971. Т. 76, вып. 1. С.5–12.

тельский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО), в системе которого он проработал более семи лет, до осени 1938 г. Тем, кто знал В.И. Цалкина в последние годы его жизни, когда он занимался преимущественно обработкой коллекционных материалов или работал над подготовкой рукописей, вероятно, трудно себе представить, что в 30-х гг. он был активным участником ряда тяжелых, порой опасных арктических экспедиций, зимовал на Земле Франца-Иосифа, вел экспедиционные и стационарные исследования на Азовском и Черном морях на базе Керченского филиала ВНИРО — в Азово-Черноморском институте рыбного хозяйства. В описываемые годы В.И. Цалкин изучал систематику, распространение, экологию и промысел белого медведя, моржа, тюленей, дельфинов, песца. Одним из первых советских зоологов он использовал в своих исследованиях самолет. К сожалению, многие из выполненных тогда работ остались неопубликованными, но вышедшие в свет в 1935—1940 гг. шесть статей о дельфинах, а также по экологии моржа, тевяка, белого медведя и песца явились важным вкладом в литературу об этих промысловых зверях и не утратили своего значения до наших дней.

Признанием высокой научной квалификации Вениамина Иосифовича было присуждение ему в феврале 1938 г. без защиты диссертации ученой степени кандидата биологических наук, а в 1939 г. — звания старшего научного сотрудника. В эти годы его научные интересы переключились на изучение совершенно иной группы млекопитающих, а именно диких копытных. Этот поворот был связан с тем, что в сентябре 1938 г. В.И. Цалкин перешел в научный отдел Московского зоопарка на должность старшего научного сотрудника и пробыл здесь до осени 1940 г. Работа в зоопарке с его богатой коллекцией живых животных позволила Вениамину Иосифовичу близко познакомиться с разнообразными видами парнокопытных, пробудила в нем глубо-

кий интерес к этому отряду млекопитающих, исследованию которого он посвятил последующие годы своей жизни.

Изучение парнокопытных (оленей, а затем кабарги, баранов, козлов) получило дальнейшее развитие с осени 1940 г., когда В.И. Цалкин стал старшим научным сотрудником отдела млекопитающих Зоологического музея, а спустя год также и доцентом биологического факультета Московского университета. Сотрудником МГУ он оставался до мая 1950 г. Это был период напряженного труда в творческом общении с ведущими териологами страны, работавшими тогда в музее, особенно с С.И. Огневым, которого Вениамин Иосифович неизменно называл своим учителем и в котором его привлекала огромная эрудиция, исключительная работоспособность, преданность науке, высокие моральные достоинства. При всем том В.И. Цалкин не был простым подражателем С.И. Огнева, но в противоположность ему всегда стоял на позициях широкого политипического понимания вида. Регулярно работал он и в богатейших хранилищах Зоологического института АН СССР в Ленинграде, постоянно поддерживая тесные связи с его специалистами.

Научные исследования В.И. Цалкина не прерывались и во время Великой Отечественной войны, поскольку по состоянию здоровья он не был призван в армию, а выполнял свой гражданский долг в качестве начальника штаба МПВО университета. В период работы в МГУ в Москве и Ашхабаде, куда на короткое время был эвакуирован университет, происходило дальнейшее формирование Вениамина Иосифовича как ученого. В Туркмении он занимался изучением биологии и вопросами организации добычи диких баранов, но в дальнейшем почти полностью отошел от экологии и полевых работ, все более направляя свои усилия на изучение систематики, морфологии (главным образом остеологии) и отчасти зоогеографии полорогих и оленей. Результаты исследований этих лет получили отражение в большой се-

рии работ, опубликованных в 1941—1955 гг. Свои взгляды на систематику и морфологию настоящих оленей В.И. Цалкин обобщил в книге «Олени СССР», написанной совместно с В.Г. Гептнером (1947). Капитальный труд «Горные бараны Европы и Азии» В.И. Цалкин защитил в конце 1947 г. в качестве докторской диссертации. В виде монографии эта работа опубликована в 1951 г.

Книгу отличают обилие и точность оригинальных данных, широкое использование литературных источников, бережное отношение к фактам, умение их анализировать и обобщать. Монография явилась ценным вкладом в познание отечественных млекопитающих.

Спустя 25 лет после выхода в свет известной работы Н.В. Насонова «Географическое распространение баранов Старого Света» (1923) Вениамин Иосифович взял на себя тяжелый труд заново рассмотреть запутанный круг вопросов таксономии, морфологии и зоогеографии горных баранов Евразии. В его распоряжении был уникальный по обилию коллекционный материал, насчитывавший более 1200 черепов и рогов и около 500 шкур этих животных, включая крупные серии из отдельных районов их ареала. Внимательное знакомство с фундаментальным трудом В.И. Цалкина свидетельствует о том, что автор с полным основанием посвятил его «памяти Николая Алексеевича Северцова, великого русского натуралиста и путешественника, автора первой монографии по горным баранам». Своим исследованием Вениамин Иосифович продолжил и развил идеи замечательного отечественного ученого-эволюциониста, внес большой вклад в мировую зоологическую литературу. Эта книга в 1951 г. была удостоена премии МОИП.

Цикл работ по морфологии и систематике сыграл весьма важную роль в формировании научных интересов и теоретических воззрений В.И. Цалкина, в выработке стиля и метода исследований. Он стал признанным знатоком парнокопытных, одним

из наиболее авторитетных отечественных териологов. Его работы служили эталоном для большого числа молодых специалистов, которым он постоянно помогал своими советами, благожелательной, но строгой критикой, внимательным руководством их диссертационными темами.

Накопленный опыт в высокой степени облегчил В.И. Цалкину переход к новой проблематике — изучению широкого круга теоретических вопросов, возникающих при исследовании остатков костей диких и домашних животных, собранных в процессе археологических раскопок. С этого рода тематикой он соприкоснулся еще в конце 1946 г., когда по совместительству начал работать в Институте материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии). Весной 1950 г. он полностью перешел в этот институт. С Институтом археологии связаны последние двадцать, чрезвычайно плодотворных лет жизни и деятельности Вениамина Иосифовича. Здесь он организовал и возглавил палеозоологический (остеологический) кабинет, где выполнил важные археолого-палеонтологические исследования, пролившие яркий свет на многие неясные вопросы зоогеографии, происхождения домашних животных, археологии.

В кабинет В.И. Цалкина поступало огромное количество костных остатков, которыми незаслуженно долго пренебрегали многие видные археологи. Между тем определение этих фрагментов, установление их видовой и породной принадлежности позволило с высокой степенью точности выяснить не только многие зоогеографические факты исторического прошлого, но и по-новому оценить некоторые важнейшие обстоятельства истории развития человеческого общества на территории нашей страны. Выводы, к которым с большой осторожностью приходил Вениамин Иосифович, были тем более убедительными, что основывались на точном определении и тщательном изучении многих десятков и сотен тысяч костей с последующей статистичес-

кой оценкой результатов их измерений. Весьма важно и то, что эти колоссальные материалы относились не только к длительным по времени периодам, но и к обширным географическим пространствам европейской и азиатской частей страны.

Естественно, что при изучении этого материала В.И. Цалкина в первую очередь заинтересовали чисто зоологические проблемы. Так, в коллекциях из Неаполя Скифского он обнаружил многочисленные остатки бобра, кости кабана, сайгака, кулана, что существенно изменяло установившиеся представления об истории формирования фауны Крыма. Большой интерес представляли находки далеко за пределами современных ареалов гренландского тюленя, лесной кошки, степного сурка, а также массовые остеологические материалы по туру, зубру, благородному оленю и т. д. Эти данные весьма расширили и уточнили наши знания в отношении прежнего распространения животных, их численности, мест и условий обитания, времени исчезновения в результате изменения ландшафтов и истребления человеком. Многие карты восстановленных ареалов млекопитающих, опубликованные позднее, в той или иной мере основываются на результатах исследований В.И. Цалкина.

Археолого-палеонтологические свидетельства позволили внести важные уточнения в представления о природной среде прошлого и о масштабах влияния деятельности человека на ландшафты и фауну. Такой комплексный подход к анализу остеологических данных сделал работы Вениамина Иосифовича интересными не только для зоологов, но и для географов, ботаников и других специалистов.

Важно отметить, что уже будучи сотрудником Института археологии, он не прекращал ранее начатые работы в области систематики. Однако не эти чисто зоологические вопросы занимали основное время В.И. Цалкина в рассматриваемый период. С археологических раскопок преимущественно поступали кости

не диких, а домашних животных, главным образом крупного и мелкого скота. Выяснение их породного состава и количественного соотношения имело первостепенное значение для правильного понимания хозяйственного уклада и истории развития материальной культуры в разных частях страны в период времени от неолита до средневековья.

Необходимость решения этих задач побудила Вениамина Иосифовича вплотную заняться сравнительным остеологическим изучением древних и современных пород домашних животных. Здесь он явился подлинным новатором. Благодаря исключительной работоспособности, тонкой наблюдательности и эрудиции он быстро достиг выдающихся результатов и стал одним из лучших отечественных знатоков морфологии домашнего скота. Шаг за шагом В.И. Цалкин все глубже вникал в этот специфический материал, раскрывал пути и исторические сроки появления разных пород, темпы их изменчивости, особенности развития животноводства у древних народов в связи с ландшафтно-географическими условиями. Подобный разносторонний глубокий исторический и биологический подход был весьма типичен для исследований В.И. Цалкина, он усиливал их теоретическое значение, делая выводы автора особенно убедительными.

Начав с археологических памятников средневековья, Вениамин Иосифович постепенно переходил ко все более старым из них, относившимся к периодам раннего железа, бронзы, вплоть до времени возникновения животноводства — неолита и энеолита. В своей книге «Древнейшие домашние животные Восточной Европы» (1971), а ранее в отдельных статьях он убедительно показал, что скотоводство возникло в Передней Азии, а уже оттуда через Среднюю Азию, Балканы и Кавказ проникло в степную, а позднее и в лесную зону Восточной Европы.

Огромный личный опыт, изучение обширной литературы позволили В.И. Цалкину в 1968 г. выступить с обобщающим

теоретическим докладом на совещании, посвященном 100-летию со дня выхода в свет книги Ч. Дарвина «Изменение животных и растений под влиянием одомашнивания». Он избрал темой вопрос о происхождении домашних животных в свете данных современной археологии. Автору этих строк довелось быть свидетелем огромного успеха доклада В.И. Цалкина и его, как всегда, блестящих по форме и глубоких по содержанию выступлений в прениях. Вениамин Иосифович был прирожденным оратором, великолепным, остроумным полемистом.

Изучение истории развития животноводства и охоты вплотную приблизило В.И. Цалкина к проблемам археологии, поскольку эти отрасли хозяйства играли в прошлом исключительно важную экономическую роль. На основании критического анализа огромного фактического материала он убедительно показал, что относительное значение животноводства и охоты в жизни древних племен и народов отдельных географических зон Восточной Европы и Средней Азии было далеко не одинаковым. В противоположность распространенному среди части археологов мнению, в северном Причерноморье в эпоху раннего железа охота играла подчиненную роль сравнительно с животноводством, в отдельных пунктах принимая явно спортивный характер. Напротив, в лесной полосе значение охоты даже в средневековье было много большим, чем считалось, особенно если учесть массовый промысел пушных зверей ради шкурок, обладавших высокой меновой ценностью. Домашний скот той эпохи оставался вплоть до средневековья почти столь же малопродуктивным, как и на заре животноводства, в неолите.

Нельзя не пожалеть, что, будучи безмерно перегруженным работой по определению, измерению костей и биометрической обработке данных, В.И. Цалкин не успел завершить обобщение и литературное оформление результатов своих замечательных исследований. Тем не менее они нашли отражение в полу-

сотне опубликованных в 1946—1970 гг. работ, в том числе в таких крупных, как «Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси по данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы европейской части СССР» (1956), «Домашние и дикие животные северного Причерноморья в эпоху раннего железа» (1960), «К истории животноводства и охоты в Восточной Европе» (1962), «Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии» (1966) и др. Невозможно переоценить значение всех этих исследований Вениамина Иосифовича для зоологии позвоночных, зоогеографии, научной зоотехники, археологии, истории.

В своих археолого-палеонтологических исследованиях В.И. Цалкин прокладывал новые пути. Блестяще владея методами остеологии и краниометрии, он в процессе работы модифицировал их применительно к новым задачам, непрестанно совершенствовал методику и технику изучения костных остатков, создал оригинальные приемы анализа полученных материалов. Его методические поиски нашли отражение в ряде упомянутых выше работ и в специально посвященных им статьях. Среди последних особенно интересны те, в которых рассматривается корреляционная изменчивость и возможности использования ее закономерностей для выяснения строения и общей величины тела древних домашних и диких животных.

В.И. Цалкин отличался исключительной работоспособностью и высокой продуктивностью. Он не оставлял своих дел даже в последние месяцы жизни, будучи тяжело больным. В общей сложности им опубликовано около 100 научных работ, включая 8 книг, большое число капитальных статей, не считая примерно 200 статей и заметок в Большой Советской Энциклопедии и значительного числа рефератов в Реферативном журнале по биологии, где он одно время работал внештатным редактором.

Вениамин Иосифович никогда не замыкался в кругу узких, профессиональных интересов, он неизменно глубоко вникал в общие теоретические проблемы биологии, особенно эволюционной теории и генетики. Он был убежденным, последовательным, можно сказать, воинствующим дарвинистом, не менявшим своих принципиальных убеждений в угоду конъюнктуре и господствующим настроениям. Стойкость взглядов В.И. Цалкина по коренным проблемам биологической науки, его отвращение к научному оппортунизму, коснувшемуся даже иных «маститых» ученых, наиболее ярко проявились в тяжелые годы, наступившие для отечественной биологии после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Несмотря ни на какие превратности судьбы и сложную обстановку, он не только ни на йоту не отступил от своих теоретических позиций, но и сделал очень много для возрождения подлинно материалистической эволюционной теории и генетики в Советском Союзе. Достаточно вспомнить о его самоотверженной деятельности в редколлегии «Бюллетеня МОИП», где он рука об руку с замечательным ученым академиком В.Н. Сукачевым содействовал публикации статей генетиков, развертывал дискуссии по проблемам вида и видообразования, наследственности и изменчивости, выступал против субъективизма в биологии. Все это требовало не только высокой эрудиции, умения глубоко разбираться в сложнейших вопросах теоретической биологии, но и большого гражданского мужества. У всех биологов свежи в памяти нападки, которым подвергались в те годы редколлегии «Бюллетеня МОИП» и «Ботанического журнала», также возглавлявшегося В.Н. Сукачевым.

Как настоящий ученый, В.И. Цалкин неизменно сочетал научную работу с активной общественной деятельностью. Наибольшую признательность он снискал самоотверженной работой в Московском обществе испытателей природы. Вениамин Иосифович был принят в действительные члены МОИП еще в

1938 г., а в послевоенный период стал одним из наиболее деятельных руководителей, чья фактическая роль в жизни общества была неизмеримо больше, чем следует из перечня официально занимаемых постов. Но и этот последний весьма красноречив: в 1948 г. он вошел в состав редколлегии «Бюллетеня МОИП»; а с 1953 г. и до конца жизни был заместителем главного редактора; с 1957 по 1960 г. состоял членом, а с 1960 по 1966 г. — председателем ревизионной комиссии; наконец, с 1966 г. был членом Совета и вице-президентом МОИП. На этом ответственном посту В.И. Цалкин трудился, не щадя себя, до конца своих дней, отдавая всю энергию, организаторский талант и умение общаться с людьми любимому обществу.

Кроме того, он был членом ученого совета Института археологии и ученого совета Московского зоопарка, входил в Научно-технический совет Главного управления по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству Министерства сельского хозяйства СССР, состоял членом редколлегии сборников «Териология» и т.д. За заслуги перед Родиной В.И. Цалкин был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Беспощадный и суровый в отношении своих принципиальных противников, Вениамин Иосифович был удивительно внимательным и отзывчивым человеком в общении не только с близкими друзьями, но и со всеми остальными, в частности с молодыми, начинающими коллегами с далекой периферии. Не считаясь со временем и расстоянием, в ущерб собственной работе и своему слабому здоровью он охотно шел на помощь всем, кто в том нуждался. К нему то и дело обращались с просьбами об оппонировании, консультациях, редактировании, рецензировании и почти никто не встречал отказа, даже если ему ради чьей-нибудь диссертации надо было лететь на Урал, в Среднюю Азию, на Кавказ, не говоря о более близких Ленинграде и Прибалти-

ке. Недаром у В.И. Цалкина осталось так много учеников, подопечных и «крестников», недаром весть о его безвременной кончине острой болью отозвалась в стольких сердцах.

Общение с Вениамином Иосифовичем в неофициальной домашней обстановке, долгие, порой многочасовые беседы, затягивавшиеся до поздней ночи, неизменно доставляли огромное удовольствие широтой, разнообразием тематики, проникновенной остротой анализа, переходами от едкого сарказма к мягкому юмору и шутке, дружелюбному розыгрышу собеседника. Невозможно забыть ни эти встречи с ним, ни истинно московское гостеприимство его семьи.

Жизнь Вениамина Иосифовича Цалкина являет собой, особенно для поколения, только начинающего свой путь в науке, поучительный пример беззаветного служения любимому делу, бескорыстного, рыцарского отношения к науке и общественной деятельности, пример удивительной принципиальности и стойкости в защите передовых научных идей и направлений.

Г.А. Новиков

АННА ФЕДОРОВНА ЧИРКОВА

1903–1978

Одним из постоянных сотрудников знаменитой в свое время «Лосинки» была Анна Федоровна Чиркова, поступившая туда еще при профессоре Б.М. Житкове. До этого она начинала свою деятельность на севере европейской части Союза. Уже тогда интересы Анны Федоровны сосредоточивались в основном в области охоты и промысла млекопитающих.

В 1926 г. в журнале «Охотник» была опубликована ее статья о лисице (вероятно, первая). Впоследствии именно этот вид стал основным объектом ее научно-практической деятельности.

В те же годы Анна Федоровна широко использовала доступные ей пути просвещения населения, особенно профессиональных охотников, публикуя заметки на охотоведческие темы в периодической печати. Так, в 1930 г. в нарьян-марской газете появилась ее статья о вредителях оленеводства, там же она писала о качестве капканов на пушных зверей. Подобные ее заметки периодически встречались и в других газетах. Она писала о кольцевании лисиц, о ряде производственно-охотничьих проблем и т.п.

Первоначальный круг зоологических интересов Анны Федоровны был довольно широк. Так, в 1927 г. в журнале «Защита растений» была напечатана ее статья о фауне млекопитающих вредителей в Лосиноостровском лесничестве. В том же году появилась ее обзорная статья о млекопитающих реки Печоры и тогда же в журнале «Охрана природы» заметка о птичьем рынке на Миусской площади. В 1928 г. в журнале «Пушное дело» Анна Федоровна опубликовала статью о водяной полевке (именуемой тогда «водяной крысой») и в том же году статью об охране певчих птиц.

В 1930 г. А.Ф. Чиркова принимала участие в экспедиции, целью которой было фаунистическое исследование тундры в районе Чешской губы. По материалам экспедиции ею было написано несколько статей, в том числе совместно с С.С. Фолитареком статья о белухе. Позднее, поработав в экспедиции в Средней Азии, она опубликовала статью о сроках размножения сурка (1940).

В общем, диапазон неплохой: водяная полевка — сурок — белуха — певчие птицы. Однако основные интересы Анны Федоровны постепенно сосредоточивались на двух промысловых видах — лисице и песце. Тем более, что изучение промыслового потенциала этих видов входило и в служебные задачи: составление квартальных и годовых отчетов по численности этих видов и планирование их добычи. В период 1928–1930 гг. А.Ф. Чиркова принимала деятельное участие в выработке пушных стандартов совместно с А.П. Кузякиным и Д.М. Вяжлинским.

Прогнозирование промысла стало основной задачей лаборатории, перешедшей в ведение Всесоюзного объединения «Заготживсырье» при Наркомземе СССР. Базой при составлении прогнозов должны были служить сведения из различных регионов страны. Для их сбора в ЦНИЛ В/О «Заготживсырье» была создана обширная корреспондентская сеть (начало ее было положено, по-видимому, еще при Б.М. Житкове), включавшая в основном профессиональных охотников, егерей, лесничих и т.п. В пополнении сведений охотно принимали участие научные сотрудники провинциальных институтов и вузов. Кроме того, существовали так называемые «опорные пункты», на которых сбором информации занимались постоянные сотрудники. Иногда в ЦНИЛ приезжали по мере надобности кураторы отдельных тем. Анна Федоровна сама выезжала за сбором материала на Кировский стационар и в некоторые другие пункты европейского и сибирского севера. В 50-х гг. она работала на Таймыре, собирая материалы по лисице и песцу.

У А.Ф. Чирковой с корреспондентами всегда складывались прекрасные отношения. Она умела с ними ладить, была, что называется, «хорошим товарищем». Была лично знакома и дружила со многими охотниками-промысловиками, присылавшими ей сведения (анкеты) по численности пушных зверей, а также грызунов (кормовой базы хищников). Многие из них считали за честь переписываться с Москвой. Анна Федоровна пользовалась большим авторитетом и уважением среди своих корреспондентов, и это было залогом разностороннего многолетнего сотрудничества.

Мне довелось работать вместе с Анной Федоровной в ЦНИЛ В/О «Заготживсырье». По окончании биологического факультета МГУ меня распределили в эту лабораторию соответственно полученной от них заявке. Зачислили меня с 1.01.1940 г. на должность младшего научного сотрудника и поручили проведение учетов грызунов на некоторых опорных пунктах, обобщение всех данных корреспондентов и составление прогнозов численности мелких грызунов как корма пушных хищников. Эти сведения непосредственно использовались Анной Федоровной в ее прогнозах.

Так мы работали вместе до войны. В самом начале Великой Отечественной войны при первых бомбардировках Москвы мы укрывались вместе в одной «щели», вырытой для сотрудников ЦНИЛ и населения соседних домов. Бомбардировки производили на Анну Федоровну гнетущее впечатление. Вскоре она эвакуировалась из Москвы вместе с маленькой дочерью Ириной.

Вернулась Анна Федоровна в Москву, в ту же лабораторию и на то же амплуа, по-видимому, в начале 1944 г. Однако все уже изменилось. Прежней «Лосинки» не стало: лабораторию перевели в помещение Института зерна на Дмитровском шоссе. После возвращения Анна Федоровна продолжала свою деятельность по прогнозам промысла пушных хищников, особое внимание уделяя лисице. Именно этот вид, по которому ею был со-

бран огромный многолетний материал, послужил предметом ее докторской диссертации.

В послевоенные годы было модно переселять учреждения из столицы в иные города. Решили, что пушными зверями лучше заниматься в городе Кирове, тем более, что там уже существовал филиал. Поэтому институт перевели в Киров и объединили с уже имевшейся базой во Всесоюзный научно-исследовательский институт охоты и звероводства (ВНИИОЗ). Многие, в том числе и Анна Федоровна, в Киров не поехали.

Оставшись в Москве, она продолжала работу над своей диссертацией, которую в сжатом виде ей удалось опубликовать в трудах ВНИИОЗ, издававшихся уже в Кирове (1975).

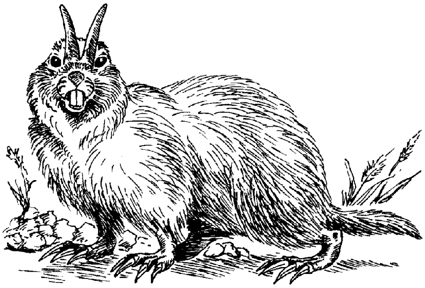
Это обширная обобщающая статья «Динамика заготовок и ресурсов обыкновенной лисицы в лесной зоне и на северных окраинах СССР», где А.Ф. Чиркова подводит итоги своих многолетних исследований. Рассматривается динамика заготовок лисьих шкур по 9 группам областей лесной зоны, выделенных автором по картам растительности СССР 1939 и 1960 гг. Детально описаны многолетние изменения объема промысла, приведены исторические сведения XVIII—XIX вв., полные циклы (от пика до пика) изменений, как правило охватывающие 2—4 года, и анализируются возможные их причины. Одной из основных причин считается урожай кормов. А.Ф. Чиркова дает обоснованные рекомендации к промыслу лисицы и перспективы увеличения добычи ее в дальнейшем на фоне антропогенных изменений. Подобные сведения не могут устареть и будут полезны любому исследователю, изучающему данный вид. Таким образом, Анна Федоровна успела оставить настоящий памятник своей деятельности.

Скончалась она в Москве в 1978 г. в возрасте 75 лет.

Н.В. Башенина

НИНА СЕМЕНОВНА ШЕВЫРЕВА

1931–1996



Нина Семеновна Шевырева, крупнейший специалист по ископаемым грызунам Азии, родилась 4 января 1931 г. в семье московских служащих.

Ее отец Семен Данилович Силаев, происходивший из рабочей семьи, был фотографом. Мать Екатерина Алексеевна Силаева (в девичестве Варичева), дочь зажиточного петербургского купца, работала лаборантом в одном из научно-исследовательских институтов Москвы.

В 1949 г. Нина Семеновна окончила московскую среднюю школу и в 1950 г. поступила на работу в Палеонтологический институт АН СССР лаборанткой в лабораторию моллюсков. С этим институтом и с палеонтологией вообще в дальнейшем оказалась связанной вся ее жизнь. Здесь она прошла путь от препаратора до старшего научного сотрудника и специалиста высочайшего класса.

В 1951 г. Нина Семеновна поступила на вечернее отделение биолого-почвенного факультета МГУ и окончила его в 1957 г. В студенчестве ее излюбленной группой были современные грызуны, изучению которых она посвятила свою дипломную работу. Материалы для этой работы она собирала в экспедициях в казахстанских степях под руководством В.Е. Флинта. Годы ученичества, традиции кафедры зоологии позвоночных определили ее последующий профессиональный облик. Нина Семеновна была хорошим экологом, она любила и тонко понимала природу, и это в дальнейшем постоянно находило отражение в ее обобщающих работах.

В 1957 г. у нее родилась дочь Наталия Александровна. Она тоже стала биологом и работает ныне в Главном ботаническом саду.

Одно время Нина Семеновна с увлечением занималась фотографией, вероятно под влиянием отца; училась игре на рояле и

гитаре, много и с интересом читала, особенно любила произведения Станислава Лема. Позднее некоторые из своих вновь открытых видов млекопитающих она назвала в честь фантастических персонажей этого автора.

Огромный период в 30 лет (с 1961 по 1991 г.) Нина Семеновна посвятила раскопкам в Зайсанской котловине Восточного Казахстана. Эти богатейшие ископаемыми материалами места были ее большой привязанностью. Здесь ею было открыто более 50 местонахождений палеогеновых и неогеновых позвоночных. С помощью промывки Н.С. Шевырева собрала очень большую коллекцию остатков разнообразных третичных грызунов, насекомоядных и других мелких млекопитающих, птиц и рыб. Часть этих материалов легла в основу ее кандидатской диссертации «Палеогеновые грызуны Азии», другие были описаны во многих последующих работах. При подготовке диссертации были использованы также материалы, палеонтологических экспедиций в Монголию и Тургайский прогиб. Помимо традиционного морфологического метода, Н.С. Шевыревой была применена гистологическая методика изучения коренных зубов некоторых цилиндродонтид, что облегчило задачу систематического определения их остатков и в отдельных случаях дало возможность проследить эволюционную последовательность форм.

Монография, опубликованная в 1976 г., принесла Нине Семеновне международную известность и поставила ее в ряд ведущих мировых специалистов по ископаемым грызунам. В предисловии к этой монографии она писала: «По трудности изучения грызуны ни в коей мере не могут сравниться ни с одним другим отрядом млекопитающих, так как их родственные связи вплетены в сложную сеть конвергенции, дивергенции, параллелизмов. В то же время грызуны — интересный объект для наблюдения эволюции, они отличаются значительной приспособляемостью, выраженной в разнообразии биологических форм, быстрой сменой поколе-

ний, высокой плодовитостью и изменчивостью». Она прекрасно понимала, что находки древних грызунов в Азии имеют особое значение, поскольку этот регион был связующим звеном между Северной Америкой и Европой, а потому и центром смешения и расселения наземных фаун из различных зоогеографических областей и провинций на протяжении большей части кайнозоя.

Один из главных палеогеографических выводов, к которому пришла Нина Семеновна, состоит в том, что «эоценовые и олигоценовые отложения Азии характеризуются различающимися между собой комплексами грызунов. По общему составу палеогеновые грызуны Азии более сходны с североамериканскими, чем с европейскими». В работе была дана подробная фаунистическая характеристика каждого комплекса.

Будучи известным специалистом с мировым именем, Н.С. Шевырева нередко получала приглашения от иностранных коллег. Ей приходилось работать с материалами из интересных раскопок во Франции и Польше. Многие иностранные ученые приезжали в Москву для просмотра ее материалов и обсуждения различных научных проблем. Ею были созданы каталоги палеогеновых и неогеновых грызунов всего мира: систематический, библиографический и каталог местонахождений.

Сфера научных интересов Нины Семеновны не ограничивалась грызунами. Ею было открыто первое азиатское сумчатое, описаны миксодонты и древнейшие зайцеобразные Северного полушария. Она первая нашла и описала азиатских милагаулид, которые до этого считались эндемиками Североамериканского континента. Однако открытие Нины Семеновны опровергло это устоявшееся убеждение.

Судьба сводила ее с интересными и духовно богатыми людьми, с крупнейшими специалистами в области палеонтологии, морфологии, геологии. В своих публикациях она с благодарностью упоминает имена И.А. Ефремова, К.К. Флерова, Л.К. Габуния,

И.М. Громова, П.П. Гамбаряна, Б.А. Борисова, М. Доусона из Музея Карнеги (США) и К. Ковальского из Института систематической и экспериментальной зоологии в Кракове (Польша).

Уйдя на пенсию, Нина Семеновна продолжала изучение собранного ею материала. В последние годы одна за другой выходили в свет ее большие статьи с описаниями новых таксонов эоцен-миоценовых грызунов Азии, с анализом их филогенетических и зоогеографических связей. Полный список ее научных работ включает 64 наименования, в том числе 3 монографии. Собранные ею коллекции бесценны: они уникальны по объему, детальности сборов и систематическому разнообразию. Сегодня и в будущем они послужат основой для многих палеонтологических и биостратиграфических исследований.

Н.С. Шевырева была очень патриотичным человеком. Она высоко ценила отечественную науку, ее достижения, ее честь. К зарубежным коллегам и их материалам относилась с уважением, но без тени раболепия. Она ощущала свое превосходство как исследователь, как представитель великого государства и постоянно отстаивала интересы отечественной науки. Перед выездом во Францию Нина Семеновна была приглашена в ЦК КПСС для беседы. На вопрос: «Как Вы представляете себе свою основную задачу? » — она отвечала кратко: «Побольше взять, поменьше дать». Потрясенный чиновник встал из-за стола, быстро подошел к ней и долго жал руку. Видимо, здесь не так часто встречались столь преданные Отечеству люди. В переговорах с зарубежными коллегами, при договорах об обмене материала она ставила непременное условие: за один наш образец — три иностранных. И зарубежные партнеры соглашались на эти условия, так как прекрасно понимали правоту Нины Семеновны, ценность ее материалов.

Пока были силы, Н.С. Шевырева часто и подолгу работала в поле. За ее плечами были экспедиции в сложнейших условиях Средней Азии. В то же время она была аккуратным и домови-

тым человеком, женщиной, хозяйкой в полном смысле этих слов. Она прекрасно вязала и даже ткала. Дарила друзьям продукцию своего рукоделия. Любила и умела готовить. Она с удовольствием собирала друзей вокруг стола — дома или прямо в лаборатории. Частенько деловые визиты в дом № 12 на Кадашевской набережной, где помещалась часть лабораторий (и сотрудников) Палеонтологического института АН СССР, заканчивались чаепитием. Это был милый уголок старой Москвы. У радушной хозяйки всегда находилось что-нибудь собственного приготовления. Кроме того, продолжался показ и просмотр наиболее интересных новых образцов. Возникала дискуссия. За аргументами хозяйка, водрузив на нос очки, обращалась к коллекции, или к новейшим публикациям, только что ей присланным, или к свой картотеке.

Иногда чаепитие переходило в застолье, особенно если среди гостей были приезжие коллеги, лишенные в Москве домашнего уюта. Тогда варилась какая-нибудь особенная картошка, привезенная, например, из Казахстана, появлялась селедка или сосиски, разводился традиционный 50-градусный напиток полевиков. Случались и танцы. Пары вальсировали в тесном пространстве между столами с микроскопом и пишущей машинкой и стеллажами и шкафами с коллекциями. «Буйное веселье» выплескивалось и в узкий коридор, заставленный вьючными ящиками и образцами. Нина Семеновна хорошо и с удовольствием танцевала. В такие вечера обсуждались проблемы палеонтологии и зоологии Киева и Москвы, Ленинграда и Свердловска, Улан-Удэ и Тбилиси, Монпелье и Нью-Йорка, Алма-Аты и Пекина и др. Беседы иногда затягивались за полночь. Те, кто жил недалеко, «рассасывались» по домам, часть гостей и хозяйка ночевали тут же, в лаборатории. Для этого у Нины Семеновны всегда хранилось под столами или на шкафах 2—3 спальных мешка.

Жизнь на «Кадашевке» не была идиллической. Старый двухэтажный флигелек разваливался под напором времени и реконструкций, которые начались в этом районе, прилегающем к Третьяковской галерее. Подвал, где хранилась часть коллекций, периодически затапливался канализационными водами, в комнатах отключали то свет, то воду, возникали проблемы с туалетом. Но, несмотря на это, сотрудники института продолжали работать с маниакальным упорством.

Однако настал момент, когда Палеонтологическому институту пришлось оставить это помещение на Кадашевской набережной. Большая часть коллекций и оборудования Н.С. Шевыревой переехали к ней домой. И до самой смерти Нины Семеновны ее квартира была центром изучения палеогеновых грызунов. Позднее все ее коллекции, картотеки и библиотека оттисков были переданы в лабораторию млекопитающих Палеонтологического института РАН. Молодые специалисты продолжили эти исследования. Их дальнейшие успехи в изучении мелких млекопитающих палеогена Казахстана и Монголии базируются на фундаменте, который был заложен Н.С. Шевыревой.

В конце жизни Нина Семеновна особенно много времени уделяла анализу собранного материала, стремясь обобщить свои исследования. Консультировала молодых специалистов, передавала им свой обширный профессиональный опыт.

Скончалась Нина Семеновна Шевырева 14 августа 1996 г. после тяжелой болезни. Физические недуги омрачали последние годы ее жизни. Но они не сломили ее волю, ее дух. Она работала упорно и очень продуктивно. Она была яркой и талантливой личностью.

А.К. Агаджанян

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШИЛОВ

1921–2001

Игорь Александрович Шилов родился 9 апреля 1921 г. в Подольске. Интерес к зоологии проявился у него еще в раннем детстве, что и привело его в легендарный КЮБЗ, которым в те годы руководил известный зоолог П.А. Мантейфель.

Неутомимая энергия, подвижность, приветливость и вместе с тем исключительная преданность делу с первых дней сделали Игоря заметной фигурой среди тогдашних зоопарковских юннатов. Они тут же присвоили ему дружелюбное прозвище Тютька, сохранившееся за ним на долгие годы.

Первым объектом научных наблюдений для Игоря стали куньи, а его первым научным наставником в те годы был Л.Г. Динесман, возглавлявший тогда загородные выезды кружковцев.

Игорь быстро освоился в зоопарке и получил свое собственное научное задание — наблюдать за поведением соболей. Уже тогда он отличался исключительной серьезностью в отношении к порученному делу. Как-то раз из незапертой клетки выбралась довольно агрессивная соболюшка Машка. Все растерялись. И только Игорь тут же бросился в погоню, накрыл зверька халатом и возвратил на место. Проработал он в соболятнике в течение нескольких лет, фактически выполняя обязанности зоотехника. Выдержки из дневника его наблюдений за соболями в те годы были опубликованы в журнале «Юный натуралист» (1936).

Со школьным образованием Игорю повезло. Он окончил бывшую гимназию, в которой с прежних времен сохранился коллектив блестящих преподавателей, сумевших привить своим ученикам целеустремленность, требовательность, принципиальность

и логичность рассуждений, что навсегда стало неотъемлемой чертой характера большинства выпускников этой школы, в том числе и И.А. Шилова.

В 1939 г. Игорь Александрович поступил на биологический факультет МГУ. Вскоре он был призван в ряды Советской Армии, участвовал сначала в финской кампании, затем в Великой Отечественной войне и продолжить учебу в университете ему удалось лишь через 6 лет. Он окончил биолого-почвенный факультет только в 1950 г. Вся последующая жизнь и деятельность И.А. Шилова связана с Московским университетом. Дипломную работу и кандидатскую диссертацию он подготовил и защитил под руководством профессора А.Н. Формозова. Обе работы, посвященные экологии околоводных млекопитающих — бобра и водяной полевки, внесли существенный вклад в создание и развитие концепции типов поселений наземных грызунов. Они же послужили основой для дальнейших разработок общих закономерностей структуры и функционирования популяций животных как биологических систем надорганизменного уровня. Исследования в этом направлении впоследствии выдвинули Игоря Александровича в число ведущих экологов.

После защиты кандидатской диссертации И.А. Шилов стал сотрудником Звенигородской биостанции МГУ, где вместе с группой коллег создал лабораторию экспериментальной экологии. В первые годы основное внимание в исследовательской работе уделялось птицам, главным образом закономерностям их теплообмена. Результаты этой работы были обобщены в докторской диссертации и затем опубликованы в виде монографии, в которой рассматриваются адаптивные изменения теплопродукции и теплообмена взрослых птиц и становление терморегуляции в процессе онтогенеза. Игорю Александровичу удалось выявить значение приспособительного поведения птиц в различных температурных условиях, роль температурного

фактора в протекании биологических циклов и в динамике численности птиц.

В эти же годы им разработана методика проведения лабораторного экологического практикума для студентов кафедры, который и в настоящее время продолжают вести его ученики (написано и издано руководство по практикуму).

С 1960 г. Игорь Александрович — ассистент, затем доцент, а с 1966 г. профессор кафедры зоологии позвоночных животных. В течение ряда лет он участвовал в проведении Звенигородской летней практики для студентов-биологов, разработал и опубликовал методические основы ее проведения. Кроме посещения обязательных общих экскурсий по зоологии студенты должны были выполнить небольшое самостоятельное научное исследование в русле тех проблем, которые решали занятые на практике сотрудники факультета. Зачастую студенческие работы оказывались составной частью научных публикаций, а иногда издавались и как самостоятельные краткие научные сообщения. Многие эксперименты, результаты которых вошли в докторскую диссертацию И.А. Шилова, были выполнены студентами на летней практике в период гнездования мелких воробьиных птиц. Игорь Александрович всегда выражал глубокую благодарность студентам, без участия которых не всегда возможно выполнение необходимого объема наблюдений. В начале 50-х гг., приняв эстафету от своего учителя А.Н. Формозова, он несколько лет проводил на биостанции зимнюю практику, послужившую для многих школой познания особенностей жизни животных в зимнее время.

Звенигородская биостанция занимала особое место в жизни Игоря Александровича. Здесь с ним были его ученики и сотрудники, активно участвовавшие в его исследованиях. Постоянно в неформальной обстановке горячо обсуждались самые актуальные экологические проблемы. На биостанцию к Игорю

Александровичу часто приезжали для консультаций и совместной работы его коллеги не только из Москвы, но и из других городов нашей страны, а когда это было возможно — и из-за рубежа. По его инициативе был создан научный совет биостанции, которым он руководил много лет. Совет координировал выполнявшиеся на биостанции работы по зоологии, ботанике и почвоведению. Выдержка, такт, умение Игоря Александровича считаться с мнением окружающих способствовали созданию теплой, дружественной атмосферы. И сейчас, после ухода Игоря Александровича, его коллеги и ученики должны сделать все, чтобы любимая нами биостанция оставалась центром научной работы и подготовки студентов-биологов, которые придут нам на смену.

После защиты докторской диссертации основные научные интересы И.А. Шилова были посвящены разработке концепций пространственно-этологической структуры популяций млекопитающих, популяционного гомеостаза и эколого-физиологических механизмов его поддержания. Основными объектами исследований были мышевидные грызуны: лесные мыши и рыжие полевки в Подмосковье, полевки-экономки в Дарвиновском заповеднике. Новаторство этих работ заключалось в сочетании полевых наблюдений за характером использования зверьками территории и формированием их внутрипопуляционных группировок с лабораторными экспериментами по определению физиологического состояния отдельных особей, занимающих различное положение в системе внутригруппового иерархического соподчинения.

Эти многолетние исследования показали, что популяции животных представляют собой сложные системы со специфическими функциями и структурой. Устойчивость популяций, их относительная самостоятельность на фоне меняющихся условий среды определяют характер взаимодействия с популяциями других ви-

дов в составе биоценоза (принцип гомеостаза популяций как целостных биологических систем). Механизмы поддержания популяционного гомеостаза определяют как общую адаптированность популяции данного вида по отношению к наиболее устойчивым условиям среды, так и лабильные приспособительные реакции, поддерживающие необходимый уровень стабильных адаптаций при кратковременных отклонениях условий от некоторых средних величин. Результаты этих исследований были обобщены И.А. Шиловым в монографии «Эколого-физиологические основы популяционных отношений у животных» (1977). Книга «Экология и экофизиология» опубликована на английском языке.

Работы популяционного направления внесли заметный вклад в развитие современной экологии. Признанием научных заслуг Игоря Александровича стало его избрание в 1984 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1994 г. — действительным членом РАН.

В 1990 г. в составе авторского коллектива И.А. Шилову была присуждена Государственная премия СССР в области науки и техники за комплексное исследование млекопитающих (систематика, экология, охрана).

И.А. Шилов опубликовал около двухсот работ, в том числе несколько монографий.

Интенсивную научную работу И.А. Шилов успешно сочетал с активной педагогической деятельностью. В течение ряда лет он читал курсы лекций по зоологии позвоночных и экологии животных для студентов биологического факультета, слушателей факультета повышения квалификации и студентов-биофизиков физического факультета МГУ. В 1998 г. И.А. Шилову было присвоено почетное звание «Заслуженный профессор Московского университета».

Игорь Александрович читал лекции в университетах Владивостока, Днепропетровска, Минска, Саратова, Свердловска,

Ашхабада, Самарканда, Фрунзе, в столицах всех прибалтийских республик. Его неоднократно приглашали для чтения лекций в университеты Болгарии, Польши, Чехословакии и ГДР.

Курсы лекций и практикумов послужили основой для написания нескольких учебников и учебных пособий. Это «Практикум по экологии наземных позвоночных животных», «Малый практикум по зоологии позвоночных» (в соавторстве с В.Е. Соколовым и Н.Н. Карташевым), «Общая орнитология» (в соавторстве с Н.Н. Карташевым и В.Д. Ильичевым), «Физиологическая экология животных», «Общая зоология» (в соавторстве с С.И. Левушкиным). И, наконец, формально считающаяся учебником, но по существу фундаментальная научная монография «Экология», выдержавшая три издания (1997, 2000, 2001). (К глубокому сожалению, третье издание автору не суждено было увидеть.) В этой книге обсуждаются основополагающие проблемы экологии, основные механизмы устойчивого существования биологических систем на организменном, популяционном, экосистемном уровне и биосферы в целом. Характер же антропогенного влияния на экосистемы определяет научные основы охраны природы и рационального использования биологических ресурсов. Материалы книги способствуют формированию биоценотического мировоззрения молодежи. Сам Игорь Александрович считал «Экологию» итогом своих многолетних исследований наиболее актуальных проблем экологии животных.

К педагогической деятельности И.А. Шилов относился с особым вниманием. При подготовке курсов лекций он всегда вносил в них дополнения и изменения по мере появления новых публикаций. Обычно приходил на факультет за час-полтора до начала лекции, чтобы еще раз все продумать и сосредоточиться. Эти часы были «табу» для сотрудников. Только такое отношение, по его мнению, обеспечивало максимальную отдачу. В пе-

рерыве между лекциями его окружали студенты, которые обращались с самыми разными вопросами, возникавшими по ходу курса, а зачастую касавшимися и общетеоретических проблем. До последних лет жизни он участвовал в экзаменационной сессии, считая, что только здесь можно судить об особенностях изложения лекционного материала и его доступности для студентов (обратная связь всегда была, с его точки зрения, необходимым условием высокого уровня лекционных курсов). Игорь Александрович был лектором, как говорят, от Бога. Удивляя своих слушателей, он заканчивал лекцию обобщающей фразой, совпадающей со звонком на перерыв. Соблюдение регламента было характерно и для его выступлений на съездах, конференциях и более частных заседаниях. Четкость, емкость, логичность всегда были присущи его докладам.

В течение многих лет Игорь Александрович был заместителем заведующего кафедрой зоологии и сравнительной анатомии позвоночных животных, а в конце жизни был избран заведующим кафедрой.

Наряду с преподавательской и административной деятельностью И.А. Шилов активно участвовал в общественно-научной жизни университета. В течение 20 лет он был председателем специализированного совета по защите диссертаций на биологическом факультете МГУ, членом административного совета, членом ученого совета МГУ, заместителем председателя совета МГУ по проблеме «взаимоотношения человека и биосферы». Ряд лет руководил работой группы сотрудников нескольких кафедр, выполняющих исследования по теме «Изучение структурно-функциональной организации экосистем в целях оптимизации их использования в различных областях народного хозяйства и в сфере охраны природы». И.А. Шилов награжден многими правительственными наградами и грамотами Минвуза.

По характеру Игорь Александрович был добрым и мягким человеком, но всегда, когда это касалось дела, проявлял твердость и принципиальность. Он часто бывал оппонентом на защитах диссертаций и рецензировал рукописи (в том числе курсовые и дипломные работы студентов), очень внимательно читал представленные работы и давал развернутый (а не формальный) отзыв, решительно указывая на недоработку или ошибочность, поверхностность тех или иных положений, избегая расплывчатых и обтекаемых определений.

Бесконечные заседания, большое количество документов, требующих ответа, телефонные звонки не давали возможности напряженно и собранно работать над рукописями. Это удавалось делать только на Звенигородской биостанции МГУ по окончании летней практики студентов и во время зимнего отдыха в Крыму. Игорь Александрович очень любил море: вечно изменчивое, размеренно набегающее на берег или грозное, штормовое, но всегда прекрасное, оно давало ему заряд энергии. Вернувшись с прогулки, он садился работать. Многие его книги написаны именно там.

Много сил и энергии И.А. Шилов отдавал деятельности Всесоюзного териологического общества, будучи сначала членом-учредителем, а с 1978 по 2001 г. его вице-президентом, возглавляя комитет по организационным вопросам и оставаясь бессменным председателем программных комиссий всех съездов общества. Игорь Александрович участвовал в составе советской делегации в международных териологических конгрессах в Чехословакии, Финляндии и Канаде. Он был членом редакционной коллегии серии «Вопросы териологии», ответственным редактором тома этой серии «Структура популяций у млекопитающих» (1991). В 1995 г. возглавил программную комиссию международного совещания «Состояние териофауны в России и ближнем зарубежье», ставшего заметным событием в жизни Териологического общества.

С 1985 г. Игорь Александрович возглавлял научный совет по проблемам экологии биологических систем, призванный курировать фундаментальные исследования. Одним из направлений деятельности совета было проведение ежегодных чтений, посвященных памяти академика В.Н. Сукачева. Под руководством И.А. Шилова было проведено 15 таких конференций. Отличительной особенностью его руководящего стиля являлось личное участие во всех мероприятиях, связанных с выбором темы очередного совещания, определением состава участников, а также обсуждение тем докладов, редактирование статей будущего сборника и т.д. На подавляющем большинстве чтений И.А. Шилов делал вступительный доклад, вел заседание и подводил итоги прослушанного.

Под непосредственным руководством Игоря Александровича совет вел многоплановую работу, включающую проведение совещаний разного уровня, издание сборников статей и монографий, формирование проектов и программ.

Примером издательской деятельности является ежегодная публикация трудов совещания «Чтения памяти академика В.Н. Сукачева», издание двухтомника «Экология популяций: структура и динамика» (1995), издание на русском и английском языках 1-го тома коллективной монографии «Экология в России на рубеже XXI века» (1999) и т.д.

Особенно теплые, дружеские отношения сложились у Игоря Александровича с сотрудниками биологической станции в Рыбачьем. Он горячо поддерживал экологическое направление работ орнитологов этой станции, затрагивающее самые разные стороны жизни птиц. Его выступления на ученом совете Зоологического института как официального оппонента на многих защитах кандидатских и докторских диссертаций были всегда яркими и опережающими время.

Неоднократно Игорь Александрович выступал с докладами в институте экологии растений и животных УрОРАН, оппони-

ровал ряд диссертаций, читал лекции в Свердловском университете, был другом и учителем многих его сотрудников.

Неизменным спутником Игоря Александровича во время многочисленных поездок по нашей стране и за рубежом был фотоаппарат. Он много и увлеченно снимал, тщательно отбирая кадры, каждый из которых получал свой номер, как и каталожную карточку, куда были занесены дата и краткое описание (в картотеке порядка 2000 слайдов). Много раз эти слайды с удовольствием просматривали в самых разных компаниях.

Игорь Александрович по своей натуре был консерватором, любое нарушение сложившегося стереотипа выбивало его из колеи. Обычно каждое утро начиналось с зарядки (потом душ). Он старался не отказываться от этой привычки в поездках и даже в больнице, где в последнее десятилетие жизни ему пришлось побывать шесть раз. Многие годы, когда мы работали на биостанции, он рано утром отправлялся на берег Москвы-реки, шел босиком по лугу, а после зарядки купался в любую погоду (обычно с начала июня до конца августа). Даже холодный дождь и ветер не нарушали этот ритуал. Зимой в санатории подолгу плавал в бассейне.

Консерватизм Игоря Александровича сказывался и на его манере одеваться. Обычная форма одежды — строгий костюм (правда, со временем появились и джинсы). Разнообразие вносили многочисленные галстуки. Как рассказывали студенты, они иногда заключали пари — в каком галстуке появится профессор на очередной лекции.

Его монографии, учебники, фундаментальные труды надолго останутся в учебных курсах. Хочется верить, что они и впредь будут вдохновлять будущих исследователей.

Память о И.А. Шилове будет жить в сердцах тех, кто читал его книги, слушал его лекции и консультации, общался с ним,

обсуждая или решая профессиональные и житейские проблемы. Его советы, такт и участие многим помогали в трудных ситуациях.

А.Н. Солдатова

ПЕТР БОРИСОВИЧ ЮРГЕНСОН

1903—1971

Без преувеличения можно сказать, что доктор биологических наук, профессор Петр Борисович Юргенсон был ведущим специалистом охотничьего хозяйства и научного охотоведения.

Большой опыт полевой работы, блестящее знание специальной литературы, иностранных языков, широкий кругозор и трудолюбие дали ему возможность создать крупное научное направление — прикладную экологию в области охотничьего хозяйства.

Петр Борисович родился в 1903 г. в Москве. Его дед и отец были крупными издателями и владельцами известных нотных магазинов. Все произведения знаменитых русских композиторов XIX – начала XX в. были изданы Юргенсонами. Нотные магазины — один возле Большого зала Московской консерватории, другой на Неглинной улице — когда-то принадлежали этой семье.

Интеллигент в третьем поколении, П.Б. Юргенсон был человеком высокой культуры, большим знатоком музыки и живописи, истории культуры различных народов, этнографии. Он играл на гобое, писал дивные акварели, раздаривая их своим друзьям.

Всегда спокойный и уравновешенный, он умел слушать собеседника, с ним можно было спорить, но, убедившись в своей правоте, он делался непоколебимым. Петра Борисовича вспоминают и как редкостно надежного и порядочного человека. Подав какую-либо идею и потом помогая своим сотрудникам советами при ее воплощении, он категорически отказывался от своей подписи в статье или отчете. В списке его работ практически нет книг и статей в соавторстве.

При всей разносторонности знаний главным его увлечением, а потом и делом жизни стала зоология. С 10 лет он начал работать учеником-типографом, а в 1924 г. окончил Московский государственный университет по специальности «искусствоведение» и параллельно прослушал курс зоологии позвоночных животных.

В 1930 г. Петр Борисович стал научным сотрудником Центральной лаборатории биологии и промысловой охоты, которой руководил профессор Б.М. Житков. С этого момента он навсегда связал свою судьбу с научным охотоведением, с экологией охотничье-промысловых животных, с развитием охотничьего хозяйства и заповедного дела в нашей стране.

С 1935 г. П.Б. Юргенсон длительное время работал научным руководителем различных заповедников: Алтайского, Печоро-Илычского, Куйбышевского, Центральнолесного. Здесь он провел серию замечательных исследований по экологии и учету охотничьих животных, особенно куньих, и в 1936 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию.

В 1941 г. с начала войны Петр Борисович ушел на фронт. В 1942 г. в боях под Старой Руссой он был ранен. За заслуги перед Родиной он был удостоен пяти правительственных наград.

Благодаря большому опыту организации научных работ П.Б. Юргенсон в 1951 г. был назначен руководителем научного отдела Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР. В 1953 г. он защитил диссертацию на соискание степени доктора биологических наук.

В последующие годы П.Б. Юргенсон заведовал лабораторией лесного охотоведения ВНИИЛМа, а в 1970 г. был назначен заместителем директора по научной работе Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников Главохоты РСФСР. Снова он на любимой им Лосиноостровской даче, где сорок лет назад начал свой творческий путь эколога и охотоведа.

П.Б. Юргенсон опубликовал более 170 научных работ. Значительная часть из них посвящена биологии и хозяйственному значению ценных пушных видов из семейства куньих — соболя, куницы, горностая, норки, выдры, хорька. Еще в 1931–1932 гг. в серии «Пушные звери СССР» вышли его первые книги: «Выдра», «Горностай», «Куница», «Ласка», «Норка», «Хорьки». Изучая эти виды до конца своей жизни, Петр Борисович стал лучшим в Советском Союзе знатоком куньих. В то же время в круг его интересов входили исследования и других видов животных — лося, рябчика, мышевидных грызунов.

Не обошел своим вниманием он и проблемы внутривидовой систематики и географической изменчивости вида. Им описано несколько географических рас горностая, печорская раса куницы.

Работы П.Б. Юргенсона охватывают широкий круг биологических и охотоведческих проблем. В них рассматривается, какие факторы определяют пригодность угодий для жизни вида, как реализуются кормовые ресурсы и защитные свойства угодий, какие количественные и конкурентные взаимоотношения складываются в биоценозах. Много внимания он уделял динамике численности охотничьих животных. Для охотоведов важно знать законы колебания численности зверей и птиц, чтобы научиться прогнозировать количественные изменения, а в некоторых случаях и активно вмешиваться в этот процесс.

Значительную ценность для практики охотничьего хозяйства имеют труды Петра Борисовича по учету фауны, бонитировке охотничьих угодий, расселению животных и их подкормке, по нормативам отстрела зверей и птиц в охотничьих хозяйствах.

Вместе с сотрудниками своего отдела во ВНИИЛМе он разработал теоретические основы охотустройства и дал практические рекомендации по ведению приписных охотничьих хозяйств, написал руководство по охоттаксации и сводную работу по расчетам пользования в охотничьих хозяйствах. Много сил

отдал Петр Борисович охране природы и заповедному делу. За более чем десятилетний срок работы в заповедниках накопился богатый биологический материал, позволивший сделать ряд важных теоретических обобщений.

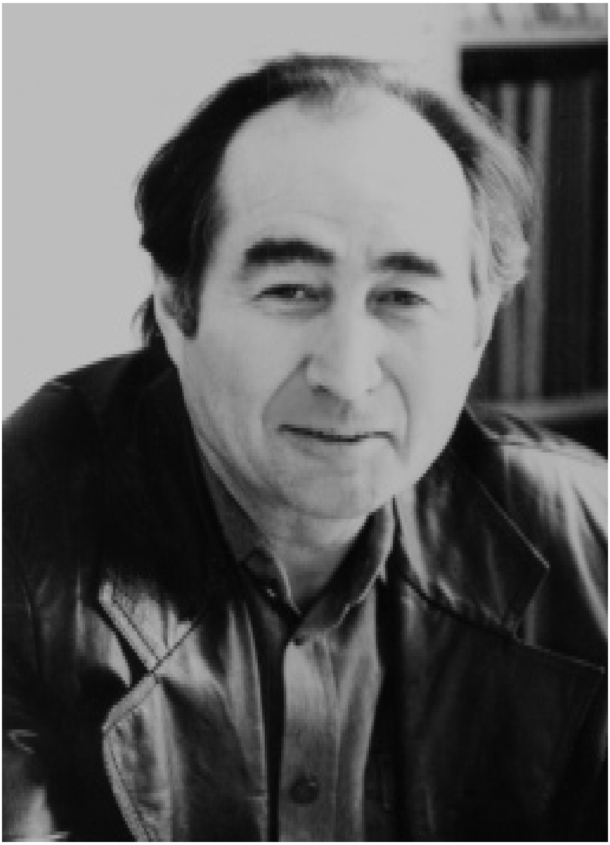
Большая эрудиция в общебиологических вопросах и в вопросах прикладной биологии, владение иностранными языками, редчайшее знание биологической литературы позволили Петру Борисовичу опубликовать около 200 рефератов в Реферативном журнале, более 10 обзоров иностранной литературы, сделать много блестящих докладов на зоологических и охотоведческих конференциях. Над рукописью последней книги он трудился до последнего дня своей жизни. В ней подводится итог 40-летних исследований и наблюдений, которые позволили ему осветить широкий круг вопросов охотоведения с позиций современных представлений об общих экологических закономерностях. Рассматривая лес как среду обитания большинства видов охотничьих животных и особенности взаимоотношений их со средой, автор обращал внимание на экоклимат, возрастные и породные смены лесной растительности, защитные и кормовые свойства лесов, емкость угодий, задачи охотничьей типологизации лесов. Заключительная глава посвящена воздействию эксплуатации и других типов использования лесов под охотничье хозяйство, поскольку они служат важнейшими факторами, изменяющими среду и влияющими на население леса.

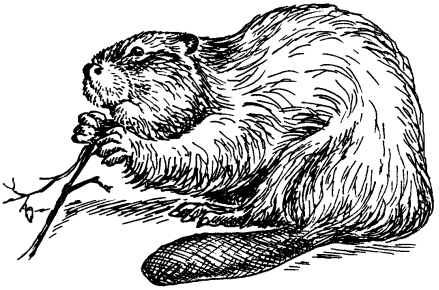
Все, кто имел возможность общаться с Петром Борисовичем Юргенсоном, знают, как скрупулезно он перерабатывал, дополнял и изменял текст будущей книги. К сожалению, он не успел закончить этот труд, но поднятые в рукописи вопросы до сих пор чрезвычайно интересны и актуальны.

В.В. Бибикова

ЮРИЙ ПОРФИРЬЕВИЧ ЯЗАН

1929–1999





Известный териолог, доктор биологических наук, профессор Юрий Порфирьевич Язан основу своего научного багажа приобрел за время работы в Печоро-Илычском заповеднике. В фундаментальной монографии «Звери Печорской тайги» он приводит результаты богатейших полевых исследований по экологии лося, бобра, куницы, соболя и кидуса. До сих пор остались непревзойденными его результаты по количеству исследованных лосей (около 800). Полученный им фактический материал по морфофизиологическим индикаторам, миграциям и промыслу сохатых является уникальным и еще многие годы будет служить предметом хорошей зависти и бесконечных ссылок ученых на столь благодатную и необходимую для охотничьего хозяйства и биологической науки информацию.

Юрий Порфирьевич не был потомственным северянином. Он уроженец юга России — из станицы Червленой, что на Северном Кавказе. «Терской казак», как он сам себя именовал. Казаки в XIX в. вели активную жизнь, особенно на пограничных российских территориях. Обычно казак пахал землю с винтовкой и шашкой, защищая посевы и скот от соседей-абреков. Нередко в жены они брали себе девушек из аборигенных кавказских племен, и мешалась пришлая русская кровь с кровью черноволосых и черноглазых потомков гор и предгорий. «Вот, смотри, я какой», — говорил мне Юрий Порфирьевич, поднимая свои и так высоко поднятые густые черные брови и открывая чуть раскосые небольшие карие глаза. На широком добром лице важно выступал большой, с легкой горбинкой нос. С за-

---

По материалам статей С. А. Корытина из журнала «Охота и охотничье хозяйство»: №10 за 1989г. и №9 за 1999г.

метной натяжкой можно было признать в нем представителя славянской расы, хотя по паспорту он числился украинцем.

Близко я познакомился с Юрием Порфирьевичем лишь в последние восемнадцать лет его жизни. Но один раз пришлось видеть его молодым человеком. Я тогда работал в аппарате Главохоты РСФСР, который в то время располагался в проезде Владимирова, что в самом центре Москвы. «Язан приехал, — сказал мне мой сослуживец Д.И. Плотников, — иди посмотри, он в коридоре стоит». Его уже тогда хорошо знали у нас как большого ученого — специалиста по экологии таежных зверей. Ю.П. Язан стоял прислонясь к стенке коридора. Руки у него были за спиной, а в них он держал большой портфель. Я увидел молодого человека хорошего роста, стройного и гибкого, с застенчивой улыбкой на лице. Его фигура выдавала лыжника, отличного спортсмена, очень подвижного человека, способного без труда преодолевать большие расстояния. Мальчишке из кавказских предгорий, где мороза и снега почти не бывает, пришлось исходить сотни километров на лыжах в приуральской тайге.

Насколько мне известно, попал Язан в печорскую тайгу случайно. Он успешно закончил Московский пушно-меховой институт, и подошло распределение. В то время организации, предприятия, институты присылали заявки на молодых специалистов в учебные институты с указаниями должности, размера зарплаты, обеспеченности жильем. Первыми шли обычно староста курса, секретарь комсомольской организации, затем краснодипломники и все остальные в зависимости от количества набранных за пять лет баллов (сумма оценок за пять лет учебы). Так вот, Юрию Порфирьевичу пришлось делить с приятелем В.Л. Рашеком два места научных сотрудников в заповедниках Печоро-Илычском и Барсакельмесском, что на Аральском море. Количество баллов у них было одинаковым. Вверили они судьбу жребию, и в результате Рашек поехал на Арал, а Язан на

Урал. Поначалу с трудом привыкал молодой специалист к уральским морозам и многоснежной зиме. «Ты кого мне прислал, — писал директор заповедника Г.Г. Шубин преподавателю МПМИ, своему приятелю П.Г. Репьеву, — это бай какой-то. Жена у него дрова колет, воду носит, а он на печке греется». Но быстро акклиматизировался новый научный сотрудник, привык к суровому приуральскому климату и повел интенсивную полевую работу.

Судьбы без детства не бывает. Юрий Порфирьевич родился в семье лесничего, а мама у него была врачом. Детство и отрочество проходили в богатейших в то время угодьях западного Прикаспия и предгорий. Охота захватила парнишку с головы до ног, и с четырнадцати лет он с ружьем и пойнтером Кадо стал охотиться самостоятельно. В тех местах всегда было неспокойно, а во время войны и после особенно, Кавказ всегда оставался горячей точкой. «С людьми лучше было в лесу не встречаться, — говорил мне Юрий Порфирьевич, — ну а уж встретился, близко сходиться нельзя. Незнакомца надо было держать на расстоянии. И если он просит закурить или что-нибудь поесть, давать ему можно было только на конце ружейных стволов». А дичи сколько было, особенно на пролетах, вспоминал Ю.П. Язан. В три слоя птица летела: дрофы и стрепеты, гуси и казарки, лебеди, журавли и потом тучи уток. День за днем, сутками все это кричало, свистело, крякало, гоготало, шелестело, резало воздух. Никаких патронов не хватало. Промахнуться невозможно. Охотничий рай. И Юрий стал страстным охотником.

Окончил школу, и, несмотря на возражения родителей, пути-дороги привели его в МПМИ, на звероохотоведческий факультет, отделения охотоведения. В те годы этот замечательный институт в Балашихе имел талантливейших учителей. Кумиром охотоведов был профессор П.А. Мантейфель, лауреат Сталинской премии, бескорыстный и честный человек. Весьма извест-

ные в мире науки профессора А.Г. Томилин, А.М. Колосов, Б.А. Кузнецов — крупнейшие специалисты в своей отрасли знаний. В становлении кафедры, в передаче студентам теоретических и практических знаний в области биологии и охотоведения принимали непосредственное участие крупные зоологи — профессора С.А. Северцов и С.П. Наумов, А.Н. Формозов и В.Ф. Ларионов, видные физиологи и микробиологи — профессор Г.И. Азимов, академик С.С. Перов, член-корреспондент С.П. Боголюбский. В свое время здесь работали генетики — академик Н.П. Дубинин, профессор П.Ф. Рокицкий. Что ни имя, то личность. Все эти люди в то время считались светилами биологической науки, и Ю.П. Язан прошел у них замечательную школу и получил солидную биологическую подготовку. Быстро протекали студенческие годы: лекции, лабораторные занятия, малые и большие практикумы, вечеринки, футбол и волейбол. Юрий Порфирьевич тогда был страстным футболистом.

И вот диплом биолога-охотоведа в кармане. Активность, ум и энергия, мягкость и интеллигентность молодого научного сотрудника были замечены, и вскоре он становится заместителем директора заповедника по научной работе. Практически одновременно он защищает кандидатскую диссертацию, посвященную экологии и путям хозяйственного освоения мигрирующих печорских лосей. Для сбора богатейшего материала он месяцами не вылезал из тайги и работал там без устали, изучая уникальное явление в экологии лося — его миграции, а также половой и возрастной состав популяции, способы добычи лосей и их эффективность. Диссертация заслужила высокую оценку.

Но не на одном лосе для Ю.П. Язана, как говорят, свет клином сошелся. Мир зверей заповедника был богат и разнообразен. И в поле научных интересов его попадают бобр и куница, соболь и кидус (последний не самостоятельный вид, а лишь гибрид между соболем и куницей). Такие гибридные особи часто

встечаются на стыке и при перекрывании ареалов этих двух близких видов на Западном Урале. Тем интереснее экология этого зверя.

Юрий Порфирьевич не просто наблюдатель. Он стремится к точности получаемых данных и разрабатывает прибор — актограф, с помощью которого изучает суточную активность лосей и бобров. Он устанавливает такие приборы на тропах мигрирующих лосей и на вылазах бобровых нор. Особенно эти сведения ценны для ночного времени, когда визуальные наблюдения мало эффективны или невозможны, а приборы ночного видения в заповедниках еще не появились. В трудах и заботах в заповеднике проходят 11 лет. Один за другим издаются труды, сборники научных статей. Непосредственное отношение к ним, к их редактированию и изданию имеет заместитель директора по научной части.

Подросли дети, и возникла проблема их обучения. Юрий Порфирьевич на короткое время переводится в Северо-Кавказское отделение ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства, в Краснодар, а затем в Киров, на должность заместителя директора по научной работе этого института. Административная работа требует много сил и энергии, но он находит время и для изучения экологии уже вятских лосей и собирает достаточно весомый материал по этой популяции. Находит он время и для любимого занятия — охоты. Он стреляет лосей на облавах и с подхода, любит постоять на утиной зорьке, бьет волчат «на вабу» и волков на облавах, тропит зайцев русаков и беляков, не забывает вальдшнепиную тягу, к которой особенно пристрастился в последние годы. Стрелок Юрий Порфирьевич был превосходный. На моих глазах он с сорока метров пулей положил крупного подсвинка, который во всю прыть мелькал среди кустов и деревьев. Жадность к трофеям ему была совершенно не свойственна. Его подарок — шикарные рога колымского лося —

ныне украшает лучшую аудиторию кафедры. Незадолго до кончины он говорил мне, что так хочется на зайчика из-под гончих постоять, а потом его в кастрюлю определить и с морковкой потушить. Не чурался Юрий Порфирьевич и рюмки. Особенно в последние годы любил выпить, причем часто употребляя всякую спиртовую смесь: водки, вина, ликера, виски. Делал коктейли или просто гремучие смеси и всегда предлагал попробовать.

В целом судьба была благосклонна к Юрию Порфирьевичу. Удачлив он был в друзьях и женщинах. Любили его и те, и другие. Начальство считало его хорошим работником.

Однажды его назначили директором Всесоюзного института охотничьего хозяйства и звероводства. Две недели продолжалось его руководство (я не знаю директора, у которого оно было короче), затем его неожиданно сместили. Это оказалось делом рук тогдашнего первого секретаря обкома Петухова. В те времена большинство секретарей обкомов, особенно первых, с этикой не считались. Это были мастера ломовых приемов и подковерной борьбы. Благородством, совестью и порядочностью они не отличались. После назначения Ю.П. Язана директором института Петухов немедленно выехал в Москву и через ЦК добился отмены приказа, чтобы сделать директором своего партийного ставленника. После такой обиды Юрий Порфирьевич покидает Киров и переезжает в Москву. К этому принуждают его и семейные обстоятельства. В Москве образовалась у него новая семья.

Он поступает на работу в Центральную научно-исследовательскую лабораторию (ЦНИЛ) охотничьего хозяйства и заповедников, где руководит отделом экологии охотничьих зверей и птиц. Человек бесконфликтный, чего нельзя сказать о сотрудниках этого отдела, Юрий Порфирьевич сумел создать благодатный климат в коллективе и творческую атмосферу. Советовал, но не навязывал, просил, но не пытался приказывать, ни-

когда не срывался на грубость или окрик. Ему это было совершенно чуждо.

Мы как-то быстро, по-хорошему сошлись с ним. Этому во многом способствовали родственность охотоведческих душ, взаимный интерес к шахматам, когда с истинно охотничьим азартом мы разыгрывали партию за партией; бесконечные рассказы про охоту и полевые работы в тайге, совместные выезды на лосиные и кабаньи охоты. В январе 1975 г. мы Ю.П. Язаном поехали на научную конференцию в Каунас. Она была посвящена проблеме «Лес и дикие копытные», в то время очень актуальной. По окончании конференции литовские коллеги для докторов наук и профессоров устроили охоту. По результатам ее Юрий Порфирьевич был признан королем, поскольку не сходя с номера убил лисицу, зайца и косулю. Всех «обстрелял», за что ему вручили специальный приз. Да, в то время Ю.П. Язан уже стал доктором наук. Тема его диссертации посвящена раскрытию популяционных механизмов динамики численности ценных охотничьих животных. Совместно поработать нам пришлось недолго. Юрий Порфирьевич перешел в Центральную лабораторию охраны природы МСХ СССР, где стал заведовать отделом заповедников. С преобразованием лаборатории во ВНИИ охраны природы и заповедного дела он был назначен заместителем директора по научной работе, а через четыре года стал главой этого института.

Находясь на административных должностях, Ю.П. Язан не забывает о научной работе. Под его редакцией и в соавторстве выходит в эти годы книга «Охота на копытных», а затем книга «Росомаха». В последнем случае он «потряс» свой таежный багаж и его хватило пусть на небольшую, но все-таки монографического плана книжку. Териологи знают, насколько трудны наблюдения за этим редким зверем, обитателем таежных и лесотундровых пространств.

С момента назначения его директором института охраны природы Ю.П. Язан выходит на международную арену. Он часто выезжает за границу и достойно представляет нашу страну на симпозиумах, совещаниях, научных конференциях, входит в различные международные комиссии. Он был вице-председателем комиссии по крупной дичи Международного союза охоты и охраны дичи; вице-председателем комиссии по национальным паркам; региональным советником и вице-президентом Международного союза охраны природы и природных ресурсов. Побывал в 17 странах Европы, Африки, Северной, Центральной и Южной Америки. Из последней поездки в Никарагуа он привез двух замечательных попугаев. Одного подарил кому-то из друзей, а второго оставил себе и назвал его Лори. Я часто видел эту крупную красивую птицу, поскольку Юрий Порфирьевич брал попугая на дачу, и тот гордо восседал в клетке среди ящиков виски и содовой на заднем сидении автомашины, ожидая в одиночестве, когда хозяин закончит лекции и дела на кафедре.

Долгие годы Юрий Порфирьевич был членом редколлегии самого крупного профессионального журнала «Охота и охотничье хозяйство» и не одному десятку научных статей открыл зеленый свет в печать.

За свою жизнь Ю.П. Язан опубликовал около двухсот научных работ и свыше пятидесяти научно-популярных и научно-художественных произведений. Последняя его работа — капитальный труд «Русская охота», охотничья энциклопедия, изданная в 1998 г., соавтором и соредактором которой он являлся.

В конце 80-х гг. Юрий Порфирьевич переходит на преподавательскую работу, возвращаясь на старое студенческое «пепелище» в Балашиху. Нет уже МПМИ, который разорили «преобразователи», «злопыхатели» в 1954 г. На его месте все в том же бывшем голицынском имении, среди лип, кленов, дубов и

сосен, которые до сих пор шепчутся и шумят на чудных аллеях парка и над речкой Пехоркой, поселился Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования (ВСХИЗО), ныне переименованный в Российский государственный аграрный заочный университет (РГАЗУ). Во ВСХИЗО стараниями бывшего ректора и заведующего кафедрой зоологии, всегдашнего опекуна и защитника охотоведов профессора А.М. Колосова было воссоздано отделение охотоведения. Биологи-охотоведы вернулись в Балашиху после 7-летнего перерыва. Юрий Порфирьевич в должности второго профессора читал лекции по биотехнии и охране природы. Вскоре он стал заведующим кафедрой и продолжал читать лекции — интересно, захватывающе и очень популярно. Я ни разу не видел в его руках какихлибо текстов, конспектов или других шпаргалок, коими часто пользуются современные преподаватели высшей школы. Ему, вероятно, это было совершенно не нужно. Он обладал богатейшим в нашей стране и за рубежом материалом на темы охраны природы и биотехнии. Студенты заслушивались его, как всякого человека, прекрасно владеющего своими знаниями и хорошо поставленной русской речью. После лекции к нему мгновенно прилипали кучки студентов и долго не давали уйти, задавая различные вопросы. Долгие годы работы в институте охраны природы сказались и на внутреннем мире, на сознании Ю.П. Язана. Он вспоминал об охотничьем хозяйстве, только в контексте проблем охраны природы, охотничьей фауны. Новые идеи захватили его очень сильно и нашли благодатную почву. Стоит вспомнить, что Юрий Порфирьевич начал свою трудовую деятельность не в охотничьем хозяйстве, а в заповеднике.

Ю.П. Язан охотно делился своими знаниями. У него после получения диплома доктора наук постоянно были аспиранты, большинство из которых успешно защищали диссертации. Попал и я под его крыло. Он был вторым моим руководителем.

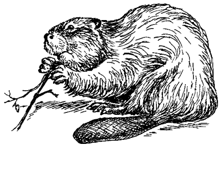
Перед приходом на кафедру Юрий Порфирьевич имел уже десять учеников, которые под его руководством получили диплом кандидатов биологических наук. На кафедре численный состав его аспирантов доходил до восьми человек. Одновременно он был председателем ученого совета по защите докторских диссертаций по специальности «звероводство и охотоведение». Благодаря обаянию, опыту, такту и вежливости председателя совет работал мастерски, без сучка и задоринки и все защиты проходили успешно. Замечания ВАКа отсутствовали.

Последние годы Юрию Порфирьевичу все труднее стало читать лекции, изменяла память. В лекциях уже не было той легкости и азарта, такого обилия фактов и новой информации. Он сильно уставал и заканчивал свой труд буквально взмокшим. Стал трудно ходить. На последней лосиной охоте в Павлово-Посадском районе Московской области отстал от команды метров на триста и догнал нас, когда мы его ожидали. Его мучил тремор, а это был грозный симптом. Человек угасал.

Значение научных трудов Ю.П. Язана для русского охотоведения и териологии несомненно. К уникальным исследованиям экологии таежных зверей, к теоретическим положениям этого крупного ученого, которые не выдуманы за столом или вычитаны из книги, а основаны на собственном фактическом полевом материале, не раз станут возвращаться впоследствии. Вот за это и будут его благодарить потомки.

Счастливая судьба, удачная и большая жизнь биолога-охотоведа и териолога.

М.Д. Перовский



СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
В.Е. Флинт 3
Банников Андрей Григорьевич
В.Е. Флинт, В.М. Галушин, Н.Н. Дроздов 7
Беляева Елизавета Ивановна
Е.Л. Дмитриева, Б.А. Трофимов 23
Бибиков Дмитрий Иванович
В.С. Лобачев 29
«***Об охотничьем детстве, своей семье и охоте***»
(Д.И. Бибиков) 41
Бобринский Николай Алексеевич
И.Я. Павлинов 48
Вершинин Александр Александрович
В.А. Кузякин, Б.В. Новиков 51
Воронцов Николай Николаевич
Е.Н. Панов, Е.В. Раменский 64
Годы работы в ЗИНе (П.П. Стрелков) 76
Слово об учителе (Э.С. Каляева) 85
Гептнер Владимир Георгиевич
М.В. Гептнер 92
Воспоминания (Н.К. Верещагин) 129
Воспоминания (С.Г. Приклонский) 137
Громова Вера Исааковна
Б.А. Трофимов, И.А. Дуброво, Е.Л. Дмитриева 142
Данилов Дмитрий Никитич
О.К. Гусев 148
Житков Борис Михайлович
В.К. Рахилин 162
Ильенко Андрей Иванович
Т.П. Крапивко 183

Ильина Елена Дмитриевна
Б.Д. Клятис 192
Капланов Лев Георгиевич
А.Н. Формозов 198
Карасева Евгения Васильевна
А.Ю. Телицына 208
Воспоминания (Э.И. Коренберг) 217
Воспоминания (А.Д. Бернштейн) 228
Карулин Борис Евгеньевич
Н.А. Никитина, Л.А. Хляп 236
Воспоминания (Е.В. Карасева) 243
Воспоминания (Н.В. Тупикова) 245
Воспоминания (Э.И. Коренберг) 247
Кириков Сергей Васильевич
А.А. Тишков 248
Клейненберг Сергей Евгеньевич
А.В. Яблоков, Г.А. Клевезаль 257
Клумов Сергей Константинович
Ю.А. Филиппова 267
Колосов Алексей Михайлович
С.А. Корытин 279
Воспоминания (М.Д. Перовский) 287
Кузнецов Борис Александрович
В.В. Рожнов 292
Кузякин Александр Петрович
Л.Н. Мазин, В.А. Кузякин, П.А. Пантелеев 322
Лавров Николай Петрович
Н.Н. Руковский 342
Мантейфель Петр Александрович
О.К. Гусев 356
«***Волшебный старик***» (С. Имшенецкий) 371

Морозова-Турова Лидия Георгиевна
Е.П. Пивоварова 375
Воспоминания (М.В. Васильева) 379
Воспоминания (И.Я. Павлинов) 380
Насимович Андрей Александрович
А.А. Тишков, М.А. Вайсфельд 384
Наумов Николай Павлович
А.Д. Поярков, Н.Д. Поярков 400
Воспоминания (Н.Д. Поярков, А.Д. Поярков) 414
Воспоминания (Е.В. Карасева) 419
Наумов Сергей Павлович
С.П. Шаталова, В.Т. Бутьев, В.М. Галушин,
В.М. Константинов 432
Никифоров Лев Петрович
Л.А. Гибет 445
Огнёв Сергей Иванович
В.Е. Флинт 460
«***Великий труженик и учитель***» (В.И. Осмоловская) 475
Орлов Юрий Александрович
В.И. Жегалло 480
Перелешин Сергей Дмитриевич
О.К. Гусев 502
Полежаев Владимир Георгиевич
Ю.В. Тощигин, В.К. Мелков, М.В. Ниязова 516
Решетов Валерий Юрьевич
А.В. Лопатин 526
Русанов Ярослав Сергеевич
А.С. Рыковский, В.В. Бибикова 539
Сабанеев Леонид Павлович
В.К. Рахилин 548
Северцов Сергей Алексеевич
С.Е. Клейненберг 560

Смирин Владимир Моисеевич
Ю.М. Смирин 572
Соколов Владимир Евгеньевич
В.С. Шишкин 587
«***Владимир Евгеньевич Соколов — лауреат Демидовской премии***» (В.Н. Большаков) 596
Стахровский Вольдемар Генрихович
С.А. Корытин 604
Судейкин Владимир Алексеевич
Л.Н. Мазин 613
Томилин Авенир Григорьевич
С.А. Корытин 625
Туров Иван Сергеевич
В.К. Мелков 636
Туров Сергей Сергеевич
Ф.Р. Штильмарк 645
«***70 лет с ружьем и фотоаппаратом***» (С.С. Туров) 656
Успенский Савва Михайлович
И.Я. Павлинов 667
Филонов Константин Павлович
К.Д. Зыков 670
Флеров Константин Константинович
Б.А. Трофимов 677
Формозов Александр Николаевич
А.А. Насимович 685
«***Александр Николаевич Формозов как педагог***» (И.А. Шилов) 704
Цалкин Вениамин Иосифович
Г.А. Новиков 714
Чиркова Анна Федоровна
Н.В. Башенина 727

Шевырева Нина Семеновна
А.К. Агаджанян 732
Шилов Игорь Александрович
А.Н. Солдатова 739
Юргенсон Петр Борисович
В.В. Бибикова 751
Язан Юрий Порфирьевич
М.Д. Перовский 756

Научное издание

Московские териологи

Корректор Т.В. Властовская
Компьютерная верстка О.В. Волцит

Товарищество научных изданий КМК, 111531 Москва, ш. Энтузиастов, 100—5—56
Изд. лицензия № 070831 от 14.04.1998

Подписано в печать 9.11.2001

Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Бумага офс. №1. Гарнитура Academy. Усл. печ. л. 48,2.
Тираж 400 экз. Заказ №
Отпечатано в 4-м филиале ВИ МО РФ.